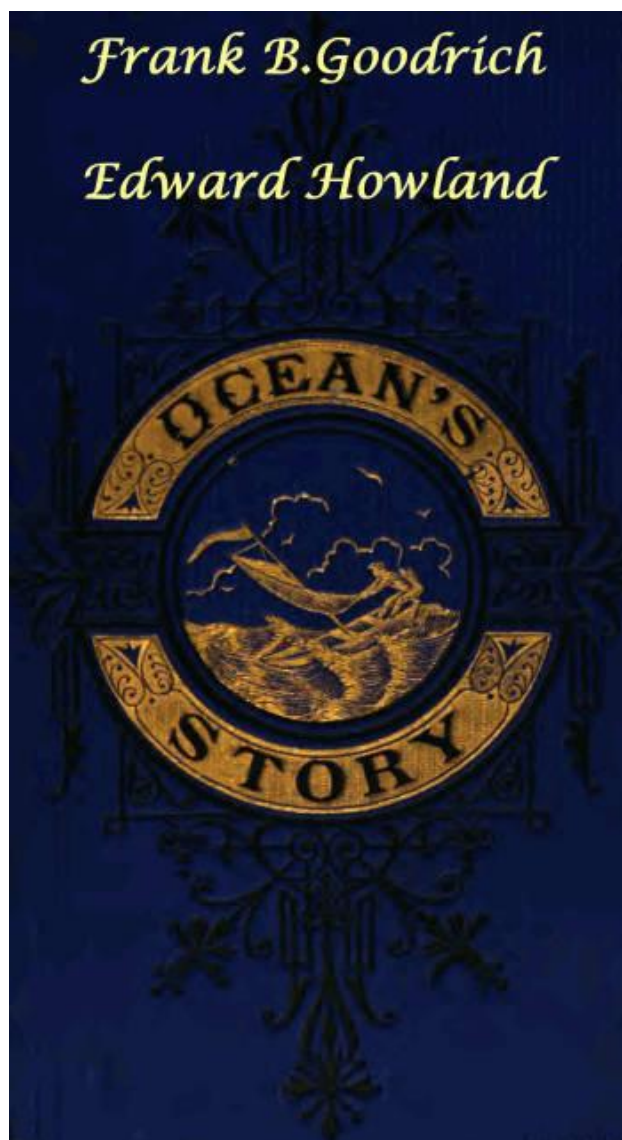

История океана, или триумфы
тридцати веков. Морские
приключения, достижения,
исследования, открытия и
изобретения; а также о расцвете и
прогессе кораблестроения и
океанской навигации, от Ковчега до
железных пароходов

Фрэнк Б. Гудрич

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Оушена, или Триумфы тридцати столетий

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История океана, или Триумфы тридцати веков

Автор: Фрэнк Б. Гудрич

Автор: Эдвард Хауленд

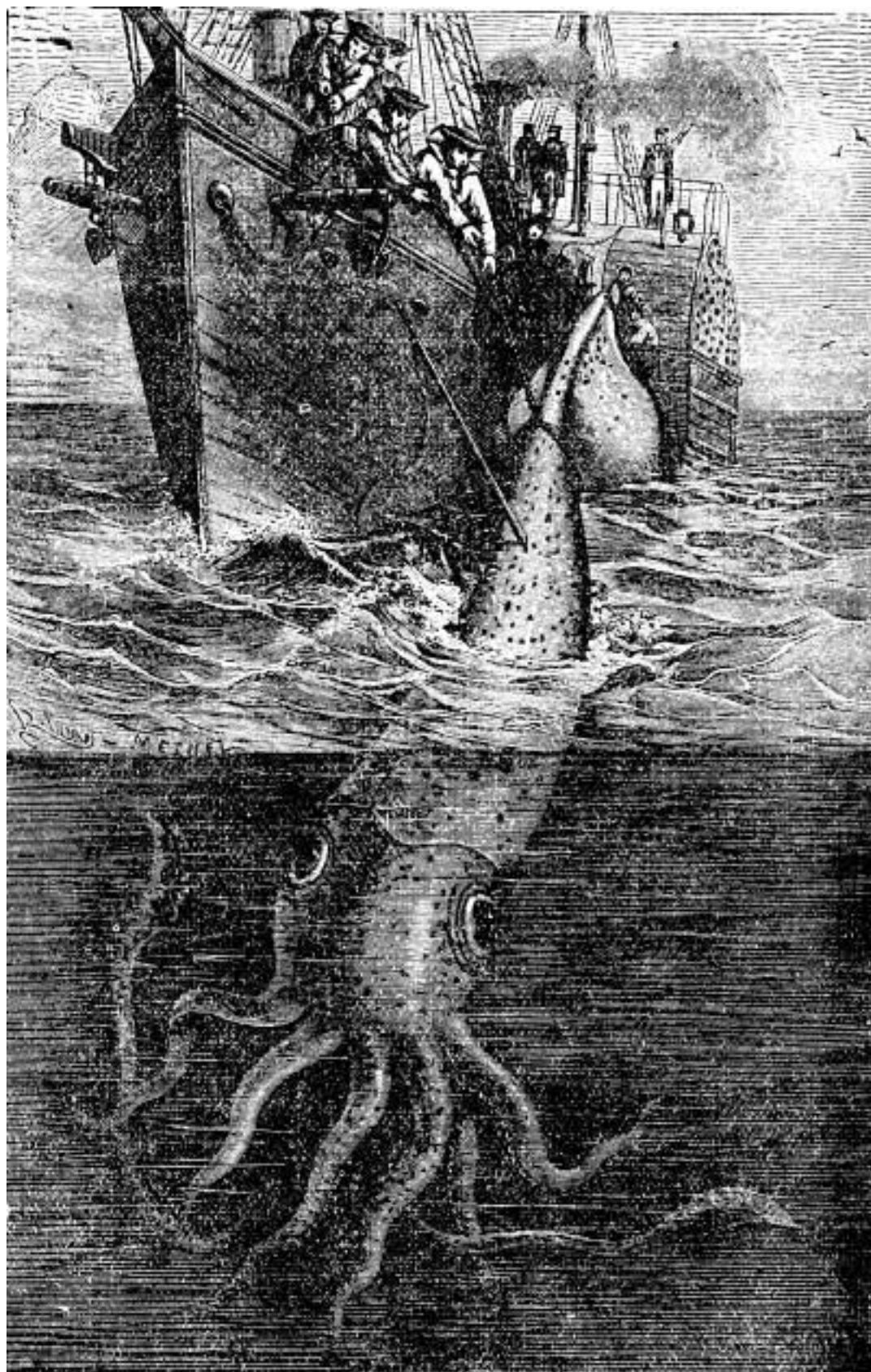
Дата выхода: 22 июля 2014 г. [Электронная книга № 46372]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джованни Фини, Крисом Керноу и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ОКЕАНА, ИЛИ ТРИУМФЫ ТРИДЦАТИ СТОЛЕТИЙ" ***

ГИГАНТСКАЯ РЫБА-КАРАКАТИЦА. См. стр. 649.

ИСТОРИЯ ОУШЕНА;

ИЛИ "Триумфы тридцати веков"; НАГЛЯДНОЕ ОПИСАНИЕ МОРСКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, достижений, исследований, открытий и изобретений, А ТАКЖЕ РАСЦВЕТА И ПРОГРЕССА КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ И ОКЕАНСКОЙ НАВИГАЦИИ ОТ "КОВЧЕГА" До ЖЕЛЕЗНЫХ ПАРОХОДОВ, АВТОР ФРЭНК Б. ГУДРИЧ, ЭСКВАЙР, АВТОР "ПИСЕМ ДИКА ТИНТО", "ДВОРА НАПОЛЕОНА" И Др.

С ОПИСАНИЕМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ПОД ВОДОЙ; ПОГРУЖЕНИЙ, ДНОУГЛУБИТЕЛЬНЫХ РАБОТ, ГЛУБОКОВОДНОГО ЗОНДИРОВАНИЯ, ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК И т.д., ПОДГОТОВЛЕННЫХ С БОЛЬШОЙ ТЩАТЕЛЬНОСТЬЮ

ЭДВАРД ХАУЛЕНД, эсквайр

АВТОР МНОГИХ ПОПУЛЯРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

БОЛЕЕ 200 ЯРКИХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ПРОДАЕТСЯ ПО ПОДПИСКЕ.

БРАТЬЯ ХАББАРД, ФИЛАДЕЛЬФИЯ, БОСТОН И ЦИНЦИННАТИ;

Издательство Valley Publishing Co., Сент-Луис и Чикаго; A. L. Bancroft & Co., Сан-Франциско; Фрэнк У. Оливер, Дэвенпорт, Айова; Х.А. В. Блэкберн, Детройт, Мичиган; Г. Л. Бенджамин, Фонд Дю Лак, Висконсин; Шайлер Смит и Ко., Лондон, Онтарио; У. Э. Эрскин и Ко., Сент-Джонс, Северная Каролина; Джонно. Киллам-старший, Ярмут, Новая Шотландия; М. М. Бернхэм, Сиракузы, Нью-Йорк
1875.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1878 году.

БРАТЬЯМИ ХАББАРДАМИ,
в офисе библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

Содержание.

РАЗДЕЛ I.

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН До НАЧАЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ.

Глава I—цель этой работы—океан в библейский период—чудеса моря—в античной мифологии—фантастическое и развлекали Северо-экватор—гигант канареек—море водорослей—призрак Кабо—постепенная сдача Тайны моря—это становится шоссе Наций—ее современном виде—поэтическое значение—ее нравственные уроки	19
Глава II.—Происхождение навигация—Наутилус—Сплит трость и Жук—бобра, плывущего по бревну—дуплистое дерево—первый каноэ—плавающий двух словах—весло—руль—Парус—традиции первым на яхте	31
Глава III.—Потопа и строительство ковчега—Аргументы измены против всемирного потопа—материал, из которого Ковчег был построен—его мощность, размеры, а форма—его пропорций скопировали в современных океанских пароходов	36
Глава IV.—Корабли, Коммерция, и навигация Phœnicians—их торговли с Офиром—Сидон и Тир—их плавания вокруг Африки—новые шины—патриотической Phœnician капитан—египтянин, а морской народ—своих кораблей и коммерции—евреи,—их географии—идеи на форму Земли—мир, как известно, евреям	46
Глава V. ранний морской истории греков—в экспедиции аргонавтов—суда, используемые в Троянской войне—судостроение во времена Гомера—Поэтическая география греков—Дворец Солнца—чудеса плавание вне видимости земли—география Гесиода—из Анаксимандр—Фалес, историк Геродот, Сократ, и Эратосфен—Великий Океан называется Атлантическим	54
Глава VI.—Строительство греческих судов—нос, корма, штурвал, весла, Рангоуты, паруса, канаты, валы, якоря—Biremes, триеры, Quadriremes, Quinquegemes—большой камбуз Птолемей Филопатор—Римской сосудов—их темно—имитировать морских боев—пять рейсов античности	65
ГЛАВА VII.—Плавание Ганнона Карфагенский—он видит, крокодилы, обезьяны, и вулканы—путешествие Himilcon Аль-Бион—путешествия и бесславная судьба Sataspes—персидский плавания Пифей в Phocian—священный мыс—новая атмосфера—Амбер—вернуться домой—в правдивости Пифей' повествования—экспедиция Неарх интернет —Македонский странные явления в небе—к Ichthyophagi—домов, построенных из костей китов—рыбной муки—битва с китами—неожиданная встреча—расстояние, пройденный Неарх—Плавание Евдокса вдоль Африканского побережья штата навигации на открытии Христианской эры	75
РАЗДЕЛ II.	
ОТ НАЧАЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ ДО ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАВИГАЦИИ, 1300 год н.э.	

ГЛАВА VIII.—Навигация во времена Римской Империи—восстание в Венеции и Генуе—крестовые походы—их влияние на торгово—свадебные Адриатики—создание французского флота—введение восточного искусства в Европе—картах Средневековья—дистанционное влияние Крестовых походов на географической науки	92
глава IX.—Скандинавские моряки,—их "пиратства" и торгово—англо-саксы—Альфред Великий корабль-застройщик—Вояж "Беовульфа" —Открытие Исландии датчане—Открытие Гренландия—путешествие Бьярни и Лейф на Американском континенте—их открытие Ньюфаундленд, Новая Шотландия, Остров Нантакет, и Массачусетс—приключения Торвальд и Торфинном—сравнение открытий северян с тех Колумба	99
глава X. "Путешествия Марко Поло" —первые упоминания о Японии в истории Хубилай—хана, Марко Поло, рейс из Сямэнь в Ормуз—Малакки, Суматры—пигмеев, единственном числе рассказы из алмазов—РПЦ—Поло не отражается на его возвращение—его заключение—публикация своего повествования—интерес пробудился в Китае, Японии, и на Острова Пряностей	108
глава XI.—Первое упоминание о Магнит в начале названия—первое упоминание о директиве власть—стихотворение на компас шестьсот лет—монах Бэкон Магнит—Магнит, в Аравии—свидетель его эффективности в сирийских водах в году 1240—магнитом в Китае—раннее упоминание о нем в китайских работ—изменения заметили в двенадцатом веке—другой открытий, сделанных китайскими—современный ошибки—Флавио Джойя—объятия Амальфи—Все записи потеряли первого рейса с компасом на европейском корабле	113
РАЗДЕЛ III.	
ОТ ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАВИГАЦИИ До ПЕРВОГО КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ МАГЕЛЛАНА: 1300-1519.	
ГЛАВА XII.—Португальцы на африканском побережье—испанцы и Канарских островах—Дону Генри Португалии—Грозный Мыс, теперь Мыс Bojador—священный мыс—Открытие Мадейры—страшный феномен—плодовитый Кролик и замечательный пожара—враждебность португальский дальнейшего морских приключений—залив лошадей—первый золотой пыли видели в Европе—Открытие Кейп Верд и Азорские острова—европейцы подходят к экватору—путешествие Када-Мосто—смерть Дон Генри—прогресс мореплавания под руководством этого князя	122
глава XIII.—Португальский пересечет экватор от Гвинеи до Конго—Иоанн II. задумывает идею маршрута по морю в Индию—его провоцируют, чтобы предотвратить вмешательство других государств—сухопутный путь Covillam в Индию—путешествие Бартоломео Диас—удвоение огромное Кабо—его крещение короля—вредные последствия успеха при португальский амбиции	133
глава XIV.—Рождение Христофора Колумба—его ранняя жизнь и образование—его первый рейс—его брак—его морской размышления—он вносит предложения на рассмотрение Сената Генуи, суд Венеции, а король Португалии—в двуличии из последних визитов Колумба в Испании—Хуан-де-Марчена—Колумбус ремонт в	137

Cordova—его второй брак—его письмом к царю—кондоминиум Саламанка—Коламбус решает стряхнуть пыль Испании с ног—Марчена письмо Изабелла—королева дарит публике в Колумбус—на условиях, предусмотренных последних Изабелла принимает на предприятия, в то время как Фердинанд остается в стороне

глава XV.—Порт Палос—суеверие моряков—рука Сатаны—птица, которая подняла судов в облака—Пинта и Нина—Санта-Мария—емкость испанская Каравелла—трех Pinzons—уход—Колумба журнал—руля Пинта неотправленный—изменение игла—вид тропической части Атлантического океана—плавающие растительности—Саргассово море—тревога и угрожал мятеж Матросов—недоумения Колумба—Земля! Земля! ложная тревога—признаки близости земли,—бормочет экипажей—открытое восстание подавлено Колумбус—плавающий камыш и пучки травы—Земля наконец—судов на якорь на ночь

147

глава XVI.—Открытие Гуаныхани, входящего—церемонии вступления во владение—разведка соседнего острова—искать золото—Куба положено Колумбом, чтобы Япония—людоедов Гаити—Возвращение домой—шторм—обращение к Богородице—прибытие на Азорские острова—проведение португальский Колумба в Лиссабоне—в Палос—в "Барселоне" —Колумбом во время второго путешествия—Открытие Гваделупа, Antigoa, Санта-Крус, Ямайка—болезни Колумбус—страшная битва между испанцами и дикари—Колумб возвращается в Испанию—его прием у королевы—его третий рейс—регион успокаивает—Открытие Тринидад и главного земель—Assumpcion и Маргарита—Колумб в цепях

158

глава XVII.—Подорванное здоровье Колумба—его четвертый рейс—Мартинике, Порто-Рико, Никарагуа, Коста-Рика, Панама—его поиска канала через перешеек,—прогнозирует он затмения Луны Ямайка—его возвращение—смерть Изабеллы—Колумбус без гроша в Вальядолид—его смерти—четыре захоронения—несправедливость окружающего мира в направлении Колумбус—Кристофер Голубь—Америго Веспуччи—Новый Свет название Америки—ошибки современных историков—округ Колумбия—Джон Кабот в Лабрадор—Себастьян Кабот в Хадсон-Бей—Винсент Пинзон Янез в устьях Амазонки

168

глава XVIII.—Португальские навигация по Эммануэля популярные предрассудки—на Lusind из Самоенс—Васко да Гама—карты Африки периода—подготовка к индийская Вояж—религиозные обряды—уход—Рандеву у мыса Verds—десант на побережье—аборигены—приглашение на ужин, и его последствия—шторм—мятеж—призрак мыса

179

глава XIX.—Да-Гама и негров—готтентотов и Caffres—приключение с Альбатроса—река благих Мозамбик—предательство туземцев—Момбаса—Мелинда, и его любезный Царь—народное гуляние на Малабарское побережье—Кожикод—путь к Индии обнаружен

189

глава XX.—Мавры в Индостана—состояние страны после прихода да Гама—враждебности мавров—им ущерба Король Каликута против португальцев—следствие военных действий—да-Гама отправляется по возвращении—Дикая корица—

197

мавританский пират, переодетый итальянец Кристиан—бурный рейс—крушение Сан—Рафаэль—звания и титулы, дарованные да Гама—экспедицию снаряжали под Альварес Кабрал—случайное открытие Бразилии—комет и воды-носики—гибель четырех судов—Базар создан в Кожикод—нападение мавров—Кабрал отзывает в Кочин—посещение Cananor и берет в нагрузку с корицей—это полученные с холодностью по возвращении—Васко да Гама напомнил на службу к королю,—его достижения в Софале, Cananor, а Кожикод—он зависает, пятьдесят индейцев, на рею—защищает Кочин и Каликут грозит—уйдет в частную жизнь

глава XXI.—Распространение португальской Ост-Индийской империи—Alphonzo d'Albuquerque—огромную жертву жизни—древнем пути пряностей-торговля с Европой коммерции караваны—революция произвела на открытие нового маршрута—Франческо Алмейда—Открытие Цейлона—острова Тристан-да-Кунья—португальский Марс—его взгляды Империя—Арсенал создана в Гоа—снижение Малакки, Сиам и Суматра отправить посольства в Альбукерке—остров Ормуз—смерть Альбукерке—степень португальский Доминион—Ормуз будет большой торговый центр Востока—падение Португальской империи

207

глава XXII.—Понсе де Леон—фонтан молодости—Открытие Флориды—мучеников и Тортугас—Багамский канал—Васко Нуньес де Бальбоа—он выходит в море в бочке—женится на Леди перешейка—искать золото—слышит могучий океан обязуется добраться до него—подготовка к экспедиции—Leoncisco Бладхаунд—битва с Касике—восхождение на горы—Балбоа крепления на вершину в одиночку—первый взгляд Тихого океана церемонии вступления во владение—Балбоа по колено в океане,—каждый на вкус воду—плавание на Тихий океан, и узкий побег—бесславная судьба Бальбоа—Хуан Диас де Солис—обнаруживает Рио-де-ла-Плата—его ужасная смерть людоедов

213

глава XXIII.—О поразительной дальновидности суд Рима—папская булла—Фернан Магеллан—он предлагает свои услуги в Испанию—его планы—его флот—Пигафетта историко—зловещее начало—ясно и свои легенды—огни святого Эльма—экипаж знаменитого сделок с людоедами—тяжелая расплата за короля пик—Патагонские гиганты—Пигафетта по преувеличения—искусство врачевания в Патагонии—трагедия порт-Хулиан—Открытие пролив—в открытое море—мыс Десеадо—океан назван Тихоокеанский—Последствий цинги—Патагонского пол—иглы становится вялым—Открытие экземпляров—первый ночной клуб Coconut—католической церемонии на острове Паган

225

глава XXIV.—Открытие Филиппины—Король Zubi пожелания короля Испании отдать должное—он окончательно отказывается от идеи—весь остров обращен в христианство—Магеллан совершает чудо—немой человек восстанавливает свою речь—Магеллан вторгается огнеупорного остров—его смерть—пытается восстановить свое тело—христианской острова возвращения к идолопоклонству—корабли прибывают на Борнео—моряки пьют слишком свободно Арак—праздники и предательство—живое воображение Пигафетты—флот прибывает на Молуккских островах—Король Тидоре—бойкая торговля Гвоздика—пряность-тариф—Виттория паруса домой—Пигафетта снова воображение—прибытие на мыс Verds—потеря одного

236

дня—завершение первое кругосветное плавание—Пигафетта романс становится настоящим историей

РАЗДЕЛ IV.

ОТ ПЕРВОГО КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ДО ОТКРЫТИЯ МЫСА ГОРН: 1519-1616гг.

ГЛАВА XXV.—Путешествие Жака Картье—морских проектов Франциска I Франции—залив Святого Лаврентия—самый быстрый путь домой—второй вояж в Канаду, Квебек, Монреаль—пленного царя—путешествие сэра Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера—открытие Новой Земли—катастрофическая зима—судьба экспедиции Мартина Фробишера—своего плавания в поисках Северо-Западного прохода—Гренландия—Лабрадор—Фробишера проливы—обмен пленными—как предполагается открытие золота—второе путешествие—это груз ценных земель, взятой на борту—мета-инкогнита—третье плавание—унизительное заключение

245

глава XXVI.—Происхождение английского пиратства—сэр Джон Хокинс—Фрэнсис Дрейк—его первого путешествия в испанских колониях—комиссия предоставила королева Елизавета—экспедиции против испанских владений—подвиги в Могодор и Сантьяго—пересечение линии—прибытие в Патагонии заключения и исполнения Даути—проход через Магелланов пролив—приключения Вильгельма кувшин и семь мужчин—мыс Горн—прибытие в Вальпараисо—нарезы Католической Церкви

256

глава XXVII.—Дрейк использовать со спальным испанец—его достижения в Калье—битва с сокровищами, корабль—Дрейк дает квитанцию для ее груза—Indites трогательное послание—его планы на возвращение домой свежие захватывает—выступления на Guatulco и Акапулько—Дрейк увольняет его пилот—более холодная погода—Дрейк рассматривать как Бога калифорнийцы—паруса на Молуккских островах—Сулавеси и визитов Тернате—Пеликан на риф—в обратный путь—протест испанского посла—он стилией Дрейк мастер-Вор неизвестного мира—королева Елизавета на борту Пеликан—Дрейк использовать его счастье—его смерть—покоритель Джон Дэвис на северо-запад

267

глава XXVIII.—Политика королевы Елизаветы—Томаса Кавендиша—первое его путешествие—подвиги на африканских и бразильских побережьях—порт желание—порт голода—бои с арауканов—захват Пайта—ограбление Церкви—неоднократные акты разбоя—захват Санта-Анна—в обратный путь—Кавендиш аккаунт экспедиции—испанская армада—препараты, в Англии—конфликт—тотальный разгром непобедимые—шествие в ознаменование события,

276

глава XXIX.—Фантастика Эльдорадо—Маное—описание его легендарной роскошью—попытки испанцев, чтобы обнаружить это—сэр Уолтер Рэли—его путешествия в Гвиану его счет Ориноко его описание пейзажей—его возвращение—его второе путешествие—экспедицию в Ньюфаундленд—его смерть—современная интерпретация легенды об Эльдорадо

285

глава XXX.—Открытие Соломоновых островов Mendana—он стремится к ним снова спустя тридцать лет—Кирос—Маркизские острова—женщин по сравнению с теми из

291

Лима—странные плоды—обращение в христианство—взор—Санта-Крус—Mendana бирж имена с Maloré—боевые действия—война, и ее результаты—смерть Mendana—Кирос ведет корабли к Manila

глава XXXI.—Попытки голландцев открыть северо-восточный проход—путешествие Вильгельма Баренцев—прибытие в Нова Зембла—зимовье—строительство дома—бои с медведями—солнце исчезает—часы останавливаются, а пиво замерзает—дом Заснеженно—хот-боль—Фокс-ловушки—"Двенадцатая ночь"—возврата Солнца—корабли доказать, непригодные к эксплуатации—подготовка к отъезду в лодках—смерть Баренцев—прибытие в Амстердам—результаты рейса

297

глава XXXII.—Пять кораблей Роттердам—битве на острове-Брава—Себальда де Верт—бедствия в проливе Магеллана—экипаж, съев сырые продукты—флот рассеян по ветру—приключения де Верт—несчастный объект—вернуться в Голландию—покоритель Оливер Ван Норт—варварское наказание—эмблема надежды становится причиной отчаяния—бороться с Патагонцы—арест вице-адмирал—его наказание—описание Chilian напитки—захват испанского сокровище-корабль—Пилота выбросило за борт—море-бороться с Манила—Возвращение домой, после первой голландский кругосветное плавание

304

глава XXXIII.—Теория Кирос' Южного континента—его Аргументы и мемориалы—своего первого путешествия—открытия—Encarnación—стреловист, или Таити—описание этих островов—Manicolo—Сан-Томе—его производств и жителей—Кирос перед королем Испании,—его вера в свое открытие континента—его разочарование—вновь предложений—смерть Кирос—открытий Torrès—московская компания Лондона—Генри Хадсон—его плаваний к берегам Шпицбергена и Новой Земли—его путешествия в Америку,—бросает якорь в "Сэнди-Хук"—поднимается на Гудзоне насколько сайт Олбани—своего путешествия в Исландию и Гудзонова залива—губительные зимы—Мятеж—Хадсон набор на произвол судьбы—его смерть

316

глава XXXIV.—Флот Йорис Spilbergen—прибытие в Бразилии—приключения в проливе Магеллана—торговля в мокко острова—предательство в Санта-Мария—страшная битва между голландским и испанским флотами—разрушения на побережье—стычки на Земле—Spilbergen паруса для Manila—прибытие в Тернате—его возвращение домой—путешествия Схаутена и Лемера—лимонад Сьерра-Леоне—столкновение в море—Открытие Статен Земли—мыс Горн—Лемара в пролив—прибытие в Батавию—конфискации судов—Общие результаты Вояж—Вояж Уильям Баффин—Арктические исследования в семнадцатом веке

326

РАЗДЕЛ V.

ОТ ОТКРЫТИЯ МЫСА ГОРН До ПРИМЕНЕНИЯ ПАРА В СУДОХОДСТВЕ: 1616-1807гг.

ГЛАВА XXXV.—Известный судна "Мейфлауэр"—ее внешний вид—Вероника—отъезд из двух кораблей—якобы Немореходности Вероника—"Мейфлауэр" паруса в одиночку—равноденствие—консультации, лекарство применяется—первый взгляд от Земли—

339

глава XXXVI.—Открытие Новой Голландии—Тасман приказал обследовать остров—
Открытие Вандименовой Земли, Новой Зеландии—убийц-Бей—дружелюбный
острова—Feejees—Новая Британия—землетрясение в море—обильный язык—
плавания вокруг Новой Голландии—возвращение в Батавию—результаты рейса—
голландский мнения Тасман заслуга 346

глава XXXVII.—Пиратство—происхождение Пираты—об их образе жизни—платье—
оккупация-остров Тортуга их штаб-квартире—свои религиозные сомнения—способ
разделения добычи—истребитель—соблюдение субботы—подвиги Генри Морган—
импотенция испанцев—карьера Уильям Дампир—свой первый пиратский круиз—
приключения на суше и на море—описание подорожника-дерево—затяжным смертей
от яда—упреки совести—новый-голландцы—Дампир опасно плавание в открытой
лодке—Пиратство на американском побережье—Уильям Кидд отправил против
пиратов—он поворачивается пират сам—своими подвигами, выявления и казни—его
кладов—крушение Whidah пиратский корабль 351

глава XXXVIII.—Путешествие Woodes Роджерс-дезертирство проверено Роман
обстоятельство—свет, видел на острове Хуан-Фернандес—в лодке послали в
разведку—Александр Селькирк обнаружил—его история и приключения—его одежда,
еда, и профессии—он поставляется с Роджерсом как второй помощник—черепахи и
черепахи—драка с испанским сокровищем-корабль—прибыль Вояж—Южный морской
пузырь—его раздувание и развал—меры по облегчению 373

глава XXXIX.—Голландская Вест-Индская компания—возобновлены поиски Терра
аустралис инкогнита—Джейкоб Roggewein—его открытие—щетка с пиратами—
прибытие на Хуан-Фернандес—остров Пасхи—его жители—развлекательная
программа на борту теплохода—это недоразумение,—зловредно и отдых острова—
представление общества острова—голод, во флоте—прибытие в Нью-Бритен—
конфискация судна в Батавии—решение Генеральных Штатов—Витус Беринг—Беринг
пролив—описание сцены смерти Беринг—Последующее обследование пролива 383

глава XL.—Пиратский вояж в соответствии Джордж Энсон—аналогов смертности—
прибытие и пребывание в Хуан-Фернандес—приз—захват Пайта—подготовка к
нападению Манила Галеон—разочарование—повезло прибытие в Тиниан—романтик
счета острова—шторм—Энсон корабля выброшены в море—покинутый экипажем
строительство лодки—возвращение сотника—битва с Манила Галеон—Энсон
прибытия в Англию—доходы от круизного 393

глава XLI.—Первое научное кругосветное плавание—Дельфин и Тамар—Байрон в
Патагонии—Фолклендские острова разочарования—прибытие в Тиниан—Байрон
против Энсона—Путешествие домой—Острова Уоллис и Картерет—свои наблюдения в
Патагонии—Уоллис на Таити—отчаянное сражение—ногти потеряют свою ценность—
на Таити Роман Питкэрн острова королевы Шарлотты острова—Новую Британию—
Путешествие домой—это военный корабль уничтожен пожаром 410

- глава XLII.—Колонизация Фолклендские острова—Антуан де Бугенвиль—его кругосветное путешествие—приключение в Монтевидео—Патагонцы—завладения Таити—Французская галантность—обряды приема—пребывание на острове—Aotourou—первая женщина—Circumnavigator—Голодомор на борту—замечательный Каскад—прибытие на Молуккских островах—происшествий нет—вернуться домой 426
- глава XLIII.—Экспедиции отправляются по просьбе королевского общества—лейтенант Джеймс Кук—Происшествия Путешествия—ночь на берегу в Терра дель Фуэго—прибытие на Таити—уроженцы обчищать их карманы—обсерватория—уроженец жует фунтов табака—транзит Венеры—двух морпехов взять к себе жен—Новая Зеландия—приключения там—замечательные война-каное—каннибализм продемонстрировали теории Южного материка извращаться—Новая Голландия—Ботани—стремление на скалах—Целесообразно, чтобы остановить утечку—пожар—проход через риф—прибытие в Батавию—смертность на пути домой—готовить повышен в звании до командира 435
- глава XLIV.—Второе плавание Кука—шторм—разделение кораблей—Аврора Аустралис—Новая Зеландия—шесть воду-носики сразу—Таити опять—мелкое воровство туземцев—Кук посетил Таити театр—Омаибыл—прибытие в дружелюбном острова—флот свидетель праздник человеческой плоти—Новые Гебриды Новая Каледония—вернуться домой—почести, дарованные Кука 451
- глава четырнадцатый.—Готовлю третий Вояж—Северо-Западный проход—Омаибыл—его прием в дома—экипаж отказаться от грога—Открытие Сандвичевых островов,—Нутка—саунд-аборигены—Мыс принца Уэльского—двух континентах и в помине—ледяной Мыс—вернуться к Сандвичевы Острова Кука обожается—интервью с Тегеобоо—последующие трудности—перестрелка—генеральное сражение и гибель Кука—восстановление часть его останков—погребальные обряды—жизнь и услуг Кука 461
- глава XLVI.—Людовик XVI. и наука мореплавания—Путешествие Лаперуза—Прибытие на остров Пасхи—Обращение к туземцам—Оухихи—Торговля в Моуи—Обследование американского побережья—Примечательная бухта—Печальное бедствие—Пребывание в Монтерее—Переход через Тихий океан—Японские воды—Прибытие в Петропавловский—Драка на островах Навигаторов—Лаперуза прибывают в Ботани—Бей, и больше его никогда не видели, живым или мертвым—Путешествия, предпринятые в поисках его—Д'Антраксто—Диллон—Д Юрвиль—Обнаружение многочисленных остатков кораблей в Маниколо—Теория судьбы Лаперуза—Возведение памятника в его память 480
- ГЛАВА XLVII.—Пересадка хлебного дерева—Плавание "Баунти"—Мятеж—Блай, капитан, с восемнадцатью матросами брошен на произвол судьбы на баркасе—Происшествия во время плавания с Таити на Тимор—Ужасные страдания и чудесное спасение—Прибытие мятежников на Таити —Их переправка на остров Питкэрн—Последующие История—Плавание из Ванкувера—Алжирское пиратство—Сожжение Филадельфии—Гордое положение Соединенных Штатов 492

ГЛАВА XLVIII.—Применение пара в судоходстве—Роберт Фултон—Канцлер Ливингстон—Спуск на воду "Клермона"—Она пересекает реку Гудзон—Ее путешествие в Олбани—Описание места происшествия—Собственный отчет Фултона—Законодательная защита, предоставленная Фултону—Маятниковый двигатель—Строительство других пароходов—Паровой фрегат "Фултон Первый"—Первый океанский пароход "Саванна"—Отчет о ее путешествии —Неправильное понимание Предмета 508

РАЗДЕЛ VI.

ОТ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРА В СУДОХОДСТВЕ До ПРОКЛАДКИ АТЛАНТИЧЕСКОГО КАБЕЛЯ: 1807-1858гг.

ГЛАВА XLIX.—Исследования Арктики—Русские исследования под руководством Крузенштерна и Коцебу—Фрейсине—Росс—Малиновые скалы—Пролив Ланкастера—Бьюкенен и Франклин—Парри—Полярное море—Зимние квартиры—Возвращение домой—Дюперри—Эпизоды китобойного промысла—Полярное путешествие Парри—Лодка—Сани—Способ передвижения—Обескураживающее открытие—82 ° 43' северной широты 519

ГЛАВА L.—Второе путешествие Росса—Северный магнитный полюс—Д'Юрвиль—Земля Эндерби —Путешествие Бека на "Терроре" —"Грейт Вестерн" и Сириус—Исследовательская экспедиция Соединенных Штатов—Антарктический континент—Последнее путешествие сэра Джона Франклина на "Эребусе" и "Терроре"—Попытки освободить его—Обнаружение места его первой зимовки—Экспедиция Гриннелла—Продвижение и спасение—Лейтенант де Хейвен—Доктор Кейн—Возвращение экспедиции 535

ГЛАВА LI.—Экспедиция Кеннеди—Сэр Эдвард Белчер—МакКлюр—Открытие Северо-Западного прохода—Соединение МакКлюра и Келлетта—Эпизод "Решительного"—Экспедиция commodora Перри—Решающие следы судьбы сэра Джона Франклина—Левиафан 553

ГЛАВА II.—Вторая экспедиция Гриннелла—Продвижение к зимним квартирам—Полная темнота—Санные прогулки—Приключения—Первая смерть—Памятник Теннисону—Ледник Гумбольдта—Открытое полярное море—Вторая зима—Оставление брига—Снова вода—Уперनावик—Спасение капитаном Хартстеном—Смерть и услуги доктора Кейна—Попытка проложить Атлантический кабель 561

ГЛАВА LIII.—Вторая и третья попытки прокладки Атлантического кабеля—Сбой в июне месяце—Описание кабеля—Путешествие по Ниагаре—Непрерывность—Снова все в порядке—Замена одной катушки на другую—Рыцари Черной Руки—Неблагоприятные симптомы—Нарушена изоляция—Третье августа—Тревожный момент—Обнаружена земля—Залив Тринити—Мистер Выезды на телеграфной станции—операторы врасплох—лендинг кабель—впечатляющая церемония—капитан Хадсон возвращается благодаря небеса—поход Агамемнона—королевы сообщение—шестнадцатое августа—глубоководная телеграфировать—экватор, а кабель 576

глава Лив.—Дайвинг—первый дайвинг-колокол—исправлена аппарат автоматически вырабатывал и подавал сжатый воздух—подводная лодка гидростата—операции на Врата Ада—водолазный аппарат—подводный взрывы—улучшенная дайвинг платья—их применение—работы различных видов работы с ними—экземпляров этой ищущих сокровища Гусар—затопленным кораблям в Севастополе—операции в смартфоне— сухом доке в Пенсакола-Бей—красотами подводного мира—повадки рыб—возможная глубина спуска	594
глава ЛВ.—Рыбалка—океан в поле—урожай он дает—губка—пересадка губки—Коралл рыболовства—коралловое животное—открытие этого—устричным промыслом устриц социальное животное—молодой устричный—устричный культуры—дноуглубительные работы для устриц—американский устричный промысел—жемчужницами—значение жемчужного промысла—рыбалка на акул—каракатицы	627
глава ЛВИ.—Дноуглубительные работы в современности—то, что он научил нас— глубоководный промер первой попытки—оборудования, использованных для него— шанс для изобретателей—температура моря—глубокое море температура саморегулируемой термометры—серийный температура зондирования—животной жизни на море—глубокое море драгировать—драгировать аппарата Дикобраз	652
глава LVII.—Развитие судостроения—новые модели кораблей—паровое судно навигации—мониторы—утюг-покрынный фрегатов—оловянно-колпаки—Овнов— торпедных катеров—их использование в Конфедерации—спасательные плоты яхты— дом—океан гонки яхт—стоимость яхты	673
глава женщинах.—Наши знания о земле и море—как оно выросло на земле, дочери океана,—мнение науки—средняя глубина океана—в масштабах океана—его объем— удельный вес морской воды—Конституции соль-вода—серебристый в море—волны на море—течения океана—приливов и отливов—аквариум—торгово современности— распространение мира	696

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

№	Страница
1. Гигантская рыба-каракатица-----Фронтиспис.	
2. Азиатский потоп	18
3. Рука сатаны	19
4. Буревестник	30
5. Первый мореплаватель	31
6. Современная гребная лодка	33
7. Всемирный потоп и ковчег	35
8. Noctulius Miliaris	45

9.	Предполагаемая форма корабля <i>Арго</i>	54
10.	Мир, согласно Гомеру	61
11.	Земля, согласно Анаксимандру,	62
12.	Большой пингвин	64
13.	Греческое судно 6 века	65
14.	Птолемей Филопатор	72
15.	Обыкновенный пингвин	74
16.	Священный мыс	78
17.	План путешествия Пифия	79
18.	План путешествия Неарха	83
19.	Предполагаемая форма кораблей Неарха	91
20.	Венецианская галера 10 века	92
21.	Свадьба на Адриатике	95
22.	Датское судно 10 века	99
23.	Северяне Америки	104
24.	Ловля сельди	107
25.	Древнекитайский компас	113
26.	Китайский хлам	119
27.	Корабль 14 века	121
28.	Тенериф	122
29.	Мыс Бохадор	124
30.	Кабо-Верд	130
31.	Морская ласточка	132
32.	Христофор Колумб	137
33.	Фиалка Астерия	145
34.	Флот Колумба	146
35.	Глава Мергансера	147
36.	The <i>Нина</i> направлявшаяся	,
37.	„Колумб вступает во владение Гуанчани	158
38.	Прием Колумба Фердинандом и т.д.	162
39.	Колумб в цепях в Кадисе	168
40.	Носик для подачи воды	170
41.	Фаэтон	178
42.	Васко де Гама	179
43.	Карта Африки, составленная в 1497 г.	182
44.	Призрак мыса	187
45.	Фосфоресценция	188
46.	Человек за бортом и Альбатрос	189
47.	Каликут в 16 веке	196

48.	Крушение <i>"Сан-Рафаэля"</i>	197
49.	Флагманский корабль Де Гамы	204
50.	Суда, использовавшиеся для торговли специями в 16 веке	207
51.	Понсе де Леон и Источник молодости	213
52.	Бальбоа и индеец	217
53.	Бальбоа открывает Тихий океан	219
54.	Бальбоа овладевает Тихим океаном	221
55.	Судьба Де Солиса и его спутников	224
56.	Фердинанд Магеллан	225
57.	Мыс Виргинский, восточная оконечность Магелланова пролива	231
58.	Ламинария	235
59.	Уроженцы Борнео готовятся атаковать Магеллана	236
60.	Тидоре	242
61.	Сцена на канадском побережье	246
62.	Генрих VIII. Посадка в Дувре	255
63.	Фрэнсис Дрейк	256
64.	Дрейк и его плот	260
65.	Дрейк и патагонцы	261
66.	Дрейк осуждает Даути	262
67.	Морские анемоны	266
68.	Дрейк прерывает Джастина в Акопулько	270
69.	Королева Елизавета посвящает Дрейка в рыцари	274
70.	Британский военный корабль. 1578 г.	276
71.	Кавендиш в Бразилии	277
72.	Голод в Порту	278
73.	Корпус корабля Армады	282
74.	Шествие в честь разгрома Армады	284
75.	Сэр Уолтер Роли	285
76.	Уроженец Соломоновых островов	291
77.	Островитяне перед легким ветерком	296
78.	Голландцы на острове Морж	297
79.	Голландцы на зимних квартирах	299
80.	Самка выдры и ее детеныши	303
81.	Похороны Маху на острове Брава	304
82.	Драка между голландцами и патагонцами	310
83.	Два адмирала на близком расстоянии	314
84.	Голландская фотография на Маврикии	315
85.	Голова черепахи	315
86.	Женщина и ребенок на Эспириту-Санту	316

87.	Сцена на Таити	318
88.	Судно Хадсона, " <i>Полумесяц</i> ", недалеко от Сэнди-Хук	323
89.	Голландское судно, торгующее в Ладронах	326
90.	Конфликт между голландским и испанским флотами	330
91.	Голландцы застали врасплох испанцев	331
92.	Мыс Горн	335
93.	The <i>Конкорд</i> на острове Флай	336
94.	Арктическая чайка	338
95.	<i>Спидвелл</i> и <i>Мэйфлауэр</i>	339
96.	Треска	345
97.	Судно Тасмана, " <i>Зихан</i> "	346
98.	Залив Убийцы	349
99.	Уроженцы залива Убийцы	349
100.	Пират	351
101.	Лодки, используемые на Филиппинских островах	360
102.	Серфингисты, купающиеся в туземцах	362
103.	Полинезийское каноэ с выносной опорой	364
104.	Лодка Дампира в шторм	365
105.	Крушение пиратского корабля, <i>Whidah</i>	372
106.	Дом Александра Селкирка	373
107.	Селкирк и его семья	376
108.	Ловля черепах	378
109.	Молотоголовая акула	382
110.	Орел и пират	383
111.	Мираж в Беринговом проливе	391
112.	Лорд Энсон	393
113.	Бомбардировка Пайты	397
114.	Лагерь Энсона в Фирмане	401
115.	Центурион и корабль с сокровищами	407
116.	Байрон на острове короля Георга	410
117.	Расставание Уоллиса и Обереи	418
118.	Сожжение <i>Ле Пренса</i>	423
119.	Цепь фосфоресцирующих сальп	425
120.	Бугенвиль	426
121.	Паром в Буэнос-Айресе	428
122.	Бугенвиль в Магеллановом проливе	429
123.	Каскад в порт-Праслине	433
124.	Капитан. Джеймс Кук	435
125.	Новозеландское каноэ	443

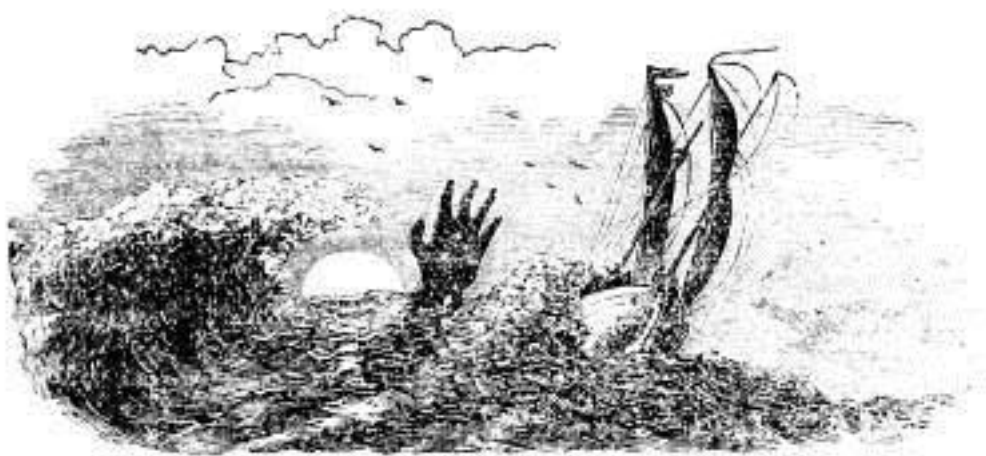
126.	Мыс Голубиный	450
127.	Корабль Кука, охваченный водяными струями	451
128.	Танцующая сестра короля Отоо	455
129.	Прием Кука на Дружественных островах	456
130.	Каное Дружественных островов	458
131.	Новокаледонское двухместное каное	460
132.	Король Сандвичевых островов посетить Кука	461
133.	Омаи	465
134.	Жилища в проливе Нутка	467
135.	Мужчина с Сандвичевых островов	469
136.	Женщина с Сандвичевых островов	470
137.	Битва с туземцами	472
138.	Смерть капитана. Кук	474
139.	Лаперуз	480
140.	Катастрофа Лаперуза во Френчпорте	485
141.	Остатки затонувшего судна	490
142.	Освящение кенотафа	491
143.	Сцена на Огненной земле	492
144.	Колонисты острова Питкэрн	498
145.	Заброшенная деревня	501
146.	The <i>Находка</i> на скале	502
147.	Сожжение <i>Филадельфии</i>	506
148.	" <i>Клермон</i> , первый пароход	508
149.	" <i>Саванна</i> , первый океанский пароход	517
150.	Голова белого медведя	519
151.	Прием Отцебу в Отдиа	520
152.	Морские львы на льду	523
153.	Атакованы моржами	524
154.	Белые медведи	526
155.	Врываются	529
156.	Врываются	529
157.	Кит капитана де Блуа	531
158.	Навигаторы застыли на	535
159.	The <i>Победа</i> в шторм	536
160.	Доктор Кейн	547
161.	Доктор Кейн проходит через Залив Дьявола	548
162.	Тюлень	552
163.	Японское судно	558
164.	Левиафан	559

165.	Мыс Александер, Арктический Гибралтар	561
166.	Хаос	563
167.	Упряжка диких собак	565
168.	Открытое Полярное море	566
169.	Ищу гагачий пух	570
170.	Телеграфный флот	571
171.	Вытаскивание кабеля на берег	573
172.	Выгрузка кабеля	574
173.	Полая волна	575
174.	Кабель на дне океана	576
175.	Участки Атлантического кабеля	577
176.	Телеграфное плато	584
177.	The "Агамемнон" в шторм	590
178.	Тюлень	594
179.	Водолазный колокол	595
180.	Стационарное устройство, снабженное сжатым воздухом	596
181.	Гидростат подводной лодки Пайерна	598
182.	Грибовидный бур	601
183.	Готовность к спуску	603
184.	Установка зарядов	605
185.	Захватная машина	606
186.	Водолазы облачаются в свои аппараты	607
187.	Ныряльщики находят ящик с золотом	608
188.	Вооружаю ныряльщика	611
189.	Сбрасываю ныряльщика	612
190.	Ныряльщик вниз	613
191.	Пушка, колокол и кости, извлеченные из затонувшего судна	615
192.	Спасение русских кораблей	616
193.	Конопатка судна	617
194.	Северный дайвер	625
195.	Морские звезды	627
196.	Ловля губок	628
197.	Ловля кораллов у берегов Сицилии	631
198.	Хворост, подвешенный для сбора устричных брызг	636
199.	Выемка устриц	639
200.	Раковина с китайским жемчугом	640
201.	Ловец жемчуга в опасности	642
202.	Ловля акул	646
203.	Каракатица, собирающая облака	648

204.	Идеальная сцена	650
205.	Красный коралл	651
206.	Дноуглубительные работы	652
207.	Глубоководный зондирующий аппарат Брука	657
208.	Звуковая машина для бульдогов	659
209.	Звуковая машина Мэсси	660
210.	Корма " <i>Дикобраза</i> "	668
211.	Парусная лодка в шторм	673
212.	<i>Пенсильвания</i> и <i>Огайо</i> на стапелях	675
213.	Мониторы	678
214.	Планы мониторов	679
215.	Сент-Луис	680
216.	Двойной конец	681
217.	<i>Миннехаха</i> , или Оловянная оболочка	683
218.	Таран Айронсайдов	685
219.	Взрыв торпеды	687
220.	Спасательный плот	691
221.	Гонка океанских яхт, <i>Генриетта</i> , <i>Веста</i> и <i>Флитвинг</i>	694
222.	Необычная парусная гонка	695
223.	Появление льда на полюсах	710
224.	Легкий корабль	711
225.	Коралловый остров	712

АЗИАТСКИЙ ПОТОП.

РУКА САТАНЫ Над МОРЕМ ТЬМЫ.

Раздел I.

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН До НАЧАЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ.

ГЛАВА I.

ЦЕЛЬ ЭТОЙ РАБОТЫ—ОКЕАН В БИБЛЕЙСКИЙ ПЕРИОД—ЧУДЕСА МОРЯ—КЛАССИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ—ФАНАСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕВЕРЕ И ЭКВАТОРЕ—КАНАРСКИЙ ГИГАНТ—МОРЕ МОРСКИХ ВОДОРΟΣЛЕЙ-ПРИЗРАК МЫСА —ПОСТЕПЕННОЕ РАСКРЫТИЕ

ТАЙН МОРЯ—ОНО СТАНОВИТСЯ МАГИСТРАЛЬЮ НАРОДОВ—ЕГО СОВРЕМЕННЫЙ ВИД—ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ—ЕГО МОРАЛЬНЫЕ УРОКИ.

История океана от Всемирного потопа до Atlantic Telegraph с параллельным очерком кораблестроения от "Ковчега" до "Закованного в железо"; повествование о расцвете торговли, начиная с тех дней, когда корабли Соломона вели торговлю с Офиром, и заканчивая временем, когда паровые гудки слышны в каждом открытом море; последовательная хроника развития мореплавания, начиная с того дня, когда робкий моряк днем прижимался к берегу, а ночью благоразумно бросал якорь, до того времени, когда пароход, по-видимому, наделенный разумом или, по крайней мере, ведомый инстинктом, кажется почти обойтись без помощи человека — такая тема, по-видимому, предлагает интересные темы, которые было бы трудно найти в любом другом предмете. Читатель легко поймет его масштабы, когда мы вкратце расскажем, чем море когда-то было для человека и чем оно является сейчас, — цель работы состоит в том, чтобы рассказать, как из одного оно превратилось в другое.

В древние времена, в библейский и классический периоды, великие океаны были неизвестны. Человечество — по крайней мере, та часть, история которой дошла до нас, — жило на границах внутреннего средиземного моря. Они никогда не слышали о таком водном пространстве, как Атлантический океан, и уж точно никогда его не видели. Не имеющая выхода к морю простыня, расстеленная у их ног, всегда была полна тайны, а часто даже страха и тайных опасений. Те, кто отваживался спуститься на его лоно, возвращались домой и рассказывали удивительные истории о зрелищах, которые они видели, и опасностях, которым они подверглись. Герои Гомера возвращались на Итаку с музыкой сирен в ушах и жестокостью великанов на устах. Аргонавты увидели вращающиеся скалы, вросшие в море, чтобы предупредить и отпугнуть приближающегося мореплавателя; и, как будто тайна вод окрасила легендами даже сушу за ними, они наполнили Кавказ дикими историями о волшебницах, о быках, изрыгающих огонь, и о расе людей, которые выросли, подобно созревшему урожаю, из плодородной почвы. Если древние не знали о форме земли, то именно по той причине, что они не знали об океане. Их географы и философы, чьи наблюдения ограничивались фрагментами Европы, Азии и Африки, попеременно изображали мир в виде цилиндра, плоской поверхности, окруженной водой, барабана, лодки, диска. Легенды, возникшие на основе этих запутанных и противоречивых представлений, превратили сушу в место чудес, а воду - в обитель ужасов.

В более поздний период, когда с течением времени любовь к приключениям или потребности торговли влекли мореплавателей из Средиземного моря через Геркулесовы столпы в Атлантику, и когда некоторое представление о необъятности вод навязалось умам, затмеваемым сжатыми границами внутреннего моря, тогда океан всерьез сталместилищем мрачных и устрашающих ужасов, и чудеса, рассказанные теми, кому посчастливилось вернуться, говорили о том, как глубоко будоражили воображение новые сцены, открывшиеся их взору. Пифеас, плывший берегом от Марселя до Шетландских островов и увидевший там унылую и унылую пустыню Северного моря, заявил, вернувшись домой, что его дальнейшему продвижению мешает огромный черный моллюск, который висит в воздухе, и в котором корабль будет неразрывно связан, и где ни один человек не сможет дышать. Угрозы Юга были еще более ужасными, чем опасности Севера; ибо тот, кто отважился бы, как говорили, пересечь экватор в области Солнца, за свою опрометчивость превратился бы в негра; к тому же, по народному поверью, воды там были непроходимы. На причудливых картах Средневековья гигант, расположенный на Канарских островах, запрещал всем дальнейшим

походам на запад, размахивая своей грозной дубиной на пути всех судов, идущих с востока. На этих необычных картах скрытые и коварные ужасы морских глубин были отображены в гротескных формах морских чудовищ и искаженных водяных единорогов, которые были изображены несущимися в пространстве и подстерегающими мореплавателя. Даже во времена Колумба, когда внедрение компаса на европейские корабли должно было несколько уменьшить фантастические ужасы моря, мы обнаруживаем, что арабы, лучшие географы того времени, изображали костлявую и узловатую руку сатаны как поднимающуюся из волн Моря Тьмы, — так тогда называли Атлантику, — готовую схватить и поглотить самонадеянного моряка. Моряки Колумба, достигнув Саргассова моря, где собранные сорняки служили препятствием для их продвижения, думали, что достигли предела мореплавания и конца света. Пять лет спустя экипажу "Да Гамы", обогнувшему мыс Доброй Надежды, показалось, что в грозных облаках, собравшихся над Тейбл-Рок, они увидели призрак, махавший с их судна рукой и кричавший "горе всем, кто таким образом вторгнется в его ужасные владения". Короче говоря, классический Нептун, который резвился в узких водах Средиземного моря и о гневе которого мы читали в знаменитых мифологических рассказах, был божеством совершенно мягким и обходительным по сравнению с мрачным и мстительным монополистом морей, каким его рисовали историки и географы Средневековья.

И вот Колумб открыл Западный континент, да Гама нашел океанский путь в Индию, а Магеллан, совершив кругосветное плавание, доказал его сферичность и приблизился к островам Пряностей с востока. На протяжении веков два великих океана были ареной грандиозных и полезных морских экспедиций. Тропические острова Тихого океана один за другим поднимались из недр моря, чтобы вознаградить мореплавателя или помочь отверженному. Испанцы, проявляя жестокость и алчность, наполнили свои знаменитые галеоны Манилья и корабли-сокровищницы Акапулько военными трофеями и законными плодами торговли. Англичане, стремясь досадить нации, с которой они хотя и не находились в состоянии войны, но уж точно не были в мире, послали против их золотых флотов пиратские эскадры Энсона, Дрейка и Хокинса. В течение многих лет собственность на море была небезопасна, и торговые суда ходили вооруженными, в то время как вооруженные суда наций превращались в пиратов. Португальцы и голландцы колонизировали побережья и острова Индии, Испания послала Кортеса и Писарро в Мексику и Перу, а Англия прогнала пуритан через штормовое море в Плимут. Торговля была распространена по всему миру, а цивилизация и христианство были привнесены в пустыню и безлюдье. Прошло еще два столетия, и пар превратил Атлантический океан в паромное сообщение, а электрический телеграф теперь преодолел три тысячи миль по соленой воде, но только как одно звено в том поясе, который предвидел Шекспир и который Пак обещал осуществить. Кабель в сборе и находится в рабочем состоянии от Нового Орлеана до Севастополя.

Таким образом, быстро описав, каким океан когда-то был в представлении человека, и бегом проследив шаги, по которым он занял свое место в мировой экономике, нам остается сказать, что представляет собой океан сейчас и какое место он сейчас занимает. Это мирное шоссе наций, шоссе без налогов и пошлин. Если бы благородная идея покойного госсекретаря Марси была принята всеми нациями, частная собственность на море была бы священна даже во время войны. Если принять во внимание расстояния, то море - самый безопасный и удобный маршрут от места к месту, будь то для перевозки товаров или людей. Она отказалась от своих секретов, возможно, за единственным исключением своей глубины, и, подобно молнии и раскатам грома, подчинилась игу. Хотя он по-прежнему возвышен в своей необъятности и мощи, он утратил те черты характера, которые когда-то делали его таинственным и фантастическим, и превратился в обычную проезжую часть. Почтовые

маршруты обозначены на его поверхности так же отчетливо, как экватор или гринвичский меридиан: пароходы выходят из своих доков ровно в полдень. На чудовищ, бороздящих его воды, человек охотился до тех пор, пока раса почти не истощилась; ибо левиафан, пугавший древних, - это кит, озаряющий современников. Пение сирен смолкает, и на его месте слышны стук несущихся гребных колес, свист тумана на берегах, песня на баке, "йо-хо" матросов, трудящихся у канатов, салют посреди океана, а иногда — увы! — минутная пушка в море. Романтика и легенды, которые когда-то жили здесь своим любимым домом, сбегали в пещеры и нашли убежище среди гротов; а легенды, которые недавно рассказывали об океане, теперь были бы неуместны даже на кладбище или в доме с привидениями.

Моряк, для которого когда-то маршрут был непроторенным, теперь сверяется с томом карт, которые он получил в Национальной обсерватории, и обнаруживает, что его курс проложен на основе данных, полученных по аналогии и из часто повторяющегося опыта. Он выбирает то или иное направление в соответствии с известными фактами преобладания ветров или движения течений. Он записывает свой собственный опыт, чтобы, в свою очередь, он мог быть полезен другим. У него есть планы и топографические съемки, которые дают ему координаты каждого порта, изломы каждого побережья, промеры каждого пролива. Маяки предупреждают его о рифах и затонувших скалах, а буи отмечают его курс через отмели проливов. Современный маяк стоит миллион долларов, а строительство волнореза требует государственных финансов. Если на каком-либо побережье возводится новый маяк или сигнальный фонарь по какой-либо причине снимается с производства, об этом становится известно торговым кругам всех наций посредством "Уведомления для моряков", помещаемого в морском департаменте газет, которые, скорее всего, попадутся им на глаза. Судно в море в большей безопасности от разграбления, чем путешественник по большой дороге или временный житель города; ибо на суше повсюду разбойники, в то время как в океане нет ни одного пирата. В водах Панамы и Калифорнии, как во времена Дрейка и Энсона, плавают хорошо груженые корабли с сокровищами; но мир намного старше, чем был, и пираты и флибустьеры теперь наводняют только сушу.

Короче говоря, океан, некогда грозная и отталкивающая стихия, теперь обеспечивает христианскую пищу и полезную для здоровья работу миллионам людей. Вместо того чтобы пугать обитателей континентов, которые он окружает, он делает их атмосферу более пригодной для дыхания, обеспечивает им безопасное передвижение и воспитывает для них школу героев. Таким образом, у океана есть история: у него есть прошлое, о котором стоит рассказать, приключения, о которых стоит рассказать, и он сыграл определенную роль в развитии науки, в расширении географических знаний, в распространении цивилизации и прогрессе открытий, над которыми в высшей степени стоит нашего времени поразмыслить и переварить. Ее постепенное подчинение вторжению с суши, последовательная сдача островов в тропиках и ледяных гор на полюсах, медленное, но верное раскрытие своих секретов, окончательный отказ от своей исключительности образуют - со множеством сопутствующих инцидентов, аварий, сражений, катастроф, кораблекрушений, голода, грабежей, мятежей, пиратства — тему и цель этих страниц.

Хотя океан утратил свой ужас и утратил власть ужаса над разумом человека, он по-прежнему поэтичен, и его часто заставляли придавать ему глубокое моральное значение и представлять собой подходящие религиозные иллюстрации. В этой связи мы не можем придумать ничего лучше, чем процитировать отрывок из книги доктора Гринвуда "Поэзия и тайна моря", который убедительно и красиво подтверждает эту точку зрения:

"Море принадлежит ему, и Он создал его", - восклицает израильский псалмопевец в одном из тех порывов энтузиазма, в которых он так часто выражает всю суть обширного предмета несколькими простыми словами. Чьим еще, в самом деле, это могло быть, и кем еще это могло быть сделано? Кто еще может поднять его приливы и установить его границы? Кто еще может довести его могучие волны до безумия дыханием и крыльями бури, а затем снова заговорить с ним голосом мастера и приказать ему успокоиться? Кто еще мог заселить его бесчисленными обитателями, заставить производить разнообразные продукты, наполнить его от самого глубокого дна до расширяющейся поверхности, от центра до самых отдаленных берегов, до краев наполнить красотой, тайной и могуществом? Величественный океан! Великолепное море! Ни одно сотворенное существо не управляет тобой и не создало тебя.

"Что может быть более возвышенным, чем бескрайнее, пустынное, окружающее все, непостижимое море? Что может быть более мирно возвышенным, чем спокойное, слегка вздымающееся, безмолвное море? Что может быть более ужасно возвышенным, чем сердитое, стремительное, пенящееся море? Сила — непреодолимая, подавляющая сила — является ее атрибутом и выражением, будь то в небрежном, сознательном величии ее глубокого покоя или в диком буйстве ее возбужденного гнева. Ужасно, когда его гребнистые волны вздымаются, чтобы заключить союз с черными тучами и воющим ветром, с громом и молнией, и они несутся дальше, в радости от своего ужасного союза, исполняя волю Всемогущего. И это тоже ужасно, когда оно простирается своим широким уровнем навстречу в тихом единстве изогнутому небу и показывает на линии встречи необъятную округлость мира. Величественны его широкие просторы, разделяющие и заключающие в себе великие континенты земли, занимающие две трети всей поверхности земного шара, пронизывающие сушу своими заливами и второстепенными морями и получающие постоянно изливающуюся дань из каждой реки, с каждого берега. Существует величие во всей его полноте, никогда не уменьшающееся и никогда не увеличивающееся. В его целостности есть величие, ибо вся его обширная субстанция однородна в своем локальном единстве, ибо существует только один океан, и обитатели любого одного морского уголка могут посещать обитателей любого другого уголка огромного мира. Его глубина возвышенна: кто может ее озвучить? Его сила возвышенна: какая часть человека может противостоять ей? Его голос возвышен, будь то протяжная песня его волн или суровая музыка его рева, — издает ли он свои глухие и меланхоличные звуки в лабиринте изрытых волнами пещер, или гремит у подножия какого-нибудь огромного мыса, или бьется о борта трудящегося судна, убаюкивая путешественника своей дикой монотонностью, или затихает со спокойствием и угасающими сумерками в нежном ропоте на каком-нибудь защищенном берегу.

"Море обладает собственной красотой в богатстве; оно заимствует ее у земли, воздуха и небес. Облака придают ему различные краски своего гардероба и отбрасывают на него широкие массы своих теней, проплывая мимо. Радуга оставляет на нем свои разноцветные следы. Солнце любит посещать его, и луна, и сверкающее братство планет и звезд, ибо они наслаждаются его красотой. Солнечные лучи возвращаются оттуда дождем бриллиантов и огненными отблесками; лунные лучи находят в нем серебряную дорожку, по которой они танцуют туда-сюда, вместе с бризом и волнами, всю долгую ночь. У него тоже есть свой собственный свет — мягкий и искрящийся, соперничающий со звездами; и часто корабль, рассекающий его поверхность, оставляет за собой струящийся Млечный Путь тусклого и неуверенного блеска, подобный тому, что тускло сияет наверху. По своим формам и звукам он гармонирует как с ночью, так и с днем. Он весело отражает свет и торжественно сливается с темнотой. Он придает сладость музыке людей и величие грому небесному. Какой пейзаж прекраснее, чем пейзаж на берегу моря? Дух его красоты исходит от вод, где он

обитают и отдыхают, распевая свои заклинания и рассеивая свое очарование по всем побережьям. Какие скалы и утесы столь же великолепны, как те, что омываются бушующим морем? Какие рощи, поля и жилища столь же очаровательны, как те, что стоят у отражающегося моря?

"Если бы мы могли увидеть великий океан таким, каким его не может увидеть ни один смертный глаз, созерцая с одного ракурса то, что мы сейчас вынуждены посетить в деталях и точка за точкой, — если бы мы могли с высоты гораздо большей, чем орлиный полет, обозреть необъятную поверхность морских глубин, раскинувшуюся под нами подобно всемирной карте, — какое бесконечное разнообразие открыла бы такая сцена! Здесь бушевал бы шторм, гремел гром, вода кипела, и дождь, и пена, и огонь смешивались бы воедино; и здесь, рядом с этой сценой великолепного смятения, мы увидели бы ярко-голубые волны, сверкающие на солнце и хлопающие в ладоши от радости. Здесь мы увидели бы группу зеленых островов, словно драгоценные камни в недрах моря; а там мы увидели бы широкие отмели и серые скалы, волнующие волны и угрожающие моряку. Здесь мы могли бы различить корабль, подгоняемый устойчивым тропическим ветром и вдыхающий почти ощутимые ароматы, распространяющиеся вокруг островов Пряностей на Востоке; там мы увидели бы судно, преодолевающее холодный барьер Севера, пробирающееся среди холмов и ледяных полей и борющееся с Зимой в ее собственном вечном владычестве. Корабли человека — не единственные путешественники, которых мы увидим на этой огромной карте океана. Стаи морских птиц пролетают мимо и сменяют друг друга, ныряя в поисках пищи или для развлечения, мигрируя от берега к берегу с неутомимыми крыльями и непоколебимым инстинктом, или кружатся и роятся вокруг скал, которые они оживляют своей многочисленностью и звенящими криками.

"Мы увидим новые чудеса и богатства, когда исследуем морской берег. Мы найдем и красоту для глаз, и пищу для тела в разнообразиях моллюсков, которые мириадами прилипают к скалам или строят свои тесные темные норы в песках. В некоторых частях света мы увидим каменные дома, которые маленькое коралловое насекомое с терпеливым трудолюбием воздвигает со дна вод, пока они не вырастут в грозные скалы и обширные леса, ветви которых никогда не колышутся и листья никогда не опадают. В других местах мы увидим те бледные, блестящие жемчужины, которые украшают короны принцев и вплетаются в волосы красавиц, добытые безжалостной хваткой человека из скрытых запасов океана. И по всему побережью разбросаны клумбы с цветами и заросли растений, которые не питает роса, и которые человек не сеял, не возделывал и не собирал, но которые, кажется, принадлежат только наводнениям и обитателям наводнений, пока они не будут выброшены волнами, и мы обнаружим, что даже мертвая добыча с океанских полей может удобрять и обогащать поля земли. У них есть своя жизнь, пища и экономика; и мы мало что знаем о них, за исключением того, что они там, в своих засоленных питомниках, выращенных в роскоши тем, что убило бы, подобно смертельному яду, растительность на земле.

"В море есть тайна. В его глубинах есть тайна. Оно непостижимо и, возможно, непостижимо. Кто может сказать, кто должен знать, насколько близко его подземелья спускаются к центральному ядру мира? Кто может сказать, какие колодцы, какие фонтаны есть там, для которых земные источники — всего лишь капли? Кто скажет, откуда океан черпает те неисчерпаемые запасы соли, которые так насыщают его воды, что все реки земли, вливающиеся в него со времени сотворения мира, не смогли их освежить? Какие неопишуемые чудовища, каких невообразимых форм могут бродить в самых глубоких местах моря, никогда не стремясь — и, возможно, по своей природе, никогда не способные стремиться — к верхним водам и предстать взору человека! Какие сверкающие богатства,

какие груды золота, какие запасы драгоценных камней, должно быть, в изобилии разбросаны на самом дне океана! Какие трофеи из всех климатических зон, какие произведения искусства из всех стран были поглощены ненасытными и безрассудными волнами! Кто спустится, чтобы исследовать и вернуть это неисчислимо и бесполезное богатство? У кого ключи от бездны?

И о! еще более трогательно для сердца и загадочно для ума, какие компании человеческих существ заперты в этой широкой, беспорядочной, непостижимой могиле моря! Где тела тех погибших, над которыми одни только меланхолические волны пели реквием? Какие саваны были обернуты вокруг прекрасных, мужественных и безмятежных тел младенцев, когда их положили на темный пол этой тайной гробницы? Где кости, реликвии храбрых и робких, хороших и плохих, родителей, детей, жен, мужей, братьев, сестер, возлюбленных, которые были брошены, разбросаны и похоронены бушующим, истощающим, бредущим морем? Странствующие ветры могут вздыхать, год за годом пролетая над их постелями. Одинокaя дождевая туча может плакать во тьме над смешанными останками, которые разбросаны по этому непривычному кладбищу. Но кто скажет скорбящим, к какому месту могут привязаться их чувства? И где человеческие слезы будут пролиты на протяжении всей этой торжественной гробницы? Все это тайна. Когда она разрешится? Кто должен это выяснить? Кто, как не Тот, к кому благоговейно прислушиваются самые неистовые волны и перед кем склоняется вся природа; Тот, кто однажды заговорит и будет услышан в глубочайших пещерах океана; кому бездна, даже самая глубокая бездна, отдаст своих мертвецов, когда солнце померкнет, земля и острова зачахнут, небеса свернутся, как свиток, и МОРЯ БОЛЬШЕ не будет!"

Теперь нам остается исследовать происхождение мореплавания в качестве предварительного этапа к нашей теме, а затем приступить к выполнению стоящей перед нами задачи с истории Ноя, первого мореплавателя, и Ковчега, судна, которым он командовал.

"БУРЕВЕСТНИК".

ПЕРВЫЙ НАВИГАТОР.

ГЛАВА II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОРЕПЛАВАНИЯ— НАУТИЛУС—РАСЩЕПЛЕННЫЙ ТРОСТНИК И ЖУК— БОБР, ПЛАВАЮЩИЙ НА БРЕВНЕ—ДУПЛИСТОЕ ДЕРЕВО—ПЕРВОЕ КАНОЭ—ПЛАВАЮЩАЯ ОРЕХОВАЯ СКОРЛУПА—ВЕСЛО—РУЛЬ—ПАРУС—ТРАДИЦИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ПАРУСНОЙ ЛОДКИ.

Происхождение навигации неизвестно. Это ставило в тупик исследования антикваров по той простой причине, что люди плавали по морю до того, как записали свою историю на бумаге, или что такие записи, если таковые вообще существовали, были сметены и утеряны в последующие периоды анархии. Воображение подсказало, что "наutilus", или португальский военный корабль, подняв свой крошечный парус и поплыв по ветру, первым указал человеку на возможность использования ветра в качестве движущей силы; что расщепленный тростник, следуя течению какого-нибудь спокойного ручья и переноса жука по его стеклянной поверхности, был первым каное, а жук - первым моряком. Мифология представляет Геракла плывущим в лодке, сделанной из шкуры льва, и переносит корабли в небеса, где они до сих пор фигурируют среди созвездий. Басня заставляет Атласа заявить об изобретении весла и отдает Тифису, кормчему "Арго", изобретение руля. Приписывание этих открытий и усовершенствований конкретным людям, несомненно, служило развлечением поэтам в те времена, когда поэзия была более популярна, чем история. Вместо того чтобы доверять этим фантастическим авторитетам, мы можем сформировать очень рациональную теорию по этому вопросу следующим образом: —

Было ли это насекомое, переплывшее на листе ручей и выброшенное на берег, или бобр, унесенный вниз по реке на бревне, или медведь, унесенный на айсберге, - все это впервые пробудило в человеке представление о том, что нужно бесстрашно полагаться на воду, весьма вероятно, что он научился у животных, естественной стихией которых она является, способу держаться на ней всем телом и прокладывать себе путь сквозь нее. лягушка, отпрыгнувшая от края пруда и ударившая передними лапами, возможно, предложила плавать, а бобр, плавающий на бревне, возможно, предложил последовать ее примеру. Возможно, бревно было недостаточно плавучим, и искатель приключений, возможно, увеличил его плавучесть, используя свои руки и ноги. Даже по сей день индейцы нашей страны пересекают быстрый ручей, держась левой ногой за ствол дерева и подталкивая себя правой. Таким образом, был сделан первый шаг; а второй состоял либо в том, чтобы сложить несколько бревен вместе, образовав таким образом плот, и приподнять его борта, либо в

том, чтобы использовать дерево, выдолбленное природой. Многие деревья естественным образом становятся полыми, такие как дубы, липы, буки и ивы; и не потребовалось бы такой степени адаптации, которая превышала бы возможности дикаря, чтобы приспособить их плавать и передвигаться по воде. Следующим шагом, вероятно, было выдолбить с помощью искусства крепкое бревно, имитируя таким образом ствол, изъеденный временем и гнилью. И в совершении этого шага от звука к полому бревну первобытным морякам, возможно, помогали наблюдения за тем, как пустая ореховая скорлупа или перевернутый панцирь черепахи плавали по воде, сохраняя их внутреннюю поверхность сухой и защищая те предметы, которые позволяли им нести их размеры. Было метко замечено, что этот первый шаг был величайшим из всех, "ибо переход от полого дерева к линейному кораблю не так труден, как переход от ничтожества к полому дереву".

Первой целью получения движения на воде, очевидно, должно было быть предоставление мореплавателю возможности пересечь реку, а не подниматься или спускаться по ней; поскольку очевидно, что он не стал бы искать средства следовать по ее течению или останавливать его, в то время как той же цели легче было бы достичь, пройдя вдоль берега. Нетрудно предположить, что весло было наемкнуто на лапки лягушки или плавники рыбы. Ранний мореплаватель, сидя в своем дупле дерева, мог сначала попытаться привести себя в движение руками, а затем искусственно удлинить их с помощью куска дерева, сделанного в виде имитации кисти и предплечья, — длинного шеста, заканчивающегося тонким плоским лезвием. Здесь зародилась современная гребная лодка, одно из самых изящных изобретений человека.

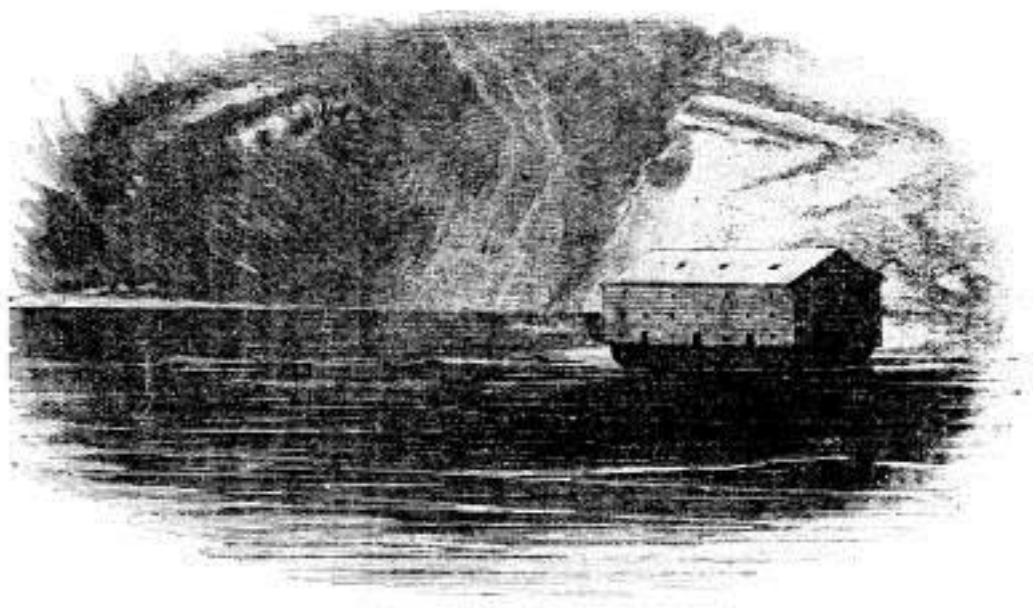

Переход от весла к рулю был легким, поскольку весло само по себе является рулем и долгое время использовалось как таковое. Должно быть, рано утром кто-то заметил, что каноэ, находящееся в движении, отклонилось от своего прямого курса, погрузив весло в воду и оставив его там. Должно быть, также было замечено, что весло на корме или ближе к ней более эффективно придавало каноэ новое направление, чем весло в любом другом месте. Таким образом, было естественным проявлением благоразумия возложить эту обязанность на одного конкретного гребца и поместить его всего на корму.

Объяснить этот парус не так-то просто. Древняя традиция гласит, что рыбак и его возлюбленная, отплывшие от берега в надежде обнаружить остров и застигнутые врасплох бурей, оказались на грани неминуемой гибели. Их единственное весло было вырвано из рук рыбака, и хрупкая лодка, таким образом, оказалась брошенной на милость волн. Девушка подняла свою белую вуаль, чтобы защитить себя и своего возлюбленного от бури; ветер, раздувая это хрупкое одеяние, медленно, но верно гнал их к берегу. Традиция продолжает, что их престарелый отец, внезапно охваченный пророческим вдохновением, воскликнул:

"Моему взору открывается будущее! Искусство движется к совершенству! Дети мои, вы открыли мощное средство в навигации. Все нации покроют океан своими флотами и отправятся в далекие регионы. Люди, разные по своим манерам и разделенные морями, высадутся на мирных берегах и будут импортировать оттуда иностранные науки, излишества и искусства. Тогда мореплаватель бесстрашно совершит путешествие по необъятной бездне и откроет новые земли и неведомые моря!" Хотя мы можем восхищаться дальновидностью этого патриарха, мы не можем аплодировать ему за то, что он выбрал столь неподходящий момент для проявления своего особого дара: несомненно, было бы естественнее немного утешить своих обветренных детей. Легенда даже гласит, что он сразу же укрепил шест в середине каноэ и, прикрепив к нему кусок ткани, изобрел первую парусную лодку. Мифология приписывает этому изобретению другое, хотя и похожее происхождение: Ирис, разыскивая своего сына в лодке, которую она приводила в движение веслами, почувствовала, что ветер раздувает ее одежду и мягко подталкивает ее в том направлении, в котором она плыла.

Никакое исследование не привело бы исследователя к выводам, более удовлетворительным, чем эти. Факт все равно остается фактом, что первое упоминание в мирской истории о сооружениях, движущихся по воде, появилось на много столетий позже того периода, в который, как следует предполагать, впервые возникла идея строительства таких сооружений. Следовательно, было бы бесполезно посвящать этому предмету больше места; и поэтому мы сразу переходим к первому из известных морских путешествий.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП И КОВЧЕГ.

ГЛАВА III.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП И СТРОИТЕЛЬСТВО КОВЧЕГА — АРГУМЕНТЫ НЕВЕРНЫХ ПРОТИВ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА—МАТЕРИАЛ, ИЗ КОТОРОГО БЫЛ ПОСТРОЕН КОВЧЕГ — ЕГО

ВМЕСТИМОСТЬ, РАЗМЕРЫ И ФОРМА — ЕГО ПРОПОРЦИИ СКОПИРОВАНЫ С СОВРЕМЕННЫХ ОКЕАНСКИХ ПАРОХОДОВ.

Самое раннее упоминание о море в истории встречается в первой главе книги Бытия. В период хаоса и до сотворения света тьма была на поверхности бездны, и Дух Божий двигался по поверхности вод. На третий день воды под небесами собрались вместе в одном месте и были названы Морями; появилась суша и была названа Землей. Водам было повелено в изобилии производить на свет движущиеся создания, обладающие жизнью; и при сотворении человека по образу Божьему ему была дана власть над рыбами морскими, птицами небесными и всяким пресмыкающимся, пресмыкающимся по земле.

В 1556 году от рождества Христова — согласно общепринятому исчислению - Бог решил уничтожить человека, всех пресмыкающихся и птиц небесных, ибо Он сказал: "Я раскаиваюсь, что сотворил их". Один Ной обрел милость в глазах Господа, и ему было поручено построить ковчег из дерева гофер длиной в триста локтей, шириной в пятьдесят и высотой в тридцать. Он должен был состоять из трех этажей, разделенных на комнаты, иметь одну дверь и одно окно и должен был быть обмазан изнутри и снаружи смолой. Ной был занят постройкой ковчега сто лет — с пятисот до шестисот лет, — и когда он был полностью завершен, он собрал в нем свою семью вместе с парами всех живых существ. Тогда пробились источники великой бездны и открылись окна небесные. Дожди лили сорок дней и сорок ночей. Поднялась вода и подняла ковчег с земли. Горы были покрыты слоем земли на глубину двадцати двух футов, и умерла всякая плоть, ходившая по земле: в живых остался только Ной и те, кто был с ним в ковчеге.

Потоп начался во втором месяце шестисотого года жизни Ноя. В течение пяти месяцев воды преобладали; в седьмой ковчег покоился на вершине горы Арарат. На десятый месяц показались вершины гор; на одиннадцатый Ной выпустил голубку, которая быстро вернулась, не найдя покоя для подошвы своей стопы; на семнадцатый день он снова выпустил голубку, которая вернулась, принесла в клюве оливковый лист, и, будучи снова выпущена, больше не вернулась. В первый день первого месяца своего шестисот первого года Ной снял крышку с ковчега и увидел, что поверхность земли сухая. К концу второго месяца земля высохла, и Ной вышел со своими сыновьями, своей женой и женами своих сыновей. Он построил жертвенник и принес Господу во всесожжение всех зверей и птиц. Затем Бог дал обещание Ную, что он больше не будет разрушать землю потопом, и растянул радуугу в облаках в знак этого торжественного завета между ним самим и детьми человеческими.

Такова библейская история Всемирного потопа — первого великого хронологического события в летописях мира после Сотворения мира. Философские исследования и неверие в точность рассказа Моисея привели к получению подтверждения самого прямого и положительного характера. Основные возражения придирчивых людей сводятся к трем пунктам: 1. отсутствие каких-либо совпадающих свидетельств профанных авторов древности; 2. очевидная невозможность учесть количество воды, необходимое для того, чтобы затопить всю землю до указанной глубины; и, 3. ненужность всемирного потопа, поскольку той же цели мог бы соответствовать частичный потоп. Эти возражения можно кратко рассмотреть здесь.

1. Отсутствие положительных свидетельств от профанных историков. Каким бы правдивым ни было то, что нет последовательного описания Всемирного потопа, кроме того, что приведено в Библии, несомненно, что записи, относящиеся к ковчегу, сохранились у ранних народов мира и в общей системе языческой мифологии. Плутарх упоминает голубя,

выпущенного из ковчега. Греческая басня о Девкалионе и Пирре абсолютно совпадает с библейским повествованием о Ное и его жене. Египтяне переносили свое божество в торжественных случаях в ковчеге или лодке, и этот ковчег назывался "Барис", от названия горы, на которой, несомненно, по их собственной легенде покоился египетский ковчег, как и библейский ковчег на горе Арарат. Храм Сесостриса был построен по образцу ковчега и был посвящен Осирису в Тебеа. Это название Теба, данное городу, является важным моментом, поскольку Теба было названием самого ковчега. То же название носили многочисленные города в Беотии, Аттике, Ионии, Сирии и Италии; а город Апамя во Фригии первоначально назывался Киботос, или Ковчег, в память о Всемирном потопе. Этот факт показывает, что предание о Всемирном Потопе сохранилось в Малой Азии с очень глубокой древности. Было показано, что в древних мифологических книгах Индии содержатся фрагментарные описания какого-то великого переполнения, в значительной степени совпадающие с данными Моисея. У африканцев, китайцев и даже американских индейцев есть предания о всемирном потопе в ранних летописях мира и о сохранении человеческого рода и живой природы с помощью ковчега. Невозможно объяснить универсальность этой легенды, если не признать факт Всемирного потопа.

2. Очевидная материальная невозможность производить воду в количестве, достаточном для переполнения земли. Средства, которыми был вызван потоп, указаны в повествовании Моисея: источники великой бездны разбились, и окна небесные отверзлись; то есть вода хлынула из недр земли, где она была заключена, и облака излили свои дожди. Это, по-видимому, достаточное объяснение, если вообще необходимо какое-либо объяснение события, явно чудесного и сверхъестественного. Однако было обнаружено, что Потоп мог быть вызван и в любой момент мог повториться с помощью очень простого процесса. Было продемонстрировано, что различные моря и океаны, которые окружают два главных полушария, содержат воды, достаточной для того, чтобы затопить сушу и покрыть высочайшие горы на глубину до двадцати двух футов, если бы их температура была просто повышена до степени, равной температуре мелководных тропических морей! Если бы Атлантический и Тихий океаны внезапно прогрелись до температуры, вполне совместимой с поддержанием животной жизни, они расширились бы настолько, что вышли за пределы Кордильер и Альп.

3. Бесполезность всемирного потопа, поскольку частичный потоп отвечал бы всем целям. О том, что Потоп был всеобщим, ясно сказано в Священном Писании. Если бы Бог не хотел, чтобы это было так, он вряд ли поручил бы Ною потратить сто лет на строительство ковчега: можно было бы выделить место на земле, еще необитаемое человеком, где Ной мог бы собрать свою семью; не было бы необходимости запираť в ковчеге пары всех животных для пополнения запасов земли, поскольку их можно было легко завезти из тех частей земли, которые не были переполнены людьми, в те, которые были.. Затем нам говорят, что вода поднялась на двадцать два фута над самыми высокими горами - явное физическое доказательство того, что вся земля была затоплена, ибо вода тогда, как и сейчас, стремилась к своему уровню и должна была, по законам Всемирного тяготения, распространиться по остальной части земли, если, конечно, она не удерживалась там чудом; и в этом случае Моисей, несомненно, упомянул бы об этом, как он упомянул о приостановке действия законов природы в случае с водами Красного моря. С другой стороны, если бы Потоп был частичным и ограничивался окрестностями Евфрата и Тигра, было бы невозможно объяснить тот факт, что в отдаленных странах — в Италии, Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатах — в местах, удаленных от моря, и на вершинах высоких гор были найдены окаменевшие зубы и кости животных, рыб в целости, морские раковины, початки кукурузы и т. Д. Объяснение этого всегда вытекало из обстоятельств всемирного потопа. Уже

упомянутый факт, что у китайцев, греков и индийцев существуют предания о всемирном потопе, кажется убедительным доказательством того, что это ужасное устройство не ограничивалось районом, который в тот период был библейской территорией, но посетило Палестину и Перу, Ханаан и Коннектикут.

Теперь мы возвращаемся к ковчегу, срок завершения строительства которого мы уже указали, — 1656 году от мира, или 2348 году до Рождества Христова. Теперь необходимо учитывать три момента: — материал, из которого он был изготовлен, его вместимость и размеры, а также его форму.

1. *Материал, из которого он был построен.* В рассказе Моисея прямо говорится, что он был построен из дерева гофер; но так и не было удовлетворительно определено, какое дерево подразумевается под термином "гофер". Этому давались многочисленные толкования: одним авторитетом это переводится как "древесина, обтесанная мастером"; другим - как "древесина, сделанная из деревьев, которые выпускают четырехугольные ветви по одной горизонтальной линии", таких как кедр и пихта; третьим - как "гладкая или строганая древесина"; третьим - как "древесина, которая не легко разлагается", такая как самшит или кедр; третьим - как "древесина, которая не поддается гниению", такая как самшит или кедр; третьим - как "древесина дерева". такие деревья, которые изобилуют смолистыми, легко воспламеняющимися соками, "как кедр, пихта, кипарис, сосна и др. То, что ковчег был построен из кедра, представляется вероятным из того факта, что это дерево больше, чем какое-либо другое, соответствует многочисленным значениям, придаваемым термину "гофер", поскольку его ветви четырехугольные, прочные, почти неподкупные, смолистые и легко воспламеняющиеся; также из того факта, что оно в изобилии произрастает в Азии и, как известно, использовалось ассирийцами и египтянами при строительстве кораблей. Один или два авторитетных источника, однако, утверждают, что ковчег был сделан из древесины кипариса, обосновывая это тем, что древние считали кипарис самой прочной древесиной против гнили и червей; что его было много в Ассирии, где, вероятно, был построен ковчег; и что он часто использовался при строительстве кораблей, особенно Александром, который построил целый флот из кипарисовых рощ по соседству с Вавилоном.

2. *Его вместимость и размеры.* Пропорции ковчега, приведенные в священном томе, были исследованы и сравнены с величайшей точностью самыми учеными и аккуратными вычислителями; и, если предположить, что локоть соответствовал современным восемнадцати дюймам, из этого следует, что ковчег был четырехста пятьдесят футов в длину, семьдесят пять в ширину и сорок пять в высоту. Из этих данных была выведена его нагрузка, которая, как теперь считается, составила сорок две тысячи четырехста тринадцать тонн. Такое сооружение обеспечило бы достаточно места для восьми человек, которые должны были населять его, — Ноя и его жены, Сима, Хама и Иафета и их жен, — около двухсот пятидесяти пар четвероногих животных, птиц небесных, таких рептилий и насекомых, которые не могли жить под водой, вместе с пищей, необходимой для их существования в течение двенадцати месяцев. Были высказаны сомнения в том, что Ной взял с собой в ковчег образцы всех живых существ. Разумно предположить, что, поскольку миру было почти семнадцать веков, животный мир распространился на значительной части допотопной земли и что определенные виды, следовательно, стали аборигенными в определенных климатических условиях. Поэтому вполне вероятно, что многие виды не были найдены в стране, где жил Ной и где он построил ковчег. В Библии не говорится, что какие-либо виды животных были завезены издалека, — факт, который делает вероятным, что Ной спас только пары тех видов, которые стали уроженцами территории, которую он населял. Это означало бы предположить, что многие виды погибли во время потопа и, следовательно, никогда не

возобновлялись, — предположение, которое находит сильное подтверждение в многочисленных открытиях, сделанных в наше время, об экзувиях животных, которые больше не существуют и уничтожение которых приписывается Потопу. Список таких вымерших видов был составлен Кювье.

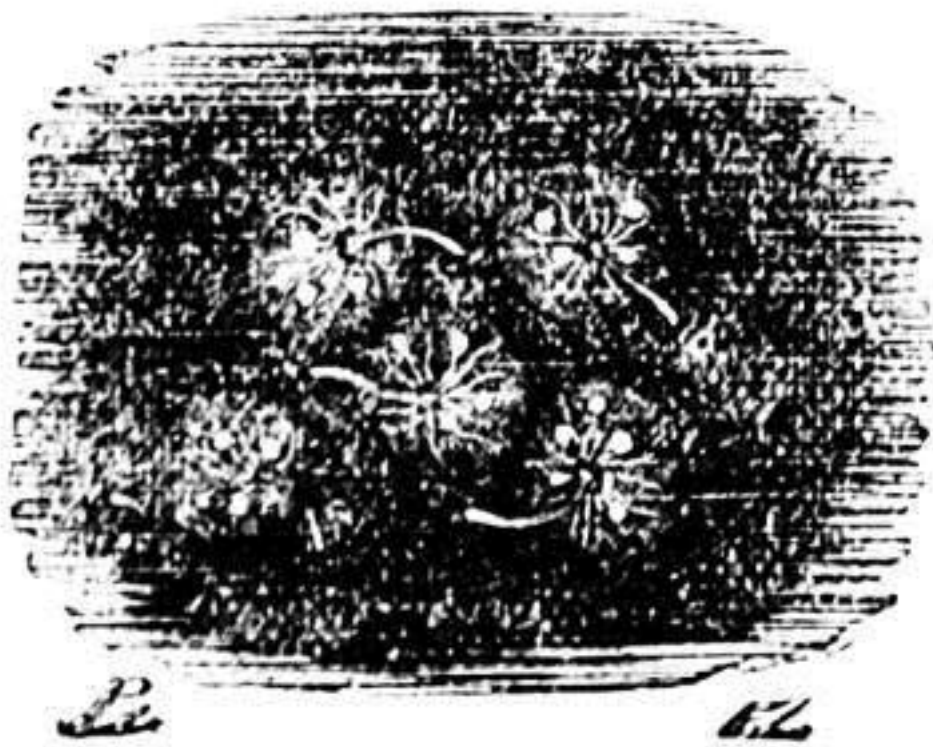
Предположительные доказательства, которые могут быть приведены в поддержку библейской истории приготовления ковчега, очень убедительны; это, действительно, единственное решение непреодолимой в остальном трудности. Ранние летописи всего языческого мира, как уже говорилось, сходятся в утверждении факта всемирного потопа; и все же человеческая раса и все более полезные и важные виды животных пережили его. Так вот, у людей тех времен не было кораблей, и они были совершенно не знакомы с мореплаванием: следовательно, очевидно, что они не были спасены обычными судами. Даже если бы мы предположили, что у них были корабли, невозможно поверить, что они снабдили бы их провизией на годичный переход, если только мы не предположим, что они были предупреждены точно так, как рассказывает Моисей; и, конечно, так же легко поверить всему библейскому повествованию, как и его части. Таким образом, такое сооружение, как ковчег, для сохранения и жизнеобеспечения человеческого рода и животного царства, по-видимому, было абсолютно необходимо.

3. Его форма. Из размеров, приведенных в шестой главе книги Бытия, очевидно, что ковчег имел форму продолговатого квадрата с покатою крышей и плоским дном; что на нем не было ни руля, ни мачты, ни весел; что он предназначался для того, чтобы стоять на воде, не качаясь, и был создан скорее для плавания, чем для отплытия. Было замечено, что его пропорции почти соответствуют пропорциям человеческой фигуры: триста локтей в длину в шесть раз больше ширины, пятьдесят локтей, а среднее отношение длины человеческого тела к его ширине равно шести к одному. Итак, тело человека, лежащего в воде на спине, будет плавать практически без усилий. Следовательно, похоже, что аналогичные пропорции подошли бы судну, предназначенному только для плавания. Нет необходимости предполагать, что ковчегу приходилось бороться ни со штормом, ни с ветром. Волны, залегающие на глубине нескольких морских саженей на затопленном континенте, во всяком случае, не могли сравниться по силе с волнами океана. Сошествие потопа длилось всего сорок дней, и хотя ковчег плыл в течение года, почти одиннадцать месяцев ушло на то, чтобы вода спала. Вероятно, что ковчег постепенно и медленно окружался наступающим приливом, был тихо поднят на поверхность, завис около того места, где был построен, и, наконец, после спада воды, так же тихо опустился обратно на свое широкое основание и выступающие опоры.

Любопытно, что многие умы, отказывавшиеся принять свидетельства общения между Богом и человеком в примерах Моисея и нашего Спасителя, допускают высокую вероятность того, что общение перешло от Бога к Ною. Цепочка аргументов действительно чрезвычайно сильна. Таким образом, г-н Тейлор стремится установить тот факт, что Божество в случае с Ноем снизошло до того, чтобы сообщить человеку о своих намерениях. "Был ли Потоп, - спрашивает он, - реальным событием? Все человечество признает это. Где бы ни поддерживалась традиция, где бы ни сохранялись письменные свидетельства, где бы ни проводились памятные обряды, что было их предметом? Всемирный потоп: — избавление от разрушения наводнением. Дикарь и мудрец согласны в этом: Север и Юг, Восток и Запад рассказывают об опасности, грозившей их великому предку из-за переполняющих его вод. Но он был спасен: и как? Личным усилием? Длительным плаванием? Укрытием в самых высоких горах? Нет, но заключив в большое плавучее сооружение собственной конструкции. Но этот труд был долгим: это была работа не одного дня: он, должно быть, предвидел столь

удивительное событие за значительное время до его фактического наступления. Откуда он получил это предвидение? Сообщила ли ему земля, что через двадцать, тридцать, сорок лет она извергнет потоп? Конечно, нет. Возвещали ли звезды, что они разрушат земную атмосферу ужасающими дождями? Конечно, нет. Откуда же тогда у Ноя было это предвидение? Начал ли он строить, когда пролились первые ливни? Было слишком поздно. Привык ли он раньше к дождям? Почему теперь придавал им значение? Неужели он никогда не видел дождя? Что могло побудить его подготовиться к этому? Почему в этом году больше, чем в прошлом? Почему в прошлом году больше, чем в позапрошлом? Эти вопросы прямые: мы не можем уклоняться от факта. Вычеркните это из записей Моисея, и все же это записано в Греции, в Египте, в Индии, в Британии; это записано в самом *таинстве* языческого мира. Иди, неверующий, выбирай трудности на свой выбор: либо принижай все человечество как дураков, как добровольных обманутых ради суеверного почитания, либо допускай, что этот факт, этот единственный факт, установлен достаточным свидетельством; но помни, что если он будет установлен, это подразумевает *общение Бога с человеком*. Кто мог сообщить Ноем? Почему этот великий патриарх не обеспечил защиту от огня? от землетрясений? от взрывов? Почему от воды? почему от потопа? Долой уловки! признайтесь откровенно, что это была диктовка Божества. Скажи, что только Тот, кто сотворил мир, мог предсказать время и причины этого опустошения, что только Он мог пробудить надежду на восстановление или предложить метод избавления".

Это замечательный факт, который во многом подтверждает аргумент, часто приводимый для борьбы с мнениями атеистов, что ковчег не мог быть построен человеком без помощи божественного разума в ту эпоху мира, — что ковчег, первый и самый большой корабль, когда-либо построенный, имел точно такие же пропорции, как океанские пароходы наших дней. Его размеры были, как мы уже говорили, триста локтей, на пятьдесят, на тридцать. Размеры нескольких самых быстроходных почтовых пароходов Атлантики имеют триста футов в длину, пятьдесят футов в ширину и двадцать восемь с половиной в глубину. У них, как и у ковчега, есть верхний, нижний и средний этажи. По меньшей мере странно, что современные кораблестроители, пренебрегая опытом, приобретенным человеком за сорок два столетия, проведенных более или менее на море, так прямо и безоговорочно возвращаются к модели судна, построенного для того, чтобы пережить Наводнение. Поэтому вполне уместно, что на одном из последних праздничных собраний в Англии во время подготовки к прокладке телеграфного кабеля, после того, как были отданы должные почести знаменитостям события и момента, после того, как были произнесены клятвы за здоровье королевы и память Колумба, был поднят тост за нашего великого предка Ноя. Хотя предложение было воспринято с весельем и идея, казалось, отдавала чем-то вроде шутки, все же заявления патриарха, как первого зарегистрированного адмирала, о том, что он является отцом моряков и великим основоположником мореплавания, были охотно и громогласно признаны. После этого признания, которое, исходя из обстоятельств, должно рассматриваться как в какой-то мере официальное и окончательное, мы не могли последовательно отказывать ему в первом месте в этой летописи триумфов тридцати веков.

NOCTILUCA VILIARIS.

ГЛАВА IV.

КОРАБЛИ, ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНИЕ ФИНИКИЙЦЕВ —ИХ ТОРГОВЛЯ С ОФИРСИДОНОМ И ТИРОМ—ИХ ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ АФРИКИ—НОВЫЙ ТИР—КАПИТАН—ФИНИКИЕЦ—ПАТРИОТ—ЕГИПТЯНЕ КАК МОРСКОЙ НАРОД—ИХ КОРАБЛИ И ТОРГОВЛЯ—ЕВРЕИ—ИХ ГЕОГРАФИЯ—ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФОРМЕ ЗЕМЛИ-МИР, ИЗВЕСТНЫЙ ЕВРЕЯМ.

Именно на берегах Средиземного моря, подобного морю Библии и мифологии, у гор Арарат и Олимп, — у финикийцев, египтян и евреев, — мы должны искать самые ранние следы мореплавания и торговли. Самый беглый просмотр карты Палестины, Финикии и Египта покажет, насколько замечательно эти страны были расположены для торговли как по суше, так и по морю. Финикийцы, хотя и были ограничены узкой полосой суши между горой Ливан и Средиземным морем, обладали безопасным побережьем и замечательной гаванью Сидон, в то время как их горы обеспечивали их обильными запасами лучшего леса для кораблестроения. Ограниченные пределы их собственной территории не позволяли им самим быть производителями — обстоятельство, которое, естественно, привело их к тому, что они были перевозчиками производящих наций, чьи морские преимущества были ниже их собственных. Тот факт, что евреям их правительство, законы и религия не позволяли широко заниматься торговлей, и что египтяне испытывали характерное отвращение к морю, увеличивал коммерческое превосходство финикийцев, — превосходство, признанное как в священных писаниях, так и в светских хрониках.

В настоящее время общепризнано, что дата морских предприятий, прославивших финикийцев в древности, должна быть установлена между 1700 и 1100 годами до Рождества Христова. Знаменитый город Сидон был центром, из которого отправлялись их экспедиции. Какова была конкретная цель этих экскурсий или в какой последовательности они совершались, известно лишь частично: однако, по-видимому, их искатели приключений вели торговлю сначала с Кипром и Родосом, затем с Грецией, Сардинией, Сицилией, Галлией и побережьем Испании на Средиземном море. Около 1250 г. до н.э. их корабли осторожно вышли за Гибралтарский пролив и основали Кадис на побережье, омываемом Атлантикой. Немного позже они основали предприятия на западном побережье Африки. Гомер утверждает, что во время Троянской войны в 1194 году до н.э. финикийцы снабдили воюющие стороны множеством предметов роскоши и удобства; и Священное Писание сообщает нам, что их корабли доставили Соломону золото из Офира в 1000 году до н.э. Тир, похоже, теперь вытеснил Сидон, хотя в какой период неизвестно. Он превратился в процветающий рынок еще до 600 года до н.э. Те, кто жил в то время, оставили яркое и живописное описание его богатства, которое, должно быть, проистекало из давно налаженной торговли. Среди предметов, использовавшихся при постройке тирских кораблей, он перечисляет ели Сенира, кедры Ливана, дубы Васана, слоновую кость Индии, египетский лен и пурпур островов Элиша. Он упоминает привезенные в великий торговый центр из Сирии, Дамаска, Греции и Аравии серебро, олово, свинец и сосуды из меди; рабов, лошадей, мулов; ковры, черное дерево, слоновую кость, жемчуг и шелк; пшеницу, бальзам, мед, масло и камедь; вино, шерсть и железо.

Примерно в этот период — в 600 году до н.э. — финикийцы, хотя и находились под командованием египетских военачальников, по-видимому, совершили путешествие, которое, если оно достоверно, по праву может считаться самым важным в их летописях, — кругосветное плавание вокруг Африки. Протяженность этого неизвестного региона и тамошние особенности человека и природы уже в определенной степени привлекли к нему внимание древнего мира. То, как сходились его побережья к югу от Средиземного и Красного морей, наводило на мысль о полуострове, кругосветное плавание по которому могло быть осуществлено даже при ограниченных ресурсах первых военно-морских держав. Первая попытка в этом направлении была предпринята в квартале, который в силу своих сельскохозяйственных занятий привык держаться в стороне от всех видов морских предприятий. Это было предпринято по приказу Нехо, царя Египта, — фараона Нехо из Священных Писаний, — и записано Геродотом следующим образом:

"Когда Нехо отказался от своих попыток соединить Красное море со Средиземным посредством канала на Суэцком перешейке, он отправил несколько судов под руководством финикийских лоцманов с приказом плыть по Красному морю и следовать вдоль побережья Африки: они должны были вернуться в Египет через Геркулесовы столпы и Средиземное море. Поэтому финикийцы, взяв курс через Красное море, поплыли дальше к Южному океану. С приближением осени они высадились в Ливии и посадили кукурузу в том месте, где впервые сошли на берег. Когда она созрела, они срезали ее и снова отправились в плавание. Потратив таким образом два года, на третий они миновали Геркулесовы столпы и вернулись в Египет. Другие могут поверить в эту историю, но мне она кажется невероятной, поскольку они утверждают, что, когда они плыли вокруг Ливии, солнце было у них по правую руку".

Во времена Геродота греки не были знакомы с явлением тени, падающей на юг, — явлением, которое финикийцы, естественно, стали бы свидетелями, если бы они действительно

проходили мимо мыса Доброй Надежды, поскольку солнце находилось бы по правую руку от них или на севере и, таким образом, отбрасывало тени на юг. Поскольку эта история, скорее всего, не была выдумана во времена Нехо, это самое убедительное доказательство реальности путешествия, которое только можно было привести. В наше время были высказаны сомнения в точности повествования; но считается, что возражения были опровергнуты Реннеллом и Хереном. Бартоломью Диасу принадлежит заслуга открытия и того, что он был первым, кто обогнул мыс Доброй Надежды в 1486 году: ясно, что, если верить заявлениям финикийских лоцманов, Диасу предшествовали на этом пути по меньшей мере двадцать столетий.

Вскоре после начала этого путешествия Тир был осажден и разрушен Навуходоносором. Жителям удалось бежать со своим имуществом на остров недалеко от берега, где они основали Новый Тир, который вскоре превзошел как в торговле, так и в судоходстве покинутый ими город. Финикийцы, по-видимому, продвинулись со своей системой колонизации дальше на юг, к побережью Африки, и дальше на север, к побережью Испании. Они открыли Касситериды — ныне острова Силли - на побережье Корнуолла и сохранили монополию на торговлю найденным там оловом. Они везли специи и благовония, полученные из Аравии, в Грецию, где их использовали для жертвоприношений и благовоний. Они также продавали там мануфактуры, пурпур и драгоценные камни Тира и Сидона. Из Испании они получали серебро, зерно, вино, масло, воск, шерсть и фрукты. Они добывали янтарь в каком-то месте, которое посещали на Севере, — несомненно, на берегах Балтийского моря. Поскольку стоимость этого предмета была равна стоимости золота, они хотели сохранить монополию на торговлю и сохранить от своих коммерческих конкурентов все знания о регионах, в которых он производился. Следовательно, секрет хранился самым тщательным образом.

Примечательным обстоятельством, связанным с морской историей финикийцев, была их ревность к влиянию иностранцев. Когда замечали незнакомый корабль, который составлял им компанию в море, они либо обгоняли его, либо ночью меняли курс и исчезали. Однажды финикийский капитан, обнаружив, что его преследует римское судно, посадил свой корабль на мель и разбил его, чтобы не потерять тайну, которую раскрыл бы захват. Этот поступок был признан настолько патриотичным, что правительство вознаградило его и компенсировало потерю судна. Новый Тир был разрушен Александром Македонским в 324 году до н.э. Жители были либо преданы смерти, либо проданы в рабство, и таким образом морской славе финикийцев пришел безвременный конец.

Мало что известно о конструкции и оборудовании финикийских кораблей. Все, что можно сказать с уверенностью, это то, что существовали два вида: те, что использовались в торговле, и те, что использовались для войны, — различие, которое действительно было удобно проводить всем народам, как древним, так и современным. Корпуса торговых судов были круглыми, чтобы они могли перевозить больше товаров, в то время как боевые корабли были длиннее и заострены у днища. В других отношениях они, вероятно, напоминали сосуда Греции и Рима, для которых, несомненно, были созданы модели. До нас дошли более подробные сведения об этих сосудах, и мы поговорим о них в своем месте. Финикийцы были лучшими астрономами, чем неискушенные мореплаватели, которые предшествовали им; ибо, в то время как те пытались направлять свой курс с помощью несовершенного созвездия, известного как Большая Медведица, некоторые из звезд которого расположены в сорока градусах от полюса, финикийцы были первыми, кто применил для морских целей Малую Медведицу, группу, которая дала более современной навигации Северную, или Полярную звезду. Маловероятно, что они остановились на этой конкретной звезде,

поскольку в тот период — 1250 лет до н.э. — она находилась в восемнадцати градусах от полюса, слишком далеко, чтобы служить каким-либо астрономическим целям.

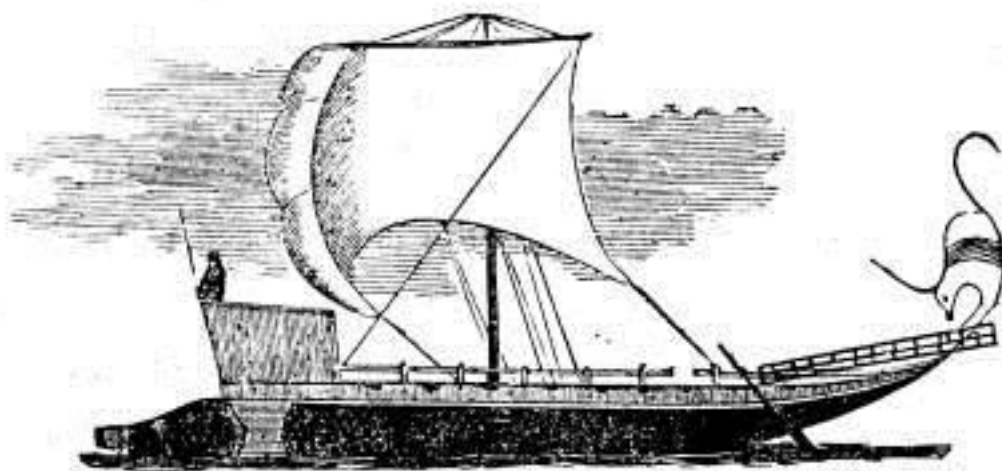
Теперь мы переходим к египтянам как морскому народу в самые ранние исторические периоды, о которых мы, кстати, говорили, что они были характерно не склонны с энтузиазмом участвовать в каких-либо морских предприятиях, будь то в торговле или войне. Это могло быть вызвано нехваткой надлежащей древесины, нездоровостью морских побережий и отсутствием хороших гаваней; в то время как преимущества, предоставляемые Нилом для сношений и торговли с внутренними районами, исключали необходимость прибегать к торговле по морю. Предполагается, что Сесострис, живший примерно за 1650 лет до Рождества Христова, был первым царем, который преодолел неприязнь египтян к воде. Геродот приписывает ему большой флот в Красном море, а другие историки приписывают ему флоты в Средиземном море. После его смерти его подданные вернулись к своему прежнему отвращению к торговле. Бокхорис, живший в 700 году до н.э., подражал своему законодательству по этому вопросу и обновил его; и во время правления Псамметика порты Египта впервые были открыты для иностранных кораблей, и впервые поощрялись сношения с греками. Нехо, преемник Псамметика, нанял в 600 году до н.э. финикийцев в путешествие вокруг Африки, о котором мы говорили; и это предприятие свидетельствует о монархе, стремившемся к морским открытиям. Априс, внук Нехо, взял штурмом город Сидон и разбил финикийцев в морском сражении. Вполне вероятно, что египтяне, если бы они продолжали оставаться независимыми, прославились бы как торговый народ; но семьдесят лет спустя они были завоеваны персами и стали последовательно подчиняться македонянам и римлянам.

Мы обладаем весьма скудными знаниями о конструкции и оборудовании египетских кораблей. Согласно Геродоту, они были построены из досок тернового дерева, скрепленных вместе, как черепица, большим количеством деревянных штырей, и были полностью лишены ребер жесткости. С внутренней стороны для заделки щелей использовался папирус. Паруса были сделаны из папируса или скрученного тростника. Эти суда всегда буксировали вверх по Нилу, в то время как спускались они по течению следующим образом. Поскольку течение не действовало с достаточной силой на их плоские днища, матросы подвесили пучок тамариска на носу и спустили его под килем на веревке: поток, подхватив этот пучок, с большой быстротой понес лодку вперед.

Евреи, чья страна была плохо расположена для торговли по морю, испытывали еще большее отвращение, чем египтяне, к общению с иностранцами и морским занятиям. Иоппия была единственным морским портом Иудеи и Иерусалима, и в нее были импортированы многие предметы, использовавшиеся Соломоном при строительстве Храма. Во время правления Соломона он использовал корабли своего союзника Хирама, царя Тирского, в коммерческих целях, к которым его собственный народ не был приспособлен. Именно среди евреев, история которых изложена в Священном Писании с такими подробностями, мы, естественно, должны искать самые ранние географические записи. Священные писатели, однако, по-видимому, не имели ни малейшего представления о какой-либо географической системе, поскольку были заняты делами грядущего мира, полностью исключая земные заботы. Они даже не ссылаются на какую-либо подобную отрасль знания, существовавшую в то время. Ясно, что евреи никогда не пытались сформировать какую-либо теорию о структуре и форме земного шара. Их представления относительно границ известного мира могут быть смутно выведены из десятой главы Книги Бытия, из глав, рассказывающих о торговле в Тире, и из различных отдельных намеков пророков.

Идея, общая для всех необразованных людей, о том, что земля - это плоская поверхность, а небо - это твердь или занавес, раскинутый над ней, преобладает во всей Библии. Обитель тьмы и смертной тени была задумана как глубокая яма под ней. Один священный писатель говорит о земле как о "ни на чем не подвешенной"; другой говорит о "столпах земли", а третий - о "столпах небес". Эти намеки в достаточной степени показывают, что, хотя писатели тех дней были впечатлены внешним видом величественных пейзажей природы, они не пытались сгруппировать их в какую-либо регулярную систему.

Населенные пункты, которые всегда упоминались как находящиеся на самых дальних границах их географических знаний, - это Фарсис, Офир, Острова, Шибя, Дедан, Река, Гог, Магог и Север. Первое дало повод для бесконечных дискуссий. Лучшая теория дает ему название Карфагена и, в дальнейшем, распространяет его на весь Африканский континент. Офир - это, вероятно, Софала на восточном побережье Африки. Считается, что острова были южными побережьями и мысами Европы, Греции, Италии и т.д., которые в тот период считались островными. Шибя была Сабеей, или Аравией Феликс. Предполагается, что Дедан был портом в Персидском заливе. Рекой был Евфрат, за которым простирались области, неопределенно известные как Элам и Мидия, и все еще за пределами региона, известного как "Край Земли". Обычно предполагалось, что Гог, Магог и Север относятся к жителям Скифии и Сарматии и гиперборейским народам в целом, хотя более поздняя и более естественная теория относит их к мигрирующим пастухам и воинам Каппадокии, Фригии и Галатии. Таким образом, представляется, что первобытные израильтяне мало что знали за пределами своей собственной страны, Египта, и регионов, лежащих между Средиземным морем и Евфратом. Знание воды, как мы уже отмечали, необходимо для формирования любого правильного и адекватного представления о форме и протяженности суши. Евреи никогда не выходили в море для открытия новых регионов и, как следствие, ничего не знали даже о том, в чем они жили. Мы обнаружим, что греки и римляне, морскую историю которых мы сейчас кратко изложим, приблизились к истине в отношении формы и масштабов мира именно по мере расширения их торговли и усиления их стремления к завоеваниям и колонизации.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ФОРМА КОРАБЛЯ "АРГО" (С ДРЕВНЕГО БАРЕЛЬЕФА).

ГЛАВА V.

РАННЯЯ МОРСКАЯ ИСТОРИЯ ГРЕКОВ—ЭКСПЕДИЦИЯ АРГОНАВТОВ—СУДА, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ В ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ—КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА—ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ГРЕКОВ—ДВОРЕЦ СОЛНЦА—ЧУДЕСА ПУТЕШЕСТВИЯ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ ВИДИМОСТИ СУШИ—ГЕОГРАФИЯ ГЕСИОДА—АНАКСИМАНДРА—ФАЛЕСА, ГЕРОДОТА, СОКРАТА И ЭРАТОСФЕНА—ВЕЛИКИЙ ОКЕАН НАЗВАН АТЛАНТИЧЕСКИМ.

Неизвестно, в какой период греки начали строить суда и выходить в воды, омывающие их побережья и опоясывающие их многочисленные архипелаги; во всяком случае, несомненно, что начало мореплавания у них, как и у всех других народов, следует относить ко времени, намного предшествующему эпохам, о которых у нас есть какие-либо сведения. Упоминаются длительные путешествия, имевшие место в столь ранние периоды, что их следует считать мифическими. Первое морское приключение, претендующее на достоверность, и самое знаменитое в древности, - это экспедиция аргонавтов в Колхиду. Хотя многие ученые авторитеты считают это предприятие сказочным, мы, тем не менее, рассмотрим три момента, связанные с ним, — вероятную эпоху путешествия, его предполагаемую цель и различные маршруты, которыми, как говорят, вернулись искатели приключений.

Дата экспедиции, если она вообще имела место, может быть с уверенностью установлена в 1250 году до н.э. Теория, выдвинутая сэром Исааком Ньютоном, связала бы ее с 937 годом; но к этой дате относятся менее благосклонно, чем к более ранней. Предполагаемой целью было Золотое руно, но что это было, можно только догадываться. Вряд ли людей того времени соблазнила бы перспектива получения коммерческих преимуществ от открытия торговли с Эвксинским морем. Столь же маловероятно, что они предприняли бы столь опасное путешествие с целью грабежа, лучшие возможности для которого существовали гораздо ближе к дому. Предположение о том, что Золотое руно было пергаментом, содержащим секрет превращения неблагородных металлов в золото, и мнение о том, что аргонавты отправились на поиски шкур и дорогих мехов, вряд ли требуют обсуждения. Действительно, кажется, что нет другого адекватного мотива, кроме желания заполучить драгоценные металлы, которые, как считалось, в изобилии добывались на рудниках близ Черного моря. Почему эти рудники были символизированы под названием золотого руна, сказать нелегко, и никакой удовлетворительной причины так и не было предложено. Наиболее вероятным является то, что предполагалось, что золотая пыль была смыта со склонов Кавказских гор проливными потоками и попала в клочья шерсти, разбросанные местными жителями среди камней.

Ясон, сын царя Фессалии, будучи лишен своего наследства и решив попытать счастья в какой-нибудь отдаленной и опасной экспедиции, был вынужден отправиться на поиски Золотого руна в Колхиду. Он завербовал пятьдесят человек и нанял человека по имени Аргус, чтобы тот построил ему корабль, который от него получил название "Арго", а искателей приключений называли аргонавтами. "Арго" описывается как "пентеконторос", то есть судно с пятьюдесятью веслами. Число аргонавтов обычно указывается равным пятидесяти, хотя один авторитетный источник утверждает, что их было сто. Они стартовали из Иолкоса в Фессалии и при южном ветре поплыли с востока на север. Рассказ об экспедиции полон чудес. Они высадились на острове Лемнос, где обнаружили, что женщины только что убили своих мужей и отцов. Аргонавты заменили убитых родственников, и у Ясона родились два сына от одного из осиротевших лемнийцев. Когда судно прибыло ко входу в Эвксинский пролив, — узкий пролив, ныне называемый Босфором, — они построили храм и молили богов о защите от Симплегад, или Вращающихся Скал, которые охраняли проход. С провидцем по имени Финеас посоветовались относительно вероятности того, что они проплывут

невредимыми. Представлялось, что скалы плывут по волнам и, когда что-либо пытается пройти, захватывают и раздавливают его. Согласно Гомеру, —

"Ни одна птица небесная, ни один голубь быстрее крыла,
Несущий амброзию царю эфирному,
Не избегает страшных скал: напрасно она рассекает небеса:
Страшные скалы встречаются и раздавливают ее, когда она летит".

Финеас посоветовал им выпустить голубя, пометить его полет и по его судьбе судить об уготованной им судьбе. Они так и сделали, решив смело продвигаться вперед, если птица благополучно доберется до цели. Голубь спасся, потеряв часть своих рулевых перьев. "Арго" рванулся вперед и миновал грозные скалы, потеряв при этом несколько своих кормовых украшений. С этого времени, добавляет легенда, Симплегады оставались неподвижными и больше не наводили ужас на мореплавателей.

Аргонавты, войдя в Черное море, поплыли прямо на восток, к устью реки Фазис, ныне Рион. Эет, царь, пообещал отдать Ясону руно на определенных условиях. Их он смог выполнить с помощью Медеи, колдуньи и дочери Эета. Затем они вместе бежали в Грецию. Маршрут, которым следовали аргонавты по возвращении, по-разному описан разными поэтами, рассказавшими эту историю, и комментаторами, проиллюстрировавшими ее. Один из них изображает их плывущими вверх по какой-то реке через континент к Балтийскому морю, а оттуда домой вдоль берегов Франции и Испании и через Гибралтарский пролив. Излишне говорить, что между Эвксинским островом и Балтийским морем нет реки. Другие проложенные маршруты столь же нелепы с точки зрения современной географии. Геродот придерживается традиции, согласно которой они вернулись тем же путем, каким ушли, — действительно, единственным способом, которым они могли вернуться, — по воде. Читатель, принимая во внимание романтические прикрасы, которыми наполнен этот рассказ, и сильные сомнения, связанные с ним как с историческим событием, должен выбрать из приведенных нами различных теорий ту, которую он сочтет наиболее удовлетворительной.

Через одно поколение после даты, которую мы назначили этой экспедиции, произошла Троянская война. В 1194 году до н.э. все греческие государства во главе с Агамемноном объединились, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное Менелаю, царю Спарты, троянским царевичем Парисом, похитившим жену царя Елену. За это время греки, если верить гомеровскому повествованию, достигли больших успехов в искусстве кораблестроения и навигации; ибо за очень короткое время в Авлиде, месте общего сбора, было собрано тысяча сто пятьдесят кораблей. Беотийцы предоставили пятьдесят кораблей, и другие государства внесли пропорциональный вклад. В каждом из них было по сто двадцать воинов; следовательно, это должны были быть суда значительной величины. Все корабли описаны как имеющие мачты, которые при необходимости можно было демонтировать. Парус можно было использовать только при ветре прямо за кормой. Тонкое искусство плыть по ветру или плыть на север с северным ветром еще не было понято. Основная движущая сила заключалась в веслах, которые поворачивались на кожаных ремнях, как ключ в скважине. Гомер изображает корабли черными, судя по цвету смолы, которой они были вымазаны. Борта у носа часто окрашивались в красный цвет, поэтому поэты иногда называют суда краснощеками. По прибытии к троянскому побережью греки вытащили свой флот на сушу и поставили на якорь с помощью больших камней. Затем они окружили его укреплениями, чтобы защитить от врага.

Гомер, живший двумя столетиями позже, в 1000 году до н.э., оставил нам довольно полный отчет о кораблестроении, навигации и географии своего времени. Следующий отрывок из

"Одиссеи", переведенный на английский язык Каупером, считается антикварами важным, поскольку он показывает, к какому моменту пришло искусство кораблестроения. Улисс, потерпевший крушение на острове, получает возможность построить корабль с помощью нимфы Калипсо.

Она подала ему удобный для захвата топор
Из железа, тяжелый, обоюдоострый, с крепко вставленной рукоятью
из оливкового дерева, выкованной
с удивительным искусством. Затем, вложив ему в руку
отполированное тесло, она направилась
к самому краю своего острова, где возвышались
ольха, тополь и пронзающая облака ель,
хотя и безжизненные, но крепкие и приспособленные для его использования
Как наиболее плавучие. К этой некогда зеленой роще
Его привели шаги прекрасной нимфы Калипсо,
И она снова вернулась домой. Тогда он не уснул,
Но, размахивая обеими руками топором, его задача
вскоре была завершена: он повалил целых двадцать деревьев на землю
, которые ловко пригладил теслом,
зазубринив сучковатую поверхность по линейке.
Тем временем прекрасная богиня пришла ему на помощь
Принесла острые сверла, которыми он просверлил балки,
затем уложил их рядом, подогнав одну
к другой, и закрыл швы ватой.
Широко, как у художника, искусного в военно-морских работах,
Расползается днище корабля с грузом,
Такую широту приписал Улисс своему плоту.
Он обшил судно длинными досками, укрепленными
на массивных балках: он сделал мачту, к которой
пристроил подходящую рею: он изготовил
руль и штурвал, чтобы регулировать курс судна:
Плетенкой он окаймил всю длину
Для безопасности, и внутри уложил много балласта.
Тем временем Калипсо принесла ему для паруса
Самые подходящие материалы, которые он также сформовал,
И к ним прилагалась вся необходимая мебель
Из крепких снастей, веревок для ног и канатов наверху;
Затем с помощью рычагов спустила судно на глубину".

Помимо фактов, содержащихся в этом отрывке, стоит отметить, что Гомер, по-видимому, относится к кораблестроителям с немалым уважением, поскольку называет их "художниками".

Греки, как и евреи, не знали о реальном устройстве земли. Именно у Гомера мы находим первый письменный след широко распространенной идеи о том, что земля - это плоская поверхность, окруженная со всех сторон океаном. Это было естественное верование в таком почти островном регионе, как Греция, где видимый горизонт и окутывающее море наводили на мысль о плоском круге. Гомер занял ведущее место среди поэтических географов Греции, и его авторитет придал этому предмету причудливый оттенок, следы которого до сих пор не

стерты. Под землей он поместил легендарные области Элизиум и Тартар: над всем этим возвышался величественный небесный свод, который, как предполагалось, покоился на вершинах самых высоких гор. Считалось, что солнце, луна и звезды поднимаются из морских волн и снова погружаются под них по возвращении с небес.

Распределение земель Гомером было еще более фантастическим. За пределами Греции и западных берегов Малой Азии его знания были неопределенными и неясными. Он смутно слышал о Фивах, могущественной столице Египта, и в своих стихах воспевал их сто ворот и бесчисленное воинство, которое они посылали на битву. Эфиопы, жившие за ее пределами, считались самыми отдаленными обитателями пригодной для жизни земли. Ближе к центру Африки тянулись колоссальные хребты Атласских гор: Гомер обожествил высочайшую вершину и превратил ее в гиганта, поддерживающего на своих плечах раскинувшийся небесный купол. Считалось, что узкий проход, ведущий из Средиземного моря в Атлантический, и ныне известный как Гибралтарский пролив, был открыт Геркулесом, а горы по обе стороны — Гибралтар и Сеута — были названы в честь него Геркулесовыми столпами.

Считалось, что Колхидос на берегу Черного моря - город-океан; и здесь греческая фантазия расположила Дворец Солнца. Именно здесь небесный возничий дал отдых своим всадникам на ночь, а утром снова погнал их вперед. Следовательно, Колхида была восточной границей земного шара Гомера. Предполагалось, что на севере Родопы, или Рифейские горы, ограничивают гиперборейские пределы мира. За ними обитала легендарная раса, укрывшаяся в укромных уголках своих долин и защищенная от разборок стихий. Они были представлены свободными от всех бед, физических и моральных, от болезней, смены времен года и даже от смерти. Расой, прямо противоположной идеальным гиперборейцам, были киммерийцы, жившие в устье Азовского моря, которые, по описанию Гомера, жили в вечной тьме и никогда не посещались солнцем. Он представлял себе существование множества других народов, которые долгое время продолжали занимать определенное место в древней географии. Циклопов, у которых был только один глаз, поселили на Сицилии; аримаспы, страдавшие подобным недугом, населяли границы Индии; пигмеи, или карлики, которые вели ожесточенные бои с журавлями, как предполагалось, обитали в Африке, в Индии и, фактически, занимали всю южную границу Земли.

Во времена Гомера все путешествия, во время которых моряк терял из виду землю, считались сопряженными с величайшей опасностью. Ни один мореплаватель никогда не посещал Африку или Сицилию по собственному желанию, но только когда его загоняли туда бури и тайфуны, и тогда его беды обычно заканчивались кораблекрушением: возвращение было не просто чудом, а именно чудом. Гомер сделал Сицилию главным местом действия прискорбных приключений Улисса, и в "Одиссее" достаточно сведений об искаженных и преувеличенных представлениях, существовавших во времена поэта о характере мест, которых можно было достичь во время морского путешествия. Гомер, несомненно, верил в существование чудовищ устрашающей формы и размеров, таких как Полифем, который наблюдал за гибелью морехода и даже поджаривал и пожирал его дрожащие конечности; вероломных чародеек, таких как Цирцея, которые соблазняли только для того, чтобы заманить в ловушку; милых богинь, таких как Калипсо, предлагавших бессмертие в обмен на любовь, хотя мы должны сделать некоторую поправку на поэтическую вольность. Во всяком случае, изобретение этих басен не следует приписывать Гомеру, который, самое большее, красочно пересказал потрясающие сообщения, привезенные с тех грозных берегов теми немногими, кому посчастливилось вернуться. Таким образом, благодаря басням, которыми Гомер украсил свое повествование, географической науке был придан идеальный и

поэтический характер. В ранние века мира наука и поэзия были сестрами-близнецами: каждый поэт был ученым, а каждый ученый был поэтом.

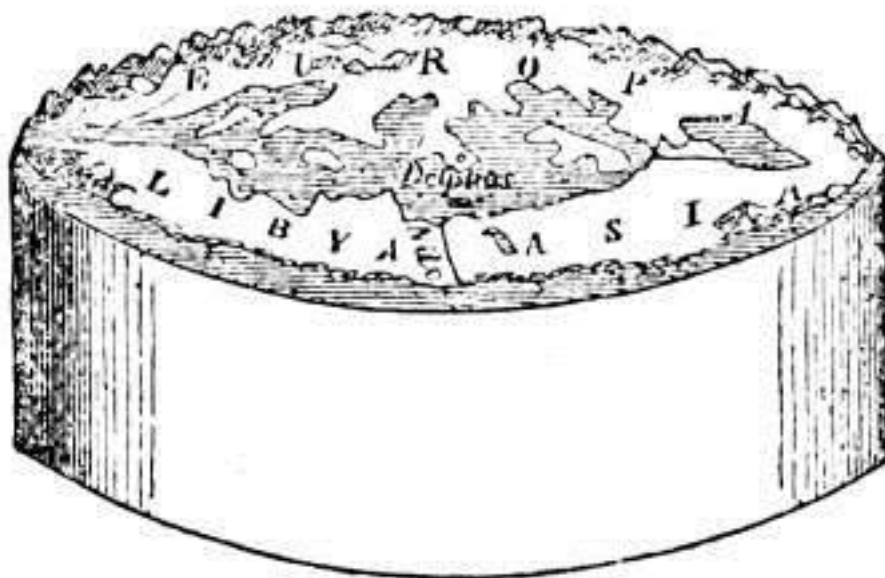

МИР ПО ГОМЕРУ.

Насколько его идеи можно свести к системе, земля представляла собой плоский диск, вокруг которого текла река Океан. Прилагаемый план позволит читателю составить адекватное представление о гомеровской географии. Радиус территорий, описанных Гомером с какой-либо степенью точности, едва ли составлял триста миль в длину.

Гесиод, живший столетием позже Гомера, так описывает научные достижения своего времени: "Пространство между небесами и землей точно такое же, как между землей и Тартаром под ней. Медная наковальня, если ее сбросить с небес, будет падать в течение девяти дней и девяти ночей и достигнет земли на десятый день. Если бы он продолжал свой путь к обители тьмы, на преодоление этого расстояния ушло бы еще девять дней и девять ночей". Стоит отметить, что это утверждение расходится с утверждением Гомера, согласно которому Вулкан, низвергнутый с небес Юпитером, приземлился на Лемносе за один день: следовательно, он путешествовал почти в двадцать раз быстрее, чем одна из его собственных наковален. Гесиод намеревался передать с помощью этих иллюстраций впечатляющее представление о высоте небес. В глазах современной астрономии нет ничего более ничтожного. Время, которое потребовалось бы наковальне, брошенной с Халкиона,

самой яркой звезды Плеяд, в сторону нашего земного шара, чтобы достичь его, возможно, можно представить исходя из того факта, что лучи света, испускаемые Халкионом, проходят путь в пять столетий, прежде чем упасть на землю! Именно поэтому позитивные открытия современной науки превосходят по чудесности самые смелые изобретения древних сказок.

ЗЕМЛЯ ПО АНАКСИМАНДРУ.

Анаксимандр, через четыреста лет после Гомера, утверждал, что земля не плоская, а имеет форму цилиндра с выпуклой верхней поверхностью. Его диаметр был в три раза больше высоты, а форма была круглой, как будто его выковали на токарном станке. Дельфийский оракул был центром его системы.

Несколько позже Фалес, один из Семи Мудрецов, заявил о своей вере в то, что земля имеет сферическую форму и остается подвешенной в воздухе без какой-либо опоры. Это устрашающее учение привлекло мало прозелитов: действительно, было маловероятно, что кто-либо, кроме мудреца, принял бы теорию, которая делала его обитателем планеты, заброшенной и изолированной посреди космоса.

В пятом веке до нашей эры Геродот, самый знаменитый путешественник древности и, следовательно, способный формировать рациональные представления о предмете географии, исправил многие ошибки, укоренившиеся в народных верованиях, хотя массы людей по-прежнему считали Гомера непогрешимым. "Я не знаю такой реки, как океан", - иронизирует он. "Это название кажется чистым изобретением Гомера и древних поэтов. Я не могу удержаться от смеха, когда слышу о реке-океане и о сферической форме земли, как будто это работа токаря". Он сместил центр обитаемой поверхности, которую греки сначала сделали горой Олимп, а затем Дельфы, сделав Родос счастливым обладателем этой привилегии. Сократ столетием позже (400 г. до н.э.) утверждал, что земля имеет форму шара, удерживаемого посреди небес своим собственным равновесием.

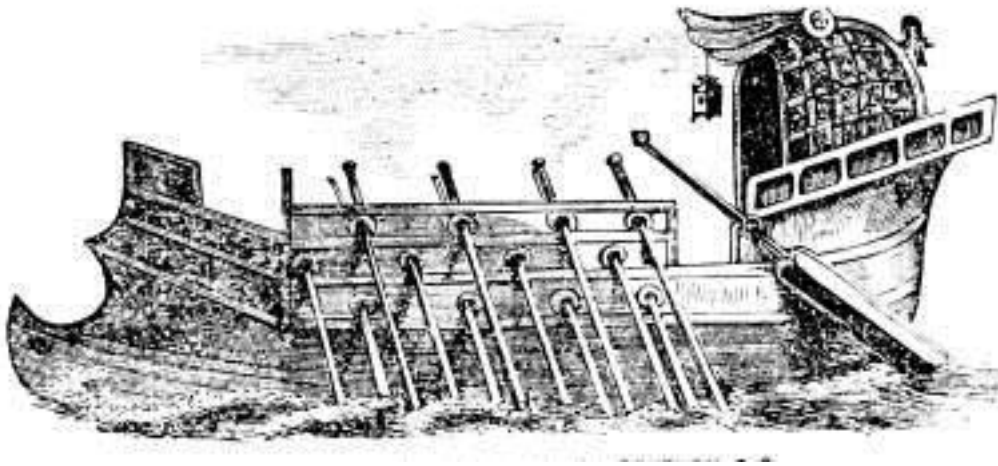
Примерно в 230 году до н.э. Эратосфену, греку из Кирены, удалось свести географию к системе под покровительством египетских птолемеев, что дало ему доступ к огромной массе материалов, собранных Александром и его преемниками и накопленных в Александрийской библиотеке. Сферическая форма земли в настоящее время довольно широко

рассматривалась учеными как правильная теория, хотя она никогда не могла быть подтверждена до тех пор, пока какой-нибудь мореплаватель, плывущий на восток, не вернется западным путем. Эратосфен, исходя из этого принципа, взял за основу свое исследование, чтобы приспособить к нему все известные особенности земного шара. Великий океан Гомера и Геродота, окружавший мир, все еще оставался в его системе. Однако он сравнил величину областей, известных в его время, с тем, что он считал всей окружностью, и убедился, что заполнена только третья часть пространства. Он предположил, что оставшееся пространство может состоять из одного великого океана, который он назвал Атлантикой по имени горы Атлас, которая, как причудливо считалось, поддерживает земной шар. Он также предположил, что в нем можно было бы открыть земли и острова, поплыв на запад.

Теперь мы перейдем к описанию сосудов, использовавшихся греками после Гомера, насколько позволяют дошедшие до нас путанные и неполные данные.

БОЛЬШОЙ ПИНГВИН.

ГРЕЧЕСКИЙ СОСУД ШЕСТОГО ВЕКА До нашей эры

ГЛАВА VI.

КОНСТРУКЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ СУДОВ—НОС, ЮТА, РУЛЬ, ВЕСЛА, МАЧТЫ, ПАРУСА, СНАСТИ, ФАЛЬШБОРТ, ЯКОРЯ—БИРЕМЫ, ТРИРЕМЫ, КВАДРИРЕМЫ, КВИНКВЕРЕМЫ—БОЛЬШАЯ ГАЛЕРА ПТОЛЕМЕЯ ФИЛОПАТОРА—РИМСКИЕ СУДА—ИХ ВОЕННО—МОРСКОЙ ФЛОТ—ИМИТАЦИЯ МОРСКИХ СРАЖЕНИЙ—ПЯТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ ДРЕВНОСТИ.

Носовая часть греческих судов была с обеих сторон украшена мозаичными или раскрашенными фигурами. Глаз с каждой стороны уреза, как показано выше, был очень распространенным украшением. Выступ на носу корабля, заостренный или покрытый медью, предназначенный для нанесения урона врагу при столкновении, часто имел форму дикого зверя, шлема или даже шеи лебедя. Под ним находилась трибуна, или клюв, который состоял из балки, вооруженной острыми и прочными железяками. Сначала они находились над водой, но впоследствии их эффективность была повышена за счет размещения их ниже ватерлинии и того, что они стали невидимыми. Командир носовой части был следующим по рангу после рулевого и отвечал за такелаж и управление гребцами.

Собственно палуба, или средняя палуба, по-видимому, была приподнята над фальшбортом или, по крайней мере, на одной линии с его верхним краем, что позволяло солдатам видеть далеко вокруг себя и метать дротики во врага с господствующей позиции.

Полутьма, или корма, обычно была выше остальной части судна, и на ней находилось возвышенное сиденье рулевого. Он был более круглым, чем нос, хотя его оконечность была такой же острой. Его украшали различными способами, но особенно фигуркой богини-покровительницы или божества судна. Над рулевым была крыша, а над ней изящное украшение, поднимавшееся с кормы и грациозно склонявшееся над ним. Из-за своего видного места и красивой формы это украшение, названное аплюстрой, считалось символом моря и уносилось победителем в морском сражении в качестве штандарта или скальпа в более современные времена.

Руль направления был необычным изобретением. Происхождение этого очень полезного изобретения Плиний приписывает, как мы уже говорили, Тифису с "Арго" — сомнительному лоцману сомнительного судна. До этого суда, должно быть, управлялись теми же веслами, которые приводили их в движение. Греческий руль представлял собой длинное весло с

очень широкой лопастью, вставленное не в конце кормы, а с обеих сторон, где оно начинает изгибаться; а на корабле обычно их было два, и обоими управлял один и тот же человек. На больших кораблях они соединялись шестом, который удерживал их параллельно и придавал обоим то положение, в котором они были повернуты. Руль, по-видимому, считался эмблемой, поскольку он часто встречается на драгоценных камнях, монетах и камнях. Так, Тритон изображен выдувающим раковину и держащим руль через плечо. Культиватор и рог изобилия часто можно увидеть рядом. Каменя, сохранившаяся до сих пор, изображает Венеру Анадиомену, опирающуюся левой рукой на руль того же роста, что и она сама, и тем самым указывающую, как предполагается, на ее собственное морское происхождение.

Весла, получившие название, которое сначала обозначало только лопасть, но впоследствии было применено ко всем веслам, кроме руля, различались по размеру, поскольку ими пользовались гребцы более высокого или более низкого ранга. Можно сказать, что трирема имела сто семьдесят весел, квинкверема - триста и даже четыреста. Нижняя часть отверстий, через которые проходили весла, по-видимому, была обтянута кожей, которая также немного выступала за пределы отверстия. На судах с пятью рядами весел верхние были, конечно, намного больше нижних, и поэтому греческие авторы утверждают, что гребцы низшего ранга, у которых были самые короткие весла и, следовательно, самая легкая работа, получали наименьшее жалованье, в то время как те, у кого были самые большие весла и самая тяжелая работа, получали наибольшее жалованье. Они сидели на скамьях, прикрепленных к ребрам судна, и каждым веслом управлял один человек.

Мачты греческих судов, которых было одно, два и три, обычно делались из ели. Судно с тридцатью гребцами имело две мачты, меньшая находилась ближе к носу. На трехмачтовых судах самая большая мачта находилась ближе к корме. Часть мачты, расположенная непосредственно над реем, образовывала конструкцию, похожую на чашу для питья, и матросы поднимались в нее, чтобы управлять парусами, иметь более широкий обзор и выпускать снаряды. На больших кораблях они делались из бронзы и вмещали трех человек: они были снабжены шкивами для подъема камней и снарядов снизу. Часть мачты над чашей, или *кархезия*, называлась прялкой и соответствовала современной топ-мачте. Парус поднимался, как и в настоящее время, с помощью шкивов и обруча, скользящего вверх и вниз по мачте.

Паруса обычно были квадратными. Обычно на одном корабле устанавливалось не более одного паруса, и затем его прикрепляли реем к большой мачте. Иногда на каждой из двух мачт триремы было по два паруса, которые накладывались один на другой, причем паруса на фок-мачте использовались только в тех случаях, когда требовалась большая скорость. Не похоже, чтобы треугольный или поперечный парус, столь распространенный впоследствии среди римлян, когда-либо использовался греками. Во времена Гомера паруса были льняными. Впоследствии паруса стали изготавливать из пеньки, камыша и кожи. Первоначально белые, паруса древних впоследствии были окрашены в различные цвета. Корабли Индского флота Александра, о которых мы позже поговорим более подробно, были синими, белыми и желтыми. У пиратов они были цвета морской волны, а у Клеопатры в битве при Акциуме - фиолетовые.

Использованные веревки были различных размеров и прочности. Во-первых, толстые и широкие канаты тянулись в горизонтальном направлении вокруг корабля от носа до кормы, чтобы прочно связать всю ткань вместе. Они проходили несколькими кругами на фиксированном расстоянии друг от друга. Их количество варьировалось в зависимости от размера корабля, на трирему обычно требовалось четыре, а на случай, если они предназначались для очень бурной погоды, - шесть. Эти веревки всегда хранились наготове

в арсеналах на Чердаке. Для якорей использовалась веревка второго размера, в то время как веревки, прикрепленные к мачтам, парусам и реям, были в целом легче и сделаны с большей тщательностью. Один из них тянулся от верхушки грот-мачты до носа, соответствуя современному грот-мачте.

Фальшборты были искусственно приподняты выше высоты, предусмотренной строителем каркаса, с помощью плетеной конструкции, покрытой шкурами. Они служили защитой от высоких волн, а также бруствером от врага. По-видимому, они были прикреплены к верхнему краю деревянного фальшборта и снимались, когда в этом не было необходимости. На каждой галере их было четыре, две из которых были "белыми", а две "сделаны из волос". В чем заключались эти различия, совершенно неизвестно.

Якорями греческих судов в более ранние периоды были камни или ящики с песком, но вскоре их стали делать из железа и делать из них зубья или двуустки. Греки использовали несколько выражений для спуска, бросания и взвешивания якоря точно так же, как и мы, и эллиптическая фраза "взвесить" означала тогда, как и сейчас, "поднять паруса". У каждого корабля было несколько якорей: из двадцать седьмой главы Деяний мы узнаем, что у судна святого Павла их было четыре. Последний и самый тяжелый якорь считался "священным" точно так же, как сейчас он считается "последней надеждой". Бросая его, моряки надеялись на защиту богов; и это был скорее предлог для обращения к молитве, чем инструмент, надежный благодаря своей прочности и весу. "В наши дни, - говорит выдающийся писатель об искусстве кораблестроения, - когда все рассчитано и взвешено, и даже в этой самой поэтической из профессий наблюдается тенденция к самому сухому и прозаичному материализму, вместо священного якоря, брошенного посреди молитвы и жертвоприношения, мы имеем якорь весом в восемь тысяч фунтов". При всем должном уважении к религиозному духу этого ученого комментатора, мы можем без непочтительности заметить, что даже самые "поэтические" из моряков предпочли бы одну современную лучшую лодку дюжине священных якорей греков; и едва ли можно сомневаться, что, если бы последние сами были знакомы с "якорем в восемь тысяч фунтов", они бы обошлись без молитв и жертвоприношений. Небеса помогают тем, кто помогает себе сам.

Каждый греческий сосуд имел отличительное название, обычно женского рода, и часто в честь какой-нибудь популярной героини. Во многих случаях добавлялось имя застройщика.

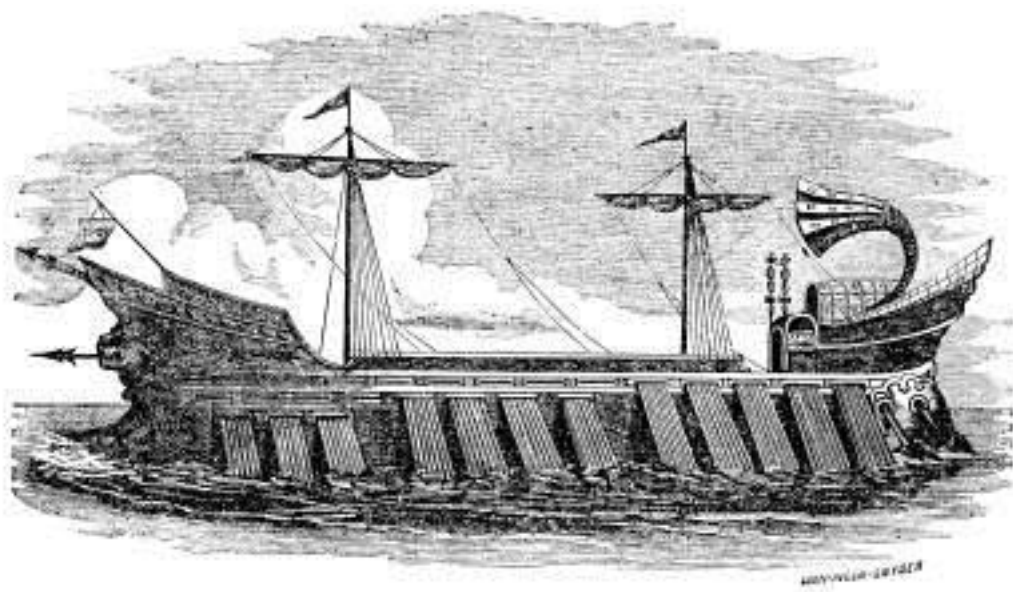
После Троянской войны основание греческих колоний на чужеземных побережьях, торговые сношения с этими колониями и весьма распространенная практика пиратства в значительной степени способствовали совершенствованию кораблей и навигации. В течение многих лет не было внесено никаких изменений в обычай использовать корабли с одним рангом гребцов на каждом борту. Предполагается, что греки-эритрейцы изобрели биремы с двумя рядами, а коринфяне - триремы с тремя рядами. Фемистокл в пятом веке до нашей эры убедил афинян построить двести трирем для нападения на Эгину. Даже в этот период суда не были снабжены полноценными палубами, некоторые имели частичные палубы, а некоторые вообще отсутствовали, что было единственной защитой для людей, находившихся в фальшборте. Изобретение палубных кораблей приписывают тазийцам. После Александра Македонского родосцы стали величайшей морской державой Греции. Колосс Родосский, медная статуя Аполлона высотой в сто футов, по-видимому, была воздвигнута в подтверждение их коммерческого превосходства, поскольку легенда гласит, что она стояла поперек входа в гавань и что суда проходили между ее опорами.

Навигация все еще оставалась такой же, какой была раньше, греки редко выходили в открытое море и считали необходимым оставаться в поле зрения побережья днем и

наблюдать за восходом и заходом звезд ночью, чтобы заменить ориентиры, которые больше не были видны в темноте. Зимой судоходство вообще приостанавливалось. Вместо того, чтобы огибать мыс, они перетаскивали свое судно через перешеек из одного моря в другое с помощью приспособленных для этой цели машин. Это часто делалось по ту сторону Коринфского перешейка. Обычные размеры военной галеры или триремы можно определить из того факта, что ее экипаж составлял двести тридцать человек; а ее скорость на спокойной воде и при попутном ветре может быть установлена как очень близкая к скорости современного парохода.

Говорят, что Дионисий Сиракузский (405 г. до н.э.) построил первые в Греции квадрирему и квинкерему — изобретения, которые он, вероятно, позаимствовал у карфагенян и саламинян. Александр Македонский строил корабли с тридцатью рядами весел. Говорят, что египетский Птолемей Филадельф построил один из сорока кораблей по греческому образцу. Калликсен оставил описание этого судна; и оно, будучи переписано Плутархом и Афинеем, до самого недавнего времени подтверждалось компетентными властями и считалось вполне достоверным. Позднейшие исследования убедительно показали, что судно с указанными пропорциями никогда не могло существовать. Говорят, что на нем было сорок ярусов весел, расположенных одно над другим. Ясно, что самые верхние ярусы должны были быть огромной длины, чтобы достигать воды, и, следовательно, мы находим, что их длина составляет семьдесят футов. Шестьдесят футов такой длины, естественно, должны были быть без сосуда, оставляя внутри десять футов ручки. Поскольку силы одного человека не хватило бы, чтобы управлять веслом, столь неравномерно балансирующим, баснописцы утверждают, что рукояти были сделаны из свинца, чтобы равновесие могло быть восстановлено. Однако то, что история таким образом приобретает вес, безусловно, теряет в достоверности. О семидесятифутовых веслах не могло быть и речи даже в героические века. Их численность была столь же необычайной, поскольку они насчитывали не менее четырех тысяч человек, и ими управляли четыре тысячи человек. Помимо них, в замках и за укреплениями было собрано две тысячи восьмисот пятьдесят бойцов. У нее было четыре руля, каждый длиной в сорок пять футов, и двойной нос. Эта последняя особенность была бы препятствием, а не преимуществом, поскольку углы входа обоих носов в воду оказали бы очень сильное сопротивление воде, которая, в свою очередь, приложила бы большую силу, чтобы разделить их. Говорили, что ее корма была украшена великолепными изображениями ужасных и фантастических животных, ее весла торчали из густой листвы, и, как будто она и без того не была перегружена, было заявлено, что в ее трюме находилось огромное количество зерна. Критическое сравнение показало, что эта знаменитая галера не смогла бы повернуть голову с запада на восток, не описав огромную орбиту и не совершив целый час маневра. Действительно, если бы египтяне были достаточно глупы, чтобы построить такой корабль, им не посчастливилось бы управлять им.

Тем не менее, поскольку совершенно ясно, что Птолемей действительно построил галеру необычных размеров и вместимости, современные комментаторы искренне пытались объяснить вопиющие преувеличения и невозможность описания, данного Калликсеном. Главная трудность заключалась в сорока рядах весел и в четырех тысячах гребцов. Гравюра на противоположной странице изображает "Птолемей" таким, каким, как можно разумно предположить, он выглядел. Вместо сорока ярусов, восстановленное таким образом, судно имеет сорок групп весел: при такой замене и значительном уменьшении общего числа не исключено, что оно могло существовать и даже плавать. Однако Калликсен не утверждает, что она когда-либо была полезна на войне: похоже, на нее смотрели как на диковинку и зрелище. На самом деле она была Левиафаном древности, оригинальным "Тритоном среди пескарей".

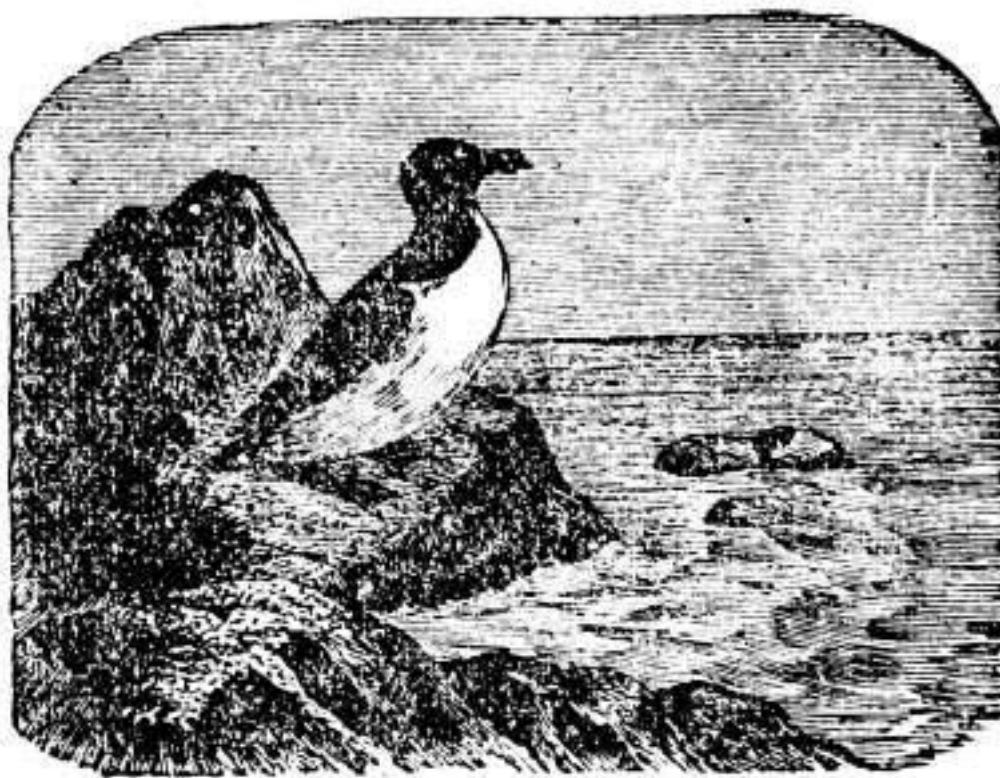
ПТОЛЕМЕЙ ФИЛОПАТОР.

Римляне получили модели своих судов от греков, хотя они оставались почти полностью неизвестными с морем вплоть до третьего века до нашей эры. Тогда у них не было флота, и кораблей для какого-либо мирного или коммерческого использования было мало или вообще их не было. Ливий упоминает о назначении морских децемвиров примерно в 300 году до н.э., но только в 260 году до н.э. Рим стал морской державой. Теперь стало ясно, что она не сможет противостоять Карфагену без военно-морского флота, и сенат приказал немедленно построить флот. Триремы были бы мало полезны против квинкверемий карфагенян с высокими бастионами. К их большому счастью, случилось так, что судно самого большого класса, принадлежащее Карфагену, потерпело крушение у берегов Бруттия и, таким образом, послужило им образцом. По этому проекту они построили более ста судов, большую часть из которых составляли квинкверемы, причем все они были закончены через шестьдесят дней после того, как были срублены деревья. Построенные из зеленого дерева, они были ненадежными и неуклюжими. Тем не менее, к их собственному удивлению, они одержали морскую победу, захватив пятьдесят вражеских судов. Семнадцать их собственных были захвачены и уничтожены карфагенянами у Мессины. Вскоре римляне полностью подорвали морскую мощь своего африканского врага. С этого времени они продолжали содержать мощный военно-морской флот и строили суда с шестью и даже десятью рядами весел. Конструкция их судов мало чем отличалась от греческих, за исключением разрушительных боевых машин, а также башен и платформ, которыми они их оснастили.

В имперский период римляне с большим удовольствием наблюдали за морскими сражениями, и их императоры не менее любили их демонстрировать. Первое представление такого рода, или *наумахия*, было дано Юлием Цезарем на озере, вырытом специально для этой цели на Марсовом поле. Август приказал создать озеро или "стагнум" для аналогичного использования. Оно оставалось постоянным местом проведения подобных выставок. Участниками этих боев обычно были пленники или преступники, приговоренные к смерти, которые сражались, как в гладиаторских боях, до тех пор, пока одна из сторон не была уничтожена или пощажена императорским милосердием. В наумахиях, подаренной Нероном,

в искусственном озере плавали морские чудовища. Клавдий приказал устроить морское сражение на озере Фучин, в котором приняли участие сто кораблей и девятнадцать тысяч бойцов. Были замечены плавающие отряды nereid, и сигнал к атаке был подан серебряным тритоном, которого с помощью механизма заставили трубить сигнал тревоги.

Теперь мы переходим к изложению в хронологическом порядке очень немногих открытий, совершенных до христианской эры. Это были путешествия Ганнона в Сьерра-Леоне, Сатаспа в Сахару, Неарха от Инда до Тигра, Пифея от Массилии до Шетландских островов и Евдокса от Кадикса до Экватора.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ПИНГВИН.

ГЛАВА VII.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГАННОНА КАРФАГЕНЯНИНА —ОН ВИДИТ КРОКОДИЛОВ, ОБЕЗЬЯН И ВУЛКАНЫ—ПУТЕШЕСТВИЕ ГИМИЛЬКОНА В АЛЬ-БИОН—ПУТЕШЕСТВИЕ И ПОЗОРНАЯ СУДЬБА САТАСПА ПЕРСИДСКОГО—ПУТЕШЕСТВИЕ ПИФЕЯ ФОКЕЙСКОГО—СВЯЩЕННЫЙ МЫС—НОВАЯ АТМОСФЕРА—ЯНТАРЬ—ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ—ПРАВДИВОСТЬ РАССКАЗА ПИФЕЯ—ЭКСПЕДИЦИЯ НЕАРХА МАКЕДОНСКОГО—СТРАННЫЕ ЯВЛЕНИЯ НА НЕБЕСАХ—ИХТИОФАГИ—ДОМА, ПОСТРОЕННЫЕ ИЗ КОСТЕЙ КИТОВ—РЫБНАЯ МУКА—БИТВА С КИТАМИ—НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА—РАССТОЯНИЕ, ПРОЙДЕННОЕ НЕАРХОМ—ПУТЕШЕСТВИЕ ЕВДОКСА ВДОЛЬ АФРИКАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ—СОСТОЯНИЕ МОРЕПЛАВАНИЯ НА ЗАРЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ.

В период, который уже невозможно установить с точностью, но определенно предшествующий пятому веку до нашей эры, карфагеняне, находившиеся тогда на пике своего морского и коммерческого процветания, приказали мореплавателю по имени Ганнон совершить путешествие за Геркулесовы столпы и основать города вдоль западного побережья Африки. Он отправился в плавание с флотом из шестидесяти судов, каждое из которых приводилось в движение пятьюдесятью веслами. Он взял с собой тридцать тысяч мужчин и женщин с обильными припасами и провизией. В течение недели после прохождения пролива они основали город и воздвигли храм Нептуну; они также основали пять торговых станций вдоль побережья. Они увидели расу людей по имени ликситы, с которыми их связали узы дружбы и которые снабдили их переводчиками. Продолжая свой путь, они встретили другую расу, одетую в шкуры диких зверей, которые отбросили их от берега камнями и другими метательными средствами. Затем они подошли к устью реки, которая была полна крокодилов и гиппопотамов. Вскоре они прибыли на побережье, окаймленное высокими горами, покрытыми деревьями, древесина которых была ароматной и разнообразно окрашенной. За ними открывался огромный морской простор, окаймленный равнинами, на которых они видели множество пылающих костров. Затем они подошли к большой бухте, в которой находился остров, окружавший озеро с соленой водой, в котором, опять же, был еще один остров. Войдя в это озеро ночью, они увидели горящие огромные костры и слышали звуки музыкальных инструментов и крики бесчисленных человеческих существ. Затем они достигли огненной области Тимиамата, откуда потоки пламени низвергались в море. Здесь земля была такой раскаленной, что нога человека не могла на нее ступить. После четырехдневного плавания они снова обнаружили ночью землю, объятую пламенем. Посреди этих огней появился один, гораздо более высокий, чем остальные: при дневном свете это оказалась очень высокая гора, называемая Колесницей Богов. Вскоре они познакомились с грубым описанием людей с грубой кожей, среди которых самок было гораздо больше, чем самцов: переводчики называли их *гориллами*. Они попытались поймать кого-нибудь из них, но им удалось поймать только трех самок, которые оказали такое яростное сопротивление, что им пришлось убить их и содрать с них шкуру, которую они отнесли обратно в Карфаген. Поскольку к этому моменту у них закончилась провизия, они не смогли продолжить свое путешествие и вернулись домой.

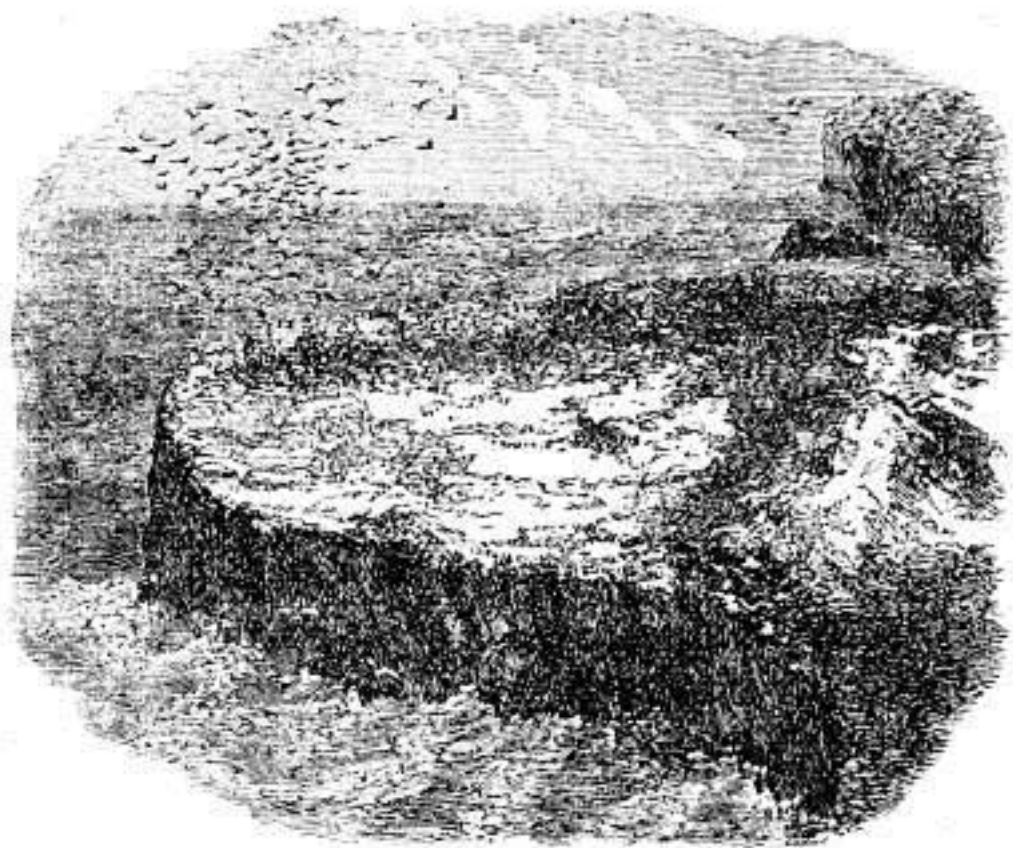
Этот рассказ, приведенный самим Ганноном, едва ли занимает две октавные страницы: географы и антикварины написали к нему тома комментариев. Наиболее вероятная из различных гипотез, построенных на этом основании, состоит в том, что путешествие Ганнона простиралось до пролива Шербро, немного южнее Сьерра-Леоне. Черты человека и природы, описанные Ганноном, можно найти только в Тропической Африке: эфиопы или негры; гориллы, которые явно являются обезьянами или орангутангами; реки настолько большие, что в них водятся крокодилы и речные коньки. Большие пожары травы, а также музыка и танцы, продолжающиеся всю ночь, также являются явлениями, которые наблюдались только на негритянских территориях. Но эта гипотеза принимается не всеми географами, один из которых дает курсу Ганнона протяженность в три тысячи миль, в то время как другой ограничивает его менее чем семистами.

Пока Ганнон таким образом исследовал западное побережье Африки, другой карфагенянин по имени Химилькон был отправлен своими соотечественниками на Север Европы. Из очень расплывчатого описания его путешествия, данного в латинской поэме, озаглавленной "*Ора Приморская*", ясно, что он пересек Бискайский залив и обнаружил, как утверждается, на островах, но, вероятно, и на материке, расу атлетически сложенных людей, которые бесстрашно выходили в море в барках, сделанных из сшитых вместе шкур. За два дня они добрались до места, называемого Священным Островом (Ирландия), которое находилось

недалеко от другого острова, называемого Аль-Бион (Англия). Больше никаких подробностей об этой экспедиции не сохранилось.

После установления персидского владычества над восточным побережьем Средиземного моря, ближе к концу пятого века до нашей эры, исследование Африки стало особой прерогативой персидских монархов. Но эта нация испытывала непреодолимое отвращение к морю, и единственное зарегистрированное ими морское усилие было совершенно случайным по своему происхождению и тщетным по своим результатам. Это было следующее, как записал Геродот:

Персидский вельможа Сатасп, совершивший преступление, караемое смертной казнью, был приговорен Ксерксом к распятию. Один из его друзей убедил монарха смягчить приговор путешествием вокруг Африки, которое, по его словам, было гораздо более суровым и могло принести пользу нации. Сатаспес раздобыл судно, набрал команду в Египте и, проплыв мимо Геркулесовых столпов, взял курс на юг. Сообщается, что он бродил много недель и, вероятно, достиг берегов Великой пустыни Сахара. Вид этого грозного, изуродованного штормами побережья вполне мог бы привести в ужас мореплавателя-любителя, привыкшего к роскошной праздности персидского двора. Он, по-видимому, предпочел распятие кругосветному плаванию, поскольку сразу же изменил курс на Пролив. Он бессвязно рассказал Ксерксу о своих приключениях, объяснив свою неудачу вмешательством непреодолимого препятствия, природу которого он не смог объяснить. Ксеркс не желал слушать никаких оправданий и приказал немедленно привести первоначальный приговор в исполнение. Власти расходятся во мнениях относительно судьбы Сатаспеса: одни утверждают, что он перенес позорную смерть, к которой был приговорен, а другие утверждают, что он сбежал на остров Самос.

СВЯЩЕННЫЙ МЫС.

Повествование о Пифее, которое до сих пор было ясным и достоверным, приобретает здесь совершенно сказочный аспект. Он заявляет, что к северу от Туле не было ни земли, ни моря, ни воздуха. Некое плотное скопление всех элементов занимало пространство и окутывало мир. Он сравнил его с густым, вязким животным веществом, называемым *pulmo marinus*, разновидностью моллюска или медузы. Он сказал, что эта субстанция является основой вселенной и что в ней как бы подвешены земля, воздух и небо. Эта иллюзия объяснялась унылым зрелищем туманов, дымки, дождей и бурь, которые на этом этапе путешествия, должно быть, предстали взору отважного мореплавателя. В те ранние века любому уму было бы трудно остерегаться зловещих впечатлений, которые могли возникнуть при созерцании столь ужасающей сцены. Следует помнить, что Пифей привык к чистой и прозрачной атмосфере, ослепительному небу и фосфоресцирующим водам Средиземного моря. Было бы удивительно, если бы человек, воспитанный среди великолепия почти тропического климата, не был подавлен столь мрачными влияниями. Все первые мореплаватели верили, что где-то там, где нет Геркулесовых столпов, можно найти точку, дальше которой проникнуть было бы невозможно. В то время как робкие искатели приключений заявляли, что они прибыли в это место едва ли в неделю плавания от Пролива, и заявляли, что атмосфера тумана, темноты и гигантских морских водорослей преградила им путь, Пифей не позволял своему воображению разыграться или поколебать свою храбрость, пока не оказался перед мрачным и устрашающим пейзажем того, что он с истинной географической точностью назвал "Туле и ее крайними островами".

Оставив позади свою животную атмосферу, Пифей вернулся на Оркас, а оттуда в Кантий. Вместо того чтобы следовать своим прежним путем через Британский канал домой, он повернул на восток и через несколько дней плавания прибыл в устье Рейна. Он обнаружил, что здешняя страна населена расой свирепых варваров. На берегах обширного залива, за его пределами, жили германцы и гуттоны. В этом заливе находился остров под названием Абальча, на берега которого волны весной выбрасывали огромное количество желтого янтаря, который жители сжигали вместо дров или продавали в качестве топлива своим соседям тевтонам. Пифей продолжил свое путешествие до реки под названием Танаис, которая в настоящее время считается либо Эльбой, либо Одером. Он считал этот поток восточной границей Кельтики, в которую он включил Германию. Теперь он повернул свое лицо домой и, пройдя вдоль берегов Кельтики и Иберии, без происшествий и приключений прибыл в Массилию. Он проплыл сто восемьдесят шесть тысяч стадий, или одиннадцать тысяч миль: продолжительность экспедиции составила меньше года.

Географы, следовавшие за Пифеем, усердно пытались дискредитировать его утверждения. Один вообще отрицал путешествие; другой усомнился в правдивости повествования. Страбон был особенно враждебен к Пифею, который, по его словам, оказался бы "лжецом первой величины". Таким образом, он был вынужден приводить длинные цитаты из своих описаний с целью их опровержения. Поскольку оригинальный отчет, приведенный Пифеем, не сохранился, мир обязан скептицизму Страбона всем, что ему известно об одном из самых интересных и смелых морских предприятий древности.

В 326 году до Рождества Христова Александр Македонский, завершив завоевание Персии и вторгшись в Индостан с севера, оказался вынужденным из-за мятежа своих войск задержать продвижение к восточному берегу реки Инд. Здесь его охватило желание исследовать нижнее течение этой реки, а затем и южные берега Азии, участок побережья, с которым греки были совершенно не знакомы. Целью экспедиции была частично разведка, а частично переправа части армии обратно в Вавилон на реке Евфрат. Опасность этого предприятия и маловероятность успеха удержали большую часть морских офицеров от попытки совершить

его, поскольку ни Аравийское море, ни Персидский залив никогда раньше не пересекались. Неарх, адмирал флота, предложил нескольких кандидатов на эту рискованную честь, которые под разными предлогами отказались. Неарх, наконец, предложил свои услуги, которые после некоторых колебаний были приняты. Этот выбор командира успокоил солдат и матросов, предназначенных для экспедиции, поскольку они чувствовали, что Александр не отправил бы своего близкого друга в путешествие, из которого тот вряд ли вернулся бы. Великолепие приготовлений, красота судов, уверенность офицеров также значительно развеяли их опасения. По слову Александра, говорит современный поэт, —

"Опускаются сосны; устремляются громоздкие мачты;
Новые паруса красиво раздуваются над изгибами
Инда: под песню ведущего
Весла бьют в такт, пока отважный Неарх ведет
галеры наверх. На переднем носу
монарх из своего золотого кубка совершает
полное возлияние богам и называет
По имени могучие реки, по течению которых
Он стремится к морю".

Александр сопровождал свой флот к дельте Инда, откуда открывался вид на залив. Затем он вернулся, чтобы повести своих людей через Гедрозию, Караманию и Персис в Вавилон. Затем Неарх отплыл, предварительно принеся жертвы Нептуну и Юпитеру Сальватору и заказав серию игр и гимнастических упражнений. Предпринятое таким образом путешествие стало событием реальной важности в истории мореплавания: оно открыло маршрут между Европой и оконечностями Азии. Это был источник открытий, сделанных в более поздние времена португальцами, и основная, хотя и отдаленная, причина успешного утверждения британцев в Индии.

ПЛАН ПУТЕШЕСТВИЯ НЕАРХА.

В самом устье реки они встретили непреодолимое препятствие — скалистую отмель, о которую волны разбивались с особой силой. Через эту отмель, в самых слабых ее местах, они прорубили канал длиной в треть мили и во время прилива прошли по нему вместе с флотом. Едва они вышли в открытый океан, как сильный шторм загнал их на полосу суши, защищенную островом: этой естественной гавани Неарх дал имя Александра. Здесь он приказал разбить лагерь и окопаться, и оставался там двадцать четыре дня, причем солдаты питались в основном моллюсками. Когда шторм утих, они снова поднялись на борт, встречаясь на своем пути с постоянными приключениями и трудностями. Однажды они

проходили мимо огромных грозных скал, так близко, что касались их веслами с обеих сторон. В другом случае они были бы вынуждены, приземлившись за водой, подняться на несколько миль вглубь страны, прежде чем найти источники пресной воды. Из-за шторма затонули две галеры и одно судно, экипажам которых, однако, удалось доплыть до берега. Неарх приказал всей своей армии высадиться в этом месте, поскольку они нуждались в отдыхе, а его разбитый флот нуждался в ремонте. Он встретился с Леонатом, которого Александр отделил от основной части армии, чтобы следовать вдоль побережья и поддерживать связь с Неархом. Александр также отправил в это место пшеницу для флота, и каждое судно взяло с собой запас, достаточный на десять дней. Неарх обменял тех матросов и солдат, которые оказались неэффективными, на свежих людей, отобранных из отряда Леоната.

В этом месте повествование приобретает сильный оттенок обычных преувеличений первых мореплавателей. Неарх утверждает, что наблюдал странные явления на небесах. Когда солнце находилось на меридиане, говорит он, тени не отбрасывались, и звезды, которые они привыкли видеть над собой, теперь склонялись близко к горизонту; другие, которые прежде никогда не исчезали с неба, теперь появлялись и заходили с определенными интервалами. Утверждение относительно теней в полдень, очевидно, является выдумкой. Во времена Неарха было достаточно известно об астрономии и движении небесных тел, чтобы убедить ученых в том, что должна быть точка, где тело, находящееся непосредственно под солнцем, в день летнего солнцестояния не отбрасывало тени; и Неарх, с тщеславием, вполне обычным для завоевателей и авантюристов тех времен, предпочел заявить, и, возможно, сам в это верил, что видел это необычное явление. Два обстоятельства покажут неточность его заявления. Предполагаемое появление имело место в середине ноября, в двадцати пяти градусах к северу от экватора. Даже если бы Неарх был на этом месте в середине лета, он увидел бы тени очень приличной длины. На побережье Гедросии он нашел народ, называемый иктиофаги, или рыбоеды. Здешняя баранина имела рыбный вкус, и Неарх обнаружил, что овцы едят рыбу так же, как и местные жители, поскольку на этой земле не было пастбищ.

В одной из деревень рыбоедов Неарх нанял лоцмана, который взялся проводить его до Карамании. Вид побережья теперь стал менее отталкивающим, и на склонах холмов буйно росли пальмы, мирты и цветы. Таков был восторг македонян при этом зрелище, что они высадились на берег и сплели гирлянды и венки из листвы для жен и дочерей туземцев. Дальше, в месте, где жители подарили им жареную рыбу тунец - первую приготовленную рыбу, которую они получили от ихтиофагов, - и где они заметили пшеничные поля, они высадились и, завладев деревней, потребовали сдачи всей своей пшеницы. Люди оказали слабое сопротивление, а затем отказались от всей муки, которая у них была, — не пшеничной, а рыбной, — муки, приготовленной путем измельчения рыбы в порошок, как мы делаем муку, измельчая зерна пшеницы.

Побережье снова стало почти пустынным, и экипажу пришлось питаться нежными почками пальм, а однажды они были рады сожрать семь верблюдов, которых им посчастливилось встретить. Помимо опасности голода, Неарху приходилось бороться с легионами китов, многие из которых достигали ста пятидесяти футов в длину, — огромных размеров для внутренних морей, таких как Персидский залив. Однажды он заметил струю воды огромной высоты и силы, и вскоре воздух наполнился брызгами, взметаемыми резвящимся стадом этих монстров. Испуганные моряки бросили весла, но Неарх подбодрил их и рассеял их страхи. Он выстроил суда флота в одну линию и приказал им двигаться одновременно на полной скорости, как в морском бою, и, приблизившись к китам, устроить их криками и звуком труб. По данному сигналу суда тронулись и ринулись вперед, на армию

китообразных; киты нырнули в пучину воды и, вновь появившись за кормой флотилии, подняли целый ливень брызг в насмешку над своим трусливым врагом. Неарх обнаружил, что этих рыб так много, что большое их количество выбрасывалось на берег во время каждого шторма: жители строили дома из их костей, используя более крупные кости в качестве столбов, досок и дверей; челюстные кости служили отличной соломенной крышей или кровельным материалом. Он также видел хижины, построенные из спинной кости более мелкой рыбы.

Теперь флот достиг берегов Карамании, миновав остров, на котором, как предполагалось, жила волшебница, очень похожая на Цирцею из греческой басни, которая, как говорили, соблазняла мореплавателей обещанием сладострастных удовольствий, а затем превращала их в рыб. Теперь Неарх обнаружил, что его горестям почти пришел конец, так как почва была плодородной, а ручьи давали обилие воды. Вскоре он увидел обширный мыс на аравийской стороне (мыс Муссендун), который, казалось, полностью закрывал вход в Персидский залив. Моряки, утомленные долгим путешествием, горячо умоляли Неарха высадиться здесь и отправиться через всю страну в Вавилон. Неарх настаивал, что это не соответствовало бы намерениям Александра, по приказу которого было обследовано все побережье от Инда до Евфрата. Поэтому они обогнули мыс и вошли в Персидский залив. Держась поближе к северному берегу, они, наконец, вышли к участку территории, населенному дружественными народами и изобилующему всеми фруктами, кроме олив. Они высадились в устье Анамиса — современного Минаба — и освежились после долгих лишений. Они отдыхали в тени пальм и весело беседовали об опасностях, которых им удалось избежать, и о чудесах, которые они видели. Группа людей отправилась с побережья в глубь страны и, к своему удивлению и радости, встретила человека, одетого в греческую хламиду и говорящего на греческом языке. Они спросили его, кто он такой и из какой страны. Он ответил, что принадлежит к армии Александра и что лагерь находится недалеко. Охваченные восторгом, они отвели незнакомца к Неарху, которому он сказал, что Александр находится в пяти днях пути от моря.

Неарх, получив это известие, приказал вытащить свои корабли на берег, возвести вокруг них вал и начать ремонт, в то время как он, Архий, лейтенант и шесть матросов должны были отправиться на поиски лагеря царя. Когда они приблизились к аванпостам, солдаты, посланные Александром им навстречу, которым сообщили об их приближении, не узнали их из-за изменившейся одежды и изможденного вида. Александр принял их с добротой, но с глубокой печалью, ибо ему пришла в голову мысль, что восемь человек, стоявших перед ним, были единственными, кто пережил морские опасности. "Вы двое вернулись, - сказал он, - ты и Архий, целые и невредимые, и одно это делает потерю моего флота переносимой: скажите мне, каким образом погибли мои корабли и моя армия". Говорят, что, узнав о безопасности всей экспедиции, он разразился потоком слез и поклялся, что получил от этого события больше удовольствия, чем от всего завоевания Азии. Он приносил жертвы Юпитеру, Геркулесу, Аполлону и Нептуну. Затем он предложил, чтобы Неарх отдохнул от своих испытаний и чтобы другой человек проводил флот в Сузы, столицу Сузианы. Неарх, однако, счел несправедливым, что слава завершения дела, которое он так успешно начал, была отнята у него, и сохранил за собой командование. Ему пришлось пробиваться обратно к морю через воинственные и враждебные племена.

Остальная часть путешествия вдоль берегов Карамании и Персиса — современного Фарса — была сравнительно легкой, поскольку Александр отдал приказ, чтобы Неарх время от времени доставал запасы всех видов провизии. 24 февраля 325 года до н.э. флот прибыл в устье Евфрата. Неарх узнал, что Александр уже достиг Сузов, которые располагались примерно в сорока милях вглубь страны, на берегах Тигра. Поэтому он поднялся по этой реке,

и у моста, недавно переброшенного через нее для прохода армии Александра, произошло соединение давно разделенных морских и сухопутных сил. Неарх получил золотую корону за успех в экспедиции; лоцман был вознагражден короной меньшего размера, а долги армии были погашены Александром.

Путешествие заняло почти пять месяцев, и пройденное расстояние составляло не более полутора тысяч миль, если учитывать извилины и изломы побережья, и тысячу двести миль по прямой. Следует считать, что половина этого пятимесячного периода была потрачена на сушу, на обследование побережья, на ремонт судов и на вылазки в поисках пищи и воды. Сейчас по тому же маршруту обычно проходят торговые суда в течение трех недель. Ничто не может дать лучшего представления об огромной услуге, которую, как считалось, Неарх оказал государству, чем тот факт, что год спустя именно на пиршестве в его честь Александр предался излишествам, которые привели к его смерти.

Евдокс, следующий мореплаватель в хронологическом порядке, был уроженцем Кизика, что в Мизии, и был послан его жителями в третьем веке до нашей эры с миссией, связанной с продвижением географической науки, в Александрию, тогдашний центр морских предприятий. Он сильно проникся духом исследований, который царил там, и преуспел в том, чтобы убедить Птолемея Эвергета, правящего царя, оснастить военно-морское вооружение и отправить его под его командованием в экспедицию по Персидскому заливу или Красному морю. Судя по всему, он совершил успешное путешествие, поскольку вернулся с грузом ароматических веществ и драгоценных камней. Предполагается, что он проплыл по Красному морю и, пройдя Вавилонским проливом, проследовал вдоль южного побережья Аравии до Персидского залива; совершенно маловероятно, что он достиг берегов Индии. Эвергет отнял у него все его богатства по возвращении, но вскоре после этого умер, оставив трон своей вдове Клеопатре.

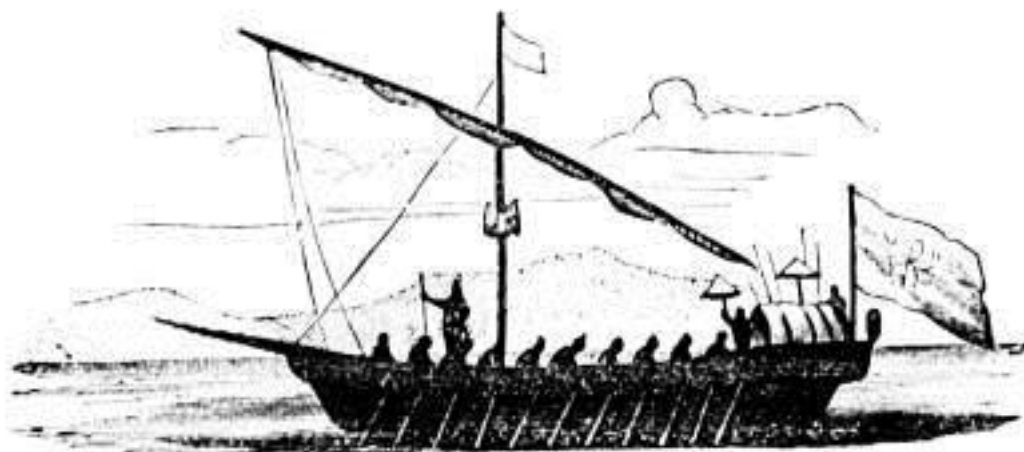
Царица благосклонно отнеслась к Евдоксу и отправила его в новое путешествие. По-видимому, неблагоприятные ветры пригнали его к побережью Абиссинии, где он заключил выгодные сделки с местными жителями. Он вытащил из воды обломок затонувшего судна — нос судна, которое, судя по скульптуре, изображающей фигуру лошади, прибыло с Запада. Этот нос был продемонстрирован Евдоксом в Александрийской гавани, и некоторые моряки из Кадиса заявили, что он имеет точную форму, характерную для больших судов, которые выходили из этого порта ловить рыбу у берегов Мавритании или Марокко. Поэтому пылкому уму Евдокса было очевидно, что этот обломок потерпевшего крушение судна, брошенный на произвол волн, решал великую морскую задачу древности — обогнуть Африку. Он с восторженной доверчивостью предался соблазнительной надежде, что ему самому удастся достичь этого любимого объекта честолюбия принцев, королей и государств.

Он решил отказаться от лживого покровительства дворов и начать новую экспедицию из Кадиса. Он отправился туда через Массилию и другие торговые поселения и призвал всех, кто был воодушевлен духом прогресса, следовать за ним. Таким образом, ему удалось снарядить армаду, состоящую из одного корабля и двух больших лодок, на борту которых были не только товары, провизия и необходимая команда, но и ремесленники, ученые и музыканты. Сам пыл и экстравагантность их надежд, а также, возможно, неуместная веселость, с которой они отправились в путь, не позволили им столкнуться с опасностями и тяготами открытия Африки. Команда была напугана волнением открытого моря, через которое Евдокс хотел пробраться, и настояла на том, чтобы следовать вдоль берега, согласно обычному в те дни осторожному методу. Следствием этого стало то, что судно село на мель, и груз с трудом удалось спасти. Евдокс продолжал путешествие на единственном корабле более легкой конструкции, пока не наткнулся на расу людей, говоривших, как он думал, на

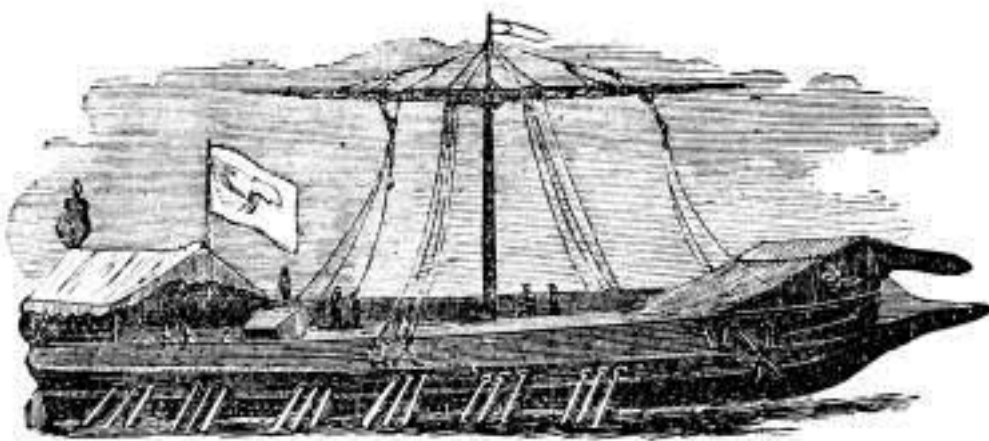
том же языке, что и те, кого он встретил на противоположной стороне континента. Решив, что этого открытия достаточно для экспедиции в ее ныне ослабленном состоянии, он вернулся в Испанию и снарядил еще один небольшой флот, лучше приспособленный для борьбы с волнами открытого моря.

Он снова пустился в путь; но повествование, переданное Страбоном, на этом месте обрывается, и у нас нет информации о результатах этого предприятия. Это правда, что слухи и басни заменили подлинные факты, и что Евдокс, согласно одной версии, действительно совершил кругосветное плавание по Африке; по другой - пришел к расе людей, которые родились немymi; а по третьей - столкнулся с народом, у которого не было рта, но он получал пищу через отверстие в носу. Эти преувеличения недостойны внимания; и они, по-видимому, не дискредитировали рассказ о более раннем опыте Евдокса, который принадлежит к числу наиболее почитаемых повествований о древних морских приключениях.

Таким образом, мы дали несколько подробных описаний всех заслуживающих внимания экспериментов в области мореплавания, предшествовавших рождению Христа. Сразу следует отметить две особенности, характеризовавшие все эти усилия: во—первых, единственной надежной движущей силой по-прежнему оставались весла; и, во-вторых, ни один моряк не отваживался выйти за пределы видимости суши, если только, как при пересечении Средиземного моря, он не знал, что другие земли лежат за видимым горизонтом. Мы завершаем это разделение предмета общим замечанием, что начало христианской эры застало мир почти полностью под римским владычеством, которое предпочитало расширять свое влияние по суше, а не заниматься открытиями на море. Средиземное море до сих пор было единственным центром торговли и исключительной ареной мореплавания. Хотя Ганнон и Евдокс действительно миновали Геркулесовы столпы и прошли вдоль африканского побережья до негритянских территорий, и хотя Пифей, направляясь на север, посетил — все еще держась суши - Балтийское море и Британский канал, их экспедиции следует рассматривать одновременно как рискованные и бесполезные, поскольку эпоха не смогла их повторить и совершенно не смогла сделать их полезными ни для географии, ни для торговли. До тех пор, пока центр власти, роскоши, богатства остается в пределах Средиземноморья, до тех пор, пока Тир, Сидон, Рим, Карфаген последовательно управляют судьбами мира, до тех пор у человечества не будет ни мотивов, ни средств для поиска новых миров, по морю, за его пределами. Время, однако, укажет и мотив, и средство: первое мы найдем по мере продвижения на островах Пряностей на Востоке, другое - по Компасу Моряка. В следующем разделе нашей темы будет рассказано о том, как состязания Полумесяца и Креста над гробницей Христа привели Европу и Азию к контакту и знакомству; и как торговля и сношения, которые были непосредственными последствиями, привели к тому всеобщему и всепоглощающему интересу к морю и кораблям, который в конечном итоге породил Колумба и Магеллана. Влияние мускатного ореха и корицы на распространение Евангелия и развитие науки - это тема, которая, как мы покажем, заслуживает серьезного философского исследования.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ФОРМА КОРАБЛЕЙ НЕАРХА.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ГАЛЕРА ДЕСЯТОГО ВЕКА.

Раздел II.

ОТ НАЧАЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ ДО ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАВИГАЦИИ, 1300 ГОД н.э.

ГЛАВА VIII.

МОРЕПЛАВАНИЕ ВО ВРЕМЕНА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ—ВОЗВЫШЕНИЕ ВЕНЕЦИИ И ГЕНУИ—КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ—ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТОРГОВЛЮ—ЗАВОЕВАНИЕ АДРИАТИКИ—СОЗДАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННО—МОРСКОГО ФЛОТА—ВНЕДРЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА В ЕВРОПУ—КАРТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ-ОТДАЛЕННОЕ ВЛИЯНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ НАУКУ.

Мы взяли рождение Христа в качестве отправной точки в истории мореплавания просто из-за значимости этого события в мировых анналах, а не из-за какой-либо связи, которую оно имеет с морскими хрониками. Напротив, первые пять веков христианской эры являются абсолютным пробелом во всех вопросах, относящихся к нашей теме. Римская империя поднималась и падала; и ее подъем и падение касались только Средиземноморья. Даже

Юлию Цезарю, величайшему человеку в истории Рима, нет места в морских хрониках; разве что, пересекая Адриатическое море на рыбацкой лодке во время шторма, он произнес незабываемые слова ободрения рыбаку: "Ничего не бойся! ты несешь цезаря и его богатство!" - этого достаточно, чтобы связать его с морем. Ни Помпей, ни Силла, ни Август, ни Нерон, ни Тит, ни Константин, ни Феодосий, ни Атила не могут претендовать на часть или жребий во владении человека над океаном. И вот мы быстро скользим по пяти столетиям.

После вторжения варваров в Италию в 476 году н.э. вены, племя, обитавшее на северо-восточных берегах Адриатики, спаслись от их опустошительных действий, бежав в болота и песчаные заливчики, образованные отложениями рек, которые там впадают в Персидский залив. Здесь они были в безопасности, потому что вода вокруг них была слишком глубокой, чтобы допустить нападение с суши, и слишком мелкой, чтобы допустить приближение кораблей с моря. Их единственным ресурсом была вода и занятия, которые она давала. Сначала они ловили рыбу, затем добывали соль и, наконец, занялись морскими перевозками. В начале седьмого века их торговцы были известны в Константинополе, Леванте и Александрии. Вскоре их город охватил девять островов, соединенных между собой мостами. Они основали торговые фабрики в Риме и распространили свою власть на Истрию и Далмацию. В восьмом веке они преследовали пиратов, а в девятом сражались с сарацинами. В этот период Генуя тоже привлекла к себе внимание, и генуэзцы и венецианцы сразу же стали торговыми конкурентами и монополистами Средиземноморья.

И вот Петр Отшельник, босой и без гроша в кармане, осуждая зверства турок по отношению к христианам в Иерусалиме, призвал воинов Креста взяться за оружие против неверных. Он вдохновил всю Европу энтузиазмом, подобным его собственному, и привлек к этому делу миллион последователей. Страстью того времени были войны, опасности и авантюры; и борьба за Гробницу была более приятным методом покаяния, чем ношение вретища или умерщвление плоти. Первый крестовый поход, пестрая толпа рыцарей, расточителей, баронов, нищих, женщин и детей, отправился в свой дикий путь. Затем последовали второй, третий и Четвертый. Крестовые походы были развлечением и занятием двух столетий. Два миллиона европейцев погибли за это дело, прежде чем от него отказались. Здесь необходимо сказать несколько слов о его влиянии на европейскую цивилизацию в соответствии с нашей темой.

Во время своего пребывания в Палестине крестоносцы усвоили и в какой-то мере усвоили привычки восточной жизни. Они вернули с собой вкус к необычным продуктам этого региона — драгоценностям, шелкам, столовым приборам, парфюмерии, специям. Быстрым следствием этого стала оживленная торговля по всему Средиземноморью. Генуя, Пиза, Флоренция, Венеция покрыли парусами воды своего внутреннего моря, осуществляя торговлю из портов Италии в порты Сирии и Египта. В каждом приморском городе, завоеванном крестоносцами, были открыты фактории и базары. Марсель получил от королей Иерусалима привилегии и монополию на торговлю на своей территории. Венеция превзошла всех своих соперниц великолепием и размахом своей торговли, и именно за это папа Александр III послал дожу знаменитое обручальное кольцо, с помощью которого, утверждая свое военно-морское превосходство, "обвенчался с Адриатикой". Церемония проводилась на палубе "Буцентавра", или государственной галеры, со всевозможной pompой и парадом. Судно было увенчано цветами, как невеста, и под звуки музыки и одобрительные возгласы зрителей кольцо было опущено в море. Республика и Адриатика, давно обрученные, теперь были неразрывно связаны браком. Эта церемония повторялась из года в год.

Норманны, датчане, голландцы подражали примеру итальянцев, или, как их тогда называли, лангобардов, но были больше заняты доставкой провизии армиям, чем торговлей за свой счет.

Именно во время Крестовых походов был создан французский военно-морской флот. Филипп Август, который по пути в Сирию, а оттуда обратно домой, не мог остаться равнодушным к преимуществам обладания мощными силами на океане, сформировал по возвращении ядро национального флота с целью защиты своих берегов либо от пиратов, либо от иностранного вторжения.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ДОЖ ВЕНЧАЕТСЯ НА АДРИАТИКЕ.

В то время как необходимость транспортировки товаров с Востока для удовлетворения спроса, созданного таким образом на Западе, стимулировала торговлю и мореплавание,

мануфактуры поощрялись и развивались благодаря действию той же причины. Итальянцы научились у греков искусству ткачества шелка, которое вскоре привело к изготовлению тканей из золота и серебра. Они научились придавать стеклу множество новых и любопытных форм. С мануфактур Сирии, где ткани изготавливались из верблюжьей шерсти, усовершенствования были внедрены в мануфактуры Европы, где их ткали только из шерсти ягнят. Палестина также показала крестоносцам, вернувшимся домой, преимущества ветряных мельниц для помола муки. Аравия передала искусство закалки оружия и полировки стали, чеканки золота и серебра, обработки камней в богатых и массивных оправках. Константинополь предоставил христианам множество великолепных образцов древнего искусства — группы, статуи и коринфских коней и таким образом пробудил европейский вкус.

Почти все готические памятники Европы, которые до сих пор вызывают восхищение туристов, обязаны своим существованием этому общению с греками посредством Крестовых походов и изумлению, охватившему франков и ломбардцев при виде церквей и дворцов Византии. Европейцы привезли с собой сарацинскую архитектуру. Собор Святого Марка в Венеции был построен по планам и под руководством неверующего. Кафедральный собор и шпиль Страсбурга с их гигантскими и в то же время изящными пропорциями, кафедральный собор Амьена, Сент-Шапель в Париже были построены в точном подражании шедеврам восточного искусства. Живопись по стеклу также была привезена из Константинополя, и ранние художники христианского мира быстро начали рисовать красками на окнах аббатств и соборов подвиги крестоносцев и Крестные подвиги.

Европейцы также получили свои первые уроки естественных и точных наук от арабов и греков. Какими бы несовершенными ни были астрономия, ботаника, математика и география арабов, они намного опережали те же профессии, которые понимались и практиковались в Европе. Языки были усовершенствованы и обогатились благодаря общению и обмену идеями, к которым были принуждены англичане, немцы, итальянцы и французы. Смешение языков, столь же полное, как и в Вавилоне, было несколько исправлено гармонией интересов и единством целей, которые воодушевляли всех, независимо от имени и происхождения, собравшихся вокруг Гробницы.

Следовательно, очевидно, что последствия крестовых походов, поскольку их прослеживание и очерчивание является целью работы, подобной настоящей, заключались в том, чтобы дать народам Европы новый мотив для поддержания контактов с народами Азии. Они увидели свою превосходящую цивилизацию и стремились познакомиться с ней друг друга. Они научились ценить свое мастерство в искусстве и решили приобщиться к этому искусству дома. Они привыкли ко многим предметам роскоши, которые стали предметами первой необходимости и которые теперь было необходимо перевезти из Леванта, из Красного моря и Персидского залива в Венецианский и Генуэзский заливы. Короче говоря, на Западе существовал спрос на продукты, мануфактуры, искусство Востока. Здесь зародилась огромная торговля с Востоком, которая теперь перешла в руки генуэзцев и венецианцев и которая в результате крестовых походов вынудила нас к сделанному нами отступлению. Однако в нашу цель не входит более подробно описывать эту торговлю, поскольку она велась по морям, по которым плавали в течение двадцати столетий; и мы должны поспешить вперед, к периоду, когда на необъятных просторах вод были проложены новые пути.

Карта, опубликованная незадолго до Первого крестового похода, в полной мере демонстрирует невежество, царившее тогда в географической науке. Море, как и в эпоху Гомера, создано для того, чтобы окружать мир в виде реки, а суша разделена на три части: Европу, Азию и Африку. Африка и Азия соединяются на юге, а Индийский океан является

внутренним морем. Азия такая же большая, как два других континента вместе взятых. На востоке есть небольшое пятно, обозначенное как местоположение Эдемского сада словами *Hic est Paradisus*. Европа и Африка отделены от Азии длинным каналом, которым может быть либо Нил, либо Геллеспонт. Африка по-прежнему считается страной загадок и легенд: только ее северная часть считается пригодной для жизни, а юг даже неприступен из-за потоков пламени, изливаемых на него солнцем. Замерзший океан, Балтийское, Белое и Каспийское моря - все это объединено. Северные регионы представлены как единый остров. Скандинавия считается родиной и резиденцией амазонок, знаменитых женщин-воительниц, которым древность дала пристанище на Кавказе.

Мы, в надлежащем порядке, продолжим показывать, что косвенным и отдаленным результатом Крестовых походов и произведенных ими сношений между двумя совершенно разделенными регионами было *открытие Америки, удвоение мыса Доброй Надежды и прохождение проливов* у южной оконечности Патагонии — результаты, заслуживающие внимания Колумба, Васко да Гамы и Магеллана, каждый из которых в своих путешествиях, сделавших их бессмертными, искал другой путь в Индию, кроме того, которым владели итальянцы, — до сих пор поскольку они могли преследовать его на судах в Средиземном море. Но прежде чем перейти от прибрежных предприятий лангобардов в не имеющих выхода к морю водах их внутреннего моря к смелым предприятиям португальцев и испанцев среди бушующих волн Тропической и Южной Атлантики, мы должны на мгновение обратиться к Северу Европы и изучить морские достижения англосаксов и норманнов в Темные и средние века.

ДАТСКИЙ СОСУД ДЕСЯТОГО ВЕКА: ИЗ НАДПИСИ.

ГЛАВА IX.

СКАНДИНАВСКИЕ МОРЯКИ — ИХ ПИРАТСТВО И ТОРГОВЛЯ—АНГЛОСАКСЫ-АЛЬФРЕД
ВЕЛИКИЙ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ—ПУТЕШЕСТВИЕ БЕОВУЛЬФА-ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ
ДАТЧАНАМИ—ОТКРЫТИЕ ГРЕНЛАНДИИ—ПУТЕШЕСТВИЕ БЪЯРНИ И ЛЕЙФА На
АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ—ОТКРЫТИЕ ИМИ НЬЮФАУНДЛЕНДА, НОВОЙ ШОТЛАНДИИ,
НАНТАКЕТА И МАССАЧУСЕТСА—ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОРВАЛЬДА И ТОРФИННА—СРАВНЕНИЕ
ОТКРЫТИЙ СЕВЕРЯН С ОТКРЫТИЯМИ КОЛУМБА.

Народы, населявшие границы Балтийского моря и побережья Норвегии, а также те, что жили на берегах Германского океана, были расположены столь же благоприятно для морских предприятий, как и народы на берегах Средиземного моря. Хотя их первые морские экспедиции не были вызваны той же причиной — желанием торговых сношений, — они возникли из причин, столь же активных. В то время как страны Средиземноморья обладали плодородной почвой и мягким климатом, страны Севера, находящиеся под сравнительно негостеприимным небом, предоставляли своим жителям лишь немного из того, в чем они нуждались: поэтому они были вынуждены увеличить свое могущество на море, чтобы утвердиться в более благоприятном климате, или, по крайней мере, получить от них путем грабежа то, чего не могла предоставить их собственная страна. Таким образом, они пренебрегли искусством земледелия и привыкли к пиратской жизни на море. Они проводили свою жизнь в планировании и осуществлении морских экспедиций. Отцы отдавали флоты своим сыновьям и советовали им искать счастья на океанских магистралях. Корабли, поначалу небольшие, представлявшие собой простые барки, приводимые в движение двенадцатью веслами, в конце концов стали способны перевозить сто или сто двадцать человек. Их снабдили камнями, стрелами, веревками, с помощью которых можно было опрокидывать небольшие суда, и abordажными скобами, с помощью которых можно было вступить в ближний бой.

Было бы далеким от нашей цели рассматривать эти пиратские вылазки, если бы они иногда не приводили к открытиям или торговле. Многие мародеры навсегда поселились в Англии в седьмом веке и основали там англосаксонское владычество. Альфред, их самый знаменитый король, вынужденный защищать свою территорию от датчан, ревностно обращал свое внимание на все, что было связано с кораблями, торговлей, открытиями и географией, и стал первым основателем той морской державы, которая в более поздний период вызвала ужас и восхищение всего мира. Однажды зародившись, идея кораблестроения претворялась в жизнь с поразительной энергией. Альфред не только увеличил их количество, но и внес существенные усовершенствования. Ближе к концу его правления его флот насчитывал сто судов: он был разделен на небольшие эскадрильи и расквартирован в различных местах вдоль побережья.

Старейший эпос на любом современном языке, англосаксонская поэма "Беовульф", морской гот, написанная в сорока трех песнях и содержащая около шести тысяч строк, в основном повествует о чудесных подвигах своего героя, его битвах с чумным огненным драконом и убийстве "мрачного великана по имени Грендель, потомка Каина". В нем, между прочим, описывается путешествие, совершенное Беовульфом до IX века, и из него мы можем почерпнуть несколько деталей, в лучшем случае скудных и неудовлетворительных, об оснащении судна в те дни. В отрывке, который мы приводим, слово "морской нос" легко понять как означающее мыс:

"Когда король ждал
времени, когда ему следует остаться,

многие приходили, чтобы так свободно покататься
На волнах.

Они вынесли его корабль
На край океана,
И его товарищи сели
за весла, как он велел.
Одно слово могло управлять
Его славными товарищами, Шилдами.
На палубе корабля
Он стоял у мачты.
Никогда я не слышал
О судне,
Лучше приспособленном для сражений,
С боевым оружием,
шерстяными жилетами,
топорами и мечами.

* * *

Корабль качался на волнах,
Лодка была под утесами.
Бароны, готовые
подняться на нос корабля, вскочили на коней.
Вожди носили
На обнаженной груди
яркие украшения,
боевое снаряжение, похожее на готическое.
Мужчины оттолкнулись,
Люди, добровольно отправившиеся в путь,
К баунден-вуду.

Затем,
подгоняемый ветром,
корабль с пенистым горлышком,
больше всего похожий на морскую птицу, поплыл по морским волнам,
Пока примерно в час
второго дня
Изогнутый нос
Не проплыл мимо.
Так что моряки
увидели землю,
Сверкающие береговые утесы,
крутые горы,
И широкие морские носы.
На этом морское путешествие
графа подошло к концу.
Он возблагодарил Бога за то,
что морское путешествие было для него
легким".

В 863 году датчанин шведского происхождения по имени Гардар, отважившись отправиться в Северный океан, хотя и наткнувшись на объект, о котором история не сохранила записей, обнаружил остров-скалу, соответствующее название которой - Исландия. Одиннадцать лет

спустя мореплаватель по имени Ингольф колонизировал страну, колонисты, многие из которых принадлежали к самым уважаемым семьям Севера, основали процветающую республику. Положение этих людей, изолированных посреди Северного Ледовитого океана, и их связь с метрополией заставляли их проявлять и развивать свои наследственные морские наклонности. В 877 году моряк по имени Гуннбьерн увидел далеко на западе гористое побережье, которое, как предполагалось, сейчас скрыто или стало недоступным из-за сошествия арктических льдов. Эрик Рыжий, который был изгнан из Норвегии за убийство и поселился в Исландии, в свою очередь, был объявлен там вне закона в 983 году: он поплыл на запад и открыл землю, которую назвал Гренландией, потому что, как он сказал, "люди будут привлечены сюда, если у этой земли будет хорошее название". Он вернулся в Исландию, и в 985 году большое количество кораблей — по некоторым данным, тридцать пять - последовали за ним к новому поселению и обосновались на его юго—западном берегу.

В 986 году Бьярни Херьюльфсон-Бьярни, сын Херьюльфа, во время путешествия из Исландии в Гренландию отклонился на большое расстояние от привычной дороги. Наконец он увидел землю на западе и посоветовался со своими людьми, что это могла быть за земля. Бьярни заявил, что, по его мнению, это не Гренландия. Они подплыли поближе к берегу и заметили, что гор там нет, но земля холмистая и густо поросшая лесом. Они оставили сушу по левому борту и плыли два дня, пока снова не увидели землю. Они спросили Бьярни, думает ли он, что это Гренландия; и он ответил, что "он думал, что это так же мало похоже на Гренландию, как и то, другое, поскольку он не видел высоких ледяных холмов". Моряки хотели заготовить там дров и воды, но Бьярни не согласился. Они плыли три дня на север и увидели крутой берег с высокими горами и ледяными холмами. Бьярни отказался приземляться, сказав: "Мне эта земля кажется мало привлекательной". Проплыв еще четыре дня на северо-восток, они прибыли в страну, которую Бьярни уверенно назвал Гренландией, где он высадился и впоследствии поселился. Различные данные, представленные этим повествованием в оригинальных исландских записях, позволили географам определить различные побережья, которые Бьярни смутно видел, но на которые он не высаживался. Предполагается, что это были жители Лонг-Айленда, Род-Айленда, Массачусетса, Новой Шотландии и Ньюфаундленда.

В 994 году Лейф Эриксон — Лейф, сын Эрика Разбойника, — купил корабль Бьярни и нанял тридцать пять человек управлять им, поскольку намеревался отправиться в открытое плавание. Он попросил своего отца Эрика стать капитаном, но Эрик отказался, будучи, по его словам, уже в преклонных годах. Они уплыли в море и первыми открыли землю, которую Бьярни открыл последним. Они вышли на берег, но не увидели травы, зато множество айсбергов и плоских камней. Из-за последнего обстоятельства они называли это место *Хеллуланд*, *хеллу*, что означает плоский камень. Не может быть никаких сомнений, что место, названное таким образом, и есть современный Ньюфаундленд. Они снова поднялись на борт и продолжили свой путь. Они сошли на берег во второй раз, где земля была плоской, покрытой лесом и белым песком. "Это, - сказал Лейф, - должно быть названо в честь его качеств и называться Маркленд" (лесная местность). Это, несомненно, Новая Шотландия. Они снова плыли на юг в течение двух дней и пристали к острову, лежавшему к востоку от материка. Они заметили росу на траве, и эта роса, к которой прикоснулись пальцем и поднесли ко рту, оказалась чрезвычайно сладкой на вкус. По-видимому, это был Нантакет, где, как известно, в изобилии растет медвяная роса.

СЕВЕРЯНЕ В АМЕРИКЕ.

Они проследовали по мелководью, которое соответствует проливу между Нантакетом и Кейп-Кодом, и, по-видимому, пересекли устье залива Баззардс и поднялись по реке Покассет до залива Маунт-Хоуп, который они приняли за озеро. Здесь они бросили якорь и, "взяв с корабля свои шкуры, приступили к сооружению шалашей". Они остались там на зиму, обнаружив в реке и озере много лосося. "Природа той страны была, как они думали, настолько хороша, что скот зимой не требовал домашнего кормления, потому что морозов не было, и трава там почти не вяла". Их утверждение, что в самый короткий день солнце находилось над горизонтом с половины восьмого до половины четырех, позволяет географам установить широту места, где они находились, на $41^{\circ} 43' 10''$, что очень близко к широте залива Маунт-Хоуп.

Однажды вечером пропал один из участников вечеринки — немец по имени Тюркер, которого Лейф считал своим приемным отцом. Он решил разыскать его и для этой цели выбрал двенадцать надежных людей. Вскоре Тайркер вернулся и сказал, что он прошел большое расстояние вглубь страны и нашел виноградные лозы. "Но правда ли это, мой подопечный?" спросил Лейф. "Конечно, это правда, - ответил он, - ибо я вырос в стране, где нет недостатка ни в виноградных лозах, ни в гроздьях винограда". На следующее утро Лейф сказал своим матросам: "Теперь мы займемся двумя делами: в один день мы будем собирать

виноград, а в другой - срезать лозы и валить деревья, так что оттуда пойдет погрузка для моего корабля". В записях говорится, что баркас был наполнен виноградом. Лейф дал стране название Винланд из-за ее виноградных лоз.

Современному читателю может показаться, что дикие виноградные лозы Массачусетса и Род-Айленда вряд ли были настолько заметной особенностью местных продуктов, чтобы дать название всему региону. Но несомненно, что шесть столетий спустя пуритане обнаружили там в изобилии дику кукурузу и виноград, в то время как соседний остров Мартас-Виньярд получил свое название от англичан точно по той же причине.

По возвращении Лейфа в Гренландию его брат Торвальд подумал, что "эти новые земли были слишком мало исследованы". Лейф дал ему свой корабль, и он вышел в море с тридцатью людьми в 1002 году. Ничего не известно об их путешествии, пока они не прибыли в палатки Лейфа в Винланде. Они заложили свой корабль, наловили рыбы для пропитания и приятно провели зиму. Они провели два года, исследуя внутренние районы страны, а затем вернулись с севера, где Торвальд был убит в битве с эскимосами.

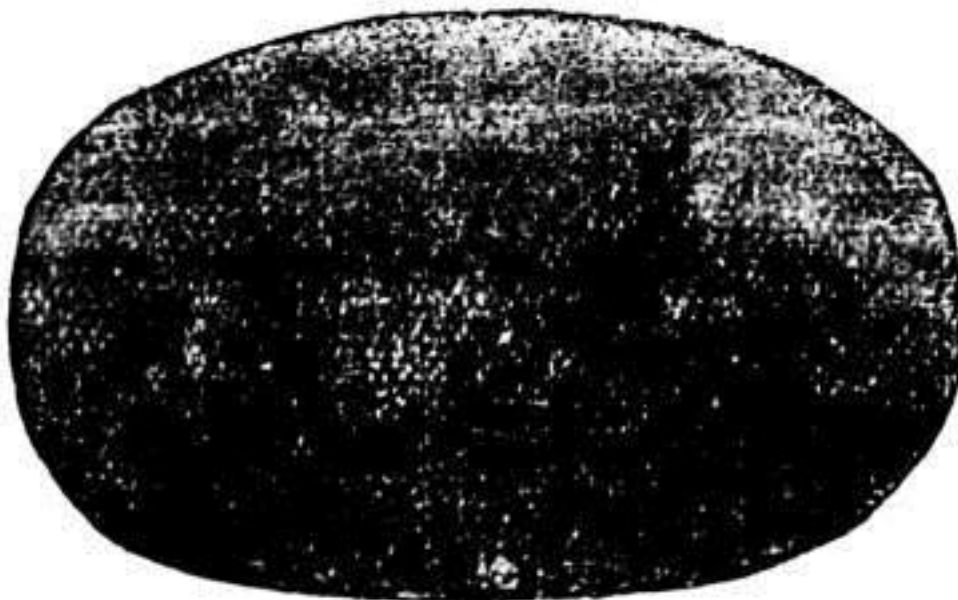
Но более успешным первооткрывателем, чем любой из них, был Торфинн Карлснефне, то есть Торфинн — Предопределенный Герой. Он был богатым исландским купцом, наследником датских, шведских и норвежских принцев. Он посетил Гренландию в 1006 году, где женился на Гудриде, вдове исландского авантюриста, а в 1007 году на трех кораблях в сопровождении ста шестидесяти человек отправился в путешествие в Винланд. Его жена поехала с ним и осенью того же года родила ему сына по имени Снорри, который, конечно же, был первым представителем европейской крови, родившимся в Америке. От него по прямой линии происходил знаменитый шведский скульптор Торвальдсен. Торфинн оставался здесь три года и много общался с аборигенами. Своеобразный результат этого отношения, возможно, можно проследить в названиях, последовательно данных одному месту. Северяне называли одно из своих поселений Хоп, а пуритане шесть столетий спустя обнаружили, что индейцы называли его Хауп. По-видимому, они продолжили на своем родном языке название, данное этому месту в норвежском языке. Пуритане перевели ее на английский язык и называли Маунт-Хоуп.

У нас нет сведений о каких-либо дальнейших путешествиях северян в Америку. Эти записи сохранились в литературе острова, но память о них постепенно стерлась из народного сознания.

Некоторые авторы приписывают этим ранним мореплавателям заслуги, превосходящие те, которые они готовы приписать Колумбу. Они отвечают на аргумент, что открытие Бьярни американского побережья было просто случайным, поскольку он отправился на поиски Гренландии, что открытие Америки Колумбом также было случайным, поскольку он отправился на поиски Азии, и поскольку он считал эту землю Азией до дня своей смерти. "Кроме того, - говорят они, - насколько различны были обстоятельства, при которых были совершены эти два путешествия! Северяне, без компаса или квадранта, без каких—либо преимуществ науки, географических знаний, личного опыта или предыдущих открытий, без поддержки королей или правительств, — которую Колумб, каким бы обескураженным ни был вначале, в конце концов получил, - но ведомые звездами и поддерживаемые своими личными ресурсами и духом приключений, который не могли подавить никакие опасности, пересекли широкий Северный океан и исследовали эти далекие земли".

Все это правда; и, несомненно, наше удивление по поводу успеха, с которым были осуществлены эти первые плавания, возросло бы десятикратно, если бы мы получили достоверную информацию о характере и вместимости кораблей, на которых они были

совершены. На этот счет не существует ничего достоверного, за исключением нескольких грубых надписей; и из них, воспроизведенных на приведенных нами гравюрах, действительно следует, что использовавшиеся суда не имели палуб и частично приводились в движение веслами. Как бы ни улучшилась навигация со времен северян, несомненно, что сейчас ни один моряк не предпринял бы арктического путешествия в открытой лодке; и когда мы читаем об опасностях и страданиях наших современных полярных искателей приключений, невозможно не поражаться успеху, с которым датчане и норвежцы, с их тонкими приспособлениями, выдержали их и пережили.

ЛОВЛЯ СЕЛЬДИ.

ГЛАВА X.

ПУТЕШЕСТВИЯ МАРКО ПОЛО—ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О ЯПОНИИ В ИСТОРИИ—ХУБИЛАЙ—ХАН—ПУТЕШЕСТВИЕ МАРКО ПОЛО ИЗ АМОЯ В ОРМУЗ—МАЛАККА—СУМАТРА—ПИГМЕИ—НЕОБЫЧНЫЕ ИСТОРИИ ОБ АЛМАЗАХ—РУХ—ПОЛО, КОТОРОГО НЕ УЗНАЛИ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ—ЕГО ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ—ПУБЛИКАЦИЯ ЕГО РАССКАЗА—ПРОБУДИВШИЙСЯ ИНТЕРЕС К КИТАЮ, ЯПОНИИ И ОСТРОВАМ ПРЯНОСТЕЙ.

Призыв к оружию против мусульман привлек, как мы уже говорили, внимание Европы к Востоку. Путешествия Карпини, Рубруки и Аскелина по Татарии и Китаю показали существование многочисленных племен в местностях, которые, как считалось, были заняты океаном. Нам говорят, что орды дикарей и целые нации могущественных и воинственных людей вышли из воображаемых вод Эоуса, сказочного моря древности и ложа Авроры. Марко Поло, чье знаменитое путешествие было совершено в течение двадцати лет, завершивших XIII век, открыл центр и восточную оконечность Азии, Японию, часть островов Индийского архипелага, часть Африканского континента и, по слухам, большой остров Мадагаскар. Мы приводим краткий отчет о той части его путешествий, которая была совершена морским путем.

Он стал большим фаворитом Хубилай-хана, чьей зимней столицей был Ханбалык или Пекин, и много лет служил ему в качестве одного из его приближенных офицеров. Он был первым европейцем, услышавшим об острове Япония, о котором он говорит так: "Зипангу, или Чипанго, - это остров в Восточном океане, расположенный примерно в полутора тысячах миль от материка. Он довольно велик. У жителей светлая кожа, цивилизованные манеры, хотя их религия - идолопоклонство. У них есть золото в величайшем изобилии, но его вывоз запрещен. Утверждается, что вся крыша дворца государя покрыта золотым напылением, подобно тому, как мы покрываем церкви и другие здания свинцом. Богатства этого острова настолько известны, что Хубилай-хан загорелся желанием присоединить его к своим владениям. Он послал многочисленный флот и мощную армию; но сильный шторм рассеял и разбил корабли, и тридцать тысяч человек были выброшены на необитаемый остров в нескольких милях от Чипанго. Они не ожидали ничего, кроме смерти или плена, поскольку не могли добыть никаких средств к существованию. Подвергшись нападению со стороны Чипанго, они проникли в тыл врага, завладели его флотом и направились к главному острову. Они разведали знамена на мачтах и вошли в главный город незамеченными. Все жители ушли, кроме женщин. Они овладели городом, но шесть месяцев находились в плотной осаде, пока, отчаявшись получить облегчение, не сдались при условии сохранения их жизней. Это произошло в 1284 году." Таково было первое известие об острове Япония, которое когда-либо достигло ушей европейцев.

После семнадцатилетнего пребывания в Китае Марко и его спутники решили предпринять попытку вернуться на родину. Хубилай-хан, однако, не желал расставаться с ними, и своим окончательным освобождением они были обязаны совершенно неожиданному обстоятельству. Посольство из Персии посетило Пекин и выбрало одну из внучат Хубилая в жены своему принцу. Они отправились вместе с ней в свое путешествие в Персию, но, встретившись с невероятными препятствиями, были вынуждены вернуться в китайскую столицу. Марко в это время только что вернулся из путешествия между островами Индийского моря и изложил хану свои наблюдения о возможности навигации в этих водах. Послы попытались побеседовать с Марко Поло и обнаружили, что у них у всех был общий интерес — убраться как можно скорее. Хан был вынужден способствовать отъезду послов, хотя это лишило его друзей - венецианцев. Подготовка к экспедиции велась с большим размахом. Четырнадцать четырехмачтовых кораблей, часть из которых с экипажами в двести пятьдесят человек, были снаряжены и снабжены продовольствием на два года. Хан сердечно попрощался с партией Поло, назначив их своими послами при главных дворах Европы и взяв с них обещание вернуться к нему на службу после посещения их собственной страны.

С честью отпущенные таким образом, они отплыли из порта Амой в 1291 году. Они плыли вдоль берегов китайской провинции Кочин и увидели острова Борнео и Яву, хотя и не высаживались там. На острове Бинтан, недалеко от Малаккского пролива, они получили некоторые знания о Малайском королевстве на южной оконечности полуострова. Они высадились на Суматре и посетили многие районы острова. Марко так говорит об одной отрасли ремесла местных жителей: "Следует знать, что сообщения о мумиях пигмеев, отправленных в Европу из Индии, являются всего лишь досужей выдумкой, поскольку эти мнимые человеческие карлики изготавливаются на этом острове следующим образом. В стране разводится крупный вид обезьян, внешне напоминающий человека. Суматранцы ловят их, сбривают им волосы, сушат и консервируют их тела с помощью камфары и других благовоний и обычно готовят их так, чтобы придать им вид маленьких человечков. Затем они упаковывают их в деревянные ящики и продают торговцам, которые продают их пигмеям во всех частях света. Но таких существ, как пигмеи, нет ни в Индии, ни где-либо еще. Это просто обезьянья игра".

С Суматры Марко и его спутники отправились в Бенгальский залив, посетили Андаманские и Никобарские острова, прибыли на Цейлон и, обогнув южную оконечность Индостана, продолжили путь на север вдоль его западного побережья. Промысел жемчуга здесь привлек их внимание; и Марко в своем описании алмазов королевства под названием Мерфили рассказывает, как факт, историю, которая впоследствии была включена в "Приключения Синдбада—Морехода", - историю о кусках мяса, которые охотники за драгоценностями бросали в недоступные долины, откуда их приносили обратно орлы и аисты с большим количеством налипших на них алмазов. Но эта история встречается в трудах одного из христианских отцов четвертого века, и Марко Поло излагает ее только как легенду, которую он слышал. Он также ссылается на птицу по имени рух, которая была настолько велика, что поднимала в воздух слонов; ее оперение достигало девяноста пядей. Местом, часто посещаемым этими чудовищными орнитологическими образцами, был остров Мадагаскар.

Путешествие, по-видимому, закончилось в Ормузе, в устье Персидского залива, после полуторагодичного плавания. По пути погибло шестьсот человек из различных экипажей. В истории нет упоминаний о возвращении флота в Китай, хотя известно, что Хубилай-хан умер через три года после ухода венецианцев. После различных приключений Марко Поло и его спутники прибыли в Венецию в 1295 году. Они отсутствовали двадцать один год, и их ближайшие родственники не знали их. Когда они пытались разговаривать по-итальянски, использование ими иностранных идиом и варварских форм выражения делало их язык малопонятным. Некоторые из их родственников завладели их домами, и им было трудно изгнать их. Их заявлениям не верили до тех пор, пока, демонстрируя свое огромное богатство и бесценные коллекции драгоценностей, они не заставили своих соотечественников поверить в приключения, которые явно должны были быть экстраординарными, раз привели к таким приобретениям сокровищ. Богатство Марко дало ему имя Милионе; и в записях Венецианской республики и на титульном листе его работы, сохранившейся до наших дней, он обозначен как мессер Марко Милионе.

Его побудили написать отчет о своих приключениях следующим образом. Война между венецианцами и генуэзцами привела к захвату галеры, которой он командовал. В течение четырех лет он находился в заключении в Генуе. Его удивительная история стала известна, и его посетили все основные жители, которым не терпелось послушать его рассказ. Частая необходимость повторять одну и ту же историю стала ему невыносимо надоедать, и он решил записать ее. Таким образом, он дал первый импульс развитию географической науки. Он раздобыл в Венеции оригиналы записей, сделанных им во время своих путешествий, и с их помощью, а также с помощью генуэзского помощника, повествование было составлено в его камере. Это работа, представляющая большой исследовательский интерес. Раньше его почитали за его чудеса, теперь его читают как самый ранний достоверный рассказ о регионе, который все еще остается *terra incognita*, и жители которого отвергают любопытство и отказываются от общения с другими народами на обычных взаимных условиях товарищества и доброй воли. Марко Поло в настоящее время по праву считается основоположником современной географии Азии. Прошло много времени, прежде чем к открытиям прославленного венецианца добавились какие-либо новые, но его первоначальные заявления были подтверждены во многих кругах: — Одериком, посетившим Индию и Китай в 1320 году; Шильтбергером из Мюнхена, сопровождавшим Тамерлана в его экспедициях по Центральной Азии; Пеголетти, итальянским купцом, который отправился в Пекин, через сердце Азии, в 1335 году; и Клавихо в 1403 году, который был направлен Испанией послом в Самарканд.

Таким образом, европеец побывал в регионах пряностей и вернулся. С этого времени мир не должен был знать покоя до тех пор, пока не будет открыт морской путь.

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ КОМПАС.

ГЛАВА XI.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О МАГНИТЕ В ИСТОРИИ—ЕГО РАННИЕ НАЗВАНИЯ—ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О ЕГО НАПРАВЛЯЮЩЕЙ СИЛЕ—СТИХОТВОРЕНИЕ О КОМПАСЕ ШЕСТИСОТЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ—МАГНИТ МОНАХА БЭКОНА—МАГНИТ В АРАВИИ—ОЧЕВИДЕЦ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ В СИРИЙСКИХ ВОДАХ В 1240 ГОДУ—МАГНИТ В КИТАЕ—РАННЕЕ УПОМИНАНИЕ О НЕМ В КИТАЙСКИХ ТРУДАХ—ВАРИАЦИЯ, ЗАМЕЧЕННАЯ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ—ДРУГИЕ ОТКРЫТИЯ, СДЕЛАННЫЕ КИТАЙЦАМИ—СОВРЕМЕННЫЕ ОШИБКИ—ФЛАВИО ДЖОЯ—ГЕРБ АМАЛЬФИ—ВСЕ ЗАПИСИ О ПЕРВОМ ПУТЕШЕСТВИИ, СОВЕРШЕННОМ С КОМПАСОМ ЕВРОПЕЙСКИМ КОРАБЛЕМ, УТЕРЯНЫ.

Мы вступили в знаменательную эпоху в истории моря. Именно в этот период морской компас был — мы не говорим, что изобретен, — но внедрен в европейскую навигацию. Тот факт, что этот замечательный инструмент, который за полвека изменил лицо земли, приведя к открытию Америки и таким образом доказав сферичность мира, остается не востребовавшимся его автором, и что мы не можем указать на того, кто таким образом благословил и принес пользу своей расе, всегда должен вызывать сожаление. До сих пор не было возможности назвать имя человека, которому принадлежит это изобретение, долгое время считалось невозможным установить даже нацию, которая первой использовала иглу в море. Однако мы надеемся, воспользовавшись недавними исследованиями, проведенными во Франции, прийти к выводу не только удовлетворительному, но и неизбежному. Прослеживая историю компаса, мы, естественно, должны начать с магнита.

Древние были полностью знакомы с магнитом и с его способностью притягивать железо, хотя они были в полном неведении о его полярности. То, что это было так, очевидно из того факта, что классические авторы и древние труды по навигации и родственным предметам не содержат ни единого слова по этому вопросу. Клавдиан оставил в одной из своих идиллий длинное описание камня и его особого, поистине магического, сродства с железом. Если бы у него была хотя бы отдаленная мысль о том, что этот камень может передать стальной игле способность указывать север, нельзя ни на мгновение предположить, что он умолчал бы об этом. Самым ранним названием магнита был Камень Геркулеса, который вскоре был изменен на *магнесиз*-за того факта, что он был найден в изобилии в регионе под названием Магнезия в Лидии. Отсюда и наше слово "магнит". По-видимому, только в четвертом веке нашей эры было открыто свойство отталкивать, а также притягивать железо. Марцелл, врач Феодосия Великого, является первым автором, который упоминает это новое качество.

Римляне, которые узнали о магните от греков, сохранили это название, хотя некоторые из их авторов, и Плиний среди них, упоминают традицию, согласно которой магнит был назван так по имени пастуха по имени Магнес, который первым обнаружил месторождение магнита, поскольку гвозди в его ботинках цеплялись за металл.

Первое упоминание в европейской истории о полярности намагниченной стрелки и о ее важности для моряков встречается во французском сатирическом стихотворении, написанном в 1190 году неким Гийо де Провеном. Его целью было, косвенно, выдвинуть инвективу против Римского двора; и он сделал это следующим изящным способом. Переводчик постарался сохранить причудливый стиль оригинала:

Что касается нашего Отца Папы Римского,
я хотел бы, чтобы он был подобен звезде,
Которая не движется. Очень хорошо это видят
моряки, которые стоят на вахте.
По этой звезде они уходят и приходят,
И держат свой курс.
Они называют ее Полярной Звездой.
Она неподвижна, почти неизменна:
все остальные движутся,
Меняют свои места и вертятся,
Но эта звезда не движется.
Они создают устройство, которое не может лгать,
Благодаря магниту.
У них есть уродливый и коричневатый камень,
К которому самопроизвольно присоединяется железо,
и они наблюдают за правильным острием,
После того, как прикоснулись к нему иглой,
И поместили его в спешке:
они опускают его в воду без каких-либо дополнительных предметов,
И спешка удерживает его на поверхности;
Затем он поворачивается острием прямо
К звезде с такой уверенностью,
Что ни у кого никогда не возникнет сомнений в этом;
И он никогда ни при каких обстоятельствах не будет фальшивым.
Когда море темное и затянуто дымкой,
Так что они не могут разглядеть ни звезд, ни луны,

Тогда они зажигают свечу у стрелки,
И поэтому не боятся сбиться с пути:
к звезде ведет острие,
Благодаря которому моряки обладают навыком
Держаться правильного пути.
Это искусство, которое не может потерпеть неудачу".

Из того факта, что поэт не просто ссылается на компас, но довольно подробно описывает его и полярную звезду, можно с полным основанием заключить, что он не был широко известен и, фактически, был недавно завезен в Средиземноморье. Откуда оно было введено туда, мы узнаем по ходу дела.

Второе историческое упоминание о компасе встречается в описании Палестины кардиналом Жаком де Витри в 1218 году, в котором есть следующий отрывок: "Магнит найден в Индии, к которому по какой-то скрытой причине самопроизвольно прикрепляется железо. В тот момент, когда этот камень касается железной иглы, она сразу указывает на Полярную звезду, которая, хотя другие звезды вращаются, неподвижна, как если бы это была ось небесного свода: отсюда она стала необходимой для тех, кто плавает по морям".

Брунетто Латини, флорентийский грамматик и наставник Данте, поселился в Париже около 1260 года и написал труд под названием "Сокровище", в котором он отчетливо описывает процесс и последствия намагничивания иглы. Он также отправился в Англию и в письме, фрагменты которого были опубликованы, пишет так: "Брат Бэкон показал мне магнит, уродливый и черный камень, к которому охотно прилипает железо: вы трете по нему иглой, и эта игла, будучи надета на острие, остается подвешенной и поворачивается против Звезды, даже если ночь штормовая и не видно ни звезды, ни луны; и таким образом моряк направляется своим путем".

Итальянский иезуит Риччоли в своем труде по географии и гидрографии утверждает, что до 1270 года французские мореплаватели использовали "намагниченную иглу, которую они держали плавающей в небольшом сосуде с водой, поддерживаемом двумя трубками, чтобы не утонула".

Все эти авторы сходятся во мнении, что использование иглы было популяризировано в Европе в конце XII- начале XIII века. Ни один из них не называет изобретателя по имени и даже не указывает его нацию. Это обстоятельство приводит к убеждению, что это было им неизвестно и что, следовательно, изобретатель не был европейцем. Теория о том, что европейцы получили его от арабов, а арабы - от китайцев, подтверждается следующими фактами:

Рукописный труд, написанный арабом по имени Байлак, уроженцем Кибджака, и озаглавленный "Руководство торговца по покупке камней", так говорит о магните в 1242 году: "Среди свойств магнита следует отметить, что капитаны, которые плавают в сирийских водах темной ночью, берут сосуд с водой, на который они помещают иглу, воткнутую в сердцевину тростника, и который таким образом плавает по воде. Затем они берут магнит размером с ладонь руки или даже меньше. Они держат его у поверхности воды, вращая до тех пор, пока игла не коснется воды; затем они внезапно вытаскивают камень, когда игла двумя концами указывает на север и юг. Я видел это собственными глазами, во время моего путешествия из Триполи, в Сирии, в Александрию, в 640 году. [640 год Хиджры, 1240 год н.э.]

- Я слышал, что капитаны в индийских морях заменяют иглу и тростинку полый железной рыбкой, намагниченной так, что, когда ее опускают в воду, она головой указывает на север, а

хвостом - на юг. Причина, по которой рыба плавает, а не тонет, заключается в том, что металлические тела, даже самые тяжелые, всплывают, когда они полые и вытесняют количество воды, превышающее их собственный вес".

Из этого отрывка можно справедливо заключить, что в упомянутое время (1240 г.) эта практика уже давно существовала в этом квартале, и что игла и ее полярность были давно известны и использовались на море. То есть арабы познакомились с магнитом в 1240 году, в то время как монах Бэкон рассматривал его в Англии как огромную диковинку в 1260 году, то есть двадцать лет спустя. Таким образом, приоритет изобретения, по-видимому, был бы неоспоримо доказан для арабов. Но вскоре мы увидим, что он возник в регионе, расположенном еще дальше на восток, и на много столетий раньше.

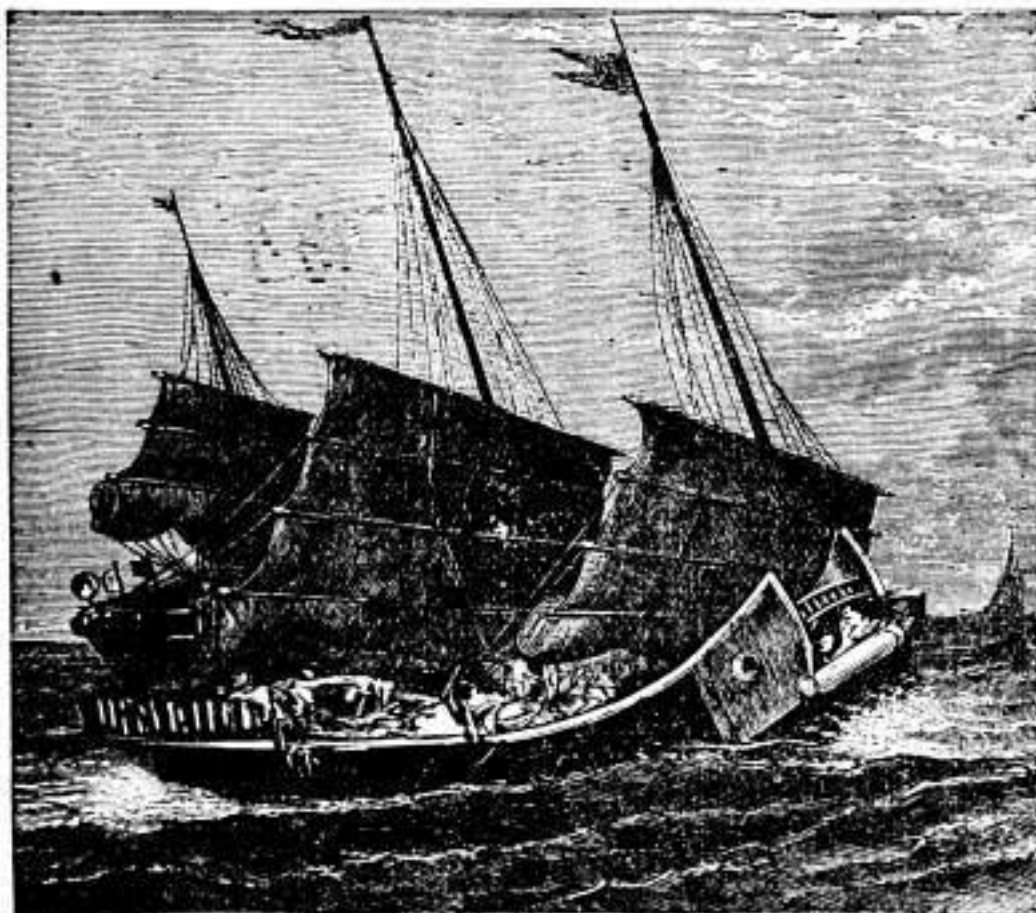
Знаменитый китайский словарь, действие которого заканчивается в 121 году нашей эры, так определяет слово "магнит": "Название камня, который задает направление игле". Это цитируется во многих современных словарях. В одном из них, опубликованном во времена династии Цинь, то есть между 265 и 419 годами, говорится, что корабли направляли свой курс *на юг* с помощью магнита. Китайское слово, обозначающее магнит — *Тчи нань* — означает "Указатель Юга". Для китайцев было естественно, когда они впервые увидели иглу, острие которой указывает как на север, так и на юг, принять антарктический полюс за главную точку притяжения, поскольку для них юг всегда был первой из сторон света — императорский трон и все правительственные здания неизменно строились так, чтобы смотреть на юг. Авторитетный китайский труд, составленный примерно в 1000 году, содержит такой отрывок: "Предсказатели натирают кончик иглы магнитом, чтобы придать ему способность указывать юг".

В "Естественной истории медицины", опубликованной в Китае в 1112 году, говорится даже об изменении положения иглы — феномене, впервые замеченном в Европе Христофором Колумбом в 1492 году: "Когда, — говорится в нем, — железный наконечник прикасается к магниту, он получает способность указывать юг: тем не менее, он отклоняется к востоку и не указывает точно на юг". Это наблюдение, сделанное в начале XII века, было подтверждено магнитными экспериментами, проведенными в Пекине в 1780 году французом; только последний, обнаружив отклонение с севера, определил его как от 2° до 2° 30' с.ш. к западу, в то время как китайцы, упорно называющие это отклонением с юга, определили его как от 2° до 2° 30' с.ш. к востоку.

Таким образом, китайцы, которые были знакомы с полярностью намагниченной стрелки еще в 121 году и которые заметили изменение в 1112 году, можно с уверенностью предположить, что они использовали ее в море во время длительных путешествий, которые они совершали в седьмом и восьмом веках, маршрут которых дошел до нас. Их суда плыли из Кантона через Малаккский пролив к Малабарскому побережью, к устьям Инда и Евфрата. Трудно поверить, что, зная о том, для чего может быть применена игла, они этого не сделали.

Утверждая таким образом, что китайцы первыми узнали и применили полярность стрелки, мы можем сказать, между прочим, что теперь точно известно, что они сделали множество других важных открытий задолго до европейцев. О притягательной силе янтаря знали еще в первом веке нашей эры, и китайский автор в 324 году сказал: "Магнит притягивает железо, а янтарь - горчичное зерно". В девятом веке они приписывали приливы и отливы влиянию луны. Книгопечатание было изобретено в провинции Чин примерно в 920 году, и порох, по-видимому, производили там задолго до того, как Бертольд Шварц смешал его в 1330 году. Тем не менее, нет необходимости прибегать к аргументу аналогии, чтобы поддержать

претензии китайцев на это замечательное изобретение: прямых доказательств, как мы их отретпировали, вполне достаточно.

КИТАЙСКОЕ БАРАХЛО.

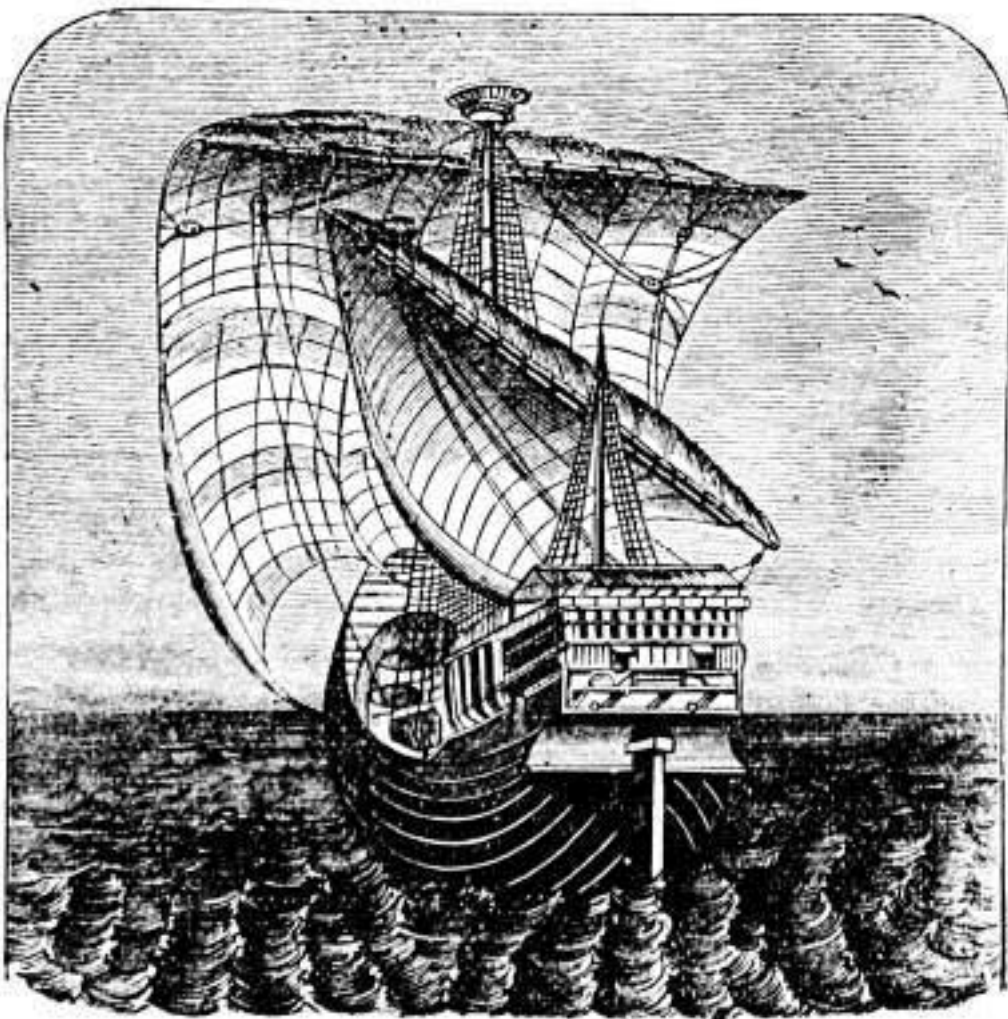
Столетие назад Флавио Джоя, капитан или лоцман судна "Амальфи" в Неаполитанском королевстве, был признан во всей Европе настоящим изобретателем компаса. Он жил в начале четырнадцатого века, и биографы даже зафиксировали дату достопамятного изобретения в 1303 году. Основным основанием для этого утверждения послужила следующая строка из стихотворения Антонио Болонского, жившего вскоре после Джойи:

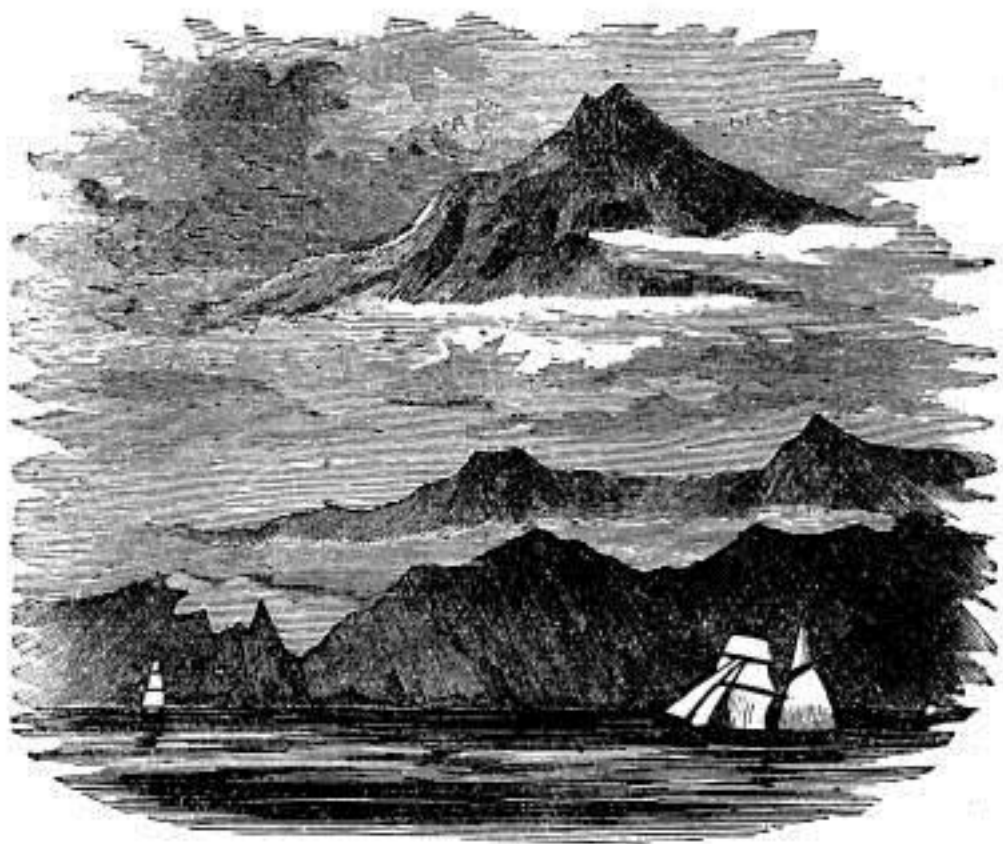
"Prima dedit nautis usam magnetis Amalphis".

Амальфи впервые научил моряков пользоваться магнитом.

Впоследствии эта традиция была подтверждена заявлением известных авторов о том, что город Амальфи, чтобы увековечить столь важное изобретение, принял компас за свой герб. В это верили до 1810 года, когда в библиотеке Неаполя был найден герб Амальфи. Он совершенно не соответствовал данному ему описанию: вместо восьми крыльев, которые, как говорили, обозначали четыре стороны света и их деления, у него было всего два, в которых нельзя было проследить никакого сходства с компасом. Более поздние исследования, как мы уже говорили, полностью опровергли все аргументы, с помощью которых утверждалось, что компас европейского происхождения и современной даты. Любопытный читатель найдет выдержки из китайских работ, подтверждающие претензии китайцев, в том же на эту тему, опубликованном в 1834 году в Париже М. Дж. Клапротом и составленном по просьбе барона Гумбольдта.

В очерке, который мы сейчас собираемся сделать о путешествиях португальцев к побережью Африки, будет отмечено, что компас уже был введен в обращение и акклиматизирован. Не сохранилось никаких упоминаний о первом путешествии по Атлантике, предпринятом под руководством этого таинственного, но безошибочного гида. Наука и история должны вечно сожалеть о том, что первый европейский мореплаватель, применивший его, не оставил записи об эксперименте. Что может быть интереснее в наши дни, чем журнал самого раннего путешествия, совершенного таким образом в европейских водах? Современного читателя, несомненно, даст свои симпатии, безусловно, на это повествование, в котором штурман должен описать его чудо, его террор, его радость, когда, в течение всего рейса, он увидел трепетную индекс точки неизменно на север; когда, после рассеивания облака, которые скрыли звезду из поля зрения, оказалось именно там, где игла указано: когда, по его отвлекаются от линии направления на несколько любопытных и, возможно, недоверчиво экспериментатор, он медленно, но верно возвращается, оставшиеся фиксированной и постоянной сквозь шторм и штиль, в полночь и в полдень. Что может быть интереснее, чем рассуждения такого капитана о причине чудесного провидения? А что может быть забавнее комментариев с кубрика и ученых объяснений бывалого солта неопытным новобранцам? Но все эти захватывающие знания безнадежно исчезли, и компас моряка навсегда останется загадочным по своему принципу действия, загадочным по своему происхождению, загадочной по своей истории. У нас будет возможность вернуться к этому предмету с другой точки зрения, когда, описывая арктические путешествия нынешнего столетия, мы обнаружим Джеймса Кларка Росса стоящим на Северном магнитном полюсе.

ТЕНЕРИФ.

Раздел III.

ОТ ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТНОЙ СТРЕЛКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАВИГАЦИИ ДО ПЕРВОГО КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ МАГЕЛЛАНА — 1300-1519 гг.

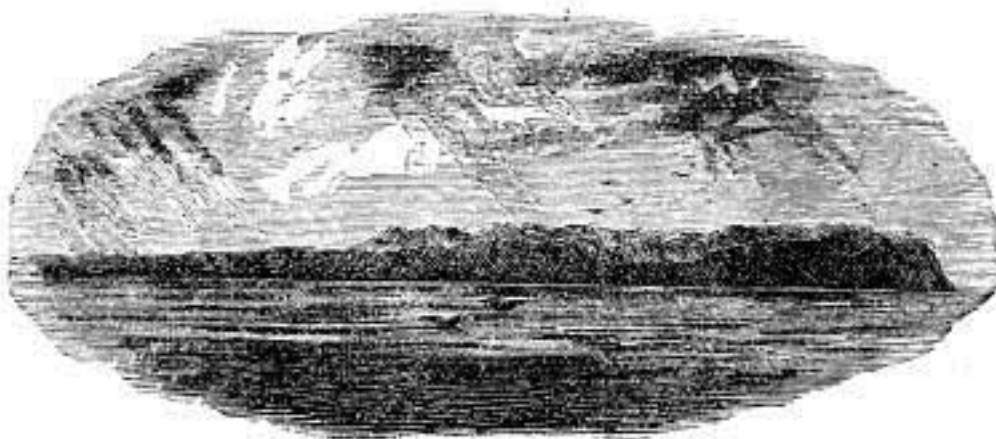
ГЛАВА XII.

ПОРТУГАЛЬЦЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АФРИКИ—ИСПАНЦЫ И КАНАРСКИЕ ОСТРОВА—ПОРТУГАЛЬСКИЙ КОРОЛЬ ДОН ГЕНРИ—УЖАСНЫЙ МЫС, НЫНЕ МЫС БОХАДОР—СВЯЩЕННЫЙ МЫС—ОТКРЫТИЕ МАДЕЙРЫ—УЖАСНОЕ ЯВЛЕНИЕ—ПЛОДОВИТЫЙ КРОЛИК И ЧУДЕСНЫЙ ПОЖАР—ВРАЖДЕБНОСТЬ ПОРТУГАЛЬЦЕВ К ДАЛЬНЕЙШИМ МОРСКИМ ПРИКЛЮЧЕНИЯМ—ЗАЛИВ ЛОШАДЕЙ—ПЕРВАЯ ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ, ЗАМЕЧЕННАЯ В ЕВРОПЕ—ОТКРЫТИЕ КАБО—ВЕРДА И АЗОРСКИХ ОСТРОВОВ—ЕВРОПЕЙЦЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ЭКВАТОРУ—ПУТЕШЕСТВИЕ КАДА—МОСТО—СМЕРТЬ ДОНА ГЕНРИ—ПРОГРЕСС МОРЕПЛАВАНИЯ ПОД ЭГИДОЙ ОБ ЭТОМ ПРИНЦЕ.

Теперь нам предстоит довольно подробно рассмотреть серию плаваний, поначалу утомительных и бесплодных, но в конце концов успешных, предпринятых португальцами в их век морского героизма с целью открыть морской проход в знаменитый торговый регион Индии, некоторые общие сведения о котором сохранились со времен Персидской, Македонской и Римской империй. Достижения, о которых мы собираемся рассказать, были

настолько удивительными, столь значительными и настолько полными, что, как было метко замечено, они никогда не смогут повториться в истории, если, конечно, Провидение не создаст новые и доступные миры для открытий и завоеваний или не погрузит человечество на века в невежество и суеверия. Но прежде чем перейти к открытиям португальцев, мы должны упомянуть о предыдущем открытии, случайно сделанном в том же регионе французами и испанцами.

Примерно в 1330 году французский корабль прошел мимо ряда островов, лежащих у побережья пустыни Сахара. Они были известны древним как Счастливые острова, и Джуба из Мавритании, которую цитирует Плиний, называет два из них по имени — Тривария, или Снежный остров, и Канария, или Собачий остров. Они были потеряны для европейцев на тысячу лет, и, как мы уже говорили, именно шторм открыл об их существовании судну, вынужденному из-за неблагоприятных погодных условий удалиться от берега в открытое море. Испанцы воспользовались соседством с группой, чтобы сделать открытия и поселиться среди них. Тривария стала Тенерифе, а Канария - Гранд-Канари. Именно здесь суеверие теперь накладывало ограничения на навигацию и выражало эту идею на картах, изображая гиганта, вооруженного огромной дубиной и обитающего в башне, как угрожающего кораблям гибелью, если они отважатся выйти дальше в море. Именно в этом непосредственном соседстве мы сейчас собираемся проследить за энергичными и терпеливыми предприятиями португальцев.

МЫС БОХАДОР.

Дон Генри, пятый сын португальского короля Иоанна I. В 1415 году его отец назначил его командующим городом Сеута в Африке, который он только что отвоевал у мавров. За время своего пребывания здесь молодой принц приобрел много информации о морях и побережьях Западной Африки, и это впервые натолкнуло его на мысль о плане морских открытий, которые впоследствии стали его любимым и почти исключительным занятием. Он отправил судно в первое исследовательское путешествие, предпринятое какой-либо нацией в наше время. Командиру было приказано следовать вдоль западного побережья Африки и, по возможности, миновать мыс, называемый португальцами Cape Non, монахиной или Существовательным. До сих пор европейцы считали это крайней южной границей судоходства, и свое название оно получило от отрицательного термина в португальском языке, означающего, что за его пределами *ничего* нет. Популярная пословица выражает эту идею так:

Тот, кто пройдет мимо мыса Не
, Должен повернуть снова или же уйти.

Судьба этого судна не была зафиксирована; но дон Генри продолжал в течение многих лет посылать другие суда с тем же поручением. Некоторые из них прошли сто восемьдесят миль за мыс Нон, к другому, более внушительному мысу, которому они дали название Бохадор — от *bojar*, что означает двойной, — из-за того, что его нужно было обогнуть, поскольку он вдавался в океан более чем на сто миль. Приливы и отливы образовали здесь течение шириной в двадцать миль; и зрелище этой вздувшейся волны, которая исключала всякую возможность подползти вплотную к берегу, наполнило этих робких мореплавателей ужасом и изумлением. Они не осмеливались покидать пределы видимости суши и, охваченные внезапным воспоминанием о сказочных ужасах жаркой зоны, расценили появление этого устрашающего мыса как предупреждение провидения и поспешно отплыли обратно в Португалию. Там, со свойственным морякам всех возрастов пристрастием к приукрашиванию, они рассказывали истории, или, как сказали бы в наши дни, небылицы, рассчитанные на то, чтобы навсегда отговорить от дальнейших приключений в широтах мыса Нон и Бохадора.

Вернувшийся из Сеуты дон Генри решил, несмотря на эти препятствия, использовать часть своих доходов в качестве великого магистра ордена Христа для дальнейших морских экспериментов. Он поселился на римском Крестцовом промотории, представление о котором мы дали в главе, описывающей путешествие Пифея. Здесь он предавался той страсти к навигации и математике, которой до сих пор был вынужден пренебрегать. В 1418 году два морских офицера из его окружения добровольно пожертвовали своими жизнями в попытке преодолеть опасности Бохадора. Хуан Гонсалес Васко и Тристан Вакс Тексейра сели на судно, называемое *барча* и напоминающее бриг с марселями, и направились к огромному мысу.

Однако, прежде чем они достигли его, сильный шторм выгнал их в море, и команда, потеряв из виду привычные ориентиры, предалась отчаянию. Но когда буря утихла, они оказались в поле зрения острова, расположенного в четырехстах милях к западу от побережья. Так был открыт Порто-Санто, самый маленький из группы Мадейр, и таким образом стала очевидной возможность и преимущество отказа от каботажных плаваний и смелого выхода в море. Искатели приключений вернулись в Португалию и восторженно рассказывали о плодородии почвы, мягкости климата и характере жителей. Были снаряжены суда для колонизации и возделывания острова, но странное и крайне неблагоприятное событие сделало его бесполезным в качестве места отдыха для мореплавателей. Во время путешествия одна-единственная крольчиха напилась и была выпущена на остров со своим потомством: оно размножалось так быстро, что за два года съело всю зелень, которую произвела его почва. Таким образом, Порто-Санто был на какое-то время заброшен.

Однако во время своего пребывания там Гонсалес и Вакс с удивлением заметили странное и постоянное появление на горизонте к юго-западу. Густое, непроницаемое облако нависло над волнами, а оттуда простиралось до небес. Одни считали это ужасной пропастью, другие - сказочным островом, в то время как суеверие прослеживало среди мрака надпись Данте на портале Ада:

Оставьте надежду, все, кто входит сюда!

Гонсалес и Вакс переносили это состояние неизвестности с нетерпением моряков, в то время как от рассвета до заката метеор, или предзнаменование, сохранял свой неизменный мрачный вид. Наконец они пустились в погоню. Испанец по имени Хуан де Моралес

настаивал на том, что тени, висящие в воздухе, могут быть объяснены предположением, что почва близлежащего острова, затененная от солнца густыми и высокими деревьями, выделяет густые и непрозрачные пары, которые распространяются по всему небу. По мере приближения корабля наблюдалось, как возвышающийся призрак сгущался и расширялся, пока не стал ужасен на вид. Рев моря усилился, и команда призвала Гонсалеса бежать с места ужасного происшествия. Но вскоре погода успокоилась, и в зловещем мраке стали видны более глубокие тени. Смутные очертания скал казались взволнованной команде грозными фигурами гигантов. Атмосфера теперь была прозрачной; хриплое эхо волн стихло; облака рассеялись, и открылись леса. Моряки налегли на весла, в то время как Гонсалес восхищался дикой роскошью природы в месте, к которому суеверия так долго боялись приближаться. Ручеек, вытекавший из лощины, чья более бледная зелень разительно контрастировала с глубокой зеленью почтенных кедров, казалось, вливал струю молока в просторный бассейн. Они тщетно искали следы жителей или скота. Обилие строительного дерева, которым был снабжен остров, навело на мысль о названии Мадейры; а участок, поросший фенхелем (фунча), обозначил место будущего города Фуншал.

Современный поэт так описывает в стихах сцену, о которой мы рассказали в прозе:

"Скалы Бохадора"

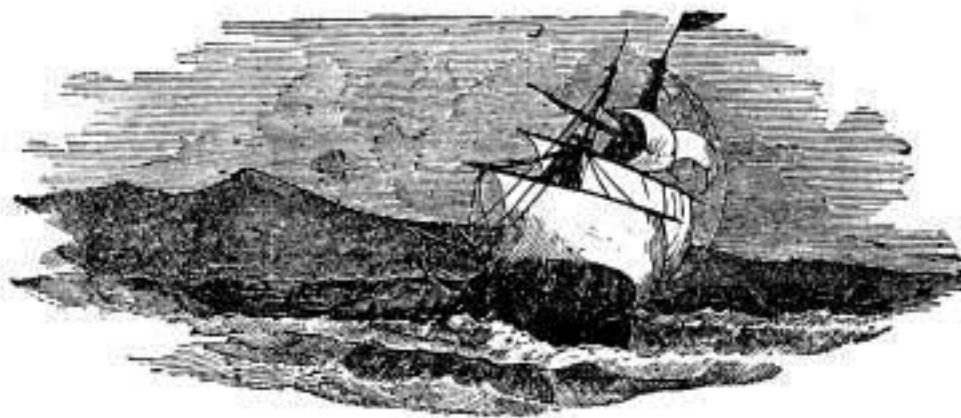
Возникает вдали, хмурясь над прибоем,
Который бурлит на много лиг вокруг. Свой курс
Корабль держит до тех пор, пока, о чудо! прекрасный остров,
Который так поздно прикрывал страждущих от шторма,
Снова вздымается волной. Тогда они восстанавливают
свои растроченные силы и возносят свои клятвы к Небесам.
Но Небеса отказывают им в дальнейших поисках, ибо ах!
Что за страшное видение, окутанное облаками,
Вечно восседает на западной волне,
Подобно ночи, и в своем странном зловещем мраке,
Окутывающем пустынные воды, кажется границами
природы? И все же, день за днем,
одно и то же таинственное видение. Святые угодники!
Неужели это ужасная бездна, где все прекращается?
Благосклонные порывы ветра приглашают: бушприт несет
Прямо в пугающую тень: еще чернее
Возвышаются облачные призраки: уже страх
Сжимается при виде этого зрелища, ошеломленный и затаивший дыхание. Слушайте!
Это было нечто большее, чем глубокий рокот волны,
Который ударил по уху; в то время как сквозь зловещий мрак
кажется, что гигантские призраки поднимают в воздух
Свои туманные руки. И все же, все же — смело продолжайте:
туман рассеивается: сквозь рассеивающуюся дымку
простираются романтические скалы, похожие на изображенные облака,
просвечивают: внизу расстилается цветущая дикая местность
С разнообразным лесом, наполняющая воздух ароматом;
Где
маняще поблескивают плоды с золотой кожурой, густо перемежающиеся
и висящие, сквозь манящую пелену".

Гонсалес и Вакс немедленно вернулись в Лиссабон, где король назначил день аудиенции, чтобы привлечь внимание всех знаменитостей к этому успешному путешествию. Мадейра была сразу же колонизирована и возделана; и говорят, что Гонсалес, чтобы расчистить место для предполагаемого города Фуншал, поджег кустарники и заросли, и что пламя, передавшись лесам, горело семь лет. Был посажен сахарный тростник, и его выращивание приносило огромные суммы, пока в Бразилии не были созданы сахарные плантации, которые, таким образом, нарушили монополию. Затем внимание островитян переключилось на виноград, и с тех пор Мадера по сей день поставляет миру любимую — нет, почти незаменимую — марку вина.

Теперь, по-видимому, дон Генри преодолел главные препятствия, возникшие из-за невежества или предубеждения на пути к цели его похвальных амбиций. Но продолжение морских открытий ставило под угрозу многие интересы. Военные с завистливой неприязнью смотрели на отличия, достигнутые профессией, которую они считали ниже своей собственной, и теперь охотно ей отдавали. Знать боялась открытия источника богатства, который повысил бы меркантильный характер и в равной степени понизил бы предположения и притязания, связанные с искусственным социальным положением. Политэкономисты предположили, что в Португалии есть бесплодные места, столь же пригодные для возделывания, как любые необитаемые острова в море или любые песчаные побережья в тропиках. Утверждалось также, что любой португалец, который пройдет мимо мыса Бохадор, неизбежно превратится в негра и навсегда сохранит эту черту своей безрассудности.

Пока Генрих сопротивлялся доводам своих недоброжелателей, его отец умер, и ему наследовал трон его сын Эдуард. Последний всячески поощрял морские проекты своего брата, и в 1433 году некто Гильянес, навлекший на себя неудовольствие Генриха, решил вернуть себе его расположение, удвоив мыс Бохадор. Хотя у нас нет подробностей этого путешествия, мы знаем, по крайней мере, что оно было успешным и что историки того времени представляют этот подвиг как более замечательный, чем любой из подвигов Геракла. Гилянес сообщил, что море за Бохадором было таким же судоходным, как Средиземное, и что климат и почва побережья были приятными и плодородными. На следующий год его послали с виночерпием Генри, Бальдозой, по тому же маршруту, и они продвинулись на девяносто миль за мыс с сознательной гордостью за то, что были первыми европейцами, отважившимися зайти так далеко в роковую близость экватора. Хотя они не увидели жителей, они заметили следы караванов.

В 1435 году им было приказано возобновить свои открытия и продлить свое путешествие до тех пор, пока они не встретятся с местными жителями. На 24° северной широты, в ста тридцати милях за Бохадором, были высажены две лошади, и двум португальским юношам шестнадцати лет было приказано сесть на них верхом и продвигаться в глубь страны. Они вернулись на следующее утро, сказав, что видели группу из девятнадцати туземцев и напали на нее. К пещере, в которой, как говорили, они укрылись, был отправлен сильный отряд: было найдено только их оружие. Это место называлось *Ангра-дос-Кавальос*, или Залив Лошадей. Оба судна прошли еще сорок миль, до места, где они убили большое количество тюленей и взяли их шкуры на борт. К этому времени их провизия была почти исчерпана, и экспедиция, пройдя почти двести миль за мыс, вернулась в Лиссабон.

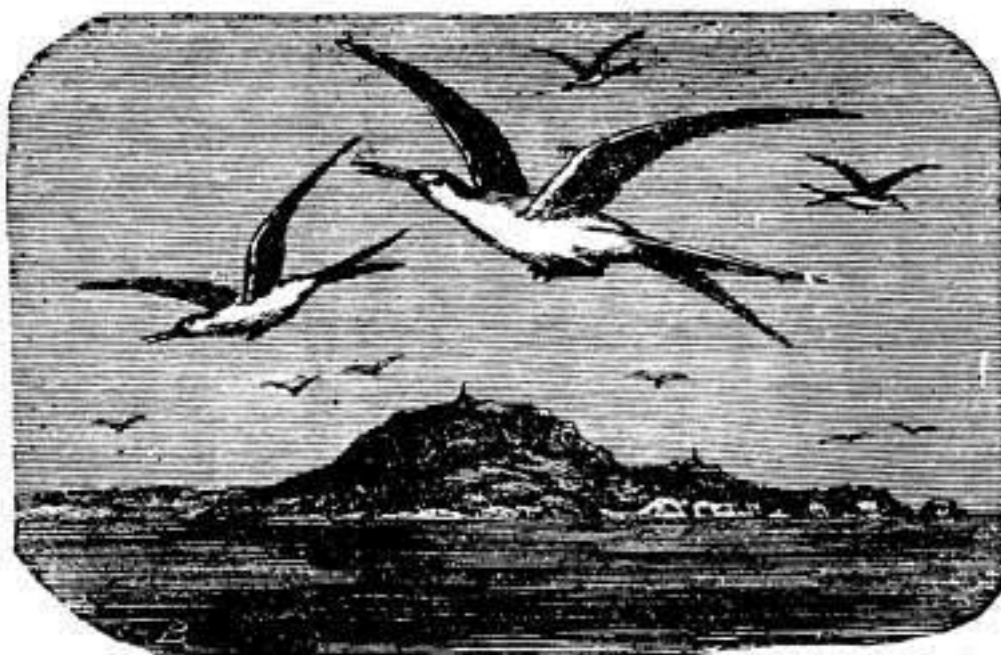
МЫС ВЕРД.

Война Португалии с Танжером теперь поглотила все военно-морские ресурсы страны, а чума в Лиссабоне на некоторое время приостановила патриотические предприятия дон-Генри. В 1440-42 годах экспедиции, отправленные в том же направлении, привели к захвату и передаче нескольких мавров Португалии, а также к выплате их похитителям в качестве выкупа первого золотого песка, который когда-либо видели европейцы. Река, или морской рукав, недалеко от того места, где было уплачено это золото, получила в связи с этим название *Рио-дель-Ору*. Этот золотой песок сразу же подействовал как настоящая панацея от упрямства и раздражения общественного сознания. Хорошо подмечено, что "это основная дата, к которой мы можем отнести тот авантюрный порыв, который возник в Европе и который охватил все пылкие умы в каждой стране в течение двух последующих столетий и который не прекращался до тех пор, пока не объединил четыре четверти земного шара в торговых отношениях. Генри простоял в одиночестве почти сорок лет; и, если бы он пал до того, как эти несколько унций золота достигли его страны, дух открытий мог погибнуть вместе с ним, и его замыслы были бы осуждены как мечты провидца". Вид драгоценного металла сделал открытия и предприятия дон-Генри недоступными для умаления или предубеждения. Были последовательно снаряжены многочисленные экспедиции: — Нуно Тристана в 1443 году, который открыл острова Аргуин в тридцати милях к юго-востоку от мыса Бланко; Жуана Диаса и других в 1444 году; Гонсалеса да Синтры в 1445 году, который вместе с семью другими погиб в пятидесяти милях к югу от Рио—дель-Ору, — это была первая гибель португальцев с тех пор, как они предприняли свои исследования. В 1446 году лиссабонский дворянин по имени Фернандес решил продвинуться дальше на юг, чем любой другой мореплаватель, и соответственно снарядил судно под покровительством принца. Миновав реку Сенегал, он смело шел вперед, пока не достиг самого западного мыса Африки, которому из-за количества зеленых пальм, которые он там нашел, он дал название мыс Верд. Встревоженный бурунами, которыми усеян этот берег, он вернулся в Португалию с отрядным известием о своем открытии. В 1447 году Нуно Тристан проплыл сто восемьдесят миль за мыс Верд и достиг устья реки, которую он назвал Рио Гранде, ныне Гамбия. Туземцы атаковали его залпами отравленных стрел, от которых погибла вся его команда и офицеры, кроме четверых; и эти четверо выживших наконец вернули корабль домой после двухмесячного блуждания по Атлантике. Следующая экспедиция под командованием Альваро Фернандо разработала противоядие от отравленных стрел врага, которое успешно справилось с ядом, так как все раненые выздоровели.

В настоящее время открыты Акорские, или Азорские, острова, примерно в девятистах милях к западу от Португалии; но существуют некоторые сомнения как относительно первооткрывателя, так и относительно даты. Они, несомненно, получили свое название из-

за количества ястребов, которых там видели, "Асор" по-португальски означает "ястреб". Санта-Мария и Сан-Мигель были названы в честь святых, в дни которых их впервые увидели. Терсейра получила свое название из-за того обстоятельства, что была обнаружена третьей по счету. Файал был назван так из-за произрастающих на нем буковых деревьев; Грациоза - из-за приятного климата и плодородной почвы; Флорес - из-за своих цветов; и Корво - из-за своих ворон. Различные группы островов, возникшие таким образом в Атлантике, от Азорских островов до мыса Верд, теперь образовывали череду морских колоний и яслей для моряков и, таким образом, позволяли мореплавателям избегать побережья, где бесчинства, которым они подвергались со стороны мавров и негров, угрожали истощить их терпение. Корабли дона Генри приблизились к экватору на расстояние десяти градусов, и протесты против вторжения в район, где сам воздух был губителен, раздались с новой силой. Таким образом, с этой точки зрения заселение Азорских островов было делом немалой важности. В 1449 году король Альфонсо дал своему дяде, дону Генри, разрешение колонизировать эти острова. В 1457 году Генрих добился для них нескольких важных привилегий, главной из которых было освобождение их жителей от любых пошлин, связанных с их торговлей в португальских и испанских портах.

В 1455-56-57 годах венецианец по имени Када-Мосто предпринял под покровительством дона Генри два исследовательских путешествия вдоль африканского побережья. Повествование о его приключениях, написанное от первого лица, является старейшим из дошедших до нас морских журналов, за единственным исключением сохранившегося журнала Альфреда Великого. Но, поскольку она в основном занята описаниями нравов и обычаев африканцев, и поскольку он не заходил дальше Рио-Гранде, таким образом, мало или вообще ничего не добавив к морским открытиям, отчет о его путешествии был бы здесь неуместен. Дон Генри умер вскоре после возвращения Када-Мосто из его второго плавания, и на какое-то время это бедствие парализовало военно-морскую предприимчивость его соотечественников. Они привыкли получать от него не только поддержку, необходимую для продолжения подобных попыток, но даже указания по плаванию и инструкции по всем деталям. Легко представить, что кончина этого прославленного принца должна временно обескуражить мореплавателей и парализовать открытия. Под его покровительством португальцы продвинули свои открытия от мыса Нон до Сьерра-Леоне - от двадцать девятого до восьмого градуса северной широты. Он умер в Сагреше — городе, наполовину верфи, наполовину арсенала, который он основал на мысе Сакрум.

МОРСКАЯ ЛАСТОЧКА.

ГЛАВА XIII.

ПОРТУГАЛЬЦЫ ПЕРЕСЕКАЮТ ЭКВАТОР ОТ ГВИНЕИ ДО КОНГО -ИОАНН II. ЗАДУМЫВАЕТ ИДЕЮ МОРСКОГО ПУТИ В ИНДИЮ — ЕГО УЛОВКИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ДРУГИХ СТРАН—СУХОПУТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КОВИЛЛАМА В ИНДИЮ— ПУТЕШЕСТВИЕ БАРТОЛОМЬЮ ДИАСА—УДВОЕНИЕ ОГРОМНОГО МЫСА — ЕГО КРЕЩЕНИЕ КОРОЛЕМ —ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УСПЕХА ДЛЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ АМБИЦИЙ.

В течение оставшегося периода правления Альфонсо V.— закончившегося в 1481 году, португальцы продвигались по побережью Гвинейского залива и прилегающих островов к северной границе великого королевства Конго и, следовательно, оказались на расстоянии шестисот пятидесяти морских лиг от мыса, образующего южную оконечность Африканского континента. Они пересекли экватор, и ни один человек не почернел. Они вступили в оживленную торговлю золотом с дикарями Гвиней. Иоанн II, сын и преемник Альфонсо, решил укрепить пункт под названием Мина из-за его изобилия рудников и отправил двенадцать судов со строительными материалами и шестьсот человек. Негры сначала сопротивлялись, но в конце концов дали свое согласие. Форт был построен и назван Святым Хорхе да Мина; каменоломня, из которой был извлечен первый камень, была любимым богом племени, населявшего побережье.

Иоанн II. теперь к другим своим титулам добавил титул повелителя Гвиней. В надежде открыть морской путь в богатые пряностями страны Индии он обратился за поддержкой к различным государствам христианского мира. Но установившиеся коммерческие интересы этих стран, естественно, были враждебны проекту, который был направлен на изменение маршрута восточной торговли. Затем Иоанн обратился к папе с просьбой об увеличении власти и получил от его святейшества пожалование всех земель, которые должны были открыть его мореплаватели во время плавания *с запада на восток*. Грандиозная идея

плавания с востока на запад — идея, предполагающая знание сферичности земного шара, — внешне еще не проникла в мозг ни папы, ни мирянина. Однако некто Христофор Колумб уже размышлял об этом втайне и в тишине.

До сих пор у португальских мореплавателей было принято устанавливать деревянные кресты на всех открытых ими землях. Иоанн II. теперь приказал им установить каменные столбы высотой в шесть футов и начертать на них на латинском и португальском языках дату, имя правящего монарха и имя первооткрывателя. Диего Кам был первым, кто подчинился этому приказу; он выстроил колонну в устье реки Конго, куда прибыл в 1484 году. Глава территории направил посла в Португалию, где он принял христианство и был крещен под именем Иоанн. Беспокойство короля теперь возросло в связи с вмешательством других стран: поэтому он направил королю Англии Эдуарду серьезную просьбу воспрепятствовать предполагаемому путешествию в Гвинею двух своих подданных, Джона Тинтама и Уильяма Фабиана, и эту просьбу Эдуард счел нужным удовлетворить. Португальский монарх теперь тщательно скрывал успехи своих мореплавателей на африканском побережье и во всех случаях преувеличивал опасности плавание по Конго. Он заявил, что каждая четверть луны вызывает бурю; что берега окружены негостеприимными скалами; что жители - каннибалы и что единственными судами, способными выжить в водах жаркой зоны, являются каравеллы португальской постройки. Подозревая, что трое моряков, отправившихся из Португалии в Испанию, намеревались продать секрет иностранному королю, он приказал преследовать их и схватить. Двое были убиты, а третий разбился о колесо. "Пусть каждый человек пребывает в своей стихии, - сказал Джон. - Я не питаю пристрастия к путешествующим морякам".

Теперь мы приближаемся к эпохе великих достижений. В 1486 году Джон решил содействовать попыткам, предпринимаемым на море, путешествиями по суше. Соответственно, была снаряжена эскадрилья под командованием Бартоломью Диаса, одного из офицеров королевской свиты, в то время как Педро де Ковильям и Альфонсо де Пайра, оба хорошо знающие арабский, получили следующий приказ относительно сухопутного путешествия: "Открыть страну пресвитера Иоанна, короля Абиссинии, проследить венецианскую торговлю наркотиками и пряностями до ее источника и выяснить, возможно ли кораблям обогнуть оконечность Африки и добраться до Индии". Они отправились через Неаполь, остров Родос, Александрию и Каир в Аден в Аравии. Здесь они разделились, и Ковиллам отправился на Кананор и Гоа, расположенные на Малабарском побережье Индостана, и был первым португальцем, когда-либо увидевшим Индию. Оттуда он отправился в Софалу, на восточном побережье Африки, и увидел остров Луны, ныне Мадагаскар. Он проник ко двору пресвитера Иоанна, короля Абиссинии, и стал настолько необходим для счастья этого властелина, что был вынужден жить и умереть в его владениях. Посольство, отправленное пресвитером Иоанном в Лиссабон, познакомило португальцев с приключениями Ковиллама. Однако задолго до этого Бартоломью Диас отправился в путешествие, которое обессмертило его имя. Он получил под командование флот, состоящий из двух кораблей водоизмещением по пятьдесят тонн каждый и тендера для перевозки провизии, и в конце августа 1486 года отправился в плавание, держа курс прямо на юг. Вызывает большое сожаление, что сохранилось так мало подробностей об этой памятной экспедиции. Мы знаем немногим больше, чем тот факт, что первый каменный столб, воздвигнутый Диасом, был установлен на четыреста миль дальше, чем любой из предыдущих мореплавателей. Смело выйдя отсюда в открытое море, он решил сделать большой круг, прежде чем вернуться на сушу. Он так и сделал; и первая земля, которую он увидел, снова коснувшись континента, лежала в ста милях к востоку от большого южного мыса, который он миновал, не заметив его. Не зная об этом, он все еще продолжал идти вперед, пораженный тем, что земля теперь должна была отклоняться на восток и, наконец,

на север. Встревоженный, почти лишенный провизии, огорченный провалом своего предприятия, Диас неохотно повернул назад. Каковы же были его радость и удивление, когда огромный и долгожданный мыс - объект надежд и вожделений португальцев на протяжении семидесяти пяти лет, который то ли издали, то ли в дымке прежде был скрыт, — теперь предстал его взору!

Диас вернулся в Португалию в декабре 1487 года и в своем донесении королю заявил, что он дал грозному мысу, который он удвоил, название "Мыс Бурь". Но король, воодушевленный убежденностью в том, что Португалия теперь пожнет обильный урожай, уготованный этим радостным событием, подумал, что мог бы предложить более подходящее название. Португальский поэт Камозэнс так намекает на это обстоятельство:

При дворе Лиссабоны они рассказали о своем ужасном побеге,
И от ее бушующих бурь назвали мыс.

"Ты самая южная точка, - воскликнул радостный король,

"Да будет тебе имя мыс Доброй Надежды навеки!"

Каким бы успешным и триумфальным ни было это плавание Диаса, в конечном итоге оно нанесло ущерб интересам Португалии, поскольку отвлекло внимание короля Иоанна от других важных планов открытия и сделало его невнимательным к усилиям соперничающих держав на океане. Это заставило его, находясь в состоянии опьянения, отказаться от услуг и отвергнуть науку того, кто теперь предлагал проводить португальские суда в Индию неизведанным маршрутом. Это заставило его, как у нас вскоре будет случай рассказать, остаться глух к предложениям Колумба, который смиренно привез в Лиссабон грандиозный план, с которым он был с презрением отвергнут Генуей. Мы вступили в Великую эпоху мореплавания — эпоху Колумба, да Гамы и Магеллана.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ.

ГЛАВА XIV.

РОЖДЕНИЕ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА—ЕГО ЮНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ—ЕГО ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—ЕГО ЖЕНИТЬБА—ЕГО МОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ—ОН ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СЕНАТУ ГЕНУИ, ВЕНЕЦИАНСКОМУ ДВОРУ И КОРОЛЮ ПОРТУГАЛИИ—ДВУЛИЧИЕ ПОСЛЕДНЕГО—КОЛУМБ ПОСЕЩАЕТ ИСПАНИЮ—ХУАН ДЕ МАРЧЕНА—КОЛУМБ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КОРДОВУ—ЕГО ВТОРОЙ БРАК—ЕГО ПИСЬМО КОРОЛЮ—ХУНТА САЛАМАНКИ—КОЛУМБ РЕШАЕТ ОТРЯХНУТЬ ПЫЛЬ ИСПАНИИ СО СВОИХ НОГ—ПИСЬМО МАРЧЕНЫ ИЗАБЕЛЛЕ—КОРОЛЕВА ДАЕТ АУДИЕНЦИЮ КОЛУМБУ—УСЛОВИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ПОСЛЕДНИМ—ИЗАБЕЛЛА СОГЛАШАЕТСЯ НА ПРЕДПРИЯТИЕ, В ТО ВРЕМЯ КАК ФЕРДИНАНД ОСТАЕТСЯ В СТОРОНЕ.

Кристофоро Колумбо (по-испански Колон, по-французски Колумб, по-латыни и по-английски Колумб) родился в Генуе в 1435 году.^[1] Его отец был комбайнером, и Кристофер некоторое время занимался тем же делом. Однако в возрасте десяти лет его отправили в Университет Павии, где он, по-видимому, изучал, хотя и без особого успеха, натурфилософию и астрономию, или, как это тогда называлось, астрологию. Вернувшись к отцовской лавке, он работал вычесывателем шерсти вместе со своим братом Бартоломью, пока ему не исполнилось четырнадцать лет. К этому времени естественное влияние обстановки, атмосферы и традиций Генуи пробудило в нем вкусы и честолюбие моряка. Море издавна было домом и смыслом жизни генуэзцев: это был театр их славы и путь к богатству. Двоюродный дедушка Кристофера, Колумбо, командовал флотом, вверенным ему королем, с которым он вел грабительскую войну против венецианцев и неаполитанцев. Его племянник присоединился к его кораблю и таким образом познакомился со всем Средиземноморьем, которое в то время бороздили пираты Архипелага и корсары Берберийских государств. По мере того как судно шло вооруженным до зубов, молодой моряк не только постигал искусство навигации, но и приобрел те привычки к дисциплине и субординации, самообладанию и присутствию духа, которые впоследствии сослужили ему такую хорошую службу. Такой образ жизни продолжался много лет, пока Колумб в возрасте тридцати лет не потерпел крушение у берегов Португалии и не добрался, с некоторыми трудностями, до города Лиссабона. Здесь он нашел своего брата Бартоломью обосновавшимся и занимавшимся составлением планов, схем и картографических указателей для использования штурманами. Кристофер присоединился к нему и зарабатывал на жизнь, переписывая рукописи и книги с черными буквами, а также помогая своему брату в его занятиях. Вскоре он женился на итальянке по имени Фелиппа ди Перестрелло, чей отец, ныне покойный, был губернатором острова Порто-Санто, одного из островов Мадейры. Этот союз между скромным сыном комбайнера и дочерью итальянского джентльмена некоторые биографы Колумба считают убедительным доказательством благородства его предков. После женитьбы он уехал в Порто—Санто — бесплодное приданое своей жены, - где родился его первый сын Диего.

Мы уже видели, что этот период был одним из самых волнующих и ожидаемых в связи с морскими открытиями. Колумб долго размышлял о существовании суши на западе, о сферичности земли и о возможности пересечь Атлантику. У него уже была идея добраться до Азии, следуя за заходящим солнцем через необъятные воды. Его разум тоже вспылал религиозным энтузиазмом благодаря содержащимся в Библии ссылкам на повсеместное распространение Евангелия, и в его мечтах о морских открытиях вера в то, что ему суждено стать апостолом, посланным распространить власть креста, возобладала над более мирскими устремлениями. В течение многих лет, борясь с разочарованием и измученный нищетой, он преследовал эту идею с упорством мономаньяка. В возрасте сорока лет, проживая в Лиссабоне, он предложил сенату Генуи покинуть Средиземное море через Гибралтарский пролив и отправиться на запад, в море, известное как Океан, до "земель, где цветут пряности", и таким образом совершить кругосветное плавание. Генуэзец, чьи морские познания ограничивались Средиземным морем и которого не привлекали приключения в океане, отказался выслушать это предложение, сославшись на скудость казны. Похоже также, что предложения, сделанные Колумбом Венецианскому совету, были аналогичным образом отклонены. Поэтому на какое-то время он оставил все попытки осуществить свои желания. В 1477 году он совершил путешествие в Исландию, чтобы выяснить, обитаема ли она, и даже проплыл за ее пределы на сто лиг, где, к своему удивлению, обнаружил, что море не замерзло.

После восшествия на престол Иоанна II. вступая на престол Португалии — суверена, который, как мы уже показали, был глубоко заинтересован в прогрессе искусства мореплавания, — Колумб изложил ему свое мнение и свои планы, назначив распространение Евангелия общепризнанной и конечной целью экспедиции. Этот вопрос был передан морской хунте и высшему совету, которые отвергли его как призрачный и абсурдный. Однако один из его советников убедил короля снарядить каравеллу и отправить ее в открытое плавание по маршруту, проложенному Колумбом, и таким образом снискать себе славу экспедиции, в случае успеха. Колумбу было предложено передать правительству свои карты вместе со своими письменными взглядами на этот предмет. Это он и сделал, предположив, по своей простоте, что необходимо еще раз проверить целесообразность этого предприятия. Король отправил каравеллу под командованием одного из самых способных пилотов своей морской пехоты следовать по указанному маршруту. Судно ушло, но вскоре вернулось, так как его команда была потрясена видом бескрайнего горизонта, а капитан потерял мужество во время шторма. Колумб, возмущенный таким двуличием, тайно покинул Лиссабон и вернулся домой, в Геную. В этот период он имел несчастье потерять свою жену Фелиппу, которая разделяла его уверенность в существовании неизведанных земель и чья поддержка поддерживала его в его разочарованиях. Это было в 1484 году. Он повторил свое предложение сенату Генуи, которое снова было отклонено. Теперь он обратил свой взор на другие европейские державы, среди которых два монарха Испании, Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, казалось, заслуживали предпочтения.

Недалеко от Палоса, на побережье Испании, на виду у океана, на мысе, наполовину скрытом соснами, стоял монастырь, известный как Ла Рабида, посвященный Пресвятой Деве и населенный монахами—францисканцами. Настоятель, Хуан Перес де Марчена, являл собой пример пылкого благочестия и богословской эрудиции, в то же время он был искусным математиком и страстным практиком точных наук. Он был одновременно астрономом, преданным и поэтом. В часы дремоты он часто поднимался на вершину аббатства и, глядя на океан, известный как Море Тьмы, спрашивал себя, есть ли за этими водами земля, еще не востребованная христианством. Он отверг как невероятную нынешнюю идею о том, что судно может плыть три года на запад, так и не достигнув гостеприимного берега. Океан, грозный для других и понятный немногим, был для него обителью тайн, которые человеку было предложено раскрыть.

Однажды путешественник позвонил в ворота и попросил принести чего-нибудь перекусить для себя и своего сына. Когда его спросили о цели его путешествия, он ответил, что направляется ко двору Испании, чтобы сообщить важное дело королю и королеве. Путешественником был Христофор Колумб. Как он оказался рядом с этим малоизвестным монастырем, который находился совершенно в стороне от его маршрута, так и не было объяснено. Провиденциальное руководство привело его в присутствие человека, лучше всего способного понять его предназначение, в стране, где у него совершенно не было друзей и язык которой он был совершенно незнаком. Общая симпатия сблизил их, и Колумб, воспользовавшись на некоторое время гостеприимством Марчены, поделился с ним своими взглядами. Таким образом, в то время как колледжи и университеты христианского мира все еще придерживались детской теории о том, что земля плоская и что море - это путь к кромешной тьме, Колумб и Марчена, преисполненные спонтанной и безоговорочной веры, интуитивно верили в сферичность земного шара и существование безымянного континента за океаном. Теоретически они решили важный вопрос, вернется ли корабль, который должен был отправиться на запад, на восток.

Марчена дала Колумбу рекомендательное письмо к духовнику королевы и во время его отсутствия пообещала дать образование и содержать его сына Диего. Успокоенный таким образом в своих чувствах, и поддержанный в своих планах, Колумб отправился в Кордову. Здесь ему было суждено пережить еще одно разочарование, поскольку духовник королевы, его предполагаемый покровитель, относился к нему как к мечтательному спекулянту и нуждающемуся авантюристу. Вскоре он снова оказался в изоляции и был забыт. Однако в разгар его нищеты благородная дама Беатрикс Энрикес, молодая и красивая, хотя и небогатая, заметила его манеры и язык, столь явно превосходившие его положение, и задержала его в Кордове еще долго после того, как его надежды угасли. Он женился на ней: она родила ему сына Фернандо, который впоследствии стал биографом своего отца и историком.

Колумб написал королю краткое письмо, в котором изложил свои желания. Ответа на него так и не последовало. После множества подобных обманов и разочарований Джеральдини, посол папы римского, представил его Мендосе, великому кардиналу, благодаря влиянию которого Колумб добился аудиенции у Фердинанда, который назначил хунту мудрецов для изучения его плана и доклада о нем. Эта хунта, состоявшая из теологов, а не из мореплавателей и географов, заседавшая в Саламанке, выступила против Колумба на библейских основаниях, объявила теорию опасным, если не еретическим нововведением и, в конце концов, отозвалась неблагоприятно. Это решение вполне соответствовало общественному мнению в Саламанке, где о Колумбе говорили как о "иностранце, который утверждал, что мир круглый, как апельсин, и что есть места, где люди ходят на головах". Таким образом, семь лет были потрачены впустую в ожидании и разочаровании. Время от времени у Колумба были основания надеяться, что его предложения будут пересмотрены; но в 1490 году осада Базы, последнего оплота мавров, и в 1491 году брак Изабеллы, дочери Фердинанда и Изабеллы, с доном Алонсо Португальским, привлекли внимание их величеств настолько, что они отказались от всех научных занятий. Наконец, когда дело было возобновлено и хунта была вновь сформирована, ее президенту Фернандо де Талавере было поручено заявить, что истощение казны обуславливает необходимость отложить рассмотрение всего вопроса до окончания войны с Гренадой. Наконец, Колумб, размышляя о задержках, отказах, оскорблениях и подозрениях, объектом которых он был, о времени, которое он потратил впустую, и о прихожих, в которых он ожидал снисхождения великих, решил отряхнуть пыль Испании со своих ног и вернулся в аббатство своего друга Марчены. Он прибыл туда, неся на себе отпечаток бедности, усталости и истощенного терпения. Марчена был глубоко раздосадован мыслью о том, что слава будущих открытий Колумба будет таким образом отнята у Испании и передана какой-нибудь соперничающей державе. Опасаясь, однако, что он слишком охотно прислушался к теориям, которые дважды были отвергнуты компетентной хунтой как ребяческие, он послал за выдающимся математиком из Палоса Гарсией Эрнандесом, врачом по профессии. Затем они вместе посоветовались на эту тему и объявили, что выполнение проекта осуществимо. Утверждение о том, что знаменитый моряк Мартин Алонсо Пинзон был участником конференции, представляется ошибочным. Пинзон находился в это время в Риме и не видел Колумба в течение года или больше после этого.

Марчена немедленно написал красноречивое письмо королеве Изабелле и доверил его пилоту, чьи связи при дворе делали его надежным посланником. Он передал послание в руки королевы и вернулся в монастырь с приглашением Марчене немедленно отправиться в Санта-Фе, где в то время находился двор, занимавшийся инвеститурой Гренады. Колумб одолжил монаху мула, который тайно выехал в полночь и благополучно прибыл в Санта-Фе. То, что Изабелла в такой момент, вовлеченная в войну и измученная финансовыми

затруднениями, прислушалась к предложению, которое дважды было осуждено ученой группой людей, является обстоятельством, которое в высшей степени дает ей право на долю славы, которую ее протеже Колумбу было суждено обрести через нее. Она любезно приняла Марчену и велела ему вызвать Колумба, которому она послала двадцать тысяч маравети — почти семьдесят долларов, — на которые можно было купить лошадь и подобающее платье, чтобы предстать перед ней.

Колумб прибыл в Санта-Фе незадолго до капитуляции Гренады и прекращения борьбы между Полумесяцем и Крестом. Он присутствовал при вручении ключей от города и передаче Альгамбры Изабелле мавританским королем Боабдилем эль-Чико. После официальных торжеств королева дала аудиенцию Колумбу. Поскольку она уже верила в осуществимость этого плана, единственными темами для обсуждения были способы исполнения и вознаграждение, которое должно было быть присуждено Колумбу в случае успеха. Для рассмотрения этого последнего пункта был назначен комитет. Колумб изложил свои условия следующим образом:

Он должен получить звание Великого адмирала океана:

Он должен быть вице-королем и генерал-губернатором всех островов и материков, которые он может открыть:

Он должен взимать налог в своих интересах со всей продукции — будь то специи, фрукты, парфюмерия, золото, серебро, жемчуг или бриллианты, — обнаруженной в землях, находящихся под его властью, или экспортируемой из них:

И его титулы должны передаваться в его семье вечно, по законам первородства.

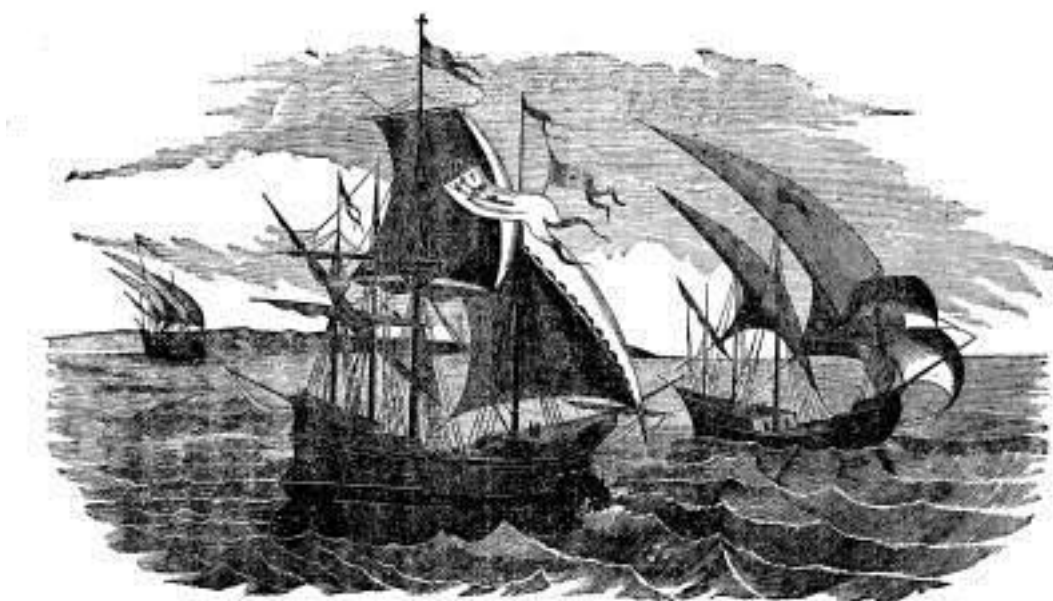
Эти условия, ставившие потрепанного поверенного выше самого благородного дома в Испании, были встречены комитетом с насмешкой, а Колумба считали наглым хвастуном. Он ни на йоту не отказался бы от своих притязаний, хотя теперь, после восемнадцати лет бесплодных усилий, он видел, что все его надежды вот-вот снова рухнут на землю. Он сел на своего мула и отбыл в Кордову, прежде чем навсегда покинуть Испанию.

Теперь двое друзей королевы представили отъезд Колумба как огромную и невосполнимую потерю и своими мольбами и протестами побудили ее еще раз подумать об огромной важности предложенных им планов. Тронутая их уговорами, она заявила, что согласилась на это предприятие не совместно, как жена короля Испании, а самостоятельно, как королева Кастилии. Поскольку казна была истощена войной, она предложила покрыть расходы своими драгоценностями. К Колумбу был отправлен гонец, которого настигли в нескольких милях от Гренады. Сначала он колебался возвращаться; но, поразмыслив о героической решимости Изабеллы, которая таким образом взяла на себя инициативу в опасном предприятии, вопреки донесению хунты, совету своих советников и вопреки равнодушию короля, он с готовностью подчинился и вернулся в Санта-Фе.

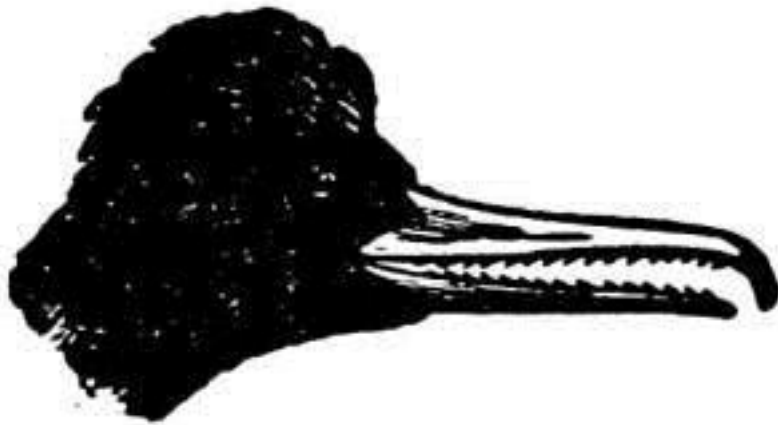
Он был с отличием принят двором и с нежным вниманием со стороны королевы. Фердинанд оставался незнакомцем с экспедицией. Он поставил свою подпись под условиями, но велел четко указать, что все это дело было предпринято королевой Кастилии на свой страх и риск, — таким образом, навсегда исключив себя из числа участников этого грандиозного предприятия.

ФИОЛЕТОВАЯ АСТЕРИЯ.

ФЛОТ КОЛУМБА.

ГЛАВА MERGONSER.

ГЛАВА XV.

ПОРТ ПАЛОС—СУЕВЕРИЯ ЕГО МОРЯКОВ—РУКА САТАНЫ—ПТИЦА, ВОЗНОСЯЩАЯ КОРАБЛИ К ОБЛАКАМ—"ПИНТА" И "НИНЬЯ"—"САНТА МАРИЯ"—ВМЕСТИМОСТЬ ИСПАНСКОЙ КАРАВЕЛЛЫ—ТРИ ПИНЗОНА—ОТПЛЫТИЕ—ДНЕВНИК КОЛУМБА—РУЛЬ "ПИНТЫ" СНЯТ С ЯКОРЯ—РАЗНОВИДНОСТЬ ИГЛЫ—ПОЯВЛЕНИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АТЛАНТИКИ—ПЛАВУЧАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ—САРГАССОВО МОРЕ—ТРЕВОГА МОРЯКОВ И УГРОЗА МЯТЕЖА—НЕДОУМЕНИЯ КОЛУМБА—ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ! ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА—ПРИЗНАКИ БЛИЗОСТИ СУШИ—РОПОТ ЭКИПАЖЕЙ—ОТКРЫТЫЙ БУНТ, ПОДАВЛЕННЫЙ КОЛУМБОМ—ПЛАВАЮЩИЕ ТРОСТНИКИ И ПУЧКИ ТРАВЫ—НАКОНЕЦ-ТО - СУДА БРОСАЮТ ЯКОРЬ НА НОЧЬ.

Колумб получил свои письма-патенты, дающие ему все привилегии и титулы, которых он требовал, 30 апреля 1492 года. Его сын Диего был назначен пажом королевского принца - одолжение, оказываемое только детям из знатных семей. Гавань Палоса была выбрана в качестве порта отправления; и его жителям, ежегодные налоги которых заключались в предоставлении правительству двух каравелл, вооруженных и укомплектованных людьми, было приказано предоставить их в течение десяти дней по приказу Колумба. Лица, ожидающие суда или осуждения, должны были иметь привилегию избежать приговора и наказания, отправившись в это ужасное и, возможно, роковое путешествие.

Моряки Палоса восприняли эти известия с тревогой. Несомненно, в те дни ничто так не было рассчитано на то, чтобы повергнуть в ужас осторожных каботажников, как путешествие по бескрайнему, нескончаемому Маре Тенеброзум, которое в воображении не только невежд, но даже образованных людей было обителью хаоса, если не резиденцией Эреба. На картах мира, созданных в тот период, слова Mare Tenebrosum были окружены фигурами бесов и дьяволиц, по сравнению с которыми мифические циклопы, грифоны и кентавры были скромными и безобидными созданиями. Арабы, которым Коран запрещал изображать формы животных, придавали, как они думали, соответствующий характер морю, изображая на своих картах руку сатаны, готовую схватить и утащить под воду любого, кто окажется настолько опрометчив, что вызовет неудовольствие Бахр-аль-Талмета. Помимо сатаны, помимо Левиафана и Бегемота и других подобных подводных ужасов, искатель приключений

в открытом море найдет противников в воздухе; и если он избежит взрыва и удара молнии, то станет жертвой гос, этой гигантской птицы, которая поднимает корабли в воздух и крошит их в облаках. Эта птица рух, наводившая ужас на спутников Колумба, снизошла до развлечения детей в морском романе о Синдбаде-Мореходе.

Время шло, а власти Палоса так ничего и не предоставили для отплытия. Владельцы судов спрятали их в отдаленных бухтах, и порт постепенно превратился в пустыню. Суд предписал строгие меры, и, наконец, каравелла "Пинта" была конфискована и поставлена на ремонт. Все плотники заболели, и ни веревки, ни дерева, ни смолы найти не удалось. Напрасно Марчена, ревностный францисканец Палоса, которого любили все его жители, предпринял крестовый поход среди мореплавателей в поддержку этого проекта: все андалузское побережье сочло его химерическим и искушением Провидения.

Мартин Алонсо Пинзон, один из трех братьев, все моряки, который в это время недавно вернулся из Рима, где папский библиотекарь показал ему карту с изображением суши в Атлантическом океане к западу, был представлен Колумбом Марченой. Вскоре распространился слух, что братья, чей кредит и влияние в Палосе были очень велики, намеревались рискнуть отправиться в приключение на борту каравеллы "Нина", принадлежащей младшему из троих. Мореплаватели набрались храбрости, и город Палос предоставил свою вторую каравеллу "Гальега", всего их было три. Эта Гальега, хотя и была старой, грузной и непригодной для службы, была крепкой и основательной, и Колумб выбрал ее для своего флагманского корабля, однако переименовав в "Санта-Марию". К концу июля суда были почти готовы к выходу в море, и Колумб на некоторое время удалился в монастырь, где проводил дни в молитвах, а ночи в созерцании. Однажды он покинул монастырь и появился среди рабочих: он застал врасплох моряков, осужденных городом сопровождать его на запад, занятых починкой руля "Пинты" таким образом, что первый же шторм мог вывести его из строя. Марчена удвоил свои увещевания, и наконец экспедиция была готова.

В наше время распространенное поверье представляет эти сосуды намного меньшими, чем они, вероятно, были на самом деле. Термин *каравелла*, имеющий сомнительную этимологию, не дает никаких указаний на их тоннаж или вместимость. Каравеллы, однако, использовались для перевозки войск, провизии и артиллерии и даже для ведения боевых действий в открытом море. Они были отправлены Португалией к побережью Африки. Иоанн II, как мы уже рассказывали, послал судно на запад, чтобы опередить Колумба; и это судно было каравеллой. Самая маленькая из трех — "Нинья" — впоследствии, находясь в море, взяла на борт пятьдесят шесть человек, в дополнение к своей собственной команде, некоторое количество пушек и часть такелажа "Санта-Марии", не снижая ее ватерлинии; а Колумб однажды пригрозил португальскому офицеру, что тот возьмет сотню его людей на борт "Ниньи" и доставит их в Кастилию. Ни она, ни две другие каравеллы не были "легкими барками" или "отмелями", как их с удовольствием изображают историки. Важность предмета требует, чтобы мы описали три сосуда со всей подробностью, которую позволяют последние исследования, о которых мы говорили.

"Санта-Мария" имела около девяноста футов в киле. У него было четыре мачты, две из них с квадратной оснасткой, а две снабжены латинскими парусами Средиземноморья. У него была палуба, простиравшаяся от носа до кормы, и двойная палуба на юте, длиной двадцать шесть футов, что составляло почти треть всей его длины. Двойная палуба была пробита для установки пушек, носовая палуба была вооружена более мелкими предметами, используемыми для метания камней и картечи. Из "Дневника Колумба" мы знаем, что при

маневрах он использовал довольно сложную систему канатов и блоков. С бортов корабля свисали восемь якорей. По своим общим характеристикам она представляла собой современное двадцатипушечное судно. На корабле находилось шестьдесят шесть человек, ни один из которых не был уроженцем Палоса, - один из них был англичанином, а другой ирландцем, — и командовал им Колумб.

"Пинта" и "Нинья" были покрыты палубой только в носовой и кормовой частях, пространство посередине было полностью открыто. Их вооружение было равно вооружению шлюпов из шестнадцати и десяти пушек соответственно. Алонсо Пинзон командовал "Пинтой", общий экипаж которой, включая офицеров, насчитывал тридцать человек. Самый молодой из трех пинзонов, Винсент Янез, командовал "Ниньей" в составе двадцати трех человек. Провизия флота состояла из копченой говядины, соленой свинины, риса, сушеного горошка и других овощей, сельди, вина, масла, уксуса и т. Д., Которых хватало на год.

По мере приближения дня и того, как опасность становилась все более надвигающейся, опасения усиливались, и моряки выразили желание примириться с Небом и получить отпущение своих грехов. Они отправились процессией в монастырь Ла Рабида во главе с Колумбом и приняли Евхаристию из рук францисканца Марчены. Колумб, ожидая попутного ветра, в последний раз удалился в монастырь, чтобы поразмыслить о возложенных на него обязанностях и перечитать свою любимую книгу - Евангелие от святого Иоанна. В три часа утра 3 августа он был разбужен шелестом долгожданного ветра в верхушках сосен, окаймлявших его келью. Наступающим днем была пятница, день, неблагоприятный для моряков, но для него это был день добрых предзнаменований. Он встал, позвал Марчену, от которой принял причастие, а затем пешком спустился по крутому склону, ведущему в Палос.

"Санта Мария" немедленно выслала свою шлюпку встретить адмирала, и при звуках приготовлений и приказах лоцманов жители проснулись и широко распахнули окна. Матери, жены и сестры, отцы и братья в смятении выбежали на берег, чтобы в последний раз попрощаться с теми, кого они, возможно, больше никогда не увидят. Королевский штандарт, изображавший Распятие, был поднят на грот-мачте, и Колумб, стоя на четвердеке, отдал приказ поднять паруса во имя Иисуса Христа. Так началось самое памятное путешествие по океану, которое человек совершил тогда или совершал с тех пор, — летопись самого короткого дня которого полна происшествий больше, чем все путешествие Ясона от Крутящихся Скал до Золотого Руна.

Колумб сразу же начал вести свой дневник, и именно из отрывков этого повествования, которые сохранились до наших дней, мы составим отчет о путешествии. Он начинает с объявления цели экспедиции - распространить благословения Евангелия на народы, которые, как предполагается, лишены его. Он добавляет, что вечером будет записывать события дня, а каждое утро - события ночи. Он отметит на карте земли, которые ему предстоит открыть, и прогонит сон со своих век, чтобы понаблюдать за ходом своего судна.

Все шло хорошо до понедельника, когда руль "Пинты" развалился на куски - этот несчастный случай был во второй раз подготовлен ее упрямыми владельцами. Флот сделал все возможное, чтобы добраться до Канарских островов, где "Пинта" была отремонтирована. Они снова отплыли 6 сентября, едва избежав нападения трех португальских каравелл, которые король Иоанн послал против Колумба, возмущенный тем, что он должен был передать другой державе предложение, которое он когда-то сделал самому себе.

До сих пор маршрут пролегал по проторенной дороге между континентом и Канарскими островами, вдоль побережья Африки. Когда они вышли в открытое море и пик Тенерифе скрылся за горизонтом позади них, сердце Колумба радостно забилося, в то время как мужество его офицеров и матросов угасло в них. Адмирал вел два журнала, один для себя и один для команды, причем в последнем было указано расстояние меньше того, которое они действительно прошли, и, таким образом, они оставались в неведении относительно их фактического расстояния до дома. Его курс лежал на юго-запад. Небо, звезды, горизонт, вода заметно менялись по мере их продвижения. Знакомые созвездия исчезли, их место заняли другие. 13 сентября Колумб наблюдал странное и пугающее явление. Стрелка, которая до тех пор была безошибочна, отклонилась от полярной звезды и, дрожа, направилась на северо-запад. На следующий день это изменение было еще более заметным. Колумб принял все меры предосторожности, чтобы скрыть открытие, столь обескуражившее флот и встревожившее даже его самого. Вода стала более прозрачной, климат - более мягким, а небо - более прозрачным. В воздухе висела нежная дымка, а свежий бриз доносил аромат, характерный для моря. Водные растения, по-видимому, недавно оторванные от скал или дна океана, плавали на волнах. Впервые в мировой истории безмятежная красота и торжественное величие тропической Атлантики предстали перед взором людей. Согласно "Журналу Колумба", "в этой сцене не было недостатка ни в чем, кроме песни соловья, которая напоминала бы ему об Андалусии в апреле".

На близость суши, по-видимому, часто указывали запах, которым дули ветры, обилие морских растений и присутствие птиц. Колумб не стал менять свой курс, так как не хотел ослаблять уверенность своих людей в своей собственной вере в то, что землю можно найти, держа курс на запад. Плавающая растительность теперь стала настолько обильной, что затрудняла прохождение судов. Моряки были серьезно встревожены. Они думали, что достигли границы мира, где стихия, слишком неустойчивая, чтобы на нее наступать, слишком плотная, чтобы плыть сквозь нее, призывала опрометчивого незнакомца прислушаться к предупреждению и вернуться. Они опасались, что каравеллы окажутся втянутыми в пучину, из которой не удастся выбраться, и что чудовища, затаившиеся в засаде под плавающей травой, легко съедят их беззащитные экипажи. Пассаты, тогда неизвестные, были еще одной причиной беспокойства; ибо, если они всегда дули на запад, как казалось, то как могли корабли вообще вернуться на восток, в Европу? В разгар опасений, вызванных этими причинами, которые едва не довели перепуганных людей до мятежа, поднялся встречный ветер, и таким образом, по воле провидения восстание было подавлено. Колумб записал в своем дневнике: "этот встречный ветер подул очень кстати, так как моя команда была в большом волнении, воображая, что в этих краях никогда не дул ветер, по которому они могли бы вернуться в Испанию".

Но вскоре страхи невежественных людей вспыхнули с новой силой. Водоросли и тропические морские растения вновь появились тяжелыми массами и, казалось, закрыли корабли среди своей застойной растительности. Ветер больше не поднимал волн на поверхности воды. Моряки заявили, что они находятся в тех мрачных уголках мира, где ветры теряют свой порыв, а воды - равновесие, и что скоро свирепые водные чудовища вцепятся в кили кораблей и будут держать их пленниками среди водорослей. Посреди трудностей, которым таким образом подвергся Колумб, море внезапно заволновалось, хотя ветер не усилился. Это оживление движения в стихии, которое, как они думали, сменилось угрюмым бездействием, снова вселило в команду временное спокойствие.^[2]

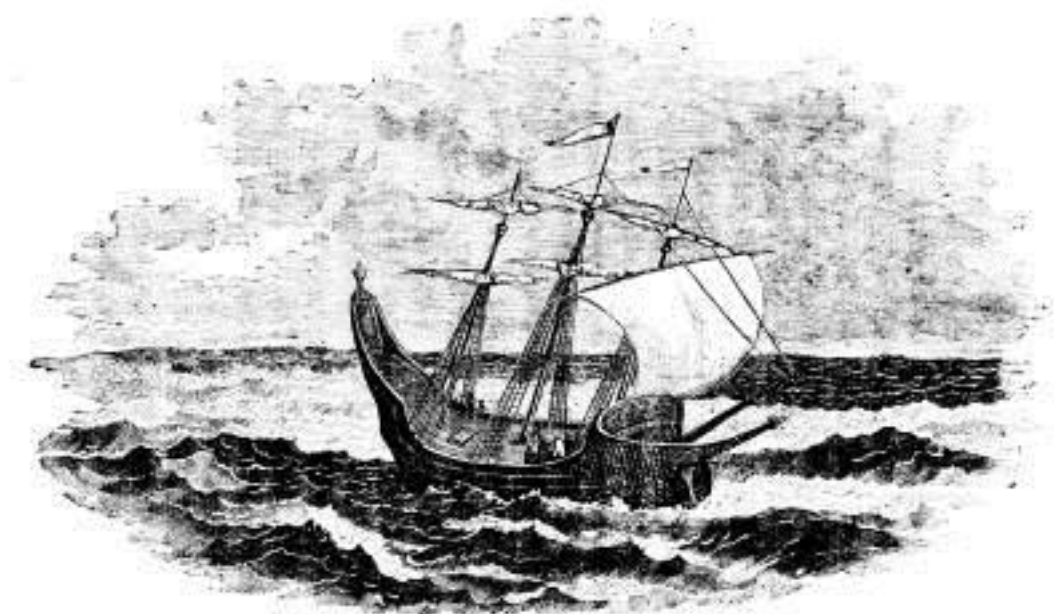
На закате 25-го Алонсо Пинзон, взволнованно выбежав на квартердек "Пинты", закричал: "Земля! земля! Милорд, я был первым, кто увидел это!" Матросы "Нины" радостно вскарабкались на верхушки, а Колумб упал на колени в знак благодарности. Но утро рассеяло иллюзию, и океан, как и прежде, раскинулся на своих безграничных просторах. 1 октября один из лейтенантов с горечью заявил, что они находятся в тысяче семистах милях от Канарских островов, и это сообщение ужасно встревожило команду, хотя на самом деле они прошли гораздо большее расстояние, находясь, по личным подсчетам Колумба, в двух тысячах ста милях от Тенерифа.

Указания на близость суши были так часто обманчивы, что команда больше не верила им и от уныния впадала в молчаливость, а от молчаливости - в неподчинение. Недовольство было всеобщим, и не предпринималось никаких усилий, чтобы скрыть его. В своих мятежных разговорах они презрительно отзывались о Колумбе как о "генуэзце", как о шарлатане и мошеннике. Справедливо ли, говорили они, что сто двадцать человек погибли из-за каприза и упрямства одного-единственного человека, да еще иностранца и самозванца? Если бы он упорствовал в продвижении "к своему вечному западу, который тянулся все дальше и дальше и никогда не кончался", его следовало бы бросить в море и оставить там. По возвращении они могли легко сказать, что он упал в волны, когда смотрел на звезды. Между экипажами трех кораблей был согласован мятеж, которые несколько раз выходили на связь, посылая лодки с одного на другой. Капитаны "Пинты" и "Ниньи" были осведомлены о происходящем, но до поры до времени сохраняли осторожный нейтралитет. Море оставалось спокойным, как Гвадалквивир у Севильи, воздух был напоен тропическими ароматами, и за двадцать четыре часа флот, явно находившийся в состоянии покоя, незаметно преодолел сто восемьдесят миль. Эта неподвижная быстрота, так сказать, привела команду в ужас, и, подняв открытый мятеж, 10 октября они отказались идти дальше на запад. "Нинья" и "Пинта" присоединились к "Санта-Марии"; братья Пинзон в сопровождении своих людей вскочили на палубу и приказали Колумбу разворачивать корабль и возвращаться в Палос.

В этом самом важном месте повествования наши авторитетные источники противоречат друг другу, в то время как "Дневник самого Колумба" хранит молчание. Согласно Овьедо, писателю, получившему информацию от врага Колумба, последний уступил своим людям настолько, что предложил компромисс и согласился вернуться, если земля не будет обнаружена через три дня плавания. Мягко говоря, такое подчинение угрозам и распоряжениям его разъяренных подчиненных не соответствовало характеру Колумба, его хорошо известной уверенности в себе и его открыто выражаемой и постоянно подтверждаемой уверенности в Божественной защите. Католическая биография, которую мы цитировали, приписывает усмирение восстания непосредственно Божественному вмешательству, утверждая, что никакая человеческая философия не может объяснить это внезапное и полное прекращение преобладающего раздражения и враждебности. Во всяком случае, несомненно, что демонстрация, начавшаяся с наступлением темноты, прекратилась задолго до утреннего рассвета.

И теперь голуби в изобилии летали вокруг кораблей, а зеленые тростники лениво проплывали мимо. Нина извлекла из воды куст с красными от ягод ветвями. Пинта подобрала пучок травы и кусок дерева, которые, по-видимому, были срезаны каким-то железным инструментом. Таких указаний было достаточно, чтобы поддержать самых подавленных. Тем не менее солнце опустилось за горизонт, чистая линия которого не была нарушена сушей и не была запятнана земными испарениями. Каравеллы были созваны вместе, и после обычной молитвы Пресвятой Деве Колумб объявил им, что их испытания подошли к концу и

что завтрашний свет принесет с собой осуществление всех их надежд. Лоцманам было приказано выйти в море после полуночи, и тому, кто первым увидит землю, была обещана бархатная наливка. Экипажи, которые двумя днями ранее считали Колумба обманщиком, теперь восприняли его слова как евангелие свыше. Ожидание и нетерпение, охватившие три корабля, были неописуемы. В ту ночь ни один глаз не сомкнулся. "Пинта", будучи самым быстроходным парусником, намного опережала остальные. "Нинья" и "Санта Мария" медленно следовали за ними, так как паруса теперь были убраны. Внезапно вспышка и сильный грохот с "Пинты" возвестили радостную весть. Испанец из Палоса по имени Хуан Родригес Бермехо, побывавший на этой земле, выиграл "бархатный приз". Колумб упал на колени и, воздев руки к небу, закричал "Te Deum Laudamus". Затем паруса были свернуты, и флот отправился в путь. Было приготовлено оружие и праздничные наряды, ибо они не знали, что принесет этот день, предложит ли земля гостеприимство или вызов на битву. Великая тайна океана должна была быть раскрыта завтра; тем временем ночь и тьма хранили великую тайну — была ли земля дикой пустыней или пряным цветущим садом.

НАПРАВЛЯВШАЯСЯ ДОМОЙ "НИНА".

КОЛУМБ ВСТУПАЕТ ВО ВЛАДЕНИЕ ГУАНАХАНИ.

ГЛАВА XVI.

ОТКРЫТИЕ ГУАНАХАНИ—ЦЕРЕМОНИИ ВСТУПЛЕНИЯ Во ВЛАДЕНИЕ—ИССЛЕДОВАНИЕ СОСЕДНИХ ОСТРОВОВ—ПОИСКИ ЗОЛОТА—КУБА, КОТОРУЮ КОЛУМБ ПРИНЯЛ ЗА ЯПОНИЮ—КАННИБАЛЫ—ГАИТИ—ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ—ШТОРМ—ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ—ПРИБЫТИЕ На АЗОРСКИЕ ОСТРОВА—ПОВЕДЕНИЕ ПОРТУГАЛЬЦЕВ—КОЛУМБ В ЛИССАБОНЕ—В ПАЛОСЕ—В БАРСЕЛОНЕ—ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КОЛУМБА—ОТКРЫТИЕ ГВАДЕЛУПЫ, АНТИГОА, САНТА—КРУС, ЯМАЙКИ—БОЛЕЗНЬ КОЛУМБА—УЖАСНАЯ БИТВА Между ИСПАНЦАМИ И ДИКАРЯМИ—КОЛУМБ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИСПАНИЮ—ЕГО ПРИЕМ КОРОЛЕВОЙ—ЕГО ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСПАНИЮ РЕГИОН СПОКОЙСТВИЯ —ОТКРЫТИЕ ТРИНИДАДА И ГЛАВНОЙ ЗЕМЛИ—АССУМПСИОН И МАРГАРИТА-КОЛУМБ В ЦЕПЯХ.

В пятницу, 12 октября 1492 года, занимающийся рассвет открыл удивленным глазам наших искателей приключений яркие краски и красоту раннего утра острова, покрытого зеленью и изобилующего фруктами и растительностью середины осени в тропиках. Его поверхность слегка волнилась, массивные леса окаймляли места, расчищенные для возделывания, а сверкающая вода пресного озера поблескивала среди пышной листвы, которая окружала его. Место для стоянки было легко найдено, и Колумб, одетый в официальный костюм и с королевским штандартом в руке, высадился на безмолвный и пустынный берег. Он водрузил знамя и, простершись перед ним ниц, поцеловал землю, которую он открыл; затем он произнес знаменитую с тех пор молитву, начальные строки которой по приказу испанских монархов повторялись последующими первооткрывателями во всех подобных случаях. Он обнажил свой меч и, назвав землю Сан-Сальвадор в память о Спасителе, вступил во владение ею для короны Кастилии. Экипажи признали Колумба адмиралом океана и вице-королем Индии. Самые непокорные и возмутительные толпились вокруг него и припадали к ногам того, кто, по их мнению, уже получил в дар богатство и почести.

Остров, на который высадился Колумб, туземцы называли Гуанахани, и в настоящее время он является одним из архипелагов Багамских островов. Жители при появлении чужаков отступили в леса, но, постепенно успокоившись, позволили завоевать их доверие и получили от них осколки стекла и фаянса в качестве подарков, обладающих сверхъестественной силой. Колумб взял на борт семь из них, стремясь доставить их в Испанию и предложить королю, пообещав, однако, вернуть. Затем он поднял якорь и исследовал удивительный

регион, в котором расположены эти прекрасные острова. Новые земли постоянно как бы поднимались из волн; глаз с трудом мог сосчитать их, но семеро туземцев называли по именам более сотни из них. Он высадился последовательно в Консепсьоне, ла-Фернандине и Изабелле; везде он был очарован великолепием растительности, великолепным оперением птиц и восхитительным ароматом, которым были наполнены леса и воздух. Он повсюду искал следы золота в почве, надеясь таким образом заинтересовать Испанию в продолжении своих исследований. Таково было его желание увидеть драгоценный металл, что он быстро переходил с острова на остров, безразличный ко всему остальному. Наконец, туземцы заговорили о большой и чудесной стране под названием Куба, где были пряности, золото, корабли и купцы. Предположив, что это и есть чудесный Чипанго, описанный Марко Поло, он сразу же отплыл. Было 24 октября.

28-го числа, на рассвете, Колумб открыл остров, который по своим размерам и общим характеристикам сильно напомнил ему Сицилию в Средиземном море. Когда он приблизился, его чувства пришли в некоторое замешательство от чудесного плодородия и роскоши растительности. В своем дневнике он не пытается описать свои эмоции, но, сохраняя ошеломленное молчание, просто говорит, что "он никогда не видел ничего более великолепного". Он больше не сомневался, что это красивое место было настоящим Чипанго. Он высадился на берег, дал острову название Хуана и начал поиски золота, которые закончились полным разочарованием. Покидая Кубу, он дал ей название, которое, по его мнению, было более подходящим, чем Хуана, назвав ее восточную оконечность Альфой и Омегой, будучи, как он думал, регионом, где заканчивалась Ост-Индия и где начиналась Вест-Индия. Эта ошибка Колумба была причиной того, что североамериканских дикарей стали называть индейцами, — ошибка, которая сохранилась, несмотря на прогресс географических открытий, и которая, несомненно, сохранится навсегда.

6 декабря он открыл остров, названный туземцами Гаити, а сам он назвал его Эспаньолой, поскольку он напоминал ему о прекраснейших уголках Испании. Он обнаружил, что у соседей эти жители пользовались репутацией пожирателей человеческого мяса; их называли людьми *каниба* - эпитет, который после необходимых изменений перешел во все европейские языки. Карибцы были той нацией, о которой шла речь. В этот момент капитан "Пинты" покинул флот, чтобы совершить открытия самостоятельно. Вскоре после этого "Санта-Мария" потерпела крушение у берегов Гаити, и Колумб, думая, что это происшествие было задумано как указание на Божественную волю о том, что он должен основать там колонию, построил форт из живого дерева, в котором разместил сорок два человека. Он снялся с якоря на "Нине" 11 января 1493 года и вскоре после этого столкнулся с "Пинтой". Он притворился, что верит и принимает ложь и противоречия, которые Пинзон называл причинами своего ухода с флота. Теперь оба судна повернули на восток, Колумб надеялся обнаружить по пути остров каннибалов, поскольку хотел перевезти в Испанию профессора этой отвратительной практики.

Никаких важных событий не произошло до 12 февраля, месяц спустя, когда над доселе спокойными водами разразился ужасный шторм. Его жестокость возросла до такой степени, что не оставалось ничего, кроме отчаянного призыва к "Марии, Матери Божьей". Количество сушеного гороха, равное количеству мужчин на борту "Нины", было положено в матросскую шерстяную шапочку, одна из которых была помечена крестом. Тот, кто нарисует эту горошину, должен был отправиться в паломничество в церковь Святой Марии в Гваделупе, неся свечу весом в пять фунтов, на случай, если корабль будет спасен. Колумб был первым, кто вытянул отмеченную горошину. Были даны и другие обеты подобного рода, и, наконец,

один из них должен был отправиться в процессии босиком к ближайшему собору в любой стране, куда бы они ни добрались первым. Адмирал, опасаясь, что его открытие погибнет вместе с ним, удалился в свою каюту в самый разгар беспорядков и написал на пергаменте два отдельных и кратких отчета о своих открытиях. Он завернул их оба в воск и, поместив один из них в пустую бочку, выбросил ее в море. Другой, точно такой же закрытый, он прикрепил к корме "Нины", намереваясь отсоединить его в момент спуска на воду. К счастью, шторм утих, и 17-го числа разбитые суда прибыли к самому южному острову Азорских островов, принадлежащему королю Португалии. Здесь половина команды отправилась процессией в часовню, чтобы исполнить свой обет; и, пока Колумб ждал, чтобы отправиться с другой половиной, португальцы совершили вылазку, окружили первую часть и взяли их в плен. После бесполезных протестов Колумб отбыл с оставшимися людьми, имея с собой на "Нине" только трех здоровых моряков. Теперь другой шторм выбросил его на побережье Португалии, в устье Тежу. Здесь он чудом избежал кораблекрушения во второй раз, но с помощью пораженных жителей благополучно добрался до дорог Ростелло. Король, хотя и ревновал к морской славе, которую он приобретал для Испании, принял его с отличием и отпустил с подарками. Колумб прибыл на "Нине" в Палос в пятницу, 15 марта, через семь месяцев и двенадцать дней после своего отплытия. Алонсо Пинзон уже прибыл на "Пинту" и, полагая, что Колумб погиб во время шторма, написал письмо ко двору, в котором рассказал об открытиях, сделанных флотом, и заявил о своих заслугах и вознаграждении.

ПРИЕМ КОЛУМБА ФЕРДИНАНДОМ И ИЗABELЛОЙ.

Рассказывать историю пребывания Колумба на суше - не наша компетенция, да и места у нас для этого нет. Мы можем лишь кратко упомянуть о его освобождении путем паломничества к святыням от обетов, которые в трех случаях из четырех выпадали на его долю по жребию: о неделе, которую он провел с Марченой и в тишине монастыря в ла Рабиде; о королевских почестях, оказанных ему по пути в Барселону, куда отправился двор; о приеме его королем и королевой, во время которого Фердинанд и Изабелла встали при его приближении, подняли

его, когда он преклонил колени, чтобы поцеловать им руки, и приказали ему сесть в их кресло. присутствие.

Испанские монархи вскоре снарядили новую экспедицию, и 25 сентября 1493 года Колумб покинул порт Кадис с семнадцатью судами, пятьюстами матросами, солдатами, гражданами и слугами и тысячей колонистов, триста из которых тайно проникли на борт. Он отплыл прямо к Карибским, или Каннибальским, островам и 3 ноября прибыл в их гущу. Одну из них он назвал Мария-Галанта по имени своего флагманского корабля; другую - Гваделупа - по имени одной из святынь Испании, где он дал обет. Здесь он нашел многочисленные и отвратительные свидетельства правдивости истории о том, что эти люди питались человеческой плотью. Остров, который он назвал Монтсеррат в честь знаменитого святилища с таким названием, был обезлюдел от карибов. Он дал соседней земле название Санта-Мария-л'Антигоа; теперь она известна просто как Антигоа. Другую он назвал Санта-Крус в честь креста. Вернувшись на Эспаньолу, он обнаружил, что форт разрушен, а гарнизон перебит. Основав город Изабелла в другой части острова, он отправил обратно в Испанию двенадцать своих кораблей и с тремя из оставшихся пяти, одним из которых была знаменитая "Нина", отправился в исследовательское путешествие по окрестным водам. Он коснулся Альфы и Омеги и спросил дикарей, где он может найти золото. Они указали на юг. Два дня спустя Колумб увидел высокие горы с голубыми вершинами на острове, которому он дал название Ямайка в честь Святого Иакова. Затем, вернувшись на Кубу и пройдя вдоль южного побережья расстояние, достаточное для того, чтобы убедить три экипажа в том, что это континент, а не остров, он завладел им как таковым. Затем он пожелал вновь посетить Карибские острова и уничтожить лодки их обитателей, чтобы они больше не могли охотиться на своих соседей, но направление ветров не позволяло ему плыть на запад. Вернувшись к Изабелле, он встретил своего брата Бартоломею, который только что прибыл из Испании с письмом от королевы. Он также обнаружил, к своему крайнему сожалению, что офицеры, которых он оставил руководить колонией, превысили свои полномочия и отказались от своих обязанностей. Маргарит, командир, и Бойл, викарий, отбыли на корабле, который привез Бартоломею. Подавленный трудами и лишениями, которым он подвергся, с болью в сердце при виде бедствий, которым подвергалась колония, он впал в глубокую летаргию, и долгое время было сомнительно, проснется ли он когда-нибудь снова.

Однако он проснулся, но только для того, чтобы остро осознать те бедствия, которые принесло на остров испанское вторжение. Испанцы и индейцы стали враждебными из-за предательства первых за время его отсутствия, и сражения, неожиданности и убийства были обычным явлением. Видя необходимость энергичных усилий для поддержания своей власти над туземцами, он повел свои двести двадцать человек против разъяренной толпы обнаженных, раскрашенных дикарей, численность которых, по заявлениям испанцев, составляла не менее ста тысяч. Индейцы потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены платить дань и подвергаться унижительным налогам. В это время на остров прибыл офицер по имени Хуан Агуадо, посланный Фердинандом и Изабеллой по злонамеренным заявлениям Маргариты и отца Буля, чтобы расспросить о состоянии колонии и поведении Колумба. Колумб решил вернуться в Испанию, чтобы лично представить обоснование своего курса. Сильный шторм уничтожил все суда, кроме "Нины", и Колумб принял командование ею, а Агуадо построил для себя каравеллу из обломков других. Они оба покинули Изабеллу 10 марта 1496 года, забрав с собой больных и разочарованных в количестве двухсот двадцати пяти человек и тридцати двух индейцев, которых они заставили сопровождать их. Они зашли в Гваделупу за дровами и водой и, отразив нападение карибов, сумели завоевать их доверие и раздобыть предметы, в которых те нуждались. Они снова уехали 20 апреля. После долгого и мучительного плавания, в ходе которого предлагалось

выбросить индейцев за борт, чтобы уменьшить потребление пищи, они без материального ущерба прибыли в порт Кадис. Колумб написал королю и королеве и в течение месяца, прошедшего до получения их ответа, отрастил бороду и, испытывая отвращение к миру, надел одежду и значки францисканского монаха. Вскоре он был вызван в Бургос, в то время резиденцию двора, где Изабелла, забыв о клевете, объектом которой он был, и обвинениях, которыми его осыпали враги, осыпала его милостями и добротой.

Многочисленные обстоятельства помешали Колумбу потребовать немедленного снаряжения другой экспедиции. Только 30 мая 1498 года он снова отплыл навстречу своим открытиям на Западе. Он покинул Сан-Лукар с шестью каравеллами, три из которых были нагружены припасами и подкреплениями для колонии в Изабелле, а три намеревались сопровождать его в поисках материка, который, как он полагал, находился к западу от Эспаньолы, Кубы и Ямайки. 15 июля на широте Сьерра-Леоне они вошли в район штиля, где вода под тропическим солнцем казалась расплавленным серебром. Ни малейшее дуновение ветра, ни одно облачко не заслоняло огненных лучей, вертикально падавших на них с небес. Провизия в трюме разлагалась, смола кипела на канатах. Бочки с вином и водой открылись по широким швам, и их драгоценное содержимое рассыпалось впустую. Зерна пшеницы были сморщенными, словно их поджаривали на огне. Это накаление продолжалось восемь дней, пока не поднялся восточный ветер и не перенес их в более умеренное место в жаркой зоне.

31 июля на западе была обнаружена земля - три горных пика, по-видимому, поднимающиеся от одного и того же основания. Колумб дал обет дать имя Троицы первой земле, которую он откроет, и эта уникальная триединая форма земли, лежащая сейчас перед ними, была отмечена всеми на борту как удивительное совпадение. Поэтому он был назван Тринидад; он расположен у северного побережья Венесуэлы, на континенте Южная Америка. Затем были открыты бесчисленные острова, образованные сорока устьями Ориноко, а вскоре после этого - материк к северу, который Колумб принял за материк по количеству воды, приносимой Ориноко в море. Колумб был не первым, кто ступил на землю открытого им Нового Света: будучи прикованным к своей каюте из-за приступа офтальмии, он послал Педро де Террероса вступить во владение вместо себя. Это открытие Южной части Западного континента, однако, как мы вскоре увидим, произошло после открытия Северной части Джоном Кэботом, посетившим Лабрадор в 1497 году.

Флот не мог оставаться в этих соблазнительных краях из-за нехватки провизии и растущей слепоты адмирала. Он был бы рад остаться в месте, которое в своем письме своим государям он описывает как Земной рай, поскольку Ориноко является одним из четырех вытекающих из него ручьев, описанных в Библии. Тот факт, что эта река выбрасывает из своих сорока истоков пресную воду, достаточную для того, чтобы преодолеть соленость моря на большом расстоянии от берега, был одним из обстоятельств, придавших этой части света тот несколько удивительный и фантастичный характер, которым наделило ее воображение Колумба. Он сразу же отплыл с континента на Эспаньолу, открыв и дав названия островам Ассумпсион и ла-Маргарита. На Эспаньоле он снова столкнулся с голодом, бедствиями, восстаниями и паникой со всех сторон. Злоупотребления и мятежи поставили колонию на грань разорения.

У нас нет места подробно описывать маневры и махинации, благодаря которым Фердинанд был предубежден по отношению к Колумбу и вследствие которых в июле 1500 года Франческо Бобадилья был послан им для расследования обвинений, выдвинутых против

адмирала. Надменный в своих недавно обретенных почестях, Бобадилья встал на сторону недовольных и, заковав Колумба в цепи, отправил его обратно в Испанию. Он прибыл в Кадис 20 ноября, после самого быстрого перехода, когда-либо совершенного через океан. Всеобщий взрыв негодования по поводу шокирующего зрелища Колумба в оковах вынудил Фердинанда опровергнуть все, что ему было известно об этой сделке. Изабелла удостоила его частной аудиенции, во время которой пролила слезы по поводу страданий и унижений, которым он подвергся. Король заставил его ждать девять месяцев, тратя время на бесплодные ходатайства о возмещении ущерба, и в конце концов назначил Николаса Овандо губернатором Эспаньолы на его место.

КОЛУМБ В ЦЕПЯХ В КАДИСЕ.

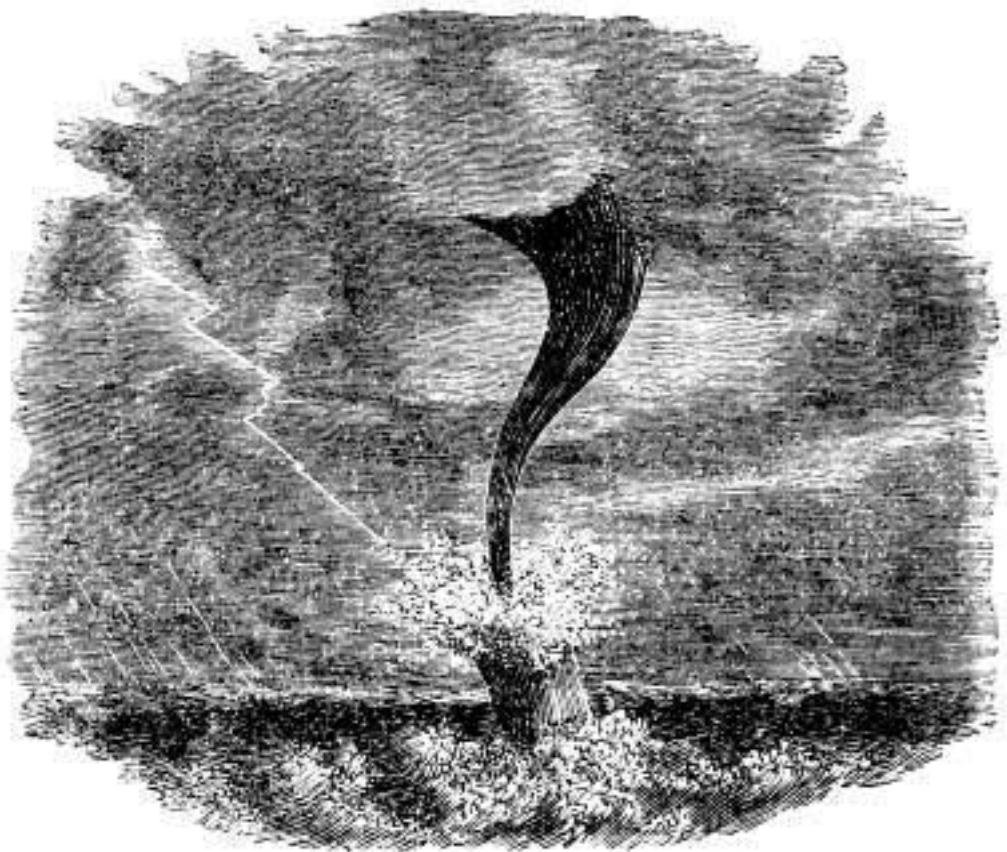
ГЛАВА XVII.

СЛАБЕЮЩЕЕ ЗДОРОВЬЕ КОЛУМБА—ЕГО ЧЕТВЕРТОЕ ПЛАВАНИЕ—МАРТИНИКА, ПОРТО—РИККО, НИКАРАГУА, КОСТА—РИККА, ПАНАМА—ЕГО ПОИСКИ КАНАЛА ЧЕРЕЗ ПЕРЕШЕЕК—ОН ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ На ЯМАЙКЕ—ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ—СМЕРТЬ ИЗАБЕЛЛЫ—КОЛУМБ БЕЗ ГРОША В КАРМАНЕ В ВАЛЬЯДОЛИДЕ—ЕГО СМЕРТЬ—ЕГО ЧЕТЫРЕ ЗАХОРОНЕНИЯ—НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ МИРА ПО ОТНОШЕНИЮ К КОЛУМБУ—КРИСТОФЕР ПИДЖИН—АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ—НОВЫЙ СВЕТ ПОД НАЗВАНИЕМ АМЕРИКА—ОШИБКИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ—ОКРУГ КОЛУМБИЯ—ДЖОН КЭБОТ НА ЛАБРАДОРЕ—СЕБАСТЬЯН КЭБОТ В ГУДЗОНОВОМ ЗАЛИВЕ ЗАЛИВ ВИНСЕНТА ЯНЕЗА ПИНСОНА В УСТЬЕ АМАЗОНКИ.

Колумб был уже преклонных лет, страдания и труды затуманили его зрение и согнули фигуру; но ум его все еще был активен, а энтузиазм в деле открытий неудержим. Он убедил себя, а теперь пытался убедить королеву, что к западу от областей, которые он посетил, земля сходится, оставляя узкий проход, по которому он надеялся пройти и направиться в Индию за ее пределами. Это сближение суши действительно существовало, но водный пролив, который он ожидал найти, был и остается сухопутным проливом - Панамским перешейком. Однако королева одобрила этот план и выделила ему четыре корабля, оснащенных и снабженных продовольствием на два года. Колумбу пришла в голову грандиозная идея пройти через пролив и вернуться через Азию и мыс Доброй Надежды, совершив таким образом кругосветное плавание и доказав его сферическую форму. Он отбыл из Кадиса 8 мая 1502 года.

В начале июня он коснулся Мартиники и назвал ее по имени, а затем - Сен-Жан, ныне Порто-Рикко. Овандо отклонил его просьбу приземлиться в Изабелле, чтобы отремонтировать свое судно и обменять одно из них на более быстрое парусное судно. Спасаясь от ужасного шторма, который разбил и полностью уничтожил великолепный флот, на который алчные грабители острова погрузили свои нечестно нажитые богатства, он был отнесен ветрами на Ямайку, а оттуда течениями на Кубу. Здесь сильный северный ветер позволил ему плыть на юго-юго-запад, к той широте, где он ожидал найти пролив. Он коснулся материковой части Северной Америки в Трухильо, в Гондурасе, и оттуда направился на юг вдоль Москито-шор, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы. Здесь он исследовал каждую извилинку и углубление на берегу, ища в том самом месте, где цивилизация и торговля теперь требуют прокладки канала, прохода, который, по его мнению, требовался Природой и был предоставлен Провидением. Он прошел по перешейку до залива Дариен, а затем, гонимый яростной тропической бурей, вернулся до Верагуа в поисках богатых золотых приисков, о которых он слышал. Шторм продолжался восемь дней, завершившись ужасным зрелищем водяных фонтанов, которые Колумб, как говорят, счел делом рук дьявола и развеял, достав Библию и изгнав демона.

Один из водяных фонтанов прошел между кораблями, не причинив им вреда, и, вращаясь, ужасный и ворчащий, удалился, чтобы излить свою ярость в другом месте.

ВОДЯНОЙ СМЕРЧ.

Достигнув Верагуа, Колумб отправил своего брата вверх по реке, которую он назвал Вифлеем, или сокращенно Белем, искать золото. Его исследования, по-видимому, указавшие на наличие драгоценного металла, привели к тому, что Колумб решил основать колонию на реке, но эта попытка потерпела неудачу из-за враждебности туземцев. Их ожесточенное сопротивление и безумное состояние его судов вынудили Колумба в апреле 1503 года пробраться на Эспаньолу на двух переполненных судах, которые, будучи совершенно немореходными, он был вынужден пристать к берегу на Ямайке. Там Колумб внушил туземцам благоговейный трепет и подчинил их себе, предсказав лунное затмение.

Таким образом, оставшись без единого судна, ему не оставалось ничего другого, как послать на Эспаньолу за помощью. После пятнадцати месяцев, потерянных на подавление мятежей и противодействие жестокости и поборам новых хозяев острова, он обзавелся каравеллой и снова отплыл в Испанию 12 сентября 1504 года. Во время плавания из-за сильного приступа ревматизма он был вынужден оставаться взаперти в своей каюте. Его разбитый штормом барк наконец бросил якорь в гавани Сан-Лукар. Он отправился в Севилью, где с ужасом узнал о болезни, а затем и о смерти своей покровительницы Изабеллы. Болезнь задержала его в Севилье до весны 1505 года, когда он, измученный и парализованный, предстал перед королем. Здесь он подвергся очередному придворному отказу в возмещении ущерба. Теперь он был без крова и надежды. Он был вынужден занять денег, чтобы заплатить за убогую комнату в убогой гостинице. Он прожил год в бедности и заброшенности и, наконец, умер в Вальядолиде 20 мая 1506 года. Возмутительная неблагодарность Фердинанда Испанского, таким образом, стала причиной смерти в лохмотьях, в нужде и немощи величайшего человека, который когда-либо служил делу прогресса или трудился на путях науки. Если бы мы написали жизнеописание Колумба, а не вкратце описывали историю его путешествий,

нам было бы легко утверждать и поддерживать его притязания на это главенствующее положение.

Волнения жизни Колумба сопровождали его останки до могилы, ибо он был похоронен четыре раза подряд, и его мертвое тело пересекло Атлантический океан. Сначала она была помещена в хранилища францисканского монастыря Вальядолида, где пролежала семь лет. В 1513 году Фердинанд, теперь уже старый и, возможно, раскаявшийся, приказал перевезти гроб из Вальядолида в Севилью, где над ним была отслужена торжественная служба в большом кафедральном соборе. Затем он был помещен в часовню, принадлежащую Шартре. В 1536 году гроб был перевезен в город Сан-Доминго на острове Эспаньола. Здесь он оставался двести шестьдесят лет. В 1795 году Испания уступила остров Франции, оговорив, что прах Колумба должен быть перенесен на испанскую землю. В декабре того же года склеп был открыт, и найденные фрагменты — фрагменты свинцового гроба, смешанные с костями и прахом, обращенным в прах, — были тщательно собраны. Они были доставлены на борт бригантины "Дискавери", которая доставила их на фрегат "Сан-Лоренцо", на котором они были доставлены в Гавану, где в присутствии генерал-губернатора Кубы и в разгар торжественных церемоний они были отправлены к месту своего четвертого и последнего упокоения.

Будет не совсем неуместно объединить здесь многочисленные и примечательные примеры мировой несправедливости и неблагодарности по отношению к Колумбу. Мы уже говорили, что он умер в бедности в Вальядолиде. Публикация, периодически выходившая в этом городе с 1333 по 1539 год, в которой описывались все события, представляющие местный интерес — рождения, браки, смерти, пожары, казни, назначения, церковные церемонии, — не упоминала и никоим образом не намекала на смерть Колумба. Пьер Мартир, поэт из Ломбардии, некогда его близкий друг, сказавший во время своего первого путешествия, что, воспевая свои открытия, он достигнет бессмертия вместе с ним, позже, похоже, думал, что он рискнул бы своими шансами на бессмертие, если бы воспевал свою смерть, ибо его муза хранила покой. В 1507 году Фраканцо де Монтальбодо опубликовал сборник путешествий, в котором не упоминалось о четвертом путешествии Колумба и в котором упоминалось, что сам Колумб все еще жив. В 1508 году был опубликован латинский перевод этого труда, в предисловии к которому упоминалось, что Колумб все еще пользуется почетом при испанском дворе. Другая известная работа того времени приписывает открытие Нового Света не расчетам и науке человека, а случайным блужданиям каравеллы, гонимой бурей. Не прошло и десяти лет после смерти Колумба, как капеллан одного из королей Италии в работе, посвященной "Памятным событиям в Испании", заявил, что Новый Свет был открыт на Западе неким Питером Колумбом. И в том же духе немецкий врач в первой немецкой книге, рассказывающей о Новом Свете, ни разу не упомянул имя Колумба, но, переводя собственное имя как нарицательное, называет его Кристоффель Добер, что в обратном переводе означает Кристофер Пиджин.

Теперь мы поговорим об этом знаменательном примере общественной неблагодарности и национальной забывчивости, о котором все сожалеют, но который никогда не будет исправлен, — о присвоении Новому Свету названия Америка, а не Колумбия, — замене, произведенной безвестным и невежественным французским издателем Сен-Дье в Лотарингии.

Америго Веспуччи, родившийся во Флоренции через пятнадцать лет после Колумба и третий сын нотариуса, по-видимому, был движим меркантильными вкусами и в 1486 году отправился в Испанию, где стал управляющим в богатом доме в Севилье. Однако он отказался от прилавка ради навигации и математики и ушел в море, чтобы зарабатывать на

жизнь. Сначала он был практическим астрономом, а в конце концов получил звание старшего лоцмана. Он четыре раза отправлялся в экспедиции в Новый Свет - в 1499, 1500, 1501, 1502 годах. Во время первого он плыл вдоль суши в устье Ориноко, открытой Колумбом годом ранее. Даже если бы он первым открыл материк, — а он им не был, — в этом не было бы никакой заслуги, поскольку он был всего лишь подчиненным офицером на борту корабля, следовавшего по следам Колумба, спустя семь лет после того, как последний проложил его по океану и морским картам. Он опубликовал отчет о своем путешествии. Но, похоже, он никогда не претендовал на звание первого первооткрывателя, и дружеские отношения, которые он поддерживал с семьей Колумба после смерти последнего, показывают, что они не рассматривали его как попытку добиться отличия, которое ему не принадлежало. Ошибка произошла из другого, более отдаленного источника.

Колумб умер в 1506 году и был забыт. В 1507 году француз из Св. Дье переиздал рассказ Веспуччи, заменив дату 1497 года датой 1499 года, таким образом создавая впечатление, что Веспуччи предшествовал Колумбу, а не следовал за ним в его открытии материка. Он ни разу не упомянул Колумба и приписал всю заслугу западных путешествий Веспуччи. Он добавил, что не понимает, почему от имени Америго нельзя получить название для континента, который он открыл, и предложил название Америки, поскольку оно имеет женское окончание, как у Европы, Азии и Африки, и обладает музыкальным звучанием, способным привлечь внимание публики. Это произведение было посвящено императору Максимилиану и быстро переиздавалось на разных языках.

До сих пор этому континенту не было дано никакого конкретного названия. Его местоположение иногда обозначалось на картах крестом, а иногда словами *Terra Sanctæ Crucis, sive Mundus Novus*, часто напечатанными красными заглавными буквами. В 1522 году впервые название Америки в его французской форме *Amerique* было напечатано на карте в Лионе. За ним последовала Германия, а пресса Базеля и Цюриха способствовала узурпации власти. Флоренция была слишком нетерпелива, чтобы принять имя, льстившее ее тщеславию; и так как Генуя не протестовала против имени Колумба, Италия уступила течению и внесла большую лепту в дело несправедливости. В 1570 году название Америки было впервые выгравировано на металлическом глобусе, и с этого времени разграбление можно считать завершенным. Колумб был дважды похоронен и дважды забыт; и теперь само его имя было утрачено — континент, который он нашел, был крещен в честь другого, а его раса по мужской линии вымерла, — ибо Диего и Фернандо умерли, не оставив наследников.

В наше время, даже в наши дни, стало обычной практикой принижать заслуги Колумба, и выдающиеся писатели не считали зазорным заявлять о незнании его истории и жизни. Рейналь, выдающийся французский философ, заявил примерно в 1760 году, что переход мыса Доброй Надежды Васко да Гамой был большим достижением, чем пересечение Атлантики Колумбом. Он предложил премию за ответ на вопрос: "Принесло ли открытие Америки пользу или нанесло ущерб человечеству?" Буффон, похоже, тоже считал открытия португальцев на Востоке более важными, чем открытия Колумба на Западе. Робертсон в своей "Истории Америки" говорит, что даже без Колумба по счастливой случайности Новый Свет был бы открыт несколькими годами позже. Фонтенель и многие другие приписывают первое упоминание об изменении положения компаса Кэботу в 1497 году, хотя Колумб отчетливо упоминает об этом в своем дневнике 13 сентября 1492 года. Покойный испанский историк пишет: "Колумб не сделал в этих регионах ничего, кроме открытий; завоевание было оставлено за Кортесом и Писарро". Ламартин допускает ошибку в пятнадцать лет, указывая период возвращения Колумба в Испанию. Дюма утверждает, что Колумб провел "часть своей жизни в тюрьме" — выражение, которое он, вероятно, сознательно не использовал бы для

обозначения трехмесячного периода. Гранье де Кассаньяк относит последнее плавание Колумба к 1493 году, а не к 1502. Сент-Илер заставляет знаменитого Лас Касаса пересечь море вместе с Колумбом на девять лет раньше срока. Эти ошибочные утверждения, хотя и не приводят к искажению или искажающему представлению характера, являются следствием того безразличия, которое на протяжении веков история проявляла к жизни, заслугам и смерти Колумба.

Колумбия - поэтическое и символическое название Америки, встречающееся в Национальном гимне и многочисленных патриотических стихах. Попытка отомстить за память первооткрывателя была предпринята путем официального присвоения его имени участку земли, заимствованному из Виргинии и Мэриленда и занимающему площадь в сто квадратных миль, — резиденции американского правительства. Однако это запоздалое признание отнюдь не является возмещением ущерба, и вполне вероятно, что дух ушедшего благодетеля, если бы его призвали заговорить, объявил бы это последним и ни в коем случае не наименьшим из длинной череды оскорблений, которыми неблагодарные потомки осыпали его память.

К этому взгляду на путешествия Колумба будет уместно добавить краткий отчет о тех, которые были совершены непосредственно после него Джоном и Себастьяном Кэботами и Винсентом Янезом Пинзоном.

В 1496 году Генрих VII, правительство Англии, воодушевленное успехом Колумба, выдало патент некоему Джованни Габотто, венецианцу, проживавшему в Бристоле, на право отправиться на поиски неизвестных земель. Мало что известно об этом человеке, чье имя было англизировано в Джона Кэбота, за исключением того, что он был богатым и умным торговцем и увлекался морскими открытиями. У него было трое сыновей, одному из которых, по имени Себастьян, было девятнадцать лет на момент путешествия, в котором он вместе со своими братьями сопровождал своего отца. Они отплыли на корабле под названием "Мэтью" и 24 июня 1497 года открыли материковую часть Америки, за восемнадцать месяцев до того, как нога Колумба ступила на нее в устье Ориноко. Долгое время предполагалось, что Кэбот высадился на Ньюфаундленде, но теперь считается установленным, что Лабрадор был частью континента, впервые открытой европейцем. Никаких сведений о дальнейшем ходе путешествия до нас не дошло, и единственным официальным свидетельством возвращения Кэбота является запись в "Расходах личной казны Генри" от 10 августа 1497 года: "Хайму, который основал Новый остров, 10 фунтов." Таким образом, между открытием и получением компенсации в Англии не прошло и пятидесяти дней — факт, свидетельствующий о том, что Кэбот немедленно вернулся домой. Предполагается, что он умер примерно в 1499 году.

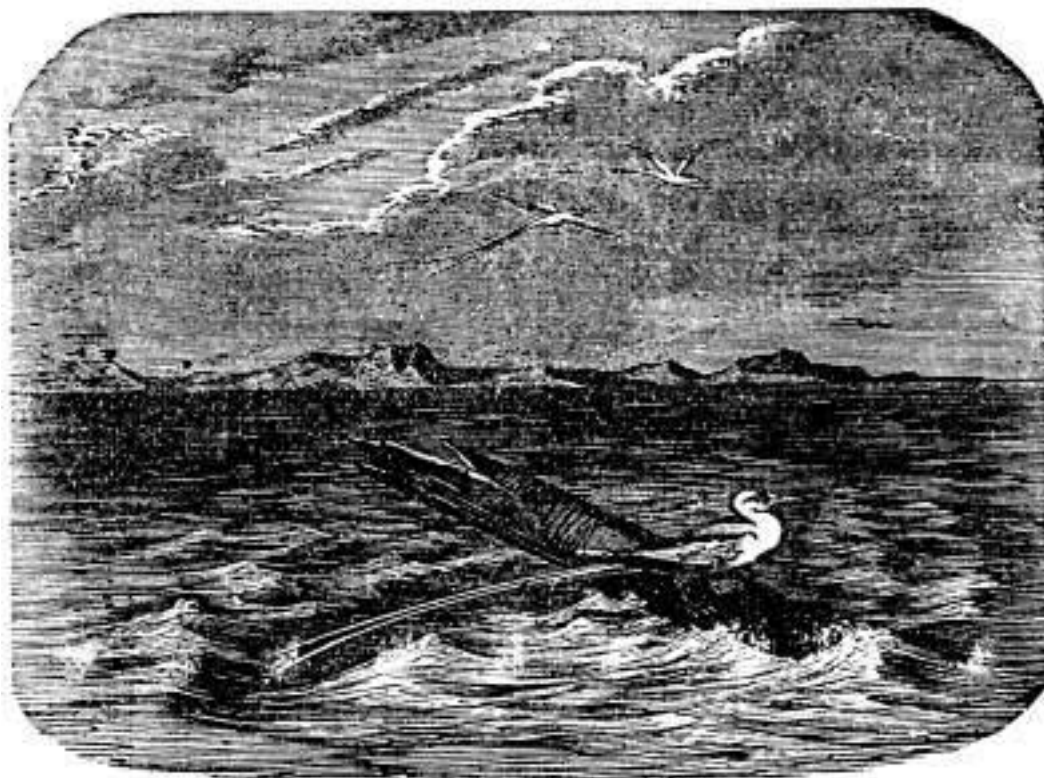
Себастьян Кэбот, второй сын, который считается самым ученым штурманом в этой семье моряков, по-видимому, прожил в полной неизвестности следующие двенадцать лет. Однако, испытывая отвращение к невнимательности английских властей по отношению к нему, он принял приглашение короля Фердинанда посетить Испанию в 1512 году. Здесь в течение нескольких лет он занимался пересмотром карт и наметок и, получив звание капитана и щедрое жалованье, занимал почетную должность члена Совета Индий. Смерть Фердинанда и интриги врагов Колумба побудили его вернуться в Англию в 1517 году. Он был нанят Генрихом VIII в связи с неким сэром Томасом Перте для попытки проложить Северо-Западный проход. Говорят, что в этом плавании он достиг Гудзонова залива и дал там различным местам английские названия. Сохранилось так мало подробностей экспедиции, что достигнутая широта (67 1/2 градуса) разными источниками отнесена как к северу, так и к югу. Злоба или трусость сэра Томаса Перте вынудили Кэбота вернуться, не совершив ничего,

достойного упоминания. Впоследствии часто говорили, что если Новый Свет нельзя назвать Колумбией, то лучше назвать его Каботианой, чем Америкой.

Винсент Янез Пинзон, младший из трех братьев, сопровождавших Колумба в его первом путешествии, решил, услышав в 1499 году, что континент был открыт, попытать счастья во главе экспедиции, а не в подчиненном положении. Ему не составило труда снарядить четыре каравеллы и уговорить нескольких из тех, кто видел побережье Парии, отправиться с ним в качестве лоцманов. Он отплыл из Палоса в декабре 1499 года и направился прямо на юго-запад. Во время шторма, затмившего небеса, он пересек экватор, а когда облака рассеялись, перестал различать созвездия, изменившиеся с Северного на Южное полушарие. Таким образом, Пинзон был первым европейцем, пересекшим границу Атлантики. Моряки, не знакомые с южным небом и встревоженные отсутствием полярной звезды, на какое-то время были полны суеверного ужаса. Пинзон, однако, упорствовал и 20 января 1500 года открыл землю на восьми градусах южной широты. Он вступил во владение для короны Испании, и назвал его Санта-Мария-де-ла-Консолясьон. Вскоре у нас будет возможность упомянуть, почему это название было заменено названием Бразилии.

Пинзон с изумлением исследовал огромные устья Амазонки, чьи огромные потоки, впадая в море, освежали ее воды на многие лиги от суши. Плывя на север, он прошел вдоль побережья четыреста лиг, а затем вернулся в Палос, неся с собой три тысячи фунтов красильной древесины и первого опоссума, когда-либо виденного в Европе.

И теперь, завершив пятнадцатый век достижениями испанцев на Западе, мы открываем шестнадцатый век достижениями португальцев на Востоке.

ФАЭТОН, ИЛИ ТРОПИЧЕСКАЯ ПТИЦА.

VASCO DA GAMA.

ГЛАВА XVIII.

ПОРТУГАЛЬСКОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ При ЭММАНУЭЛЕ —НАРОДНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ—
"ЛУЗИАДА КАМОЭНСА"—ВАСКО ДА ГАМА—КАРТЫ АФРИКИ ТОГО ПЕРИОДА—ПОДГОТОВКА К
ПУТЕШЕСТВИЮ В ИНДИЮ—РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ—ОТПЛЫТИЕ—ВСТРЕЧА На МЫСЕ
ВЕРДС—ВЫСАДКА На БЕРЕГ—ТУЗЕМЦЫ—ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ—
ШТОРМ—МЯТЕЖ—ПРИЗРАК КЕЙПА.

В 1495 году Иоанну II Португальскому наследовал его двоюродный брат Эммануэль, в сознание которого он незадолго до смерти вложил часть своего собственного рвения к морским открытиям и коммерческому превосходству. Он особенно подробно остановился на необходимости продолжения прогресса в исследованиях Африки за пределами точки, которой недавно достиг Бартоломею Диас, в регионах, где находится Ост-Индия с ее богатствами и удивительными продуктами, и, таким образом, заменить утомительный сухопутный путь более быстрым морским. После своего вступления на престол Эммануэль обнаружил, что существует сильное противодействие расширению португальской торговли и открытий. В его собственных советах приводились аргументы против этого, и они оказали

заметное влияние на общественное мнение, усилив опасность предполагаемого путешествия.

В нашем повествовании о первой ост-индской экспедиции у нас часто будет возможность цитировать стихотворение, написанное в память о ней, — "Лузиаду Камозэнса", полурелигиозный эпос и шедевр португальской литературы, - "Лузиада" - поэтическое и символическое название Португалии. Камозэнс с самого начала описывает враждебность нации к дальнейшим морским авантюрам и вкладывает в уста почтенного советника короля следующий убедительный призыв:

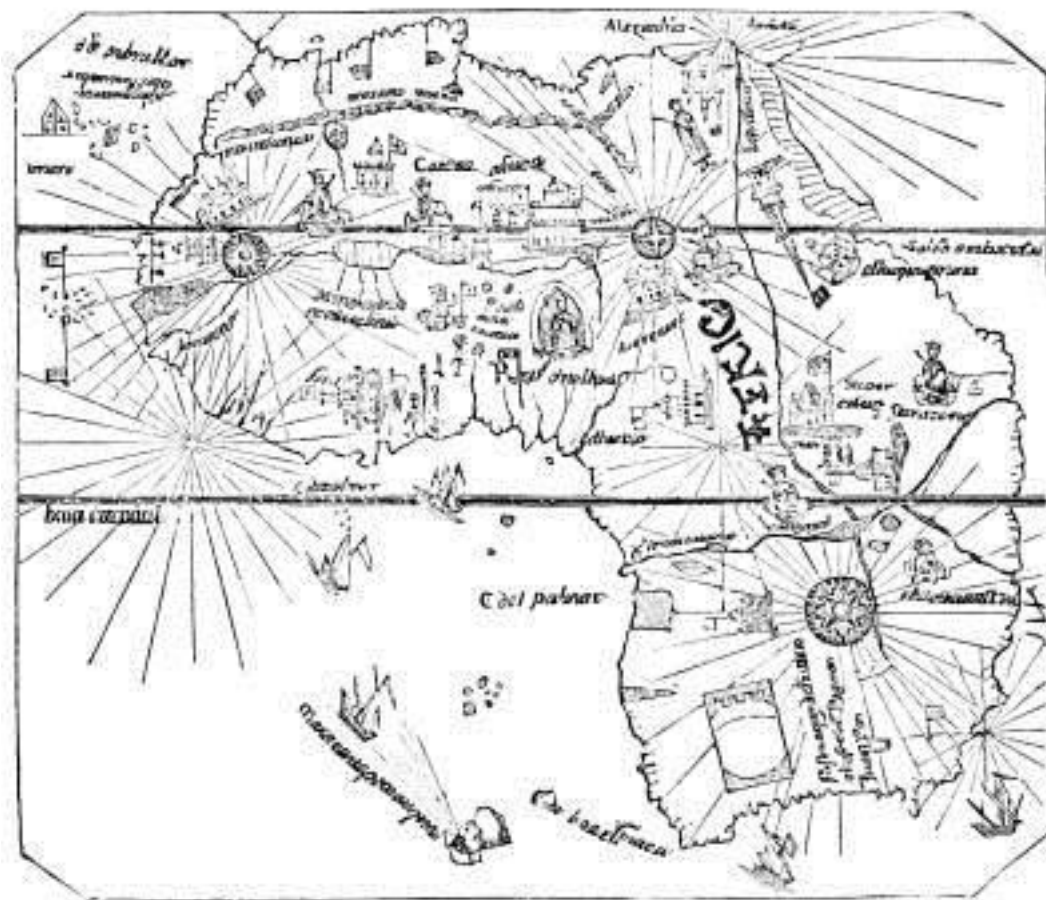
"О, неистовая жажда Почестей и Славы,
слепая дань толпы, ложное имя;
Какие жала, какие язвы, какие тайные проклятые бедствия,
Терзают те груди, где вскормлена твоя гордость!
Какие опасности угрожают и какие смерти губят
несчастливого юношу, которого соблазняют твои тщетные взгляды!
Ты, ослепительный метеор, суетный, как мимолетный воздух,
Какой новый ужасный ужас готовишь ты теперь?
О, безумие честолюбия! так отваживаться на
столь бесплодные Опасности, столь отдаленную войну!
Эта тщетная лесть Славы да украсит твое имя,
И твои гордые титулы будут занесены на ее флаг:
Ты, Владыка Персии, ты, владыка Индии,
Над обширной Эфиопией и обожаемой Аравией!"

Никогда еще ни одна экспедиция, сухопутная или водная, не пользовалась такой непопулярностью, как экспедиция короля Эммануила. Ропот кабинета министров был подхвачен населением, которое было взволновано до такой степени, что поверило, что естественным следствием вторжения в Индийские моря будет прибытие на Тахо разгневанного и мстительного султана Египта. Но Эммануэль, который, как нам говорят, "считал неуверенность признаком низкого и пресмыкающегося ума, а Надежду - качеством благородной и устремленной души", разглядел в этом плане перспективы национального преимущества и решил довести его до успешного завершения.

Король Иоанн перед своей смертью и вскоре после возвращения Диаса приказал закупить древесину для строительства кораблей, способных противостоять штормам у мыса грозный. Теперь Эммануил искал способного командира и, после долгих раздумий, остановил свой выбор на дворянине из своего дома, по имени Васко да Гама, уроженце морского порта Синес, уже пользующегося известностью за предприимчивость и морское мастерство. Нам сказано, что "он был создан для службы, к которой был призван, — действительно вспыльчивый по характеру, ужасный в гневе и внезапный в исполнении правосудия, но в то же время бесстрашный, настойчивый, терпеливый в трудностях, изобретательный в средствах и превосходящий всякое уныние. Он обрек себя на смерть, если не добьется успеха, и это из чувства религии и преданности". Когда король ознакомил его с порученной ему миссией, Васко ответил, что он давно мечтал о чести возглавить такое предприятие. Камозэнс заставляет да Гаму так описать свое принятие этой чести:

"Пусть небеса горят,

На этом собеседовании присутствовали самые выдающиеся представители португальской знати. Король собственноручно вручил да Гаме знамя, которое он должен был нести, — белый крест, заключенный в красный, — Крест военного ордена Христа. После этого он принес присягу на верность. Затем Эммануэль передал ему "Дневник Ковиллама" с теми картами, которые тогда существовали, и письмами ко всем индийским правителям, которые стали известны португальцам. Среди них, конечно же, было одно, адресованное знаменитому пресвитеру Иоанну.

Карта Африки была недавно составлена в соответствии с открытиями, сделанными на суше, как мы уже упоминали, Ковилламом. Прилагаемый экземпляр является точной копией того, который принадлежал Хуану де ла Коса - лоцману Колумба. На нем главные города обозначены грубо набросанным домом или церковью; правительство обозначено изображением короля, очень похожего на королевскую знать на колоде карт; в то время как флаги, установленные через равные промежутки времени, обозначают пограничные линии и пограничные столбы. Ветры представлены сказочными божествами, восседающими по всему миру на кожаных бутылках, на стенки которых они нажимают, чтобы вытеснить воздух. Знаменитую статую Канарейки часто можно увидеть на вершине его башни, размахивающей дубинкой. В Абиссинии изображен пресвитер Иоанн, его голова украшена блестящей

митрой. Другие королевства отмечены портретами своих королей в богато расшитых костюмах. Жители Африки на картах мира представлены в виде жирафов, черных людей и слонов. Португальские лагеря обозначены цветными палатками, в то время как группы легкой кавалерии в великолепных доспехах, разбросанные по территории во многих точках, указывают на то, что португальская армия совершает турне по этому загадочному континенту. Короче говоря, эти причудливые образцы картографического искусства являются точным выражением географической науки того времени.

Флот, снаряженный для путешествия да Гамы, состоял из трех кораблей и каравеллы: "Сан-Габриэль" водоизмещением сто двадцать тонн под командованием да Гамы и пилотируемого Перо Далемкером, который был лоцманом Бартоломью Диаса; "Сан-Рафаэль" водоизмещением сто тонн под командованием Пауло да Гамы, брата адмирала; судно-склад водоизмещением двести тонн; и "каравелла" водоизмещением пятьдесят тонн под командованием Николао Коэльо. Кроме того, Диасу, который уже прошел этот маршрут, было приказано сопровождать да Гаму до реки Мина. Всего экипажи насчитывали сто шестьдесят человек, среди которых было десять злоумышленников, приговоренных к смертной казни, которым, следовательно, не на что было надеяться в Португалии. Их долг на флоте состоял в том, чтобы высадиться на берег у диких берегов и попытаться вступить в сношения с туземцами. В случае оказания необходимых услуг и побега с сохранением жизни их приговор должен был быть смягчен по возвращении домой.

Небольшая часовня стояла на берегу моря примерно в четырех милях от Лиссабона. Здесь да Гама и его команда провели день, предшествовавший назначенному для их отъезда. Они провели ночь в молитве и обрядах благочестия, взывая к благословению и защите Небес. На следующее утро искатели приключений направились к своим кораблям в окружении всего населения Лиссабона, которое теперь заполонило берег Белена. Длинная процессия священников пела гимны и приносила жертвы. Огромная толпа, охваченная огнем набожности и воодушевленная религиозным рвением, присоединилась к громким молитвам об их безопасности. Родители и родственники путешественников проливали слезы, и сам да Гама плакал, прощаясь с собравшимися вокруг него друзьями.

Камозэнс так описывает эмоции искателей приключений, когда они смотрели на удаляющийся берег:

"Когда мы улетаем с нашего дорогого-любимого родного берега,
Наши призывные крики, удвоенные, раздирают небо:

-Успех! Успех!" - далеко разносится над приливом,
В то время как наши широкие корпуса рассекают пенящиеся волны.
Медленно ускользая от наших задумчивых глаз,
горы Лусии сливаются с небом;
любимый ручей Таго и горы Цинтры, холодные,
тусклые, исчезающие сейчас, мы больше не видим;
И все же с тоскующими сердцами наши глаза исследуют,
Пока не исчезнет ни одно тусклое пятнышко земли ".

Адмирал остановил свой выбор на островах Зеленого Мыса в качестве первого места встречи на случай разделения штормом. Все они благополучно прибыли на Канарские острова через восемь дней, но здесь были разнесены далеко друг от друга ночной бурей. Впоследствии три капитана присоединились друг к другу, но не смогли найти адмирала. Поэтому они отправились на назначенное место встречи, где, к своему великому удовлетворению, обнаружили, что да Гама уже прибыл; "и, поприветствовав его множеством

артиллерийских залпов и звуками труб, они обратились к нему с речью, каждый из которых искренне радовался и благодарил Бога за их благополучную встречу и удачу в этом их первом испытании опасности". Здесь Диас попрощался с ними и вернулся в Португалию. Затем, 3 августа, они наконец отплыли к мысу Доброй Надежды.

Они продолжали не видеть земли в течение августа, сентября и октября, сильно измученные плохой погодой, или, выражаясь причудливым языком тех дней, "мучительными порывами ветра и дождя". Наконец, 7 ноября, они достигли африканского побережья и бросили якорь в обширной бухте, которую они называли бухтой Святой Елены и которая находится недалеко к северу от мыса. Здесь они увидели, что туземцы "похожи на маленьких людей с неприятными чертами лица и черным цветом кожи; и когда они заговаривали, это было так, как будто они всегда вздыхали". Камозэнс пространно восхваляет этот подход к земле; и следует помнить, что, следуя по следам да Гамы еще в 1553 году, его описания пейзажа - это описания очевидца:

По флоту разносятся громкие крики:
Мы бросаем якорь и убираем паруса;
И теперь, спускаясь в просторную бухту,
Широкою вдоль побережья, отважные солдаты сбиваются с пути,
Чтобы полюбоваться чудесами дикого берега,
Где никогда прежде не ступала нога чужака.
Я и мои пилоты на желтом песке
Исследуем, под каким небом простираются берега.
Здесь мы увидели, что наши отважные кили прошли,
Невредимыми, воющий ветер Южного тропика,
И теперь приближались к тайному царствованию ужасного Нептуна:
Где суровая сила, как на австралийском гроте, на котором
Он скачет, широко рассеивает Полярную звезду
Град, лед, снег и всю зимнюю войну".

Теперь между да Гамой и туземцами началась торговля, и с помощью знаков и жестов ткани, бусы, колокольчики и стекло обменивались на продукты питания и другие предметы первой необходимости. Но это дружеское общение вскоре было прервано актом опрометчивой глупости со стороны молодого человека из эскадрильи. Будучи приглашен на обед группой туземцев, он вошел в одну из их хижин, чтобы отведать угощения. Испытывая отвращение к яствам, состоявшим из морского тельца, приготовленного на манер готтентотов, он в смятении убежал. За ним последовали его озадаченные артисты, которым не терпелось узнать, чем они его оскорбили. Приняв их назойливое гостеприимство за дерзкую агрессию, он позвал на помощь; и вскоре взаимное опасение привело к открытым военным действиям. Да Гама и его офицеры были атакованы, когда измеряли высоту солнца с помощью астролябии, группой спрятавшихся негров, вооруженных копьями, заостренными рогами. Адмирал был ранен в ногу и с некоторым трудом добился отступления к кораблям. Он покинул залив Святой Елены 16 ноября.

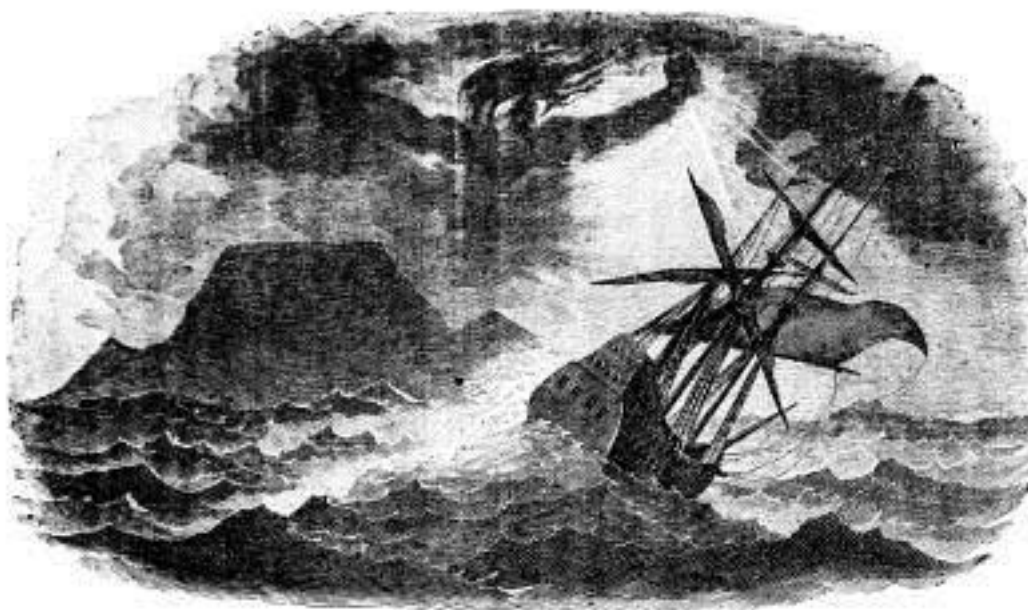
Теперь он столкнулся с внезапной и резкой переменой погоды, и португальские историки оставили оживленные описания разразившегося шторма. Во время любой кратковременной паузы в стихийной войне моряки, измученные усталостью и впавшие в отчаяние, окружали да Гаму, умоляя его не обрекать себя и их на столь ужасную участь. Они заявили, что шторм больше не выдержит и что все будут погребены под волнами, если они продолжат движение. Твердость адмирала осталась непоколебимой, и вскоре против него был составлен заговор. Об этом отчаянном заговоре ему вовремя сообщил его брат Пауло. Он заковал зачинщиков и

пилотов в кандалы и с помощью своего брата и тех, кто остался верен своему долгу, день и ночь стоял у штурвала. Наконец, в среду, 20 ноября, вся эскадрилья обогнула огромный мыс. Мятежники были помилованы и освобождены от оков.

Легенда о Призраке мыса приводится Камозэнсом полностью; и она настолько характерна для той эпохи и, как эпизод, сама по себе настолько интересна, что мы не можем удержаться от того, чтобы процитировать ее полностью. Предполагается, что Да Гама рассказывает о своем опыте от первого лица:

- Я заговорил, когда, поднимаясь в потемневшем воздухе,
Потрясенные, мы увидели отвратительный призрачный отблеск.
Высокий и огромный, он возвышался над потоком,
И преграждал нам путь с угрюмым видом, опущенным книзу;
Земная бледность разлилась по его щекам,
Волосы увядшего рыжего цвета встали дыбом;
Он корчился, чтобы заговорить, его соболиные губы раскрывались,
Острые и разрозненные, синие ряды его скрежещающих зубов;
Его изможденная борода развевалась, трепеща на ветру;
Месть и ужас в его лице сочетались;
Его затуманенный лоб, иссушающие молнии иссушали,
Внутренняя мука о своей заявленной душе.
Холодные, скользкие ужасы наполняют грудь каждого героя;
Наши встающие дыбом волосы и трясущиеся колени выражают
„Дикий ужас. В это время, с ужасно бледным лицом,
Его черные губы дрожали, дьявол начал так:

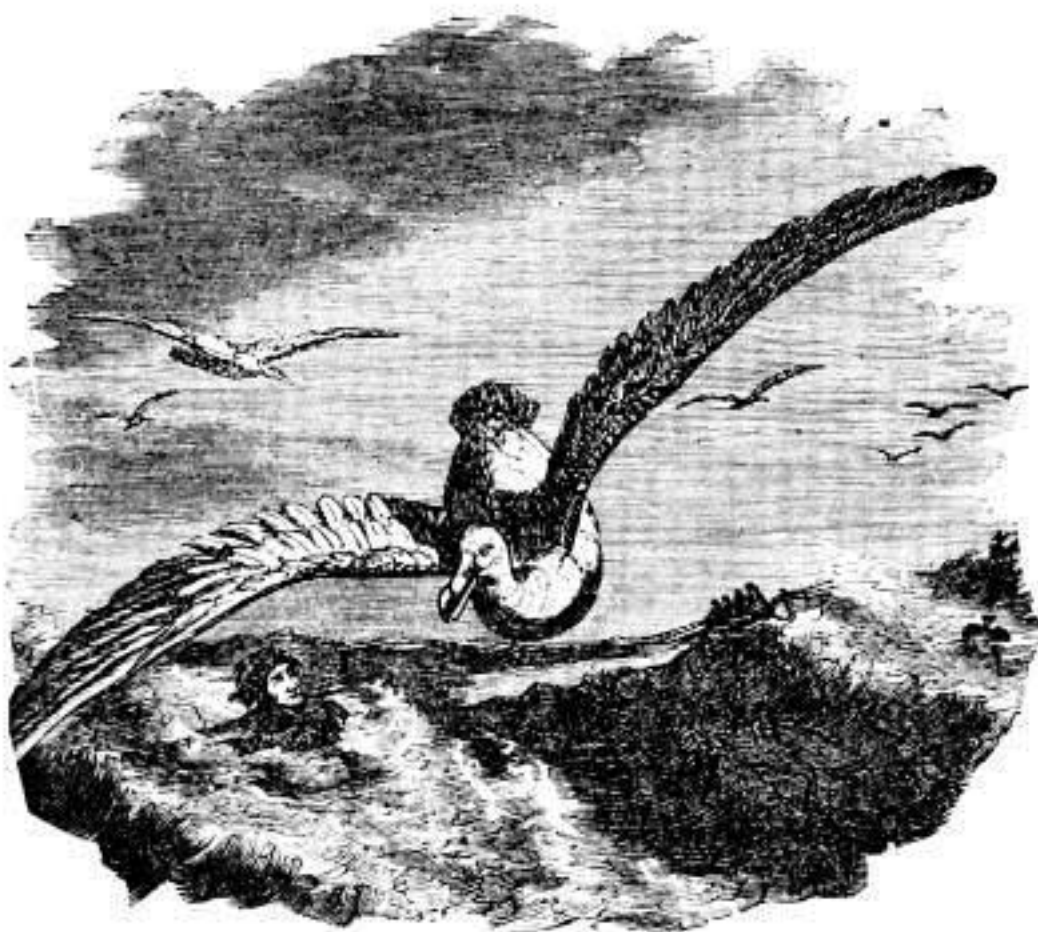
"Вы, сыны Лусуса, которые нечестивыми глазами
Узрели тайны моего ужасного правления,
Переступили границы, которые установила ревнивая природа,
Чтобы скрыть свое тайное святилище от взоров смертных;
Услышьте из моих уст, какие ужасные бедствия ожидают вас,
И, вскоре разразившись, ваша раса обрушится:
С каждым падающим килем, который осмеливается на мой гнев,
Вечную войну будут вести мои скалы и штормы.
Следующий гордый флот, который пройдет через мои унылые владения,
Дерзкой рукой поднимет струящийся флюгер,
Этот доблестный флот, подброшенный моими вихрями
И бушующими морями, погибнет у моего побережья.
Тогда тот, кто первым разгадал мое тайное правление,
Обнаженный труп, широко плывущий по течению,
Поведеет машину. Пока полный восторг моего сердца не иссякнет,
о Лусус, часто ты будешь причитать, твои дети!
Каждый год ты будешь оплакивать своих сыновей, потерпевших кораблекрушение,
Каждый год твои покрытые брезентом мачты будут устилать мой берег!"

ПРИЗРАК МЫСА.

Вырезка на предыдущей странице — копия со старинного оригинала — изображает корабль да Гамы и Призрак мыса. Плоскогорье мыса виднеется сквозь дрейф бури к востоку. Корабль пришвартован, его паруса плотно свернуты, за исключением фок-мачты, которая оторвалась и дико хлопает во время урагана. И гравюра, и описание, которое мы процитировали у Камоэнса, поразительно иллюстрируют те призрачные ужасы, которые пронизывали умы мореплавателей того периода, а также характерны для того необычного облака, которое внезапно окутало мыс и является верным предвестником шторма. Художник, кажется, выбрал момент, когда призрак, произнес свое ужасное пророчество, растворяется в воздухе.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ И АЛЬБАТРОС.

ГЛАВА XIX.

ДА ГАМА И НЕГРЫ—ГОТТЕНТОТЫ И КАФРЫ—ПРИКЛЮЧЕНИЕ С АЛЬБАТРОСОМ—РЕКА ДОБРЫХ НАДЕЖД—МОЗАМБИК—ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТУЗЕМЦЕВ—МОМБАСА—МЕЛИНДА И ЕЕ ЛЮБЕЗНЫЙ КОРОЛЬ—ПРАЗДНЕСТВА —МАЛАБАРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ—КАЛИКУТ—ОТКРЫТ ПУТЬ В ИНДИЮ.

Да Гама высадился примерно в двухстах милях за мысом и, разгрузив судно с продовольствием со всех припасов, приказал сжечь его, как приказал король. Затем он вступил в коммерческие отношения с туземцами и обменял красные ночные колпаки на браслеты из слоновой кости. "Затем пришли двести чернокожих мужчин, некоторые маленькие, некоторые знатные, приведя с собой двенадцать быков и четырех овец, и когда наши люди вышли на берег, они начали играть на четырех флейтах на разные голоса, музыка которых звучала очень хорошо. Которые, услышав все, приказали трубам затрубить, и так они танцевали с нашими мужчинами. За этим времяпрепровождением и пиршеством, а также за покупкой их быков и овец день прошел незаметно ". Однако вскоре у Да Гамы появились основания подозревать предательство, он отозвал своих людей и снова сел на корабль. Именно в этом месте человек упал за борт и долго плавал, прежде чем был замечен

несчастный случай, за которым следовал альбатрос, который парил в воздухе прямо над ним, ожидая благоприятного момента, когда он мог бы спокойно им перекусить. Впоследствии мужчина был спасен, а альбатрос разочарован.

Теперь да Гама миновал скалу ла Крус, где Диас воздвиг свою последнюю опору, и с помощью резкого ветра избежал опасностей, связанных с течениями и мелями. Потеряв землю из виду, он снова нашел ее на Рождество и в результате назвал это место Огненной землей — название, которое оно сохранило до сих пор. С этого места его курс лежал почти на север, вдоль восточного побережья континента. Еще дальше он высадил двух своих злоумышленников с наказом ознакомиться с характером и обычаями местных жителей, пообещав зайти за ними по возвращении. 11 января 1498 года он бросил якорь у части побережья, занятой людьми, которые казались миролюбивыми и честно настроенными. На самом деле это были кафры - флот миновал территорию готтентотов. Один из матросов, Мартин Алонсо, понимал их язык, — обстоятельство весьма примечательное, но совершенно достоверное. Поскольку он не был ниже Мины, на западном побережье и, конечно, вообще никогда не бывал на восточном, кажется неизбежным вывод, что некоторые негритянские племена Африки простираются намного дальше пределов, обычно отводимых им современной географией. После двух дней, проведенных в обмене любезностями самого учтивого характера, корабли продолжили свой путь, причем да Гама назвал страну *Огненной землей да Боа Гете*, — Страной Добрых людей.

Затем он обнаружил в устье большой реки племя негров, которые, казалось, достигли большего прогресса в цивилизации, чем их соседи. У них были барки с парусами, сделанными из пальмовых листьев, - единственный признак каких—либо навигационных знаний, с которыми португальцы до сих пор сталкивались на африканском побережье. Никто — даже Мартин Алонсо — не понимал их языка: насколько можно было понять из их пантомимы, они прибыли издалека, где видели такие большие суда, как "Сан-Габриэль", и да Гама предположил, что до Индии недалеко. Он дал реке название *Рио-дус-бос-Синаес*, или Река добрых надежд. Экипаж сильно пострадал здесь от последствий цинги — многие из них умерли от этой болезни, а другие скончались от последствий ампутации. Корабли накренили и отремонтировали: на эту работу ушло тридцать два дня. Эти происшествия таким образом графически описаны в "Лузиаде":

"Вдали от суши, гонимые океаном,
Наши рули вверены заботе Небес,
Охваченные острыми страстями надежды и страха, мы странствуем;
Когда наши радостные глаза видят вспенивающиеся волны
У маяков защищенной бухты,
Где шлюпы и баржи рассекают водный путь.
Открывающаяся грудь реки поднимала некоторых вверх,
А некоторые скользили вниз по стремительному приливу.
Быстрые толчки восторга пронеслись в каждом сердце,
Увидев это знание искусства моряка;
Ибо здесь мы надеялись обрести наше горячее желание,
Услышать об индийском берегу, — и надеялись напрасно:
хотя они были эфиопского соболиного оттенка, на лицах туземцев не было выражения дикого удивления;
На их головах вздувались хлопчатобумажные тюрбаны,
А голубая ткань скрывала приличные чресла.

.

Их речь, хотя и грубая и диссонирующая по звучанию,
представляет собой смесь арабского наречия.
Алонзо, сведущий во всех обильных запасах
речи и цветистых преданий прекрасной Аравии,
В радостной беседе услышал приятную историю,
Что по этим морям, полным частых парусов,
Появляются величественные суда, такие же высокие, как наши,
Которые направляются в утренние края:
Чьи веселые команды, похожие на наши, демонстрируют
родственный облик и краски дня.
Ликуя от радости, мы поднимаем радостные возгласы,
И называем порт "Река Добрых знамений".

"Наши кили, которые теперь прошли через многие климатические условия,
Огрубевшими от моллюсков и покрытыми слизью,
Радостные, мы чистим; пока блеем с поля,
Уступают улыбающиеся туземцы Ворсистые плотины.
Увы! как тщетен расцвет человеческой радости!
Как скоро взрывы горя уничтожают этот расцвет!
Страшная болезнь, проливающая свои изматывающие ужасы,
И страшное опустошение смерти распространились по моей армии.
Никогда мои глаза не видели такого унылого зрелища!
Ужасный рот и десны сильно распухли;
И мгновенно, гниющий, как рана мертвеца,
воздух вокруг отравился зловонным паром.
Долго, долго привязывались к товариществу в горе,
Над холодной пылью мы даем пролиться слезам;
И в их несчастной судьбе предзнаменование нашей собственной, —
Чужое погребение и неизвестная могила ".

Флот с радостью покинул реку Добрых Надежд 24 февраля и вскоре после этого обнаружил
две группы островов. У берега одного из них за ними последовали восемь каноэ,
управляемых людьми высокого роста, менее черными, чем готтентоты, и одетыми в
хлопчатобумажную ткань различных цветов. На головах у них были тюрбаны, расшитые
шелком и золотой нитью. Они были вооружены мечами и кинжалами, как мавры, и носили
музыкальные инструменты, которые они называли сабутами. Они поднялись на борт так,
словно знали незнакомцев раньше, и заговорили по-арабски, с презрением отвергая
предположение, что это мавры. Они сказали, что их остров называется Мозамбик; что они
торговали с маврами Индии пряностями, жемчугом, рубинами, серебром и льном и
предложили проводить корабли в их гавань. Бар, позволяющий им пройти, бросил якорь на
расстоянии двух арбалетных выстрелов от города. Он был построен из дерева с соломенной
крышей, и только мечети были построены из камня. Он был занят в основном маврами,
остальная часть острова была населена туземцами, которые были такими же, как и жители
противоположного материка. Мавры вели торговлю с Индией и с африканской софалой на
кораблях, не имевших палубы и построенных без использования гвоздей, — доски были
связаны между собой волокнами какао, а паруса сделаны из пальмовых листьев. У них были
компасы и карты.

Мавританский губернатор Мозамбика и другие мавры приняли португальцев за турок из-за
близости их кожи. Они послали им провизию, в обмен на которую да Гама прислал шаху

большое количество красных колпаков, кораллов, медных сосудов и колокольчиков. Шах не придавал значения этим предметам и презрительно осведомился, почему капитан не прислал ему алую ткань. После этого он поднялся на борт флагманского корабля, где был принят с гостеприимством, хотя и не без тайных приготовлений к предательству. Португальцы узнали от него, что он управлял островом как наместник короля Квилоа; что пресвитер Иоанн жил и правил на большом расстоянии от материка; что Каликут, куда направлялся да Гама, находился в двух тысячах миль к северо-востоку, но что он не мог отправиться туда без руководства лоцманов, знакомых с навигацией. Он пообещал снабдить его двумя. Однако впоследствии, обнаружив, что чужеземцы были христианами, шах составил заговор с целью их уничтожения. Суда спаслись, но только с одним лоцманом, чье предательство на протяжении всего плавания было источником постоянного раздражения и опасности. Уходя, да Гама дал предателям бортовой залп, который нанес значительный ущерб их деревне тэтч.

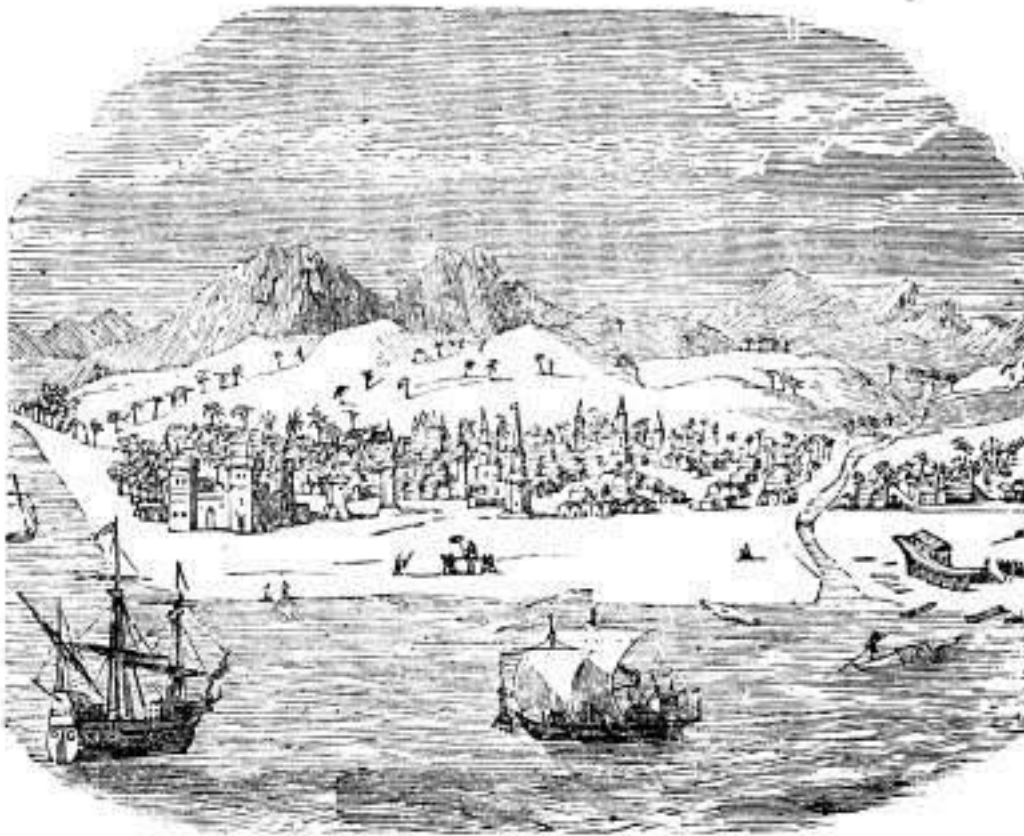
1 апреля да Гама дал открытому им острову название Асутадо в память о жестоком бичевании, которому подвергся там лоцман за то, что сообщил ему, что он является частью континента, — на что он признался, что его целью при таком искажении дела было крушение и уничтожение кораблей. 7-го числа они прибыли на большой остров Момбасса, где нашли рис, просо, домашнюю птицу, жирный крупный рогатый скот и овец без хвостов. В садах росли фиговые, апельсиновые и лимонные деревья. На этот остров доставляли мед, слоновую кость и воск из порта на материке. Дома были построены из камня и строительного раствора, а город защищал небольшой форт, стоявший почти на одном уровне с водой. "У них есть король, - говорится в хронике, - а жители - Муры, из которых некоторые белые пчелы. Они были галантно одеты, особенно женщины, одетые в шелковые платья и украшенные золотыми украшениями и драгоценными камнями. Люди были очень утешены, так как были уверены, что в этом месте они смогут вылечить тех, кто тогда был болен, — как, по правде говоря, были почти все; их было немного, так как остальные были мертвы".

Однако король Момбасы был таким же большим мошенником, как и шах Мозамбика, от которого он узнал по сухопутному сообщению о том, что произошло на его острове. Ночью, последовавшей за грандиозным обменом любезностями и протестами, да Гаме сообщили, что морское чудовище пожирает кабель. Оказалось, что несколько мавров пытались перерезать его, чтобы корабль можно было вытащить на берег. Стремясь поскорее покинуть это негостеприимное побережье, флот воспользовался первым попутным ветром, чтобы продолжить свой курс на север. Они захватили замбуко, или лодку, с которой захватили семнадцать мавров и значительное количество серебра и золота. В тот же день они прибыли из городка Мелинда, расположенного всего в трех градусах южнее экватора. Город напоминал города Европы: улицы были широкими, а дома каменными и в несколько этажей высотой. "Генерал, - рассказывают нам, - оказавшись против этого города, очень обрадовался в сердце своем, что теперь он увидел город, похожий на Портингейл, и от всего сердца и смиренно возблагодарил Бога за их благополучное прибытие". Вождь захваченных замбуко предложил да Гаме нанять лоцмана, который доставил бы флот в Каликут, если тот разрешит ему сойти на берег. Его высадили на пляже напротив города. Вождь выполнил свое обещание и убедил короля Мелинды относиться к чужеземцам с вежливостью и уважением. Камоэнс так описывает празднества по случаю заключения союза:

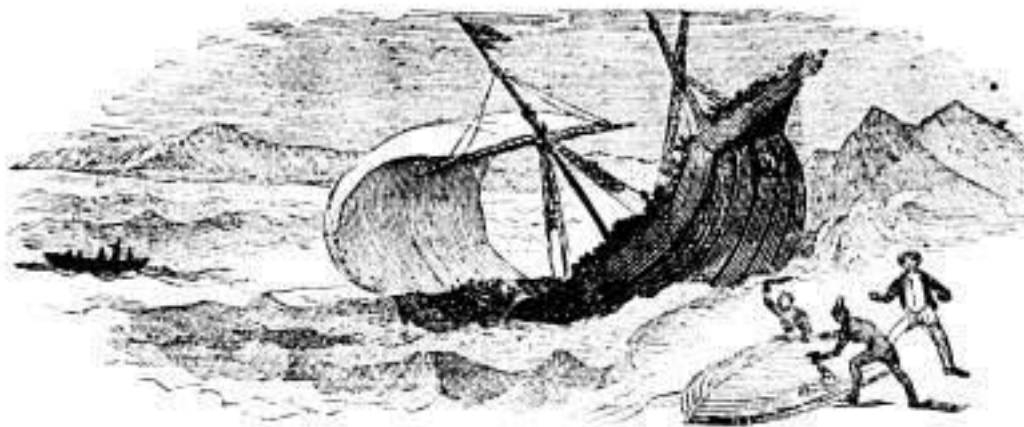
"С тем облагораживающим достоинством, любящее занятие которым
Поддерживает храбрых, монарх выражает свою радость;
Умоляет вождя и его усталый отряд
Вкусить росы сладкого отдыха на суше,

И все богатства его возделанных полей
Покоряются воле Гамы.
"То, что пострадало от бушующих ветров и удлиняющегося прилива
Вашим кораблям, будет доставлено сюда;
Оружие и провизию я пришлю сам,
И, обладающий большим мастерством, лоцман будет сопровождать.
Так сказал король; и теперь, с пурпурным лучом,
Под сияющей волной бог дня
Удалился, оставив вечерние тени рассеиваться,
Когда к флоту примчался радостный вестник.
Когда находишь таких друзей, каждая грудь восторгом пылает:
Пир разожжен, и кубок льется рекой;
Раздражающие лучи дрожащей кометы
Устремляются к небесам и оставляют за собой искрящийся след;
Бомбы, летящие под сводами, пробуждают их спящий огонь,
И, подобно стреле Циклопа, устремляются к небесам;
Пронзительный звон трубы далеко вокруг
Разносится славная музыка ночи.
Не меньшую радость демонстрируют и сыновья Мелинды:
Сера вспыхивает множеством ярких лучей,
И со свистом возносится к небесам в круговоротах,
В то время как океан пылает искусственными огнями ".

Во время последовавшей беседы король заметил, что он никогда не видел людей, которые нравились бы ему так сильно, как португальцы, — комплимент, который да Гама признал, отпустив на свободу шестнадцать мавров с захваченного катера. По возвращении король прислал обещанного лоцмана; он оказался таким же сведущим в искусстве навигации, как любой из лоцманов Европы. Он был знаком с астролябией, компасом и квадрантом. Флот отплыл из Мелинды 24 апреля. Поскольку они уже достаточно далеко продвинулись на север, а Индия лежала почти на востоке, они попрощались с побережьем, которое почти не теряли из виду с тех пор, как покинули Лиссабон, и вышли в открытое море, или, скорее, в широкий залив Индийского океана, семьсот пятьдесят лиг в поперечнике. Через несколько дней, пересекши черту, экипаж был рад снова увидеть звезды и созвездия Северного полушария. Путешествие было быстрым и удачным, ибо через двадцать три дня они прибыли к Малабарскому побережью и, проплыв день или два южнее, обнаружили высокие холмы, нависающие над городом Каликут. Да Гама щедро вознаграждал лоцмана, освободил злоумышленников от оков и призвал команду к молитве. Затем был брошен якорь, и в честь этого дня был устроен пир. Был открыт морской путь от Тежу до Ганга: да Гама проложил путь от Белема до Голконды.

КАЛИКУТ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

КРУШЕНИЕ "САН-РАФАЭЛЯ".

ГЛАВА XX.

МАВРЫ В ИНДОСТАНЕ—СОСТОЯНИЕ СТРАНЫ ПОСЛЕ ПРИБЫТИЯ ДА ГАМЫ—
ВРАЖДЕБНОСТЬ МАВРОВ—ОНИ НАСТРАИВАЮТ КОРОЛЯ КАЛИКУТА ПРОТИВ
ПОРТУГАЛЬЦЕВ—ПОСЛЕДОВАВШИЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ—ДА ГАМА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В

ПУТЬ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ—ДИКАЯ КОРИЦА—МАВРИТАНСКИЙ ПИРАТ, ПЕРЕОДЕТЫЙ ИТАЛЬЯНСКИМ ХРИСТИАНИНОМ—БУРНОЕ ПЛАВАНИЕ—КРУШЕНИЕ "САН РАФАЭЛЯ"—ПОЧЕСТИ И ТИТУЛЫ, ОКАЗАННЫЕ ДА ГАМЕ—ЭКСПЕДИЦИЯ, СНАРЯЖЕННАЯ Под КОМАНДОВАНИЕМ АЛЬВАРЕСА КАБРАЛА—СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ БРАЗИЛИИ—КОМЕТЫ И ВОДЯНЫЕ ФОНТАНЫ-ПОТЕРЯ ЧЕТЫРЕХ СУДОВ—БАЗАР В КАЛИКУТЕ —НАПАДЕНИЕ МАВРОВ—КАБРАЛ УХОДИТ В КОЧИН—ПОСЕЩАЕТ КАНАНОР И ПРИВОЗИТ ГРУЗ КОРИЦЫ—ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ВСТРЕЧЕН ХОЛОДНО—КОРОЛЬ ОТЗЫВАЕТ ВАСКО ДА ГАМУ НА СЛУЖБУ —ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ При СОФАЛЕ, КАНАНОРЕ И КАЛИКУТЕ—ОН ВЕШАЕТ ПЯТЬДЕСЯТ ИНДЕЙЦЕВ На ВЕРФИ АРМ—ЗАЩИЩАЕТ КОЧИН И УГРОЖАЕТ КАЛИКУТУ-УХОДИТ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ.

Примерно за двести лет до этого Малабарское побережье Индостана было объединено под властью одного туземного князя по имени Перимал, столица которого находилась во внутренних районах страны. Именно в этот период арабы открыли Индию. Перимал принял мусульманскую религию и решил совершить паломничество в Мекку и закончить там свои дни. Он передал управление страной в другие руки и отплыл в Аравию с того места, где сейчас стоит Каликут. Это обстоятельство заставило арабов относиться к Каликуту с особым почтением, и постепенно они покинули бывшую столицу: таким образом, Каликут постепенно превратился в крупнейший рынок пряностей и шелка Востока.

Во времена Васко да Гамы собственно Индия, или Индостан, была разделена на несколько независимых королевств, таких как Моултан, Дели, Бенгалия, Орисса, Гузарате или Камбайя, Декан, Канара, Биснагар и Малабар. Территориальными подразделениями Дальней Индии были Ава, Брама, Пегу, Сиам, Камбоджа, Кочин-Китай и Тонкин. Португальский флот прибыл к побережью Малабара, который является оконечностью юго-западного мыса Индостан. Именно здесь, как и на западном побережье в целом, португальцы теперь могли основывать предприятия и заключать договоры о союзе и торговле.

Мавры Аравии, как мы уже говорили, уже закрепились в стране и были встревожены, увидев европейцев, прибывших морем на место торговли, исключительной монополией на которую они до сих пор владели. Им удалось создать препятствия на пути португальского адмирала и настроить против него индийского заморина, или короля. Они даже составили заговор с целью уничтожения флота и всех находившихся на борту, чтобы никто не смог вернуться в Европу и рассказать о новом маршруте в Индию. Они побудили местного монарха выразить недовольство подарками, которые привез да Гама, и попросить золотую статую Пресвятой Богородицы, украшавшую адмиральский корабль, в качестве более подходящего подношения человеку его ранга. Да Гама ответил, что это была не золотая Дева, а деревянная, позолоченная; что, тем не менее, она спасла его от морских опасностей и что он не мог с ней расстаться. После многочисленных доказательств враждебности мавров и вероломства туземцев да Гама получил от заморина следующее лаконичное послание своему государю: "Васко да Гама, дворянин твоего дома, посетил мою страну. Его приезд доставил мне удовольствие. Моя земля полна корицы, гвоздики, перца и драгоценных камней. То, что я желаю получить взамен от вас, - это золото, серебро, кораллы и алое". С этим посланием да Гама отплыл по возвращении в начале сентября. "Заморин" выслал шестьдесят вооруженных барков, чтобы атаковать его, но пара бортовых залпов и попутный ветер позволили ему благополучно скрыться. На соседнем острове кто-то из команды обнаружил большой лес дикой корицы. Недалеко отсюда да Гама открыл Ангедив, или Пять островов, и в окрестностях столкнулся с индийскими пиратами. Пожилой человек, внешне отличающийся от туземцев, поднялся на борт и представился итальянским христианином. По его словам, он прибыл от индейцев с острова Гоа, чтобы умолять адмирала отправиться

туда торговать. Этот благовоспитанный пожилой джентльмен оказался кем-то вроде мавританского пирата и, подвергнутый пыткам, признался, что он шпион и что его послали разведать флот и подсчитать его численность. Да Гама сохранил его в качестве трофея для подарка королю Эммануилу. Наконец, он покинул побережье Индии 15 октября.

Когда они были уже довольно далеко в море, плененный пират сделал полное признание, и его очевидная искренность совершенно покорила сердце да Гамы. Он дал ему одежду и немного денег. Мавр раскаялся в своих злодеяниях и в своей языческой вере и немедленно принял христианство. При крещении его называли Гаспардо да Гама.

Путешествие обратно в Мелинду через залив было катастрофическим во всех смыслах. Погода стояла бурная и жаркая. За первую неделю цинга унесла тридцать человек, и ужас охватил офицеров и команду. После четырех месяцев плавания, когда на каждом судне осталось едва ли по шестнадцать человек, способных работать, они увидели африканское побережье в тринадцати лигах выше Мелинды. Спустившись в последний город, они были с радостью приняты королем, который с нетерпением ожидал их возвращения. Они взяли на борт посла, отправленного им к королю Эммануилу. "Сан Рафаэль" был потерян у этого побережья, и флот, таким образом, сократился до двух судов. Да Гама открыл остров Занзибар и получил предложения о службе от государя. 20 марта он успешно обогнул мыс и вскоре после этого бросил якорь у мыса Вердс. Здесь ночью Николао Коэльо, капитан каравеллы, ускользнул и поспешил в Португалию, чтобы первым донести до Европы весть о великом открытии.

Теперь да Гама обнаружил, что не может продолжать путешествие на своем неисправном судне "Сан-Габриэль", и зафрахтовал каравеллу, на которой отправился в Лиссабон. По дороге умер его брат Пауло и был похоронен на острове Терсейра. Васко прибыл в Белен в сентябре 1499 года, через два года и два месяца после своего отъезда. Король, извещенный о его приближении предыдущим прибытием Коэльо, прислал великолепный кортеж, чтобы проводить его ко двору. Он осыпал его почестями, богатством и отличиями. Он сам принял титул лорда, завоевавшего Эфиопию, Аравию, Персию и Индию. Коэльо был облагорожен дворянством, и ему была назначена пенсия в тысячу дукатов. Из ста шестидесяти человек, отправившихся в это плавание, вернулись только пятьдесят пять, и все они были щедро вознаграждены за участие в блестящих достижениях своего командира. Король распорядился провести серию публичных празднеств, которым предшествовала торжественная служба благодарения Небесам за славу, дарованную португальскому имени и нации.

Эммануэлю не потребовалось и недели, чтобы распорядиться о необходимых приготовлениях для оснащения другого, более мощного флота, который должен был последовать по стопам да Гамы и попытаться колонизировать Индию. Однако он решил, что да Гама должен мирно наслаждаться своими достоинствами и славой, и доверил командование некоему Педро Альваресу Кабралу, джентльмену с достоинствами и отличиями. Флот насчитывал тринадцать судов с экипажем в тысячу двести человек, среди которых были восемь францисканцев, призванных обратить язычников, и около тридцати осужденных преступников, призванных вступить в сношения с дикарями. Кабрал носил шляпу, благословленную Папой Римским и считавшуюся обладающей чудесными свойствами. Среди капитанов были Бартоломею Диас и его брат Диего. Конкретной целью экспедиции было получить разрешение от заморина Каликута основать там торговую станцию, при этом португальцы обещали взамен поставлять ему те же товары, которыми снабжали его мавры, и на более выгодных условиях.

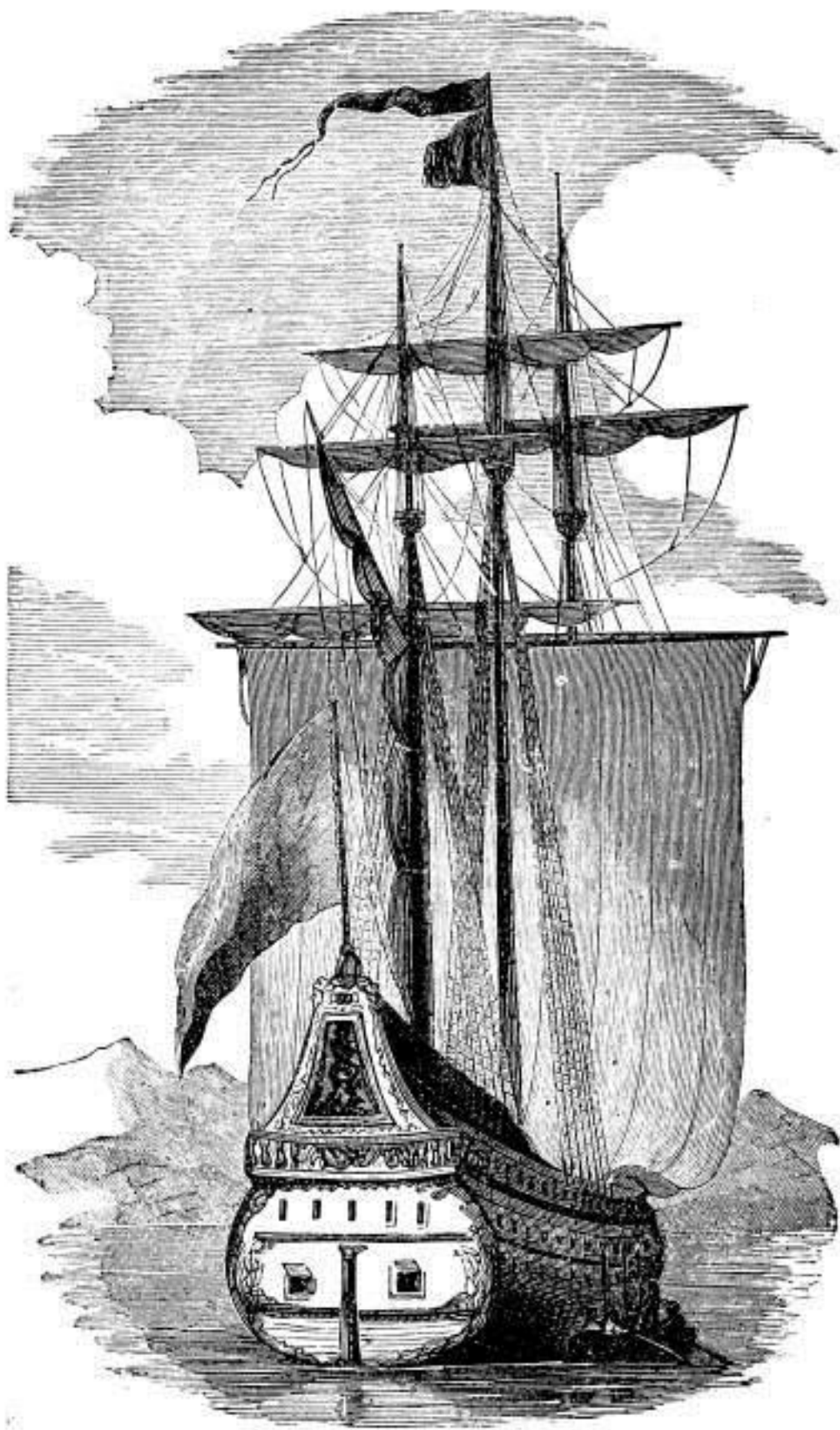
Эскадра вышла в море 9 марта 1500 года. Кажется почти невероятным, что, чтобы избежать штилей, которые, как известно, преобладают в это время года у берегов Гвинеи, они продвинулись так далеко на запад, что в конце апреля достигли континента, ныне известного как Южная Америка; где, однако, Янез Пинсон побывал до них. Кабрал дал ей название "Земля Святого Креста"; но это название, так же как и название, данное Пинсоном, впоследствии было изменено на название Бразилии по названию вида красильного дерева, которое там росло в изобилии. Жители были дружелюбны и обменивали попугаев с блестящим оперением на кусочки бумаги и ткани. Кабрал высадил двух своих преступников на берег и оставил их, поручив расспросить об истории страны и обычаях ее жителей. Он также отправил одно из своих судов обратно в Лиссабон с сообщением о находке.

Флот покинул Бразилию 2 мая, держа курс на юго-восток, чтобы обогнуть мыс. Ужасная комета, видимая днем и ночью, шторм, длившийся три недели, водяной столб, достигавший облаков, — последнее явление, которого португальцы никогда прежде не видели, — теперь быстро сменяли друг друга угрозами и изматывали их. Были потеряны четыре судна, и среди них судно Бартоломею Диаса со всеми находившимися на борту. Остальные были тяжело ранены, но Кабрал с радостью обнаружил, что во время шторма ему удалось преодолеть грозный мыс. Встретив несколько мавританских судов, груженных золотом, он захватил их, но только после того, как команды выбросили часть драгоценного металла в море. В Мозамбике он нанял лоцмана, направлявшегося на остров Килоа, в трехстах милях к северу, чей соверен обогатился благодаря торговле золотом с африканским портом Софала. Здесь он попытался заключить торговый договор, но предубеждения, существовавшие против христиан, препятствовали каким-либо уступкам со стороны мавров. У Мелинды Кабрал высадились два преступника и подарки для короля, разосланные Эммануэлем. Получив лоцманов для перелета к побережью Индии, он отбыл 7 августа и прибыл в Каликут 13 сентября.

С этого момента начинается первое европейское поселение в Ост-Индии. Побуждаемый соображениями заинтересованности, "заморин" после многих задержек согласился на свидание с адмиралом, в котором последний заявил о горячем желании своего господина, короля Португалии, снабжать подданных заморина всеми предметами европейского производства, получая взамен пряности и драгоценности Востока. Сразу же был открыт рынок, и грузы с кораблей, перегружаемые на него, быстро превращались в корицу, алмазы и наркотики.

Мавры теперь всерьез позавидовали активности, могуществу и успеху своих соперников. Они прибегли к любым средствам, чтобы возбудить враждебность заморина и его подданных против них. Они напали на португальский рынок и разрушили его, разграбив товаров на сумму в четыре тысячи дукатов. Непостоянный заморин, не предложивший ни извинений, ни возмещения ущерба, Кабрал решил отомстить. Он взял на абордаж два больших мавританских корабля, убил шестьсот человек и засолил трех слонов для еды. Затем он обстрелял город: дворцы, храмы и склады рассыпались в прах под грохотом артиллерийских залпов. Заморин бежал, и Кабрал удалился со своим победоносным флотом в Кочин, богатую столицу в ста пятидесяти милях к югу от Каликута, где перца было в избытке, а король был беден. Тримумпара, монарх, был проинформирован о возмездии флота его брату Каликуту и немедленно предложил чужеземцам гостеприимство и защиту. Адмирал прислал ему серебряную чашу, полную шафрана, и серебряный флакон, наполненный розовой водой. Торговля и бартер быстро наполнили корабли ароматными товарами страны. Флот из двадцати пяти кораблей теперь показался в море, и Тримумпара сказал Кабралу, что их целью было напасть на него и что их послал заморин из Каликута. Кабрал, оставшись без

своего самого боеспособного корабля, решил не ввязываться в бой и направился на север, бросив якорь перед Кананором, городом немного выше Каликута. Здесь он нашел просторный рейд, независимого принца и землю, изобилующую имбирем, семенами кардамона, тамариндами и корицей. Из последнего продукта он взял четыреста центнеров. Король, рассудив из-за незначительности этой покупки, что у него не хватает денег, предложил ему дополнительную поставку в кредит. Кабрал выразил признательность за такую щедрость, но отклонил предложение. Флот теперь плыл домой: одно из судов затонуло у африканского побережья и, загоревшись, было уничтожено вместе со своим содержимым. Шесть кораблей, оставшихся из двенадцати, покинувших Бразилию, прибыли в Лиссабон 31 июля 1501 года. Король холодно принял Кабрала, отчасти из-за потери кораблей и людей, с которыми он встретился, а отчасти из-за его неудачи при Каликуте, куда он, король, полагаясь на успех Кабрала, отправил за три месяца до его возвращения флот из четырех судов под командованием Хуана де Нуэвы. Эта экспедиция была исключительно счастливой по своим результатам: Нуэва с большим успехом разместил свои суда в Кананоре и открыл остров Святой Елены по пути домой.

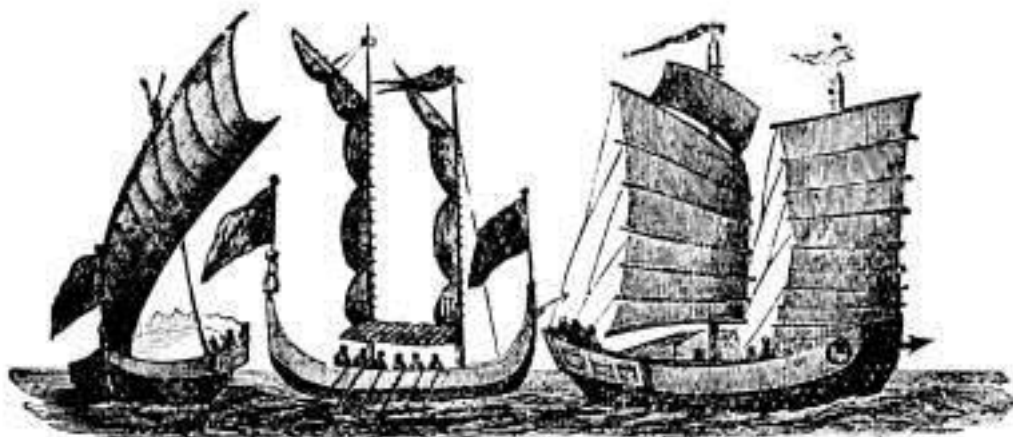
ФЛАГМАНСКИЙ КОРАБЛЬ ДА ГАМЫ.

Теперь португальцам было очевидно, что без применения силы невозможно закрепиться на постоянной основе в Индии. Выслушав обсуждение вопроса о том, не лучше ли было бы вообще отказаться от этой попытки, Эммануэль приказал снарядить большой флот из двадцати судов, который должен был поступить под командование Васко да Гамы, который согласился возобновить активную жизнь. Оно должно было быть разделено на три части: первая, состоящая из десяти кораблей под командованием да Гамы, должна была предпринять покорение непокорных королей Малабара; вторая, состоящая из пяти кораблей, под командованием Винсента Содреса, должна была охранять вход из Красного моря в Индийский океан и таким образом препятствовать туркам и маврам торговать с портами Африки и Индостана; и третья, состоящая из пяти кораблей, под командованием Стефано да Гамы, должна была быть направлена на любую службу, которую адмирал мог направить. Они отплыли в начале 1502 года и без труда заключили договор о союзе и торговле с королем Софалы. Да Гама добился от короля Килоа обязательства выплачивать короне Португалии ежегодную дань золотом, только что добытым на руднике. На индийском побережье близ Кананора он столкнулся с египетским судном самых больших размеров, груженным дорогими товарами и битком набитым высокопоставленными маврами, направлявшимися в Мекку. Он напал на нее, разграбил и сжег: триста мужчин и женщин погибли в огне, в море или от меча. Двадцать детей были спасены и доставлены на корабль да Гамы, который дал обет воспитать их как христиан во искупление отступничества одного португальца, ставшего мусульманином. После этого кровавого урока да Гама не нашел препятствий для основания торговой станции в Кананоре, где его флот выгружал часть своих грузов. Затем он отплыл в Каликут, полный решимости без промедления отомстить вероломному заморину.

Недалеко от берега он захватил несколько лодок, в которых находилось пятьдесят индейцев. Он послал известие заморину, что, если до полудня не будет получено удовлетворение за недавнее разрушение португальского базара, он нападет на город огнем и мечом и начнет со своих пятидесяти пленников. По истечении времени несчастных пленников повесили одновременно на реях различных судов. Затем город был обращен в пепел. Была оставлена эскадра для уничтожения мавританских судов в море, и да Гама направился вдоль побережья в Кочин, город дружественной Тримумпары. Здесь происходил обмен подарками и комплиментами: подношениями короля Португалии были золотая корона, вазы из чеканного серебра, богатый шатер, отрез алого атласа и кусочек сандалового дерева, в то время как подношениями его величества Кочинского были мавританский тюрбан из серебряной нити, два золотых браслета, усыпанных драгоценными камнями, два больших куса бенгальского ситца и камень, который, как говорили, обладает специфическим действием против яда и извлечен из головы животного по имени булгодольф, — сказочного существа, которое одни называли змеей, а другие - чудовищем. четвероногий.

Теперь от "заморина" были получены извинения, и да Гама вернулся в Каликут только с одним судном. Видя, что да Гама остался один, заморин послал против него тридцать три вооруженных каноэ, и без оперативной помощи крейсерской эскадры Содреса да Гама неизбежно погиб бы. Заморин теперь угрожал Тримумпаре своей мстью, если он продолжит укрывать португальцев и торговать с неверными христианами. Да Гама пообещал Тримумпаре помощь и союз короля Португалии и отплыл на хорошо груженных судах. Он встретил флот заморина из двадцати девяти кораблей и, захватив два, обратил остальных в бегство с большой резней. В двух из них, которые были сняты, он нашел огромное количество фарфора и китайских изделий, а также огромного золотого идола с изумрудами вместо глаз, мантию из кованого золота вместо облачения и рубины вместо пуговиц. Оставив Содреса и его флот защищать Кочин от Каликута и истреблять торговцев из Мекки, да Гама

вернулся с тринадцатью судами в Португалию. Король присвоил ему титулы адмирала Индийского океана и графа де Видигейры. Он снова удалился в уединение и во второй раз не появлялся в общественной жизни до 1524 года, когда интересы страны при Иоанне III снова потребовали его услуг на Востоке.

СУДА, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ В ТОРГОВЛЕ ПРЯНОСТЯМИ: ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК.

ГЛАВА XXI.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ОСТ—ИНДСКОЙ ИМПЕРИИ—АЛЬФОНС Д'Альбукерке—ОГРОМНЫЕ ЖЕРТВЫ-ДРЕВНИЙ МАРШРУТ СПЕЦИЙ—ТОРГОВЛЯ С ЕВРОПОЙ—ТОРГОВЛЯ КАРАВАНАМИ—РЕВОЛЮЦИЯ, ВЫЗВАННАЯ ОТКРЫТИЕМ НОВОГО МАРШРУТА—ФРАНЧЕСКО АЛМЕЙДА—ОТКРЫТИЕ ЦЕЙЛОНА—ТРИСТАН Д'Акунья—ПОРТУГАЛЬСКИЙ МАРС—ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ИМПЕРИЮ—АРСЕНАЛ, СОЗДАННЫЙ В ГОА—СОКРАЩЕНИЕ МАЛАККИ—СИАМ И СУМАТРА ОТПРАВЛЯЮТ ПОСОЛЬСТВА В АЛЬБУКЕРКЕ—ОСТРОВ ОРМУЗ—СМЕРТЬ АЛЬБУКЕРКЕ—МАСШТАБЫ ПОРТУГАЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА—ОРМУЗ СТАНОВИТСЯ ВЕЛИКИМ ВОСТОЧНЫЙ ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР -ПАДЕНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ.

Рассказав в предыдущих главах о происшествиях, приведших к кругосветному плаванию вокруг Африки, и описав несколько плаваний, которые привели европейцев на Восток новым маршрутом через Индийский океан и мыс Бурь, мы должны кратко остановиться на дальнейшем — распространении европейской торговли между островами и морскими портами этого весьма благоприятствуемого региона. Альфонсо и Франческо д'Альбукерке с флотом из девяти судов и Эдоардо Пачеко с тремя судами принесли ужас и месть на Малабарское побережье: были построены форты для защиты португальской торговли, короли были вынуждены платить дань, флоты были вытеснены с морей; и, как гласила пословица того времени, перец стал стоить крови. И снова король Португалии послал грозную эскадру — тринадцать линейных кораблей, самых больших из когда-либо построенных, под командованием Лопеса Соареса. Теперь происходили морские сражения, в которых соотношение убитых составляло тысячу неверных к семидесяти пяти португальцам, — в которых одно европейское судно успешно сражалось с мириадами туземных барков. Человеческие жертвы были поистине ужасны, но постепенно все восточное побережье Африки и, напротив, все западное побережье Индии оказались под властью Португалии.

Эти открытия и завоевания, конечно же, произвели революцию во всей торговле этой части света. До этого периода произведения Востока доставлялись в Европу следующим образом. Город Малакка на одноименном полуострове был центральным рынком, на который поступали камфара с Борнео, гвоздика с Молуккских островов, мускатный орех с Банда, перец с Суматры, камедь, лекарства и парфюмерия из Китая, Японии и Сиам. Эти продукты доставлялись по воде, либо на неуклюжих лодках туземцев, либо на более прочных судах мавров, в порты Красного моря, высаживались в Торе или Суэце, откуда караванами доставлялись в Каир, а оттуда по Нилу в Александрию, где их грузили на борт судов, следующих во все порты Европы. Те, что предназначались для Армении, Трапезунды, Алеппо, Дамаска, были доставлены Персидским заливом в Басору, а оттуда распределены караванами. Венецианцы и генуэзцы получили свою долю в Бейруте, в Сирии. Ост-индцы предпочитали европейские изделия золоту и серебру, и, следовательно, торговля в основном велась в форме обмена. В дополнение к товарам Дальней Индии, которые мы упомянули, следует добавить товары собственно Индии: ткани из Бенгалии, жемчуг из Ориссы, бриллианты из Голконды, корицу с цейлона, перец с Малабара.

Таким образом, не только тысячи рабочих, моряков, проводников караванов оказались внезапно лишенными средств к существованию из-за того, что торговля перешла в руки португальцев, но и богатые города потеряли свои доходы, а князья - свою дань. В то время как венецианцы решили прибегнуть к оружию, султан Египта направил протест в Рим. Но король Португалии успокоил папу, заявив о своем намерении распространить юрисдикцию апостольской веры, и он приготовился противостоять насилию, отправив в 1507 году дону Франческо Алмейду с двадцатью двумя кораблями и пятнадцатью сотнями солдат регулярной армии: он даровал новому командующему титул вице-короля Индии. Алмейда сверг короля Квиллоа и короновал другого человека, назначенного им самим; он построил форт за двадцать дней, разместил в нем гарнизон из ста пятидесяти человек и оставил бригадину и каравеллу прочесывать и защищать побережье. Он бомбардировал Момбасу, убил полторы тысячи человек и потерял пятерых. Он возвел крепости и основал торговые станции в Оноре, Кананоре, Сурате и Каликуте, на Малабарском побережье. К важному пункту Софала на африканском побережье Эммануил отправил отдельную экспедицию из шести кораблей под командованием Педро да Найхи и Хуана да Кироша, которые вынудили короля допустить их народ к участию в знаменитых золотых рудниках, составлявших его королевство и его богатство. В 1508 году Лоренцо, сын Алмейды, преследуя летучих мавров с шестью военными кораблями, открыл остров Цейлон, расположенный к югу от Индостана. Здесь он застал мавров и туземцев, загружавших суда слонами и корицей.

Снова король Эммануил, опираясь на ресурсы, которые казались почти неисчерпаемыми, отправил тринадцать кораблей с тысячей сотнями человек под командованием Тристана д'Акуњи. Этот флот был отброшен к берегам Бразилии, и по пути оттуда к мысу Доброй Надежды командующий открыл острова, которые теперь носят его имя. Он сжег и разграбил город Оджа близ Мелинды; он принудил соседнего шаха выплачивать ежегодную дань в размере шестисот золотых дукатов. Его солдаты не дали захваченным женщинам Бравы времени снять свои браслеты и серьги, а в безжалостной спешке отрезали им руки и уши.

Теперь королю Португалии стало очевидно, что его правление на Востоке не может быть укреплено и расширено теми же средствами, которые обеспечили ему первый плацдарм на побережье, — случайностью, бесстрашием и беспринципным насилием. Что требовалось, так это тщательно продуманная система правления и человек, способный управлять ею. Выбор Эммануэля пал на Альфонса д'Альбукерке, чьи заслуги на Востоке уже были достойны внимания и которому в 1509 году он даровал титул и власть вице-короля. Альбукерке, чье

мужество принесло ему имя португальского Марса, по своим талантам, суровым добродетелям и бескорыстному рвению принадлежит к числу величайших людей, которых когда-либо создавал мир. Он сразу же разработал план основания империи, которая должна была простираться от Персидского залива до полуострова Малакка; и, решив оставить Каликут, который до сих пор рассматривался как лучшее место для арсенала, он выбрал остров Гоа, расположенный немного севернее, захватил его и превратил его замечательную гавань в португальский рейд, а город - в португальскую столицу. Он построил базары и цитадели вдоль побережья с севера на юг, а затем обратил свой взор на Малакку — великолепную страну, управляемую деспотом и населенную рабами. Как мы уже говорили, его главный морской порт был центральным местом стоянки судов Китая, Японии, Бенгалии, Филиппин и Молуккских островов, Коромандели, Персии, Аравии и Малабара.

Португальцы впервые посетили Малакку двумя годами ранее, когда Эммануил послал некоего Сигуэру заключить договор с королем. С ним вероломно обошлись, и теперь, в 1511 году, Альбукерке предстал перед городом, чтобы призвать монарха к ответу. Долгое и упорное сражение привело к поражению туземцев и безоговорочной капитуляции полуострова. Короли Сиамы, Суматры и Пегу отправили послов в Альбукерке, прося оказать ему честь дружбой. Он построил цитадель и вернулся в Кочин. Но поскольку он покидал одно место, чтобы перебраться в другое, восстание неизбежно должно было последовать; и поскольку венецианцы теперь присоединились к маврам, чтобы отразить португальцев, он понял, что его владычество не может быть полным, пока он не установит контроль над судоходством в Красном море и Персидском заливе. Город Аден в Аравии был ключом к Красному морю, господствуя над Вавилонским проливом; а остров Ормуз был ключом к Персидскому заливу. Ему не удалось взять Аден, но он легко добился успеха с Ормузом, король которого признал себя вассалом Эммануила. Затем Альбукерке разработал гигантский план в отношении Красного моря. Не имея возможности управлять им путем захвата Адена, он решил разорить Суэц, расположенный на другой оконечности моря, заключив союз с королем Эфиопии и побудив этого монарха прорыть новое русло для Нила и сделать его впадающим в Красное море вместо Средиземного, таким образом сделав Египет непригодным для жизни, а Суэц - пустыней. Однако вторжение турок в Египет помешало осуществлению этого начинания. Таким образом, народы и короли Востока повсюду уступали перед грандиозными планами и деяниями Альбукерке, которого они одновременно боялись за его энергию и любили за его справедливость. Когда в 1515 году он умер в Гоа, опозоренный своим королем и измученный неблагоприятной службой, языческие монархи плакали над его могилой и в течение многих лет совершали паломничество к его могиле, прося его защиты от жестокости или несправедливости его преемников.

Немногим более чем за пятьдесят лет, прошедших со времени первой экспедиции Васко да Гамы, португальцы основали в этих морях империю поистине поразительных размеров и могущества. Они владели исключительным Малабарским и Коромандельским побережьями собственно Индии, были хозяевами Бенгальского залива, правили полуостровом Малакка и подчиняли себе острова Цейлон, Суматру, Яву и Молуккские острова. На запад, в сторону Африки, их власть простиралась до персидской границы и над всеми островами Персидского залива. Даже в Аравии у них были данники и союзники, и ни один арабский принц не осмеливался признать себя их врагом. Они пользовались влиянием в Красном море, а на восточном побережье Африки они были хозяевами Килоа, Софалы, Мозамбика и Мелинды.

Как и предвидел Альбукерке, Ормуз — благодаря своему удачному положению торгового центра в устье Персидского залива — стал самым важным из португальских завоеваний. По

своей природе остров представлял собой немногим больше голой скалы и был полностью лишен воды. Однако его богатство и великолепие в период его коммерческого господства дали миру пример могущества торговли, которого еще никто не видел. Торговый сезон длился с января по март и с августа по ноябрь: в эти месяцы дома, выходящие фасадами на улицы, были открыты, как магазины, и украшены горами фарфора и индийских диковинок, а также благоухали душистыми карликовыми кустарниками, поставленными в позолоченные вазы. Верблюды, нагруженные бурдюками с водой, стояли на углах улиц. Лучшие вина Персии и самые дорогие ароматы Азии в изобилии предлагались тем, кто приезжал в город торговать. Толстые навесы тянулись от крыши к крыше над прогулочными аллеями, загораживая их от солнечных лучей. Роскошь и великолепие этого места, казалось, проистекали скорее из расточительности праздного принца, чем из законной помпезности оживленного торгового населения.

В 1580 году Португалия была завоевана и присоединена к Испании, и Португальская империя на Востоке сразу же пришла в упадок, а на ее руинах возникла Голландская империя. Ормуз был разграблен персами и объединенными англичанами в 1662 году: сами камни, из которых были построены его здания, были унесены в качестве балласта, и он быстро вернулся в свое первобытное состояние — бесплодную и безлюдную скалу. Сейчас от гордого города почти ничего не осталось, чтобы подтвердить историей тот факт, что когда-то здесь находился один из самых известных торговых центров и самых посещаемых курортов человечества.

ПОНСЕ ДЕ ЛЕОН И ФОНТАН МОЛОДОСТИ.

ГЛАВА XXII.

ПОНСЕ ДЕ ЛЕОН—ИСТОЧНИК МОЛОДОСТИ—ОТКРЫТИЕ ФЛОРИДЫ—МУЧЕНИКИ И ТОРТУГИ—БАГАМСКИЙ КАНАЛ—ВАСКО НУНЬЕС ДЕ БАЛЬБОА—ОН ВЫХОДИТ В МОРЕ В БОЧКЕ—ЖЕНИТСЯ НА ДАМЕ С ПЕРЕШЕЙКА—ЕГО ПОИСКИ ЗОЛОТА—СЛЫШИТ О МОГУЧЕМ ОКЕАНЕ—БЕРЕТСЯ ДОСТИЧЬ ЕГО—ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ—ИЩЕЙКА ЛЕОНСИКО—БИТВА С КАСИКОМ—ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРЫ—БАЛЬБОА ПОДНИМАЕТСЯ НА ВЕРШИНУ В ОДИНОЧКУ—ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТИХИЙ ОКЕАН—ЦЕРЕМОНИИ ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВЛАДЕНИЕ—БАЛЬБОА ПО КОЛЕНУ В ВОДЕ ОКЕАН—КАЖДЫЙ ПРОБУЕТ ВОДУ НА ВКУС—ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТИХОМУ ОКЕАНУ И ЕДВА СПАСШИЙСЯ—ПОЗОРНАЯ СУДЬБА БАЛЬБОА—ХУАН ДИАС ДЕ СОЛИС—ОБНАРУЖИВАЕТ РИО—ДЕ-ЛА-ПЛАТА-ЕГО УЖАСНАЯ СМЕРТЬ ОТ РУК КАННИБАЛОВ.

Теперь мы возвращаемся, в должной хронологической последовательности, к открытиям испанцев на Западе. У нас нет места описывать или даже упоминать все последовательные экспедиции, предпринятые в различные точки великого Американского континента: поэтому мы отбираем только наиболее важные и интересные эпизоды из числа морских достижений Испании. Три героя будут занимать наше внимание с 1510 по 1514 год — Понсе де Леон, Хуан Диас де Солис и Васко Нуньес де Бальбоа.

Хуан Понсе, прозванный де Леоном из своей родной провинции, был одним из испанских капитанов, эмигрировавших на Эспаньолу вскоре после ее открытия Колумбом. После активной и процветающей карьеры в 1510 году из-за лишения королевской милости он оказался без места и занятий. Однако он был богат и решил попытаться восстановить свой кредит с помощью открытий. Он также был скуп и охотно бы увеличил свое и без того большое состояние. Он слышал от индейцев Кубы о существовании к северу от Эспаньолы острова под названием Бимини, где, по их утверждению, был источник, воды которого возвращали молодость пожилым и силу дряхлым. Понсе думал, что если бы он смог обнаружить и завладеть этим источником, это стало бы для него неисчерпаемым источником дохода, поскольку он мог бы взимать налог со всех, кто извлекал выгоду из его влияния. Он решил отправиться на его поиски и за свой счет снарядил два крепких корабля. С ними он покинул Сент-Женевьеву в Порто-Рико 1 марта 1512 года и смело направился сквозь запутанную группу лукайо. Где бы он ни останавливался, он пил из всех бегущих ручьев и стоячих озер, независимо от того, была ли их вода пресной или стоячей, чтобы не пропустить знаменитый источник. Он расспрашивал всех туземцев, которых встречал, где он может найти чудесный Источник Молодости.

Наконец он открыл землю, до тех пор неизвестную европейцам. В начале апреля, на пасхальной неделе, он коснулся того, что, как он предполагал, было островом, но на самом деле было частью континента. Поскольку ландшафт был покрыт цветами, он назвал это место "Флорида". У него было несколько жестоких схваток с индейцами, одного из которых он взял в плен, чтобы тот выучил испанский и дал ему информацию об этой стране. Теперь он плыл на юг и 8 мая обогнул мыс Флорида, который из-за течений он назвал Кабо-де-лас-Корриентес. 15-го числа он проплыл вдоль ряда небольших островов вплоть до двух белых и назвал всю группу Los Martyros, или Мучениками, из-за высоких скал на расстоянии, которые имели вид людей, подвергающихся распятию. Это название было на редкость подходящим, поскольку большое количество моряков, потерпевших с тех пор крушение на этих островах, фактически превратило их в место мученичества. Он обнаружил другую группу к юго-западу, которую назвал Тортугас, поскольку его люди за короткое время поймали сто семьдесят черепашек на одной из них и могли бы добыть больше, если бы захотели. Понсе де Леон продолжал бродить здесь до сентября, когда вернулся в Порто-Рико, отправив один из своих

кораблей на Бимини — самый маленький из Багамских островов — посмотреть, сможет ли он обнаружить источник. Судно ушло и вернулось, капитан Перес де Ортубиа сообщил, что остров приятно разнообразен холмами, рощами и реками, но ни одно из последних не обладает каким-либо необычным очарованием.

Одним из больших преимуществ плавания Понсе де Леона стало открытие его вторым капитаном Ортубией прохода, ныне известного как Багамский канал, по которому корабли, направляющиеся из Гаваны в Испанию, выходят в Атлантический океан. Этот новый отрывок стал универсальным еще при жизни Понсе де Леона. По возвращении ко двору он был щедро вознагражден за свои открытия как на суше, так и на море, но годы сбора средств часто заставляли его сожалеть о том, что он упустил Источник Молодости.

Теперь мы должны рассказать о том, каким образом Тихий океан, веками лежавший в своем привычном русле, неизвестном европейцам, впервые был увиден континентальными глазами. Острова, открытые Колумбом, все еще находились под исключительным владычеством испанцев; Эспаньола была центральным пунктом их операций по открытию и завоеванию. Здесь, на ферме, поселился мужчина, все еще в расцвете сил, по имени Васко Нуньес де Бальбоа. Он был уроженцем Хереса, что в Испании, и с энтузиазмом записался в последние путешествия, полные приключений. Он был известен как простой солдат удачи с распущенными, расточительными привычками, и его описывают как "эгрегиус дигладиатор", или искусный фехтовальщик. Его ферма погрязла в долгах; и, чтобы избежать неприятностей и ускользнуть от кредиторов, он приказал в 1511 году заколотить себя в бочку, надписать "припасы для путешествия" и доставить на борт корабля, отправлявшегося в экспедицию на материк. Когда судно скрылось из виду с берега, он вылез из бочки и предстал перед удивленным капитаном Эрнандесом де Энсисо. Будучи высоким и мускулистым, очевидно, привыкшим к трудностям и бесстрашному нраву, он снискал расположение капитана, особенно когда тот рассказал ему, что почтенный священник утверждал, "что Бог приберег его для великих свершений".

В течение двух лет Бальбоа приобрел власть над участком Дарьенского перешейка и женился на молодой и красивой дочери касика из Койбы. После победы, одержанной над одним из соседних монархов, у которого было вымогано четыре тысячи унций золота и некоторое количество золотой утвари, Бальбоа приказал выделить пятую часть для себя, а остальное разделить между его последователями. Пока испанцы делили золото по весу, возник спор о справедливости награды, когда индеец, отдавший золото, обратился к спорщикам со следующими словами:

"Зачем вам ссориться из-за такого пустяка? Если золото для вас настолько дорого, что вы ради него покидаете свои дома и вторгаетесь в мирные земли других людей, я расскажу вам о регионе, где вы можете максимально удовлетворить свои желания. За этими высокими горами раскинулось могучее море, которое легко можно разглядеть с их вершин. По нему плавают люди, у которых есть суда почти таких же размеров, как у вас, и, как и у них, оснащенные парусами и веслами. Все ручьи, которые стекают с этих гор в море, изобилуют золотом; цари, царствующие на его границах, едят и пьют из золотых сосудов. На самом деле золото там так же распространено, как у вас, испанцев, железо.

БАЛЬБОА И ИНДЕЕЦ.

Воодушевленный этой речью, Бальбоа спросил, трудно ли будет проникнуть в это море и на его золотые берега. "Задача, - ответил принц, - трудная и опасная. Могущественные касики выступят против вас со своими воинами; свирепые каннибалы нападут на вас и пожрут тех, кого они убьют. Для завершения вашего предприятия вам потребуется по меньшей мере тысяча человек, вооруженных так же, как те, что есть у вас сейчас". Чтобы доказать свою искренность, принц предложил сопровождать Бальбоа в экспедиции во главе его воинов. Это был первый намек европейца на великолепное водное пространство, которому так скоро предстояло получить название Тихого океана. Это немедленно и радикально изменило характер и поведение Бальбоа. Солдата удачи воодушевили благородные и властолюбивые амбиции; неугомонный и безрассудный отчаянный человек увидел перед собой славный путь к бессмертию. Он окрестил принца, который дал ему столь бесценную информацию, и отправился в Дариен, чтобы получить средства для осуществления своего плана.

Долгое время он был сбит с толку. Ужасная буря опустошила поля и уничтожила урожай. Он послал на Эспаньолу за людьми и провизией, но "эмиссар" потерпел крушение у берегов Ямайки. Он написал дону Диего Колумбу, правившему в Сан-Доминго, сообщая ему о существовании нового океана, окаймленного золотыми берегами, и прося выделить тысячу человек для его открытия. Он отправил сумму в пятнадцать тысяч крон золотом, которая должна была быть передана королю в качестве его королевской пятой. Многие из его последователей также отправили суммы, предназначенные для их кредиторов в Испании.

Ожидая ответа, Бальбоа косвенно узнал, что попал в немилость к королю. Одно блестящее достижение могло бы вернуть ему уважение и навсегда закрепить за ним благосклонность монарха. Он отобрал сто девяносто самых энергичных и решительных из своих людей и взял с собой несколько ищеек. Его собственным своеобразным телохранителем был пес по кличке Леонсико — один из многочисленных потомков знаменитого пса-воина Хуана Понсе де Леона. Леонсико был покрыт шрамами, полученными в его бесчисленных схватках с

туземцами. Бальбоа часто одалживал его другим и получал за свои услуги ту же долю добычи, на которую претендовал бы здоровый мужчина. Леонсико заработал таким образом для своего хозяина несколько тысяч долларов.

БАЛЬБОА ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ ТИХИЙ ОКЕАН.

1 сентября 1513 года Бальбоа со своими последователями сел на легкую бригантину и девять каноэ и поднялся вверх по ручью, который был судоходен до Койбы. Здесь к нему присоединились люди, и, отослав назад тех, кто был болен или нетрудоспособен, он приготовился отправиться в пустыню пешком. В битве с касиком по имени Кварагуа он убил шестьсот туземцев. Одни были пронзены копьями, другие зарублены мечами, третьи разорваны на куски ищейками. Он продвигался едва ли на семь миль в день, но наконец достиг деревни, лежащей у подножия горы, откуда открывался долгожданный вид. Только шестьдесят семь человек из двухсот остались, чтобы совершить это последнее грандиозное усилие. Бальбоа приказал им лечь пораньше, чтобы они были готовы к прохладному рассветному часу. Они выступили на рассвете 26 сентября. Через короткое время они вышли из лесов и добрались до верхних районов горы, оставив лысую вершину еще не поднятой. Бальбоа приказал им остановиться, чтобы он мог в одиночестве насладиться пейзажем и первым открыть для себя океан. Он достиг вершины, и там его взору открылось великолепное зрелище. Вода все еще была на расстоянии двух дней пути; но она лежала там, за разделяющим пространством, величественная, безграничная и безмятежная. Он упал на колени и возблагодарил Бога. Он призвал своих последователей подняться и обратился к ним так: "Узрите, друзья мои, - сказал он, - великолепное зрелище, которого мы так страстно желали. Давайте помолимся Богу, чтобы он помог и направил нас к завоеванию моря и суши, которые мы открыли и на которые никогда не ступала нога христианина, проповедующего святое учение евангелистов. Таким образом, по милости Христа вы станете самыми богатыми испанцами, которые когда-либо приезжали в Индию". Священник, сопровождавший экспедицию, пропел этот впечатляющий гимн "Те Деум", и испанцы, в которых религиозный пыл и жажда грабежа, казалось, смешались в равных пропорциях, присоединились к хору всем сердцем и голосом.

Теперь Бальбоа призвал всех присутствующих засвидетельствовать, что он вступил во владение морем, его островами и прилегающими землями от имени монархов Кастилии; и нотариус экспедиции составил об этом протокол, под которым все присутствующие, в количестве шестидесяти семи человек, подписали свои имена. Затем Бальбоа приказал срубить высокое дерево и придать ему форму креста: его он воздвиг на том месте, откуда

впервые увидел океан. Точно так же была насыпана каменная насыпь в качестве памятника, а на соседних деревьях были вырезаны имена Фердинанда и Хуаны.

Разведывательный отряд под командованием Алонсо Мартина, посланный Бальбоа найти наилучший маршрут к морю, после двухдневного путешествия вышел к пляжу, на котором стояли два каноэ, выброшенные на мель и, по-видимому, вне досягаемости воды. Но вскоре нахлынул прилив и унес их по течению, после чего Алонсо Мартин ступил в один из них и, таким образом, стал первым европейцем, ступившим на берег океана, открытого Бальбоа и получившего название Магеллан. Бальбоа вскоре прибыл на берег: прилив спал, и вода была почти в двух милях от берега. Но вскоре она вернулась, вторгшись в то место, где сидели испанцы. После этого Бальбоа встал и, взяв знамя с изображением Девы Марии с Младенцем и гербом Кастилии и Леона, зашел по колено в воду и, размахивая флагом, провозгласил следующий акт вступления во владение:

"Да здравствуют высокие и могущественные монархи Дон Фердинанд и донна Хуана, правители Кастилии, Леона и Арагона, от имени которых я принимаю в действительное и телесное владение эти моря, земли, побережья, порты и острова Юга и все, что к ним присоединено; а также королевства и провинции, которые принадлежат или могут принадлежать им любым способом или по какому-либо праву или титулу, древнему или современному, в прошлые, настоящие или грядущие времена, без каких-либо противоречий; и если другой принц или капитан, христианин или неверный, или если какой-либо закон, условие или секта вообще будут претендовать на какие-либо права на эти земли и моря, я готов поддерживать и защищать их во имя кастильских суверенов, чья империя и господство находятся над этими Индиями, островами и твердой землей, Северной и Южной, со всеми их морями, как на Арктическом, так и на Антарктическом полюсах, по обе стороны от линии равноденствия, будь то в пределах тропиков Рака и Козерога или за их пределами, как сейчас, так и во все времена, пока существует мир, и до последнего судного дня всех человечество".

БАЛЬБОА ОВЛАДЕВАЕТ ТИХИМ ОКЕАНОМ.

Как можно предположить, никто, казалось, не оспаривал эти грозные претензии, и ни один чемпион не вышел на ристалище от имени первоначальных владельцев морей, островов и прилегающих земель, о которых идет речь; так что Бальбоа призвал своих товарищей засвидетельствовать, что он должным образом и беспрекословно вступил во владение. Нотариус составил необходимый юридический документ, который подписали все присутствующие. Затем все они попробовали воду, которая, судя по ее солености, была океаном. Бальбоа вырезал крест на дереве, корни которого находились ниже отметки прилива, и, отрубив ветку своим мечом, унес ее с собой в качестве трофея.

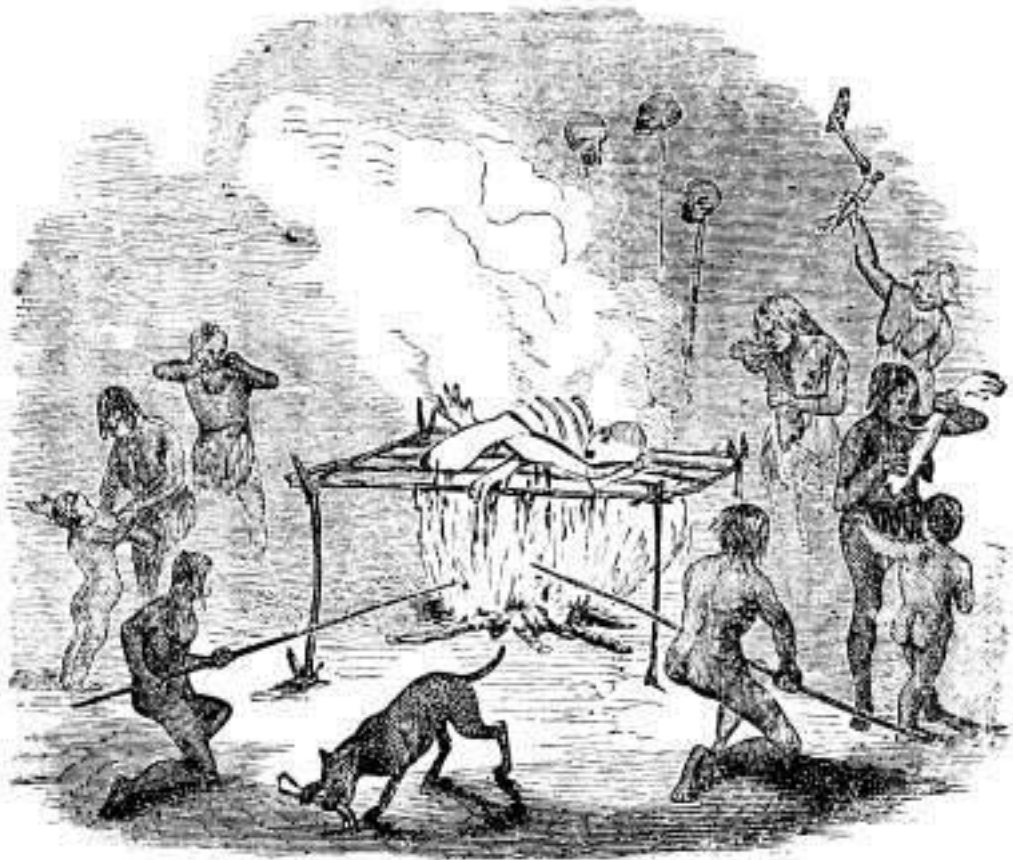
Теперь Бальбоа хотел совершить путешествие по лону новооткрытого океана. Несмотря на советы дружелюбных индейцев, которые считали время года штормовым, он с шестьюдесятью своими людьми сел в девять каноэ. Буря вынудила их искать убежища на острове. Ночью прилив полностью затопил его и поднялся до пояса испанцев. Их каноэ были разбиты вдребезги, и во время отлива им с большим трудом удалось спастись бегством на материк. После многочисленных набегов на касиков, правящих соседними племенами, Бальбоа прибыл к реке Дариен 19 января 1514 года, совершив один из самых замечательных подвигов в истории человечества и после экспедиции, которая навсегда запомнится бесстрашием и приключениями.

Король назначил его Аделантадо Южного моря и губернатором Панамы и Койбы, но подчиненным Педрариасу, губернатору Дариена. Последний считал его своим соперником и, применив успешную серию коварных уловок, выдвинул против него хорошо сфабрикованное обвинение в измене королю. Алькальд неохотно признал его виновным, а Педрариас приговорил к обезглавливанию как предателя и узурпатора территорий короны. Казнь произошла на городской площади маленького городка недалеко от Дариена, и Педрариас был свидетелем за ней, спрятавшись между камышами у стены дома, примерно в двенадцати шагах от эшафота. Бальбоа и четверо его офицеров были обезглавлены в быстрой последовательности во время коротких сумерек тропического вечера. Педрариас конфисковал имущество Бальбоа и приказал насадить его голову на шест и выставлять на всеобщее обозрение на площади до тех пор, пока не начнется разложение.

Так погиб в возрасте сорока двух лет, став жертвой самой низкой зависти и самого отвратительного предательства, человек, которого навсегда запомнят как одного из самых прославленных первооткрывателей. События превратили его из опрометчивого и буйного авантюриста в сдержанного и патриотичного капитана; и с того момента, как он почувствовал, что привлек к себе внимание всего мира, его поведение было поведением человека, рожденного и предназначенного для величия. Он пал в зените своей славы, достойный современник? Колумба, да Гамы и Магеллана.

Хуан Диас де Солис, который вместе с Янесом Пинсоном, Америго Веспуччи и Хуаном де ла Косой, лоцманом Колумба, был членом испанского совета, назначенного для обсуждения еще не сделанных открытий, отплыл в Южную Америку в 1514 году и, обогнув мысы Сан-Рок, Сент-Огастин и Фрио, вошел в залив, на берегу которого сейчас стоит город Рио-Жанейро, и, вероятно, был первым европейцем, ступившим на побережье так далеко на юге. Он предположил, что залив является устьем прохода в Южное море, так недавно открытого Бальбоа. Он двинулся на юг, определяя положение каждого мыса и впадины со всей точностью, какую позволяли приборы и наука того времени. Наконец он нашел большое отверстие в море, ведущее на запад: он завладел северным побережьем для короля Испании и назвал залив Пресноводным морем. Впоследствии, обнаружив, что это была река и что там

существовали серебряные рудники, он назвал ручей Рио-де-ла-Плата. Индейцы называли его Парагваса. Он находил эту страну плодородной и привлекательной, а также изобилие леса, давшего всему региону название Бразилии. Он сошел на берег с небольшим отрядом, но вскоре попал в засаду, устроенную для них туземцами. Солис и пятеро его спутников были схвачены, убиты, зажарены и съедены ужасными каннибалами, населявшими эту страну. Испанцы, оставшиеся на борту кораблей, стали свидетелями шокирующей катастрофы, которая настолько потрясла их, что они в смятении бежали и поспешно отплыли обратно в Испанию.

СУДЬБА ДЕ СОЛИСА И ЕГО СПУТНИКОВ.

ФЕРДИНАНД МАГЕЛЛАН.

ГЛАВА XXIII.

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ РИМСКОГО ДВОРА—ПАПСКАЯ БУЛЛА—ФЕРДИНАНД МАГЕЛЛАН—ОН ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ИСПАНИИ—ЕГО ПЛАНЫ—ЕГО ФЛОТ—ИСТОРИК ПИГАФЕТТА—НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ НАЧАЛО—ТЕНЕРИФ И ЕГО ЛЕГЕНДЫ—ОГОНЬ СВЯТОГО ЭЛЬМА—КОМАНДА ЗАКЛЮЧАЕТ ЗНАМЕНИТЫЕ СДЕЛКИ С КАННИБАЛАМИ—ВЫСОКАЯ ЦЕНА, ЗАПЛАЧЕННАЯ ЗА КОРОЛЯ ПИК—ПАТАГОНСКИЕ ГИГАНТЫ—ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ПИГАФЕТТЫ—ИСКУССТВО ВРАЧЕВАНИЯ В ПАТАГОНИИ—ТРАГЕДИЯ ПОРТ—ДЖУЛИАНА—ОТКРЫТИЕ ПРОЛИВА—ОТКРЫТОЕ МОРЕ—МЫС ДЕСЕАДО—ОКЕАН ПО ИМЕНИ ПАСИФИК—РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИНГИ—ПАТАГОНСКИЙ ПАВЕЛ—ИГЛА ВПАДАЕТ В ЛЕТАРГИЮ—ОТКРЫТИЕ ЛАДРОНОВ—ПЕРВЫЙ КОКОСОВЫЙ ОРЕХ—КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ НА ЯЗЫЧЕСКОМ ОСТРОВЕ.

Папа Римский, авторитет которого в тот период был наивысшим среди монархов, находившихся в общении с Церковью, теперь счел уместным предвидеть возможное столкновение между Испанией и Португалией, двумя монополистами торговли и открытий. Он объявил буллой, или папским указом, что все новые страны, которые будут впоследствии открыты к востоку от Азорских островов, должны принадлежать короне Португалии, в то время как все, что будет открыто к западу, должно стать собственностью Испании. Таким

образом, властитель, утверждавший, что он непогрешим, издал указ, основанный на убеждении папы римского в том, что мир плоский, даже после очень веских аргументов Колумба и да Гамы об обратном. Его Святейшество в своей мудрости вообразил, что одна нация может плыть направо, другая - налево и так продолжаться вечно: он не предвидел того, что теперь было почти осязаемо для каждого глаза, кроме непогрешимости римлян, что испанцы и португальцы наконец встретятся у антиподов. Там, со временем, они действительно встретились, и об очень милом споре, который возник вследствие этого, мы расскажем в дальнейшем. Но более непосредственным результатом указа было следующее: испанец, если он чувствовал, что его собственный суверен пренебрегает им или с ним плохо обращаются, предлагал свои услуги португальскому королю, будучи уверенным в том, что получит работу в его руках, поскольку последний таким образом ослабил бы Испанию и извлек выгоду из открытий, сделанных ее подданными. Португалец, если бы его так же обижали, точно так же перешел бы на сторону испанского короля и принял бы службу у испанской короны.

Случилось так, что некто Фернао Магальяэс, известный по-английски как Фердинанд Магеллан, португалец по происхождению, с отличием служивший в Ост-Индии под командованием Альбукерке, обратился в лиссабонский суд за причитающейся ему компенсацией. К его заявлению отнеслись с пренебрежением. Он немедленно удалился в Испанию вместе с ученым человеком, которым так же пренебрегали, неким Руи Фальеро, астрономом, которого португальцы считали фокусником и шарлатаном. Магеллан обратился с предложением о новых открытиях к кардиналу Хименесу, тогдашнему премьер-министру Испании, а фактически к ее правителю во время отсутствия Карла V. Португальский посол всеми доступными ему средствами стремился расстроить его планы и потребовал от двора, чтобы он и Фальеро были выданы как дезертиры. Он даже предложил Магеллану награду, если тот откажется от своей цели или, по крайней мере, выполнит ее на службе Португалии. Но кардинал благосклонно выслушал план, представленный Магелланом, который вкратце сводился к следующему:

Колумб, отправившийся в свое путешествие на запад, чтобы достичь Ост-Индии западным путем, потерпел неудачу в достижении своей цели, открыв вместо этого промежуточный континент. Теперь Магеллан предложил искать португальские Молуккские острова, или острова Пряностей, проплыв, если возможно, из Атлантического океана в Южное море, открытое Бальбоа пятью годами ранее. Его идея состояла в том, чтобы попытаться найти проход через материковую часть Южной Америки по Рио-де-ла-Плата или какому-либо другому каналу, выходящему на ее восточное побережье. Если бы это удалось, Испания овладела бы Ост-Индией так же, как и Западом, поскольку, если бы Молуккские острова были открыты с запада, даже если бы они были расположены восточнее, они явно попадали бы под выделение, сделанное поздней папской буллой. Магеллан считал, что земля круглая, вопреки папскому заявлению о том, что она плоская.

В соответствии с этим предложением испанская корона согласилась снарядить флот из пяти судов и передать командование им Магеллану. Кроме того, было решено, что он получит двадцатую часть чистой прибыли от экспедиции и что управление любыми островами, которые он может открыть, будет навечно передано ему и его наследникам с титулом Аделантадо. Эти пять судов были соответствующим образом снаряжены в Севилье, флагманский корабль Магеллана был назван "Тринидада". Их экипаж состоял из двухсот тридцати семи человек, тридцать из которых были здоровыми португальскими моряками, на которых Магеллан в основном полагался. Астроном Фальеро отказался сопровождать его, поскольку в своих астрологических расчетах предвидел, что путешествие окажется для него

роковым. Некий Сан-Мартино из Севильи, который отправился вместо него, был, как мы увидим, убит вместо него на острове Зубу. Кардинал разрешил итальянскому джентльмену по имени Пигафетта войти в свиту Магеллана. Впоследствии он стал историком этого путешествия.

Флот отплыл из Севильи 10 августа 1519 года, о его отплытии возвестил артиллерийский залп. Севилья находится почти в ста милях от моря, на берегу реки Гвадалквивир, морским портом которой является Сан-Лукар, откуда они, наконец, отправились 20 сентября. Трудно было бы представить себе обстоятельства более неблагоприятные, чем те, при которых Магеллан покинул берега Европы. Курс, которым он должен был следовать, был неизведанным: попытка была сочтена настолько опрометчивой, что он не осмелился сообщить своим людям об истинной цели экспедиции. Сезон уже был в разгаре, и он, по всей вероятности, прибудет в высокие южные широты в самый холодный период года. К опасностям, естественным образом сопутствующим такому путешествию, следовало добавить тот прискорбный факт, что командиры остальных четырех кораблей были испанцами и, следовательно, враждебно относились к Магеллану, который, хотя и находился на службе Испании, был португальцем по происхождению.

Через шесть дней эскадра достигла Тенерифа; об этом острове Пигафетта рассказывает несколько любопытных легенд, ходивших в то время. По его словам, там никогда не шел дождь, и на острове не было ни реки, ни источника. Однако листья дерева, которое постоянно было окружено густым туманом, давали превосходную воду, которую собирали в яме у его подножия, куда жители и дикие звери приходили утолить свою жажду. В начале октября флот прошел между мысом Верд и прилегающими к нему островами и прошел вдоль берегов Гвинеи и Сьерра-Леоне. Здесь их ждали встречные ветры, акулы и мертвый штиль. Однажды темной ночью, во время сильного шторма, на их топ-мачте в течение двух часов горел огонь "Святого Эльма". Это, как теперь известно, действие электричества, которого древние идолопоклонники считали Кастором и Поллуксом, которого католики во времена Магеллана считали святым и которого английские моряки называли Дэви Джонсом, было большим утешением для португальцев во время шторма. В тот момент, когда он исчез, он рассеял такой ослепительный свет, что Пигафетта почти ослеп и решил, что заблудился; но, добавляет он, "ветер мгновенно стих".

Миновав линию равноденствия и потеряв полярную звезду из виду, Магеллан повернул на юго-юго-запад и в середине декабря достиг побережья Бразилии. Его люди заключали выгодные сделки с туземцами. За небольшую гребенку они получили двух гусей; за кусок стекла - столько рыбы, что хватило бы на десять человек; за ленту — корзину картофеля - корнеплода, тогда столь малоизвестного, что Пигафетта описывает его как напоминающее репу по виду и жареный каштан по вкусу. Колода игральных карт была целым состоянием, потому что один моряк купил шесть жирных цыплят за короля пик. Флот тринадцать дней стоял на якоре, а затем продолжил свой путь на юг вдоль территории каннибалов, которые недавно сожрали де Солиса. Остановившись на острове в устье реки шириной в шестьдесят миль, они за один час поймали пингвинов, которых хватило бы на все пять кораблей. Магеллан бросил якорь на зиму в гавани, расположенной на 49° южной широты и названной им Порт-Джулиан. Прошло два месяца, прежде чем было обнаружено, что страна обитаема. Наконец на берегу появился человек гигантских размеров, прыгающий по песку в состоянии полной наготы и яростно осыпаящий голову пылью. Матроса послали на берег, чтобы он сделал аналогичные жесты, и таким образом гиганта легко привели к тому месту, где высадился Магеллан. Последний дал ему поесть приготовленной пищи и, между прочим, подарил большое стальное зеркало. Дикарь впервые увидел свое отражение и отскочил в

таком испуге, что сбил с ног четырех человек. Впоследствии он и несколько его спутников, как мужчин, так и женщин, поднялись на борт кораблей и постоянно жестами показывали, что, по их мнению, незнакомцы спустились с небес. Один из дикарей стал настоящим любимцем: его научили произносить имя Иисуса и повторять молитву Господню, и капеллан даже крестил его под именем Иоанн. Это исповедание христианства не принесло бедному язычнику никакой пользы, ибо вскоре он исчез, несомненно, убитый своим народом из-за его привязанности к иностранцам.

Все описание, данное Пигафеттой этих дикарей, которых Магеллан называл патагонцами, — начиная со слов, указывающих на сходство их ног, обутых в шкуру ламы, с лапами медведя, — как теперь известно, сильно преувеличено. Несомненно, что они ни в коем случае не были такими гигантскими, какими он их представлял. Он добавляет, что они выпивали залпом полведра воды, питались сырым мясом и глотали мышей живьем; что, когда их тошнило и требовалось кровотечение, они наносили хороший удар каким-нибудь острым предметом по пораженной части; когда их тошнило, они втыкали стрелу на пол-ярда себе в горло. Головную боль вылечила рана на лбу.

В Порт-Джулиане разыгралась ужасная трагедия. Четыре испанских капитана сговорились убить Магеллана. Заговор был раскрыт, и главари предстали перед судом. Двое были повешены, еще один получил удар ножом в сердце, в то время как несколько их сообщников остались среди патагонцев. Магеллан покинул Порт-Джулиан в августе 1520 года, водрузив крест на соседней горе и торжественно вступив во владение страной от имени короля Испании. 14 сентября он обнаружил пресноводную реку, которую назвал Санта-Крус в честь годовщины воздвижения креста Господня. Здесь команда, по приказу Магеллана, исповедалась и приняла святое причастие.

21 октября Магеллан совершил великое открытие, обессмертившее его имя. Он достиг пролива, соединяющего Атлантический океан и Южное море: сверившись с календарем в поисках названия, он назвал его в честь этого дня Проливом Одиннадцати Тысяч Дев. Сейчас это Магелланов пролив. Он был заключен между высокими горами, покрытыми снегом; вода была такой глубокой, что не давала возможности закрепиться. Команда была настолько убеждена, что у нее нет выхода на запад, что, если бы не уверенность и настойчивость Магеллана, они никогда бы не отважились исследовать ее. Было обнаружено, что ширина пролива варьируется от одной мили до десяти, а длина - четыреста сорок миль. В течение первой ночи, проведенной в проливе, "Санто-Антонио", пилотируемый неким Эммануэлем Гомесом, ненавидевшим Магеллана, нашел обратный путь в Атлантику и сразу же вернулся в Испанию. Главной целью лоцмана было первым сообщить новость об открытии и доставить в Европу экземпляр патагонского гиганта, один из которых был у него на борту. По пути он остановился в Порт-Джулиане и подобрал двух заговорщиков, которые были брошены там. Патаговец не смог перенести смену климата и умер от жары при пересечении границы.

МЫС ДЕВСТВЕННОЙ — ВОСТОЧНЫЙ ВХОД В МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ.

Одно из оставшихся четырех судов Магеллана было отправлено впереди остальных на разведку мыса, который, по-видимому, заканчивал пролив. Судно вернулось, объявив, что пролив действительно заканчивается у этого мыса и что за ним лежит открытое море. "Мы плакали от радости", — говорит Пигафетта. "Мыс был назван Cabo Deseado - Желанный мыс, — ибо, по правде говоря, мы давно хотели его увидеть". Это зрелище доставило Магеллану самую безграничную радость, поскольку теперь он мог практически продемонстрировать истинность выдвинутой им теории о том, что в Ост-Индию можно плыть через вост. Теперь он назвал знаменитый пролив Патагонским, но чувство справедливости побудило европейцев изменить его название и назвать Магеллановым. Через каждые миль или две он находил безопасную гавань с отличной водой, кедровым деревом, сардинами и моллюсками, а также изобилием сладкого сельдерея - специального средства против цинги.

28 ноября эскадра, сократившаяся до трех кораблей из-за потери "Сантьяго", покинула пролив и вышла в Великое Южное море, которому Магеллан дал название Тихого океана из-за устойчивых и нежных ветров, почти невозмутимо несших их по водам. Это название сохранилось за ним до сих пор. Они плыли все дальше и дальше в течение трех месяцев и двадцати дней, не видя земли, за исключением двух бесплодных и пустынных островов, которые они называли Несчастливыми. За все это время они не отведали свежей провизии. Их печенье было немногим лучше пыли и невыносимо воняло, поскольку было пропитано мышиными выделениями. Вода была гнилой и зловонной. Команда настолько сократилась, что они с удовольствием ели кожу, которую им приходилось вымачивать в море четыре или пять дней, чтобы сделать ее достаточно эластичной для жарки, пережевывания и переваривания. Другие питались опилками, в то время как за мышами охотились с такой жадностью, что их продавали по полдуката за штуку.

Теперь начала проявляться цинга, и девятнадцать моряков умерли от нее. Десны у многих распухли над зубами, так что, не имея возможности пережевывать свои кожаные яства, они жестоко умирали от голода. Те, кто остался в живых, ослабели, пали духом и стали

беспомощными. Патагонец, взятый на борт "Тринидады" в Порт-Джулиане, был поражен болезнью. Пигафетта, видя, что он не может прийти в себя, показал ему крест и благоговейно поцеловал его. Патагонец жестами умолял его воздержаться, так как демон наверняка вошел бы в его тело и заставил бы его взорваться. Однако, находясь на пороге смерти, он потребовал крест, который поцеловал; затем он попросил креститься и был принят в лоно Церкви под именем Павел.

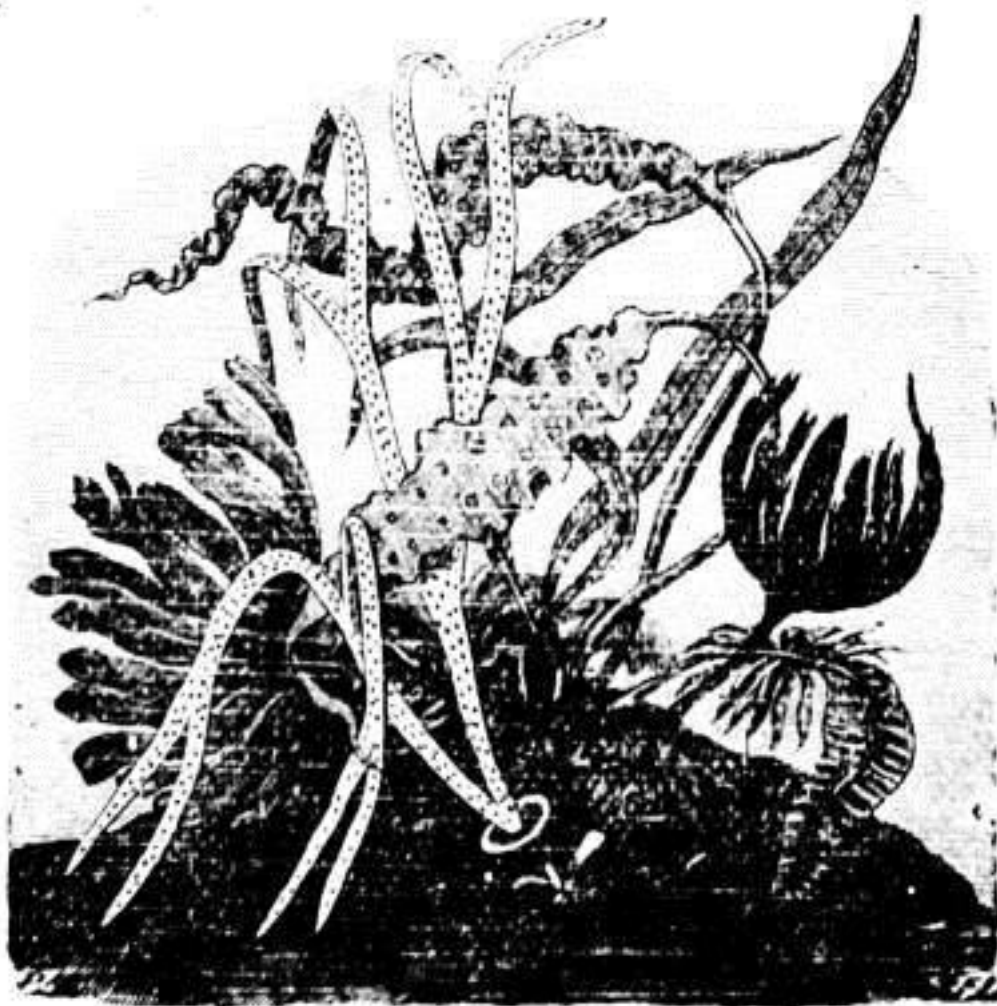
Суда шли все дальше и дальше, не встречая никакой рыбы, кроме акул, и не находя дна у берегов низкорослых островов, мимо которых они проходили. Движение стрелки было настолько нерегулярным, что требовались частые проходы магнита, чтобы восстановить ее энергию. Ни одна видная звезда, по-видимому, не служила антарктическим полярным ориентиром. Однако были обнаружены две звезды, которые, судя по малости круга, который они описывали в своем суточном курсе, находились недалеко от полюса. "Мы проходили, - говорит Пигафетта, - расстояние от шестидесяти до семидесяти лье в день; и если бы Бог и Его Святая Матерь не даровали нам счастливого плавания, мы все погибли бы от голода в таком огромном море. Я не думаю, что кто-нибудь в будущем отважится на подобное путешествие". Действительно, прошло почти шестьдесят лет, прежде чем Дрейк, второй кругосветный мореплаватель, вошел в Тихий океан.

В начале марта 1521 года Магеллан наткнулся на группу островов, где он и его люди сошли на берег, чтобы освежиться после усталости и лишений своего путешествия. Жители, однако, были великими ворами, проникавшими в каюты судов и забиравшими все, к чему могли прикоснуться. В конце концов Магеллан, выведенный из себя, высадился на берег с сорока людьми, сжег деревню и убил семерых туземцев. Последние, пронзенные стрелами насквозь — оружия, которого они никогда раньше не видели, — вытаскивали их за оба конца и смотрели на них, пока те не умирали. Магеллан дал этим островам название Ладронес — название, которое они сохранили в современной географии, хотя во времена Филиппа IV Испанского они назывались островами Марианны в честь Марии, его королевы.

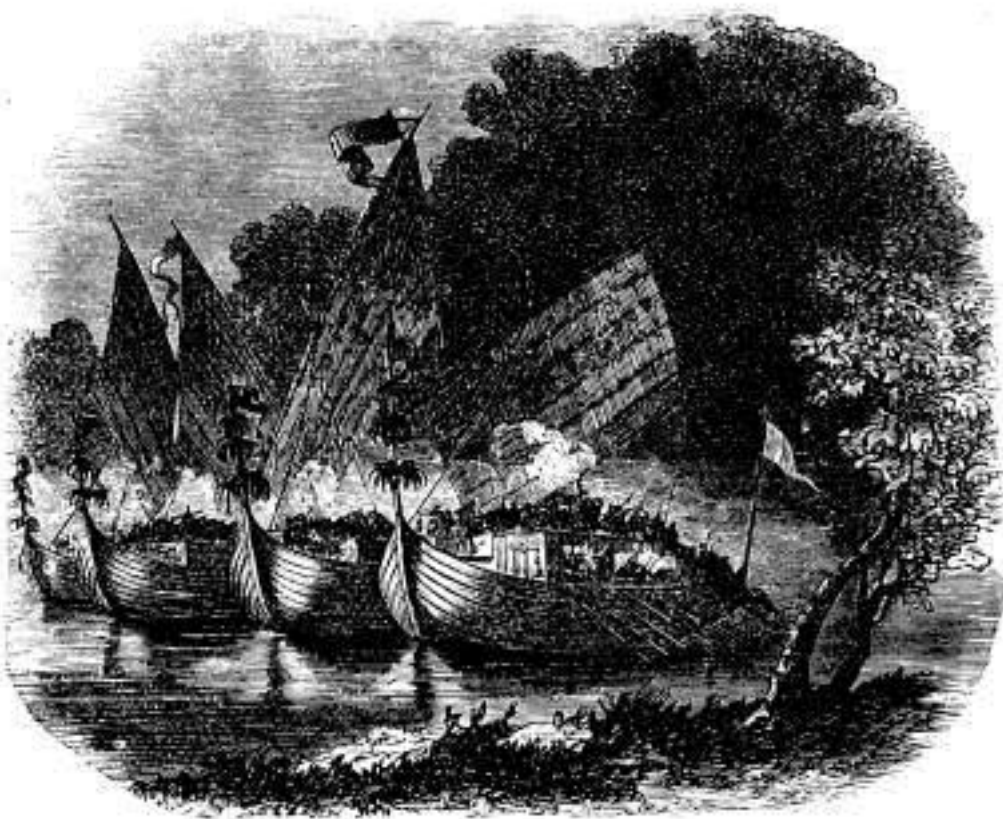
На другом острове команда получила от местных жителей первый подарок в виде кокосовых орехов, сделанный европейцу, о котором нет никаких записей. Пигафетта описывает этот ныне всемирно известный фрукт таким образом, который показывает, что он считал его самой замечательной новинкой. Мы извлекаем часть его описания: "Кокосовые орехи, - говорит он, - это плоды разновидности пальмы, которые снабжают людей хлебом, вином, маслом, уксусом и лекарствами. Чтобы получить вино, они делают надрез в верхушке дерева, проникающий до сердцевины, из которой вытекает ликер, напоминающий белое сусло, но довольно терпкий. Этот ликер собирается в дупле тростника толщиной с человеческую ногу, который подвешивается к дереву и осторожно сливается два раза в день. Плод размером с человеческую голову, а иногда и больше. Его внешняя кожа зеленая и толщиной в два пальца: она состоит из волокон, из которых они делают снасти для своих лодок. Под ним находится скорлупа более твердая и толстая, чем у грецкого ореха. Ее обжигают и измельчают в порошок, используя порошок как средство от нескольких болезней. Внутри скорлупы находится белое зернышко толщиной примерно с палец, которое едят вместо хлеба с мясом и рыбой. В центре ореха, окруженного ядром, находится сладкая и прозрачная жидкость, обладающая укрепляющим действием. Этот ликер, налитый в стакан и выдержанный, приобретает консистенцию яблока. Косточки и ликер, если оставить для брожения, а затем прокипятить, дают масло, густое, как сливочное масло. Чтобы получить уксус, сам ликер подвергается воздействию солнца, и образующаяся в нем кислота напоминает уксус, который мы готовим из белого вина. Семья из десяти человек могла бы прокормиться на двух кокосовых пальмах, поочередно прищипывая каждое из них каждую

неделю и давая другому отдохнуть, чтобы постоянное вытекание жидкости не погубило дерево. Нам говорили, что кокосовое дерево живет сто лет.

На другом острове Пигафетта утверждает, что, просеивая землю, он нашел куски золота величиной с грецкий орех, а некоторые даже величиной с яйцо, и что все сосуды, которыми пользовался король за своим столом, были из того же драгоценного металла. Считается, что это была грубая фальсификация изобретения Пигафетты с целью обеспечить себе командование последующим плаванием с целью открытия. Магеллан порадовал двух королей островов зрелищем грандиозной католической церемонии. Он окропил их душистой водой и предложил им поцеловать крест. На возвышении сонма он повелел им поклониться Евхаристии, взявшись за руки. В этот момент с кораблей был произведен артиллерийский залп, подготовленный заранее. Представление завершилось игрой на хорнпайпе и танцем с мечом - зрелищем, которое, по-видимому, очень понравилось двум королям. Затем принесли большой крест, украшенный гвоздями и терновым венцом. Он был установлен на высокой горе как сигнал всем христианским мореплавателям о том, что на острове к ним будут хорошо относиться. Короли также были уверены, что если они будут благоговейно молиться ему, то он защитит их от молний и бурь. Очевидно, они серьезно пострадали от капризов и насилия электрического флюида и были рады, что их так легко защитить от его пагубного и разрушительного влияния.

ЛАМОНАРИЯ.

АБОРИГЕНЫ БОРНЕО ГОТОВЯТСЯ НАПАСТЬ НА МАГЕЛЛАНА.

ГЛАВА XXIV.

ОТКРЫТИЕ ФИЛИППИН—КОРОЛЬ ЗУБУ ЖЕЛАЕТ, ЧТОБЫ КОРОЛЬ ИСПАНИИ ВОЗДАЛ ДОЛЖНОЕ—ОН, НАКОНЕЦ, ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ЭТОЙ ИДЕИ—ЦЕЛЫЙ ОСТРОВ ОБРАЩЕН В ХРИСТИАНСТВО—МАГЕЛЛАН СОВЕРШАЕТ ЧУДО—К НЕМОМУ ЧЕЛОВЕКУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ РЕЧЬ—МАГЕЛЛАН ВТОРГАЕТСЯ НА НЕПОКОРНЫЙ ОСТРОВ—ЕГО СМЕРТЬ—ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬ ЕГО ТЕЛО—ХРИСТИАНСКИЙ ОСТРОВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ИДОЛОПОКЛОНСТВУ—КОРАБЛИ ПРИБЫВАЮТ НА БОРНЕО—МОРЯКИ СЛИШКОМ МНОГО ПЬЮТ АРАКА—ПРАЗДНЕСТВА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО—ЯРКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ПИГАФЕТТЫ—ФЛОТ ПРИБЫВАЕТ НА МОЛУККСКИЕ ОСТРОВА—КОРОЛЬ ТИДОРЕ—А ОЖИВЛЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ГВОЗДИКОЙ—ТАРИФ НА СПЕЦИИ-"ВИТТОРИЯ" ОТПЛЫВАЕТ ДОМОЙ—ПИГАФЕТТА СНОВА ПОЛНА ВООБРАЖЕНИЯ—ПРИБЫТИЕ НА МЫС ВЕРДС—ПОТЕРЯ ОДНОГО ДНЯ—ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ—РОМАН ПИГАФЕТТЫ СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИЕЙ.

7 апреля эскадра вошла в гавань острова Зубу, одного из группы островов, которые с тех пор получили название Филиппины. Магеллан отправил гонца к королю с просьбой об обмене товарами. Король заметил, что принято, чтобы все корабли, заходящие в его воды, платили дань, на что гонец ответил, что испанский адмирал был слугой столь могущественного государя, что он не может платить дань никому. Король пообещал дать ответ на следующий день, а тем временем отправил фрукты и вино на борт кораблей. Магеллан привез с собой короля Массаны, соседнего острова, и этот монарх вскоре убедил короля Зубу, что вместо того, чтобы просить дань, было бы разумнее заплатить ее. Вскоре между его величеством Испанским и его царственным братом Зубу был заключен мирный договор о вечной дружбе.

Пигафетта представляет здесь нелепую и невероятную историю обращения Магелланом этих островов в христианство. Оно заключается в следующем: Магеллан, будучи очень недоволен, узнав, что с родителями, достигшими определенного возраста на этом острове, их дети обращались неуважительно, сказал им, что Всемогущий, сотворивший небо и землю, строго повелел детям почитать своих родителей и пригрозил вечным огнем тем, кто нарушит эту заповедь. Он добавил другие наблюдения из Священного Писания, которые доставили островитянам большое удовольствие и внушили им желание получить наставления в истинной религии. Магеллан заверил их, что перед отъездом он крестит их всех, если они смогут убедить его, что приняли это благо не из-за какого-либо страха, который он мог бы им внушить, или из-за какого-либо ожидания временной выгоды, но из-за спонтанных эмоций и по собственной воле. Они легко убедили его в непосредственности своих чувств, после чего Магеллан заплакал от радости и обнял их всех. Для церемонии было назначено воскресенье, 16 апреля. Был поднят эшафот, покрытый гобеленами и пальмовыми ветвями. Эскадрилья произвела общий салют. Затем Магеллан сказал королю, что одним из преимуществ, которые он получит от принятия христианства, будет то, что он укрепится и ему будет легче одолеть своих врагов. Король ответил, что даже без этого соображения он чувствовал себя расположенным стать христианином. Затем были крещены восемьсот человек, королева получила имя Джейн в честь матери императора Испании. Она выпросила младенца Иисуса из Пигафетты, которым можно было заменить ее идолов. Эта замечательная история завершается заявлением о том, что одна деревня идолопоклонников категорически отказалась быть обращенной, и что поэтому Магеллан сжег их дома, установив на развалинах крест. Не довольствуясь этим, Пигафетта заставляет Магеллана совершить чудо. Брат короля был очень болен и полностью потерял речь. Адмирал сказал, что если все оставшиеся на острове идолы будут сожжены и если принц примет крещение, он поклянется своей головой, что выздоровеет. Затем Магеллан крестил больного вместе с его двумя женами и десятью дочерьми. Капитан "затем спросил его, как он очутился, и он ответил, внезапно обретя дар речи, что, благодаря Господу, он очнулся очень хорошо. Мы все были очевидцами этого чуда. Затем капитан с большим рвением, чем все мы, вознес хвалу Богу". Теперь идолы в огромном количестве предавались огню, а храмы, построенные на берегу моря, были разрушены. Новые христиане ходили по острову, крича во весь голос "Да здравствует Кастилия!" в честь короля Испании.

26 апреля Магеллан узнал, что соседний вождь по имени Чилаполапу отказался признать власть короля Испании и открыто исповедовал язычество среди христианской общины. Он решил оказать помощь обращенным вождям, чтобы усмирить этого упрямого принца. В полночь от кораблей отошли лодки с шестьюдесятью мужчинами, вооруженными шлемами и кирасами. Туземцы последовали за ними на двадцати каноэ. Они достигли мятежного острова, который называется Матан, за три часа до рассвета. Чилаполапу был уведомлен, что он должен повиноваться христианскому королю Зубу или почувствовать силу христианских копий. Островитяне ответили, что у них тоже есть копьа. Захватчики дождались рассвета, а затем, прыгнув в воду по бедра, побрели вброд к берегу. Противник насчитывал полторы тысячи человек и был разделен на три батальона: два из них атаковали их с фланга, третий - спереди. Мушкетеры стреляли в течение получаса, не производя ни малейшего впечатления. Полагаясь на численное превосходство, туземцы осыпали христиан градом бамбуковых копий, закаленных в огне посохов, камней и даже грязи. Отравленная стрела наконец поразила Магеллана, который немедленно приказал отступать в медленном и регулярном порядке. Индейцы теперь поняли, что их удары возымели действие, когда были направлены в нижние конечности их противника, и это наблюдение произвело на них красноречивое впечатление. Увидев, что Магеллан ранен, они дважды сбили с его головы шлем. Он и его небольшая группа людей продолжали сражаться более часа, стоя по колено в

воде. Теперь Магеллан явно слабел, и островитяне, заметив его слабость, напали на него толпой. Один из них сильно ударил его по левой ноге, и он упал лицом вниз. Его немедленно окружили и забрасывали палками и камнями, пока он не умер. Его люди, все до единого раненые, неспособные оказать ему помощь или отомстить за его смерть, спаслись на своих лодках после его падения.

"Так, - говорит Пигафетта, - погиб наш проводник, наш свет и наша поддержка. Но его слава переживет его. Он был украшен всеми добродетелями: посреди величайших невзгод он постоянно сохранял непоколебимую твердость. В море он подвергал себя тем же лишениям, что и его люди. Лучше, чем кто-либо другой, разбирался в морских картах, он был совершенным мастером навигации, что доказал, совершив кругосветное путешествие, на которое до него никто не отваживался". Хотя Магеллан в этом случае совершил только половину оборота вокруг земли, все же можно с полным основанием сказать, что он был первым, кто совершил кругосветное плавание, исходя из того факта, что путь домой из Филиппин был прекрасно известен португальцам и что Магеллан уже побывал в Малакке.

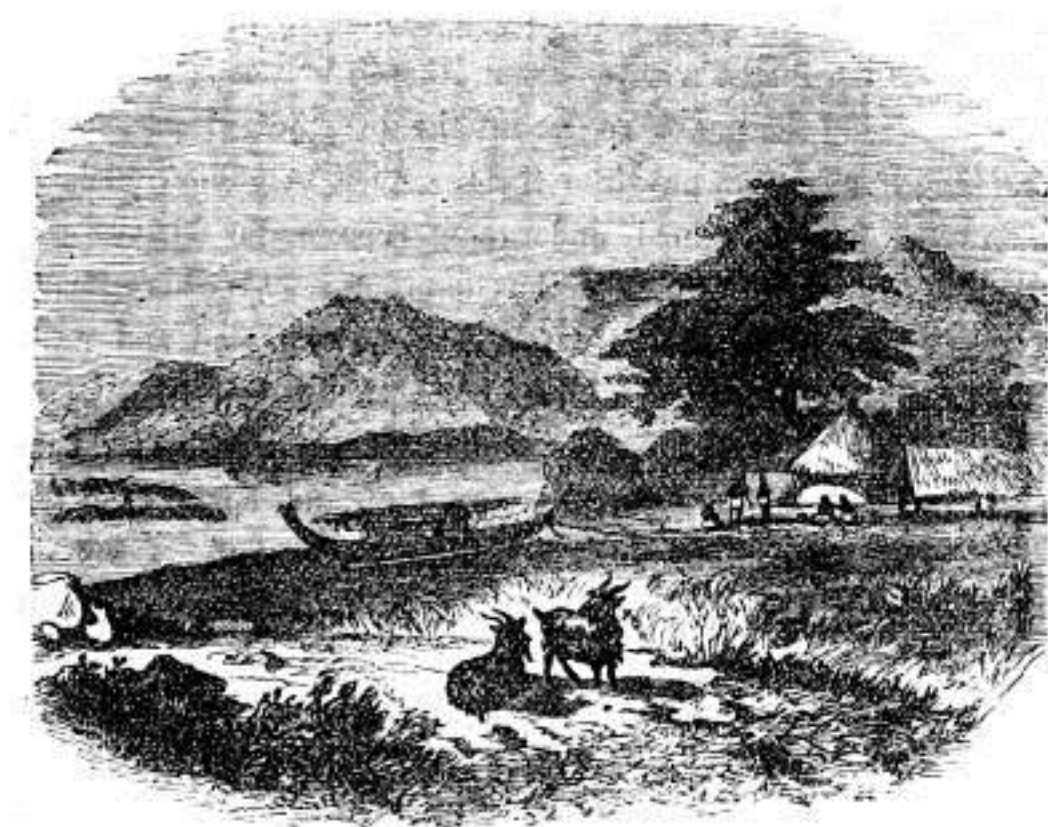
Днем была предпринята попытка вернуть тело Магеллана путем переговоров; но островитяне прислали ответ, что никакие соображения не могут заставить их расстаться с останками такого человека, как адмирал, которые они должны сохранить как памятник своей победе. Вместо него были избраны два губернатора - Одоард Барбоза и Хуан Серрано. Последний вместе с астрономом Сан-Мартино и несколькими офицерами, будучи заманен на берег обращенным королем, были им хладнокровно убиты. Он видел неполноценность христиан перед дикарями на войне и, испытывая, несомненно, отвращение к хвастливым претензиям христианства, после смерти Магеллана отрекся от него и снова вернулся к идолопоклонству. Хуан Серрано был замечен на берегу связанным по рукам и ногам: он умолял людей на кораблях позаботиться о его освобождении; и, получив отказ, он произнес глубокие проклятия и воззвал к Всевышнему призвать к ответу в великий судный день тех, кто отказался помочь ему в трудную минуту. Они вышли в море, оставив несчастного Серрано на произвол судьбы.

Одоард Барбоза, теперь единоличный командир, приказал сжечь "Консепсьон", один из трех кораблей, а его людей, боеприпасы и провизию перебросить на два других. Высадившись на различных островах, он 9 июля прибыл в богатое поселение Борнео. Король, который был мусульманином и содержал великолепный двор, прислал им красивое каноэ, украшенное золотыми фигурками и павлиньими перьями. В нем были музыканты, игравшие на волынке и барабанах. Восемь офицеров с острова принесли капитану вазу, полную бетель-ареки, которую можно было жевать, немного цветов апельсина и жасмина, немного сахарного тростника и три кубка дистиллированного напитка, который они называли арак и от которого матросы опьянели. Посетителям было разрешено добывать на острове древесину и воду, а также торговать с туземцами. Также была назначена встреча с королем, которая проходила со всеми возможными церемониями — шествиями слонов, подарками корицы и зажиганием восковых факелов. Несмотря на эти заверения в дружбе, эскадра была вынуждена покинуть Борнео очень внезапно из-за появления сотни вооруженных каноэ, которые, по их мнению, были направлены во враждебную экспедицию.

Среди чудес Борнео Пигафетта упоминает две жемчужины величиной с куриное яйцо и такой круглой формы, что, если их положить на полированный стол, они никогда не оставались неподвижными, а также фарфоровые чашки, обладающие способностью указывать на присутствие яда, разбив их, если в них был яд. На соседнем острове, где флот оставался на ремонте в течение шести недель, Пигафетта увидел зрелище, которое он описывает следующим образом: "Мы здесь нашли дерево, листья которого, когда они опадают,

оживают и разгуливают. Они напоминают листья тутового дерева. При прикосновении они расслаиваются, но при раздавливании не выделяют крови. Я держал одного в коробке девять дней и, открыв коробку, обнаружил, что лист все еще живой и ходит по нему. Я придерживаюсь мнения, что они питаются воздухом ". Ошибка Пигафетты здесь заключалась в утверждении, что лист похож на насекомое: ему следовало говорить о диковинке как о насекомом, похожем на лист. В настоящее время он известен натуралистам как вид саранчи.

6 ноября они заметили группу из пяти островов, которые их лоцманы, добытые на их последней стоянке, объявили знаменитыми Молуккскими островами. Таким образом, они доказали, что земля круглая, поскольку суда, плывущие на запад из Испании, теперь встречались с судами, плывущими оттуда на восток. Они вернулись, благодаря Бога, и дали залп из своих огромных пушек. Они пробыли в море двадцать шесть месяцев и наконец, посетив бесконечное количество островов, достигли тех, на поиски которых отправились в экспедицию. 8-го, за три часа до захода солнца, они вошли в гавань острова Тидоре. Они бросили якорь на глубине двадцати морских саженей и выстрелили из всех своих пушек. Король, укрытый шелковым зонтиком, пришел на следующий день навестить их, сказал, что ему приснился их приближающийся визит, посоветовался с луной относительно этого сна и теперь был рад увидеть, что он подтвердился. Он добавил, что счастлив в дружбе с королем Испании и гордится тем, что является его вассалом. Этот властитель, которого звали раджа Султан Манзур, был мусульманином: он был "выдающимся астрологом", у него было множество жен и двадцать шесть детей.

ТИДОРЕ.

12-го числа испанцы возвели сарай в городе Тидоре, куда они перевезли все товары, которые намеревались обменять на гвоздику. Затем был составлен обменный тариф. Десять ярдов красной ткани должны были стоить четыреста фунтов гвоздики, как и пятнадцать

ярдов ткани более низкого качества, пятнадцать топоров, тридцать пять стеклянных стаканов, двадцать шесть ярдов полотна, сто пятьдесят пар ножниц, три гонга или центнер меди. Однако по мере того, как запасы товаров, привезенных чужеземцами, уменьшались, их стоимость, естественно, возрастала, и за ярд ленты можно было купить квинтал гвоздики: фактически, все, без чего корабли могли обойтись на обратном пути, обменивалось на гвоздику. Вскоре они были нагружены так сильно, что у них едва хватало места, чтобы хранить воду. "Тринидада", получившая течь, осталась позади, Хуан Карвахо, ее пилот, и пятьдесят три члена экипажа остались с ней. "Виттория" попрощалась со своим супругом 21 декабря, и два судна обменялись прощальным салютом. Число европейцев на борту "Виттории" теперь сократилось до сорока шести человек, а флот, который раньше состоял из пяти парусных судов, теперь сократился до одного.

Пока "Виттория" пробиралась между густыми архипелагами островов, которыми усеяны моря в этих широтах, ее лоцман с Молуккских островов рассказывал Пигафетте удивительные истории об их обитателях. В Арачето, по его словам, мужчины и женщины были всего в полтора фута ростом; их пищей была сердцевина дерева; их жилища представляли собой пещеры под землей; их уши были длиной с их тело; так что, когда они ложились, одно ухо служило матрасом, а другое - одеялом!

Чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, капитан поднялся до сорок второго градуса южной широты: в течение девяти недель он оставался против ветра напротив мыса. Команда теперь страдала от болезней, голода и жажды. Обогнув мыс, они два месяца держали курс на северо-запад, потеряв по пути двадцать одного человека. Пигафетта заметил, что, бросая мертвых в море, христиане плавали с лицами, обращенными к небу, в то время как мусульмане, с которыми они вступили в бой, повернули свои лица в другую сторону! Наконец, 9 июля 1522 года судно достигло мыса Вердс. Они находились во владении португальцев, и для испанцев было очень рискованно отдавать себя в их власть. Однако они представились пришедшими с запада, а не с востока, и сообщили о своих нуждах. Их баркас дважды нагружали рисом в обмен на различные товары. Во время третьего рейса экипаж был задержан - португальцы обнаружили, что "Виттория" была одной из флотилий Магеллана. Она была вынуждена бросить людей как пленников и уплыла — все ее снаряжение теперь насчитывало восемнадцать человек, и все они, за исключением Пигафетты, были более или менее выведены из строя. Последний, чтобы выяснить, регулярно ли велся его дневник, осведомился на островах, какой сегодня день, и ему сказали, что это четверг. Это поразило его, поскольку, по его подсчетам, была среда. Вскоре он убедился, что в его рассказе не было ошибки; поскольку, поплыв на запад и проследив за движением солнца, было очевидно, что в кругосветном плавании он видел его восход на один раз реже, чем те, кто оставался дома, и, таким образом, очевидно, потерял день.

В субботу, 6 сентября, "Виттория" вошла в залив Сан-Лукар, пробыв в нем три года и двадцать семь дней и проплыв более четырнадцати тысяч шестисот лье. 8-го числа, поднявшись по Гвадалквивиру, она бросила якорь у севильского мола и выпустила всю свою артиллерию. 9-го числа вся команда отправилась в рубашках и босиком, со свечами в руках, в церковь Богородицы Победы, как они часто клялись делать в часы опасности. Капитан "Виттории" Хуан Себастьян Кано был посвящен в рыцари Карлом V. Карл V наградил его гербом в виде земного шара с девизом, посвященным путешествию. Пигафетта подарил Карлу V Испанскому, королю Португалии Иоанну, королеве-регентше Франции и Филиппу, великому магистру Родоса, дневники и отчеты об экспедиции. Из последнего, наиболее полного, мы извлекли приведенный выше отчет, позаботившись, однако, исправить содержащиеся в нем

ошибки и указать на многочисленные случаи, когда его автор был обязан своему воображению своими фактами.

Раздел IV.

ОТ ПЕРВОГО КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ До ОТКРЫТИЯ МЫСА ГОРН; 1519-1616гг.

ГЛАВА XXV.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖАКА КАРТЬЕ—МОРСКИЕ ПРОЕКТЫ ФРАНЦИСКА I. КОРОЛЬ ФРАНЦИИ—ЗАЛИВ Св. ЛОУРЕНС—БЫСТРАЯ ПОЕЗДКА ДОМОЙ—ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—КАНАДА, КВЕБЕК, МОНРЕАЛЬ—КОРОЛЬ В ПЛЕНУ—ПУТЕШЕСТВИЕ СЭРА ХЬЮ УИЛЛОУБИ И РИЧАРДА ЧЕНСЕЛЛОРА—ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ЗЕМЛИ—КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ ЗИМА—СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ—МАРТИН ФРОБИШЕР—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОИСКАХ СЕВЕРО—ЗАПАДНОГО ПРОХОДА—ГРЕНЛАНДИЯ—ЛАБРАДОР—ПРОЛИВ ФРОБИШЕРА—ОБМЕН ПЛЕННЫМИ—ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ОТКРЫТИЕ ЗОЛОТА—ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—ГРУЗ ДРАГОЦЕННОЙ ЗЕМЛИ, ВЗЯТЫЙ НА БОРТ—МЕТА INCOGNITA—ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—УНИЗИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД.

Казалось бы, естественно, что испанцы стремились извлечь немедленную выгоду из открытия западного прохода к Южному морю. Однако они этого не сделали, и целому поколению было суждено уйти из жизни, прежде чем второе европейское судно вошло в Магелланов пролив. Поэтому мы должны на время предоставить испанцам и португальцам спокойно заниматься их индийской и американской торговлей и обратиться к нескольким трансатлантическим и арктическим предприятиям, предпринятым в этот период французами и англичанами.

СЦЕНА НА КАНАДСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ.

Жак Картье, уроженец Сен-Мало во Франции, в 1534 году закончил обучение моряку. Ему пришла в голову идея найти проход в Китай и на острова пряностей к северу от Западного континента и в непосредственной близости от Полюса. Таково было происхождение различных усилий, предпринятых в поисках знаменитого Северо-Западного прохода. Он

также считал, что Франция обязана отстаивать свое право на участие в исследованиях и открытиях, которые сделали Португалию и Испанию знаменитыми и богатыми. Он представил свой проект Франциску I, который долгое время с завистью наблюдал за успешными экспедициями других держав и который, как говорят, однажды воскликнул: "Где воля и завещание нашего отца Адама, которое лишает меня моей доли в этих владениях в пользу Испании и Португалии?" Он сразу же одобрил это предложение, и 20 апреля 1534 года Картье покинул Сен-Мало на двух кораблях водоизмещением по шестьдесят тонн каждый. Никаких подробностей о дальнем путешествии до нас не дошло. Однако все прошло быстро и благополучно, поскольку на двадцатый день корабли бросили якорь в бухте Бонависта на восточном побережье Ньюфаундленда.

Двигаясь на север, он обнаружил пролив Бель-Айл и через него спустился на запад в залив, который он назвал заливом Святого Лаврентия, имея Ньюфаундленд слева от себя и Лабрадор справа. Таким образом, он убедился в островном характере Ньюфаундленда. Он открыл многие острова и мысы в заливе Святого Лаврентия, и некоторые из них по сей день носят названия, которые он им дал. Он побеседовал с несколькими племенами туземцев и вступил во владение многочисленными землями от имени короля Франции. В середине августа восточный ветер стал преобладающим и яростным, и было невозможно подняться по реке Святого Лаврентия, в устье которой они сейчас находились. Был проведен совет, и решение о возвращении было принято единогласно. После быстрого и благополучного плавания они благополучно прибыли в Сен-Мало.

Франциск I. немедленно приказал снарядить три корабля водоизмещением соответственно сто двадцать, шестьдесят и сорок тонн и отправил Картье во второе исследовательское путешествие с присвоением звания королевского лоцмана. Он отправился в путь в мае 1535 года и после двухмесячного бурного плавания прибыл на свою якорную стоянку в Ньюфаундленде. Оттуда он направился к устью реки Святого Лаврентия, которую он называет индейским названием Хочелага. Здесь дикари рассказали ему, что река ведет в страну под названием *Канада*. Он поднялся вверх по течению на лодках, миновал деревню Стадаконе, — на месте нынешнего города Квебек, — и прибыл в индийский город Хочелага, который из-за высокой горы, расположенной поблизости, он назвал Монт—Рояль, ныне Монреаль. Он дошел не дальше перекрестка рек Оттава и Святого Лаврентия, а затем вернулся. Он оставался в Стадаконе всю зиму, потеряв двадцать пять своих людей из-за заразной болезни, о которой тогда было мало известно, — цинги.

Картье вернулся во Францию в июле 1536 года, взяв с собой канадского короля по имени Доннаконна и девять других туземцев, которые были схвачены и доставлены на борт по принуждению. Их увезли в Европу, где Доннаконна умер два года спустя: трое других были крещены в 1538 году, Картье был спонсором одного из них. Кажется, все они умерли в 1541 году, в день третьего путешествия Картье. Король приказал подготовить пять кораблей, на которых Картье снова отправился к месту своих открытий. Рассказ об этой экспедиции утерян; но, похоже, она привела к небольшому количеству интересных инцидентов или вообще не привела к ним. Картье был облагорожен по возвращении в 1542 году и прожил десять лет, наслаждаясь своим новым достоинством. Его описания пейзажей, продуктов и индейцев Канады наглядны и корректны.

В 1553 году "Тайна и компания английских купцов-авантюристов для открытия регионов, доминионов, островов и неизведанных мест", во главе которых стоял Себастьян Кэбот, снарядили экспедицию из трех судов и передали главное командование сэру Хью Уиллоуби "из-за его приятной внешности, а также из-за его исключительного мастерства на военной

службе". Король Эдуард VI. подтвердил назначение в "лицензии на открытие незнакомых стран".

Флот состоял из "Буона Сперанца" водоизмещением сто семьдесят тонн под командованием сэра Хью с тридцатью восемью людьми, "Эдварда Буонавентуры" водоизмещением сто шестьдесят тонн под командованием Ричарда Ченселлера, старшего лоцмана экспедиции, с пятьюдесятью четырьмя людьми, и "Буона Конфиденция" водоизмещением девяносто тонн с двадцатью четырьмя людьми. Провизии на кораблях хватило на пятнадцать месяцев. На борту каждого из них находилось восемнадцать купцов, заинтересованных в открытии северо-восточного прохода в Индию — маршрута, который англичане пытались проложить раньше, чем северо-западный, поскольку путешествие Себастьяна Кэбота вряд ли можно считать серьезной попыткой. Совет двенадцати, которому было поручено общее руководство путешествием, состоял из адмирала, старшего лоцмана и других офицеров.

Эскадра отплыла из Дептфорда 10 мая 1553 года и пристала к берегам Норвегии 14 июля. 30-го числа, находясь недалеко от Вардхуса, самой восточной стоянки датчан в Финмарке, судно Канцлера унесло штормом, и больше двое других его не видели. Последние, по-видимому, два месяца болтались по Северному морю, в течение которых они высадились в каком-то месте на западном побережье Новой Земли, став первыми европейцами, посетившими эту необитаемую пустошь. 18 сентября они вошли в гавань в Лапландии, образованную устьем реки Арзина. Здесь они пробыли неделю, наблюдая за тюленями, оленями, медведями, лисами, "с водолазами странных зверей, таких как эланы и другие, которые были нам неизвестны и в то же время удивительны". Было уже 1 октября, и арктическая зима была далеко в разгаре. Они решили перезимовать там, сначала отправив отряды на поиски жителей. Трое мужчин отправились в трехдневное путешествие на юго-юго-запад, но вернулись, не встретив ни одного человека. Другие, отправившиеся на запад и юго-восток, вернулись столь же безуспешными. Это последняя достоверная информация, которая у нас есть о судьбе этих отважных и неудачливых исследователей. Однако завещание, якобы составленное неким Габриэлем Уиллоуби и подписанное сэром Хью, с датой января 1554 года, показывает, если оно подлинное, что по крайней мере двое из участников были живы в тот период. Пуркас, один из старейших авторитетов в области мореплавания и путешествий, утверждает, что "Буона Сперанца" была обнаружена следующей весной группой русских, которые обнаружили, что вся команда замерзла насмерть. В 1557 году шкипер из Дронтхайма сказал англичанину в Кегоре, что он купил паруса "Буона Конфиденция"; но неизвестно, где она пропала и какова была судьба экипажа. Завещание, о котором мы говорили, и фрагмент дневника, приписываемый сэру Хью, были найдены русскими и возвращены родственникам авантюристов в Англии.

"Эдвард Буонавентура" под командованием канцлера, который был отделен от своих спутников у Вардуса, благополучно достиг Архангельска на Белом море в России и положил начало торговым отношениям между Россией и Англией. По возвращении его корабль затонул у берегов Шотландии, а сам он с несколькими членами своей команды утонул. Таким образом, из трех отправленных кораблей ни один так и не добрался домой; а из офицеров, торговцев и матросов никто не выжил, чтобы вернуться в свою страну, за исключением нескольких простых матросов с "Эдварда Буонавентуры". Преимущества, приобретенные такой ценой человеческих жизней, были ограничены бесплодным открытием покрытого льдами побережья Новой Земли. Ничего не было предпринято для строительства Северо-Восточного прохода.

Мартин Фробишер, опытный и предприимчивый моряк, был первым англичанином, вынашивавшим проект попытки проникнуть в Азию по каналу, который, как предполагалось,

существовал к северу от Америки. Он поделился своим замыслом со своими друзьями и потратил пятнадцать лет на бесплодные попытки привлечь капитал и энергию для этого дела. Моряки, финансисты, торговцы, государственные деятели — все считали этот план призрачным и безнадёжным. Наконец лорд Дадли, фаворит Елизаветы, заинтересовался успехом Фробишера, и с этого момента он не испытывал особых трудностей в достижении своей цели. Он сформировал компанию, накопил необходимые суммы денег и приобрел три небольших судна — две барки водоизмещением по двадцать пять тонн каждая, "Гавриил" и "Михаил", и катер водоизмещением десять тонн. Этот доблестный маленький флот бросил якорь в Дептфорде 8 июня 1576 года и, пройдя мимо двора, собравшегося в Гринвиче, разрядил свои орудия и произвел настолько внушительный вид, насколько позволяло их ограниченное снаряжение. Королева Елизавета помахала командующему рукой из окна и, прощаясь с ним, пожелала ему успехов и счастливого возвращения. 25-го он прошел южную точку Шетландских островов, известную как Суинборн-Хед. Он бросил здесь якорь, чтобы устранить течь и набрать пресной воды. 10 июля он описал побережье Гренландии, "возвышающееся, как шпиль, и все покрытое снегом". Экипаж предпринял попытки сойти на берег, но не смог найти ни якорной стоянки для судов, ни места для высадки лодок. 28-го Фробишер смутно разглядел сквозь туман то, что он принял за побережье Лабрадора, покрытое льдом. 31-го он увидел землю в третий раз, а 11 августа вошел в пролив, которому дал свое имя.

Он поднялся по этому проливу на расстояние ста пятидесяти миль. Только на восьмой день он увидел жителей. Затем он обнаружил, что страна была малонаселенной расой, напоминающей татар. Он сошел на берег и установил дружеские отношения с колонией из девятнадцати человек, каждому из которых он подарил "острие нити", другими словами, иголку с ниткой. Несколько дней спустя пятеро членов команды были схвачены туземцами, а их лодка уничтожена. Залив, в котором это произошло, назывался Пролив Пяти человек. На следующее утро корабли подошли к берегу, выстрелили в кран и затрубили в трубу, но ничего не слышали о погибших моряках. Однако Фробишер в ответ поймал одного из туземцев, заманив его звоном колокольчика. Когда он оказался в плену, нам рассказывают, что "от сильной желчи и презрения он прикусил себе язык пополам во рту; несмотря на это, он не умер от этого, а жил до прибытия в Англию, а затем умер от простуды, которую подхватил в море". 26 августа "Фробишер" снялся с якоря и начал возвращаться в Англию, на палубах лежал снег глубиной в фут. Он прибыл в Ярмут 1 октября.

Один из матросов Фробишера привез с собой кусочек блестящего черного камня, в котором при исследовании оказалось бесконечно малое количество золота. Северо-Западный проход теперь стал предметом второстепенного интереса, а рудники в проливе Фробишера обещали более быструю и обильную отдачу. Созданное им общество решило отправить его в плавание заново, на судах, лучше оснащенных и снабженных провизией на более длительный период. Он покинул Блэкуолл 26 мая 1577 года на корабле ее Величества "Адъютант" водоизмещением сто восемьдесят тонн, за которым следовали "Габриэль" и "Майкл", его очевидной целью было открыть, что "Америка - это остров, окруженный морем, через который наши купцы могут иметь доступ со своими товарами, от этих наших самых северных частей Европы до тех восточных побережий Азии, к их немалым товарам и прибылям, которые часто доставляют или будут доставлять то же самое". Флот миновал Оркнейские острова 8 июня.

В течение месяца они плыли на запад, поскольку время года в этих широтах таково, что яркие сумерки сменяют дневной свет на те несколько часов, пока солнце находится за горизонтом; так что команда могла "наслаждаться своими книгами и другими удовольствиями, что

немаловажно для тех, кто блуждает по неизвестным морям и совершает длительные плавания, особенно когда и ветры, и бушующие волны идут своим обычным и привычным курсом". На протяжении всего путешествия они встречали огромные ели, которые, как они предполагали, были вырваны с корнем ветрами, сброшены в море наводнениями и унесены течением.

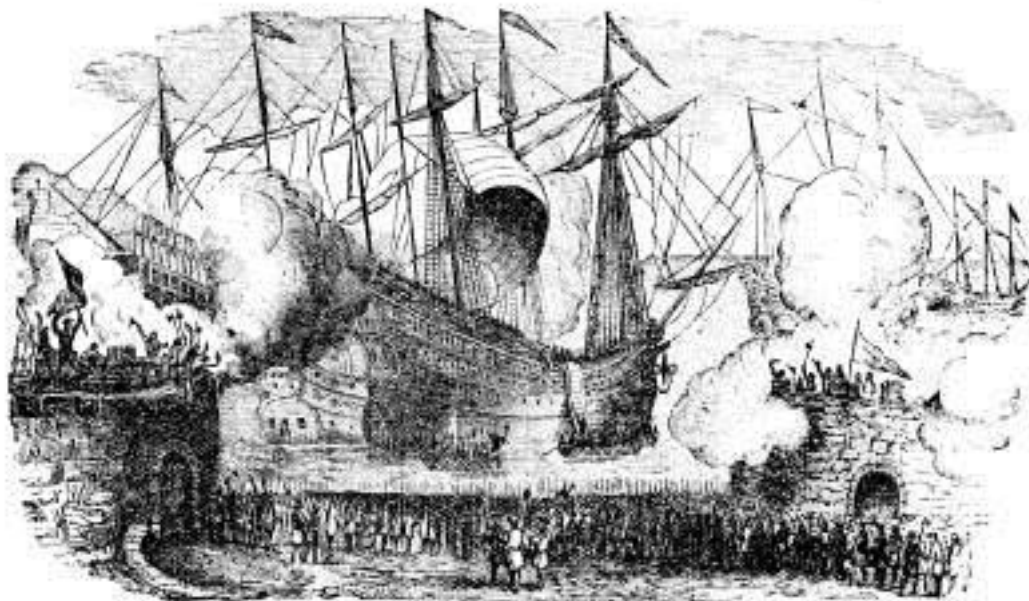
4 июля они достигли берегов Гренландии. Летописец этого путешествия, который, несомненно, недавно побывал в тропических широтах, отмечает, что здесь "вместо душистых запахов сладкой камеди и приятных звуков певчих птиц, которые есть в других странах более умеренного пояса, мы испытали в июле самые неистовые бореальные порывы ветра". В середине месяца они вошли в пролив Фробишера. По обе стороны простиралась земля, заключенная в объятия зимы под лучами летнего солнца. Фробишер не поверил, что холод был настолько сильным, что морская вода застыла, а прилив поднимался и опускался на расстояние двадцати футов. В десяти милях от берега он видел пресноводные айсберги и пришел к выводу, что они образовались на суше и по какой-то случайной причине оторвались. Он обследовал побережье на катере и проник на некоторое расстояние вглубь страны, вернувшись с отчетами о предполагаемых богатствах, которые он обнаружил в недрах бесплодных и замерзших гор. На борт одного из судов был взят груз в двести тонн драгоценной земли. 20 августа, говорится в повествовании, "настало время уходить: мужчины сильно устали, их обувь и одежда были изношены; днища их корзин были вырваны, а инструменты сломаны. У некоторых из-за перенапряжения были разбиты животы, а у других отнялись ноги. Примерно в это же время вода начала застывать и замерзать по ночам у бортов наших кораблей". Флот, который очень мало беспокоился о Северо-Западном проходе, сразу же отправился на юго-восток и прибыл в Англию к концу сентября.

Образцы руды были проанализированы и признаны удовлетворительными, а отчет Фробишера о маршруте в Китай был принят благосклонно. Королева дала исследованному региону название *Meta Incognita*, или Неизвестная граница. Правительство решило построить форт в проливе Фробишера и направить туда гарнизон и отряд рабочих. Тем временем Фробишер был отправлен в третий раз с теми же тремя судами и с конвоем из двенадцати грузовых судов, которые должны были вернуться груженными лабradorской рудой. Они отправились в плавание 31 мая 1578 года и достигли Гренландии 20 июня. В июле они вошли в пролив, где им грозила неминуемая опасность из-за штормов и льдов. Барк "Денис", изрядно помятый, стал "настолько дырявым, что больше не мог держаться над водой и затонул; это зрелище так ошеломило весь флот, что мы подумали, что нам следовало попробовать тот же соус". Шлюпки, однако, были укомплектованы людьми, и тонущая команда была спасена. Шторм усилился, и лед все больше и больше давил на них, так что они снесли свои топ-мачты. Они обрезали свои тросы, чтобы свисать за борт в качестве кранцев, "чтобы хоть как-то облегчить борта кораблей от сильных и унылых ударов льда. Так мы продолжали всю ту мрачную и прискорбную ночь, погруженные в это замешательство, ожидая немедленной смерти; но наш Бог, который никогда не оставляет обездоленными тех, кто верно взывает к нему, хотя он часто наказывает ради исправления, утром заставил ветер утихнуть и туман рассеяться. Таким образом, после наказания наступило утешение; и мы, радостные существа, оказавшись на свободе, подняли наши паруса и продолжали отбиваться".

Наконец, в конце июля те суда, которые не были отделены от корабля Фробишера, вошли в пролив графини Уорвик и приступили к добыче полезных ископаемых и погрузке грузов. Время от времени туземцы приставали к шахтерам, но никто из них не погиб. Они погрузили на борт нескольких своих кораблей пятьсот тонн руды и 1 сентября отплыли со своим

драгоценным грузом в Англию, куда прибыли через тридцать дней. Руда оказалась совершенно бесполезной — результат настолько унижительный, что на долгие годы вызвал у англичан отвращение к горнодобывающим предприятиям и открытиям. Мы еще услышим о Фробишере в связи с Фрэнсисом Дрейком и конфликтом с испанской армадой.

Гравюра на противоположной странице, скопированная с оригинала того периода, представляет часть королевского флота Англии времен Генриха VIII. Король отправляется в Дувр до встречи с Франциском Французским на Поле Золотой Скатерти. Это зрелище на море было подходящей прелюдией к празднествам, последовавшим на суше.

ГЕНРИХ VIII. ВЫСАДКА В ДУВРЕ.

ФРЭНСИС ДРЕЙК.

ГЛАВА XXVI.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПИРАТСТВА—СЭР ДЖОН ХОКИНС—ФРЭНСИС ДРЕЙК—ЕГО ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ К ИСПАНСКИМ БЕРЕГАМ—ПОРУЧЕНИЕ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ—ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ИСПАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ—ПОДВИГИ При МОГАДОРЕ И САНТЬЯГО—ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦЫ—ПРИБЫТИЕ В ПАТАГОНИЮ—СУД И КАЗНЬ ДАУТИ—ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ УИЛЬЯМА ПИТЧЕРА И СЕМИ ЧЕЛОВЕК—МЫС ГОРН—ПРИБЫТИЕ В ВАЛЬПАРАИСО—ОГРАБЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Таким образом, мы показали, что, в то время как испанцы и португальцы одержали триумфальную победу в своих морских экспедициях, англичане потерпели катастрофическую неудачу в своих. Тропики находились в исключительном владении двух первых наций; и единственные два известных маршрута, по которым туда могли плавать корабли, также находились в их власти. Эти две нации были католическими: Англия была протестантской и поэтому, как казалось, была лишена своей законной доли в богатствах мира. До сих пор она растрачивала свои средства впустую и подвергала опасности жизни своих граждан в бесплодных попытках найти для себя путь на северо-запад или северо-

восток, в земли золота и камеди. Потерпев неудачу в этих усилиях, она позволила, если не поощряла, определенному классу своих подданных участвовать в системе ведения войны против Испании, которую нельзя охарактеризовать более мягким термином, чем пиратство. Тем не менее, те, кто прибегал к этому, приводили готовые аргументы, доказывающие, что они были далеки от участия в пиратских действиях, а участвовали в открытой войне и в честном деле. Испания и Англия находились в состоянии явной вражды, настаивали они, более ожесточенной с обеих сторон, чем если бы они открыто воевали. Ни один английский подданный, торгующий в испанских владениях, не был в безопасности, если только он не был римским католиком или, будучи еретиком, не поддавался угрозам или пыткам Святой инквизиции. Английский народ возмутился этим безобразиям еще до того, как ими занялось британское правительство; и пострадавшие стороны, призвав к себе на помощь всех людей авантюрного духа или разбитого состояния, отправились в море, если не с поручением, то по крайней мере при попустительстве короны, чтобы самим отомстить за причиненные им обиды. Они не считали себя пиратами из-за этого молчаливого разрешения, данного правительством, из-за того факта, что они вели военные действия не против всех, кто пересекал море, а только против испанцев, и из—за риска, которому они подвергались, - ведь в случае захвата врагом им не приходилось ожидать пощады. Таким образом, в Англии вошло в моду для людей с отчаянным состоянием и испорченным характером пытаться вернуть одно и искупить вину другого, совершая походы против испанцев.

Среди первых авантюристов этой марки был некий сэр Джон Хокинс. Какое-то время его подвиги были блестящими и успешными; однако в конце концов они обернулись катастрофой, и один из его молодых родственников, по имени Фрэнсис Дрейк, был дискредитирующе вовлечен в них. Последний вложил все свои средства в эту авантюру и потерял в ней все свои деньги и немалую репутацию, ибо ослушался приказа и бросил своего благодетеля и начальника в трудную минуту. Однако он благополучно доставил свое судно — "Юдифь" водоизмещением в пятьдесят тонн — домой.

Теперь Дрейк решил навсегда посвятить себя беззаконной, но захватывающей карьере, свидетелем нескольких интересных эпизодов которой он недавно стал. Прошло много времени, прежде чем он смог найти средства для организации экспедиции под своим собственным командованием. Наконец он купил и снарядил два судна — одно водоизмещением двести пятьдесят тонн, другое — семьдесят, - укомплектовал их семьюдесятью тремя людьми и отплыл в испанские владения в Америке. Он атаковал и взял город Номбре-де-Диос на Дариенском перешейке, но вскоре был вынужден отступить. Впоследствии он взял Вента-Крус на том же перешейке, и ему посчастливилось встретить три каравана мулов, груженных золотом и серебром, следовавших из Панамы в Номбре-де-Диос. Он унес золото и закопал серебро. С вершины горы ему открылся вид на Тихий океан или Южное море, который настолько воспламенил его энтузиазм, что он вознес горячую молитву о том, чтобы стать первым англичанином, который поплывет по нему. Он уже был первым англичанином, увидевшим это.

Вернувшись в Англию со своим сокровищем, он на некоторое время записался добровольцем на службу против Ирландии, ожидая возможности осуществить задуманный им грандиозный проект. Наконец сэр Кристофер Хаттон, вице-камергер и советник королевы, представил его Елизавете, которой Дрейк поделился своим планом опустошения испанских владений в Южном море. Королева выслушала его, но дала ли она ему поручение или просто заверила в своих благосклонных чувствах - вопрос спорный. Утверждается, что она дала ему меч и произнесла эти странные слова: "Мы действительно считаем, что тот, кто нападает на тебя, Дрейк, нападает на нас!" За свой счет и с помощью друзей и партнеров по

предприятию он снарядил экспедицию, состоящую из пяти кораблей— самого большого, "Пеликан", его флагмана, водоизмещением в сто тонн, и самого маленького - в пятнадцать. На этих судах находилось сто пятьдесят четыре человека. Они вынесли шпангоуты четырех катеров, которые должны были быть собраны по мере необходимости, и, по примеру португальцев во время их первых восточных путешествий, взяли с собой образцы искусства и цивилизации своей страны, с помощью которых могли воздействовать на умы людей, с которыми им предстояло соприкоснуться. Они отплыли в ноябре 1577 года, но были отброшены назад бурей. Экспедиция, наконец, вышла в море 13 декабря.

На острове Могадор, у берегов Берберии, Дрейк попытался наладить торговлю с маврами и при обмене заложниками потерял человека, которого захватили туземцы; затем они отказались торговать, и Дрейк, после тщетных попыток вернуть моряка, покинул остров и направился вдоль африканского побережья на юг. Между Могадором и мысом Бланко он захватил несколько испанских барков, называемых кантерами, — один из которых, водоизмещением в сорок тонн, он принял в состав своего флота, отправив своих пленников на "Кристофере", пятнадцатитонном катере и одном из первоначальных пяти судов. Он высадился на острове Майо, где жители засыпали свои колодцы, покидали свои дома и уводили своих коз. У острова Сантьяго он сел на португальское судно, направлявшееся в Бразилию, на борту которого находилось множество пассажиров и которое было нагружено вином. Он оставил пилота Нуно да Сильву, подарил пассажирам и экипажу катер и перелил вино на "Пеликан". Призом он сделал одну из флотилий, дав ей команду из двадцати восьми человек.

У мыса Верд Дрейк покинул африканский берег и, неуклонно держа курс на юго-запад, девять недель не видел земли. Оказавшись вблизи экватора, он подготовил своих людей к смене климата, собственноручно обескровив их всех. Он достиг берегов Бразилии 4 апреля 1578 года — дикие жители разводили большие костры при их приближении с целью, как он узнал от Сильвы, побудить их дьяволов разрушать корабли у их побережья. 27-го он вошел в Рио-де-ла-Плата и, плывя вверх по течению, пока не нашел воды глубиной всего в три сажени, наполнил свои бочки у борта корабля. В ту же ночь португальский приз, теперь названный "Мэри" и находившийся под командованием Джона Даути, расстался с компанией, как и двумя днями позже испанский галоп, получивший название "Кристофер" в честь катера, на который его обменяли. Дрейк, полагая, что они спрятались на мелководье, построил плот и отправился на их поиски.

ДРЕЙК И ЕГО ПЛОТ.

В начале июня Дрейк высадился на побережье Патагонии, где разломал "Лебедь" весом в пятьдесят тонн на дрова, предварительно сняв с него все, что могло пригодиться, — его целью было уменьшить количество кораблей и вероятность разделения, а также сделать свои силы более компактными. Его люди легко убили двести пятьдесят тюленей за час, что обеспечило им вполне сносную пищу. Они вступили в очень приятные отношения с туземцами, радуя их звуками своих труб, опьяняя канареечным вином и танцуя с ними в своей собственной дикой и экстравагантной манере. Туземцы дали Дрейку досадное доказательство своей ловкости и сообразительности, стащив у него с головы шляпу и сведя на нет все попытки вернуть ее. Вскоре после отплытия из этого места, названного Дрейком Силовой бухтой, флот снова столкнулся с "Кристофером", который Дрейк приказал разгрузить и пустить по течению. Вскоре он встретил португальскую "Марию", и 20-го числа вся эскадра бросила якорь в гавани, названной Магелланом Порт-Джулиан. Была предпринята попытка вступить в сношения с индейцами, но была прекращена из-за начавшейся дикарями драки, в которой были убиты двое англичан и один из их собственного отряда. За все время их двухмесячного пребывания в гавани туземцы больше не предпринимали попыток приставать к незнакомцам.

ДРЕЙК И ПАТАГОНЦЫ.

Теперь последовало очень трагическое событие. Магеллан, как мы уже говорили, подавил в этом месте опасный мятеж, повесив нескольких непокорных. Виселица все еще стояла, и под ней теперь белели кости казненных. Дрейк предчувствовал подобную опасность, и его побудили расследовать действия Джона Даути. В ходе своего расследования он выяснил, что Даути взялся за это предприятие скорее в надежде подняться до главного командования, чем остаться тем, кем он начал, — джентльменом-волонтером: у него, казалось, были планы вытеснить Дрейка, подняв мятеж, и уплыть на одном из кораблей за свой счет. Всю компанию созвали и ознакомили с подробностями; Даути предстал перед судом за попытку

разжигания мятежа, был признан виновным и приговорен к смертной казни сорока комиссарами, выбранными из числа различных экипажей. Даути причастился вместе с Дрейком и несколькими его офицерами, обедал с ними за одним столом и последним бокалом вина, который он когда-либо подносил к губам, выпил за их здоровье и пожелал им прощания. Он подошел к месту казни, не проявляя необычных эмоций, обнял генерала, попрощался с присутствующими, вознес молитву за королеву и ее королевство, а затем был обезглавлен возле виселицы Магеллана. Дрейк обратился к собравшимся, призывая их к единству и послушанию, и приказал им подготовиться к принятию святого причастия в следующую субботу, первое воскресенье месяца.

ДРЕЙК ОСУЖДАЕТ ДАУТИ.

Эта трагедия была приукрашена множеством причудливых дополнений со стороны апологетов Дрейка, а со стороны его клеветников - множеством ложных заявлений. Первый утверждает, что Дрейк после осуждения Даути предложил ему на выбор три альтернативы: либо быть казненным в Патагонии, высадиться на берег и уехать, либо быть отправленным обратно в Англию, чтобы там отвечать за свои поступки перед лордами Совета ее Величества; и что Даути ответил, что он не подвергнет свою душу опасности, оставаясь среди диких неверных; что касается возвращения в Англию, то, если найдется кто—нибудь, готовый сопровождать его в столь позорном поручении, позор возвращения будет очень велик. более тяжкий, чем смерть; поэтому он предпочел закончить свою жизнь там, где был, — выбор, от которого никакие доводы не могли его переубедить. Эти утверждения вряд ли могут быть верными, поскольку ничего подобного не говорится в отчете о путешествии, данном Флетчером, капелланом экспедиции. Крайне маловероятно, что Даути, если бы признавал свою невиновность, отклонил бы предложение о судебном разбирательстве в Англии; в то же время маловероятно, что такое предложение когда-либо делалось, поскольку Дрейк вряд ли смог бы выделить корабль, на котором можно было бы отправить заключенного домой. Разные авторы придерживаются разных мнений по этому вопросу. Адмирал Берни считал, что заявления слишком несовершенны для формирования мнения, а весь вопрос слишком деликатен, чтобы его выражать. Доктор Джонсон писал по этому поводу следующее: "Трудно себе представить, какие планы Даути мог бы вынашивать с какой-либо надеждой на успех или к каким действиям, достойным смерти, он мог бы прибегнуть без сообщников. Также, с другой стороны, не возникает никакого искушения, вызванного надеждой, страхом или интересом, которые могли бы побудить Дрейка или любого другого командира в его штате предать смерти невинного человека под ложным предлогом". Саути в своей книге "Жизнь адмиралов" склонен считать, что Дрейк вправе подавать суровый пример. Харрис придерживается мнения, что этот поступок был "самым

опрометчивым и достойным порицания в карьере адмирала". Сильва, португальский пилот Дрейка, однажды сказала, что Даути был наказан за попытку отказаться от экспедиции и вернуться в Англию, и поэтому, очевидно, считала, что для его казни был достаточный мотив. И стоит отметить, что испанцы, которые никогда не упускали возможности огорошить Дрейка, в данном случае превозносили его за бдительность и решительность. Даути был похоронен на острове в гавани вместе с телами двух мужчин, убитых в схватке с дикарями.

Португальский приз, обнаруженный теперь дырявым и доставляющим много хлопот, был разбит, и флот, таким образом, сократился до трех. 21 августа Дрейк вошел в Магелланов пролив, став вторым командиром, когда-либо совершавшим плавание через него. Он преодолел пролив за шестнадцать дней и вошел в Южное море 6 сентября. Здесь "Мэриголд" погибла во время ужасного шторма, а "Элизабет", будучи разлученной с судном Дрейка, некоторое время бродила в поисках его, а затем отплыла в Англию, где ее капитан был опозорен за то, что бросил своего командира. Дрейка отбросило от бухты расставания друзей, как он назвал место, в котором он потерял из виду "Элизабет", и понесло на юг, к побережью Огненной Земли, где он был вынужден покинуть свою якорную стоянку и бросить на произвол ветров катер с восемью матросами и дневным запасом провизии.

Страдания, выпавшие на долю этих восьми человек, вряд ли имеют себе равных в анналах морских катастроф. Они добрались до берега, засолили и высушили пингвинов для еды и плыли дальше, пока не достигли Платы. Шестеро из них высадились на берег, и четверо из этих шестерых были взяты индейцами в плен. Двое других были ранены при попытке спастись на лодке, как и двое оставшихся за старшего. Этим четверым удалось добраться до острова в девяти милях от побережья, где двое из них скончались от полученных ран. Двое других прожили два месяца на крабах и угрях и фрукте, похожем на апельсин, который был единственным имеющимся у них средством утолить жажду. Однажды ночью их лодка разбилась вдребезги о скалы. Не в силах больше терпеть нехватку воды, они попытались грести, чтобы пристать к доске длиной в десять футов. Это была кропотливая работа, длившаяся три дня и две ночи. Они нашли ручеек с пресной водой, и один из них, Уильям Питчер, не сумев устоять перед искушением выпить лишнего, умер от ее последствий через полчаса. Его спутник девять лет находился в плену у индейцев, когда ему разрешили вернуться в Англию.

Дрейк, после потери катера, был снова направлен на юг и, выражаясь причудливым языком того времени, "попал в самую отдаленную часть суши по направлению к Южному полюсу, где Атлантический океан и Южное море встречаются на большом и свободном пространстве". Он увидел мыс, с тех пор называемый мысом Горн, и бросил там якорь: он дал название Элизабетидес всем островам, лежащим по соседству. Поскольку он не удвоил этот мыс и не дал ему названия, отважным мореплавателям Шаутену и Лемэру оставалось продемонстрировать его важность, обогнув его из одного океана в другой, чего Дрейк, как следует заметить, не сделал. Однако он сошел на берег и, перегнувшись через скалу, которая дальше всех выступала в море, вернулся на корабль и сказал команде, что побывал дальше к югу, чем кто-либо из живущих на земле. 29 ноября он бросил якорь у острова Мокко, в течение четырех недель двигаясь на север вдоль побережья Южной Америки. Он высадился с десятью людьми и подвергся нападению индейцев, которые приняли их за испанцев. Двое из его людей были убиты, все они стали инвалидами, а сам он тяжело ранен стрелой под правым глазом. Ни один из нападавших не пострадал. Дрейк не предпринял никаких попыток отомстить за это неспровоцированное нападение, поскольку было очевидно, что оно было начато под влиянием ошибочного представления о том, что они

были испанцами, чьи зверства сделали каждого уроженца страны своим врагом. В тот же день он отплыл в Перу.

В начале декабря он узнал от индейца, которого застали ловящим рыбу в его каноэ, что тот проплыл в двадцати милях от порта Вальхарио, ныне Вальпараисо, и что в этом порту стоит хорошо нагруженный испанский корабль. Дрейк приплыл в это место, где обнаружил корабль, стоящий на якоре, с восемью испанцами и тремя неграми на борту. Они, приняв вновь прибывших за друзей, — ибо испанцы еще никогда не видели врага в этом океане, — приветствовали их барабанным боем и трубой и открыли кувшин чили-вина, чтобы выпить за их здоровье. Томас Мур, бывший капитан катера Christopher pinnase, был первым, кто поднялся на борт ничего не подозревающего судна. Он с размаху накинулся на него, после чего главный испанец перекрестился и прыгнул за борт. Остальные были легко закреплены под люками. Трофей был ограблен, и у нее забрали тысячу семьсот семьдесят кувшинов чили-вина, шестьдесят тысяч золотых монет и несколько нитей жемчуга. Затем был разграблен жалкий городок, состоящий из девяти семей, которые сразу же бежали в глубь страны. Из бедной маленькой церкви украли серебряную чашу, два графина и ткань, которой был накрыт алтарь. Склад был вынужден избавиться от запасов чили-вина и кедровых досок. Так Дрейк, вооруженный с санкции Елизаветы, королевы Англии, ограбил горстку безобидных людей, надежно стоявших на якоре на мирном рейде, которые приветствовали их прибытие музыкой и вином. Так Дрейк совершил святотатство в христианской церкви и обставил кают-компанию своего корабля из остатков католического алтаря. Даже Саути признает, что в этом деле Дрейк не заслуживает иного названия, кроме пирата. И мы увидим, что он с равной степенью заслужил его за все время своего пребывания на побережье.

МОРСКИЕ АНЕМОНЫ.

ГЛАВА XXVII.

ПОДВИГ ДРЕЙКА Со СПЯЩИМ ИСПАНЦЕМ —ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ В КАЛЪЯО—БИТВА С КОРАБЛЕМ С СОКРОВИЩАМИ-ДРЕЙК ДАЕТ КВИТАНЦИЮ ЗА СВОЙ ГРУЗ—ПИШЕТ ТРОГАТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ—ЕГО ПЛАНЫ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДОМОЙ—СВЕЖИЕ ПОИМКИ—ВЫСТУПЛЕНИЯ В ГУАТУЛЬКО И АКАПУЛЬКО—ДРЕЙК УВОЛЬНЯЕТ СВОЕГО ЛОЦМАНА—ЧРЕЗВЫЧАЙНО ХОЛОДНАЯ ПОГОДА—КАЛИФОРНИЙЦЫ СЧИТАЮТ ДРЕЙКА БОГОМ—ОТПЛЫВАЕТ На МОЛУККСКИЕ ОСТРОВА—ПОСЕЩАЕТ ТЕРНАТЕ И ЦЕЛЕБЕС—ПЕЛИКАН На РИФЕ—ОБРАТНЫЙ РЕЙС—ПРОТЕСТ ИСПАНСКОГО ПОСЛА—ОН НАЗЫВАЕТ ДРЕЙКА ХОЗЯИНОМ — ВОР ИЗ НЕВЕДОМОГО МИРА -КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА НА БОРТУ "ПЕЛИКАНА"—

КАК ДРЕЙК РАСПОРЯДИЛСЯ СВОИМ СОСТОЯНИЕМ—ЕГО СМЕРТЬ—ПУТЕШЕСТВИЕ ДЖОНА ДЭВИСА НА СЕВЕРО—ЗАПАД.

Через две недели после выхода из Вальпараисо Дрейк бросил якорь в устье Кокимбо. Отряд водоплавающих, отправленный на берег, едва успел спастись от отряда из пятисот конных и пеших. В другом месте, называемом Тарапака, поливальщики нашли спящего испанца и забрали у него тринадцать слитков серебра стоимостью в четыре тысячи дукатов. Саути заявляет, как будто это было проявлением великодушия, что спящему человеку не было причинено никакого вреда. Затем они захватили восемь лам, у каждого из которых было по сто фунтов серебра. В Арике они нашли два корабля, стоявших на якоре, на борту каждого из которых находилось по одному негру: с одного они взяли сорок слитков серебра, а с другого двести кувшинов вина. Поскольку Пеликан был более чем достойным противником для двух негров, последний благоразумно не оказал сопротивления. Дрейк прибыл в Кальяо, порт Лимы, — Лима была столицей Перу, — еще до того, как стало известно, что вражеский корабль вошел в воды Тихого океана. Он немедленно поднялся на борт барки, груженной шелком, которую согласился оставить нетронутой при условии, что владелец доставит его в Кальяо, что он и сделал. Здесь Дрейк обнаружил семнадцать кораблей, двенадцать из которых спустили свои паруса на берег, так что они были беспомощны, как бревна. Он отобрал у них серебро, шелк и лен, а затем перерезал тросы и пустил их дрейфовать в море. Узнав, что богато нагруженный корабль с сокровищами, названный "Какафуэго", недавно отплыл в Пайту, он немедленно бросился в погоню. Он остановил судно, направлявшееся в Кальяо; и такова была его жажда наживы, что он взял с него маленькую серебряную лампу, единственный ценный предмет на борту. На корабле, направлявшемся в Панаму, он нашел сорок слитков серебра, восемьдесят фунтов золота и золотое распятие, украшенное крупными изумрудами. Вскоре после пересечения границы "Какафуэго" был обнаружен в десяти милях к морю братом Дрейка Джоном. Ходовые качества "Пеликана" теперь улучшились благодаря тому, что Сильва, лоцман, называет "красивым устройством". Пустые банки наполнили водой и подвесили на веревках над кормой, чтобы облегчить нос судна. Испанец, не подозревая о противнике, направился к нему, после чего Дрейк дал по нему три бортовых залпа, сбил грот-мачту за борт и ранил капитана. Затем он сдался. Дрейк вступил во владение кораблем, отплыл с ним два дня и две ночи от побережья, а затем залег, чтобы застрелить его. Он забрал у нее огромное количество жемчуга и драгоценных камней, восемьдесят фунтов золота, двадцать шесть тонн серебра в слитках, большая часть которого принадлежала королю, и тринадцать ящиков чеканного серебра. Стоимость этого приза была недалеко от миллиона долларов. Затем, как будто он был вовлечен в законную коммерческую сделку, Дрейк попросил у капитана его реестр груза и написал на полях квитанцию на всю сумму!

"Призу", таким образом, облегченному от металлического груза, было разрешено отбыть. Ее капитан получил от Дрейка письмо о безопасности на случай, если он встретится с "Элизабет" или "Мэри". Это письмо примечательно своим глубоким и трогательным благочестием. Представив ограбленного капитана дружественному вниманию Винтера и Томаса, Дрейк заключает следующим образом: "Я вверяю вас всех наставлениям Того, кто своей кровью искупил нас, и я искренне надеюсь, что у нас больше не будет неприятностей, но что Он поможет нам в беде; желая вам, ради страстей Христовых, если вы попадете в какую—либо опасность, чтобы вы не отчаивались в Божьей милости, ибо Он защитит вас и сохранит от всех опасностей, и приведет нас в наше желанное пристанище: ему да будет вся честь, и хвала, и милосердие". слава во веки веков. Аминь.

"Ваш скорбящий капитан,

Чье сердце тяжело из-за тебя,

Фрэнсис Дрейк.

Теперь Дрейк считал свою цель в этих морях достигнутой: унижения, нанесенные испанцами его королеве и стране, были отомщены, и их торговля была практически уничтожена. Затем он рассмотрел различные планы возвращения домой со своей добычей. Он считал невозможным вернуться тем путем, которым пришел: все побережье Чили и Перу было в тревоге, и, несомненно, были отправлены корабли, чтобы перехватить его. Более того, время года (а сейчас был февраль 1579 года) было неблагоприятным ни для прохождения пролива, ни для удвоения мыса. Он мог бы следовать курсом Магеллана и таким образом совершить кругосветное плавание, но его смелому и изобретательному уму это казалось лишь жалким подражанием. Ему пришла в голову идея открыть Северо-Западный проход и вернуться в Англию Северным полярным морем. Поэтому он поплыл на север, достигнув побережья Никарагуа в середине марта. Здесь он захватил небольшое судно, груженное сарсапариллой, маслом и медом. Соседний остров снабжал его древесиной и рыбой: аллигаторы и обезьяны также водились там в изобилии. Судно из Манильи, которое он захватил, пока его команда спала, пополнило его запасы большим количеством муслина, китайского фарфора и шелков. Негр, взятый с этого судна, привел его в гавань Гватулько на побережье Мексики, населенную семнадцатью испанцами и несколькими неграми. Дрейк обыскал это место, но не может похвастаться никакой другой добычей, кроме горсти серебряных монет и золотой цепочки, которые Томас Мун снял с лица сбежавшего губернатора. В Акапулько он застал нескольких испанцев, занятых судом и осуждением группы несчастных туземцев. Он разогнал суд и отправил обоих судей и заключенных на борт своего судна.

ДРЕЙК ПРЕРЫВАЕТ ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В АКАПУЛЬКО.

Перед отъездом из Акапулько Дрейк посадил лоцмана Нуно да Сильву, которого он взял с собой на мысе Вердс, на борт корабля в гавани, чтобы тот, как можно лучше, нашел дорогу обратно в Португалию. Затем он проплыл четыре тысячи пятьсот миль в разных направлениях, пока не оказался в пронзительно холодном климате, где мясо замерзло, как только его снимали с огня. Это было на сорок восьмой северной широте. Поэтому он отплыл обратно на десять градусов и бросил якорь в превосходной гавани на побережье Калифорнии. Многие авторитетные источники считают, что эта гавань является нынешним заливом Сан-Франциско. Туземцы, которых европейцы посетили всего один раз — при португальце Кабрильо, тридцать семь лет назад, — не научились не доверять им и с готовностью вступили в торговые и дружеские отношения с отрядом Дрейка. От индейцев

последние получали большое количество травы, которую они называли *табаки* которая, несомненно, была табаком. Калифорнийцы вскоре стали считать чужаков богами и оказывали им религиозные почести. Король уступил Дрейку все права на окружающую страну и предложил стать его подданным. Таким образом, он вступил во владение короной и достоинством указанной территории от имени и для использования ее величеством королевой. Калифорнийцы, как нам рассказывают, сопровождали этот акт капитуляции триумфальной песней и танцем, "потому что их не только посетили боги, но и великий и главный бог теперь стал их богом, их королем и покровителем, а они сами стали единственными счастливыми и благословенными людьми во всем мире". Дрейк назвал страну Новый Альбион, в честь Старого Альбиона или Англии. Он установил памятник, свидетельствующий о "праве и титуле королевы на то же самое, а именно, табличку, прибитую к красивому большому столбу, на котором было выгравировано имя ее величества с указанием дня и года прибытия". Пробыв в гавани пять недель, Дрейк 23 июля снялся с якоря, решив отказаться от любых дальнейших попыток в северных широтах и взять курс на Молуккские острова по примеру Магеллана.

13 октября он обнаружил несколько островов на восьми градусах северной широты, и вскоре его окружили каноэ, груженные кокосовыми орехами и фруктами. Эти каноэ были выдолблены из цельного бревна с замечательным искусством, были гладкими, как полированный рог, и повсюду украшены густо посаженными раковинами. Уши туземцев сильно отвисали под тяжестью украшений, которые они носили. Их ногти были длинными и острыми и, очевидно, использовались как оружие. Их зубы были черными, как смоль, — эффект, полученный при употреблении корня бетеля. Эти люди были дружелюбны и склонны к коммерции. Дрейк посетил другие группы, где основным занятием туземцев была продажа корицы португальцам. В Тернате, одном из Молуккских островов, король предложил Дрейку верховную власть над островами и послал ему подарки из "некачественного и жидкого сахара" — вероятно, патоки, - "риса, птицы, гвоздики и муки, которую они называли сагу, или хлеб, приготовленный из верхушек определенных деревьев, на вкус напоминающий кислый творог, но тающий, как сахар, из которого они делали определенные лепешки, которые можно хранить в течение десяти лет, и все же их можно есть". Дрейк пробыл здесь шесть дней, запаса большим количеством гвоздики и отплыл 9 ноября. На маленьком острове близ Целебеса, где он построил свою кузницу и тщательно отремонтировал корабль, он и его люди увидели зрелища, которые они описали в несколько преувеличенных выражениях: "высокие деревья без ветвей, за исключением пучка на самой верхушке, в которых рои огненных червей, летающих в воздухе, устраивали представление, как будто каждая веточка была горящей свечой; летучие мыши размером больше крупных кур — очень уродливая домашняя птица; раки, или сухопутные крабы, одного из которых хватало на четырех человек, и которые выкапывали огромные пещеры под корнями деревьев". или, за неимением лучшего убежища, забирался на деревья и прятался в развилках ветвей". Это место было соответствующим образом названо Крабовым островом.

9 января 1580 года корабль налетел на каменистую отмель и прочно застрял. Команду сначала призывали к молитве, а затем приказали облегчить корабль. Было выброшено три тонны гвоздики, восемь ружей и некоторое количество муки и бобовых. Один авторитетный источник ясно говорит, что в воду не было выброшено ни золота, ни серебра, хотя это была самая тяжелая часть груза; другой авторитетный источник утверждает обратное в следующем отрывке: "Полагая, что лучший способ облегчить корабль - это облегчить свою совесть, они смирили себя постом, а затем вкусили Христа в причастие, не ожидая ничего иного, как поужинать с ним на небесах. Затем они выбросили за борт своего корабля шесть огромных орудий, выбросили за борт столько богатств, что у скряги разорвалось бы сердце

при мысли об этом, вместе с большим количеством сахара и тюками специй, превратив море в кашу вокруг ". Корабль, наконец, освободили, и он снова отправился в путь. Его приключения с этого момента не имеют особых особенностей: он останавливался на Яве, мысе Доброй Надежды и в Сьерра-Леоне. В последнем месте Дрейк увидел стада слонов и устриц, привязанных к веткам деревьев и ниточками свисающих в воду.

Дрейк прибыл в Плимут после двухлетнего и десяти месяцев плавания. Подобно Магеллану, он обнаружил, что потерял день в своих расчетах. Он немедленно отправился ко двору, где был любезно принят, однако его сокровища были наложены на арест в соответствии с любыми требованиями, которые могли быть предъявлены к ним. Дрейк был осужден во многих кругах как пират, в то время как в других были составлены сборники песен и эпиграмм, прославляющих его и его корабль в самых высоких выражениях. Испанский посол Бернардино де Мендоса, назвавший его Главным Вором Неизвестного мира, потребовал, чтобы он был наказан в соответствии с законами других стран. Елизавета твердо отстаивала свое право плавания по океану во всех частях света и отрицала, что предоставление папой монополии в Индии испанцам и португальцам имело для нее какое-либо обязательное действие. Однако она уступила настолько, что вернула агенту нескольких торговцев, которых Дрейк ограбил, крупные суммы денег. Однако оставалось достаточно, чтобы сделать экспедицию вознаграждающей для похитителей. Затем королева в ходе помпезной и торжественной церемонии дала всему этому делу официальную правительственную ратификацию. Она приказала поставить корабль Дрейка на якорь в небольшой бухте близ Дептфорда, чтобы сохранить его как памятник самому памяtnому путешествию, которое когда-либо совершали англичане. Она поднялась на его борт и приняла участие в банкете вместе с командиром, который, преклонив колени у ее ног, поднял сэра Фрэнсиса Дрейка. Студенты Вестминстера начертали на грот-мачте латинское четверостишие, переводом которого являются следующие строки:

"Сэр Дрейк, которого хорошо знает край света, который ты обогнул по циркулю,
И который видел оба полюса небес — которые пересекают север и юг, —
Звезды над головой дадут о себе знать, если люди здесь будут молчаливы:
Само солнце не может забыть своего спутника".

Корабль стоял в Дептфорде, пока не сгнил и не развалился на куски: из одной из его досок был сделан стул и подарен Оксфордскому университету, где его можно увидеть до сих пор.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ПОСВЯЩАЕТ ДРЕЙКА В РЫЦАРИ.

Таково было первое кругосветное путешествие, совершенное англичанином. Успех Дрейка пробудил дух и гений мореплавания в английском народе и, можно сказать, в немалой степени способствовал тому военно-морскому превосходству, которое они впоследствии приобрели. Если, в соответствии с веяниями времени, он был в такой же степени пиратом, как и мореплавателем, и смешивал грабеж и благочестие, молитву и мародерство в примерно равных пропорциях, и об этом следует судить соответственно, он, по крайней мере, благородно распорядился нажитым состоянием, помогая королеве в ее войнах с Испанией и поощряя строительство общественных сооружений. На собственные средства он построил акведук длиной двадцать миль, по которому снабжал Плимут водой. Он погиб в море, командуя экспедицией против испанских островов Вест-Индии. Он не писал никаких отчетов о своих приключениях и открытиях. Книга, опубликованная Нуно да Сильвой, его португальским пилотом, чьи заявления были подтверждены офицерами, послужила основой для различных существующих повествований.

Здесь мы можем кратко сослаться на попытку, предпринятую в 1585 году при содействии английского правительства Джоном Дэвисом, моряком признанных способностей, на двух кораблях "Саншайн" и "Муншайн", открыть Северо—Западный проход. После шестинедельного путешествия он увидел на 60 ° северной широты гористый, скованный льдами мыс. Это была юго-западная точка Гренландии, и он дал ей название мыс Запустения, которое она сохранила до сих пор. Теперь он плыл на северо-запад, открывал острова, побережья и гавани, которым давал соответствующие названия. Таким образом, он был первым, кто вошел в пролив, носящий его имя, и за которым Баффину тридцать лет спустя предстояло открыть обширный залив, который, в свою очередь, должен был носить его имя. Дэвис совершил два последующих плавания в эти воды в поисках прохода через континент, но, за исключением открытия пролива Дэвиса, не совершил ничего, что нуждалось бы в описании здесь. Это единственное открытие, однако, было одним из важнейших, поскольку оно послужило стимулом для исследований и побудило к дальнейшим усилиям в этом направлении. Тем не менее, должно было пройти более двух столетий, прежде чем был достигнут успех.

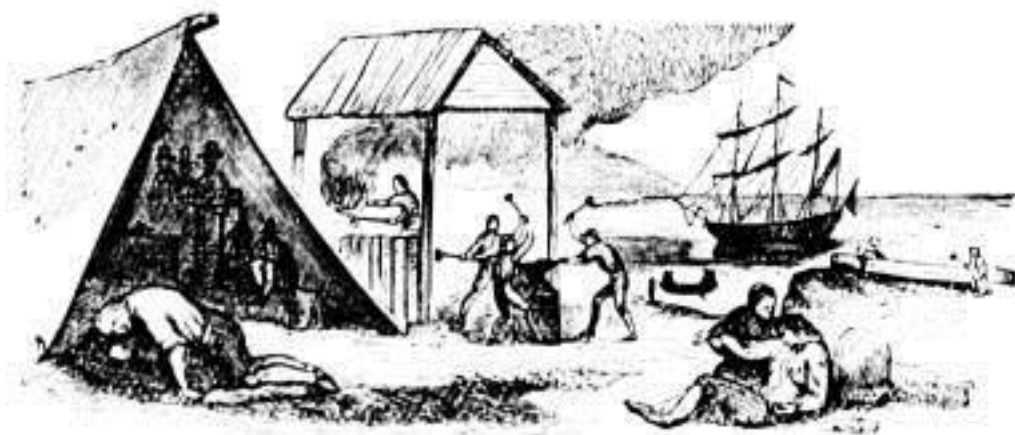

БРИТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ 1578 ГОДА С ГОБЕЛЕНА В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ.

ГЛАВА XXVIII.

ПОЛИТИКА КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ—ТОМАС КАВЕНДИШ—ЕГО ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ—ПОДВИГИ НА АФРИКАНСКОМ И БРАЗИЛЬСКОМ ПОБЕРЕЖЬЯХ—ПОРТ ДЕЗИРЕ—ГОЛОД В ПОРТУ—СРАЖЕНИЯ С АРАУКАНЦАМИ—ЗАХВАТ ПАЙТЫ—ОГРАБЛЕНИЕ ЦЕРКВИ—НЕОДНОКРАТНЫЕ АКТЫ РАЗБОЯ—ЗАХВАТ САНТА—АННЫ—ОБРАТНЫЙ РЕЙС—ОТЧЕТ КАВЕНДИША ОБ ЭКСПЕДИЦИИ—ИСПАНСКАЯ АРМАДА—ПРИГОТОВЛЕНИЯ В АНГЛИИ—КОНФЛИКТ—ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ "НЕПОБЕДИМЫХ"—ПРОЦЕССИЯ В ПАМЯТЬ ОБ ЭТОМ СОБЫТИИ.

Королева Елизавета сочла для себя выгодным поощрять проявления общественного духа у частных лиц и побуждать дворян и состоятельных людей, стремившихся к отличиям, а также неимущих в поисках работы рисковать, одних своим богатством, других своей жизнью, на государственной службе. Таким образом, она извлекала выгоду из класса людей, от которых было мало пользы при любом другом правлении. Многие джентльмены высокого ранга и положения тратили часть своих средств на то, чтобы беспокоить испанцев на море, заниматься разведкой в отдаленных районах и основывать колонии на диких побережьях. Среди наиболее выдающихся из них был Томас Кавендиш из Тримли, недалеко от Ипсвича.

КАВЕНДИШ В БРАЗИЛИИ.

Этот джентльмен происходил из почтенной семьи и владел большим поместьем. В 1586 году он снарядил три корабля необходимой грузоподъемности— самый большой, "Желание", водоизмещением в сто сорок тонн, меньший, "Содержание", водоизмещением в шестьдесят, и самый маленький, "Хью Галлант", барк водоизмещением в сорок тонн. Он снабдил их провизией на два года и укомплектовал ста двадцатью тремя офицерами и рядовыми, некоторые из которых служили под командованием сэра Фрэнсиса Дрейка. Его покровитель, лорд Хансдон, выхлопотал ему офицерский чин от королевы Елизаветы, таким образом приравняв его суда к кораблям военно-морского флота и сделав его предполагаемое пиратство законным. Кавендиш отплыл из Плимута 21 июля, взяв курс на юг и достигнув берегов Гвинеи и Сьерра-Леоне. Здесь команда разрушила негритянский городок в отместку за смерть одного из своих людей, которого жители убили отравленной стрелой. Их путь через Атлантику к бразильскому берегу не имеет примечательных особенностей. Они построили свою кузницу на острове, где лечили своих больных и построили катер. Бросив якорь в гавани на побережье Патагонии, Кавендиш назвал ее Порт Дезире, в честь своего флагманского корабля, — название, которое она сохранила до сих пор. Он, по-видимому, считал дикарей гигантами и утверждает, что видел следы длиной восемнадцать дюймов. Он вошел в пролив в начале января 1587 года и вскоре обнаружил жалкое и заброшенное поселение испанцев. Их было двадцать три человека - все, что осталось от четырехсот, оставленных там Сармьенто три года назад для колонизации пролива. Последние восемнадцать месяцев они жили в нужде, не имея возможности добыть никакой другой пищи, кроме скудных запасов моллюсков, за исключением тех случаев, когда они застигали врасплох измученного жаждой оленя или хватали ничего не подозревающего лебедя. Они построили крепость, чтобы исключить проход через пролив для всех других народов, кроме своего собственного, но были вынуждены покинуть ее из-за невыносимого зловония, исходившего от трупов их несчастных товарищей, умерших от нужды или болезней. Кавендиш взял выживших на борт и назвал место, на котором была построена крепость, портом Голода.

ГОЛОД В ПОРТУ.

"Кавендиш" вошел в Тихий океан в конце февраля, после бурного перехода со стороны Атлантики. Высадившись на побережье Чили, в стране арауканцев, он получил теплый прием от местных жителей, которые приняли его людей за испанцев, которые неоднократно вторгались на эту территорию в поисках золота. Впоследствии он обманул их и обнаружил, что они готовы удовлетворять его потребности, когда убедились, что они не принадлежат к этому алчному и жестокому народу. В другом месте, населенном испанской колонией, он участвовал в жестоком сражении с двумя сотнями всадников, загнав тех, кто не был убит, обратно в горы. В другом месте, дальше к северу, индейцы принесли ему на своих спинах дрова и воду. В мае он захватил два приза, забрав из них сахара, патоки, ситца, мармелада и кур на сумму в двадцать тысяч фунтов стерлингов, а затем сжег их у кромки воды. Он захватил город Пайта, который разграбил и сжег, унеся с собой большое количество домашнего имущества и двадцать пять фунтов восьмифунтовых монет, или испанских долларов. У острова Пуна он столкнулся с кораблем водоизмещением в двести пятьдесят тонн; но, разочаровавшись, обнаружив его пустым, он потопил его из чистой злобы. Жители Пуны были христианами, последовав примеру своего касика, который женился на испанке и впоследствии исповедовал ее религию. Они были богаты и трудолюбивы. Кавендиш разграбил остров, сжег церковь и унес с собой пять колоколов. Подвергшись нападению испанцев и туземцев вместе взятых, он вел долгую и кровопролитную битву, после которой опустошил поля и фруктовые сады, сжег четыре корабля на стапелях и превратил город из трехсот домов в груды мусора. Он захватил каботажное судно, ограбил и затопил его и вынудил капитана стать его лоцманом. Он продолжал заниматься разбоем и пиратством по всему побережью Южной Америки и Мексики, разрушая города, грабя таможни и сжигая суда.

В начале ноября Кавендиш, которому лоцман, которого он нанял, сообщил, что в Акапулько ожидается судно с Филиппин, богато груженное, поджидал ее у калифорнийского мыса. Она была обнаружена 4-го числа, держа курс на мыс. Это была "Санта Анна" водоизмещением семьсот тонн, принадлежащая королю Испании, и командовал ею адмирал Южных морей. Кавендиш бросился в погоню и после бортового залпа из стрелкового оружия взял судно на абордаж. Он был отброшен, но возобновил бой с помощью своих пушек и мушкетов. Испанец вскоре был вынужден сдаться, и его офицеры, поднявшись на борт "Желания", дали отчет о его содержимом, которое они оценили в тридцать тысяч долларов золотом, а также огромное количество дамаста, шелка, атласа, мускуса и провизии. Этот славный приз был разделен Кавендишем, и едва не возник мятеж, который, однако, был предотвращен великодушием командира. Пленников высадили на берег, снабдив достаточными

средствами защиты от индейцев; "Санта-Анна" была сожжена вместе с пятьюстами тоннами находившегося на ней имущества; после этого Кавендиш отплыл к островам Ладроне, расположенным на расстоянии пяти тысяч пятисот миль.

Он, один из группы, прибыл на Гуам через сорок пять дней и оттуда продолжил свое путешествие домой, через Филиппинские острова и Молуккские острова, на Яву. Апрель и май 1588 года он провел, пересекая Индийский океан к мысу Доброй Надежды. В начале июня он причалил к острову Святой Елены, а в сентябре, находясь вблизи Азорских островов, услышал с фламандского корабля известие о полном разгроме великой испанской армады. Он потерял почти все свои паруса во время шторма у Финистерре и заменил их парусами из шелковистой травы, которые взял из своих трофеев в Южных морях. Путешествие Кавендиша было третьим кругосветным путешествием и самым коротким из трех, так как оно заняло на восемь месяцев меньше времени, чем путешествие Дрейка.

Кавендиш немедленно написал письмо лорду Хансдону, в котором приводится следующий краткий отчет о его достижениях: "Всевышнему было угодно позволить мне охватить весь земной шар. Я плавал вдоль берегов Чили, Перу и Новой Испании, где добыл большую добычу. Я сжег и потопил девятнадцать парусных кораблей, больших и малых. Все города, в которых я когда-либо высаживался, я сжигал и разорял, и, если бы меня не обнаружили на побережье, я бы захватил огромное количество сокровищ.... Все это, вместе со мной, я смиренно склоняюсь ниц у ног ее величества, желая Всевышнему, чтобы ее правление среди нас продолжалось; ибо в этот день она - самый знаменитый и победоносный принц, который живет в мире. Таким образом, смиренно прося прощения за свое занудство, я оставляю вашу светлость на попечение Всемогущего".

Кавендиш потратил свое огромное состояние на снаряжение судов для второго плавания, которое закончилось катастрофически и в котором, потерпев поражение от португальцев у берегов Бразилии, он умер от стыда и горя. Он считается одним из самых предприимчивых, прилежных и осторожных первых английских мореплавателей, хотя, конечно, его следует считать заядлым пиратом.

Из того, что мы сказали о пиратстве англичан и об их посягательствах на владения испанцев, а также о горячем желании последних сохранить монополию на торговлю с туземцами Америки и сохранить исключительное право грабить и убивать их по своему усмотрению, читатель будет готов к внушительной, но напыщенной попытке, предпринятой Испанией против Англии в 1588 году. Филипп II решил проявить свою силу, и его флот перед отплытием был назван "Самой удачливой и непобедимой армадой". В официальных отчетах он был описан как состоящий из ста тридцати кораблей, укомплектованных восемью тысячами четырьмястами пятьюдесятью матросами и перевозивший девятнадцать тысяч солдат, две тысячи галерных рабов и две тысячи шестьсот медных изделий. Сосуды были названы в честь римских святых, по различным наименованиям Троицы, по животным и сказочным чудовищам — Санта Катилина, Великий Грифон и Святой Дух были нечестиво перемешаны. Во флоте было сто двадцать четыре добровольца из благородных семей и сто восемьдесят благотворителей, доминиканцев, францисканцев и иезуитов. Орудия пыток были доставлены на борт в большом количестве с целью оказания помощи в великой работе по примирению Англии с романизмом. Испанцы и папа решили, что все, кто должен защищать королеву и противостоять вторжению, должны быть уничтожены со всеми своими семьями, а их места, их почести, их титулы, их дома и их земли будут переданы завоевателям.

Елизавета и ее советники выслушали эти зловещие обвинения без малейшего смущения, и были предприняты соответствующие приготовления к приему крестоносцев. Только Лондон

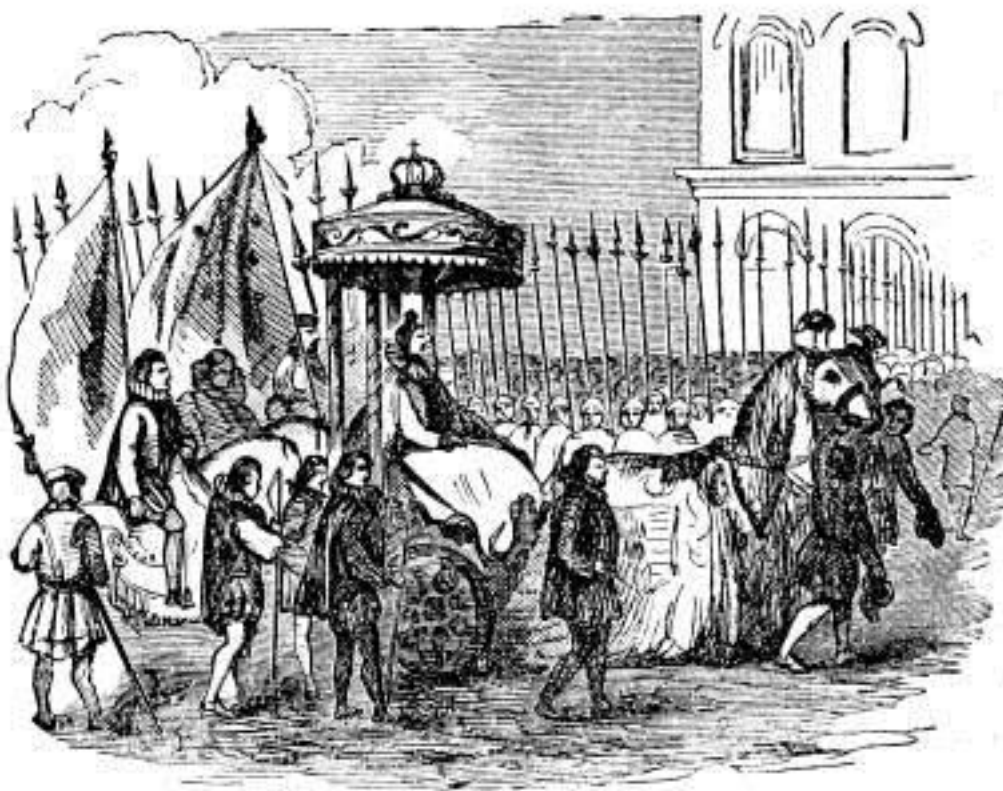
снабдил десять тысяч человек и держал еще десять тысяч в резерве: все сухопутные войска насчитывали шестьдесят пять тысяч. Флот насчитывал сто восемьдесят одно судно, на пятьдесят больше, чем Армада, но едва ли вдвое уступал ей по тоннажу. Восемнадцать из этих судов были добровольческими, и только одно из ста восьмидесяти одного имело нагрузку в тысячу сто тонн. Лорд-адмирал Англии Чарльз, лорд Говард Эффингемский, командовал флотом, а Дрейк, Хокинс и Фробишер командовали различными дивизиями. Была опубликована форма молитвы, и духовенству было предписано читать ее по средам и пятницам в своих приходских церквях. В этом Елизавету сравнивали с Деборой, готовящейся сразиться с гордыней и могуществом Сисеры-Филиппа. Страна ожидала прибытия испанцев с тревогой и в то же время с уверенностью.

КОРПУС КОРАБЛЯ АРМАДЫ.

Армада отплыла из Тежу в конце мая с торжественного благословения Церкви и под покровительством всех влиятельных святых в календаре. Шторм отбросил его назад с потерями, и он снова вышел в море только 12 июля. Он был описан у берегов Плимута 20-го числа, "с высокими башнями, похожими на замки, спереди похожими на полумесяц; его крылья простираются примерно на длину в семь миль, плывут очень медленно, хотя и под полными парусами, ветры как бы устали их раздувать, и океан стонет под их тяжестью". Англичане пропустили их мимо Плимута, чтобы напасть на них с тыла. Они начали сражение на следующий день, имея всего сорок кораблей. Испанцы во время этой предварительной акции сочли свои корабли "очень полезными для защиты, но не для нападения, и лучше приспособленными для того, чтобы стоять, чем двигаться". Дрейк, с присущей ему удачей, захватил галеон, на котором нашел пятьдесят пять тысяч дукатов золотом. Эта сумма была разделена между его командой. Перестрелки и отдельные бои продолжались в течение нескольких дней, и из-за их высоты и толщины было обнаружено, что испанские корабли недоступны для абордажа или обстрела. Их сравнивали с замками, врезающимися в море. Следовательно, лорд-адмиралу было поручено переоборудовать восемь своих наименее боеспособных судов в брандеры. Приказ поступил, когда флот противника бросил якорь у Кале, и тридцать часов спустя с восемью отобранных кораблей было снято все, что стоило вывезти, и заполнено горючими материалами. Их ружья были тяжело заряжены, а борта смазаны канифолью и диким огнем. В полночь они были отправлены с попутным ветром и приливом в самое сердце непобедимой армады. Ужасная паника охватила перепуганные команды: вспомнив о брандерах, которые совсем недавно использовались в Шельде, они в агонии закричали: "Пожар Антверпена! Пожар Антверпена! Некоторые перерезали тросы, другие соскользнули с тросов, и все вышли в море, "самые счастливые, кто смог уйти первыми, хотя мало кто мог сказать, каким курсом следовать". Некоторые потерпели крушение на отмелях Фландрии; некоторые добрались до океана; в то время как остальные

подверглись нападению Дрейка и жестокому обращению с ними. Сбитые с толку испанцы решили вернуться в Испанию северным путем, обогнув Англию и Шотландию. Англичане преследовали противника, но истощение их пороховых погребов предотвратило новое сражение. Незадачливая армада так и не вернулась в Испанию. Ужасающий шторм отбросил корабли к ирландскому побережью и к негостеприимным скалам Оркнейских островов. Тридцать из них сели на мель близ Коннаута: два были выброшены на берег Норвегии. Всего было потеряно восемьдесят одно судно, и только пятьдесят три добрались домой. Из тридцати тысяч солдат, поднявшихся на борт, четырнадцать тысяч пропали без вести. Филипп воспринял это бедствие как милость Провидения и приказал возблагодарить Бога за то, что бедствие не было большим.

ШЕСТВИЕ В ЧЕСТЬ РАЗГРОМА АРМАДЫ.

В Англии был объявлен день благодарения, поскольку "кабан отогнал того, кто пытался опустошить ее виноградник". Некоторое время спустя королева отправилась в публичной процессии к собору Святого Павла. Улицы были завешаны синей тканью; королевская колесница представляла собой трон с четырьмя колоннами и балдахином над головой, запряженный белыми лошадьми. Елизавета преклонила колени у алтаря и громко признала Всевышнего своим избавителем от ярости врага. Людей призывали возблагодарить Всевышнего, чьи стихии — огонь, ветер и буря — причинили врагу больше разрушений, чем доблесть их флота или прочность их деревянных стен.

СЭР УОЛТЕР РЭЛИ.

ГЛАВА XXIX.

ВЫМЫСЕЛ ЭЛЬДОРАДО—МАНОА—ОПИСАНИЕ ЕГО ЛЕГЕНДАРНОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ—
ПОПЫТКИ ИСПАНЦЕВ ОТКРЫТЬ ЕГО—СЭР УОЛТЕР РОЛИ—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В ГВИАНУ—
ЕГО РАССКАЗ ОБ ОРИНОКО—ЕГО ОПИСАНИЕ ПЕЙЗАЖА—ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ—ЕГО ВТОРОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ—ЭКСПЕДИЦИЯ НА НЬЮФАУНДЛЕНД—ЕГО СМЕРТЬ—СОВРЕМЕННАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЕГЕНДЫ ОБ ЭЛЬДОРАДО.

Рудники драгоценных металлов, открытые испанцами в Перу, богатства, которые они ежегодно привозили домой на кораблях с сокровищами на родину, вместе с преувеличенными отчетами испанских авторов о великолепии и цивилизации империи инков, теперь начали возбуждать алчность и воспламенять воображение любого другого народа в Европе. Было известно, что во времена завоевания Перу Писарро большое количество туземцев бежало во внутренние районы страны; и ходили слухи, что один из сыновей правящего инки удалился через континент в область, расположенную между Амазонкой и Ориноко и называемую общим названием Гвиана. Добавлялось, что здесь он основал империю, более великолепную, чем Перу: ее столицу Маноя видел только один европеец. Это был испанец, морской пехотинец на борту военного корабля, который,

согласно легенде, допустил взрыв порохового погреба и был приговорен к смертной казни за свою беспечность. Однако это наказание было смягчено, и его посадили в лодку в устье Ориноко с приказом проникнуть во внутренние районы страны. Он пробыл семь месяцев в Маноа, а затем сбежал в Порто-Рико. Он дал следующий отчет об этом городе и королевстве, последнее, по его словам, называлось Эльдорадо, или Позолоченное:

Колонны императорского дворца были из порфира и алебаstra, галереи - из черного дерева и кедра, а золотые ступени вели к трону из слоновой кости. Дворец, построенный из белого мрамора, стоял на острове в озере или внутреннем море. Вход охраняли две башни: между ними находилась колонна высотой двадцать пять футов, на которой была огромная серебряная луна. За ним был четырехугольный двор, засаженный деревьями, орошаемый серебряным фонтаном, бившим через четыре золотые трубы. Ворота дворца были из меди. Внутри днем и ночью горели четыре лампы перед серебряным алтарем, на котором сияло золотое солнце. На улице Серебряников было занято три тысячи рабочих.

Название Эльдорадо применительно к королевству, метрополией которого был Маноа, может относиться к его богатству и великолепию, или оно может происходить от привычки, приписываемой одними императору, другими верховным жрецам и даже жителям, обычно находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Этот обычай заключался в том, чтобы заставить себя помазаться драгоценной и ароматной жвачкой, после чего на них через трубочки вдували золотую пыль, пока они полностью не покрывались золотой коркой. Этот наряд, естественно, считался роскошным и, в связи с обилием драгоценных металлов, поставляемых страной, возможно, послужил поводом для названия Эльдорадо. Легенда, в любом случае, является достойным спутником "Источника молодости" Понсе де Леона.

Ни одна географическая выдумка никогда не приводила к такому расходованию крови и сокровищ, как эта. Одни только испанцы потеряли в своих попытках открыть город Маноа больше жизней и денег, чем при осуществлении любого из своих постоянных завоеваний. Новые искатели приключений всегда были готовы пуститься в путь после замешательства или гибели тех, кто был там раньше; и никакое разочарование, испытанное последними, не могло поколебать надежд тех, кто верил, что открытие уготовано им самим. Испанские священники рассматривали эту манию как уловку Лукавого, направленную на то, чтобы заманить человечество в погибель.

Большая часть этих людей были авантюристами, солдатами удачи и странствующими рыцарями-донкихотами. Однако было бы несправедливо причислять к ним самых выдающихся из обратившихся к вере в существование Эльдорадо. Сэр Уолтер Роли, англичанин высочайшего таланта и характера, после того как в течение двадцати лет пользовался благосклонностью королевы Елизаветы, потерял ее из-за интриги с придворной дамой. Хотя он исправил нанесенный ущерб, женившись на этой леди, он обнаружил, что не может рассчитывать на возвращение к благодати, кроме как совершив какой-нибудь подвиг, который должен был придать новый блеск его имени. Он давно преисполнился восхищения мужеством и настойчивостью, проявленными испанцами в погоне за своей романтической и блестящей химерой. Поскольку он сам твердо верил, что это реальность, он решил предпринять попытку сам. Частью его замысла была колонизация Гвианы и, таким образом, расширение сферы промышленного и коммерческого искусства Англии. Он был знаком с морем, так как уже отправил несколько экспедиций для колонизации Вирджинии в Америке.

Он отплыл из Плимута в феврале 1595 года с пятью судами и сотней солдат. Чтобы добраться до столицы Гвианы, необходимо было подняться по Ориноко, навигация по которому была совершенно неизвестна англичанам. Поскольку корабли набрали слишком много воды,

сотня человек вместе с Рейли сели в лодки и двинулись вверх по течению. В них они оставались в течение месяца, подвергаясь всем экстремальным условиям тропического климата, — иногда жаре палящего солнца, а снова сильным и проливным дождям. Рассказ Роли об их продвижении по лабиринту островов и протоков в устьях реки, об их ненадежных запасах пищи и воды, о внешнем виде страны и манерах туземцев и, наконец, об их входе в великое русло великолепного Ориноко вызывал восхищение за его красоту описания, а также высмеивался за его экстравагантную доверчивость. Действительно, многие сомневаются, действительно ли Рейли верил в истории, которые он распространял. Мы цитируем отрывок:

"Те, кто желает открыть и увидеть множество народов, - пишет он, - могут быть удовлетворены этой рекой, которая дает так много рукавов и ответвлений, ведущих в несколько стран и провинций, расположенных более чем на две тысячи миль к востоку и западу, и из них самые богатые либо золотом, либо другими товарами. Простой солдат должен здесь сражаться за золото и платить себе вместо пенсов золотыми пластинами шириной в полфута, тогда как в других войнах он ломает себе кости из-за наживы и нищеты. Те командиры и вожди, которые стремятся к почестям и изобилию, найдут здесь больше богатых и красивых городов, больше храмов, украшенных золотыми изваяниями, больше гробниц, наполненных сокровищами, чем Кортес нашел в Мексике или Писарро в Перу; и сияющая слава этого завоевания затмит все эти столь далеко простирающиеся лучи испанской нации. Нет страны, которая доставляла бы жителям больше удовольствия от этих обычных удовольствий охоты, соколиной охоты, рыбной ловли, дичи и всего остального, чем Гвиана. Я твердо решил, что ни по здоровью, ни по хорошему воздуху, ни по удовольствиям, ни по богатству с ним не сравнится ни один регион на Востоке или Западе. В заключение: Гвиана - это страна, которая еще сохранила свою девственность, никогда не грабила, не переворачивала и не ковала. Лицо земли не было разорено, добродетель и соль почвы не истрачены; могилы не были вскрыты ради золота, рудники не разрыты кувалдами, а изображения не снесены из их храмов. В него никогда не входила никакая сильная армия и его не завоевывал ни один христианский принц.... Я верю, что Тот, кто является Господом господствующих, вложит это в ее сердце, кто является Леди из дам, чтобы обладать им. Если нет, я буду судить тех, кто наиболее достоин стать их королями, которые по ее милости и дозволению возьмутся за это сами".

Рейли поднялся вверх по течению почти на двести миль, когда быстрый и ужасающий подъем его вод вынудил его вернуться. Он официально вступил во владение страной и заставил касиков присягнуть на верность королеве Елизавете. Он вернулся в Англию летом, отсутствовав всего пять месяцев. Именно тогда он опубликовал рассказ, который мы процитировали.

Восстановление его благосклонности исключало любое дальнейшее преследование его замыслов в отношении Гвианы во время правления Елизаветы. Он был заключен в тюрьму на тринадцать лет во время правления Джеймса, ее преемника, за государственную измену и предполагаемое участие в заговоре с целью возвести леди Арабеллу Стюарт на трон. В 1617 году он снарядил флот из тринадцати судов, на которых отправился в Гвиану с целью новых поисков Эльдорадо. Флот благополучно прибыл, но Рейли был слишком нездоров, чтобы лично подняться по Ориноко. Капитан Кеймис возглавил исследовательскую группу и, будучи вынужден безуспешно вернуться на корабль, получив известие о гибели в бою старшего сына сэра Уолтера, покончил с собой. Рейли отплыл на Ньюфаундленд за провизией и ремонтом; но мятеж команды вынудил его вернуться в Англию, где он был обезглавлен за преступление, уже наказанное тринадцатилетним заключением.

Современные историки и путешественники, здравомыслящие люди, населявшие районы в устье Ориноко, без колебаний высказали свое мнение о том, что история Эльдорадо на самом деле не лишена какого-либо основания. Гумбольдт объясняет это геологически и считает, что за эту басню ответственно пылкое воображение индейцев. Он предполагает, что в озере Парима и вокруг него могут быть острова и скалы из слюды и талька, которые, отражая своими поверхностями и углами сверкающие лучи солнца, могли быть преобразованы экстравагантной фантазией местных жителей в великолепные храмы и дворцы позолоченного мегаполиса. Он попытался проникнуть на это место, но ему помешало племя индийских карликов. Ни один европеец еще не посещал эту знаменитую местность: ее огромная удаленность от моря, непроходимые леса, дикие звери и варварские жители отталкивали как завоевателя, так и исследователя, так что по сей день неизвестно, в какой степени или какого рода авторитетность существует для рассматриваемой необычной истории. Но поскольку Кортес проезжал в десяти милях от чудесного города Копан, не слыша о нем, предположение о том, что в неисследованных регионах Южной Америки могут существовать города аборигенов, дающее, возможно, достаточную основу для рассказа об Эльдорадо без его преувеличений, не является ни невозможным, ни невероятным. Великолепные руины, недавно обнаруженные на Юкатане, где их никто не ожидал, похоже, доказывают существование других в регионах, где они были обнаружены по позитивной и стойкой традиции.

УРОЖЕНЕЦ СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВОВ.

ГЛАВА XXX.

ОТКРЫТИЕ МЕНДАННОЙ СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВОВ —ОН СНОВА ИЩЕТ ИХ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ—КИРОС—МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА—ЖЕНЩИН СРАВНИВАЮТ С ЖЕНЩИНАМИ ИЗ ЛИМЫ—СТРАННЫЕ ФРУКТЫ—ОБРАЩЕНИЕ В ХРИСТИАНСТВО—ТРУДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—САНТА—КРУС—МЕНДАНА ОБМЕНИВАЕТСЯ ИМЕНАМИ С МАЛОПЕ—ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ—ВОЙНА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ—СМЕРТЬ МЕНДАНЫ-КИРОС ВЕДЕТ КОРАБЛИ В МАНИЛЬЮ.

Прогресс открытий теперь напоминает нам об Испании. Примерно в 1567 году некто Альваро Мендана де Нейра, который до сих пор жил в полной неизвестности, последовал за своим

дядей доном Педро де Кастро в Лиму в Перу, где он был назначен губернатором. Мендана, презиравший торговлю и не испытывавший особого желания вести монотонную жизнь на берегу, после того как вкусил кочевое существование на воде, решил предпринять открытие новых земель во имя короля Испании. Дядя поддержал его замысел и снабдил необходимыми средствами. Мендана отплыл из Кальяо 11 января 1568 года. Он продвинулся на тысячу четыреста пятьдесят лиг к западу и обнаружил группу островов примерно на 10° южной широты. Одна из них, которой он дал имя Изабелла, известна тем, что была местом первого служения католической мессы в Тихом океане. Он обогнул другой остров из этой группы, Сент-Кристофер, и после нескольких катастрофических столкновений с туземцами вернулся в Кальяо. Это путешествие, самое важное из предпринятых испанцами со времени открытия Америки, породило множество небылиц, которыми испанские историки и хронисты наполняли умы людей в течение последующего столетия. Острова, открытые Менданой, были представлены как чрезвычайно богатые золотом и драгоценными металлами. Группе было дано имя Соломон — имя, которое, как считалось, в высшей степени подходило для столь роскошного архипелага, поскольку раньше оно принадлежало роскошному принцу. Поскольку в те дни искусство научной навигации находилось в зачаточном состоянии, а широта и долгота не были установлены с какой-либо большой степенью точности, положение Соломоновых островов было очень расплывчато обозначено Менданой, и вопрос об их местонахождении стал и долгое время оставался одним из самых загадочных вопросов географии.

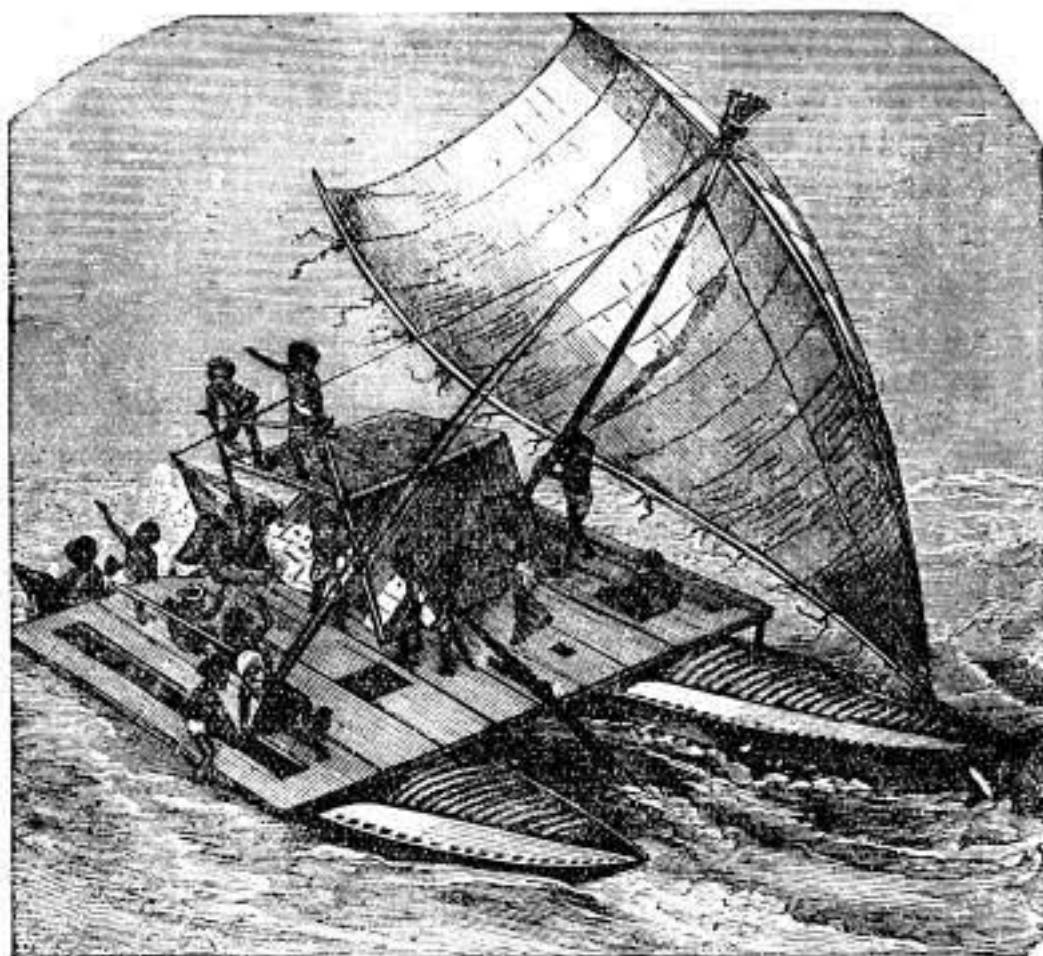
Мендана отправил испанскому правительству блестящий отчет о своих открытиях и запросил средства для дальнейшего расследования их. Война и другие обязательства не позволяли министерству удовлетворять его просьбы до 1595 года, когда он получил командование экспедицией, имевшей целью колонизацию Сент-Кристофера. Он отплыл из Кальяо в апреле на четырех кораблях, на борту которых находилось четыреста человек: его сопровождали его жена Изабель де Барретос и трое его зятьев. Педро Фернандес де Кирос, о котором мы позже поговорим более подробно, был пилотом флота. Они остановились в Пайте, где напоили водой и завербовали еще четыреста человек, а 16 июня наконец отправились на поиски давно потерянных островов. Месяц спустя, находясь на 11° южной широты, Мендана открыл группу из трех островов, которым он дал собирательное название, а также индивидуальные названия. Он назвал их Las Marquesas de Mendoza, в честь маркиза Мендосы, выдающегося испанца. Они до сих пор известны как Маркизские острова. Туземцы проявили удивительно вороватый нрав и получили несколько порций винограда за то, что стащили кувшины у сошедшей на берег поливальщицы. Хотя хронист проводит сравнение, говоря о женщинах, он все же умело ухитряется сделать комплимент всем упомянутым сторонам. Он говорит: "Здесь были замечены очень красивые женщины. Многие считали их такими же красивыми, как в Лиме, но более белыми и не такими розовыми; и все же в Лиме есть очень красивые места. У них нежные руки, благородное тело и талия, во многом превосходящие по совершенству самые совершенные в Лиме; и все же в Лиме есть очень красивые. Темперамент, здоровье, сила и полнота этих людей говорят о том, в каком климате они живут: одежду вполне можно было носить и днем, и ночью; солнце почти не пекло; прошло несколько небольших дождей. Наш народ никогда не замечал ни молний, ни росы, только сильную сухость, так что, не вешая одежды, они находили утром сухими то, что оставалось мокрым на земле ночью". Был замечен необычный фрукт, который мужчины едят зеленым, жареным, вареным и спелым. У него не было ни косточки, ни ядра, и испанцы называли его блан-манж. Они также восхищались другим фруктом, "покрытым колючками, похожими на каштаны, и который по вкусу напоминал каштаны, но был намного больше шести каштанов вместе взятых". Мендана приказал отслужить торжественную мессу, во время которой островитяне стояли на коленях в великом молчании и внимании.

Мендана вступил во владение островами от имени короля и посеял кукурузу во многих местах, которые, по его мнению, были благоприятны для ее роста. Капеллан научил одного из туземцев благословлять себя и произносить "Иисус Мария". Сделав это, переоборудовав отшель, воздвигнув три креста, запасшись дровами и водой, эскадра снова отправилась к все еще отсутствующему архипелагу. Солдаты вскоре впали в уныние, и экипажи были переведены на короткое довольствие. В тысяче четырехстах лигах от Лимы они увидели необитаемый остров, который называли Сан-Бернардо; а на расстоянии в тысячу пятьсот тридцать пять лиг они называли остров Уединенным, "поскольку он был одинок". Таким образом, они продолжили свой путь, "многие люди делились своими чувствами и говорили, что не знают, куда они идут и к чему приближаются, и другие подобные вещи, которые не могли не причинять боли". Наконец, отъехав от Лимы на тысячу восемьсот лиг, они наткнулись на большой остров протяженностью в сто миль, который Мендана назвал Санта-Крус - с тех пор Картерет назвал его островом Эгмонт. Здесь был вулкан, "представляющий собой холм очень красивой формы, с вершины которого извергается много огня и который часто производит сильный грохот внутри". Пятьдесят маленьких лодок, оснащенных парусами, подплыли к кораблю. Мужчины были чернокожими, с курчавыми волосами, выкрашенными в белый, красный и синий цвета. Их зубы были окрашены в красный цвет, а лица и тела испещрены полосами. Их руки были обмотаны браслетами из черного ротанга, а шеи украшены нитками бус и рыбьими зубами. Мендана сразу принял их за людей, которых искал. Он заговорил с ними на языке, который выучил во время своего первого путешествия; но ни они не понимали его, ни он их. Без всяких провокаций они обрушили на корабль град стрел, которые застряли в парусах и такелаже, не причинив, однако, никакого вреда. Солдаты открыли ответный огонь, убив одного и ранив еще многих.

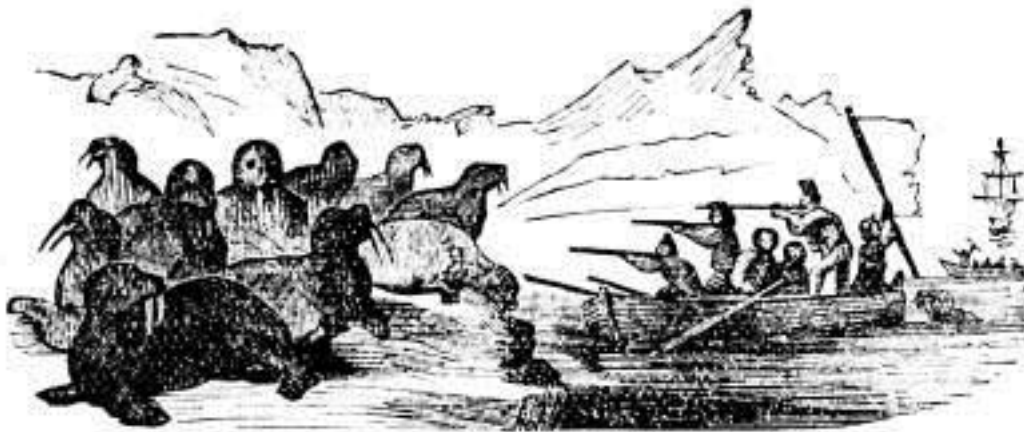
Дружеские отношения вскоре были восстановлены, и дикарь, по-видимому, высокого ранга, посетил адмирала на его корабле. Он был худощавым и седовласым, а его кожа имела "цвет пшеницы". Он спросил, кто был вождем вновь прибывших. Адмирал принял его с сердечностью и дал понять, что он здесь. Индеец сказал, что его зовут Малопе. Адмирал ответил, что его зовут Мендана. Малопе сразу же ответил, что он будет Менданой, а адмиралом должен быть Малопе. Он выказывал большое удовлетворение от этого обмена репликами и всякий раз, когда его называли Малопе, говорил: "Нет, Мендана"; и, указывая на адмирала, говорил, что это Малопе. Вероятно, это был первый случай обмена именами — одного из самых торжественных актов дружбы с некоторыми племенами жителей Тихоокеанских островов, — совершенного между европейцем и дикарем. Вскоре туземцы научились пожимать друг другу руки, обниматься, говорить "друг", бриться бритвами и подстригать ногти ножницами. Однако это состояние дружбы длилось недолго, и одно незначительное обстоятельство вызвало подозрение и, в конце концов, враждебность. Дикари начали со стрел, а испанцы ответили огнем и мечом. Вечером Малопе вышел на берег и громким голосом назвал адмирала по имени Малопе и, ударив себя в грудь, объявил себя Менданой. Он сказал, что нападение было начато другим племенем, не его, и предложил всем им совершить вылазку против них. На это Мендана не согласился, но, высадив своих людей, приступил к основанию колонии.

На этом этапе подробности, сообщаемые несколькими летописцами экспедиции, становятся расплывчатыми и неудовлетворительными. Похоже, что Малопе был убит в перестрелке; что туземцы не удовлетворились простым оплакиванием его смерти, но лишили испанцев всех припасов; что Мендана приказал обезглавить двух мятежников и повесить еще одного. Началась война на уничтожение, за которой последовали мятежи, нищета и нужда, которые быстро свели Мендану в могилу. Он умер от разочарования и сожаления в октябре 1595 года. Его преемник, будучи раненым, скончался в ноябре.

Команда, измученная усталостью и болезнями и уменьшившаяся до такой степени, что двадцать решительных индейцев могли бы уничтожить их, решила приостановить "энтерпрайз" и снова погрузиться на корабль. Они взяли дров и воды и отплыли 7 ноября. Кирос поддерживал дисциплину среди взбунтовавшейся команды и после почти нечеловеческих усилий по управлению своими сумасшедшими кораблями в неизвестном море прибыл с остатками экспедиции в Маниллу. Оттуда Кирос — о приключениях и открытиях которого у нас вскоре будет возможность рассказать, вернулся в Акапулько в Мексике, а оттуда в Лиму, где он обратился к вице-королю с просьбой о средствах для продолжения исследований Менданы. Поскольку он отправился в плавание только в 1606 году, мы должны сначала заняться различными предприятиями, предпринятыми за это время.

ОСТРОВИТАНЕ ПЕРЕД ЛЕГКИМ ВЕТЕРКОМ.

ГОЛЛАНДЦЫ На ОСТРОВЕ МОРЖ.

ГЛАВА XXXI.

ПОПЫТКИ ГОЛЛАНДЦЕВ ОТКРЫТЬ СЕВЕРО—ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОД—ПУТЕШЕСТВИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА БАРЕНЦА—ПРИБЫТИЕ На НОВУЮ ЗЕМЛЮ—ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ—СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА—БОИ С МЕДВЕДЯМИ—СОЛНЦЕ ИСЧЕЗАЕТ—ЧАСЫ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ, А ПИВО ЗАМЕРЗАЕТ—ДОМ ЗАНЕСЕН СНЕГОМ-ЖАРА—ЛИСЬИ КАПКАНЫ-ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ—ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА—КОРАБЛИ ОКАЗЫВАЮТСЯ НЕМОРЕХОДНЫМИ—ПОДГОТОВКА К ОТПЛЫТИЮ На ЛОДКАХ—СМЕРТЬ БАРЕНЦА—ПРИБЫТИЕ В АМСТЕРДАМ—РЕЗУЛЬТАТЫ ПУТЕШЕСТВИЯ.

В 1514 году голландцы решили найти северо-восточный проход по воде в Индию, через Полярные регионы Европы. Их первые две попытки увенчались столь незначительным успехом, что Генеральные штаты отказались от этого предприятия, удовлетворившись обещанием награды штурману, который найдет приемлемый маршрут. В 1596 году город Амстердам взялся за дело там, где его оставило правительство, и снарядил два судна, главное командование которыми было поручено Вильгельму Баренцу. Он стартовал 10 мая и 22 числа прошел мимо Шетландских островов и Фероз. Вскоре после этого флот с удивлением увидел одно из явлений, характерных для арктических регионов, — три ложных солнца с круглыми радугами, соединяющими их светящимся ореолом. 9 июня они открыли два острова, которым дали названия Острова Медведя и Моржа. Они продолжали путь в обычном арктическом сопровождении айсбергов, тюленей, северных сияний, китов и белых медведей, пока не достигли земли, которую назвали Шпицберген, или Страной Остроконечных гор.

17 июля они прибыли на Новую Землю, открытую в 1553 году Уиллоуби, и здесь два корабля случайно разделились. В августе судно Баренца было затеряно в дрейфующих льдах, и никакие усилия не могли освободить его из опасного положения. Приближалась зима, и команда, отчаявшись спасти корабль, который теперь стонал и вздымался под напором льда, решила построить на суше дом, "с помощью которого можно было бы защититься от холода и диких зверей". Им посчастливилось найти большое количество плавника, который, очевидно, приплыл издалека, поскольку на ледяной почве вокруг них не было ни деревьев, ни трав. Работа началась и продолжалась в разгар постоянных драк с медведями и тяжелого труда по перетаскиванию припасов с корабля на ручных салазках. Холод был настолько сильным, что их кожа слезала при прикосновении к любой железной посуде. Снежные бури помешали строительству дома, для чего вскоре им пришлось добывать материалы, разбирая

корабль. Одного из мужчин, преследуемого медведем, спасло только то, что последний подождал, чтобы полюбоваться телом одного из своих собратьев-медведей, которого моряки убили и оставили окоченевать в вертикальном положении.

12 октября половина команды впервые ночевала в доме: они сильно страдали от холода, так как у них не было огня и потому, что, как забавно отмечается в повествовании, "им не хватало одеял". К концу октября крыша была покрыта соломой, парусиной и морскими водорослями. 2 ноября солнце поднялось лишь наполовину своего диска над горизонтом: медведи исчезли вместе с солнцем, и их место заняли лисы. Часы остановились и отказывались двигаться дальше, даже с увеличенным весом, и день нельзя было отличить от ночи, разве что по двенадцатичасовым часам. Пиво, замерзая в бочках, стало безвкусным, как вода. Каждому выдавалось по полфунта хлеба в день: запасов вяленой рыбы и соленого мяса по-прежнему оставалось в избытке. Труба не работала, и помещение наполнилось удушающим дымом, который, однако, экипаж был вынужден терпеть, иначе он умер бы от холода. Хирург сделал ванну из винной трубки, в которой они купались по четверо за раз. Их несколько раз заносило снегом, и дом был полностью засыпан. Хотя они находились в полулиге от моря, они слышали ужасный треск и стон льда, когда айсберги опускались один на другой или когда огромные горы раскалывались на части. Однажды, не выдержав холода, они разожгли огонь в своем доме углем, привезенным с корабля. Это был первый момент комфорта, которым они наслаждались за несколько месяцев. Они поддерживали дружеский жар до тех пор, пока несколько наименее энергичных мужчин не почувствовали головокружение и странные боли, известные как жар. Жерар де Вир, хроникер экспедиции, подхватил на руки первого упавшего человека и привел его в чувство, натерев лицо уксусом. Он добавляет: "Теперь мы поняли, что, чтобы избежать одного зла, мы не должны бросаться в худшее".

ГОЛЛАНДЦЫ НА ЗИМНИХ КВАРТИРАХ.

Они расставили ловушки по всей своей хижине, с помощью которых ловили в среднем по лисе в день. Они едят мясо, а из шкурок делают шапки и рукавицы. Им посчастливилось убить медведя длиной в девять футов, от которого они получили сто фунтов свиного сала. Это они сочли полезным не как помадка, а как средство для постоянного горения своей лампы, днем и ночью, как если бы это был алтарь, а они - девственницы-весталки. 19 декабря они поздравили себя с тем, что Полярная ночь прошла всего наполовину; "ибо, - говорится в повествовании, - это было ужасно - остаться без солнечного света и лишиться самого превосходного творения Божьего, которое оживляет всю вселенную". В канун Рождества шел такой сильный снег, что они не могли открыть дверь. На следующий день в хижине был белый иней. Пока они сидели у огня и поджаривали ноги, их спины окоченели. Они не знали

по ощущению, что у них горит обувь, и были предупреждены только запахом сморщивающейся кожи. Они подняли в воздух полоску полотна, чтобы посмотреть, в какую сторону дует ветер: в одно мгновение полотно замерзло, как доска, и стало, конечно, совершенно бесполезным, как флюгер. Тогда мужчины сказали друг другу: "Как, должно быть, ужасно холодно на улице!"

5 января была двенадцатая ночь, и хижина была погребена под снегом. В разгар своих страданий они попросили разрешения капитана отпраздновать священную годовщину. Из муки и масла они испекли блины, запивая их вином, припасенным накануне и заранее позаимствованным на завтра. Они избирали короля по жребии, причем мастер-артиллерист был случайно указан как Владыка Новой Земли. 8-го числа было замечено, что сумерки немного удлинились, и, хотя с возвращением солнца холод усилился, они переносили его с радостью. Они заметили красный оттенок в атмосфере, что говорило о возрождении природы. Они посетили корабль и обнаружили в трюме лед высотой в фут: они вряд ли ожидали, что когда-нибудь снова увидят его плавающим. Трудность добывания топлива теперь была такова, что многие мужчины думали, что было бы легче и короче лечь и умереть, чем прилагать такие ужасные усилия для продления жизни. Чтобы сэкономить дрова в дневное время, они играли в снежки, или бегали, или боролись, чтобы поддерживать циркуляцию крови.

24 января Жерар де Вир заявил, что видел край солнца: Баренц, который не ожидал возвращения светила в течение четырнадцати дней, отнесся к этому с недоверием, а пасмурная погода в последующие три дня не позволила заключить пари, которые были сделаны по этому поводу. 27-го числа они похоронили одного из своих в снежной могиле глубиной в семь футов, выкопав ее с некоторым трудом, поскольку копателям постоянно приходилось возвращаться к огню. Один из матросов заметил, что, даже если бы дом был полностью завален на глубину пятнадцати футов, они все равно смогли бы выбраться через дымоход, капитан забрался по дымоходу, и матрос выбежал посмотреть, удалось ли ему это. Он бросился назад, сказав, что видел солнце. Все поспешили вперед и "увидели его во всей его округлости" прямо над горизонтом. Затем было решено, что де Вир увидел край 24-го числа, и они "все вместе возрадовались, громко восхваляя Бога за милость".

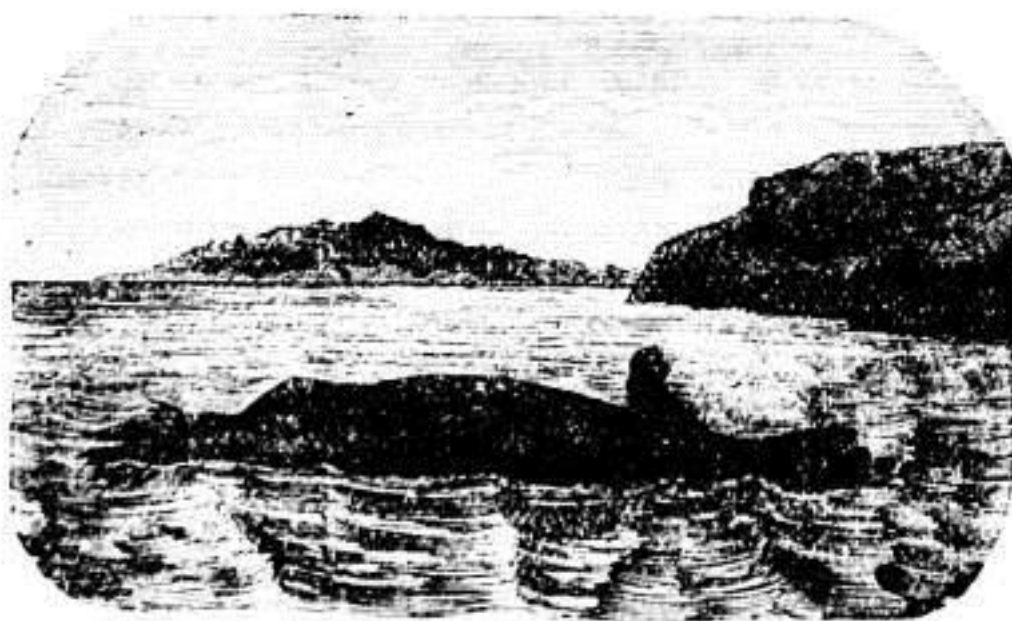
Теперь наступил еще один снежный сезон, и в то же время лед, сковывавший корабль, начал разрушаться, так что матросы опасались, что он вырвется и уплывет, пока они будут заблокированы в доме. Им пришлось делать себе обувь из поношенных шапок из лисьей шкуры, так как кожа замерзла и стала твердой, как рог. В ночь на 6 апреля медведь забрался на крышу дома по снежным насыпям и, с большой яростью атаковав дымовую трубу, был очень близок к тому, чтобы снести ее. 1 мая они съедают свой последний кусочек мяса, отныне полагаясь на то, кого они могут поймать в ловушку или убить.

Теперь было решено, что даже если судно отцепят, оно будет непригодно для продолжения плавания. Их единственная надежда заключалась в мелководье и баркасе, которые они пытались подготовить к выходу в море, несмотря на то, что им мешали медведи, которые "очень настаивали на том, чтобы узнать, каковы голландцы на вкус". Уже 5 июня выпал такой сильный снег, что они могли работать только в помещении, где готовили паруса, весла, руль и т. Д. 12-го числа они приступили к работе с топорами и другими инструментами, чтобы выровнять путь от корабля к воде на расстоянии пятисот шагов. 13-го числа Баренц написал краткий отчет об их путешествии и пребывании, поместил его в ствол мушкета и прикрепил к камину в доме для сведения будущих мореплавателей. Затем они с бесконечным трудом спустили лодки на воду вместе с бочками и ящиками с такими припасами, какие только мог вместить их ныне обедневший корабль. Они распрощались со своими зимними квартирами

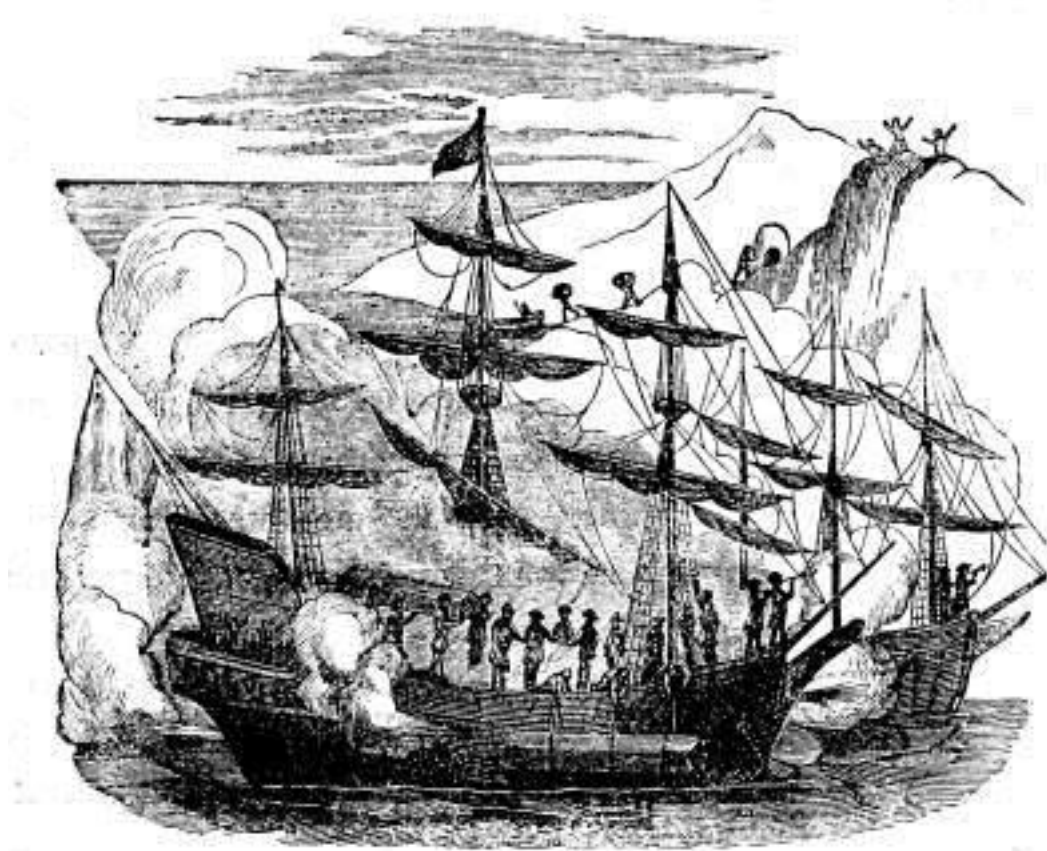
14-го числа, рано утром, "с западным ветром и под покровительством Небес". Баренц, который долгое время болел, умер 20-го числа, находясь напротив Ледяного мыса, самой северной точки Новой Земли. Они глубоко сожалели о его потере, но их "горе было смягчено осознанием того, что никто не может противиться воле Божьей".

Людям часто приходилось тащить лодки через разделявшие их ледяные поля; а иногда, когда дул встречный ветер, они вытаскивали их на плавучий берег и, соорудив палатки из парусов, разбивали лагерь, как на военной службе. Стражи часто бросали вызов медведям, и однажды, когда трое собрались вместе и один был убит, двое оставшихся в живых сожрали своего упавшего товарища. Преодолевая опасности и трудности, не имевшие тогда аналогов в мореплавании, они с надеждой продолжали путь, спускаясь вдоль западного побережья Новой Земли к северным берегам России и Лапландии. 16 августа они встретили русский барк, который снабдил их такой провизией, какую капитан мог себе позволить. 20-го числа они достигли побережья Лапландии на Белом море, где обнаружили тринадцать русских, живущих в жалких хижинах на пойманной ими рыбе. 2 сентября они прибыли в Кола, в Лапландии, где обнаружили три голландских корабля, одним из которых был их "консорт", разлученный с ними десять месяцев назад. Не имея больше возможности пользоваться своими лодками, они торжественно отнесли их в "Дом торговцев", или Ратушу, где посвятили их памяти о своем долгом путешествии в четыреста лиг по никогда не проходимому ранее пути, которое они совершили в открытых лодках. Они сразу же отправились домой и 1 ноября прибыли в Амстердам в количестве двенадцати человек. Город был сильно взволнован известием об их возвращении, поскольку их уже давно считали погибшими. Канцлер и "посол очень прославленного короля Дании, Норвегии, готов и вандалов" находились в этот момент за обедом. Путешественников призвали рассказать о своих приключениях, что они и сделали, "одетые в белые шапки из лисьей шкуры".

Ни одно путешествие до сих пор не было столь плодотворным по количеству происшествий, опасностей и проявлений непоколебимого мужества и стойкости. Хотя в результате не было открыто ничего, кроме западного побережья Новой Земли, это послужило полезной цели - продемонстрировать трудность, если не невозможность, осуществления северо-восточного прохода.

САМКА ВЫДРЫ И ЕЕ ДЕТЕНЬШИ.

ПОХОРОНЫ МАХУ На ОСТРОВЕ БРАВА.

ГЛАВА XXXII.

ПЯТЬ РОТТЕРДАМСКИХ КОРАБЛЕЙ—БИТВА У ОСТРОВА БРАВА—СЕБАЛЬД ДЕ ВЕРТ—КАТАСТРОФЫ В МАГЕЛЛАНОВОМ ПРОЛИВЕ—КОМАНДА ЕСТ СЫРУЮ ПИЩУ—ФЛОТ РАССЕЯН ПО ВЕТРУ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕ ВЕРТА—ЖАЛКИЙ ПРЕДМЕТ—ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОЛЛАНДИЮ—ПУТЕШЕСТВИЕ ОЛИВЕРА ВАН НООРТА—ВАРВАРСКОЕ НАКАЗАНИЕ—ЭМБЛЕМА НАДЕЖДЫ СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ ОТЧАЯНИЯ—БИТВА С ПАТАГОНЦАМИ—АРЕСТ ВИЦЕ-АДМИРАЛА—ЕГО НАКАЗАНИЕ—ОПИСАНИЕ ЧИЛИЙСКОГО НАПИТКА—ЗАХВАТ ИСПАНСКОГО КОРАБЛЯ С СОКРОВИЩАМИ-ЛОЦМАН ВЫБРОШЕН За БОРТ—МОРЕ—ОТБОЙ У МАНИЛЫ- ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ГОЛЛАНДСКОГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ.

Голландцы, которые теперь сменили португальцев во владении Ост-Индией и контролировали ее, вплоть до 1598 года совершали все свои плавания туда португальским маршрутом — мимо мыса Доброй Надежды. В этом году двум снаряженным ими флотам было приказано пройти Магеллановым проливом и пересечь Южное море. Первая из этих экспедиций известна как экспедиция Пяти Роттердамских кораблей, однако одна из пяти была разделена и образовала отдельное предприятие под руководством Себальда де Верта: вторым было путешествие Оливера Ван Ноорта. Мы расскажем о них по порядку времени.

Пять роттердамских кораблей были снаряжены на средства нескольких торговцев под названием "Компания Питера Верхагена". Флагманский корабль, которым командовал Якоб

Маху, назывался "Надежда"; другой, которым командовал Себальд де Верт, был "Благая весть", или "Радостные вести", или "Веселый вестник" — все эти названия даны в различных переводах. Они отплыли из Гори, что в Голландии, 27 июня 1598 года.

Они были у острова Брава - одного из островов Зеленого Мыса — 11 сентября и послали к берегу лодки с пустыми бочонками в поисках воды. К мужчинам подошли несколько португальцев и негров, которые сказали им, что французские и английские корабли привыкли к здешней воде, но всегда оставались под парусами. Себальд де Верт заметил четыре или пять полуразрушенных хижин и обнаружил, что они полны кукурузы, которую он сразу же начал присваивать, — поступок, которому португальцы пытались возмутиться; но голландский флагманский корабль своими пушками подавил их слабое сопротивление. Смерть Маху привела к смене капитанов, в результате которой Себальд де Верт передал Радостную весть Добросовестным. Флот потерял тридцать человек из-за цинги во время перехода через Атлантику. Они бросили якорь у берегов Рио-де-ла-Платы в начале марта 1599 года и увидели, что море стало красным, как кровь. Воду исследовали и обнаружили, что она полна мелких червей, которые прыгали повсюду, как блохи, и которые, как предполагалось, были стряхнуты китами во время их прыжков, как лев стряхивает капли росы со своей гривы.

6 апреля они вошли в Магелланов пролив и были вынуждены провести там антарктическую зиму, то есть до конца августа. Порывы ветра быстро сменяли друг друга, а якоря и канаты были так сильно повреждены, что экипажи находились в постоянном труде и тревоге. Нехватка продовольствия была такова, что людей каждый день отправляли на берег при низкой воде, часто в дождь, снег или мороз, искать моллюсков или собирать корни для пропитания. Они съели их в том виде, в каком их нашли, не имея терпения ждать, пока их приготовят. Сто двадцать человек были похоронены в ту ужасную зиму.

Вечером 3 сентября весь флот, включая шестнадцатитонное суденышко, названное Postillion, которое было собрано в проливе, вошел в Южное море. Вскоре разразившаяся буря разлучила их, оставив Верность и Веру супругами, а остальных разбросав во все стороны. Однако приключения Верности и Фейт требуют, чтобы мы следовали за ними в их судьбах по всему миру. Де Верт обнаружил, что его корабль почти немореходен, без капитана, без рабочих рук и с двумя пилотами, слишком старыми, чтобы работать эффективно. Пережив очередной шторм, который едва не отправил суда на дно, оба капитана решили вернуться в пролив и переждать там в какой-нибудь безопасной бухте благоприятного ветра. 27-го они прибыли в устье пролива, и течение отнесло их примерно на семь лиг вглубь материка.

Приближалось антарктическое лето, и они надеялись на хорошую погоду, но за два месяца пребывания у них едва ли нашелся день, чтобы просушить паруса. Моряки начали роптать, утверждая, что им не хватит сухарей для возвращения в Голландию, если они останутся здесь дольше. После этого де Верт зашел в хлебную, как бы для того, чтобы осмотреть склад, и, выйдя оттуда, с веселым видом объявил, что печенья хватит на восемь месяцев, хотя на самом деле его едва хватило на четыре. 3 декабря им удалось покинуть пролив, но из-за какой-то неумелости они встали на якорь в лиге друг от друга, с точкой суши между ними, которая перекрывала обзор. Порывистый ветер сорвал "Фиделити" с якорей, и она была вынуждена продолжать плавание в одиночку. По прибытии на Молуккские острова она подверглась нападению и была взята в плен португальцами.

Таким образом, Себальд де Верт остался без супруги и почти без команды. При выходе из пролива и буксировке единственной оставшейся лодки за кормой трос оборвался, и лодка

поплыла по течению, и ее больше не нашли. На следующее утро они увидели приближающуюся к ним лодку, которая, как оказалось, принадлежала другому голландскому флоту под командованием Оливера Ван Ноорта, направлявшемуся в Южное море и Ост-Индию. Де Верт попытался плыть вместе с ними, но из-за ухудшения состояния его команды — всего сорок восемь человек осталось из ста десяти — это стало невозможным. В конце концов он отказался от всех попыток продолжить плавание и, пользуясь западными ветрами, вернулся через пролив в Атлантику. Он бросил якорь у островов Пингвинов, где было поймано и засолено большое количество птиц. Несколько моряков, находившихся на берегу, обнаружили патагонскую женщину среди скал, где она пыталась спрятаться. Хроника так говорит о ней: "Состояние, более пагубное, чем то, до которого была доведена эта женщина, благодать Божья не допустила, чтобы оно стало уделом многих. Корабли Ван Ноорта останавливались у этого острова около семи недель назад, где эта женщина была одной из многочисленного племени патагонцев; но они были жестоко перебиты людьми Ван Ноорта. В то же время она была ранена, но выжила, чтобы оплакивать гибель своей расы, одинокой обительницы скалистого, пустынного острова. Де Верт подарил ей нож, но оставил ее без каких-либо средств изменить свое положение, хотя она дала понять, что желает, чтобы ее перевезли на континент.

21 января 1600 года он покинул пролив у восточного входа и направился домой. Шесть месяцев спустя он вошел в пролив Гори в Голландии, потеряв за время плавания шестьдесят девять человек. Корабль отсутствовал два года и шестнадцать дней, большую часть из которых использовали не по назначению. Она пробыла в Южных морях всего двадцать четыре дня и провела девять месяцев в Магеллановом проливе, а остаток - в переходах туда и обратно. "Фейт", тем не менее, повезло больше, чем ее спутникам, ибо она была единственным кораблем из пяти, плававших под командованием Джейкоба Маху, который когда-либо вернулся домой. "Милосердие" было брошено в море; "Надежда" была разграблена японцами в Бунго; "Радостная весть" была захвачена испанцами в Вальпараисо; и, как мы уже говорили, "Верность" попала в руки португальцев на островах Пряностей. О судне *Postillion shallor*, которое было спущено на воду в проливе, никто ничего не слышал после того, как оно вошло в Тихий океан.

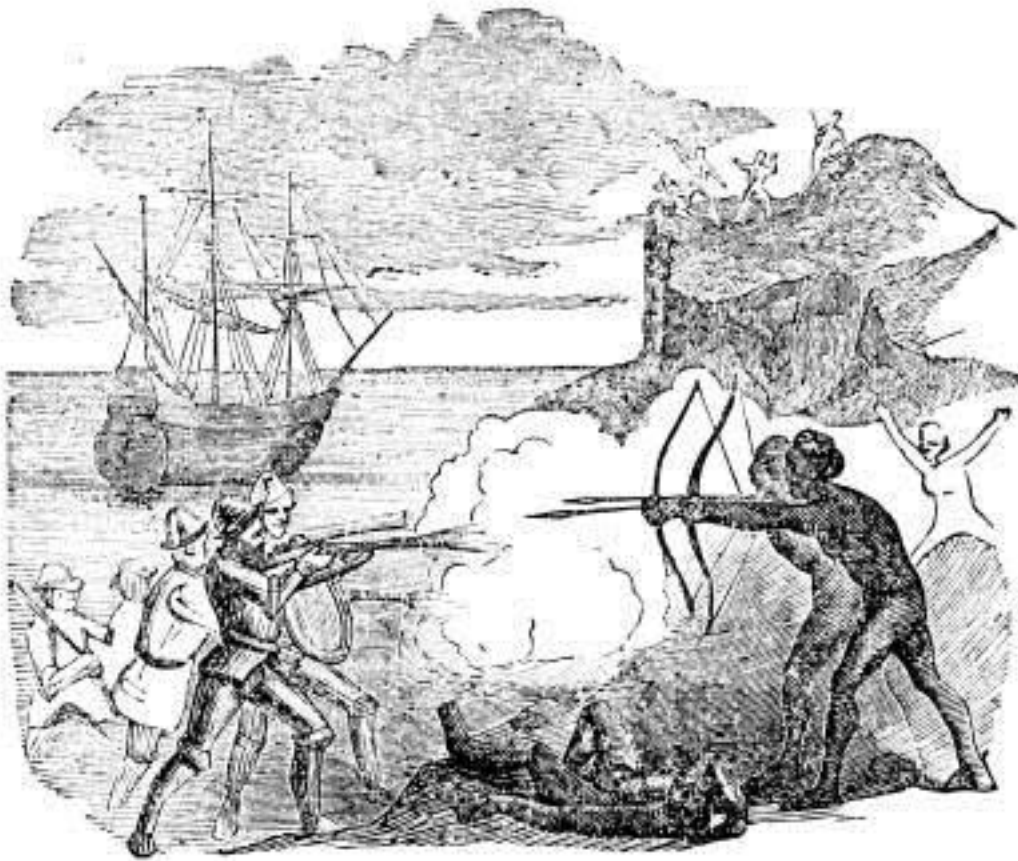
План экспедиции в Южные моря под руководством Оливера Ван Ноорта был во всех отношениях аналогичен плану Маху и де Вирта, а снаряжение было изготовлено за совместные средства компании торговцев. Снаряженными судами были "Маврикий", тоннаж которого не указан, на котором плавал в качестве адмирала Ван Ноорт, уроженец Утрехта и опытный моряк, "Хендрик Фредерик" и две яхты, на которых в общей сложности находилось двести сорок восемь человек. Инструкции адмиралу заключались в том, чтобы пройти через Магелланов пролив в Южное море, совершить круиз у берегов Чили и Перу, перейти к Молуккским островам для торговли, а затем, вернувшись домой, завершить кругосветное плавание. Он отплыл 13 сентября, через три месяца после отплытия Пяти кораблей из Роттердама.

На острове Принсес, недалеко от побережья Гвинеи, — станции, удерживаемой португальцами, — гарнизон не соблюдал перемирие под флагом Ван Ноорта, и двое голландцев были убиты и шестнадцать ранены. Ван Ноорт отомстил за это оскорбление, сожгв все сахарные заводы, к которым он осмелился приблизиться. Он высадил одного из своих лоцманов на берег на мысе Гонсалвес за мятежные действия. Он достиг берегов Бразилии в начале февраля 1519 года; но на совете было решено, что, поскольку Южная зима была так близка, они проведут зимовку на острове Святой Елены. Они поплыли на восток и потратили три месяца на поиски острова, но тщетно. В конце мая они неожиданно

снова оказались у берегов Бразилии; но португальцы воспротивились их высадке. 18 июня военный совет приговорил двух человек, констебля и артиллериста, "к отправке в любую чужую страну, где они могли бы в дальнейшем быть полезными", за мятеж; а еще одного моряка приговорили к тому, чтобы привязать ножом через руку к мачте и оставаться там до тех пор, пока он не освободится, перерезав себе руку посередине. Этот варварский приговор был приведен в исполнение.

После сожжения одной из яхт, которая оказалась непригодной к эксплуатации, флот направился к проливу и 4 ноября бросил якорь у мыса Виргиния. Здесь корабль Ван Ноорта потерял три якоря, и адмирал написал вице-адмиралу, чтобы тот предоставил ему один из своих. Последний отказался, заявив, что он такой же хозяин положения, как и Ван Ноорт, — проявление дерзости, за которую адмирал заявил, что накажет при первом удобном случае. Суда входили в пролив четыре раза и столько же раз были вынуждены возвращаться обратно из-за сильного ветра. 27-го числа они прибыли к двум островам Пингвинов. Именно здесь произошла сделка, о которой мы упоминали в статье Себальда де Верта. Это произошло следующим образом:

На самом маленьком из островов были замечены несколько туземцев, которые делали голландцам знаки не приближаться и сбросили им со скал несколько пингвинов. Видя, что чужаки продолжают приближаться, они выпустили в них стрелы, на которые голландцы ответили пулями. Дикари бежали в поисках убежища в пещеру, где они спрятали своих женщин и детей. Голландцы преследовали их и использовали свое огнестрельное оружие с неослабевающей свирепостью, не получая практически никакого урона от слабых снарядов туземцев. Последние продолжали сражаться, защищая своих женщин и детей, с неослабевающим мужеством, и только после того, как был убит последний из них, голландцы смогли войти. Внутри они обнаружили множество несчастных матерей, которые соорудили баррикады из собственных тел, чтобы защитить своих детей. Нескольких из них они убили и еще больше ранили. Семь недель спустя, как уже было сказано, Себальд де Верт обнаружил, что племя уничтожено, а в живых осталась только одна женщина. Ван Ноорт взял на борт флота шестерых детей. Впоследствии один из мальчиков научился говорить по-голландски, и от него были получены несколько скудных сведений о племени, к которому он принадлежал, но которые были далеки от компенсации вопиющего акта жестокости, приведшего к пленению его товарищей по изгнанию и его самого.

ДРАКА МЕЖДУ ГОЛЛАНДЦАМИ И ПАТАГОНЦАМИ.

Мужчины сошли на берег близ мыса Фроурд, и некоторые из них съели траву, которая свела их "с ума". Во время стоянки здесь на якоре плотники построили лодку длиной в киль тридцать семь футов; кузнец установил свою кузницу, в то время как лесорубы делали древесный уголь из срубленных деревьев. Поднялся легкий ветер, вице-адмирал, не получив приказа, выстрелил из пушки и тронулся в путь, и, хотя адмирал оставался неподвижным, продолжал плыть и стрелять из пушек, как будто он был главнокомандующим. Таково, сказал Ван Ноорт, влияние на вице-адмирала большего количества якорей, чем у его начальника. Он приказал арестовать его и предстать перед судом по обвинению в подстрекательстве к мятежу путем неподчинения и дал ему три недели на подготовку своей защиты. В этот период число погибших на флоте составило девяносто семь человек.

Когда истекли три недели, суда все еще находились в проливе, и совет был собран на борту адмиральского судна, чтобы заслушать защиту заключенного, которая оказалась недостаточной для его оправдания, и он был приговорен к высадке на берег и оставлению в проливе. Этот приговор был публично зачитан на борту разных кораблей, и 26 января 1600 года Якоб Клаас был доставлен в лодке на берег с небольшим запасом хлеба и вина. Таким образом, он был предоставлен самому себе среди диких зверей и еще более диких обитателей. Ван Ноорт приказал прочесть молитву и увещевание во флоте во время приведения в исполнение этого ужасного приговора.

Все еще стоя на якоре в проливе в середине февраля, адмирал объявил о своей решимости продержаться еще два месяца и, если по-прежнему невозможно будет достичь Тихого океана с запада, повернуть на восток и достичь его у мыса Доброй Надежды. 29-го, когда ветер переменялся, Ван Ноорт с двумя кораблями и яхтой после утомительного полуторагодичного плавания наконец вошел в Великое Южное море. Шторм вынудил

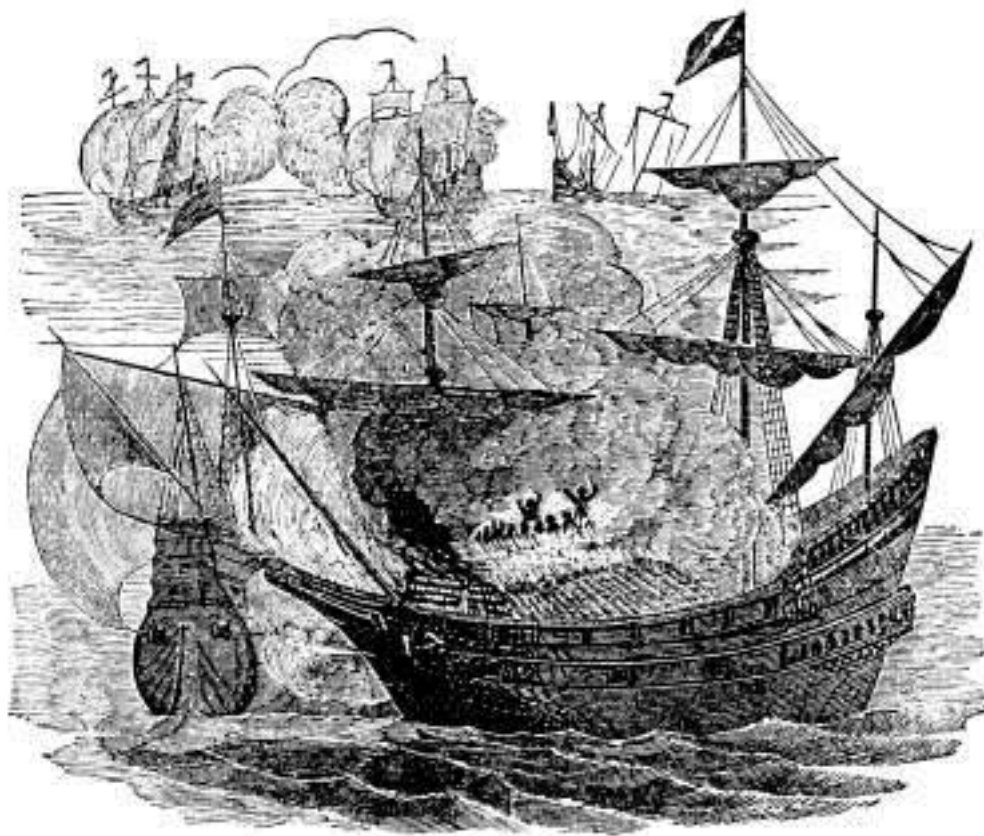
адмирала бросить баркас, который был построен на мысе Фроуорд, и вынудил нового вице-адмирала расстаться с компанией. Его корабль больше никто не видел. Во время стоянки на якоре у побережья Чили один из моряков, которых мы уже упоминали как приговоренных к высадке на любом побережье, где они могли бы быть полезны, был отправлен на берег для начала переговоров с туземцами. Если ему это удавалось и он возвращался в безопасности, его приговор должен был быть смягчен. Его благосклонно принимали, и была налажена регулярная торговля. Официальный рассказ о путешествии так описывает гостеприимство местных жителей: "Пожилая женщина принесла нам глиняный сосуд, полный напитка острого вкуса, который мы от души выпили. Этот напиток готовится из кукурузы и воды и заваривается следующим образом: старые женщины, потерявшие зубы, жуют кукурузу, которую, смешав таким образом с их слюной, кладут в кадку и добавляют в нее воду. У них есть суеверное мнение, что чем старше женщины, которые жуют кукурузу, тем вкуснее будет напиток. И этим напитком туземцы опьяневают и празднуют свои праздники".

Вскоре после этого корабль Ван Ноорта бросился в погоню за испанцем, которого было важно захватить, чтобы он не поднял тревогу по всему побережью. Она показала себя Добрым Иисусом и была размещена там специально для того, чтобы заблаговременно уведомлять о появлении странных парусов. Ее забрали, и призовой мастер был назначен на борт для управления ею. Одна из заключенных впоследствии заявила, что во время ее бегства за борт было выброшено золота весом в десять тысяч фунтов; и это было подтверждено лоцманом, который сначала отрицал это, но, подвергнутый пыткам, сознался. Теперь Ван Ноорт держал курс на Филиппины, через Ладроны. 30 июня лоцману "Доброго Иисуса", который ел за столом адмирала, стало плохо, и он обвинил Ван Ноорта в желании отравить его и поддержал это обвинение в присутствии офицеров. Он был приговорен к тому, чтобы быть брошенным головой вперед в море — установленный голландцами способ наказания пиратов. "Поэтому мы выбросили его за борт, - говорится в дневнике, - и оставили тонуть, чтобы он никогда больше не упрекал нас в каком-либо предательстве". "Добрый Иисус" потерял руль и, будучи сильно протекающим, был брошен посреди океана.

Пока Ван Ноорт таким образом продвигался к Манилье, в этом месте велись приготовления к обороне. Кавите, порт, был укреплен; было приказано вооружить и снарядить два галеона. Голландская эскадра прибыла у входа в бухту 24 ноября, и Ван Ноорт решил оставаться там до февраля, чтобы перехватывать все суда, направляющиеся в бухту. Вскоре он остановил японское судно, груженное железом и окороками. Он позволил ей продолжить движение, предварительно купив деревянный якорь. Он отмечает в дневнике, что видел японские ятаганы, которые могли разрубить трех человек одним ударом, и что рабов держали с целью предоставить покупателям необходимое доказательство их нрава. Затем он захватил испанское судно, груженное кокосовым вином, и китайскую джонку, груженную рисом. Грузы были перевезены, а суда потоплены.

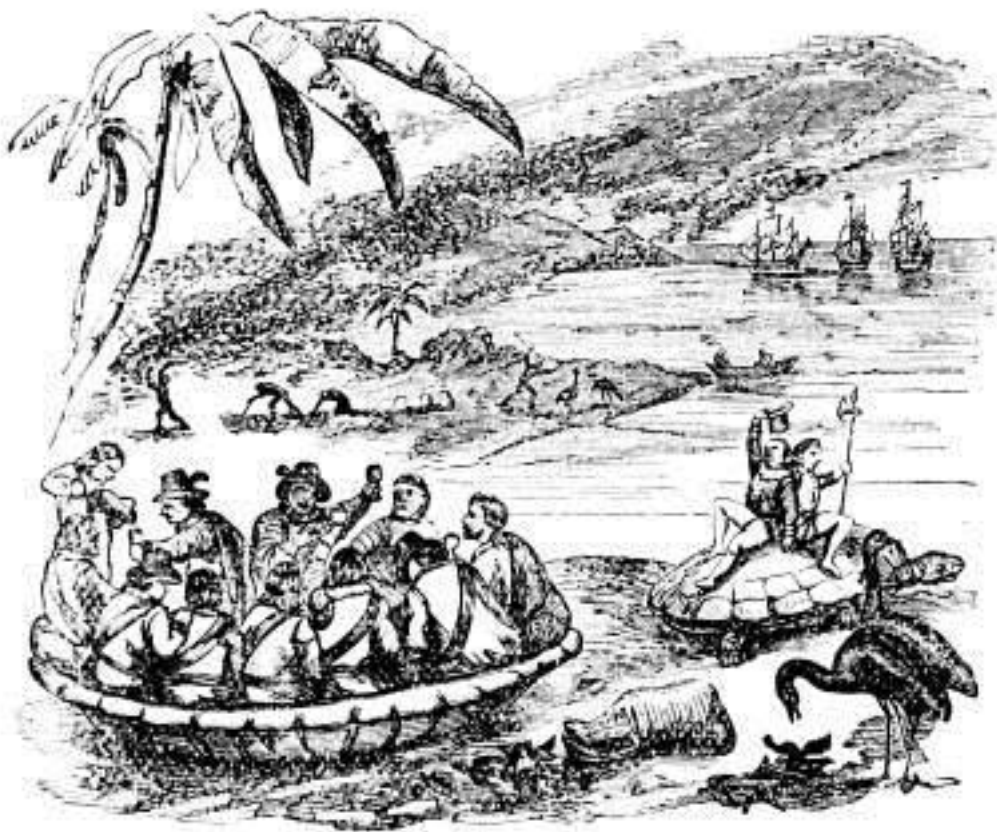
Ранним утром 14 декабря были замечены два галеона, приближавшихся к голландской эскадре, которая теперь шла под двумя парусами, — "Маврикий" с пятьюдесятью пятью матросами и "Конкорд" с двадцатью пятью. Предполагается, что на испанских кораблях было по двести человек на каждого. Они держали курс прямо на врага, но не могли открыть ответный огонь, поскольку ветер с правого борта вынуждал их держать подветренные порты закрытыми. Испанский адмирал направил свой корабль прямо на голландского адмирала, и его люди сразу же одолели последнего одной лишь численностью. Голландцы отступили с палубы и преследовали испанцев с близкого расстояния. На "Маврикий" был поднят флаг, после чего капитан "Конкорда", решив, что его командир сдался, попытался спастись бегством, будучи преследуемым испанским вице-адмиралом.

Однако голландский адмирал еще не был взят в плен. Испанцы оставались хозяевами открытой палубы в течение шести часов, и Ван Ноорт сказал своим людям, что они должны подняться наверх и изгнать врага, иначе он подожжет склад и взорвет корабль. В испанском отчете говорится, что в этот момент они сами были вынуждены отцепить свой корабль и вывести своих людей, так как загорелась кормовая часть "Холландера". Во всяком случае, оба судна были обезврежены, и бой возобновился с применением пушек. Испанское судно так быстро набирало воду, что вскоре после этого пошло ко дну. Голландцы гребли на лодках среди сопротивляющихся испанцев, нанося им удары ножом по голове. В отместку за это офицеры и экипаж "Конкорда", который был легко захвачен испанским вице-адмиралом, были доставлены в Манилю и казнены как пираты и мятежники. На корабле Ван Ноорта было убито всего пять человек, двадцать шесть были ранены более или менее серьезно. Он продолжил свой путь только на одном судне, заходя на Борнео, Яву и Маврикий. В последнем месте, где он обнаружил другие суда, стоящие на якоре, его людей ждало очень приятное развлечение, и однажды десять из них обедали в перевернутом черепаховом панцире, причем первый обитатель удалился, чтобы накормить новых жильцов супом и гостиней.

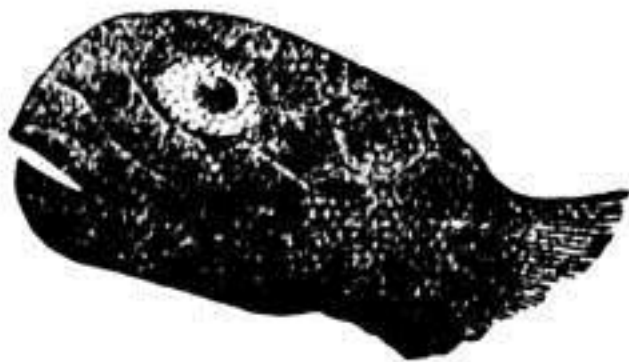

ДВА АДМИРАЛА НА БЛИЗКОМ РАССТОЯНИИ.

Ван Ноорт прибыл в Роттердам 26 августа 1601 года, где его приняли с величайшей радостью, поскольку он отсутствовал всего две недели из трех лет. Это было первое голландское судно, совершившее кругосветное плавание, и единственный из девяти кораблей, отплывших из Голландии в 1598 году по этому проекту, которому удалось его реализовать. Это путешествие не внесло никакого вклада в географию, но, несмотря на примеры варварства, которыми оно изобиловало, укрепило воинственную и коммерческую репутацию страны и, следовательно, было встречено благосклонностью как правительства, так и народа.

ГОЛЛАНДСКИЙ ПИКНИК На МАВРИКИИ.

ГОЛОВА ЧЕРЕПАХИ.

ЖЕНЩИНА И РЕБЕНОК ИЗ ЭСПИРИТУ-САНТУ.

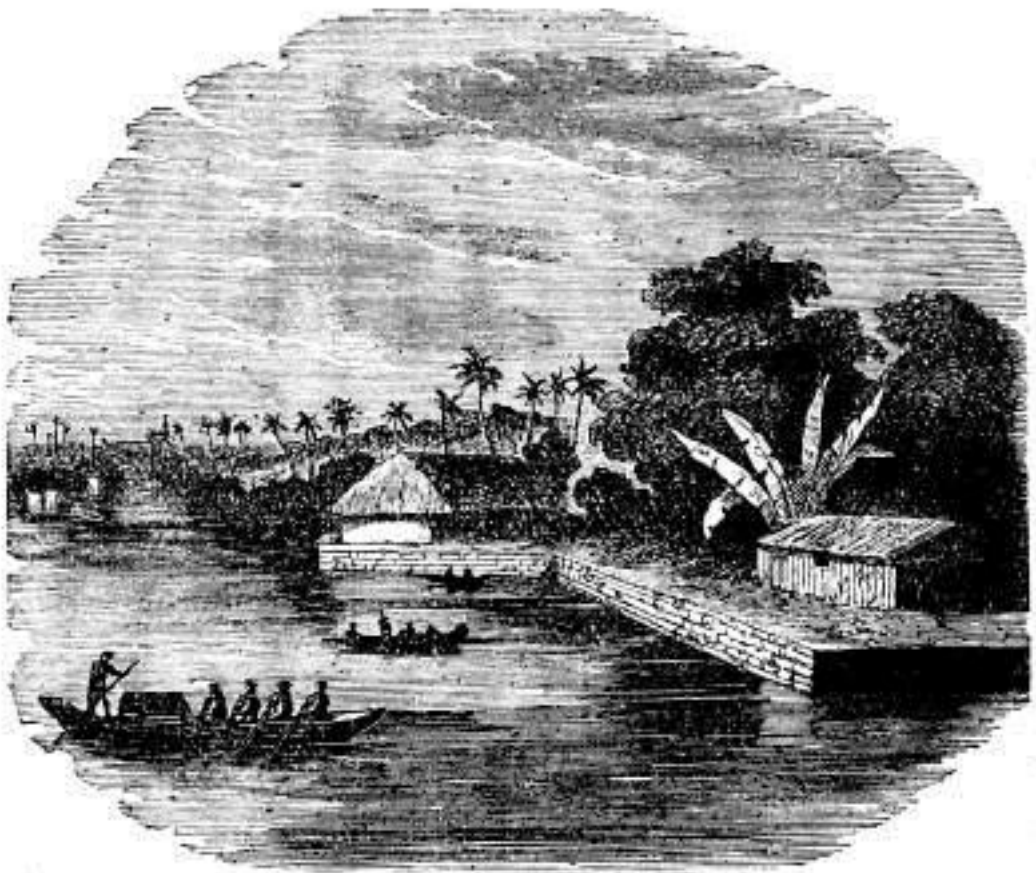
ГЛАВА XXXIII.

ТЕОРИЯ КИРОСА О ЮЖНОМ КОНТИНЕНТЕ —ЕГО АРГУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ—ЕГО ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—ОТКРЫТИЯ—ЭНКАРНАСЬОН—САГИТТАРИЯ, ИЛИ ТАИТИ— ОПИСАНИЕ ЭТИХ ОСТРОВОВ—МАНИКОЛО—ЭСПИРИТУ—САНТО—ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБИТАТЕЛИ—КИРОС Перед КОРОЛЕМ ИСПАНИИ—ЕГО ВЕРА В ОТКРЫТИЕ КОНТИНЕНТА— ЕГО РАЗОЧАРОВАНИЕ—ВОЗОБНОВЛЕННЫЕ ПРОСЬБЫ—СМЕРТЬ КИРОСА—ОТКРЫТИЯ ТОРРЕСА—ЛОНДОНСКАЯ МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ—ГЕНРИ ХАДСОН—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА ШПИЦБЕРГЕН И НОВУЮ ЗЕМЛЮ—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В АМЕРИКУ — БРОСАЕТ ЯКОРЬ В СЭНДИ—ХУК—ПОДНИМАЕТСЯ По РЕКЕ ГУДЗОН До ОЛБАНИ —ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСЛАНДИЮ И ГУДЗОНОВ ЗАЛИВ—УЖАСНАЯ ЗИМА—МЯТЕЖ - ХАДСОН БРОШЕН На ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ - ЕГО СМЕРТЬ.

В предыдущей главе мы говорили, что Педро Фернандес де Кирос был пилотом второй экспедиции Менданы. Во время путешествия он глубоко размышлял о вероятности существования Южного континента: по возвращении в Перу он подтвердил это и посвятил остаток своей жизни осуществлению плана открытия. Он был первым, кто выдвинул научные аргументы в поддержку этой теории, которой, кстати, было суждено будоражить и интересовать мир в течение двух столетий, вплоть до ее окончательного ниспровержения Куком. Он подарил два мемориала дону Луису де Веласко, вице-королю, молясь о кораблях,

людях и других предметах первой необходимости, с помощью которых "бороздить воды неизвестного моря и искать неоткрытые земли вокруг Антарктического полюса, центра этого горизонта". Многие из его аргументов были глубокими и произвели глубокое впечатление на вице-короля, который, однако, ответил, что желания Кироса выходят за пределы его полномочий. Тем не менее он отправил его с настоятельными рекомендациями в испанский суд. Филипп III благосклонно отнесся к его проектам и приказал, чтобы Кирос лично отправился в экспедицию "среди этих скрытых провинций и отделенных регионов — экспедицию, предназначенную для того, чтобы завоевывать души для небес и королевства для короны Испании". Кирос вернулся в Лиму "с самыми почетными расписаниями, которые когда-либо утверждал Государственный совет". Он представил свои документы вице-королю и, забыв о препятствиях и обескураживании, с которыми сталкивался в течение одиннадцати лет, приступил к своей новой и кропотливой работе. Он построил три корабля и отплыл 20 декабря 1605 года, держа курс с запада на юг.

В тысяче лье от Перу он открыл небольшой остров, который назвал Энкарнасьон; другим, малозначительным и необитаемым, он дал имена Сантельмо, Сан-Мигель и Архангельск; десятый он назвал Дезена. 10 февраля 1606 года с верхушки мачты была видна суша, и, ко всеобщей радости, во многих точках были замечены поднимающиеся столбы дыма — безошибочный признак того, что земля обитаема. Лодка приближалась к полосе прибоя, через которую, казалось, невозможно было добраться до берега. Молодой человек по имени Франсиско Понсе снял с себя одежду, сказав, что, если они таким образом отвернутся от первой же представившейся опасности, у них не будет никакой надежды на конечный успех. Он бросился в море и после ожесточенной борьбы с отступающими волнами вскарабкался на скалу к тому месту, где его ждала сотня индейцев. Они, казалось, были довольны его решением и часто целовали его в лоб. Был заключен мир и указано безопасное место для стоянки. Открытый таким образом остров впоследствии стал, по многим причинам, самым известным во всем Тихом океане. Кирос назвал его Сагиттарией, но сейчас он известен как Таити или Отахеите. Позже у нас будет возможность подробно описать этот прекрасный оазис в водной пустыне.

СЦЕНА НА ТАИТИ.

Флот пробыл здесь всего два дня, а затем продолжил свой путь. Кирос открыл несколько островов, которые с тех пор больше никто не видел. Одному из них он дал название Исла—де-ла-Генте-Эрмоса, - Остров Красивых людей. Убеденный, что материк должен быть рядом, он продолжал поиски того, что он называл "матерью стольких островов". В одном месте по имени Таумако он схватил четырех туземцев, которые должны были служить ему проводниками и переводчиками, и увел их с собой. Его во многом обвиняли в этом акте предательства по отношению к людям, которые относились к нему с добротой и гостеприимством. Трое из четверых прыгнули за борт в течение двух последующих дней и сбежали на близлежащие острова. Вождь острова, куда он их привез, сообщил ему, что, если он изменит свой курс с запада на юг, то выйдет к большому плодородному и населенному участку под названием Маниколо. Следуя этому совету, он открыл острова Тукопия и Нуэстра-Сеньора-де-ла-Лус. Сомнительно, что кто-либо из них был замечен последующими мореплавателями. 26 апреля он высадился на сушу, которую принял за континент, который искал, и которому дал название Огненная земля Австралии-дель-Эспириту-Санто. Бугенвиль и Кук, прибывшие сюда полтора столетия спустя, сочли себя оправданными, убедившись, что это группа островов, а не континент, и окрестили их заново: Бугенвиль назвал их Гранд—Кикладами, а Кук - Новыми Гебридами.

Кирос оставил восхитительную картину этого плодородного и восхитительного места. "Реки Иордан и Сальвадор, - говорит он, - придают немалую красоту своим берегам, потому что они полны душистых цветов и растений. Приятные рощи повсюду выходят к морю: мы поднялись на вершины гор и увидели плодородные долины и реки, извивающиеся среди зеленых лугов. В целом это страна, которая, без сомнения, имеет преимущество перед странами Америки, и лучшим из европейцев будет хорошо, если они будут равны. Он изобилует разнообразными

и вкусными фруктами, картофелем, бататом, бананами, апельсинами, лаймами, сладким базиликом, мускатным орехом и черным деревом, которые можно собирать в любое время года без помощи серпа, плуга или других приспособлений. Здесь также водятся крупный рогатый скот, птицы многих видов и очаровательных оттенков, медоносные пчелы, попугаи, голуби и куропатки. Дома, в которых живут индейцы, низкие, крытые соломой, и сами они черного цвета. Бывают землетрясения — признак материка." Испанцы сочли невозможным заключить мир с туземцами, и те несколько дней, которые они провели там, прошли в пререканиях и кровопролитии.

На этом достижения и открытия Кироса, по сути, заканчиваются. Его корабли были разделены, а его собственная команда выведена из строя из-за воздействия ядовитой рыбы, которую они съели. Он созвал совет своих офицеров и поинтересовался их мнением о выборе пути — продолжить плавание в Китай или вернуться в Мексику. Было принято решение о последнем. Кирос прибыл в Акапулько через девять месяцев после своего отъезда из Кальяо.

Вскоре он вернулся в Испанию, где представил Филиппу III мемориал по результатам своего путешествия и преимуществ дальнейших усилий в том же направлении. Его главный аргумент в пользу теории о том, что он открыл австралийский континент, был взят из показаний Педро — единственного из четырех похищенных дикарей Таумако, кто остался на борту. Последующий меморандум показывает судьбу, с которой столкнулись все его представления Филиппу: "Я, капитан Педро Фернандес де Кирос, заявляю, что вместе с этим я представил вашему величеству восемь меморандумов, касающихся страны Австралия Инкогнито, до сих пор со мной не было принято никакого решения, мне не было дано никакого ответа и не было надежды заверить меня в том, что я буду отправлен, — пробыв четырнадцать месяцев при этом дворе и четырнадцать лет занимаясь этим делом без жалования или какой-либо другой выгоды, имея в виду только его успех; с чем, преодолевая бесконечные противоречия, я ушел по суше и морю двадцать две тысячи лье, тратя все свое состояние и причиняя неудобства своей персоне, претерпевая так много и такие ужасные страдания, что даже мне самому они кажутся невероятными: и все это произошло для того, чтобы не бросать это дело, в котором столько добра и милосердия. Во имя которого и все ради любви к Богу я умоляю ваше величество не пренебрегать этими бесчисленными благами, которые будут длиться до тех пор, пока существует мир, а затем станут вечными".

Затем Кирос переходит к подробному описанию островов и континента, которые он видел. По его словам, их протяженность была такой же, как у Европы, Малой Азии, Англии и Ирландии. У них не было таких беспокойных соседей, как турки или мавры. Люди были умны и способны к цивилизации. Хлеб рос на деревьях. Из пальмы получались спиртные напитки, уксус, мед, сыворотка и пунш. Зеленый кокосовый орех подавался вместо артишока, в зрелом виде - к мясу и сливкам, а в зрелом - к маслу, воску и бальзамам. Из ракушек готовили чашки и бутылки. Волокна давали паклю, веревки и лучшую медленную вязку. Из листьев делали паруса, циновки и соломенную крышу. Сельскими огородными продуктами были тыквы, петрушка, "с привкусом фасоли". Мясо состояло из свиней, домашней птицы, каплунов, куропаток, гусей, индеек, кольчатых голубей и коз, "с намеком на коров и буйволов". Богатствами были серебро, жемчуг и золото. Специями были мускатный орех, мускатный орех, перец и имбирь, "с привкусом корицы и гвоздики". Там было черное дерево и бесконечное количество древесины для строительства кораблей. На рассвете воздух наполнился пением тысяч птиц — соловьев, дроздов, жаворонков, щеглов и ласточек, — не считая стрекотания кузнечиков и сверчков. Каждое утро и вечер ветерок доносил благоухающие ароматы цветов апельсина и душистого базилика. Этот полный энтузиазма

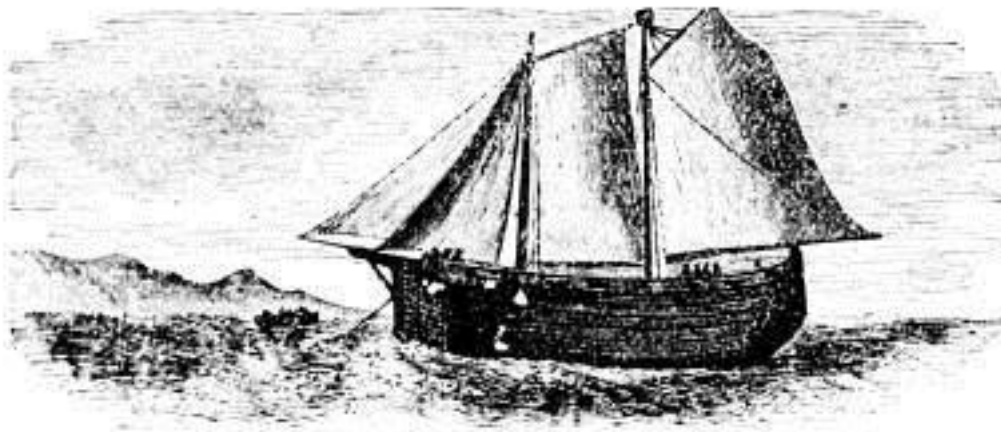
документ завершается следующим образом: "Я могу показать это в компании математиков, что эта земля в настоящее время может вместить и прокормить двести тысяч испанцев. Никто из наших мужчин не заболел из-за непосильной работы, потливости или промокания. Рыба и мясо сохранялись здоровыми два или более дня. Я не видел ни песчаной почвы, ни чертополоха, ни колючих деревьев, ни мангровых болот, ни снега на горах, ни крокодилов в реках, ни муравьев в пыли, ни комаров по ночам.

"Приобретайте, сир, поскольку вы можете за небольшие деньги, которые потребуются лишь однажды, — приобретайте небеса, вечную славу и этот новый мир со всеми его обещаниями. Прикажите приготовить галеоны, сир, ибо мне нужно отправиться во многие места, многое обеспечить и сделать. Пусть будет замечено, что во всем я буду очень покорен разуму и буду доставлять удовлетворение во всем".

Слабый преемник Карла V не обратил внимания на эти волнующие призывы, и Кироса, который, хотя и был португальцем по происхождению, часто называют последним из испанских героев, умер в Панаме на обратном пути в Лиму.

Мы упоминали о рассредоточении флота Кироса после выхода из Эспириту-Санту. Мы должны на мгновение вернуться к этому инциденту, чтобы проследить за кораблем Луиса Вазса де Торреса, заместителя командира. Он продолжил свое путешествие на юго-запад и увидел достаточно Эспириту-Санту, чтобы убедиться, что это не континент. Он совершил бы кругосветное плавание, если бы позволяло время года. Оказавшись, наконец, к северу, он наткнулся на многочисленные острова, богатые жемчугом и пряностями, и "проплыл восемьсот лиг вдоль южного берега какой-то неизвестной ему земли". Это не могло быть никаким другим берегом, кроме Папуа или Новой Гвинеи; и считается положительным тот факт, что он был первым европейцем, увидевшим этот знаменитый и примечательный остров. Он обнаружил, что все это море усеяно группами островов, производящих специи и обычные тропические фрукты. Он отправился на Филиппины, где рассказал о своих приключениях с момента расставания с Киросом.

В то время как эти выдающиеся мореплаватели таким образом исследовали регионы, лежащие около экватора, другой искатель приключений, не менее предприимчивый, пытался достичь Полюса. Генри Хадсон, моряк, известный своими отважными достижениями, был назначен в 1607 году Лондонской московской компанией командовать судном, предназначенным для проникновения в Китай арктическими морями к северу от Европы. Его команда состояла из десяти мужчин и мальчика. Он дошел до Гренландии и вернулся через Шпицберген, будучи убежден, что льды образовали непреодолимую преграду на пути дальнейшего продвижения. Он снова отправился в путь в 1608 году и, держась больше на восток, прошел на север Норвегии, Швеции и России до Новой Земли. Лед снова остановил его, и он вернулся, убежденный, что северо-восточного прохода не существует. На следующий год его снова послали с тем же поручением; но, по-прежнему безуспешно, он пересек Атлантику и направился в Америку. Он прошел вдоль побережья континента до Чесапикского залива, а затем вернулся на север, вошел в залив Делавэр и 2 сентября оказался в поле зрения высокогорья Неверсинк. Он назвал это "хорошей землей, к которой можно пристать, и приятной для осмотра". На следующее утро он миновал Сэнди-Хук и бросил якорь там, где сейчас находится Нижняя бухта Нью-Йорка. "Каким событием, - говорит Эверетт, - в истории американского населения, предприимчивости, торговли, интеллекта и могущества стала бросок якоря в Сэнди-Хук!"

СУДНО ХАДСОНА "ПОЛУМЕСЯЦ" У БЕРЕГОВ СЭНДИ-ХУК.

"Здесь он задержался на неделю, - продолжает тот же автор, - в дружеских сношениях с туземцами Нью-Джерси, пока команда лодки исследовала воды до залива Ньюарк. А теперь главный вопрос: повернуть ли ему назад или подняться вверх по течению? Хадсон принадлежал к расе, не склонной поворачивать назад ни по морю, ни по суше. 11 сентября он поднял якорь на "Полумесяце" и прошел через пролив Нэрроуз, созерцая по обе стороны "такую прекрасную землю, на какую только можно ступить"; корабль, осторожно и медленно плывущий вверх по благородному течению, - первый, который когда-либо покоился на его лоне. Он миновал Палисейдс, темный базальтовый камень Природы; форсировал железные ворота Нагорья; 14-го бросил якорь недалеко от Вест-Пойнта; на следующий день обогнул его и поднялся вверх по травянистым лугам и запутанным склонам, которые впоследствии будут покрыты улыбающимися деревнями, возвышенными берегами и лесистыми возвышенностями, предназначенными для больших и невеликих городов - Ньюбурга, Покипси, Катскилла; вечером 15-го прибыл "напротив гор, которые поднимаются со стороны реки", где он нашел "очень любящих людей и очень старых мужчин". и на следующий день проплыл мимо этого места, чтобы впоследствии удостоиться чести носить свое собственное прославленное имя. Еще один день переносит его между Шодаком и Каслтоном; и здесь он высадился и провел день с туземцами, встреченный со всевозможным варварским гостеприимством, — земля, "лучшая для возделывания, на которую когда-либо ступала его нога". На следующее утро, с ранним приливом, "Полумесяц" поднялся выше и бросил якорь на глубокой воде, недалеко от места нынешнего города Олбани. Счастлив, если бы он мог завершить свою доблестную карьеру на берегах реки, которая по праву носит его имя, и таким образом избежать печальной и таинственной катастрофы, которая ожидала его в следующем году".

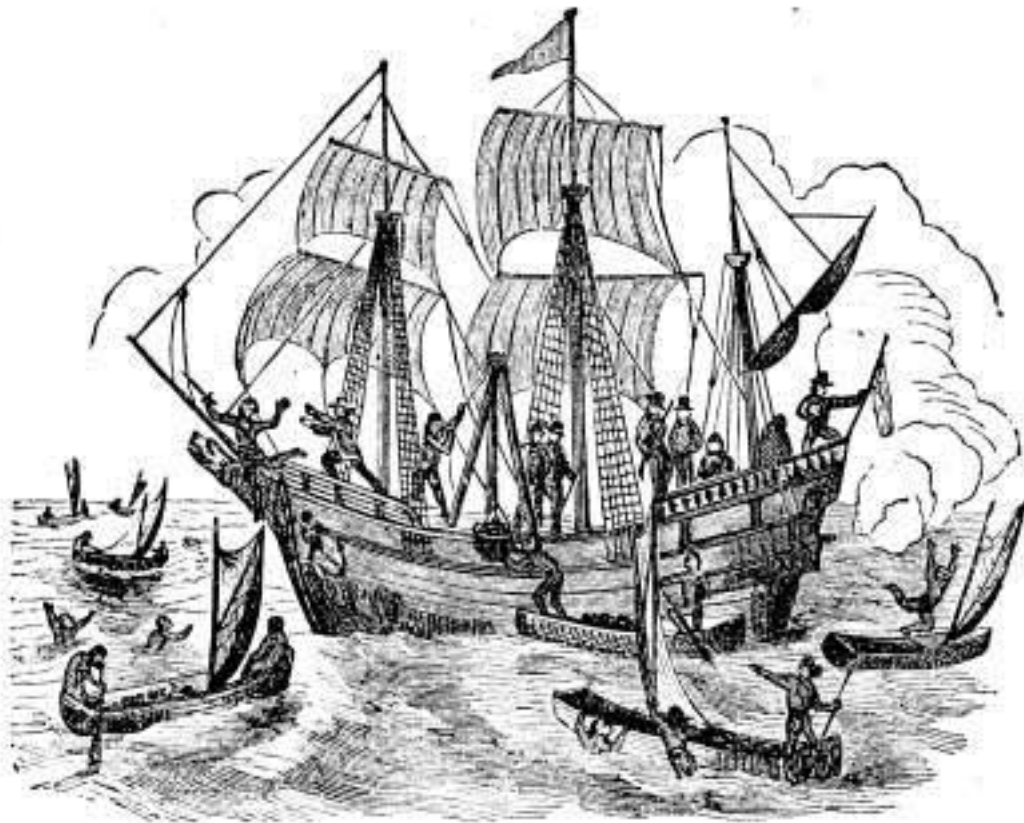
Вскоре после этого он вернулся в Англию; и, не падая духом и не испытывая трудностей в поиске средств для продолжения своих морских приключений, он отправился в плавание в 1610 году на судне водоизмещением пятьдесят пять тонн, с экипажем в двадцать три человека и запасом продовольствия на шесть месяцев. Он зашел на Оркнейские острова и бросил якорь в Исландии. Гора Гекла открыла ему великолепие извергающегося вулкана, а Горячие источники услужливо приготовили ему пищу. Он миновал Гренландию, где солнце садилось на севере. В течение июня и июля он прошел к северу от Лабрадора и проследовал по проливу, который теперь носит его имя. Несмотря на льды и беспорядки среди его команды, которые временами принимали характер мятежа, он продолжал движение в большое внутреннее море, известное как Гудзонов залив. Долгое время он не знал, что это залив, и, естественно, питал надежду, что он вот-вот достигнет цели всех своих усилий — прохода на северо-запад в Китай. Протяженность его поверхности полностью оправдала его

ожидания, поскольку это самое большое внутреннее море в мире, за исключением Средиземного моря.

1 ноября, после поисков зимнего жилья, его люди нашли подходящее место для того, чтобы пристать к берегу со своим судном. Десять дней спустя они замерзли, с провизией, которой едва хватало, на самом скудном пайке, пока не смогли рассчитывать на освобождение ото льда. Награда была предложена тем, кто пополнит общий запас, поймав либо птиц, либо рыбу, либо животных, пригодных в пищу. Был построен дом, но время года было так далеко зашло, что его нельзя было привести в порядок для проживания. Зима была суровая, и люди питались сначала куропатками, затем лебедями и чирками и, наконец, мхом и лягушками. Они облегчали боль в замерзших конечностях, прикладывая к ним горячий отвар, приготовленный из почек, содержащий бальзамоподобное вещество, напоминающее скипидар. Ближе к весне они получали меха от туземцев в обмен на топоры, стекло и пуговицы.

Когда лед растаял, они приготовились к возвращению, так как в день их отъезда был израсходован последний паек хлеба. Среди команды был распространен слух, что Хадсон спрятал некоторое количество хлеба для собственного употребления, и 21 июня вспыхнул мятеж, спровоцированный человеком по имени Грин. Хадсона схватили и связали ему руки. Вместе с больными и теми, у кого мороз отнял конечности, его посадили на отмель и пустили по течению. Ни о нем, ни о лодке, ни о ком-либо из ее команды больше никто никогда не слышал.

Несчастные мятежники проделали большую часть пути домой на корабле, который они таким подлым образом заполучили. Ни один из главарей не дожил до берега. Остальные, испытав самые ужасные муки голода, наконец выбрались на берег.

ГОЛЛАНДСКОЕ СУДНО, ТОРГУЮЩЕЕ В ЛАДРОНАХ.

ГЛАВА XXXIV.

ФЛОТ ЙОРИСА СПИЛБЕРГЕНА—ПРИБЫТИЕ В БРАЗИЛИЮ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ В МАГЕЛЛАНОВОМ ПРОЛИВЕ—ТОРГОВЛЯ НА ОСТРОВЕ МОККО—ПРЕДАТЕЛЬСТВО У САНТА—МАРИИ—УЖАСНОЕ СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ГОЛЛАНДСКИМ И ИСПАНСКИМ ФЛОТАМИ—ОПУСТОШЕНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ—СТЫЧКИ НА СУШЕ—СПИЛБЕРГЕН ОТПЛЫВАЕТ В МАНИЛЬЮ—ПРИБЫТИЕ В ТЕРНАТЕ—ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ—ПУТЕШЕСТВИЕ ШАУТЕНА И ЛЕМЭРА—ЛИМОНАД В СЬЕРРА—ЛЕОНЕ—СТОЛКНОВЕНИЕ В МОРЕ—ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ СТЕЙТЕН—МЫС ГОРН—ПРОЛИВ ЛЕМЭРА—ПРИБЫТИЕ В БАТАВИЮ—КОНФИСКАЦИЯ КОРАБЛЕЙ—ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПУТЕШЕСТВИЯ—ПУТЕШЕСТВИЕ УИЛЬЯМА БАФФИНА—АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XVII ВЕКЕ.

Мы говорили в предыдущей главе, что голландцы сменили португальцев во владении Ост-Индией. Во время борьбы между этими двумя державами за господство над островами Пряностей Голландская Ост-Индская компания решила предпринять энергичные усилия, чтобы достичь Молуккских островов через Магелланов пролив. Они снарядили флот из шести кораблей с целью исследования нового маршрута. Эти корабли получили названия "Великое солнце", "Полумесяц", "Утренняя звезда", "Охотник" и "Си Мью" и были переданы под командование Йориса Спилбергена в качестве адмирала, который уже водил голландский флот в Индию. Он получил свое назначение от их Могущественностей Генеральных штатов. Он отплыл из Текселя 8 августа 1614 года.

Во время пребывания на побережье Южной Америки в Си—Мью вспыхнул мятеж, и двое зачинщиков были приговорены к выбросу в море - приговор, который был неукоснительно приведен в исполнение. Они вошли в Магелланов пролив 28 февраля 1615 года, но снова были вытеснены встречными течениями. Они снова вошли туда 2 апреля и увидели на холмах

людей гигантского роста, мертвые тела, завернутые в шкуры пингвинов, и кусты, на которых росли сладкие ягоды ежевики. Горы были покрыты снегом, но леса были полны попугаев. Водяные кресс-салаты и дерево, кора которого имела жгучий вкус, побудили их дать заливу название Пеппер-Хейвен. Туземцы обменивали украшения из перламутра на ножи и вино. Суда вошли в Южное море 6 мая, а 25-го бросили якорь у острова Мокко, в полулиге от побережья Чили.

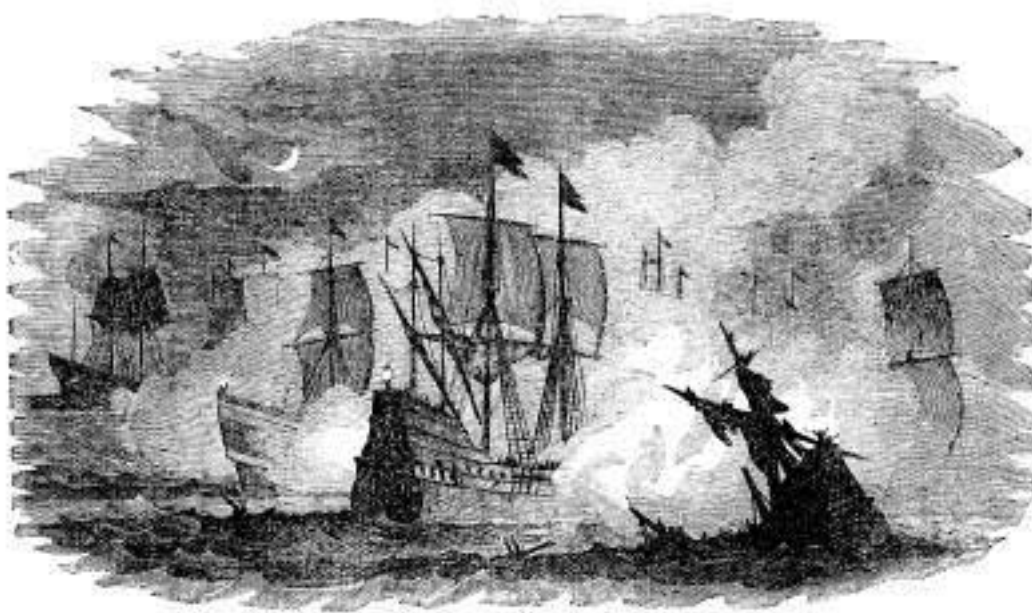
Туземцы были в восторге, узнав, что чужеземцы были врагами испанцев, их угнетателями, и увидев, что их корабли были такими большими и хорошо вооруженными. Вождь острова посетил адмиральский корабль и оставался у него в гостях всю ночь. За двух жирных баранов была назначена цена в виде топора, и по такой цене была получена сотня. Местные жители не разрешали голландцам видаться со своими женщинами, и, наконец, когда они распорядились всей провизией и живым скотом, которые у них были в запасе, сделали им знаки вернуться на свои корабли и отчалить, что Спилберген немедленно выполнил.

29-го числа суда бросили якорь у острова Санта Мария, и, хотя на нем находились испанцы, начались переговоры. Испанец пригласил голландских офицеров отобедать на берегу, и, приняв приглашение и собравшись для этой цели, они либо заподозрили предательство, либо были убеждены, что они достаточно сильны, чтобы помочь себе без переговоров. Они вызвали солдат с кораблей, сожгли несколько домов и угнали пятьсот овец. Испанец, который должен был стать их хозяином, но который теперь был их пленником, сообщил им, что вице-король Перу уже несколько месяцев знал об их приближении и что в Лиме были подготовлены значительные силы для нападения на них. Спилберген решил отправиться на поиски испанского флота: артиллеристам было приказано привести все в боевую готовность, и были обнародованы военные уставы — каждый, от адмирала до швабов, был полон решимости действовать или умереть. Один из приказов гласил, что "во время боя палубы должны были постоянно смачиваться, чтобы не произошло несчастных случаев из-за воспламененного пороха".

В Консепсьоне голландцы высадились и подожгли несколько домов; в Вальпараисо испанцы сожгли одно из своих судов, чтобы оно не попало в руки врага. В Арике — морском порту, куда привозили серебро Потоси для отправки в Панаму, — они захватили небольшое судно, груженное сокровищами. Вечером 16 июля в поле зрения показался испанский флот из восьми парусников. Флагманский корабль "Иисус Мария" насчитывал не менее четырехсот шестидесяти человек экипажа и имел двадцать четыре орудия; и вся эскадра была в той же пропорции лучше обеспечена людьми, чем артиллерией. Командиром был дон Родриго де Мендоса. Он настаивал на немедленной ночной атаке, говоря, что "любые два его корабля могли бы захватить всю Англию и гораздо больше этих голландских кур, которые, должно быть, измучены столь долгим путешествием". Около десяти вечера закрылись "Испанский адмирал" и "Голландский адмирал" — "Иисус Мария" и "Великое солнце". Они поприветствовали друг друга, и состоялся небольшой разговор, прежде чем прозвучал выстрел. Затем атака была начата ружейным огнем при поддержке больших орудий. Корабли обоих флотов подошли друг к другу и вступили в бой. пышностью и обстоятельствами войны не пренебрегали, ибо грохот пушек сопровождался звуками тамбуров и труб. Испанский "Сан-Франциско" получил бортовой залп, которого "Великое солнце" смог избежать от "Хесу Марии", и вскоре после этого пошел ко дну. "Сан" послала одну из своих лодок на выручку, но Охотник принял ее за вражескую лодку и пушечным выстрелом выбросил из воды. Ночь стала очень темной, и флоты постепенно разделились. На следующее утро пять испанских кораблей послали сообщение своему адмиралу, что они собираются сбежать, если смогут. Испанский адмирал и вице-адмирал были связаны вместе для взаимной поддержки и в

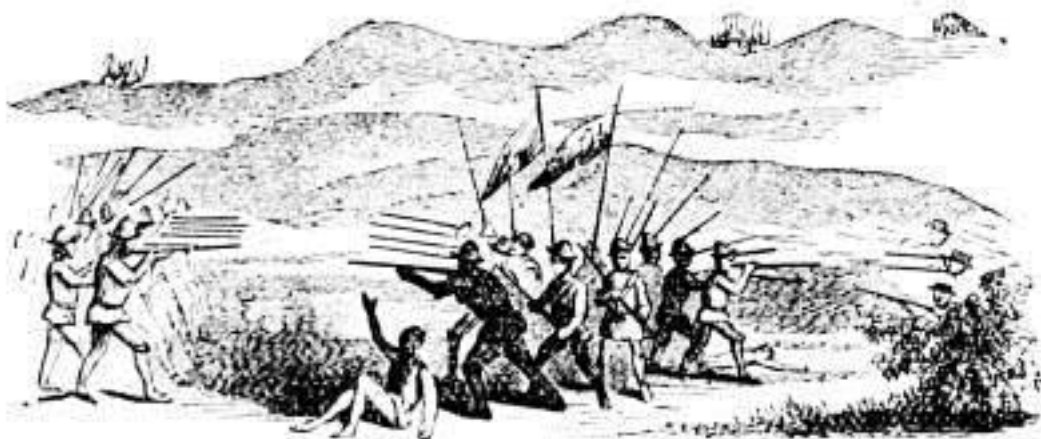
таком состоянии подверглись нападению Великого Солнца и Полумесяца. Испанские моряки несколько раз вывешивали белый флаг в знак капитуляции, который так же часто срывали их офицеры, предпочитавшие скорее умереть, чем сдаться, тем более что они поклялись вице-королю Перу доставить ему всех голландцев в цепях. С наступлением темноты "Иисус Мария" освободился и скрылся от преследования; но его течи и повреждения были настолько серьезными, что он пошел ко дну еще до рассвета. Это решило победу в пользу голландцев, которых обвиняют в том, что они позволили утонуть многим противникам, которых легко можно было бы спасти.

Победоносный флот отплыл прямо в Кальяо; но испанские суда в порту были так хорошо защищены батареями, что нападать на них сочли неразумным. Вскоре после этого было захвачено судно, груженное солью и сахаром, и груз распределен. Город Пайта был разграблен и сожжен. Среди добычи не упоминается ни денег, ни сокровищ. Внимательно следя за панамским флотом, с которым голландцы не хотели встречаться или вступать в бой, они двинулись на север и 11 октября вошли в гавань Акапулько, что в Мексике или Новой Испании. Были проведены переговоры и заключен договор, по которому голландцы соглашались освободить всех своих пленников, а испанцы снабжать их быками, овцами, домашней птицей, фруктами, водой и дровами. Таким образом, испанцы спасли свой город с небольшими затратами, а голландцы нашли напитки, которые они не могли получить никаким другим способом.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГОЛЛАНДСКИМ И ИСПАНСКИМ ФЛОТАМИ.

10 ноября они бросили якорь в устье реки, которая, по словам их пленников, изобиловала рыбой, а на ее берегах росли цитроны и другие фруктовые деревья. Для обследования были отправлены лодки. Голландцы заметили, что следы на берегу были отпечатками обуви, а не ступней, какими их создала природа. Подозревая, следовательно, присутствие испанцев, они не сошли на берег, а вернулись на корабль. На следующий день адмирал высадился с двумя сотнями человек и сразу же был атакован сильным отрядом испанцев, укрывшихся в лесу. Последние были отбиты с потерями, но Спилберген отвел своих людей на корабли, так как его боеприпасы были почти израсходованы.

ГОЛЛАНДЦЫ УДИВЛЕНЫ ИСПАНЦАМИ.

2 декабря флот покинул американское побережье и взял курс с запада на юг к островам Ладроне. Следующий год — 1616—й - ознаменовался смутой, которая оказалась фатальной для многих моряков. 23 января они подошли к Ладронам, где остановились на два дня, чтобы обменять у туземцев мясо, рыбу, фрукты и домашнюю птицу. Дикари, как обычно, были вероломны и склонны к воровству, и временами требовалось наказание порохом и пулями. Флот причалил к Филиппинам в начале февраля, но индейцы отказались торговать с ними, поскольку они были врагами испанцев. Они вошли в Манильский пролив и бросили якорь перед островом Мирабель, примечательным двумя скалами, вздымающимися на огромную высоту в воздух. Голландцы доставили в город Манилья несколько барк, груженных данью из многочисленных близлежащих мест. Они получили сведения о флоте из двенадцати кораблей и четырех галер, укомплектованном двумя тысячами испанцев, не считая индийцев и китайцев, посланных изгнать своих соотечественников с Молуккских островов и передать эти острова под власть Испании. Узнав об этом, они освободили всех своих пленников и начали приготовления к встрече флота Манильи и отправке на помощь своим друзьям. 29 марта они прибыли на Тернате, один из главных островов группы, где голландцы владели факторией. Они были с радостью приняты своими соотечественниками.

Теперь Спилберген находился в заключении девять месяцев на Молуккских и соседних островах на службе Ост-Индской компании. Описание его операций здесь было бы чуждо цели данной работы. Он покинул корабли, на которых до сих пор плавал в Индии, и вернулся в Голландию на "Амстердаме". Его путешествие не привело к новым открытиям в Южных морях, но директора Компании удостоили его высочайшей похвалы за разумное руководство и своевременную энергию. Можно сказать, что Компания начала свое величие со дня его возвращения, как с точки зрения власти, так и богатства, — первое было результатом его успешного кругосветного плавания, второе - их завоеваний на Молуккских островах, в которых он принимал видное участие и о которых он принес домой первые сведения.

Голландская Ост-Индская компания получила от правительства исключительную привилегию вести торговлю в Великом Южном море, причем всем частным лицам запрещался вход в эти воды со стороны мыса Доброй Надежды на востоке или Магелланова пролива на западе. Этот запрет скорее стимулировал, чем сдерживал коммерческий пыл страны, и вскоре мореплаватели и торговцы стали изучать какие-либо безопасные способы обхода закона, поскольку, по их словам, правительству было бы трудно перекрыть каналы, которые Природа оставила свободными. Исаак Лемер, богатый торговец из Амстердама, был первым, кому пришла в голову мысль поискать другой проход из Атлантики в Тихий океан,

кроме Магелланова пролива. Он поделился своими взглядами с Уильямом Корнелисоном Шаутеном, который трижды побывал в Ост-Индии в различных должностях суперкарго, пилота и капитана. Он тоже был убежден, что к югу от Огненной Земли лежит другой проход из одного океана в другой. Если бы они нашли этот проход, то могли бы юридически нарушить монополию Компании. Они решили предпринять попытку открытия, и Лемер выделил половину необходимых средств, а Схоутен и его друзья предоставили другую половину. Были снаряжены два корабля: больший, —Конкорд—, водоизмещением в триста шестьдесят тонн, с экипажем в шестьдесят пять человек и оснащенный двадцатью девятью орудиями малого калибра; "Хорн" водоизмещением в сто десять тонн, с восемью пушками, четырьмя вертлюжками и двадцатью двумя людьми. Схоутен был капитаном и пилотом экспедиции, а Джеймс Лемэр, сын Исаака, - суперкарго. Цель путешествия держалась в строжайшем секрете, офицеры и матросы были обязаны по своему уставу отправляться туда, куда им потребуется, и в качестве компенсации за это необычное условие получали значительный аванс сверх обычного жалования. Маленькая флотилия была снаряжена в порту Хорн и покинула Тексель 14 июня 1615 года, направляясь к побережью Африки.

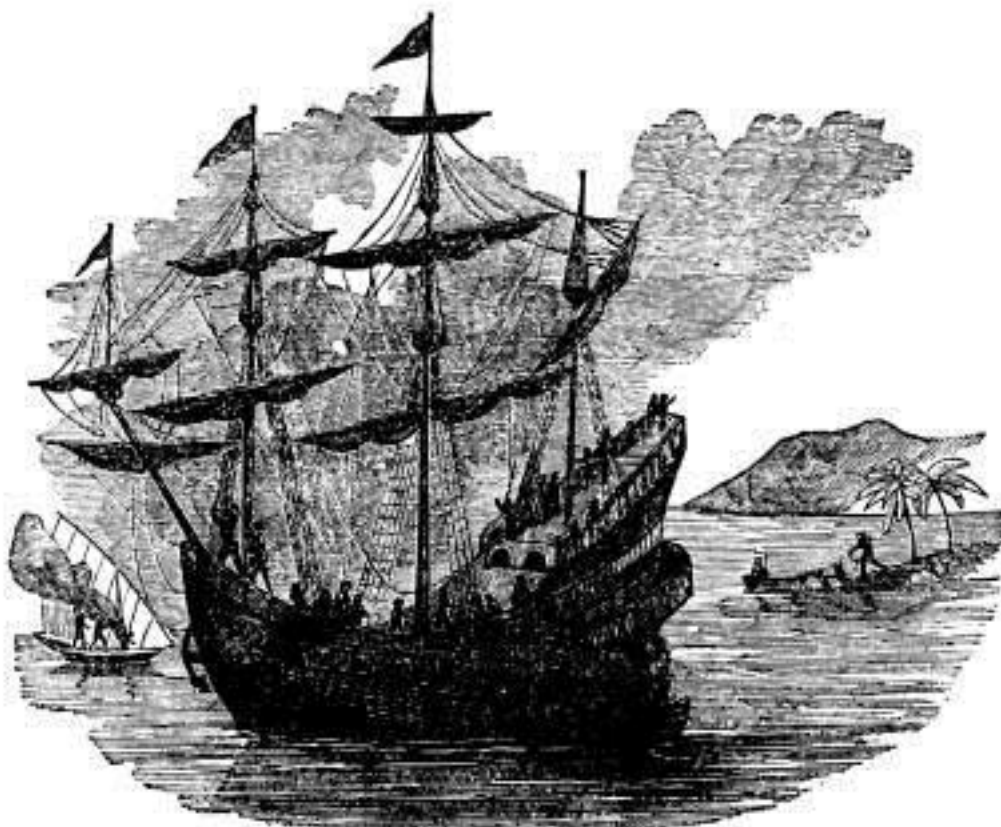
30 августа они бросили якорь на дорогах Сьерра-Леоне, где вели оживленную торговлю лимонами, легко покупая тысячу за пригоршню ничего не стоящих стеклянных шариков. Свежую воду получали, выдерживая бочки под обильным водопадом, и поэтому в этом излюбленном месте было легко добыть сырье для приготовления лимонада. Затем они направились прямо на юго-запад. Находясь посреди Атлантики, экипаж "Конкорда" был поражен сильным ударом по днищу, хотя никакой скалы видно не было. Цвет моря вокруг них внезапно сменился на красный, как будто в него брызнул фонтан крови. Впоследствии в борту корабля был найден большой рог из вещества, напоминающего слоновую кость, твердый, а не полый, который прошел сквозь три доски и вошел в древесину на глубину фута, оставив снаружи по меньшей мере на фут больше. Судно, очевидно, столкнулось с нарвалом или морским единорогом, и сломанный рог и окрашенная в красный цвет вода ясно показывали, кто больше всего пострадал от удара.

В конце октября судовые компании были проинформированы о плане рейса и с готовностью согласились участвовать в схеме, которая сулила как отличия, так и вознаграждение. В начале декабря они достигли побережья Патагонии, примерно в трехстах милях к северу от Магелланова пролива. Здесь "Хорн", меньшее из двух судов, случайно загорелось и было уничтожено. Ее железные изделия, пушки и якоря были перенесены на "Конкорд". 24-го "Конкорд" миновал Магелланов пролив и вскоре оказался на широте, где Схоутен и Лемер надеялись совершить свое великое открытие. В то время как Терра-дель-Фуэго все еще была видна по правую руку от них, они заметили высокий, изрезанный остров слева от себя, который они называли Стейтен-Ленд, или Земля Штатов. Корабль прошел между ними и вскоре после этого обогнул выступавший дальше всех в море мыс, которому Схоутен дал название мыса Горн в честь порта, из которого отплыла экспедиция. Затем он спустился в Южное море, став первым, кто полностью обогнул Южноамериканский континент. Лемэр претендовал на честь присвоить свое имя проливу, который привел их к мысу, — проливу, который явно принадлежал Шаутену, как руководителю и лоцману экспедиции. Пролив до сих пор известен под названием суперкарго, поскольку географы освятили молчанием этот явный акт несправедливости.

МЫС ГОРН.

Изменив курс на север, они вскоре обнаружили устье Магелланова пролива, что сделало их открытие законченным. Они вернулись, возблагодарив Бога за свой успех, и трижды обнесли компанию кубком с вином. Затем Схоутен направился к острову Хуан-Фернандес, где надеялся дать отдых своей болезненной и измученной команде. Течения и ветры не позволяли ему пристать к берегу, и он был вынужден отправиться через Тихий океан на сошедшем с ума корабле и с компанией инвалидов. Подобно Магеллану, который пересек этот океан, не увидев ни одного из важных островов, которые, чуть ниже линии, простираются от Америки до Азии, образуя, так сказать, пояс от берега до берега, Схоутен обнаружил лишь несколько незначительных скал и рифов, проходящих между большими архипелагами, которыми усеян Тихий океан на этой широте, и на некотором расстоянии от них. В одном из таких мест его люди встретились с врагом более многочисленным и грозным, чем любое племя дикарей. Неисчислимые мириады мух следовали за ними от берега до корабля, так что они поднялись на борт совершенно черными от жужжащих крыльев. Мухи окутали судно густым и мелодичным облаком, из которого моряки были рады вырваться с первым попутным бризом. Схоутен руководствовался географическими соображениями, назвав местом действия этого приключения Летучий остров.

"КОНКОРД" На ОСТРОВЕ ФЛАЙ.

В начале июля 1616 года они прибыли на Молуккские острова и сошли на берег острова Джиллоло, где раздобыли домашнюю птицу, черепах, рис и саго. Затем они приземлились в Тернате, где их любезно приняли голландские власти. Они продали свои две лодки, все еще стоявшие на палубе "Конкорда", вместе с тем, что было спасено с "Горна"; взамен они получили тысячу триста пятьдесят реалов. На эти деньги они купили большое количество риса, тонну уксуса, столько же испанского вина и три тонны печенья. Затем они отплыли на Яву и бросили якорь в гавани Джакатры — ныне Батавия — через шестнадцать месяцев после выхода из Текселя, потеряв в плавании всего трех человек. Экспедиция должным образом завершается на этом; поскольку Ян Петерсен Коэн, президент Голландской Ост-Индской компании в Бантаме, на Яве, конфисковал их судно и груз как конфискованные за незаконное плавание в рамках устава Компании. Однако он отправил Шаутена и Лемэра в Голландию, чтобы они могли отстаивать свое дело в компетентном суде. Лемер умер по дороге домой, охваченный горем и досадой из-за катастрофического завершения путешествия, которое было таким успешным до захвата корабля. Схоутен совершил несколько последующих плаваний в Ост-Индию и умер в 1625 году на острове Мадагаскар. Его имя малоизвестно, и память о нем почти стерлась, хотя ему явно принадлежит заслуга в том, что он усовершенствовал открытие Магеллана, проложив более безопасный маршрут для мировой торговли и заменив изгиб пролива двойным изгибом мыса Горн.

В том же году англичане предприняли свою последнюю почти за два столетия попытку проникнуть в арктические воды Америки. Уильям Баффин, сопровождавший Хадсона в одном из его предыдущих плаваний, поднялся в качестве лоцмана на борт "Дискавери" — судна, направлявшегося на северо-запад под командованием некоего Роберта Байлота. Команда состояла из четырнадцати мужчин и двух мальчиков. Пройдя через пролив Дэвиса, они подошли к обширному заливу, который теперь носит имя Баффина. Они обнаружили, что

он имеет восемьсот миль в длину и триста в ширину. Они поднялись на север до семьдесят восьмого градуса широты, где залив, казалось, переходил в пролив или пролив Саунд, который они называли Проливом Томаса Смита. Здесь Баффин наблюдал наибольшее отклонение стрелки, известное в то время, — на пятьдесят шесть градусов к западу. Карты Баффина утрачены, но сохранилось несколько его дневников, содержащих многочисленные астрономические и гидрографические наблюдения, которые с тех пор были полностью проверены превосходными инструментами современной науки. Баффин увидел отверстие на западе, которое Росс два столетия спустя назвал проливом Ланкастера и через которое Парри должен был проникнуть на остров Мелвилл и в Полярное море. Он был убежден, что северо-западный проход существует, хотя так и не предпринял второго путешествия в поисках его. Вот уже сто шестьдесят лет арктические воды американского континента оставались нетронутыми искателями приключений из Европы. Их покрытые льдом берега оставались никем не посещенными до середины восемнадцатого века, когда энергия английских мореплавателей была приведена в действие назначенной парламентом наградой в двадцать тысяч фунтов тому, кто отправится в Китай северо—западным путем.

АРКТИЧЕСКАЯ ЧАЙКА В ПОГОНЕ.

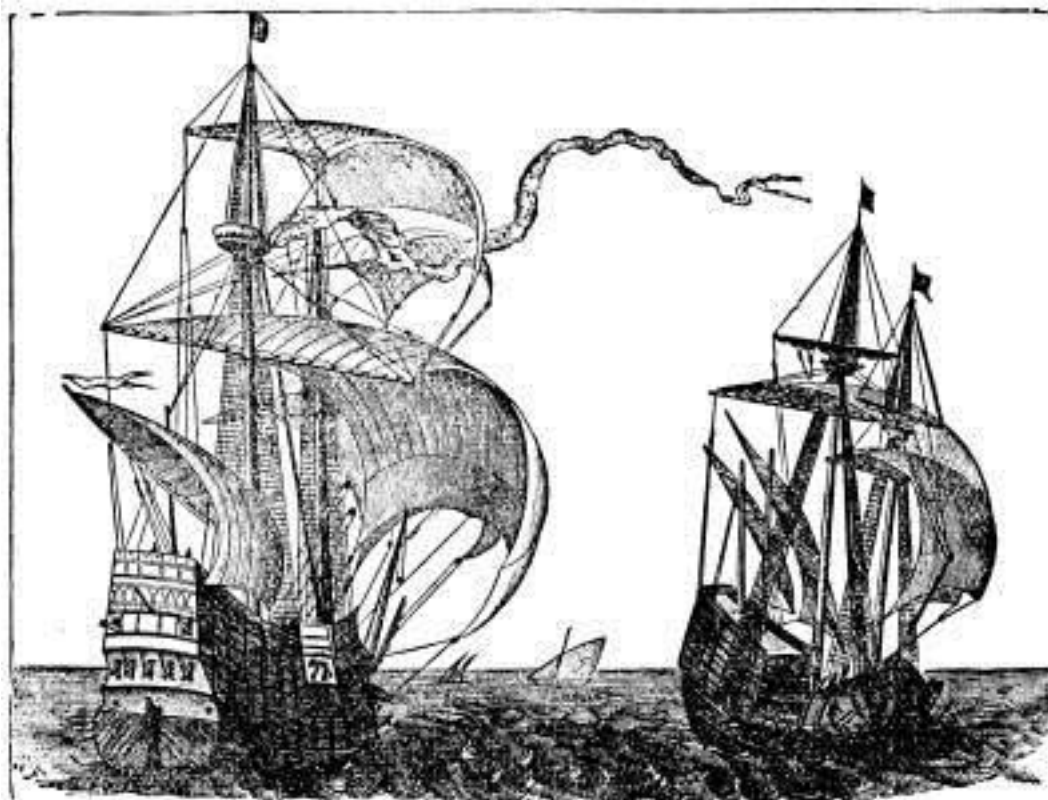
Раздел V.

ОТ ОТКРЫТИЯ МЫСА ГОРН ДО ПРИМЕНЕНИЯ ПАРА В СУДОХОДСТВЕ; 1616-1807гг.

ГЛАВА XXXV.

ЗНАМЕНИТОЕ СУДНО—"МЭЙФЛАУЭР"—ЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ—"СПИДВЕЛЛ"—ОТПЛЫТИЕ ДВУХ КОРАБЛЕЙ—ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ НЕМОРЕХОДНОСТЬ "СПИДВЕЛЛА"—"МЭЙФЛАУЭР" ПЛЫВЕТ ОДИН—РАВНОДЕНСТВИЕ—КОНСУЛЬТАЦИИ—ПРИМЕНЯЕМОЕ СРЕДСТВО —ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА СУШУ—ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ И СУДЬБА "МЭЙФЛАУЭРА".

Теперь мы должны рассказать об инцидентах из путешествия, беспрецедентного, с одной точки зрения, в морских анналах, и описать приключения корабля, который, можно с уверенностью сказать, приобрел известность, превосходящую славу любого другого, когда-либо бороздившего океан. Когда мы упоминаем название "Мэйфлауэр", на котором Отцы-пилигримы прошли от Саутгемптон-Уотер до Плимут-Рока, мы уверены, что отличие, которого мы добиваемся для этого слабенького суденышка, не будет оспорено никем, даже теми, кто с радостью признал бы господство на морях за "Ниной" Колумба или "Витторией" Магеллана. Подробности этого путешествия немногочисленны и неудовлетворительны, но живое воображение историков и ораторов с избытком нашло им место.

СПИДВЕЛЛ И МЭЙФЛАУЭР.

"Мэйфлауэр" был построен в Англии в то время, когда английская торговля не могла идти ни в какое сравнение с голландской, и когда в торговле с последней державой использовалось шестьсот голландских кораблей на сотню английской постройки. Они были живописны на вид, хотя и напоминали ванну и были неуклюжими, корпус имел широкое днище и вместительность, в то время как высокие каюты, возвышающиеся как на носу, так и на корме, — стиль, ныне устаревший в Европе, но все еще преобладающий в Красном море и Леванте, — заставляли их сильно качаться на бурной воде. "Мэйфлауэр" представлял собой причудливое, но стойкое суденышко с высокой кормой водоизмещением в сто восемьдесят тонн, построенное для одной из торговых компаний, недавно зафрахтованных правительством. Голландская часть эмиграции уже погрузилась в Дельфтхафене на быстроходное судно водоизмещением шестьдесят тонн, и 1 августа 1620 года оба судна стояли на якоре перед старыми башнями Саутгемптона. Затем паломники были регулярно организованы для путешествия, распределяясь в соответствии с установленными и принятыми всеми правилами. Большее количество, конечно, было принято на борт

"Мэйфлауэр". 5 августа оба судна снялись с якоря и поплыли по прекрасному устью Саутгемптона мимо острова Уайт и скал, известных как Иглы, они вошли в Ла-Манш.

Едва они были спущены на воду в беспокойных водах этого ограниченного пролива, как начались их бедствия. Капитан "Спидвелла", который согласился остаться на год за границей с судном, движимый либо трусостью, либо неудовлетворенностью предприятием, заявил, что его судно дало течь и не может выйти в море. Дартмутская гавань предоставила возможность произвести необходимый ремонт, и здесь была потрачена неделя: плотники и геодезисты признали скважину вполне исправной. Они снова подняли паруса; но капитан "Спидвелла" вскоре воспользовался близостью Плимута, чтобы во второй раз заявить, что он готов лечь на мель. Он зашел в порт, и "Мэйфлауэр" последовал за ним. Не было обнаружено никаких особых причин для опасений капитана, но было решено, что "Спидвелл" следует отправить обратно в Лондон как непригодный к плаванию, с теми пассажирами, которые были обескуражены, а остальных пересадить на более крупное судно. Сто один человек — некоторые из них пожилые и немощные, а некоторым из них женщинам вскоре предстояло стать матерями — были, таким образом, как бы заключены в тюрьму на судне, слишком маленьком, чтобы вместить их; в то время как задержки, вызванные предательством или военной хитростью, примененной капитаном "Спидвелла", уже оказались настолько серьезными, что только 6 сентября "Мэйфлауэр" с толпой страждущих пассажиров смог продолжить столь неблагоприятно начатое плавание.

Ветер переходил с восточного на северный, дул, согласно журналу, "небольшой шторм", когда "Мэйфлауэр" отправился из Плимута в свой одинокий путь. Безлюдный океан — на этой широте почти непроходимая пустошь — простирался перед ними. Благоприятный шторм вскоре сменился равноденственной бурей, и ужасный встречный ветер с северо-запада вынудил маленькую барку отчаянно бороться с волнами, которые грозили поглотить ее. Вскоре она была сильно разрушена: ее верхние опоры были натянуты, а одна из главных балок в середине судна погнулась и треснула. Между моряками и пассажирами была проведена консультация, и вопрос серьезно обсуждался, не лучше ли было бы положить его обратно. Однако, к счастью, выяснилось, что один из голландских паломников случайно пронес на борт большой железный винт, который и послужил для заклепки неисправной балки. Корабль продолжал следовать своим курсом, борясь с западными ветрами и бурным морем. Целыми днями ему приходилось лежать или пробираться голыми шестами. "Мне кажется, - говорит Эверетт, - я вижу отважное судно, "Мэйфлауэр" безнадежной надежды, нагруженное перспективами будущего Государства и направляющееся через неизведанное море. Я смотрю, как он с тысячью дурных предчувствий продолжает свое неопределенное, утомительное путешествие. Солнца восходят и заходят, проходят недели и месяцы; и зима застаёт их врасплох на глубине, но не приносит им вида желанного берега. Я вижу их сейчас, скудно снабженных провизией, переполненных почти до удушья в своей плохо хранимой тюрьме, задержанных штилями, идущих кружным путем, а теперь в ярости гонимых бушующей бурей на высоких и головокружительных волнах. Ужасный голос шторма воет в снастях; кажется, что мачты напрягаются до предела; слышен унылый звук насосов; корабль как бы безумно перепрыгивает с волны на волну; океан обрушивается всепоглощающими потоками на плавучую палубу и мертвящей, дрожащей тяжестью бьется о пошатнувшееся судно ". Во время этого ужасного путешествия произошла только одна смерть — потеря численности, которая была восполнена рождением мальчика, которому дали имя Оушенус Хопкинс.

Прошло шестьдесят четыре дня, и наступил рассвет 9 ноября. В этот день измотанные бурей паломники впервые увидели побережье Америки. "Для попавшего в шторм

путешественника, - пишет один из их потомков, - измученного заточением и страданиями, вид любого берега, каким бы диким он ни был, аромат, доносящийся с суши, невыразимо сладок и освежающ:

Прекрасным кажется любой предмет, который унесет
Прочь бескрайние—соленые—ужасные—вечные глубины!

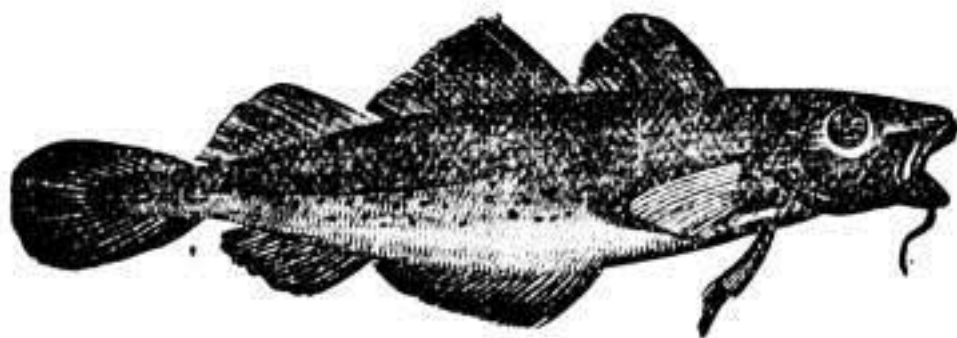
И таким образом мы обнаруживаем, что низкие песчаные холмы Кейп-Кода, покрытые низкорослым лесом, спускавшимся к самой кромке моря, на первый взгляд казались этим бедным, избитым морем путешественникам совершенным зеленым раем".

Оратор и государственный деятель, которого мы уже цитировали, таким образом красноречиво намекает на провиденциальные обстоятельства, сопутствовавшие прибытию "Мэйфлауэра" к американским берегам: "Давайте поднимемся в воображении вон на тот холм и посмотрим оттуда на ноябрьскую сцену. Это единственное темное пятнышко, едва различимое через обзорное стекло на водной глади, - обреченный сосуд. Шторм стонет сквозь его изодранную парусину, когда он ползет, почти тонущий, к своей якорной стоянке в гавани Провинстауна; и там он лежит со всеми своими сокровищами, не из серебра и золота, — ибо их у него нет ни одного, - но из мужества, терпения, рвения, высокой духовной отваги. Так часто, когда я останавливаюсь в воображении на этой сцене, — когда я размышляю о состоянии "Мэйфлауэра", совершенно неспособного пережить еще один шторм, — когда я обзираю ужасный фронт, открывающийся перед нашим побережьем штурману, который, не знакомый с его каналами и рейдами, приближается к нему в сезон штормов, — я не осмеливаюсь назвать простым везением то, что общая северная и южная стена побережья Новой Англии была нарушена этим необычным выступом мыса, вдающегося в океан на сотню миль, как будто специально для того, чтобы принять и удержать его. окружите драгоценный сосуд. Когда я сейчас вижу ее, обремененную судьбами континента, едва избежавшую опасностей морских глубин, приближающуюся к берегу именно там, где широкий изгиб этого самого замечательного мыса представляет собой почти единственную точку, в которой на сотни миль она могла бы с легкостью устроить гавань, и это, возможно, самое лучшее место на морском судне, я чувствую, что мой дух возвышается над сферой действия простых природных факторов. Я вижу горы Новой Англии, поднимающиеся со своих скалистых тронов: они устремляются вперед, в океан, оседая по мере продвижения; и там они выстраиваются могучей стеной вокруг корабля, направляемого Небесами. Да! сам вечный Бог простирает руку своего милосердия и своей силы в существенных проявлениях и собирает кроткую компанию своих почитателей как бы во впадине своей ладони".

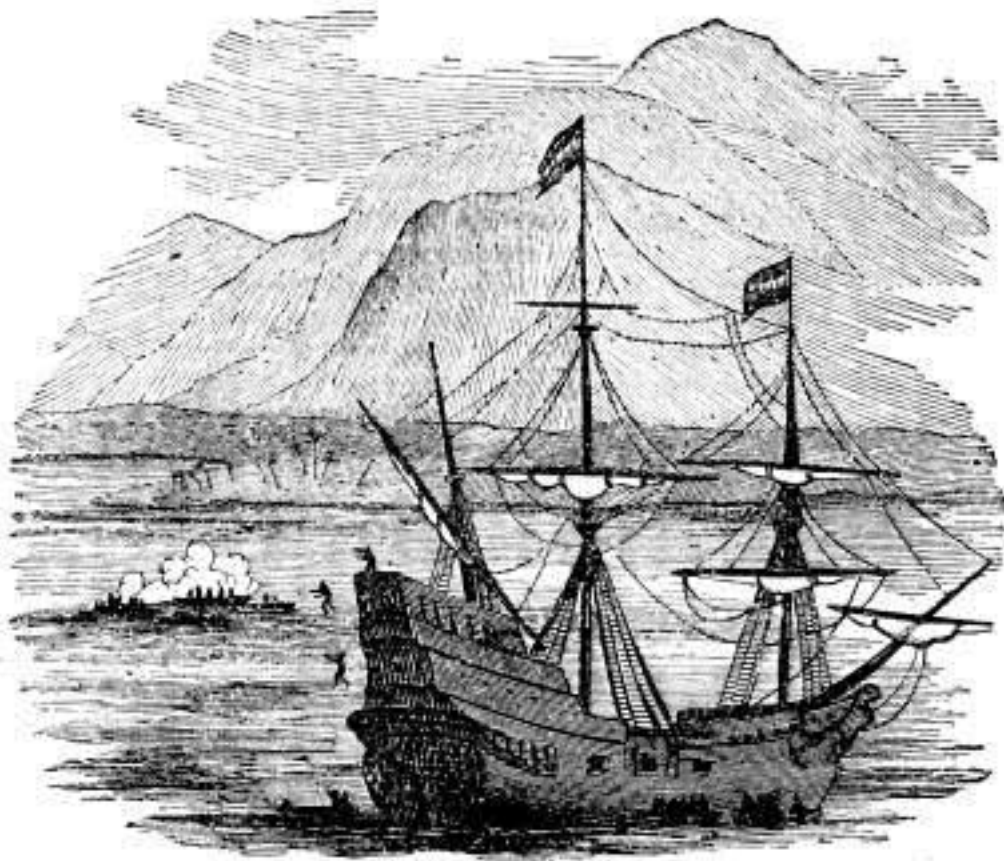
"Я вижу пилигримов, - продолжает он, - избежавших всех опасностей, наконец высадившихся после двухмесячного перехода на покрытых льдом скалах Плимута, ослабевших и утомленных путешествием, без крова, без средств, окруженных враждебными племенами. Закрой теперь том истории и скажи мне, исходя из любого принципа человеческой вероятности, какова будет судьба этой горстки авантюристов. Скажи мне, человек военной науки, за сколько месяцев все они были сметены тридцатью дикими племенами, перечисленными в ранних пределах Новой Англии? Скажи мне, политик, как долго эта тень колонии, которой не улыбались ваши конвенции и договоры, томила на далеком побережье? Изучающий историю, сравните для меня несостоявшиеся проекты, заброшенные поселения, заброшенные приключения других времен и найдите параллель этому. Была ли это зимняя буря, или болезнь, или труд и скудная еда, или томагавк — вот что ускорило эту покинутую компанию навстречу их печальной участи? И возможно ли, что ни одна из этих причин, что не все вместе взятые, не смогли взорвать этот бутон надежды? Возможно ли, что с самого начала, такого слабого, такого хрупкого, такого достойного не

столько восхищения, сколько жалости, начался такой устойчивый прогресс, такой замечательный рост, такое обширное расширение, такая важная реальность, такое великолепное обещание, которое еще предстоит выполнить?"

"Мэйфлауэр" оставался в гавани Плимута и был домом для женщин и детей в течение суровой зимы 1620-21 годов. Она выдержала шторм на своей якорной стоянке, хотя 4 февраля была подвергнута большой опасности из—за сильного шторма, из—за отсутствия балласта, каким бы порожним он ни был, он был легким, как ракушка. С наступлением весны капитан решил вернуться в Англию и предложил забрать с собой всех колонистов, которые могли быть обескуражены постигшими их бедствиями, поскольку они похоронили половину своего числа. Но их страдания привязали их к этой земле, и никто не воспользовался возможностью вернуться. "Мэйфлауэр" покинул Плимут 5 апреля 1621 года и через тридцать дней добрался до Лондона. По-видимому, она совершила несколько рейсов туда и обратно и в 1630 году прибыла в гавань Чарльзтауна с частью эмигрантской компании Уинтропа. Ее последующая история очень неопределенна; и все попытки выяснить это были сведены на нет тем обстоятельством, что несколько кораблей носили название "Мэйфлауэр", и не существует надежных способов отличить знаменитое судно "Пилигрим" от других, имеющих более малоизвестную известность.

ТРЕСКА.

СУДНО ТАСМАНА — "ЗИХАН".

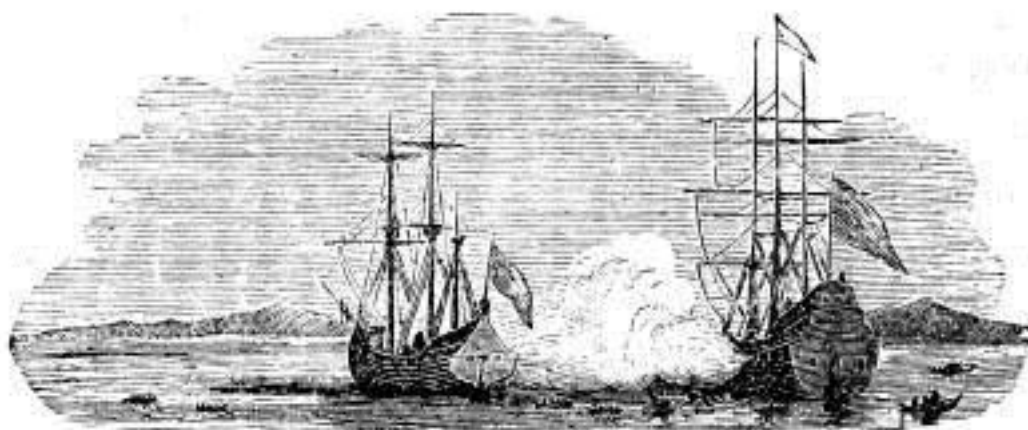
ГЛАВА XXXVI.

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ—ТАСМАН ПРИКАЗАЛ ОБСЛЕДОВАТЬ ОСТРОВ—ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ ВАН ДИМЕНА—НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ—ЗАЛИВА УБИЙЦ—ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОСТРОВОВ—ФИДЖЕЕВ—НОВОЙ БРИТАНИИ—ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В МОРЕ—БОГАТЫЙ ЯЗЫК—КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ Вокруг НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ—ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАТАВИЮ—РЕЗУЛЬТАТЫ ПЛАВАНИЯ—МНЕНИЕ ГОЛЛАНДЦЕВ О ЗАСЛУГАХ ТАСМАНА.

В 1642 году Совет Голландской Ост-Индской компании счел целесообразным распорядиться о полном и точном обследовании земель, случайно открытых в течение предыдущих пятидесяти лет судами, торговавшими между Голландией и Батавией на Яве. С интервалами они соприкасались во многих точках континентального острова Новая Голландия: Хертог - на Земле Эндрахта в 1616 году, а Де Витт, Ван Найтс и Карпендер - в других точках несколько позже. Было в высшей степени желательно, чтобы научный мореплаватель посетил этот регион и составил отчет о нем, о котором до сих пор были получены лишь случайные сведения. Эта обязанность была возложена на капитана Абея Янсена Тасмана Ван Дименом, генерал-губернатором Компании. Он покинул Батавию в августе на двух судах, "Зихане" и "Химскирке", и направился на юг и юго-восток. На протяжении этой части путешествия стрелка находилась в таком постоянном движении, не желая оставаться ни в одной из восьми точек и блокируя весь компас за двадцать четыре часа, что Тасман был вынужден поверить в существование поблизости крупных месторождений магнетита. 24 ноября он открыл сушу и дал ей название Земля Ван Димена — название, которое она сохранила, хотя в честь своего первооткрывателя в последние годы ее часто называют Тасманией. Он не увидел никаких обитателей, хотя ему показалось, что он слышал

человеческие голоса. Он заметил два дерева, пятнадцати футов в обхвате и шестидесяти футов в высоту от земли до ветвей. По стволам этих деревьев в коре были вырублены ступеньки на расстоянии пяти футов друг от друга. С их помощью туземцы, по-видимому, огромных размеров, забрались в листву и украли яйца из птичьих гнезд. Хотя был слышен звук, напоминающий звук трубы, хотя следы диких зверей были свежими на песке, и хотя в нескольких местах изнутри поднимался дым, не было видно ни одного живого существа. Тасман установил столб, на котором каждый член компании вырезал свое имя и на вершине которого был водружен флаг, а затем отправился на поиски Соломоновых островов, которые, как он предполагал, находились к востоку.

13 сентября он открыл высокую гористую страну, которой дал название Стейтен Лэнд - Земля Штатов [Голландии]. Его нынешнее название - Новая Зеландия. Он прошел вдоль берега на северо-восток и бросил якорь в прекрасной бухте, хотя и не сошел на берег. Дикари, поначалу робевшие, наконец отважились подняться на борт "Химскирка", чтобы заняться торговлей. Тасман, подозревая об их намерениях, послал лодку с семью мужчинами с "Зихана", чтобы заставить команду своей супруги быть настороже. Эти семеро мужчин, будучи безоружными, подверглись нападению: трое из них были убиты, а остальные четверо вынуждены спасаться вплавь. Оба судна открыли огонь по каноэ островитян, и Тасман присвоил этому месту название, которое до сих пор сохранилось на картах, — Залив Убийц.

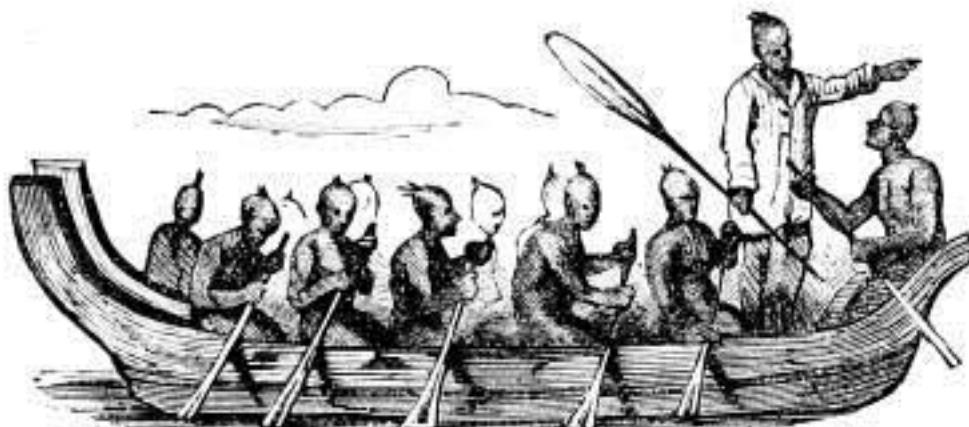

БУХТА УБИЙЦ.

21 января 1643 года он увидел три острова на 21° южной широты: он назвал их Амстердам, Роттердам и Мидлбург. Жители были миролюбивы и дружелюбны, не умели обращаться с оружием и очень искусны в воровстве. Местные жители называли Амстердам Тонга-Табу; Роттердам - Ана-Мока; и Мидлбург - Эоа. В настоящее время это основные члены группы, известной как Дружественные острова. Европейцы не посещали их со времен Тасмана в 1643 году и до второго плавания Кука в 1773 году — на протяжении ста тридцати лет. Кук обнаружил, что традиции, касающиеся кораблей Тасмана, все еще существуют; ему показали гвоздь, оставленный голландским мореплавателем. Двигаясь на север, а затем на запад, Тасман обнаружил группу из двадцати островов, опоясанных отмелями и песками. Он назвал их островами принца Уильяма и Химскирскими отмелями. Сейчас они образуют восточную часть архипелага Фид-Джи. Они оставались незамеченными в течение полутора столетий, пока жители Дружественных островов не рассказали о них Куку и его преемникам и не побудили их посетить их.

Теперь Тасман опасался, что течения и ветры отнесли его дальше к западу, чем он предполагал; ведь он уже много недель не видел солнца и, следовательно, не имел

надежных наблюдений. Он решил направиться на север, а затем к западному побережью Новой Гвинеи, чтобы не быть загнанным на юг острова и не миновать его, не увидев.

УРОЖЕНЦЫ ЗАЛИВА УБИЙЦ.

1 апреля он увидел побережье того, что, как он предполагал, было Новой Гвинеей, но на самом деле было Новой Британией. Здесь землетрясение привело моряков в ужас, так как толчок заставил их испугаться, что они налетели на скалу; но свинец не достиг дна. 20-го числа они миновали горящий остров, замеченный поздними мореплавателями, и увидели языки пламени, исходящие от высоких гор. Вода была полна кустарников, бамбука и небольших деревьев, уносимых реками в море. Сброс пресной воды из этих рек был таким, что почти полностью исправил содержание соли в океане. Туземцы показали Тасману немного имбиря и продали ему свиней и кокосовые орехи. На острове Моа он обнаружил жителей, говорящих на таком богатом языке, что они могли сразу же разборчиво повторить слова любого другого языка. Однако Тасману было не так-то легко произносить их слова, поскольку буква *r* встречалась один или несколько раз в каждом слове. Он купил для ножей, сделанных из железных колец от бочек с водой, шесть тысяч кокосовых орехов и сотню гроздей бананов, или индийского инжира.

18 мая Тасман достиг западной оконечности Новой Гвинеи, полностью обогнув континент или остров Австралию. Он прибыл в Батавию, откуда стартовал, после десятимесячного отсутствия. Его экспедиция была самым ясным и точным из нескольких путешествий, которые были предприняты для открытия Terra Australis Incognita: немногие путешествия после путешествия Магеллана внесли большой вклад в географическую науку; ибо, сократив границы Terra Australis, как он это сделал, совершив кругосветное плавание вокруг предполагаемого континента, он многое сделал для того, чтобы избавить географию от ее самой важной ошибки.

Тасман совершил второе плавание в 1644 году; но его дневники и следы были полностью утеряны — вероятно, намеренно, поскольку голландцы проводили географические исследования не в интересах всего мира, а исключительно в интересах Ост-Индской компании. Считается, что во время своего второго путешествия он определил протяженность большого залива Карпентария, который так глубоко врежется в северное побережье Новой Голландии. Часть его открытий относительно Новой Зеландии и Дружественных островов была завершена Куком; относительно Земли Ван Димена - д'Антркасто в его путешествии в поисках Лаперуза. Сохранившиеся фрагменты дневников Тасмана свидетельствуют о его способности рассуждать здраво, его морском опыте и безошибочности суждений. Голландец никогда не публиковал его собственный отчет о своих приключениях, и те

немногие выдержки, которые стали достоянием общественности, случайно и незаметно попали в более поздние работы и журналы открытий. Голландский писатель так намекает на безразличие, проявляемое его соотечественниками по отношению к Тасману: "Мы не знаем, когда он родился, когда уехал в Индию и когда вернулся. В наших великолепных биографических словарях, где вы найдете каждую ребяческую деталь, касающуюся такого-то заплесневелого ученого, известного только как профессор какого-нибудь университета или сварливый стрелок из Республики Словесности, похоже, нет места для первого мореплавателя его эпохи ". В последнее время англичане предложили заменить Землю Ван-Димена своим собственным названием; но название Тасмания начинается, как мы уже говорили, по очевидным причинам уместности находить свое место на современных картах.

ПИРАТ.

ГЛАВА XXXVII.

ПИРАТСТВО—ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУКАНЬЕРОВ—ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ—ОДЕЖДА—РОД
ЗАНЯТИЙ—ОСТРОВ ТОРТУГА, ИХ ШТАБ-КВАРТИРА—ИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ—
СПОСОБ ДЕЛЕЖА ДОБЫЧИ—ИСТРЕБИТЕЛЬ—СОБЛЮДЕНИЕ СУББОТЫ—ПОДВИГИ ГЕНРИ
МОРГАНА—БЕССИЛИЕ ИСПАНЦЕВ—КАРЬЕРА УИЛЬЯМА ДАМПИРА—ЕГО ПЕРВОЕ
ПИРАТСКОЕ ПЛАВАНИЕ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ И НА МОРЕ—ОПИСАНИЕ БАНАНОВОГО
ДЕРЕВА—ЗАТЯЖНЫЕ СМЕРТИ ОТ ЯДА—УПРЕКИ СОВЕСТИ—ЖИТЕЛИ НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ—

ОПАСНОЕ ПЛАВАНИЕ ДАМПИРА В ОТКРЫТОЙ ЛОДКЕ-ПИРАТСТВО НА АМЕРИКАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ—УИЛЬЯМ КИДД, ПОСЛАННЫЙ ПРОТИВ ПИРАТОВ—ОН САМ СТАНОВИТСЯ ПИРАТОМ—ЕГО ПОДВИГИ, ОБНАРУЖЕНИЕ И КАЗНЬ—ЕГО ЗАРЫТЫЕ СОКРОВИЩА—КРУШЕНИЕ ПИРАТСКОГО КОРАБЛЯ WHIDAN.

Необходимо остановиться на этом периоде в нашем обзоре грандиозных морских экспедиций, которые последовательно покидали различные морские порты мира, чтобы обратиться к практике, которая в настоящее время делала торговлю опасной, а все морские магистрали небезопасными, — пиратству. Помимо многочисленных изолированных авантюристов, которые нападали на суда любой нации, попадавшей на их пути, существовала могущественная ассоциация или лига разбойников, которые наводняли, в частности, острова Вест-Индии и Карибское море и которые носили название буканьеров, ставших в течение столетия, о котором мы сейчас говорим, предметом особого ужаса испанских кораблей. Мы опишем это братство несколько подробнее. Термин "буканьер" является искажением французского слова *boucanier*, которое, в свою очередь, произошло от карибского существительного *букан*, означающего мясо крупного рогатого скота, высушенное и законсервированное особым образом. Французы также называли их флибустьерами, это слово было искажением английского слова *freebooters*; и это французское слово было еще более искажено до "флибустьеров" — термина, который теперь применяется к таким американцам, которые яростно стремятся расширить зону свободы.

Буканьеры были в основном уроженцами Великобритании и Франции и впервые привлекли к себе внимание на острове Сан-Доминго. Испанцы не позволяли никакой другой нации, кроме их собственной, торговать в Вест-Индии, преследовали и убивали англичан и французов везде, где они их находили. С каждым иностранцем, обнаруженным на островах или на побережье американского континента, обращались как с контрабандистом и грабителем; и прошло совсем немного времени, прежде чем они стали таковыми и организовались в ассоциацию, способную отвечать жестокостью на жестокость. Испанцы наняли береговую охрану для отпугивания незваных гостей, командирам которой было приказано уничтожить всех своих пленников. Это привело к созданию тесного союза, наступательного и оборонительного, среди моряков всех других наций, которые, в свою очередь, совершали набеги на побережье и разоряли более слабые испанские города и поселки. Таким образом, в Вест-Индии установилось постоянное военное положение, независимое от мира или войны внутри страны. После провала рудников в Сан-Доминго и оставления его испанцами им завладели в начале шестнадцатого века несколько французских скитальцев, изгнанных из Сент-Кристофера; и вскоре их число пополнилось искателями приключений со всех сторон.

Поскольку у них не было ни жен, ни детей, они обычно жили вместе по двое для взаимной защиты и помощи: когда один из них умирал, оставшийся в живых унаследовал его имущество, если только не было найдено завещание, согласно которому оно передавалось какому-нибудь родственнику в Европе. Засовы, замки и все виды креплений были у них запрещены, поскольку принцип "воровской чести" считался более эффективной защитой. Одежда пирата состояла из рубашки, обмакнутой в кровь только что убитого животного, кожаного пояса, на котором висели пистолеты и короткая сабля, шляпы с перьями — но без оправы, за исключением фрагмента вместо козырька, чтобы надевать и снимать его, - и башмаков из недубленой кожи, без чулок. У каждого человека был тяжелый мушкет и обычно свора из двадцати или тридцати собак. Вначале их бизнесом была охота на крупный рогатый скот; они продавали шкуры голландцам, которые приезжали на остров за ними. У них были слуги и рабыни, состоявшие из лиц, заманенных в Вест-Индию и принужденных связать себя

узами на определенное количество лет. Они обращались с ними очень сурово. Сообщается, что следующий эпиграмматический разговор состоялся между подмастерьем и пиратом. "Господин, - сказал слуга, - Бог запретил работать в субботу: разве он не говорит: "Шесть дней ты должен трудиться, а в седьмой отдыхай"? "Но я говорю тебе, - возразил пират, - шесть дней ты должен убивать скот, а на седьмой относить его шкуры на берег".

Испанцы, населявшие другие районы Сан-Доминго, задумали избавить остров от пиратов, уничтожив весь дикий скот; и это было приведено в исполнение всеобщей погоней. Буканьеры покинули Сан-Доминго и нашли убежище на гористом и поросшем густым лесом острове Тортуга, абсолютными хозяевами которого они сделали себя. Преимущества ситуации привлекли сюда толпы авантюристов и головорезов, и из охотников за скотом буканьеры превратились в пиратов. Они совершали свои круизы на открытых лодках, подверженных всем неблагоприятным погодным условиям, и захватывали свои призы, поднимаясь на борт. Они нападали без разбора на корабли всех наций, испытывая особую враждебность и проявляя особую жестокость по отношению к испанцам. Они считали себя оправданными в этом притеснении мексиканцев и индейцев испанскими правителями и, успокаивая свою совесть тем, что таким образом принимали на себя роль мстителей и вершителей поэтического правосудия, они никогда не отправлялись в экспедицию, не вознеся публично молитв об успехе, и никогда не возвращались, нагруженные добычей, не поблагодарив публично за свою удачу.

Они редко нападали на европейские корабли, за исключением тех, что направлялись домой, которые обычно были хорошо нагружены золотом и серебром. Они преследовали испанские галеоны до Багамских островов; и если по пути какое-нибудь судно случайно отделялось от конвоя, они немедленно атаковали его. Испанцы держали их в таком ужасе, что они обычно сдавались, вступая в рукопашную схватку. Добыча была справедливо разделена, в первую очередь были сделаны запасы для раненых. Потеря руки была оценена в шестьсот долларов, равно как и другие ранения. Командир мог претендовать только на одну долю, хотя, когда он с отличием проявлял себя, его обычно награждали добавлением нескольких долей. Когда раздел был произведен, буканьеры предались всевозможным беспорядкам и распушенности до тех пор, пока их богатство не было израсходовано, после чего они пустились в погоню за новой добычей.

Теперь пираты быстро увеличивали силу, отвагу и численность. Они плавали на более крупных судах и предпринимали предприятия, требующие большой энергии и отваги. Мигель де Басео захватил под огнем пушек Портобелло испанский галеон стоимостью в миллион долларов. В Европе были изданы огромные тиражи книг, повествующих о варварствах, совершенных испанцами, и о священных репрессиях, которые вели против них буканьеры. Француз по имени Монбар, прочитав эти рассказы, проникся такой смертельной ненавистью к испанцам и, став пиратом, убил столько из них, что получил титул "Истребителя". Его дерзость могла сравниться только с его любовью к пролитию испанской крови, которой, как он считал, он мстит несчастным жертвам испанской колонизации.

Другие мужчины присоединились к "Братьям Побережья", как их иногда называли, из менее жестоких побуждений. Равено де Люссан вступил в ассоциацию, потому что был по уши в долгах и вследствие разделяемого им убеждения, что "каждый честный человек должен по совести расплачиваться со своими кредиторами". Многие пираты были людьми религиозного склада; или, по крайней мере, они считали, что следует проявлять должное уважение к внешности и с должным почтением относиться к предрассудкам общества. Несомненно, именно из-за таких чувств капитан Дэниел застрелил одного из членов своей команды в церкви за непочтительное поведение во время мессы, что капитан Соукинс

выбросил пару игральных костей за борт, обнаружив, что они участвуют в азартной игре в воскресенье, и что капитан Уотлинг приказал своим людям считать самым первым правилом их товарищества то, что предписывало им свято соблюдать субботу.

Но слава всех командиров буканьеров была затмевается славой Генри Моргана, валлийца. Самым смелым и поразительным из его подвигов было то, что он пробился через Дарьенский перешеек из Атлантического в Тихий океан. Его целью было разграбление богатого города Панама: однако его экспедиция открыла путь к великому Южному морю, где пираты заложили основу большей части наших географических знаний об этом океане. Сначала он захватил замок Сан-Лоренцо в устье реки Чагрес, где из трех ста четырнадцати испанцев предал смерти двести. Он оставил пятьсот человек в замке, сто пятьдесят - на борту своих тридцати семи кораблей, а с остальными, которые, за вычетом убитых и раненых, составили около тысячи двухсот человек, начал свое продвижение по дикой и непроходимой местности, которая тогда была известна только местным индейцам. На десятый день, после отчаянного боя с испанцами, он взял и разграбил Панаму, которая тогда состояла примерно из семи тысяч домов. Его жестокости здесь были отвратительны. Он заключил в тюрьму одну из своих пленниц, в которую влюбился, но которая отвергла его ухаживания, в результате чего ее бросили в темницу и не снабжали достаточным количеством пищи. Но его люди роптали из-за задержки, и он был вынужден уйти. Он вернулся в устье реки Чагрес с огромной добычей и, обманом лишив флот их доли добычи, отплыл на Ямайку, которая уже была английской колонией. Карл II назначил его заместителем губернатора острова., которым он также был посвящен в рыцари. Он оказался умелым офицером и не давал пощады пиратам!

Экспедиция Моргана указала короткий путь к Южному морю, и в 1680 году около трехсот английских пиратов отправились со стороны Атлантики, чтобы пересечь перешеек. Они заключили союз с индейцами Дариена, которые снабдили их большим количеством каноэ на тихоокеанской стороне. Они вышли на них в Панамский залив, атаковали три больших вооруженных корабля, захватили два из них и начали крейсировать на них. Они захватывали суда и грабили города вдоль побережья. Некоторые из них долгое время оставались в Южных морях и совершили множество открытий, принесших несомненную пользу человечеству.

Испанцы никогда не осмеливались защищаться, если только они не превосходили нападавших численностью, и даже тогда их обычно легко разгромили. Они настолько обессилели от роскоши, что утратили всякий воинский дух и почти забыли об обращении с оружием. Они переняли у монахов представление о том, что пираты были дьяволами, каннибалами и существами чудовищного облика. Они мстили врагу, с которым не осмеливались встретиться лицом к лицу, калеча и подвергая имитационным пыткам мертвые тела захватчиков, которые оставались позади, — демонстрация бессильной ярости, которая только подстрекала пиратов к новым жестокостям.

Один из английских пиратов — Уильям Дампир - впоследствии стал выдающимся первооткрывателем, писателем и философом. Получив высшее образование, он отправился в море в северных широтах, что на какое-то время вызвало у него отвращение к морской жизни. Путешествие в Ост-Индию, работа управляющим плантацией на Ямайке и три года, проведенные среди лесорубов Кампичи, сформировали у него сильное пристрастие к тропическим водам. В Кампиче он познакомился с некоторыми пиратами, чьи описания их приключений пробудили в нем любовь к бродячей пиратской жизни. Он присоединился к экспедиции под командованием капитана Джона Кука: английский лоцман по имени Коули был нанят в качестве капитана и отправился в плавание в полном неведении о характере

путешествия. Они отплыли в августе 1683 года на "Ревендже", установив восемь пушек и укомплектованные пятьюдесятью двумя матросами. В первый день Коули сказали, что миссия судна - торговля и его пункт назначения - Сан-Доминго; во второй ему сообщили, что целью судна является пиратство, а рынком сбыта - Гвинея.

Остановившись на островах Кейп-Верд, они решили отправиться в Сантьяго в надежде найти какое-нибудь судно на рейде и намеревались перерезать трос и сбежать вместе с ним. Они увидели корабль, стоящий на якоре, и приблизились к нему с враждебными намерениями. Они были недалеко, когда его рота открыла порты и выбила нижний ярус орудий. Кук отступал так быстро, как только мог, убежденный, что ему не справиться с голландским ост-индским войском в пятьдесят пушек и четыреста человек. Некоторое время спустя, находясь у берегов Сьерра-Леоне, они наткнулись на недавно построенный сорокапушечный корабль, хорошо снабженный водой, провизией и бренди, который они взяли на abordаж и захватили. Они назвали ее "Месть", и продолжили на ней свое путешествие, уничтожив свое первоначальное судно. Отсюда они пересекли Атлантику и достигли побережья Патагонии. Они обогнули мыс Горн во время сильнейшего ливня, который снабдил их двадцатью тремя бочонками пресной воды. Погода в это время стояла такая холодная, что мужчины могли выпить три кварты паленого бренди за двадцать четыре часа, не испытывая при этом опьянения. В Тихом океане они присоединились к двадцатипушечному "Николасу" капитана Джона Итона и вместе предприняли попытку атаковать перуанское побережье. Они захватили три судна с мукой и узнали от пленных, что об их присутствии известно перуанским властям. Поэтому от их плана высадки на побережье отказались. Они везли свои трофеи на Галлапагосские или Черепашьи острова, где могли хранить захваченную провизию в надежном месте. Они прибыли и бросили там якорь 31 мая 1684 года.

Двигаясь на север, в начале июля они увидели побережье Мексики, где Кук, проболевший несколько месяцев, умер и был похоронен. Вместо него капитаном был избран Эдвард Дэвис, квартирмейстер. 2 сентября два корабля разделились, "Николас" вышел из партнерства. Дэвис и Дампир остались на "Ревендже", и вскоре к ним присоединился "Лебедь", богато нагруженное судно, предназначенное для торговли на этом побережье. Капитан облегчил ее, выбросив за борт свой непригодный для продажи груз. Они напали на Пайту в ноябре месяце, но обнаружили, что она эвакуирована. Они удерживали город шесть дней, надеясь, что жители выкупят его; но так как эта надежда не оправдалась, они подожгли город. 1 января 1685 года они захватили пакет с письмами, отправленными президентом Панамы с просьбой поторопить капитанов серебряного флота из Лимы, поскольку считалось, что побережье чисто. Будучи особенно желающими, чтобы серебряный флот разделял эту веру, они позволили письмоносам продолжить свое путешествие и решили подстеречь корабли. Тем временем они захватили несколько призов и укомплектовали их пиратами, с которыми время от времени встречались, занимающимися небольшими предприятиями на отдельных счетах. К концу мая их флот состоял из десяти парусников, два из которых были военными кораблями, на борту которых было пятьдесят два орудия и девятьсот шестьдесят человек. Испанский флот, состоящий из четырнадцати кораблей, восемь из которых - военные корабли, а два - брандеры, всего с экипажем в три тысячи человек, теперь показался в поле зрения. Адмирал флота обманул буканьеров ночью, подняв фонарь на топ-мачте брошенного барка, с помощью которого они были заманены в позицию, давшую испанцам на следующий день все преимущество при ветре. Таким образом, великий план был ловко сорван.

Потерпев таким образом неудачу на море, они согласились попытать счастья на суше и выбрали город Леон на побережье Никарагуа. Для этой цели было высажено четыреста семьдесят человек. Их встретили пятьсот пеших и двести конных, и оба этих рода войск в замешательстве отступили при первом столкновении. Поскольку они отказались выкупить город за тридцать тысяч долларов, его подожгли. Испанский джентльмен, попавший в плен к буканьерам, был освобожден после обещания доставить сто пятьдесят быков в Реалехо, следующее место, на которое они намеревались напасть. Реалехо был взят, но не принес им ничего ценного, кроме пятисот мешков муки, немного смолы и веревок, а также ста пятидесяти обещанных волов. Капитаны Дэвис и Суон согласились расстаться— первый хотел вернуться в Перу, а второй - посетить северные побережья Мексики. Дампир остался со Своном в "Лебеде".

Ближе к середине сентября они увидели город и вулкан Гватемалы. Дампир высадился в порту Гуатулько со ста сорока солдатами и прошел четырнадцать миль, чтобы напасть на индейскую деревню, где они не нашли ничего, кроме сушащихся на солнце бобов ванили. Они попытались перехватить судно со слитками из Лимы, стоявшее недалеко от Акапулько, но потерпели неудачу. Недалеко отсюда они ограбили караван из шестидесяти мулов, груженных мукой, шоколадом, сыром и глиняной посудой. Они нашли и присвоили изобилие кукурузы, сахара, соли и соленой рыбы. Дампир, страдавший водянкой, вылечился — или, по крайней мере, получил большую пользу, — когда его на полчаса закопали по шею в песок в Калифорнии. Обильное потоотделение, вызванное таким образом, было началом его выздоровления.

Суон и Дампир теперь были убеждены, что торговля в этом регионе велась не по морю, а по суше, с помощью мулов и караванов. Поэтому они решили попытать счастья в Ост-Индии. Они отплыли из Калифорнии 31 марта 1686 года. Пройдя шесть тысяч миль за семь недель, они достигли острова Гуам, имея в запасе провизии всего на три дня, и матросы начали поговаривать о том, чтобы съесть капитана Суона, когда они совсем истощатся. Они обнаружили, что остров защищен небольшим фортом, оснащенным шестью пушками и содержащим гарнизон из тридцати человек во главе с испанским губернатором, — это было сделано исключительно для удобства галеонов Манильи во время их ежегодных рейсов из Акапулько в Манилю. Губернатор, будучи введен в заблуждение относительно характера корабля, послал капитану несколько свиней, кокосовые орехи, рис и пятьдесят фунтов манильского табака.

ЛОДКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НА ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ.

Здесь они узнали от монаха, служившего в гарнизоне, что Минданао, один из Филиппинских островов, очень плодороден и продуктивен и что местные жители, которые были мусульманами, находились в состоянии войны с испанцами. Поэтому они решили отправиться туда и покинули Гуам 2 июня. Осмотрев остров Лусон (Матан), где был убит Магеллан, они бросили якорь у берегов Минданао, крупнейшего из Филиппин, за исключением острова Лусон. Несмотря на гористость, Дампир нашел свою почву "глубокой, черной, необычайно жирной и плодородной". Долины были увлажнены приятными ручейками, "и маленькими речушками с нежной водой, а в сердце страны были горы, в которых добывалось хорошее золото".

Описание подорожника, сделанное Дампиром, часто цитируется как прекрасный образец описательного письма. "Это, - говорит он, - король всех фруктов, не исключая кокосовый орех. Дерево имеет три фута в окружности и двенадцать футов в высоту: оно вырастает не из семени, а из корней старых деревьев. Как только плод созревает, дерево гниет; но отпрыски сразу же прорастают и приносят плоды в течение двенадцати месяцев. Он вырастает с двумя листьями, внутри которых к тому времени, когда он достигает фута в высоту, вырастают еще два, а через короткое время еще два, и так далее. В зрелом возрасте листья достигают семи-восьми футов в длину и полутора футов в ширину. Стебель листа размером с мужскую руку. Плодоножка вырастает на верхушке взрослого дерева, сначала цветущего, а затем плодоносящего. Испанцы придают ему преимущество перед всеми другими фруктами, как наиболее благоприятному для жизни. Он вырастает из трески длиной около семи дюймов и толщиной около трех дюймов. Скорлупа или кожура мягкая, а при созревании желтая. Плоды внутри зимой имеют консистенцию сливочного масла. У него очень нежный вкус, и он тает во рту, как мармелад. Это чистая мякоть, без косточек. Большая плантация этих деревьев будет приносить плоды в течение всего года и станет исключительной пищей для семьи. Рынки Гаваны, Картахены, Портобелло и других городов полны этих фруктов, и продаются они по цене три пенса за дюжину. При использовании в качестве хлеба его обжаривают или отваривают до того, как он полностью созреет; а иногда обжаренный подорожник как бы намазывают маслом из спелого сырого подорожника. Английский пакетированный пудинг можно приготовить из полдюжины спелых фруктов; и, опять же, бананы, нарезанные ломтиками и высушенные на солнце, по вкусу напоминают инжир и могут сохраняться в любом климате. Высушенные и натертые на терке зеленые бананы служат отличной мукой для выпечки хлеба или пудингов. Индейцы-москито выдавливают подорожник в калebas с водой и пьют его: они называют его мишло, и он напоминает овечью шерсть, приготовленную из яблок и эля. Оно бодрящее, прохладное и очень приятное на вкус". Таким был подорожник два столетия назад.

Султан Минданао благосклонно принял чужеземцев и с радостью убедил бы их поселиться на острове и образовать ядро английской торговой базы. Дампир остался бы, но большинство было против него. Через некоторое время вспыхнул мятеж, главной причиной которого была нехватка активных работников; и, поскольку капитан Суон не проявил ни энергии, ни умения подавить его, он и тридцать шесть человек были оставлены на Минданао, остальные бежали с кораблем. Дампир здесь замечает, что на острове похоронили шестнадцать мужчин, умерших от яда, — туземцы мстили за малейшее увлечение своими женщинами смертельной, хотя и затяжной дозой зелья. Некоторые из мятежников, сбежавших с судном, умерли от яда, введенного на Минданао четыре месяца спустя.

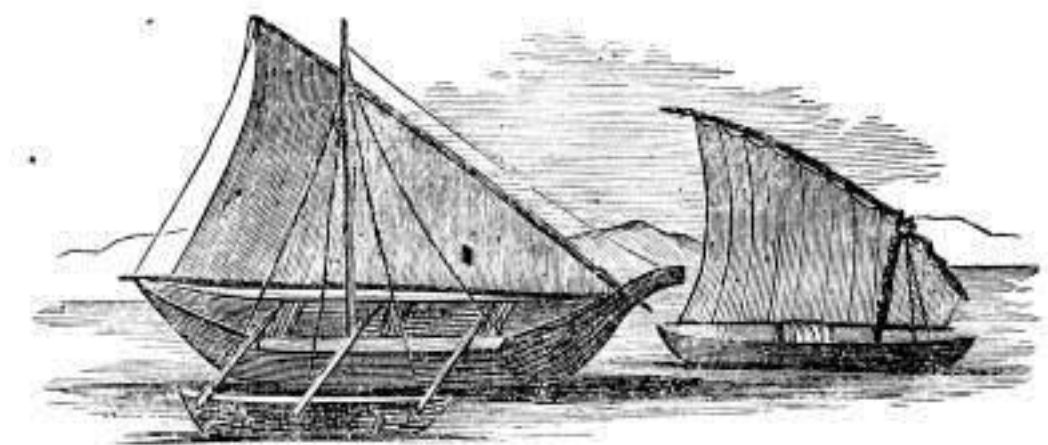
ТУЗЕМЦЫ КУПАЮТСЯ В СЕРФИНГЕ.

Рид, новый капитан и Дампир некоторое время курсировали между Филиппинскими островами. На одном из них они увидели необычную демонстрацию купания в прибое со стороны местных жителей. Женщины, по-видимому, владели этим искусством так же хорошо, как и мужчины, и детей с оружием в руках учили резвиться в воде, как будто это была их родная стихия и как будто они родились с перепончатыми ногами.

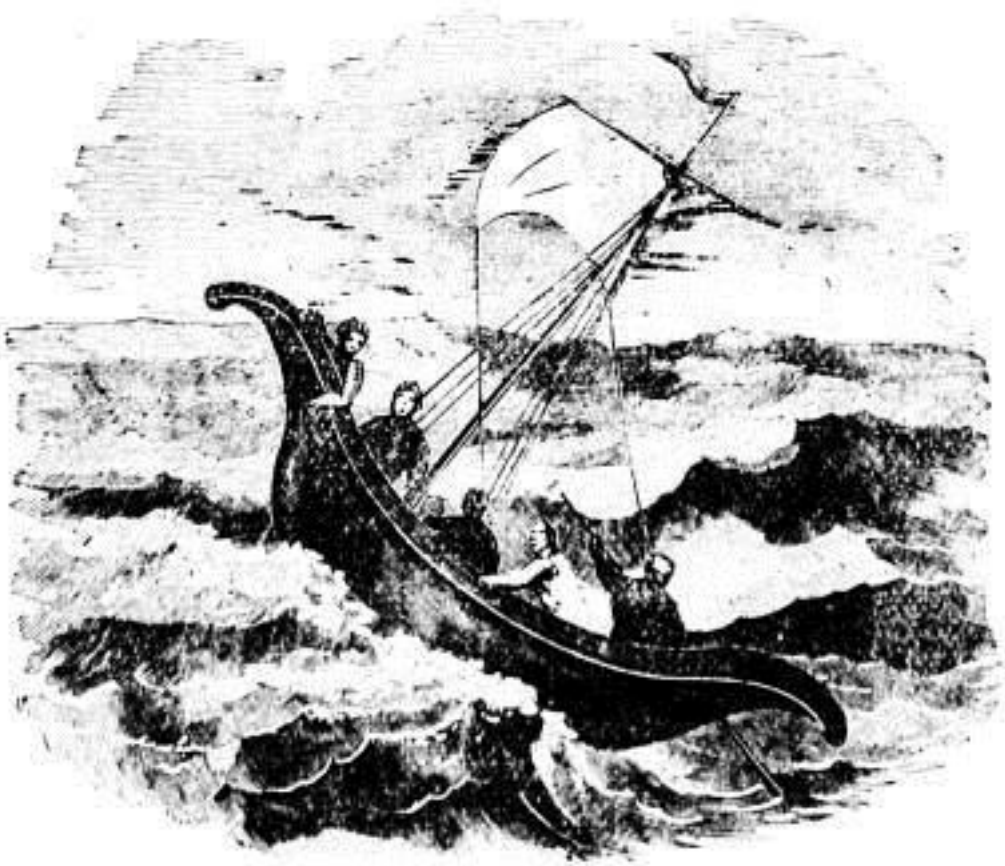
4 января 1688 года они причалили к Новой Голландии, которая тогда была известна как обширный участок суши, и все, кроме голландцев, считали ее континентом. Здесь они обнаружили жалкую расу людей, по сравнению с которыми Дампир объявляет ходмаподов, хотя и мерзкой расой, джентльменами и христианами. Они влачили жалкое существование, питаясь моллюсками, мускулами и моллюсками. Они были высокими, с прямым телосложением и худыми, с маленькими длинными конечностями. У них были бутылочные носы, большие губы и широкие рты. Они держали веки наполовину закрытыми, чтобы не налетали мухи. Их волосы были не длинными и прилизанными, как у индейцев, а черными, короткими и вьющимися, как у негров. Кусочек древесной коры и горсть травы были их единственной одеждой. Команда несколько раз высаживалась на берег и свела туземцев с некоторой степенью фамильярности, дав им немного старой одежды; но они не могли уговорить их помочь им нести воду или какую-либо другую ношу. Когда дикари обнаружили, что выданные им рваные куртки и штаны предназначены для того, чтобы заставить их работать, они сняли их и положили на берег.

Теперь Дампир устал скитаться по миру с этой безумной командой, ни у кого из которой — даже у капитана — не было какой-либо определенной цели. Рид боялся, что Дампир дезертирует, и у берегов Суматры осуществил план, который, как он надеялся, сделает это невозможным. Он погнался за небольшим парусником, который был обнаружен направляющимся в Ашин на Суматре. Взяв на борт четырех малайцев, которые обслуживали судно, и кокосовые орехи, которыми оно было нагружено, он прорезал дыру в днище и освободил его. Это он сделал для того, чтобы заставить Дампира и всех других, кто мог быть недоволен, бояться доверять себе среди людей, которые подверглись таким ограблениям и жестокому обращению. Однако на одном из Никобарских островов Дампир сбежал, и двое англичан и один португалец последовали за ним. Четверо моряков Ашина также были высажены на берег. Вся восьмерка присоединилась к отряду, купили каноэ, взамен которого дали топор, и отправились грести к Ашину. Они не прошли и полумили, как каноэ перевернулось. Они доплыли до берега, волоча за собой каноэ и свои сундуки, и потратили три дня на ремонт. Ашинцы оснастили каноэ универсальным полинезийским

приспособлением — аутригером, или балансиrom, с каждой стороны, — с помощью которого опрокидывание становится невозможным. Они срубили в лесу мачту и сделали солидный парус из циновок. Они снова отправились в путь, несколько дней следуя вдоль берега. Наконец они отважились выйти в открытое море, имея перед собой сто пятьдесят миль опасного плавания. Они гребли четырьмя веслами по очереди — Дампир и Холл, один из англичан, сменяли друг друга у румпеля, никто из остальных не мог управлять. Течение против них было очень сильным, так что, когда они смотрели вперед в поисках Суматры, Никобар, к их ужасу, все еще был виден позади них. Плотный ореол вокруг солнца, предвещавший шторм, теперь сильно встревожил Дампира. Ветер посвежел, пока не перешел в шторм, и они натянули парус на половину его поверхности. Легкие бамбуковые шесты, поддерживавшие выносные опоры, согнулись, как будто вот-вот сломаются; и если бы они сломались, разрушение лодки было бы неизбежно. Развернувшись прямо по ветру, они на шесть часов сбились с курса, причем эта смена направления принесла большое облегчение аутригерам.

ПОЛИНЕЗИЙСКОЕ КАНОЭ С ВЫНОСНОЙ ОПОРОЙ.

ЛОДКА ДАМПИРА ВО ВРЕМЯ ШТОРМА.

Описание этого шторма Дампиром красочно и необычно. "Небо выглядело очень черным, - пишет он, - поскольку было затянуто темными облаками. Дули сильные ветры, и море поднялось высоко. Море уже ревело вокруг нас белой пеной — надвигалась темная ночь, и не было видно земли, которая могла бы нас укрыть, и нашему маленькому ковчегу грозила опасность быть поглощенным каждой волной; и, что было хуже всего, никто из нас не думал, что мы готовы к жизни в другом мире. До сих пор я подвергался многим выдающимся опасностям; но величайшая из них была всего лишь игрой по сравнению с этой. Должен признаться, что в то время у меня были большие конфликты в мыслях. Другие опасности не надвигались на меня с такой неторопливой и ужасающей торжественностью: внезапная стычка или сражение или что-то в этом роде - ничто, когда кровь кипит в жилах и человек устремляется вперед с нетерпеливыми ожиданиями. Но здесь у меня было смутное предчувствие приближающейся смерти и почти никаких надежд избежать ее; и я должен признаться, что мое мужество, которое я до сих пор сохранял, здесь изменило мне. Я давно раскаивался в своем бродячем образе жизни, но никогда с таким беспокойством, как сейчас. Я собрался с мыслями, насколько мог, в надежде на Божью помощь; и, как показали события, я не обманулся в своих надеждах".

Предыдущее изображение шторма скопировано с гравюры столетней давности, которая появилась в рассказе, опубликованном самим Дампиром. Если бы не этот факт, мы бы не воспроизводили его, поскольку он очень неточен и не дает выносных опор, с помощью которых только и удерживалось каноэ на плаву.

Около восьми часов утра один из малайцев выкрикнул "*Пуло Вэй*", что, по мнению Дампира и Холла, на хорошем английском означало "Отойди". Он указал на горизонт, где в поле зрения только-только показалась земля. Это был остров Пуло Вэй, на северо-западной оконечности

Суматры. Он лежал к югу; и, чтобы добраться туда при сильном западном ветре, "они убрали свой парус размером не больше фартука" и, полагаясь на свои выносные опоры, смело направились к берегу, которого достигли на следующее утро, 21 мая. Предполагаемый остров оказался Золотой горой Суматры. Они высадились и, после гостеприимного приема местных жителей, прибыли в Ашин в начале июня.

На этом история приключений Дампира в качестве кругосветного мореплавателя подходит к концу. Он опубликовал рассказ о своей карьере, который посвятил Чарльзу Монтегю, президенту Королевского общества, и который привлек к нему благосклонное внимание. Его описаниями издавна восхищались за их наглядную силу; в то время как его трактаты о ветрах, приливах и течениях демонстрируют замечательную для той эпохи наблюдательность и научность. Его рассказ о Филиппинских островах и Новой Голландии до сих пор печатается полностью в многочисленных сборниках путешествий, которые постоянно публикуются английской и континентальной прессой. Такова была замечательная карьера человека, который, хотя и не обладал свирепостью и варварскими привычками буканьеров, был во всех смыслах этого слова пиратом и флибустьером. Вскоре у нас будет возможность упомянуть о нем снова.

Теперь мы должны обратиться к другому виду пиратства — каперству. Это занятие не пользовалось такой репутацией, как во времена Дрейка и Хокинса; но несколько обстоятельств сговорились, чтобы сделать его занятие допустимым, если не законным. Англия и Франция находились в состоянии войны; и частные вооруженные суда, несшие поручения от Якова II и Вильгельма III против французов, бороздили моря и грабили все беззащитные корабли, которые попадались у них на пути. Они нападали даже на суда Великобритании и из каперов превратились в пиратов. Многие колониальные атлантические порты Америки принимали их и делились добычей. Флетчер, губернатор Нью-Йорка, был подкуплен, чтобы подружиться с ними и защитить их, в то время как офицеры под его началом регулярно вносили взносы в фонды, на которые покупались и снаряжались "корсары".

Английское правительство решило пресечь эту гнусную практику и сместило Флетчера в 1695 году, отправив на его место графа Белламонта. Последний предложил снарядить фрегат, чтобы помочь ему в этой попытке; но Англия не могла выделить ни одной из своих военно-морских сил для войны с Францией. Предложение, однако, приобрести и вооружить частный корабль для службы было воспринято благосклонно, и несколько дворян вместе с Белламонтом и полковником Ричардом Ливингстоном из Нью-Йорка внесли пожертвование в размере шести тысяч фунтов стерлингов. Ливингстон рекомендовал командовать судном некоего Уильяма Кидда, который был капитаном торгового судна, курсировавшего между Лондоном и Нью-Йорком, и капера, сражавшегося против французов. Кидда назначили командующим, а Ливингстон стал его гарантом той доли, которую он согласился внести, — шестисот фунтов стерлингов. Чтобы придать предприятию характер, было выдано распоряжение с большой печатью Англии и подписью короля Вильгельма III, адресованное "надежному и всеми любимому капитану Кидду, командиру корабля Adventure Galley". На этом судне было тридцать пушек и шестьдесят человек. Кидд отплыл из Плимута в апреле 1696 года и прибыл у берегов Америки в июле следующего. Время от времени он заходил в порт Нью-Йорка, где его радушно принимали, поскольку считалось, что он полезен для защиты местной торговли. За эту услугу Ассамблея назначила ему сумму в двести пятьдесят фунтов стерлингов.

Теперь он пополнил свою команду девяноста пятью людьми, которые отправились на Мадагаскар в погоню за пиратами. Затем он отплыл в Ост-Индию и, находясь в пути, решил,

поскольку у него было судно, укомплектованное людьми и оснащенное как фрегат, самому стать пиратом. Похоже, он нашел готовых слушателей в распущенных созданиях, из которых он составил свою команду. Он прибыл к Малабарскому побережью в Индостане, где грабил суда, на борту которых были индийцы, арабы и христиане. Он подстерегал конвой, груженный сокровищами, но, обнаружив, что он хорошо охраняется, отказался от этой попытки. Время от времени он высаживался, сжигал поселения, убивал и пытал жителей и назначал за головы таких людей награду, которую, по его мнению, могли выкупить их друзья. Однажды его преследовали два португальских военных корабля, с которыми он сразился, а затем ухитрился ускользнуть. Он захватил торговое судно по имени Кведаг и, отказавшись от предложенного выкупа в тридцать тысяч рупий, продал его вместе с грузом на месте встречи пиратов за сорок тысяч долларов. Он сменил "Авантюру" на более крупное судно и обосновался на Мадагаскаре. Здесь он устроил засаду, разграбив флаги всех наций. Он внушал страх как кровавый, жестокий и безжалостный бандит от Малабара и Красного моря через Атлантику до Вест-Индии и американского побережья. Он прибыл в Нью-Йорк в 1698 году, нагруженный, как утверждает, большим количеством добычи, чем когда-либо выпадало на долю любого другого человека. Он нашел губернатора Белламонта вместо Флетчера и счел необходимым спрятать свои сокровища. Он проплыл вдоль берега Лонг-Айленда до острова Гардинерс, на восточной оконечности. Здесь он сошел на берег и в присутствии мистера Джона Гардинера, владельца острова, которому он строго-настрого запретил хранить тайну, закопал некоторое количество золота, серебра и драгоценных камней.

Удовлетворив свою команду таким разделом остатков, который они сочли справедливым, он распустил их и имел наглость появиться на улицах Бостона в одежде праздного джентльмена. Белламонт, который был губернатором Массачусетса и Нью-Гэмпшира, а также Нью-Йорка, встретился с ним, добился его ареста и отправил в Англию для суда. Ему было предъявлено обвинение в убийстве артиллериста своего корабля, которого он убил ведром. Будучи осужденным, он был повешен в цепях на скамье подсудимых 12 мая 1701 года. Сохранилась баллада, написанная после его смерти, которая является прекрасным образцом догерельного стихосложения. Мы приводим наиболее яркие строфы:

Меня звали Уильям Кидд, когда я плыл, когда я плыл;
Меня звали Уильям Кидд, когда я плыл;

Меня звали Уильям Кидд, Божьи законы мне запрещали,
И я поступал так нечестиво, когда выходил в море.

Я проклинал своего дорогого отца, когда плыл, когда плыл;
Я проклинал своего дорогого отца, когда плыл;

Я проклинала своего дорогого отца и ту, что родила меня,
И так нечестиво ругалась, когда плыла.

У меня в руках была Библия, когда я плыл, когда я плыл;
У меня в руках была Библия, когда я плыл;

По великому повелению моего отца у меня в руках была Библия,
И я утопил ее в песке, когда плыл.

Я убил Уильяма Мура, когда плыл, когда плыл;
Я убил Уильяма Мура, когда плыл;

Я убил Уильяма Мура и оставил его в крови, когда плыл
Недалеко от берега.

И все еще быть жестоким, пока я плыву, пока я плыву,
И все еще быть жестоким, пока я плыву,

И, оставаясь по-прежнему жестоким, я убил своего стрелка,
И его драгоценная кровь пролилась, когда я плыл.

Мой помощник был болен и умер, пока я плыл, пока я плыл;
Мой помощник был болен и умер, пока я плыл;

Мой помощник был болен и умер, что меня очень напугало,
Когда он позвал меня к себе, когда я плыл.

И мне он сказал: смотри, как я умираю, смотри, как я умираю;
И мне он действительно сказал: смотри, как я умираю;

И мне он сказал: прими от меня предупреждение,
Наступает день расплаты: ты должен умереть.

Я думал, что погиб, когда плыл, когда плыл;
Я думал, что погиб, когда плыл;

Я думал, что мне конец, и мой злой стакан иссяк,
Но мое здоровье вскоре вернулось, когда я отплыл.

Мое раскаяние длилось не столько, сколько я плыл, сколько я плыл;
Мое раскаяние длилось не столько, сколько я плыл;

Мое раскаяние длилось недолго; свои клятвы я вскоре забыл;
Проклятие - мой справедливый удел, пока я плыву.

Я заметил три испанских корабля, когда плыл, когда плыл;
Я заметил три испанских корабля, когда плыл;

Я заметил три испанских корабля, я продолжал стрелять по ним,
Пока большинство из них не было перебито, пока я плыл.

У меня было девяносто слитков золота, когда я плыл, когда я плыл;
У меня было девяносто слитков золота, когда я плыл;

У меня было девяносто слитков золота и множество долларов,
С неконтролируемым богатством, пока я плыл.

Затем я увидел четырнадцать кораблей, когда плыл, когда плыл;
Затем я увидел четырнадцать кораблей, когда плыл;

Затем я увидел четырнадцать кораблей, и это были храбрые люди,
Ах, когда я плыл, их было слишком много для меня.

Таким образом, будучи, наконец, захвачен, я должен умереть, я должен умереть;
Таким образом, будучи, наконец, захвачен, я должен умереть;

Таким образом, будучи, наконец, схвачен и брошен в тюрьму,
После вынесения приговора я должен умереть.

Прощай, бушующее море, я должен умереть, я должен умереть;
Прощай, бушующий майн, я должен умереть;

Прощай, бушующий майн, Турция, Франция и Испания,
я тебя больше никогда не увижу: я должен умереть.

Теперь я брошен в Ньюгейт и должен умереть, и должен умереть;
Теперь я брошен в Ньюгейт и должен умереть;

Теперь я отправлен в Ньюгейт с печальным и тяжелым сердцем,
Чтобы получить по заслугам: я должен умереть.

На скамью подсудимых Я должен идти, я должен идти;
На скамью подсудимых я должен идти;

На Скамью подсудимых придут многие тысячи людей,
Но я должен вынести потрясение: я должен умереть.

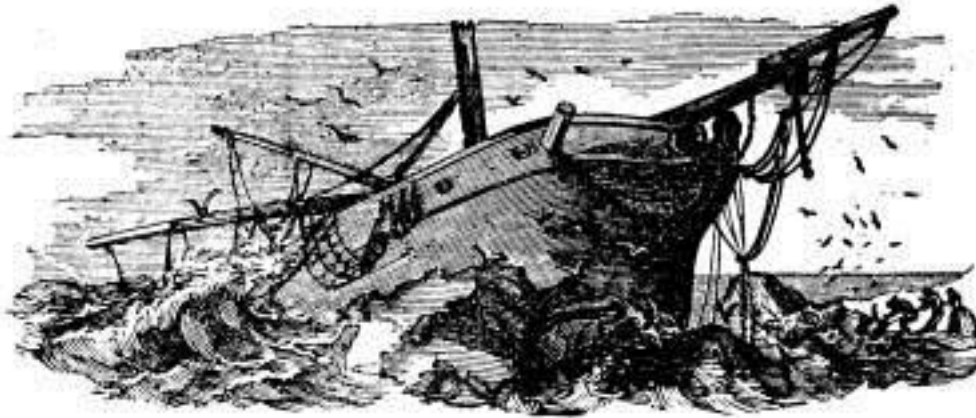
Придите, все вы, молодые и старые, посмотрите, как я умираю, посмотрите, как я умираю;
Придите, все вы, молодые и старые, посмотрите, как я умираю;

Приходите, все вы, молодые и старые, добро пожаловать к моему золоту,
Ибо из-за него я потерял свою душу и должен умереть.

Белламонт, каким-то образом узнав, что на острове Гардинера спрятаны сокровища, послал уполномоченных для их охраны. Они нашли шкатулку, в которой находилось семьсот тридцать восемь унций золота, восемьсот сорок семь унций серебра, мешочек с серебряными кольцами, мешочек с неотшлифованными камнями, некоторое количество агатов, аметистов и серебряных пуговиц. Для этого они выдали мистеру Гардинеру расписку, которая до сих пор хранится в семье. В разное время у лиц, имевших отношение к Кидду, были обнаружены и другие суммы, но на земле Лонг-Айленда никогда не находили никакой другой добычи, кроме упомянутого нами ящика.

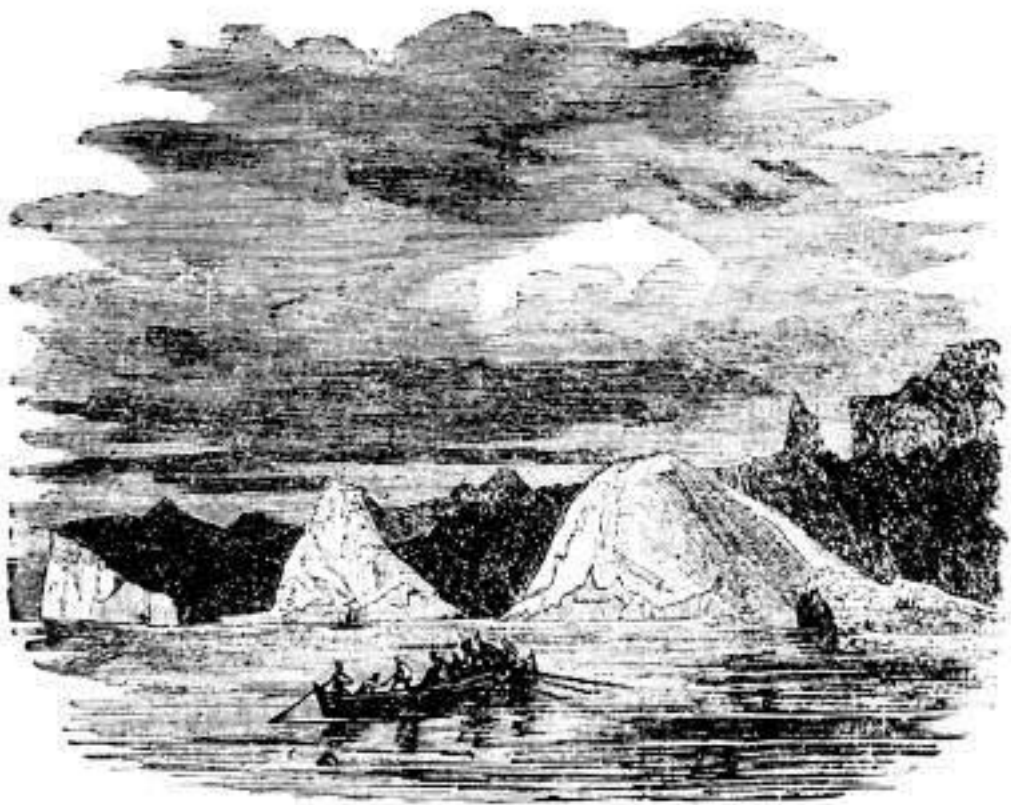
Естественно, что знание о том, что Кидд зарыл часть своей добычи, что его товарищи разделили его удачу в соответствии со своим рангом, что окрестности Нью-Йорка долгие годы были местом встреч пиратов, — естественно, что это знание должно было вызвать распространенное мнение, что у них было в обычае таким образом прятать свою добычу и что место, выбранное Киддом, возможно, было местом сбросов всей банды. Было также очевидно, что, если только слухи не сильно преувеличили ценность нечестно нажитых доходов Кидда, ящик с золотом и серебром, исчисляемый в унциях, составлял лишь десятую часть того, что он зарыл. Именно так возникло то лихорадочное возбуждение, которое стимулировало нетерпеливых искателей пиратских припасов вдоль берегов Нью-Йорка и Массачусетса, и особенно среди островков пролива. Эти поиски возобновлялись снова и снова, и даже сейчас, по прошествии полутора веков, надежда обнаружить брошенные богатства великого пирата не угасла окончательно.

О приключениях капитана Кидда, его судьбе и его деньгах было написано бесчисленное количество романсов, баллад и сказок. Наиболее примечательным из них является "Золотой жук" Эдгара А. По, в котором подробно рассказывается о воображаемых попытках вернуть сокровище, зарытое корсаром.

КРУШЕНИЕ ПИРАТСКОГО КОРАБЛЯ "УИДА".

Пиратство не исчезло вместе с Киддом. Побережья Каролинских островов долгое время кишели флибустьерами, хотя в разное время в Чарльстоне было повешено около пятидесяти из них. В 1717 году знаменитый и внушающий страх капер Whidah потерпел крушение у берегов Кейп-Кода. На этом судне было двадцать три пушки, сто тридцать человек, и им командовал Сэмюэл Беллами. Тела всех погибших, кроме шести, выброшены на берег: эти шестеро были взяты живыми и казнены. Это была серьезная потеря для пиратов. Но решающий удар по ним был нанесен только в 1723 году. Британский военный корабль "Грейхаунд" захватил судно с двадцатью пятью матросами и доставил их на Род-Айленд. В июле их судили, признали виновными и повесили в Ньюпорте. Это был конец пиратству в американских водах.

ДОМ АЛЕКСАНДРА СЕЛКИРКА.

ГЛАВА XXXVIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВУДСА РОДЖЕРСА—ДЕЗЕРТИРСТВО, ПРЕСЕЧЕННОЕ НОВЫМИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ—СВЕТ, ЗАМЕЧЕННЫЙ НА ОСТРОВЕ ХУАН—ФЕРНАНДЕС—ЛОДКА,
ОТПРАВЛЕННАЯ НА РАЗВЕДКУ—ОБНАРУЖЕН АЛЕКСАНДР СЕЛКИРК—ЕГО ИСТОРИЯ И
ПРИКЛЮЧЕНИЯ—ЕГО ОДЕЖДА, ЕДА И ЗАНЯТИЯ—ОН ПЛАВАЕТ С РОДЖЕРСОМ В КАЧЕСТВЕ
ВТОРОГО ПОМОЩНИКА—ЧЕРЕПАХИ И ЧЕРЕПАХИНЯГИ-БИТВА С ИСПАНСКИМ КОРАБЛЕМ—
СОКРОВИЩНИЦЕЙ—ПРИБЫЛЬ ОТ ПУТЕШЕСТВИЯ—ПУЗЫРЬ ЮЖНЫХ МОРЕЙ —ЕГО
НАДУВАНИЕ И КРАХ-МЕРЫ ПОМОЩИ.

В 1708 году компания купцов из Бристолья снарядила два корабля — "Герцог" и "Герцогиня" — для плавания против испанцев в Южном море. "Герцогом" командовал Вудс Роджерс, "Герцогиней" - Стивен Кортни. Уильям Дампир, чье имя долгое время наводило ужас на испанцев, был пилотом более крупного корабля. Они покинули Бристоль 14 июля с пятьюдесятью шестью пушками и тремястами тридцатью тремя матросами и с вдвое большим количеством офицеров, чем обычно, чтобы предотвратить мятежи, столь распространенные среди каперов.

Ничего особенного не происходило, пока суда не бросили якорь в Изола-Гранде, у берегов Бразилии. Здесь двое мужчин дезертировали, но были так напуганы ночью тиграми, как они предполагали, но на самом деле обезьянами и павианами, что укрылись в море и кричали, пока их не подняли на борт. Два корабля прошли через пролив Лемэр, обогнули мыс Горн и 31 января 1709 года достигли острова Хуан-Фернандес. Ночью на берегу был замечен свет, и капитан Роджерс решил, что французский флот стоит на якоре, и приказал очистить палубы для боя. На рассвете суда направились к берегу, но никакого французского флота — ни единого паруса — видно не было. На разведку был выслан ялик. Когда судно приблизилось,

на берегу был замечен человек, размахивающий белым флагом; и когда оно приблизилось, он на английском языке указал морякам место, где они могли бы лучше всего высадиться. Он был одет в козы шкуры и казался более диким и оборванным, чем первоначальные владельцы его одежды. Его имя давно известно во всем обитаемом мире, а его история известна на всех языках. Вряд ли нужно говорить, что его звали Александр Селкирк и что его приключения легли в основу романа "Робинзон Крузо".

Александр Селкирк был шотландцем и был оставлен на острове капитаном Стрэдлингом с "Чинкьюпорта" четыре года и четыре месяца назад. За время своего пребывания он видел, как мимо проходило несколько кораблей, но только два бросили якорь у острова. Они были испанцами и стреляли в него; но он убежал в лес. Он сказал, что сдался бы им, если бы они были французами; но он предпочел рискнуть умереть в одиночестве на острове, чем попасть в руки испанцев, так как боялся, что они либо предадут его смерти, либо сделают рабом в своих шахтах. "Он сказал нам, - говорит Роджерс, - что родился в Ларго, в графстве Файф, и с юности был воспитан моряком. Причиной, по которой его оставили здесь, были разногласия с его капитаном, которые, вместе с тем фактом, что корабль дал течь, заставили его захотеть остаться; но когда, наконец, он был склонен отправиться с кораблем, капитан не принял его. Он взял с собой свою одежду и постельные принадлежности, ружье, немного пороха и пуль, немного табака, нож, чайник, Библию с другими книгами и свои математические инструменты. Он развлекался и, как мог, добывал себе пропитание, но первые восемь месяцев ему приходилось много бороться с меланхолией, и он был очень огорчен тем, что его оставили одного в таком пустынном месте. Он построил себе две хижины из пиментовых деревьев, крытые высокой травой и застеленные козьими шкурами, убивая коз по мере надобности из своего ружья, пока хватало пороха. Когда все это было израсходовано, он добыл огонь, растерев две полоски дерева пименто друг о друга. Он спал в своей большой хижине, готовил еду в хижине поменьше и занимался чтением, молитвами и пением псалмов, так что, по его словам, за время своего уединения он стал лучшим христианином, чем когда—либо прежде или, как он боялся, когда-либо снова станет.

"Сначала он ел только тогда, когда его мучил голод, — отчасти от горя, а отчасти из-за нехватки хлеба и соли. И он не ложился спать до тех пор, пока не мог больше бодрствовать, — дрова пименто служили ему и для огня, и для свечи, так как горели очень чисто и освежали его своим ароматным запахом. Свою рыбу он иногда отваривал, а иногда жарил, как и мясо своих козлят, из которого готовил хороший бульон, потому что они не такие невкусные, как наши козлята. Ведя учет, он сказал, что за время пребывания на острове убил пятьсот коз, кроме того, поймал еще столько же, которых пометил на ухе и отпустил. Когда его порох иссякал, он сбивал их с ног, потому что его образ жизни, с постоянными упражнениями в ходьбе и беге, очистил его от всех вредных привычек, так что он мог с удивительной быстротой бегать по лесам, взбираться на холмы и скалы.

СЕЛКИРК И ЕГО СЕМЬЯ.

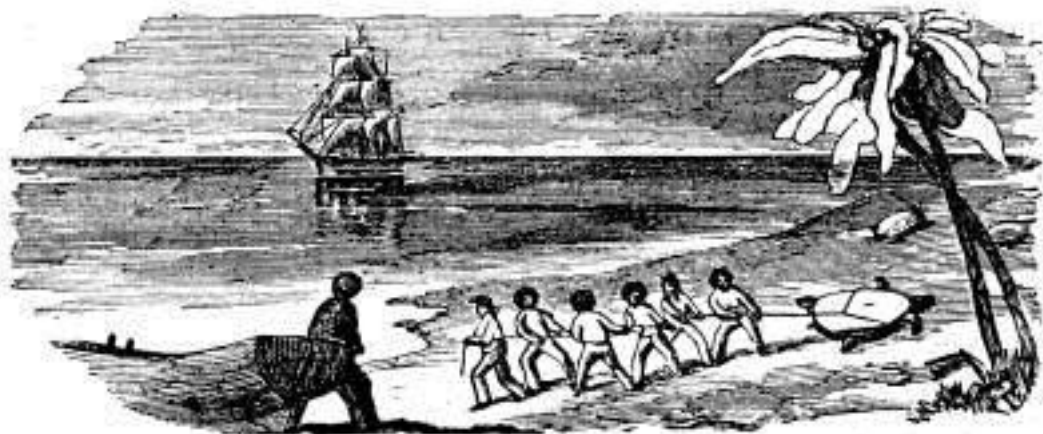
Наконец он пришел к тому, чтобы достаточно вкусно пожарить свое мясо без соли. В положенный сезон у него было вдоволь хорошей репы, которая была посеяна там командой корабля и теперь разрослась на нескольких акрах земли. Капустная пальма в изобилии снабжала его капустой, а плоды пименто - того же ямайского перца — были приятной приправой к еде. Вскоре он износил свою обувь и другую одежду, бегая по лесу; и, будучи вынужденным передвигаться без нее, его ноги стали такими твердыми, что он бежал повсюду без неудобств и не мог снова надеть обувь, не страдая от отеков ступней. После того как он справился со своей меланхолией, он иногда забавлялся тем, что вырезал свое имя на деревьях вместе с датой своего прибытия и продолжительностью своего одиночества. Сначала ему сильно досаждали кошки и крысы, которые расплодились там в огромном количестве от некоторых видов, попавших на берег с кораблей, которые поросли лесом и поливали остров водой. Крысы грызли его ноги и одежду, когда он спал, что вынуждало его заботиться о кошках, кормя их козлятиной, так что многие из них стали настолько ручными, что лежали рядом с ним сотнями и вскоре избавили его от крыс. Он также приручил нескольких детей и, чтобы развлечься, иногда пел и танцевал с ними и своими кошками. Так что по милости Провидения и благодаря силе молодости — ибо ему было теперь всего

тридцать лет — он, наконец, преодолел все неудобства своего одиночества и стал совершенно спокоен на душе.

Когда его одежда изнашивалась, он сшил себе пальто и шапку из козьих шкур, которые сшил ремешками из тех же шкур, вырезанных его ножом, используя гвоздь вместо иглы или шила. Когда его нож изнашивался, он сделал другие, насколько мог, из старых обручей, оставшихся на берегу, которые он тонко расколол между двумя камнями и обточил до острия на гладком камне. Имея немного льняной ткани, он сшил себе несколько рубашек с помощью гвоздя вместо иглы, сшив их шерстью, которую он вытащил из своих старых чулок; и когда мы нашли его, на нем была последняя из его рубашек. Когда он впервые поднялся на борт, он настолько сильно забыл свой язык из-за неумения им пользоваться, что мы с трудом понимали его, так как казалось, что он произносит свои слова только наполовину. Мы предложили ему глоток, от которого он отказался, так как за все время пребывания на острове не пил ничего, кроме воды; и прошло некоторое время, прежде чем он смог насладиться нашими припасами. Он не видел на острове ни ядовитых или диких существ, ни каких-либо других животных, кроме коз, выведенных там из нескольких, привезенных Хуаном Фернандесом, испанцем, который поселился там с несколькими семьями, пока противоположный континент Чили не начал подчиняться испанцам, когда они переехали туда, сочтя это более прибыльным".

Капитан Роджерс оставался здесь две недели, переоборудуя свой корабль. "Губернатор", как называли Селкирка его люди, никогда не упускал случая раздобыть для больных по две-три козы в день. Чтобы сэкономить свечи, они вскипятили и очистили восемьдесят галлонов тюленьего жира. 13 февраля было решено, что два человека с "Герцога" должны плыть на борту "Герцогини", а двое с "Герцогини" - на борту "Герцога", чтобы проследить за тем, чтобы команды каждого корабля взаимно отдавали должное другой при разделе призов; а 14-го были подняты якоря, и Александр Селкирк отправился на борт "Герцога" в качестве второго помощника.

У берегов островов Лобос они взяли приз, который называли Началом. От своих пленников они узнали, что вдова покойного вице-короля Перу вскоре должна была отплыть в Кальяо в Акапулько со своей семьей и богатствами; и они решили подстеречь ее. Тем временем они высадились и захватили город Гуаякиль, но согласились на выкуп в тридцать тысяч долларов. Они также захватили тринадцать небольших сосудов, из которых извлекли муку, лук, айву, гранаты, масло, индиго, смолу, сахар, порох и рис.

ЛОВЛЮ ЧЕРЕПАХУ.

На Галлапагосских островах они отложили большое стадо морских и сухопутных черепах, некоторые из первых весили четыреста фунтов, в то время как последние в изобилии откладывали яйца на палубах. Некоторые из мужчин утверждали, что видели одного зверя высотой в четыре фута, что двое из их отряда забрались ему на спину и что он легко нес их своим обычным медленным шагом, по-видимому, не обращая внимания на их вес. Предполагалось, что этот монстр весит по меньшей мере семьсот фунтов.

Достигнув берегов Мексики и решив ждать галеон "Манилья" или корабль вдовы вице-короля всего восемь дней, они были рады обнаружить утром 22 декабря испанский корабль с сокровищами на носу с наветренной стороны. Были сделаны приготовления к бою, и вместо спиртных напитков для экипажа был сварен большой чайник шоколада. Затем были произнесены молитвы, но они были прерваны выстрелом противника еще до того, как они были завершены. На рее у нее были подвешены бочки, которые, по-видимому, предупреждали англичан о взрыве, если они попытаются подняться на борт. Бой начался в восемь и продолжался час, после чего она нанесла удар и сдалась. Она носила внушительное имя "Нуэстра сеньора де ла Энкарнасьон Дисенганио" и имела на вооружении двадцать пушек. Девять ее людей были убиты и девять ранены. Из матросов "Герцога" — единственного корабля флота Роджерса, участвовавшего в сражении, — только двое были ранены, одним из которых был сам капитан Роджерс, потерявший часть верхней челюсти и два зуба. Название приза было изменено с "Богоматери и т. Д." На "Бакалавр", и он был снаряжен как член эскадры, которая теперь немедленно направлялась к островам Ладроне.

Они прибыли на Гуам 10 марта 1710 года, где их потребности были полностью удовлетворены, кокосовые орехи продавались в изобилии по цене один доллар за сотню. Капитан Роджерс купил одну из парусных лодок островитян, которая, как он видел, двигалась со скоростью двадцать миль в час. Он привез его в Англию, намереваясь выбросить в канал в Сент-Джеймском парке в качестве диковинки. На мысе Доброй Надежды они присоединились к нескольким кораблям, направлявшимся домой, и в начале апреля отплыли сообщая, образовав флотилию из шестнадцати голландских и девяти английских кораблей. Роджерс и его спутники бросили якорь в Эрите, на Темзе, 14 октября.

Это путешествие - последнее, в котором, как известно, участвовал Дампир, и что с ним стало потом, так и не было установлено. До времен Кука было бы нелегко назвать мореплавателя, которому купцы и моряки столь многим обязаны. Его стиль был непритязательным, таким же свободным от наигранности, как и само повествование от выдумки. Дин Свифт заставил капитана Лемюэля Гулливера приветствовать Дампира как кузена.

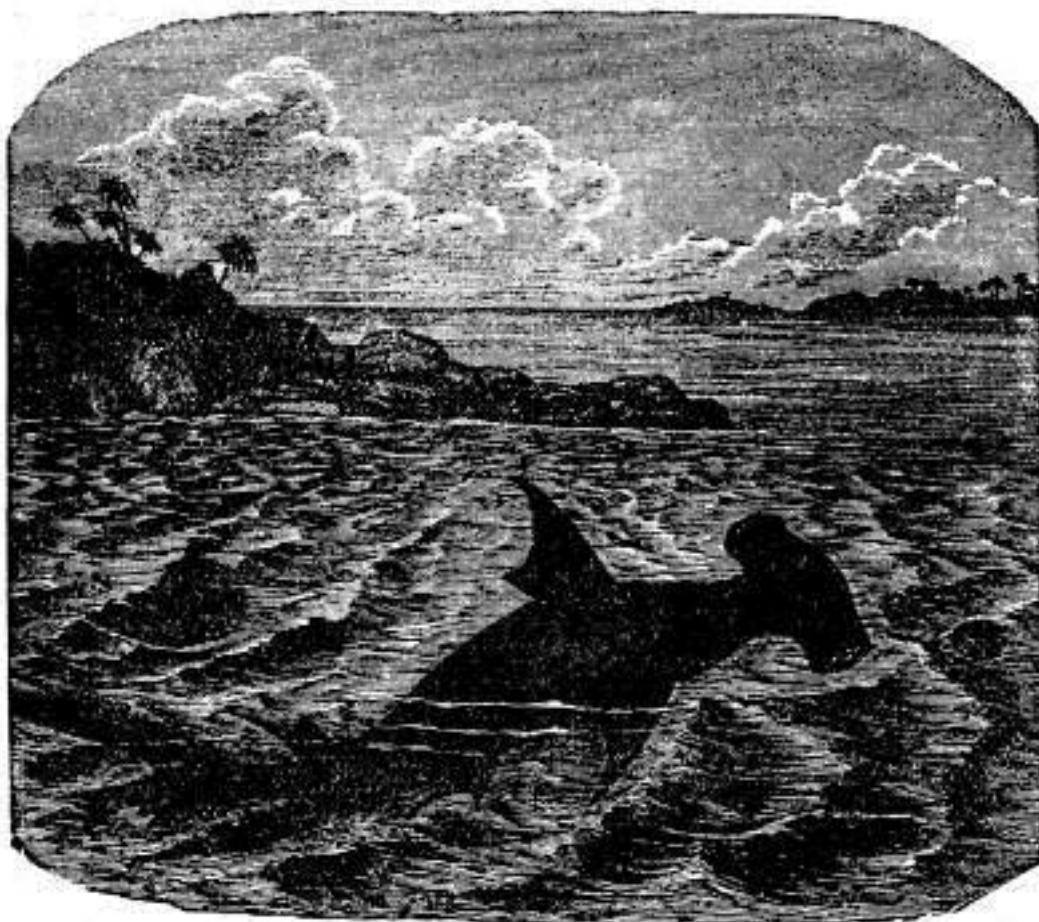
Расходы на это плавание составили 15 000 фунтов стерлингов, а валовая прибыль - 170 000 фунтов стерлингов. Треть этой суммы, или 57 000 фунтов стерлингов, была разделена между офицерами и матросами. Принимая во внимание такую огромную отдачу от двухлетнего путешествия, мы вряд ли можем удивляться тому факту, что в эту эпоху и в течение долгого последующего периода почти все морское судоходство было каперским, и что все морские предприятия кажутся читателю наших дней немногим лучше мародерских вылазок корсаров и буканьеров.

Здесь уместно упомянуть о знаменитой Компании, созданной для ведения торговли с испанскими владениями в Тихом океане, которая после своего катастрофического провала получила название South Sea Bubble. Эта компания была основана, зафрахтована, процветала и рухнула вскоре после возвращения Роджерса и Дампира. Он возник в 1711 году при участии Харли, лорда-казначея, целью которого было улучшение государственного

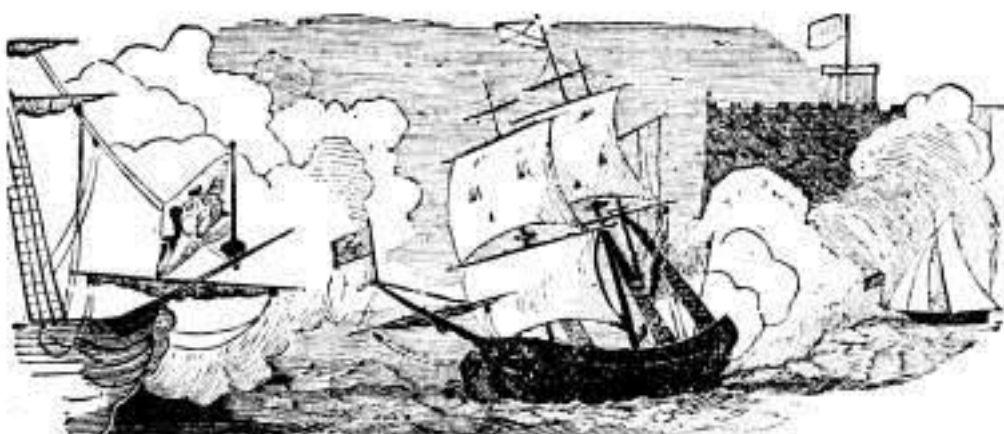
кредита и обеспечение выплаты плавающего долга в размере 10 000 000 фунтов стерлингов. Он соблазнил кредиторов страны, пообещав им монополию на торговлю с испанским побережьем в Америке. Они с жадностью проглотили блестящую наживку и мечтали об Эльдорадо и перуанских Голкондах. Этот дух распространился по всей стране и в 1719 году перерос в лихорадочный накал спекуляций. Сэр Джон Блант, когда-то писец, а ныне известный директор компании South Sea, задумал объединить все государственные фонды в один и обратился с этим предложением к правительству. Банк Англии и Компания Южных морей проявили крайнее рвение превзойти друг друга в предложениях, сделанных в обмен на эту великолепную привилегию. Компания Южных морей в конце концов предложила цену в семь с половиной миллионов, и затем законопроект триумфально прошел две палаты парламента. Директора немедленно открыли подписку на миллион, а затем вторую, и обе они были охотно заполнены. Были пущены в ход все механизмы, чтобы ввести общественность в заблуждение: ходили таинственные слухи о тайных сокровищах в Америке, о попытках Стэнхоупа обменять Гибралтар на алмазный рудник в Перу и о неисчерпаемых горах богатств, которые только и ждали, чтобы их подхватили удачливые подписчики акций South Sea. Директора начали назначать дивиденды в размере двадцати, тридцати, пятидесяти процентов. Они утверждали, что, будучи единственным национальным кредитором, вскоре смогут диктовать парламенту свои условия и управлять страной. Акции выросли со ста двадцати шести до тысячи. Мания была всеобщей: государственные деятели, прачки, церковники, раскольницы, дамы высокого и низкого звания — все были поражены одинаково.

Другие компании запустили другие пузыри, некоторые из них для самых экстравагантных целей, таких как Компания по превращению соленой воды в пресную, строительству больниц для бастардов, получению серебра из свинца, извлечению масла из семян подсолнечника, импорту ослов из Испании и, таким образом, улучшению породы английских мулов, торговле человеческими волосами и для множества других не менее абсурдных целей. Сумма открытых таким образом подписок составила за один период не менее трехсот миллионов фунтов стерлингов.

На эти проекты, которые быстро появлялись один за другим и блистали призматическим блеском на глазах у публики, директора "Южных морей" смотрели с завистью, желая заполучить монополию на торговлю общественным доверием. Поэтому они подали иски "scire facias" против своих менеджеров и, показав, что они мошенники, подавили их. Но, разрушив таким образом национальное доверие к пузырям в целом, они серьезно подорвали доверие к своим собственным. Теперь возникло недоверие, и каждый загорелся желанием обратить свои облигации в деньги; и тогда всем стала очевидна огромная диспропорция между обещаниями выплатить их на бумаге и средствами для погашения монетами. Акции сразу же упали, поскольку оказалось, что основа, на которой они держались, была совершенно мнимой. Тысячи семей были доведены до нищеты, а гнев, негодование и разочарование были горькими и всеобщими. Компания канула в небытие так же быстро, как приобрела дурную славу. Парламент принял законопроект, по которому общественное доверие было в определенной мере восстановлено, в то время как имущество директоров и должностных лиц было конфисковано и направлено на оказание помощи пострадавшим. Предполагаемая торговля с испаноамериканскими провинциями, естественно, так и не была открыта, и следующая экспедиция англичан в этот район, столь далекая от торгового путешествия, была очень грозной вылазкой с целью грабежа, — экспедиция лорда Энсона в 1740 году. Мы подробно остановимся на этом в надлежащем месте.

АКУЛА С ГОЛОВОЙ-МОЛОТОМ.

ОРЕЛ И ПИРАТ.

ГЛАВА XXXIX.

ГОЛЛАНДСКАЯ ВЕСТ—ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ—ВОЗОБНОВЛЕННЫЕ ПОИСКИ TERRA AUSTRALIS INCOGNITA—ЯКОБ РОГТЕВЕЙН—ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ С ЦЕЛЮ ОТКРЫТИЙ—

СТОЛКНОВЕНИЕ С ПИРАТАМИ—ПРИБЫТИЕ НА ХУАН—ФЕРНАНДЕС—ОСТРОВ ПАСХИ—ЕГО ОБИТАТЕЛИ—РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОДНОГО НА БОРТУ КОРАБЛЯ—НЕДОРАЗУМЕНИЕ—ОСТРОВА ПАГУБНЫХ И РЕКРЕАЦИОННЫХ УСЛУГ—ОБЗОР ОСТРОВОВ ОБЩЕСТВА—ГОЛОД НА ФЛОТЕ—ПРИБЫТИЕ В НОВУЮ БРИТАНИЮ—КОНФИСКАЦИЯ КОРАБЛЯ В БАТАВИИ—РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ—ВИТУС БЕРИНГ—БЕРИНГОВ ПРОЛИВ—ОПИСАНИЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ—СМЕРТЬ БЕРИНГА—ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРОЛИВА .

Монополия Голландской Ост-Индской компании была несколько нарушена еще в 1621 году образованием и уставом Голландской Вест-Индской компании. Последнему принадлежала исключительная торговля с африканским побережьем от тропика Рака до мыса Доброй Надежды, а также с американским побережьем как в Атлантическом, так и в Тихом океанах. В 1674 году его власть и влияние были несколько расширены за счет нового предоставления привилегий и увеличения капитала. Любому, кто предлагал новую схему торговли в пределах, находящихся под его контролем, было необходимо обратиться в Компанию за разрешением на ее реализацию. Математик по имени Роггевейн, уроженец провинции Зеландия, в 1696 году разработал проект открытия огромного континента и островов, которые, как предполагалось, существовали на Юге под названием *Terra Australis Incognita*. Однако он умер до того, как Компания предприняла какие-либо шаги в развитие его замыслов. Его сын, Якоб Роггевейн, возобновил ходатайство в 1721 году, представив меморандум, в соответствии с которым были отданы немедленные приказы о снаряжении трех судов— "Игл" из тридцати шести пушек, "Тиенховен" из двадцати восьми и "Африканская галера" из четырнадцати. Роггевейн был произведен в адмиралы, и на три корабля был взят двести семьдесят один человек. Они отплыли из Текселя 21 августа 1721 года.

Приближаясь к Канарским островам, они увидели флотилию из пяти парусников белого, красного и черного цветов, что заставило адмирала заподозрить в них пиратов. Он подал сигнал к действию, когда враг снял свой красный флаг и поднял черный, на котором была изображена мертвая голова с пороховницей и скрещенными костями. Завязалась оживленная стычка, и через два часа пираты расстелили паруса и со всей скоростью удалились. Роггевейн не последовал за ними, поскольку все корабли Западно- и Ост-Индской компаний имели строгий приказ следовать своим курсом и никогда не бросаться в погоню. Ему предстоял долгий и мучительный переход через Атлантику, экипаж которого страдал от жары, голода, жажды и цинги. У многих мужчин была высокая температура, а у некоторых - припадки, похожие на эпилепсию.

Во время ужасного урагана 21 декабря "Тьенховен" расстался с компанией, а "Орел" и африканская галера дошли вместе до Магелланова пролива. На этой широте Роггевейн увидел группу островов, которые французский капер назвал островами Сент-Луиса, но которые некоторые голландские торговцы впоследствии называли Новыми островами. Роггевейн заново окрестил эту группу и, думая, что если бы она когда-нибудь была заселена, то эти люди были бы антиподами голландцев, дал ей название *Belgia Australis*. Он решил пройти через пролив Лемэра и, подгоняемый попутным ветром и быстрыми течениями, достиг западного побережья Америки за шесть дней. Всякий раз, когда стояла ясная погода, ночи были чрезвычайно короткими, потому что, хотя стояла середина января, антарктическое лето было в самом разгаре. Прибыв на остров Хуан-Фернандес, Роггевейн был удивлен и обрадовался, увидев "Тьенховен" в целостности и сохранности на месте встречи. На следующий день три капитана обедали вместе и веселились над обоюдным убеждением друг друга в несчастливом кораблекрушении.

После значительного продвижения на запад Роггевейн открыл 14 апреля 1722 года остров протяженностью шестнадцать лье, которому он дал название остров Пасхи в память об этом дне. Это было одно из самых важных открытий, когда-либо сделанных в Тихом океане; и остров Пасхи по многим причинам является одним из самых известных оазисов в этой водной пустыне. Роггевейн так рассказывает о своем первом приключении там: "Один из местных жителей приплыл к нам на каноэ в двух милях от берега. Мы дали ему кусок ткани, потому что он был совсем голый. Ему также предложили бусы и другие игрушки: он повесил все это вместе с сушеной рыбой себе на шею. Все его тело было разрисовано всевозможными фигурами. Он был коричневым: его уши были чрезвычайно длинными и свисали до плеч, что, несомненно, объяснялось ношением больших тяжелых серег. Он был высоким, сильным, крепышом с приятным лицом. Он был весел, оживлен и непринужден в своем поведении и манере говорить. Ему подали бокал вина: он взял его, но, вместо того чтобы выпить, плеснул себе в глаза, что нас очень удивило. Затем мы одели его и надели ему на голову шляпу, но носил он ее очень неловко. После того как его угостили едой, музыкантам приказали играть на разных инструментах: симфония очень развеселила его, и он начал прыгать и танцевать. Мы отослали его обратно с подарками, чтобы другие знали, как мы его приняли. Казалось, он покидал нас с сожалением, молясь с большим усердием и произнося слово "Одоррага! одоррага!" На следующий день большое количество его соотечественников прибыло на нашу новую якорную стоянку, принося нам домашнюю птицу и коренья. На восходе солнца они простирались ниц, обратив лица к востоку, и зажигали костры в качестве утренних всесожжений своим идолам, которых было много на побережье." Об этих предполагаемых идолах мы поговорим позже.

Во время высадки, в которой участвовало сто пятьдесят человек команды, был случайно застрелен островитянин; и впоследствии, когда некоторые из них из любопытства прикоснулись к голландскому огнестрельному оружию, в них был выпущен залп пуль, и среди убитых был человек, который первым поднялся на борт адмиральского корабля. Ужас и горе туземцев были очень велики: они принесли всевозможную провизию в качестве выкупа за мертвые тела. Они упали на колени и протянули пальмовые ветви в знак мира. Голландцы больше не совершали своих безобразий, но обменялись заверениями в доброй воле. Они отдали шестьдесят ярдов раскрашенной ткани за восемьсот домашних птиц, несколько связок сахарного тростника и большое количество бананов, кокосовых орехов, инжира и картофеля. Роггевейн придерживался мнения, что остров можно было бы колонизировать с пользой, поскольку воздух здесь был целебным, а почва богатой: низменности казались пригодными для выращивания кукурузы, а возвышенности - для виноградников. Он намеревался высадиться с достаточным отрядом, чтобы произвести общий осмотр, но тем временем западный ветер вынудил его сняться с якорной стоянки и унес в море.

Вскоре он очутился на широком участке, получившем название Бад-Си из-за солоноватой воды у одного из его островов. Через этот регион он проплыл восемьсот лиг, и из-за перемены ветра его спутницы оказались между несколькими островами, что привело их в замешательство. "Африка", у которой было меньше всего воды, была отправлена вперед, но вскоре наткнулась на скалы и подала сигнал бедствия. Наступила ночь, и туземцы, встревоженные этими сообщениями, разожгли костры и толпами вышли на берег. Голландцы, чье смятение ума, по-видимому, было крайним, открыли по ним огонь без церемоний, чтобы у них было как можно меньше опасностей, с которыми можно было бороться одновременно. Утром было обнаружено, что "Африка" застряла между двумя скалами, откуда ее невозможно было вытащить. Поэтому она была брошена. Остров, на котором она пропала, был назван Пагубным островом. Пять человек дезертировали здесь и

остались позади. В восьми лигах от Пагубного остров, открытый на рассвете, получил название Аврора; а другой, замеченный на закате, назывался Веспер. На другом, который они называли островом Отдыха, группа, посланная на берег за салатом и цинготной травой для больных, столкнулась с туземцами в таком отчаянном положении, что, когда была предложена вторая высадка, ни одного человека нельзя было уговорить предпринять опасную попытку.

Роггевейн был теперь убежден, что на той широте, которой он придерживался, Терра Инкогнита не будет открыта, и поэтому решил, в соответствии с полученными инструкциями, вернуться домой через Ост-Индию. Его экипажи были настолько сокращены, что дальнейшая потеря двадцати человек вынудила бы его покинуть одно из своих оставшихся судов. Офицеры сожалели об этом решении, поскольку им не терпелось посетить земли, названные Менданой Соломоновыми островами из-за их предполагаемого богатства; но теперь они были вынуждены возвращаться через Новую Британию, Молуккские острова и Ост-Индию.

Недалеко от острова Отдыха капитаном "Тиенховена" была обнаружена группа островов, названная в его честь островами Боумена. Туземцы отправлялись на корабли с рыбой, кокосовыми орехами и бананами. В основном они были белыми, за исключением того, что некоторые приобрели бронзовый оттенок от солнечного жара. Они казались нежными и человечными: их тела не были раскрашены и были одеты ниже пояса в бахрому из тканого шелка. На шее у них были ниточки из пахучих цветов. Роггевейн описывает их как в целом самую цивилизованную и честную нацию, которую он видел в Южном море: "Очарованные нашим прибытием, они приняли нас как божества и впоследствии выразили большое сожаление, когда увидели, что мы готовимся к отъезду: печаль была написана на их лицах, когда мы уходили". Предполагается, что эти острова были самыми северными из группы, ныне известной как Острова Общества.

Во время долгого путешествия в Новую Британию ужасные последствия плохой провизии проявились болезненно: соленое мясо давно разложилось, в хлебе было полно личинок, а вода была невыносимо гнилой. Цинга начала уносить жизни четырех-пяти человек в день. Крики и стоны непрерывно раздавались во всех частях корабля: те, кто был в здравом уме, падали в обморок от зловония, исходившего от трупов. Некоторые превратились в скелеты, так что кожа прилипла к костям, в то время как другие раздулись до чудовищных и отвратительных размеров. В журнале говорится, что "двадцатипятилетний анабаптист постоянно призывал креститься, а когда ему с насмешкой сказали, что на борту нет священника, успокоился и умер с большим смирением". Наконец высокогорье Новой Британии положило конец их страданиям, от которых на земле не было другого лекарства, кроме свежего мяса, зеленых овощей и чистой воды.

Поскольку экспедиция, порученная Роггевейну, оказалась неудачной из-за неспособности найти Южный континент, мы не будем далее следить за его приключениями. Достаточно будет сказать, что его корабли были конфискованы в Батавии Голландской Ост-Индской компанией — процесс, на который Вест-Индская компания возмутилась, возбудив иск о возмещении ущерба. После долгой судебной тяжбы Генеральные штаты постановили, что первая компания должна предоставить второй два судна лучше конфискованных, возместить полную стоимость их груза, выплатить жалование обоим экипажам ко дню их возвращения в Голландию вместе с издержками и крупный штраф в качестве наказания за столь явное злоупотребление своими полномочиями.

Теперь мы переходим к первой морской экспедиции, предпринятой Россией с целью расширения и популяризации географической науки. Витус Беринг был датчанином на русской службе, соблазненным поощрениями, которые Петр Великий оказывал иностранным морякам. Он дослужился до звания капитана в 1725 году, когда императрица Екатерина, стремившаяся способствовать открытиям на Северо-востоке Азии и решить вопрос, в то время вызывавший сомнения, о существовании пролива между Азией и Америкой, назначила его командовать экспедицией, снаряженной с этой целью. В течение семи лет, добравшись по суше до Камчатки, он исследовал реки, прозондировал и обследовал побережья и заплыл так далеко на север, как только позволяло время года и мощность его очень слабых лодок. В 1732 году он был произведен в капитан-командоры, а на следующий год получил приказ провести экспедицию, снаряженную в очень широком масштабе с целью открытий. В 1740 году он достиг Охотска, где ранее для него были построены суда. Он отплыл в залив Аватска, где основал поселение Петропавловский, известное по-английски как Гавань Петра и Павла. Плывя на север, он высадился на американском побережье, дав название горе Святого Ильи, а затем, возвращаясь на запад, достиг Азиатского континента, обнаружив пролив шириной в пятьдесят миль между двумя континентами в том месте, где они ближе всего сближаются. Он назван Беринговым проливом в честь своего первооткрывателя.

Следующее описание этой сцены запустения, впервые представшей взору Беринга, создано воображением Эжена Сю: "Сентябрь месяц, - говорит он, — подходит к концу. Равноденствие наступило с наступлением темноты, и угрюмая ночь скоро вытеснит короткие и мрачные дни на Полюсе. Небо темно-фиолетового цвета слабо освещено солнцем, которое не выделяет тепла и чей белый диск, едва возвышающийся над горизонтом, меркнет перед ослепительной яркостью снега. На севере эта пустыня ограничена побережьем, оцетинившимся черными гигантскими скалами. У подножия их титанических нагромождений неподвижно лежит бескрайний, скованный льдом океан. На востоке появляется линия темно-зеленого цвета, откуда, кажется, выползают многочисленные белые и стекловидные айсберги. Это пролив, который теперь носит имя Беринга. За ним, возвышаясь над ним, находятся обширные гранитные массивы мыса принца Уэльского, крайней точки Северной Америки. Эти пустынные широты находятся за чертой пригодного для жизни мира. Пронизывающий холод пробирает до костей камни, раскалывает деревья и разрывает землю, которая стонет, прорастая зародышами своей ледяной травы. Несколько черных сосен, выросших веками, указывающих своими искаженными вершинами в разные стороны уединения, как кресты на церковном дворе, были сорваны и в беспорядке раскиданы бурей. Бушующий ураган, не довольствуясь выкорчевыванием деревьев, гонит перед собой ледяные горы и с раскатами грома разбивает их одну о другую.

"И вот ночь без сумерек сменилась днем, — темная, темная ночь! Тяжелый небесный купол такого глубокого синего цвета, что кажется черным, а полярные звезды теряются в глубинах мрака, который кажется осязаемым на ощупь. Царит одиночество. Но внезапно на горизонте появляется слабое мерцание. Сначала оно мягко блестит, голубое, как свет, предшествующий восходу луны; затем сияние усиливается, расширяется и приобретает розовый оттенок. Слышны странные и сбивчивые звуки, похожие на полет огромных ночных птиц, тяжело машущих крыльями над равниной. Это предвестники одного из тех впечатляющих явлений, которые внушают благоговейный трепет всей живой природе. Северное сияние, это великолепное зрелище полярных регионов, уже близко. На горизонте появляется полукруг ослепительной яркости. Из центра этого светящегося полушария исходят сверкающие столбы и струи света, поднимающиеся на безмерную высоту и освещающие небо, землю и море. Они скользят по снегам пустыни, окрашивая в пурпурный

цвет голубые вершины ледяных гор и окрашивая густым красным высокие черные скалы двух континентов. Достигнув таким образом полноты своего великолепия, полярное сияние постепенно бледнеет и рассеивает свое сияние светящимся туманом. В этот момент из-за фантастических иллюзий миража, частых в этих широтах, американское побережье, хотя и отделенное от побережья Азии морским рукавом, внезапно приближается к нему так близко, что можно было бы перебросить мост из одного мира в другой. Если бы люди населяли эти регионы и дышали бледно-голубыми испарениями, которые их пронизывают, они могли бы почти разговаривать через узкую бухту, разделяющую континенты. Но теперь полярное сияние гаснет, и обманчивый мираж снова погружается в темные царства, из которых он пришел. Пятьдесят миль угрюмых вод снова перекачиваются между континентами, и трехмесячная ночь опускается на эту жуткую сцену".

МИРАЖ В БЕРИНГОВОМ ПРОЛИВЕ.

Не исключено, что Беринг прошел к северу от Восточного Мыса, мыса на азиатской стороне, в Северный Ледовитый океан за его пределами. Вскоре он был вынужден вернуться из-за неисправного состояния своего судна, которое потерпело крушение на острове 3 ноября 1741 года. Этот остров, представлявший собой немногим лучше голых скал, не давал ни пищи, ни крова; и Беринг, страдавший цингой и умирающий от разочарования, лег умирать в расщелине скалы. Песок скапливался и дрейфовал вокруг него, наполовину погребая его заживо. Он не позволил убрать его, так как это давало ему благодарное тепло. Он умер в таком жалком состоянии 8 декабря. Следующим летом те немногие из его команды, кто пережил зиму, построили судно из древесины затонувших кораблей: на нем они добрались до Камчатки и сообщили о плачевной судьбе своего командира.

Хотя Беринг установил факт существования пролива, носящего его имя, обследование всей протяженности обоих берегов было предоставлено капитану Куку. Это он сделал с точностью, которая ничего не оставила для последующих путешественников и которая сделала географию этого отдаленного и варварского региона такой же знакомой, как география атлантических берегов Америки. Остров, на котором умер Беринг, который тогда

был необитаем и на его поверхности не было ни кустарника, теперь является важной торговой станцией и служит удобным зимовьем для судов из Охотска и Камчатки.

ЛОРД ЭНСОН.

ГЛАВА XL.

ПИРАТСКОЕ ПЛАВАНИЕ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ДЖОРДЖА ЭНСОНА—БЕСПРЕЦЕДЕНТАЯ СМЕРТНОСТЬ—ПРИБЫТИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ НА ХУАН—ФЕРНАНДЕСЕ—ПРИЗ—ЗАХВАТ ПАЙТЫ—ПОДГОТОВКА К НАПАДЕНИЮ НА ГАЛЕОН МАНИЛЬЯ—РАЗОЧАРОВАНИЕ—УДАЧНОЕ ПРИБЫТИЕ НА ТИНИАН—РОМАНТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ОБ ОСТРОВЕ—ШТОРМ—КОРАБЛЬ ЭНСОНА УНЕСЛО В МОРЕ—ПОКИНУТАЯ КОМАНДА ПРИСТУПИЛА К СТРОИТЕЛЬСТВУ ЛОДКИ—ВОЗВРАЩЕНИЕ "ЦЕНТУРИОНА"—БИТВА С ГАЛЕОНОМ МАНИЛЬЯ—ПРИБЫТИЕ ЭНСОНА В АНГЛИЮ—ДОХОДЫ ОТ КРУИЗА.

Государственные деятели Англии теперь прониклись идеей, что для укрепления своего территориального господства они должны сделать свою страну бесспорной владычицей морей. Война была объявлена Испании в 1739 году, и король решил напасть на эту державу в ее отдаленных поселениях и лишить ее, если возможно, ее владений в Америке, и особенно в Перу. Предполагалось, что таким образом будут отрезаны основные ресурсы противника и что испанцы будут поставлены перед необходимостью добиваться мира, поскольку они будут лишены возврата тех сокровищ, с помощью которых только и могли быть в состоянии поддерживать истощение ресурсов в ходе внешней войны. Флотилия из шести судов с экипажем в тысячу четыреста человек и в сопровождении двух судов с продовольствием была передана под командование Джорджа Энсона, капитана военно-морской службы. Флагманским кораблем был "Центурион", на нем было установлено шестьдесят пушек и находилось четыреста человек. На пути из Спитхеда 18 сентября 1740 года к флоту присоединился огромный конвой торговых судов, который должен был составить им компанию часть пути, насчитывающий всего одиннадцать военных кораблей и сто пятьдесят торговых судов.

Эскадра прошла через пролив Лемэр 7 марта 1741 года. "Мы не могли не убедить себя, - пишет Энсон, - что величайшая трудность нашего путешествия теперь позади и что наши самые радужные мечты вот-вот осуществятся; и поэтому мы потворствовали нашему воображению в тех романтических планах, которые, как можно было предположить, вдохновляло воображаемое обладание чилийским золотом и перуанским серебром. Воодушевленные этими лестными иллюзиями, мы прошли те памятные проливы, не подозревая об ужасных бедствиях, которые тогда были надвигающимися и вот-вот готовы были обрушиться на нас, — не подозревая, что приближалось время, когда эскадра будет разделена, чтобы никогда больше не соединиться, и что этот день нашего перехода был последним радостным днем, которым большая часть из нас когда-либо сможет наслаждаться".

Едва самые кормоходные корабли вышли из пролива, как спокойствие неба внезапно нарушилось, и все предзнаменования грозящей бури появились в небесах и на водах. На несчастный флот обрушились ветры, и в течение трех долгих месяцев они дули с неослабевающей яростью. "Северн" и "Перл" расстались, и больше их никогда не видели. В апреле месяце сорок три члена экипажа "Центуриона" умерли от цинги; а во время перехода из пролива к острову Хуан-Фернандес флагманский корабль потерял из-за этой болезни, несчастного случая и бури двести пятьдесят человек; и в конце концов он смог набрать не более шести человек на фок-мачте, способных нести службу. 22 мая все различные бедствия, усталость и ужасы, которые ранее последовательно обрушивались на "Центурион", теперь объединились в одновременном наступлении и, по-видимому, сговорились уничтожить его. Ужасающий ураган с правого борта порвал все ее паруса и сломал весь стоячий такелаж, поставил под угрозу мачты и сдвинул балласт и припасы. Воздух был полон огня, и офицеры и матросы на палубах были ранены вспышками взрывов, которые металась от лонжерона к лонжерону.

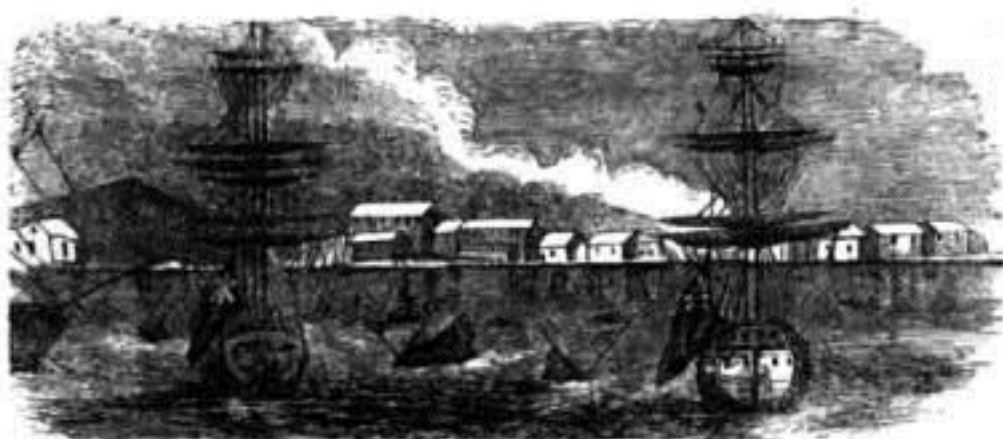
Таким образом, искалеченный, когда каждый день умирало по пять человек, а из команды не могло подняться и десяти, "Центурион", разлученный со своими спутниками и полагающий, что они погибли во время шторма, проделал весь свой утомительный путь до острова Хуан-Фернандес, куда прибыл на рассвете 9 июня, потеряв еще восемьдесят человек от цинги.

"Вид этой разнообразной страны во все времена был бы восхитительным, - говорит Энсон, - но в нашем бедственном положении, когда мы томились по земле и ее растениям, — склонность, сопровождающая каждую стадию морской цинги, — едва ли можно поверить, с

каким восторгом и рвением мы рассматривали берег и с каким нетерпением жаждали зелени и других прохладительных напитков, которые были тогда в поле зрения, и особенно воды. Даже те из больных, кто не находился на самых последних стадиях чумки, напрягли те небольшие остатки сил, которые у них еще оставались, и выползли на палубу, чтобы насладиться этой оживляющей перспективой. Так мы плыли вдоль берега, полностью поглощенные созерцанием этого очаровательного ландшафта".

В своем описании острова Энсон упоминает о бывшей резиденции Александра Селкирка на нем и говорит: "Селкирк рассказывает нам, среди прочего, что, поскольку он часто ловил больше коз, чем хотел, он иногда помечал им уши и отпускал их. Это было примерно за тридцать два года до нашего прибытия на остров. Так вот, случилось так, что первому козлу, убитому нашими людьми, отрезали уши; из чего мы сделали вывод, что он, несомненно, раньше находился под властью Селкирка. Это было животное самого почтенного вида, исполненное достоинства, с чрезвычайно величественной бородой и многими другими признаками древности".

Вскоре к "Центуриону" присоединились военный шлюп "Трайал", "Глостер" и "Анна Пинк": о других членах эскадры больше никто не слышал. На острове, который был совершенно безлюден, Энсону показалось, что он обнаружил признаки, указывающие на недавнее присутствие там испанских войск; и, поскольку они могли вернуться, были предприняты все усилия, чтобы подготовить корабли и людей к бою с ними на равных. Во время ремонта на далеком горизонте был обнаружен парус, и "Центурион" пустился за ним в погоню. Энсон принял ее за испанское военное судно и приказал снести офицерскую каюту и выбросить за борт, а палубы очистить для боевых действий. Однако оказалось, что это невооруженное торговое судно, плававшее под испанскими флагами. Судно сдалось без промедления и оказалось "Монте Кармело", направлявшимся из Кальяо в Вальпараисо с грузом сахара и голубой ткани и, что было бесконечно более приемлемо для Энсона и его команды, восьмидесятью тысячами долларов испанскими монетами. Затем "Центурион" вернулся со своей добычей к Хуану Фернандесу. Эта поимка значительно подняла настроение англичан, и их уныние рассеялось благодаря столь ощутимому успеху. Ремонт на всех судах был спешно завершен, и, в то время как они были отправлены в плавание в разных направлениях в поисках испанских торговых судов, "Центурион" и "Кармело" 19 сентября отправились на общее рандеву в Вальпараисо.

БОМБАРДИРОВКА ПАЙТЫ.

В ноябре Энсон решил атаковать силами двух своих судов злополучный морской порт Пайта в Перу, который, как можно видеть из нашего повествования, неизменно подвергался нападениям всех последующих грабителей. Город был взят с предельной легкостью — губернатор, который в момент нападения был в постели, убежал полуголым со всех ног, оставив свою жену, которой едва исполнилось семнадцать и на которой он был женат всего три дня, самой заботиться о себе. Таможня, где хранилось сокровище, была захвачена, и его содержимое перевезено на корабль. Энсон, недовольный этим, послал весточку губернатору, который остановился на отдаленном холме, что он выслушает предложения о выкупе. Губернатор, который был несколько высокомерен для магистрата, допустившего столь показательную демонстрацию трусости, не снизошел до ответа на эти попытки; однако он собрал своих людей и приготовился штурмовать город, но, поразмыслив, благоразумно воздержался. Теперь люди Энсона распределили смолу и другие горючие материалы по домам Пайты; пушки в форте были начинены шипами, а затем город был подожжен, который быстро превратился в пепел. Потери испанцев от пожара в сукнах, шелках, бархате, кембрике были представлены ими мадридскому суду в размере полутора миллионов долларов. Корабли Энсона увезли с собой в виде посуды, монет и драгоценностей еще около ста пятидесяти тысяч долларов. Вскоре после того, как они покинули Пайту, они встретили катер, груженный банками с хлопком. Люди на борту говорили, что они очень бедны; но, поскольку их застали за трапезой голубинового пирога, поданного на серебряных блюдах, было сочтено целесообразным поискать источники этого изобилия. В банках с хлопком было обнаружено шестьдесят тысяч долларов в двойных дублонах.

Теперь Энсон решил направиться в южные районы Калифорнии, чтобы там пересечь на галеон, который должен был прибыть в Акапулько из Манильи ближе к середине января. Он прибыл туда только 1 февраля 1742 года; но, будучи уверенным некоторыми из своих испанских пленных, что галеон часто на месяц опаздывает со средним сроком службы, он стоял взад и вперед, ожидая с лихорадочным нетерпением прибытия корабля, стоимость которого он оценивал в круглые миллионы. Вскоре он узнал от нескольких захваченных им негров, что галеон прибыл 9 января. Они добавили, однако, что судно доставило свой груз и что вице-король Мексики назначил его отправление из Акапулько по возвращении на 14 марта. Это известие было радостно воспринято Энсоном и его людьми, поскольку им было гораздо выгоднее завладеть деньгами, которые она получила за свой груз, чем самим грузом.

Теперь было 19 февраля, и галеон должен был покинуть порт только 14 марта, или, согласно старому стилю, которого придерживался Энсон, 3 марта. Этот интервал был использован для очистки днищ кораблей, приведения их в наиболее выгодное положение и для регулирования приказов, сигналов и положений, которые необходимо было соблюдать, когда знаменитый корабль должен был появиться в поле зрения. Позиции, которые они занимали, были следующими: Эскадра находилась в сорока милях от берега — расстояние, вполне достаточное, чтобы избежать наблюдения: она состояла из "Центуриона", "Глостера" и трех вооруженных призов: они были выстроены в круговую линию, и каждый корабль находился на расстоянии девяти миль от следующего, следовательно, два судна на крайних расстояниях находились на расстоянии тридцати шести миль друг от друга. Поскольку галеон можно было легко различить в двадцати милях от любой оконечности, общая протяженность эскадры составляла семьдесят пять миль, а различные суда, составлявшие ее, были так связаны сигналами, что их легко информировали о том, что было замечено в любой части линии. "Центурион" и "Глостер" были единственными, кто намеревался вступить в рукопашную схватку или, более того, вообще участвовать в бою: поэтому они были усилены присоединением других.

3 марта призывами к голоду и всеми другими обязанностями пренебрегли: все взгляды были устремлены в сторону Акапулько, и голоса постоянно восклицали, что они видели, как один из катеров возвращался с сигналом. К их крайнему огорчению, ни этот день, ни следующий не принесли никаких известий о галеоне. Прошло две недели, и Энсон, наконец, пришел к печальному выводу, что его присутствие на побережье было обнаружено и что на объект всех их надежд наложено эмбарго. Впоследствии он обнаружил, что о его присутствии подозревали, но не знали, но что осторожные испанцы расстроили его планы, задержав галеон до следующего года. С тяжелым сердцем адмирал отдал приказ об отходе флота от американского побережья в соответствии с планами, составленными до его отъезда из Англии. Он вышел в море в начале мая только с "Центурионом" и "Глостером", затопив и уничтожив три своих приза на вражеском побережье.

Ужасный приступ цинги вскоре сократил работоспособность обоих судов вдвое, а шторм необычайной силы полностью вывел из строя "Глостер". Однако она продержалась до середины августа, когда ее припасы, призовые деньги и больных с большим трудом перевезли на "Центурион", который сам находился в безумном и почти отчаянном состоянии. "Глостер" был подожжен, чтобы его обломки не попали в руки испанцев: он продолжал гореть всю ночь, стреляя из своих орудий по очереди по мере того, как пламя добиралось до них: магазин взорвался при свете дня.

"Центурион" продолжал свой путь, теряя восемь, девять и десять человек каждые двадцать четыре часа. Была обнаружена течь, которую не удалось остановить всем мастерством плотников. Корабль и люди находились в состоянии, граничащем с настоящим отчаянием. В этих обстоятельствах вид двух далеких островов на время оживил их упавший дух. Но эти острова представляли собой голые и необитаемые скалы, на которых не было ни якорной стоянки, ни пресной воды. Реакция, вызванная этим разочарованием, была очевидна в возобновлении разрушительных действий безжалостной цинги. "И теперь, - говорит Энсон, - единственным возможным обстоятельством, которое могло спасти тех немногих из нас, кто остался в живых, от гибели, было случайное попадание на какой-нибудь другой из островов Ладроне, более подготовленный для нашего проживания; но, поскольку наши знания о них были крайне несовершенны, мы должны были полностью довериться случаю в наших указаниях. Таким образом, с самым мрачным убеждением в приближающейся гибели мы покинули остров-скалу Анатакан, испытывая сильнейшие опасения либо умереть от цинги, либо погибнуть вместе с кораблем, который, как можно было ожидать, из-за нехватки рук для работы с помпами в скором времени затонет".

27 августа "Центурион" увидел плодородный и, как предположил Энсон, обитаемый остров, который, как он впоследствии выяснил, был одним из Ладронов и получил название Тиниан. Опасаясь, что жители окажутся испанцами, и зная, что сам он неспособен к обороне, Энсон выкрасился в испанские цвета и поднял красный флаг на верхушке фок-марса, намереваясь таким образом придать своему судну вид галеона Манилья и надеясь заманить в ловушку кого-нибудь из островитян на борт. Уловка удалась, и испанец и четверо индейцев были легко схвачены вместе с их лодкой. Испанец сказал, что остров необитаем, хотя и входит в обитаемую группу: он подтвердил, что пресной воды здесь предостаточно, что крупный рогатый скот, свиньи и домашняя птица дико бегают по скалам, что в лесах растут кисло-сладкие апельсины, лаймы, лимоны и кокосовые орехи, а также особые фрукты, которые заменяют хлеб; что из-за количества и качества продуктов, произрастающих на острове, испанцы с соседней станции Гуам использовали его как склад и зернохранилище, откуда они черпали неисчерпаемые запасы.

Часть этого отношения Энсон мог проверить на месте: он обнаружил стада крупного рогатого скота, спокойно пасущиеся на острове, и ему было нетрудно представить в воображении густые леса, которые покрывали его, тропическими фруктами и всеми разнообразными продуктами этого благодатного климата. Приземлившись, он сразу же превратил склад, наполненный вяленой говядиной, в больницу для больных: в ней он разместил сто двадцать восемь своих инвалидов. Благотворный эффект обработки земли и растительной пищи был таков, что, хотя в первый день умер двадцать один человек, за те два месяца, что "Центурион" стоял на якоре в гавани, умерло всего десять человек.

ЛАГЕРЬ ЭНСОНА На ТИНИАНЕ.

Энсон дает романтический рассказ о счастливом острове Тиниан. Растительность не была пышной и чинной, но напоминала чистые и однообразные лужайки английского поместья. Газон состоял из клевера, смешанного с разнообразными цветами. Лес состоял из высоких и широко раскидистых деревьев, внушительных своим видом или манящих своими плодами. Три тысячи голов крупного рогатого скота, молочно-белого цвета, за исключением ушей, которые были черными, паслись на одном лугу. Шум и парады домашней птицы будоражили воображение жителей соседних ферм и деревень. И скот, и домашняя птица были легко загнаны и захвачены в плен, так что центурион экономила свои боеприпасы. На свиней охотились собаки, обученные преследованию, часть из которых была оставлена испанцами на Гуаме: они с готовностью передали свои услуги и свою преданность английским захватчикам. Остров также в изобилии производил самые лучшие лекарственные средства от простудных заболеваний, такие как одуванчик, мята, цинготная трава и щавель. В заливах водилась рыба огромных размеров и аппетитного вкуса; озера изобиловали утками, чирками и кроншнепами, а в зарослях охотники находили целые стаи свистящих ржанок.

В ночь на 22 сентября сильный шторм снес "Центурион" с якорной стоянки, порвав его тросы, как вьючную нить. Энсон был на берегу, заболев цингой; несколько офицеров и большая часть команды, всего сто тринадцать человек, были на берегу вместе с ним. Эта катастрофа повергла всех, как на море, так и на суше, в крайнее отчаяние: те, кто был на корабле, были совершенно не готовы бороться с яростью ветра и ожидали, что каждое мгновение будет для них последним; те, кто был на берегу, полагали, что "Центурион" погиб, и понимали, что у них не осталось средств когда-либо покинуть остров. Поскольку ни один европейский корабль, вероятно, раньше не бросал здесь якорь, было безумием ожидать, что случай пришлет сюда еще один через сто веков. Кроме того, испанцы Гуама не могли не захватить их в скором времени, а поскольку на "Центурионе" пропали их каперские удостоверения, с ними, несомненно, поступили бы как с пиратами.

В этом отчаянном положении вещей Энсон, сохранявший, по всей видимости, свое обычное самообладание, разработал план выхода себя и своих людей из их плачевного положения. В случае, если "Центурион" не вернется в течение недели, сказал он, было бы справедливо заключить, что он не потерпел крушение, а был отнесен слишком далеко к подветренной части острова, чтобы иметь возможность вернуться на него, и, несомненно, унесся в Макао. Поэтому их политика заключалась в том, чтобы попытаться присоединиться к ней там. Для этого они должны были вытащить испанскую барку, которую они захватили по прибытии, на берег, распилить ее на части, удлинить на двенадцать футов, что дало бы ей сорок тонн груза и позволило бы перевезти их все в Китай. С плотниками, которые, к счастью, остались на острове, посоветовались, и они признали это предложение осуществимым. Люди, которые поначалу не желали оставлять всякую надежду на возвращение центуриона, в конце концов поняли необходимость активного сотрудничества и рьяно взялись за работу.

Кузнец со своим горном и инструментами первым приступил к работе; но, к несчастью, его мехи остались на борту корабля. Без своих мехов он не мог добыть огня; без огня он не мог отлить железо; а без железа плотники не могли склепать ни одной доски. Но скот давал шкур в изобилии, и эти шкуры были плохо выделаны с помощью бочки извести, найденной на складе вяленой говядины: из этой импровизированной кожи и ружейного ствола вместо трубки была сконструирована пара мехов, которые сносно соответствовали задуманному. Деревья были срублены и распилены на доски, Энсон работал топором и теслом так же энергично, как и любой из его людей. Сок кокосового ореха давал мужчинам натуральный и обильный грог, который имел то преимущество перед дистиллированной смесью, к которой обычно применяется это название, что он не опьянял их, а поддерживал в них умеренность и порядок. Когда основные работы были таким образом успешно начаты, после совещания было установлено, что палатка на берегу, некоторые снасти, случайно оставленные Центурионом, а также паруса и такелаж, уже принадлежавшие барке, безразлично послужат для ее оснащения, когда она будет удлинена. Теперь обнаружились два обескураживающих обстоятельства: весь порох, который удалось собрать при строжайшем досмотре, составлял всего девяносто зарядов, что значительно меньше, чем по одному заряду на каждого члена роты; их единственным компасом была игрушка, вроде тех, что делаются для развлечения школьников. Их единственной добычей был сумасшедший инструмент, который был выброшен за борт с "Центуриона" вместе с другим хламом, принадлежавшим погибшим, и который, по счастливой случайности, выбросило на берег. Он был исследован с учетом известной широты острова Тиниан и дал ответ таким образом, что убедил Энсона в том, что, хотя это и очень плохо, это, по крайней мере, лучше, чем ничего.

9 октября — на семнадцатый день после отплытия корабля — события развивались настолько стремительно, что Энсон смог установить 5 ноября в качестве даты выхода в море после двухтысячномильного путешествия. Но их ждала более счастливая участь. 11-го числа человек, работавший на холме, внезапно в великом экстазе закричал: "Корабль! корабль!" Коммодор бросил топор и бросился со своими людьми — все они были в состоянии, граничащем с безумием, — к берегу. К пяти часам пополудни "Центурион" — ибо это был именно он — показался вдали: к нему была отправлена шлюпка с восемнадцатью людьми для подкрепления, а также с мясом и закусками для команды. На следующий день она счастливо встала на якорь на рейде, и коммодор поднялся на борт, где его встретили самыми сердечными приветствиями. В течение этого промежутка в девятнадцать дней судно подвергалось бурям, течениям, протечкам и ложным расчетам; на нем была всего лишь четверть личного состава; и когда, по счастливой случайности, его занесло течением и он оказался в виду острова, команда была настолько слаба, что с трудом смогла развернуть корабль. Подкрепление в составе восемнадцати человек было послано в тот самый момент,

когда при виде долгожданного пристанища измученные моряки были готовы предаться отчаянию.

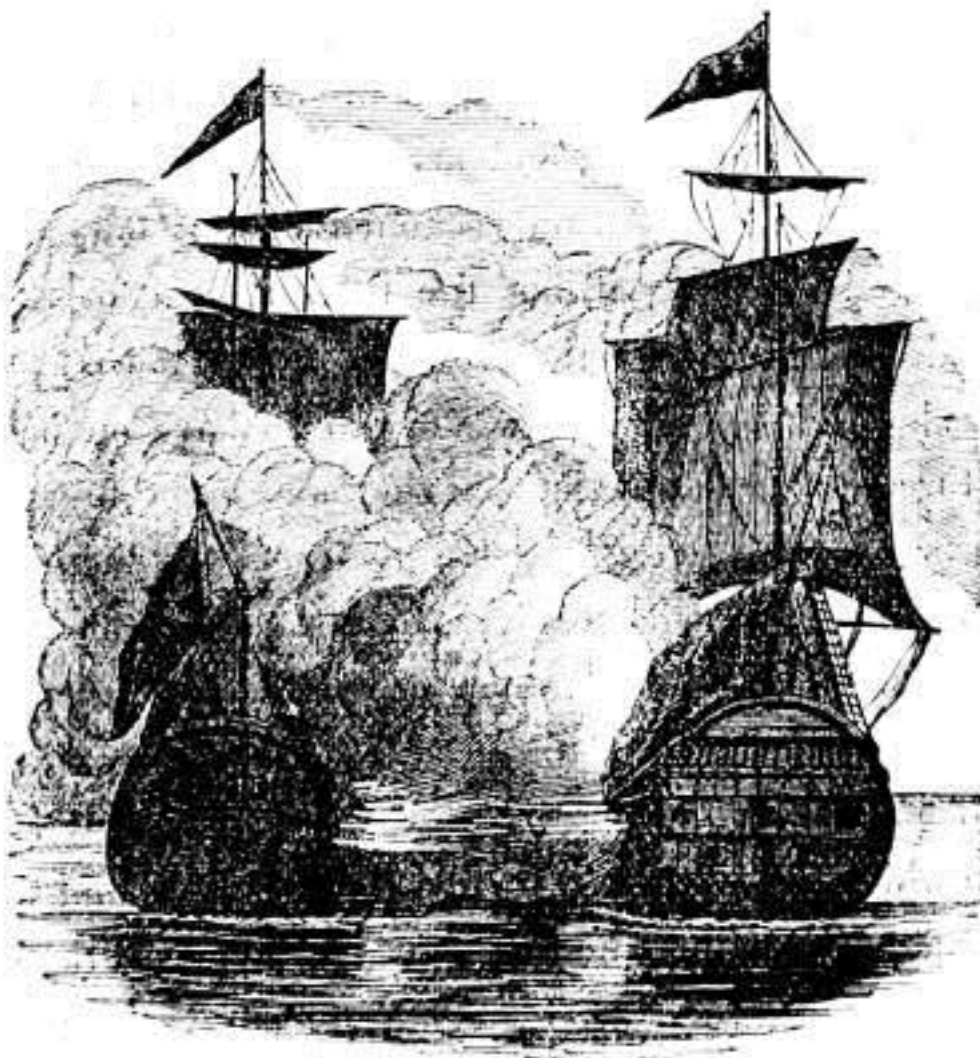
Пятьдесят бочонков воды и большое количество апельсинов, лимонов и кокосовых орехов были спешно доставлены на борт "Центуриона". 21 октября барк (в последнее время предмет всех надежд и страхов коммодора) был подожжен и уничтожен. Затем судно снялось с якоря и покинуло остров Тиниан, — остров, который, по словам Энсона, "независимо от того, учитываем ли мы совершенство его произрастания, красоту его внешнего вида, элегантность его лесов и лужаек, целебный воздух и приключения, которые он породил, со всех этих точек зрения может быть справедливо назван романтическим". После двадцатидневного плавания "Центурион" 12 ноября бросил якорь на дорогах Макао, — таким образом, после утомительного двухлетнего плавания он прибыл в Макао. дружественный порт и цивилизованная страна, где можно было легко раздобыть военно-морские припасы и, прежде всего, где команда испытывала невыразимое удовлетворение от получения писем от своих друзей и семей.

"Центурион" оставался в Макао более пяти месяцев, где его накренили, тщательно отремонтировали и переоборудовали. Команда была усилена двадцатью тремя мужчинами, некоторые из которых были ласкарами, или индийскими моряками, а некоторые - голландцами. 19 апреля адмирал вышел в море, объявив, что направляется в Батавию, а оттуда в Англию, и, чтобы подтвердить это заблуждение, взяв на борт в Кантоне и Макао письма, адресованные дорогим друзьям в Батавии. Но на самом деле его замысел состоял в том, чтобы отправиться в плавание к Филиппинским островам на возвращающемся галеоне "Манилла". Действительно, поскольку годом ранее он предотвратил отплытие ежегодного корабля, у него были веские основания полагать, что в этом году их будет два. Поэтому он изо всех сил спешил достичь мыса Эспириту-Санто, первой земли, к которой привыкли причаливать галеоны. Говорили, что это были крепкие суда с сорока четырьмя пушками и пятьюстами матросами, в то время как у него самого было всего двести двадцать семь матросов, тридцать из которых были мальчиками. Но у него были основания ожидать, что его люди приложат все усилия, принимая во внимание сказочное богатство, которое им предстояло заполнить.

"Центурион" достиг мыса Эспириту-Санту в конце мая, и с этого момента его народ с величайшим нетерпением ждал счастливого кризиса, который должен был уравновесить их прошлые бедствия. Каждый день их обучали обращению с пушками и стрелковому оружию. Судно держалось на расстоянии от мыса, чтобы его не обнаружили. Но, несмотря на все предосторожности, судно было замечено с суши, и информация о его присутствии была отправлена в Манилю, где были немедленно снаряжены силы, состоявшие из двух кораблей с тридцатью двумя пушками, одного с двадцатью пушками и двух шлюпов с десятью пушками; однако оно так и не вышло в море из-за муссонов.

20 июня, на рассвете, человек на верхушке мачты "Центуриона" обнаружил парус в юго-восточной части. Всеобщая радость распространилась по кораблю, и коммодор немедленно направился к нему. В восемь часов корабль был виден с палубы и оказался знаменитым галеоном Манилья. К большому удивлению Энсона, она не изменила курс, но продолжала приближаться к нему. Впоследствии оказалось, что она узнала вражеский парус как "Центурион" и решила сразиться с ним. Вскоре она подняла фок-мачту и спустила марселя, подняв испанский флаг. Энсон отобрал тридцать самых отборных матросов и распределил их по мачтам в качестве стрелков. Вместо того чтобы стрелять бортовыми залпами с интервалами между ними, он решил вести постоянный, но нерегулярный огонь, таким образом сбивая с толку испанцев, если они попытаются применить свою обычную тактику -

падать на палубы во время бортового залпа и с большой живостью орудовать во время перерыва. В час дня "Центурион", находясь на расстоянии ружейного выстрела от противника, поднял свой вымпел. Теперь испанец впервые начал расчищать свои палубы и беспорядочно сбрасывал в море крупный рогатый скот, овец, свиней, коз и домашнюю птицу. Энсон отдал приказ открыть огонь из орудий преследования; галеон ответил своими кормовыми орудиями преследования. В течение первых получаса он лежал поперек носа корабля, обстреливая его почти из всех своих орудий, в то время как она могла пустить в ход едва ли полдюжины своих. Циновки, которыми галеон набил свою сеть, теперь загорелись и сильно горели, наводя ужас на испанцев и встревожив англичан, которые опасались, что сокровища ускользнут от них. Однако испанцы, наконец, перерезали сетку и выбросили пылающую массу в море среди борющегося и ревущего скота. Центурион прочесал палубы галеона, матросы ранили или убили каждого офицера, кроме одного, появившегося на причале, и полностью вывели из строя самого командира. Теперь центуриону было ясно видно замешательство испанцев. Офицеры больше не могли привлекать людей к работе, и примерно в три часа дня она подняла знамена и сдалась.

ЦЕНТУРИОН И КОРАБЛЬ С СОКРОВИЩАМИ.

Оказалось, что галеон, названный "Ностра синьора де Кабадонга", стоил в твердой валюте миллион с четвертью долларов. Она потеряла в бою шестьдесят семь человек, не считая восьмидесяти четырех раненых; в то время как "Центурион" потерял всего двух человек и

имел всего семнадцать раненых, из которых выздоровел только один. "Столь незначительное значение, - замечает Энсон, - имеет самое разрушительное оружие в неискушенных руках". Захват сокровищ Манильы вызвал величайшее волнение у людей Центуриона, которые, таким образом, после неоднократных разочарований увидели, что их желания наконец-то сбылись.

Деньги были немедленно переведены на "Центурион", "Кабадонга" была назначена Энсоном почтовым судном на службе его величества, а командование было передано мистеру Сомарезу, первому лейтенанту "Центуриона". Затем оба судна направились по реке Кантон и прибыли из Макао 11 июля. По дороге Энсон подсчитал не только стоимость только что захваченного приза, но и общую сумму убытков, которые его экспедиция нанесла испанской короне с тех пор, как она покинула английские берега. На борту галеона было обнаружено один миллион триста тринадцать тысяч восемьсот сорок три доллара и тридцать пять тысяч шестьсот восемьдесят две унции чистого серебра, помимо кошенили и других товаров. Это, добавленное к другим сокровищам, взятым в предыдущих трофеях, составило общую сумму захваченных Энсоном денег, близкую к двум миллионам, — не считая кораблей и товаров, которые он либо сжег, либо уничтожил, и которые он оценил еще в три миллиона; к этому он добавил расходы на экспедицию, снаряженную испанским двором под командованием некоего Джозефа Писарро, чтобы досадить ему, и которая, как он узнал из документов галеона, была полностью разгромлена. "Общая сумма всех этих предметов, - пишет он, - составит самую непомерную сумму и является сильнейшим доказательством полезности моей экспедиции, которая, при всех ее многочисленных недостатках, все же оказалась столь пагубной для врага".

В Макао Энсон продал галеон за шесть тысяч долларов, что было намного меньше его стоимости. Ему очень хотелось как можно скорее выйти в море, чтобы самому стать первым вестником своей удачи и тем самым помешать врагу строить какие-либо планы по его перехвату. "Центурион" бросил якорь в Макао 15 декабря 1743 года; 11 марта 1744 года он причалил к мысу Доброй Надежды, где коммодор пробыл две недели, в месте, которое, по его мнению, не уступало долинам Хуан-Фернандеса или лужайкам Тиниана. Случайные побеги и замечательные приключения, которыми была охарактеризована карьера его знаменитого корабля, продолжались до тех пор, пока он не отсалютовал британским фортам. Французы поддержали дело Испании, и большой французский флот крейсировал в проливе Ла-Манш в тот момент, когда "Центурион" пересекал его. Впоследствии журнал показал, что она прошла прямо через вражескую эскадрилью, скрытую от глаз густым и дружелюбным туманом. Она благополучно прибыла в Спитхед 15 июня, после трехлетнего и девятимесячного отсутствия. Энсон приказал перевезти захваченные богатства в Лондон на тридцати двух повозках под звуки барабана и флейты. Два миллиона были разделены в соответствии с законами, регулирующими распределение призовых денег, между Энсоном, его офицерами и рядовыми, причем корона оставляла каждый пенни тем, кто пострадал и сражался за него. Теперь Энсон был самым богатым человеком на военно-морской службе. Сочувствие и аплодисменты, которыми одарила его публика, можно представить себе по тому факту, что рассказ о его путешествии выдержал четыре огромных издания за один год, был переведен на семь европейских языков и имел гораздо больший успех, чем когда-либо выпадал на долю какого-либо морского журнала.

БАЙРОН На ОСТРОВЕ КОРОЛЯ ГЕОРГА.

ГЛАВА ХLI.

ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ —ДЕЛЬФИН И ТАМАРА—БАЙРОН В ПАТАГОНИИ—ФОЛКЛЕНДСКИЕ ОСТРОВА—ОСТРОВА РАЗОЧАРОВАНИЯ—ПРИБЫТИЕ На ТИНИАН—БАЙРОН Против ЭНСОНА—ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОЙ—УОЛЛИС И КАРТЕРЕТ—ИХ НАБЛЮДЕНИЯ В ПАТАГОНИИ—УОЛЛИС На ТАИТИ—ОТЧАЯННАЯ БИТВА—ГВОЗДИ ТЕРЯЮТ ЦЕННОСТЬ—ТАИТЯНСКИЙ РОМАН —ОСТРОВ ПИТКЭРН—ОСТРОВА КОРОЛЕВЫ ШАРЛОТТЫ—НОВАЯ БРИТАНИЯ—ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОЙ—Военный КОРАБЛЬ, УНИЧТОЖЕННЫЙ ПОЖАРОМ.

В 1764 году Англия жила в мире со всем миром и его величеством Георгом III. возникла идея, которая до тех пор не приходила в голову ни одному царственному уму, — посылать корабли в исследовательские путешествия с единственной целью расширить область науки и внести свой вклад в прогресс географических знаний. Плаванья ранее предпринимались с целями либо завоевания, колонизации, мародерства, либо каперства; и открытия обычно были результатом случайности и, как правило, были подчинены грандиозному бизнесу грабежа.

Король немедленно осуществил свой замысел, передав командование "Дельфином" и "Тамарой" — первым военным кораблем из двадцати четырех пушек, а вторым шестнадцатипушечным шлюпом — коммодору Джону Байрону, который был одним из потерпевших крушение капитанов флота Энсона в 1740 году. Суда отплыли из Плимута 3 июля. Ничего особенного не произошло во время их перехода в Рио-Жанейро, если не считать того факта, что Байрон заметил, что ни одна рыба не подплывала к его кораблю, хотя море на небольшом расстоянии кишело ими, — обстоятельство, которое он приписал медной обшивке Дельфина. Это было первое судно, на котором был опробован эксперимент по покрытию днища медью.

На побережье Патагонии Байрон увидел группу туземцев верхом на лошадях, одного из которых, спешившегося, он описывает следующим образом: "Он был гигантского роста и, казалось, воплощал в жизнь рассказы о чудовищах в человеческом обличье: на плечи у него была наброшена шкура какого-то дикого зверя, как шотландский горец носит свой плед. Вокруг одного глаза был большой белый круг; другой окружал черный круг, а остальная часть лица была испещрена краской разных цветов. Его рост не мог быть меньше семи футов. Этот ужасный Колосс и вся его компания вели себя мирно и организованно, что, безусловно, делало им честь". Байрон вошел в Магелланов пролив в декабре. Во время якорной стоянки здесь часть людей спала на берегу: их всегда пробуждал от первого сна рев диких зверей, который ночная тьма и одиночество их положения делали неописуемо ужасным. Животным помешали проникнуть в палатку, разожгв большие костры.

Решив дождаться прибытия "Флориды" — судна с припасами, которое должно было следовать за ним, - Байрон вернулся в Атлантику и открыл группу островов, которыми он завладел для короля Георга III. по названию Фолклендских островов. Здесь тюленей и пингвинов было так много, что невозможно было пройти по пляжу, не прогнав их предварительно. Мужчины также были вынуждены сражаться врукопашную с огромными и грозными морскими львами, а также с животными размером с мастифа и свирепыми, как волк. По возвращении в порт Дезире в феврале 1765 года киты, окружавшие корабль, сделали плавание опасным, и один из них выпустил струю воды на квартердек. "Флорида" прибыла примерно в то же время, и "Дельфин" и Тамар забрали с нее всю провизию, которую смогли припасить. Затем они вошли в пролив и в течение семи недель и двух дней боролись с ужасной погодой, которая в период весеннего равноденствия царит в этом бурном регионе. 8 апреля они достигли мыса Десеадо и вскоре после этого вошли в Южное море.

Повернув на север до Хуан-Фернандеса, а затем проделав долгий путь на запад, Байрон обнаружил 7 июня на 14° 5' южной широты и 145° западной долготы группу островов, покрытых восхитительными рощами, на которых, очевидно, в изобилии росли кокосы и бананы. На берегу были замечены черепахи, и весь вид острова был тропическим и чрезвычайно привлекательным. Но сильная волна разбивалась о каждую точку побережья, а крутые коралловые скалы, образующие берег, делали постановку на якорь небезопасной. Моряки, измученные цингой, стояли, глядя на этот маленький рай с чувством горького сожаления; и Байрон соответственно назвал эту группу островов Разочарованием. Однако два дня спустя он обнаружил другую группу, которой дал название острова Короля Георга. Здесь дикари, пытаясь отразить вторжение в свои владения, спровоцировали репрессии, и двое или трое из них были убиты: один, пронзенный тремя пулями, которые прошли насквозь через его тело, поднял большой камень и умер в процессе его метания. Байрон раздобыл несколько лодок с кокосовыми орехами и большое количество цинготной травы. Открыв и назвав острова принца Уэльского и герцога Йоркского, Байрон направился к Ладронам, находящимся в месячном плавании на запад.

В назначенное время, после плавания, завершившегося без происшествий, два судна прибыли на остров Ладроне в Тиниане, уже известный благодаря яркому описанию, данному о нем лордом Энсоном. Они бросили якорь недалеко от того места, где лежал "Центурион", в такой прозрачной воде, что могли видеть дно на глубине ста сорока четырех футов. Байрон дает отчет об острове, сильно отличающийся от того, что представил Энсон, — факт, объясняемый тем обстоятельством, что он посетил его в сезон дождей. Подлесок в лесу был таким густым, говорит он, что они не могли видеть на три ярда перед собой: луга были покрыты упрямым тростником выше их голов, который резал им ноги, как веревка для хлыста. Каждый раз, когда они разговаривали, они вдыхали полный рот мух. В колодце Центуриона они нашли солоноватую воду, полную червей. Сороконожки кусались, а скорпионы истекали кровью. Корабли стояли на якоре так, как никогда раньше не стояли корабли. Дожди лили не переставая. Жара была удушающей, всего на девять градусов ниже температуры крови в сердце. Скот Энсона был очень пугливым, потому что шестерым мужчинам потребовалось три дня и три ночи, чтобы поймать и убить быка, мясо которого, когда его тащили домой, в палатки, неизменно оказывалось облепленным мухами и бесполезным.

После девятинедельного пребывания на Тиниане "Байрон" снялся с якоря 30 сентября с грузом в две тысячи кокосовых орехов. 5 октября он причалил к малайскому острову Тимоан. Жители были склонны к жестким сделкам и расставались с как можно меньшим количеством провизии. Они даже были оскорблены тем, что моряки тянули невод и ловили рыбу у их побережья. Покидая этот неблагодарный остров, они столкнулись с двумя неделями слабых ветров, мертвого штиля и жестоких торнадо, сопровождавшихся дождем, громом и молнией. 19 октября они приветствовали английское судно, принадлежащее Ост-Индской компании и направлявшееся из Бенкулена в Бенгалию. Учитель послал им овцу, черепаху, дюжину домашних птиц и два галлона арака. С этой помощью Байрон легко добрался до Явы, где собрал запасы риса и арака. Во время бегства домой ничего особенного не произошло, за исключением случая столкновения Дельфина с китом, при котором последний, по-видимому, пострадал больше всех, так как вода была сильно окрашена кровью. Байрон прибыл в Дил 7 мая 1766 года. Каждый корабль потерял по шесть человек, включая тех, кто утонул. Это число было настолько незначительным, что считалось вероятным, что погибло бы больше из них, если бы они остались на берегу. Байрон, благоразумно и энергично выполнявший все обязанности, возложенные на него во время этого путешествия, не мог нести ответственности за скудость полученных научных результатов, что объяснялось отсутствием ученых мужей, натуралистов, математиков, астрономов и т. Д. Правительство решило предпринять еще одно усилие и снарядить экспедицию в стиле, более соответствующем ее потребностям. "Дельфин" был немедленно переоборудован и снаряжен для плавания по тем же морям под командованием капитана Сэмюэля Уоллиса. "Ласточка", четырнадцатипушечный шлюп, был назначен ее спутником вместо неуклюжей "Тамар", а капитану Картерету, сопровождавшему Байрона, было приказано командовать ею. "Принц Фредерик" был назначен сопровождать их в качестве судна с припасами. Они покинули Плимут в компании 22 августа 1766 года.

Маршрут к Магелланову проливу не предлагает никаких достопримечательностей. Они вступили в дружеские отношения с жителями Патагонии. Эти люди, которые, по рассказам Магеллана и Байрона, приобрели репутацию семифутовых великанов, были измерены Уоллисом прутом. Самые высокие были шести футов шести дюймов, в то время как их средний рост составлял от пяти футов десяти до шести футов. Он пригласил нескольких из них на борт, где, по примеру Магеллана, показал одному из них зеркало. "Это, однако, - говорит он, - вызвало небольшое удивление, но дало им бесконечное развлечение". "Принц Фредерик" по приказу Уоллиса взял на борт несколько тысяч молодых деревьев, которые

были тщательно удалены вместе с корнями и землей вокруг них, и перевез на Фолклендские острова, где древесина не росла. Капитан Картерет взобрался на гору в надежде полюбоваться Южным морем: он воздвиг пирамиду, в которую поместил бутылку с шиллингом и бумажкой, — памятник, который, по его словам, мог бы оставаться там до тех пор, пока существует мир. В других местах земля была голой, покрытой снегом или заваленной до облаков камнями, выглядя как руины природы, обреченные на вечную стерильность и запустение.

Шторм вывел из строя оба корабля, и Картерет обнаружил, что "Ласточка" практически неуправляема. С этого времени, во время прохождения пролива, жители, которых они встречали, казались самыми несчастными из человеческих существ — наполовину замерзшими, наполовину сытыми, наполовину одетыми. После четырех месяцев опасного и утомительного плавания они вышли из пролива в океан 11 апреля 1767 года, попрощавшись с регионом, где в разгар лета стояла ненастная погода, "где видимость скорее напоминала хаос, чем природу, и где по большей части долины были лишены травы, а холмы - леса". Шторм разлучил здесь Дельфина и Ласточку, и с этого момента приключения Уоллиса и Картерета образуют два отдельных повествования. Мы проследим курс Дельфина, а затем вернемся к курсу Ласточки.

Уоллис плыл на северо-запад в течение двух месяцев без происшествий, открыв острова Уитсун и королевы Шарлотты посреди океана. Наконец, 19 июня, он причалил к острову Стрелец Кираса: он был потерян на протяжении полутора столетий, и даже в его существовании сомневались. Вскоре "Дельфин" был окружен сотнями каноэ, в которых находилось по меньшей мере восемьсот человек. Однако они не проявляли враждебных намерений, ограничиваясь мелкими кражами. Уоллис послал свои лодки на звук в поисках якорной стоянки и, заметив, что каноэ собираются вокруг них, выстрелил из девятифунтовой пушки у них над головами. Последовала перестрелка, в результате которой несколько человек были ранены с обеих сторон. Но когда Уоллис попытался войти в бухту Матаваи, островитяне оказали решительное сопротивление: триста каноэ с двумя тысячами воинов окружили его и атаковали градом камней. Отброшенные на какое-то время, они дважды объединялись и с помощью пращей забрасывали на борт камни весом в два фунта. Наконец пушечное ядро разрубило каноэ с вождем пополам, после чего каноэ и воины исчезли с невероятной быстротой. Теперь корабль был подогнан к берегу, и шлюпки причалили без сопротивления. Мистер Фурно, лейтенант, вступил во владение островом для его величества, в честь которого он назвал его островом короля Георга Третьего. Вода оказалась превосходной, к ней был подмешан ром, и все выпили за здоровье его величества. Поскольку туземцы решили устроить демонстрацию в полночь, Уоллис расчистил побережье своими ружьями и послал плотников на берег с их топорами, чтобы уничтожить все каноэ, которые они оставили после осады. Пятьдесят каноэ, некоторые из которых были шестидесяти футов длиной, были таким образом разобраны. Эти меры привели дикарей к соглашению, и вскоре они обменялись банановыми веточками и пантомимически произнесли клятвы в дружбе. Была налажена торговля, и на водопое поставили палатку. Команда теперь роскошно питалась фруктами и домашней птицей, и через две недели командир с трудом узнавал в них тех же людей. Это, как мы уже говорили, был остров, который Кук прославил под названием Таити.

Вскоре было обнаружено, что гвозди, основное средство обмена, по-видимому, утратили свою ценность для островитян. Достав из карманов большие шипы, они намекнули, что им нужны гвозди такого же размера и прочности. Теперь было установлено, что матросы, у которых не было собственных гвоздей, вытащили все прочные койки для гамака и вырвали

страховочные планки. Были пущены в ход все средства, чтобы обнаружить воров, но безуспешно.

11 июля на борт поднялась высокая женщина с приятным лицом и величественными манерами. Она оказалась Обереей, правительницей острова. Она, казалось, была совершенно очарована Уоллисом, который выздоравливал после тяжелой болезни, и пригласила его отправиться на берег и усовершенствовать свое выздоровление. Он принял приглашение и на следующий день навестил ее в ее резиденции — огромной соломенной крыше, опирающейся на колонны. Она приказала четырем молодым девушкам снять с Уоллиса туфли и чулки и нежно растирать его кожу руками. Пока они это делали, английский хирург, сопровождавший Уоллиса, снял парик, чтобы остыть. Все взгляды сразу же были прикованы к этому чуду природы. Все собравшиеся стояли неподвижно в немом изумлении. По словам Уоллиса, они не были бы так поражены, если бы обнаружили, что конечности хирурга были привинчены к туловищу. Оберея сопровождала Уоллиса на обратном пути к берегу, и всякий раз, когда они подходили к небольшой лужице воды, она поднимала его над ней.

Теперь было обнаружено, что некто Фрэнсис Пинкни, моряк, вытащил кнехты, к которым был привязан грот-лист, а затем снял и убрал шипы. Уоллис созвал матросов, объяснил всю тяжесть содеянного и приказал выпороть Пинкни крапивой, пока он трижды пробежал перчаткой по палубе. Чтобы корабль не разлетелся на куски и цены на провизию не выросли непропорционально, он распорядился, чтобы никто не сходил на берег, кроме лесорубов и поливальщиков.

Теперь Обереа стала романтической и нежной. Она обвязала шляпу Уоллиса венками из заплетенных волос, давая ему понять, что и прическа, и работа были ее собственными. Она подарила ему корзины с кокосовыми орехами и свиноматок, полных детенышей. Она сказала, что он должен остаться еще на двадцать дней; и когда он ответил, что уедет через семь дней, она разрыдалась и с большим трудом успокоилась. Когда настал роковой час, она бросилась на подлокотник и страстно зарыдала. Она с трудом перебралась через борт в свое каноэ, где и сидела, изображая беспомощное, невыразимое горе. Уоллис бросил ей предметы обихода и украшения, которые она молча приняла, не глядя на них. Впоследствии он попрощался с ней более приватно на берегу. Поднялся свежий бриз, и 27 июля "Дельфин" покинул остров.

РАССТАВАНИЕ УОЛЛИСА И ОБЕРЕИ.

По пути на Тиниан он обнаружил несколько островов, один из которых офицеры оказали честь своему командиру, назвав островом Уоллиса. На Тиниане они нашли все, о чем упоминал лорд Энсон, хотя для того, чтобы запрячь быка в петлю или упаковать банан, требовалось немало времени и труда. Когда они уходили, каждый мужчина положил по пятьсот лаймов. На пути в Батавию, а оттуда в Тейбл-Бей, список заболевших был очень велик, и несколько человек погибли в результате болезней и несчастных случаев. На мысе Кейп команда была поражена оспой, и на просторной равнине была установлена палатка от вредителей. Заражение ни в одном случае не было смертельным. "Дельфин" бросил якорь в Даунсе 20 мая 1768 года. Уоллису удалось вовремя направить документ в Королевское общество, чтобы это учреждение дало лейтенанту Куку, который в то время готовился к своему первому плаванию, более полные инструкции по управлению его передвижениями.

Теперь мы должны вернуться к "Ласточке" под командованием Филиппа Картерета и, дойдя до Магелланова пролива, к "супруге Дельфина". Шторм, как мы уже говорили, разлучил их, и, в то время как Уоллис плыл на северо-запад, Картерета отнесло строго на север. Он был удивлен, обнаружив Хуан-Фернандес укрепленным испанцами, и не счел благоразумным пытаться высадиться. Плывая теперь строго на запад, он обнаружил остров, которому дал название Питкэрн, в честь молодого человека, впервые увидевшего его. Этот остров у нас будет возможность упомянуть более подробно позже, поскольку он стал ареной романтических приключений мятежников с "Баунти". К тому времени судно сошло с ума и постоянно давало течь. Паруса были изношены и трескали при каждом дуновении ветерка. На матросов напала цинга, и Картерет начал опасаться, что ему не удастся благополучно доставить ни корабль, ни команду обратно в Англию.

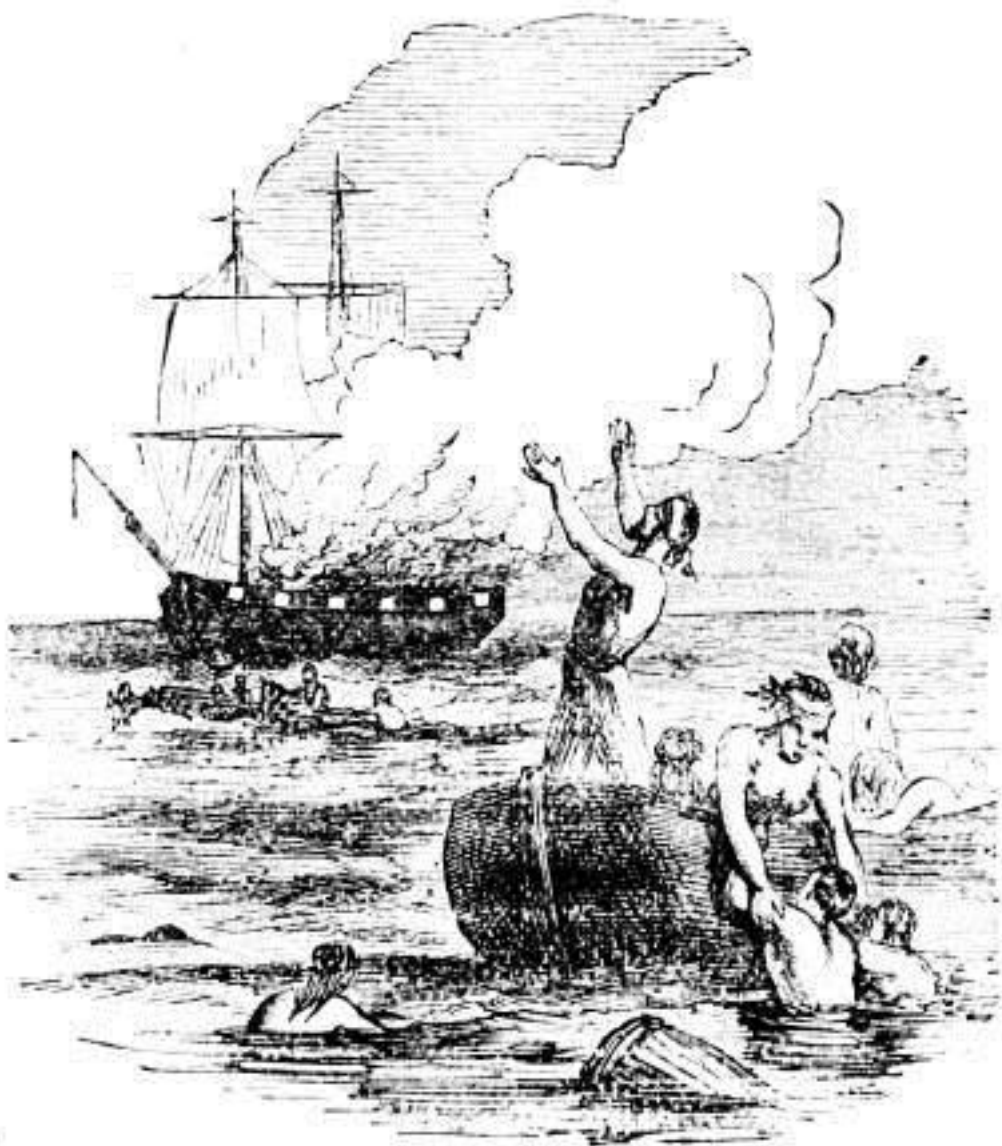
Наконец, 12 августа на рассвете была обнаружена земля, которая оказалась группой островов, которых Картерет насчитал семь. Не зная о том, что Мендана открыл их в 1595 году, почти два столетия назад, и дал им название Санта-Крус, Картерет завладел ими, назвав островами королевы Шарлотты и дав отличительное название каждому члену архипелага. Кокосовые орехи, бананы, свиньи и домашняя птица были замечены в изобилии, когда они плыли вдоль берега; но каждая попытка высадиться заканчивалась кровопролитием и отпором. Теперь они держали курс на северо-запад и 26 августа увидели Новую Британию и залив Святого Георгия, открытый и названный Дампиром. Временно став на якорь и снова пожелав поднять якорь, Картерет, к своему ужасу, обнаружил, что объединенных сил всей команды корабля недостаточно для выполнения этой работы. Тридцать шесть часов они провели в бесплодных попытках, но, набравшись сил сном, наконец добились успеха. У них не было ни сил гоняться за черепахой, ни желания ловить рыбу на крючок. Кокосовое молоко постепенно оживляло мужчин, которые также получали пользу от фрукта, напоминающего сливу.

Поскольку ветер не позволял Картерету следовать по следу Дампира вокруг Новой Британии, ему пришла в голову мысль, что залив Святого Георгия на самом деле может быть каналом, разделяющим остров надвое. Это событие подтвердилось. По пути он заметил три замечательных холма, которые назвал Матерью и дочерьми, причем Мать была самой средней и самой большой. Оставив южной части острова его старое название Новая Британия, он назвал северную часть Новой Ирландией. Покидая ла-манш, судно находилось в таком состоянии, что больше нельзя было тратить ни времени, ни труда на науку или географию: важно было добраться до какого-нибудь европейского поселения. Картерет открыл множество островов и групп и, побывав на Минданао, прибыл в Макаassar, на острове Целебес, в марте 1768 года. Он похоронил тринадцать своих людей, и еще тридцать были при смерти: все офицеры были больны, а Картерет и его лейтенант почти непригодны к службе. Голландцы отказали ему в разрешении высадиться на берег, и Картерет решил направить корабль к берегу и бороться за предметы первой необходимости, на которые они имели право в своем положении и которые они должны были либо получить, либо погибнуть. К ним причалила лодка с несколькими высокопоставленными лицами и приказала им немедленно отчаливать, в то же время дав им двух овец, немного домашней птицы и фруктов. Картерет показал им труп человека, который умер в то утро и жизнь которого, вероятно, была бы спасена, если бы ему сразу же предоставили провизию. Это несколько шокировало их; и они очень подробно расспросили, был ли он среди островов Пряностей, и, получив отрицательный ответ, которому они, по-видимому, поверили, направили его проследовать в бухту неподалеку, где он найдет убежище от муссонов и в изобилии провизию. Поэтому он направился к Бонтейну, где изменил свои расчеты, потеряв около восемнадцати часов на подходе с запада, в то время как суда, пришедшие с востока, выиграли около шести. Он пробыл здесь два месяца, с трудом найдя туземцев взамен многих моряков, которых он потерял. При переходе из Бонтена в Батавию на корабле произошла такая быстрая течь, что насосы, которые постоянно работали, с трудом удерживали его на плаву. Он прибыл в Батавию 2 июня. Здесь голландские власти снова воздвигли все препятствия на его пути, и прошла последняя неделя июля, прежде чем он смог спустить судно на воду для ремонта. Покончив с этим, он отплыл в Англию.

30 января 1769 года он причалил к острову Вознесения, где существовал обычай, поскольку остров был необитаем, оставлять на каждом корабле письмо в бутылке с датой, названием, пунктом назначения и т.д. Этот обычай Картерет, конечно, выполнил. Три недели спустя он был захвачен кораблем, носящим французские цвета и плывущим в том же направлении, что и он сам. Картерет был очень удивлен, услышав, что французский капитан называет его и его

корабль по имени; еще больше он был удивлен, услышав, что "Дельфин" уже вернулся в Англию и сообщил о его — Картерета — вероятной потере в Магеллановом проливе. "Откуда вы узнали название моего корабля?" - прокричал Картерет в свою трубу. "Из бутылки на Вознесении", - последовал ответ. "А как вы узнали о сложившемся в Англии мнении о нашей судьбе?" "Из французской газеты с мыса Доброй Надежды". "А кто вы такой, скажите на милость?" "Французский ост-индеец, капитан Бугенвиль". Судно называлось "La Boudeuse", о кругосветном путешествии которого мы расскажем в следующей главе. "Ласточка" бросила якорь в Спитхед в субботу, 20 марта, после трехлетнего отсутствия, потребовав двух дней. Ни один мореплаватель еще не добился столь многого при столь недостаточных ресурсах: открытия Картерета представляли высочайший интерес с географической точки зрения. Он был достойным предшественником Кука; и его достижения на аварийном корабле с командой-инвалидом подготовили общественное мнение к исследованиям, которые его и без того выдающийся преемник сможет провести в рамках тщательно оборудованной экспедиции, недавно начавшейся под его командованием.

Ужасный инцидент, произошедший в море примерно в это же время, произвел болезненную сенсацию по всей Европе. Было обнаружено, что французский военный корабль "Ле Принс", направлявшийся из Лорьяна в Пондишери через мыс Горн, горит. Было замечено, что из одного из люков почти незаметно поднимается дым. Были незамедлительно приняты обычные меры: восемьдесят морских пехотинцев были поставлены на дежурство с заряженными мушкетами, чтобы добиться повиновения от команды. Насосов и ведер было совершенно недостаточно, чтобы справиться с бушующим пламенем, в то время как свежая вода, пущенная из бочек, приносила столь же мало пользы. Ялик, по приказу капитана, был спущен: семь человек схватили его и быстро уплыли. Из других лодок две сгорели, а одна затонула, едва коснувшись воды. Ужас теперь стал всеобщим, и отчаянные вопли умирающих, смешанные с воплями перепуганных животных на борту, превратили сцену в ужасное смятение. Капеллан ходил повсюду, даруя всеобщее отпущение грехов и распространяя отпущение грехов даже на тех, кто, чтобы избежать смерти в огне, покончил с собой, прыгнув в море. На борту было шесть женщин, две из которых были двоюродными сестрами капитана. Их спустили в воду на курятниках, и капитан пожелал им вечного прощания, поскольку это был его долг и его решимость погибнуть вместе с кораблем.

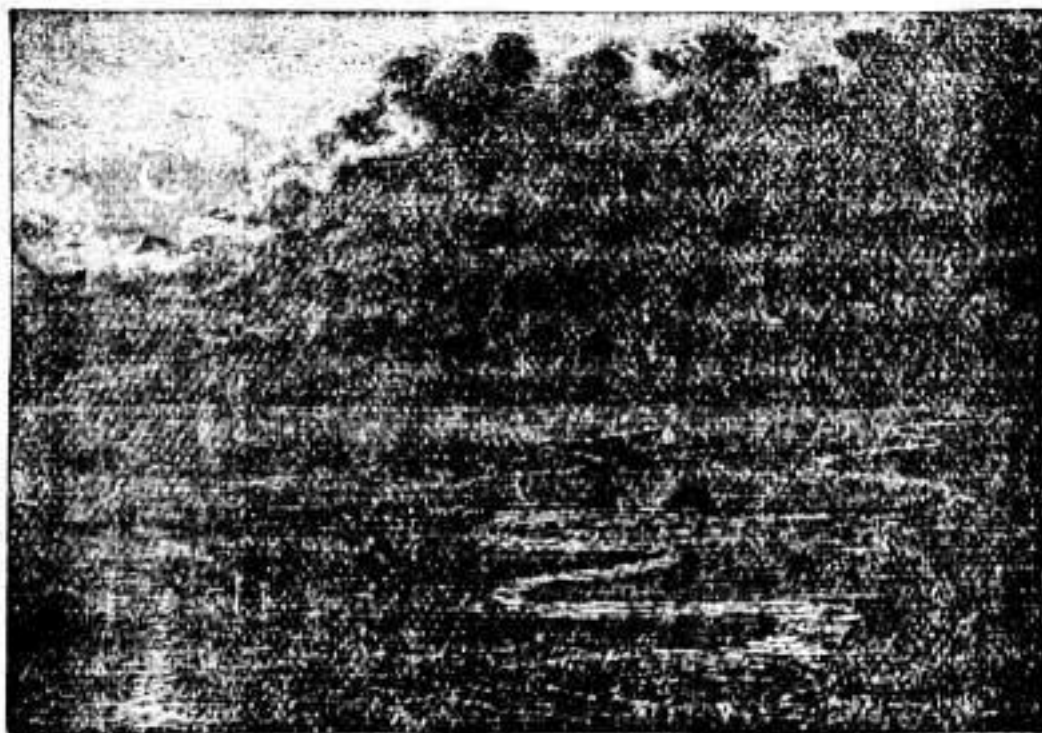
Теперь вода была полна людей, цепляющихся за мачты, весла, бочки и другие плавучие материалы. На одной перекладине находились девять человек, спасшихся от ярости одной стихии и спокойно ожидавших участи, которой они ожидали от другой. Им не суждено было умереть ни от того, ни от другого, но способом, если вообще возможно, более ужасным. Пламя, добравшись до пушки, которая по какому-то роковому совпадению была заряжена, разряжало их одного за другим. Пуля, попав в перекладину, с помощью которой эти девять преданных людей удерживались на плаву, пробила себе путь сквозь них всех, убив нескольких на месте и смертельно ранив остальных. Ни один не спасся. Теперь мачта упала в море, произведя ужасный опустошение среди тех, кто находился в пределах ее досягаемости; в то время как каждую минуту пушка обрушивала свой безрассудный металл на воду. Капеллан, цепляясь за обугленную деревяшку, наставлял всех, кто его слушал, своим благочестием и смирением. Однажды он попытался утонуть, но был возвращен на место первым лейтенантом. "Отпустите меня, - сказал он, - я полон воды, и она не может продлить мои страдания". "В его священном обществе, - говорит лейтенант в своем рассказе, - я провел три часа: в течение которых я видел, как одна из кузин капитана оставила попытки удержаться на плаву, упала назад и утонула". Этот лейтенант, выживший после остальных, окликнул семерых матросов на ялике, которые его приняли, а также

лоцмана и квартирмейстера. Эти десять человек были всеми, кто спасся из трехсот человек, составлявших экипаж судна. Вскоре фрегат взорвался, и после этой ужасной сцены его предсмертной агонии все снова погрузилось в тишину.

Лейтенант принял на себя командование лодкой и, подплыв к остаткам затонувшего судна, приказал поискать припасы и другие предметы, в которых они остро нуждались. Они нашли бочонок бренди, пятнадцать фунтов соленой свинины, кусок алой ткани, двадцать ярдов грубого полотна и некоторое количество шестов и веревок. Из алого одеяния и весла они сделали мачту и парус, из ключа - шкив, а из шеста - руль. С этим снаряжением и без астрономических инструментов они отправились в свое полное приключений путешествие, находясь в шестистах милях от побережья Бразилии.

Подгоняемые свежим бризом, они плыли в течение восьми дней, делая семьдесят пять миль каждые двадцать четыре часа. Они были почти голыми и ужасно страдали от воздействия лучей тропического июльского солнца. На шестой день небольшой дождь дал им надежду утолить всепожирающую жажду. Они слизали капли с паруса, но обнаружили, что они уже горько пропитались солью. Они страдали не только от жажды, но и от голода, потому что от соленой свинины, которая, как было установлено, вызывала кровохарканье, отказались на четвертый день. Глоток бренди время от времени несколько оживлял их, но обжигал желудки, не увлажняя их, причиняя им скорее боль, чем удовлетворение. На восьмую ночь лейтенант провел за штурвалом десять часов, и ни у кого из оставшихся девяти не было сил сменить его. Было невозможно, чтобы они пережили еще один день. Рассвет 3 августа принес с собой благословенный вид суши, и, собрав все свои силы, чтобы не быть разбитыми течениями, приливами и рифами, они благополучно высадились ближе к вечеру. Мужчины выбежали на берег и от радости катались по песку, смешивая благодарственные возгласы со своими радостными возгласами. Они больше не походили на людей, страдание сделало их лица страшными. Лейтенант обернул вокруг чресел кусок красной ткани, чтобы показать свое звание тем жителям, с которыми они могли встретиться. Обнаружив быстро текущий ручей, они все бросились в него и скорее лакали, чем пили, его целебные воды.

Место, где они находились, было португальским поселением, и они были гостеприимно приняты колонистами, которые в изобилии подарили им рубашки и маниоку. По пути в Пернамбуку, где дислоцировался португальский флот, они были радушно встречены офицерами, лейтенант был допущен в адмиральскую столовую, а матросы распределены по кораблям и переведены на полное довольствие. Вскоре они были возвращены в свою страну, и лейтенант передал правительству официальный отчет о катастрофе.

ЦЕПОЧКА ФОСФОРЕСЦИРУЮЩИХ СЕЛП.

БУГЕНВИЛЬ.

ГЛАВА XLII.

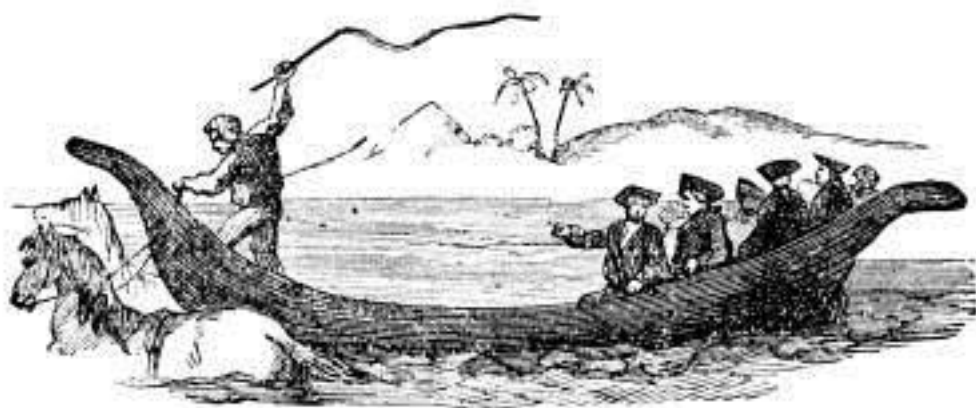
КОЛОНИЗАЦИЯ ФОЛКЛЕНДСКИХ ОСТРОВОВ—АНТУАН ДЕ БУГЕНВИЛЬ—ЕГО КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ—ПРИКЛЮЧЕНИЕ В МОНТЕВИДЕО—ЖИТЕЛИ ПАТАГОНИИ—ЗАХВАТ ТАИТИ—ФРАНЦУЗСКАЯ ГАЛАНТНОСТЬ—ЦЕРЕМОНИИ ПРИЕМА—ПРЕБЫВАНИЕ НА ОСТРОВЕ—АОТУРУ—ПЕРВАЯ КРУГОСВЕТНАЯ МОРЕПЛАВАТЕЛЬНИЦА—ГОЛОД НА БОРТУ—УДИВИТЕЛЬНЫЙ КАСКАД—ПРИБЫТИЕ НА МОЛУККСКИЕ ОСТРОВА—ТАМОШНИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ—ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

За несколько лет до периода, о котором мы говорим, французское правительство колонизировало Фолклендские острова, лежащие у восточного побережья Патагонии. Предприятие просуществовало едва ли три года и, с точки зрения сельского хозяйства, потерпело полный и катастрофический провал. Испанская корона впоследствии заявила, что эти острова принадлежат континенту Южная Америка, и короля Франции было легко убедить отказаться от них. В 1766 году капитану Луи-Антуану де Бугенвилю было приказано

отправиться на острова и там от имени его французского величества передать их испанским властям, которые будут посланы для этой цели. Затем он должен был продолжить путь через Магелланов пролив и Тихий океан в Ост-Индию, а оттуда вернуться домой. Если бы он выполнил эту задачу, то стал бы первым французским кругосветным мореплавателем.

Бугенвиль получил в командование фрегат "La Boudeuse", несший двадцать шесть двенадцатифунтовых пушек, к которому на Фолклендах должно было присоединиться торговое судно "Л'Этуаль". Он отплыл из Бреста 5 декабря, на борту находился принц Нассау-Сингхен, которому было разрешено сопровождать экспедицию. Они прибыли в Монтевидео в начале февраля 1767 года и обнаружили там два испанских фрегата, командиру которых Бугенвиль должен был передать Фолклендские острова и с которыми он отплыл в компании 28 числа того же месяца. Они столкнулись с суровой погодой, но благополучно прибыли к месту назначения к концу марта. Поселение перешло к испанцам 1 апреля: были установлены испанские знамена, и они салютовали на восходе и закате солнца. Французским жителям сообщили, что они могут либо остаться, либо вернуться: часть с гарнизоном отправилась в Монтевидео на обратном пути во Францию.

Бугенвиль до конца мая прождал на островах судно с припасами, которое должно было присоединиться к нему в этом пункте, а затем вернулся в Рио-Жанейро, где надеялся получить о нем известия. Она только что приехала и привезла соленого мяса и спиртного, которых хватило бы на пятнадцать месяцев, но ни хлеба, ни овощей. Поэтому он был вынужден отправиться за этими припасами обратно в Монтевидео. Отсюда он направился в Буэнос-Айрес, расположенный на противоположной стороне залива, образованного устьями Ла-Платы, однако проделав путешествие по суше, поскольку встречный ветер препятствовал его путешествию по воде. Ночью он и его спутники спали в кожаных палатках, в то время как тигры были вокруг них со всех сторон. Подойдя к реке Сент-Люсия, которая широка, глубока и быстра, они не знали, как ее пересечь. Наконец их проводник раздобыл полое каноэ, хозяин которого привязал по лошади с каждой стороны носа, а затем смело взял в руки поводья. Он поддерживал головы лошадей над водой и благополучно провел их по ней. Французы высадились на противоположном берегу без подков.

ПАРОМ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ.

Только 14 ноября "Будеза" и "Этуаль", захватив запасы сухарей и хлеба, в последний раз отплыли из Монтевидео. Через две недели они вошли в Магелланов пролив. 8 декабря они увидели, как несколько патагонцев, всю ночь поддерживавших костры, водрузили на возвышении белый флаг, который, очевидно, подарил им какой-то европейский корабль в качестве залога союза. Бугенвиль сошел на берег, где около тридцати туземцев встретили

его со всеми знаками доброй воли. Они обняли его и его спутников, пожали им руки и одними губами имитировали выстрел из мушкетов, показывая, что привыкли к огнестрельному оружию. Они помогали ботанику собирать растения и зелень, и один из них обратился к врачу за рецептом для своего воспаленного глаза. Они попросили табаку и маленькими глотками глотали бренди, сморкаясь после глотка и издавая дрожащие нечленораздельные звуки. Они попросили их остаться на ночь и, когда приглашение было вежливо отклонено, церемонно сопроводили их до берега.

БУГЕНВИЛЬ В МАГЕЛЛАНОВОМ ПРОЛИВЕ.

Бугенвиль с тремя своими офицерами провел несколько часов на зондировании местности близ мыса Фроурд. Заметив небольшую плоскую скалу, на которой едва можно было стоять, они взобрались на нее, подняли свои знамена и закричали: Да здравствует король! По словам Бугенвиля, теперь побережье впервые огласилось этим комплиментом в адрес его величества. По поводу чего английский комментатор замечает, "что это поразительный пример тщеславия, которым отличается французская нация". Судам, задерживаемым постоянными встречными ветрами и измученным сильными штормами, потребовалось пятьдесят два дня, чтобы пройти ла-манш, и в январе 1768 года они продвинулись далеко вперед, прежде чем открыли для себя бескрайние просторы Тихого океана.

Плывя на северо-запад, они миновали несколько низких, наполовину затонувших островов, один из которых Бугенвиль назвал островом Харп. Скопление рифов он назвал Опасным архипелагом. Больные глотки, которые теперь беспокоили команду, он приписал снежной воде в проливе и вылечил, добавив пинту уксуса и дюжину раскаленных пуль в ежедневную бочку с водой. Он боролся с цингой, используя лимонад, приготовленный из концентрата в виде порошка. Он делал пресную воду из соленой с помощью дистилляционного аппарата,

который каждый вечер наполнял бочку. Чтобы сэкономить питьевую воду, их хлеб замешивали на воде, зачерпнутой из моря. 4 апреля они обнаружили землю; и костры, горевшие ночью на обширном участке побережья, показали им, что оно обитаемо. Утром приблизилось каноэ, управляемое двенадцатью обнаженными мужчинами. Вождь, с необычайно густыми волосами, которые торчали у него на голове, как щетина, в разные стороны, предложил командиру гроздь бананов, показывая, что это оливковая ветвь, употребляемая на Таити, — острове, к которому сейчас прибыли корабли. Они обменялись подарками и заключили союз.

Теперь суда были окружены каноэ, груженными кокосовыми орехами и бананами, и туземцы и пришельцы вели оживленную и относительно честную торговлю. Вид побережья — горы, покрытые листвой до самых вершин, низменности, перемежающиеся лугами и плантациями тропических фруктов, каскады, стекающие со скал в море, ручьи, текущие среди живописных групп хижин, расположенных на берегу, — представлял собой очаровательное зрелище для уставших экипажей. Пока "Будеза" бросала якорь, ее окружили каноэ, полные женщин. "Они, - добавляет Бугенвиль с характерной французской галантностью, - не уступают по приятным чертам лица большинству европейских женщин. Среди такого зрелища было очень трудно удержать за работой четыреста молодых моряков, которые в течение шести месяцев не видели ни одной представительницы прекрасного пола. Стержень никогда не поднимался с такой готовностью, как в этом случае".

Капитан и несколько офицеров сошли на берег, где были встречены с большим ликованием всеми, за исключением почтенного человека, по-видимому, философа, "чей задумчивый и подозрительный вид, казалось, показывал, что он опасался, как бы приход новой расы людей не омрачил те счастливые дни, которые он провел в мире". Поэт, полулежавший под деревом, спел им песню под аккомпанемент флейты, в которую музыкант дул не ртом, а одной ноздрей. В обмен на это развлечение незнакомцы устроили ночью выставку небесных ракет, ведьминых перьев и другой пиротехники. Вождь, узнав, что принц Нассау - человек королевской крови, предложил ему жену; но, поскольку дама была преклонных лет и соответственно зрелой внешности, принц сослался на предыдущий союз и сбежал.

Суда оставались здесь две недели, рубя дрова и набирая воду. За время своего пребывания они бросили шесть якорей и дважды едва не попали в полное кораблекрушение, "худшим последствием которого было бы провести остаток своих дней на острове, украшенном всеми дарами природы, и променять сладости метрополии на мирную жизнь, свободную от забот". Островитяне выразили бесконечное сожаление по поводу их отъезда — один из них, по имени Аотуру, не смог вынести разлуки и попросил разрешения отправиться с ними. Он подарил своей молодой жене три жемчужины, которые были у него в ушах, поцеловал ее и поднялся на борт корабля. Бугенвиль покинул остров 16 апреля, не менее удивленный скорбью, которую жители выразили по поводу его отъезда, чем их искренним доверием по поводу его прибытия.

Он направлял свой курс таким образом, чтобы избегать Пагубных Островов, предупрежденный бедствиями Роггевейна о том, чтобы избегать их. Ночью Аотуру указал на яркую звезду в плече Ориона, показывая, что они должны ориентироваться по ней и что через два дня она приведет их на плодородный остров, где у него есть друзья и дети. Раздосадованный тем, что на его совет не обратили внимания, он бросился к штурвалу, схватился за штурвал и попытался развернуть корабль. Утром он взобрался на верхушку мачты и стал искать на далеком горизонте желанную землю, о которой говорил.

Суда неуклонно продвигались на запад, минуя острова Навигатора и группу, которую Кирос назвал Эспириту-Санту. Последнему Бугенвиль дал название *Grandes Cyclades*, которому, однако, не суждено было надолго сохраниться. В это время ему сообщили, что Барэ, слуга г-на де Коммерсона, ботаника Этуаль, была женщиной. Он поднялся на борт судна-склада, чтобы провести расследование. Он счел это сообщение невероятным, поскольку Барэ уже был опытным ботаником и приобрел прозвище вьючного животного во время своих прогулок со своим хозяином по снегам Магелланова пролива, куда он возил провизию, огнестрельное оружие и связки растений. Первое подозрение на него возникло на Таити, где туземцы, обладая острой интуицией дикарей, закричали на своем диалекте: "Это женщина!" - и настояли на том, чтобы оказывать ей знаки внимания, подобающие ее полу. Когда Бугенвиль поднялся на борт "Этуаль", Барэ, заливаясь слезами, призналась, что она женщина. Она сказала, что была сиротой, раньше служила в мужской одежде и что идея кругосветного путешествия разожгла ее любопытство. Бугенвиль отдает ей должное, заявляя, что она всегда вела себя на борту с самой щепетильной скромностью. Она не была красавицей, и ей было двадцать семь лет. Она была первой женщиной, совершившей кругосветное плавание.

Вскоре провизия начала заканчиваться, и экипаж был переведен на половинный паек. Вскоре командир был вынужден запретить употреблять в пищу старую кожу, поскольку она становилась таким же дефицитом, как печенье, и была столь же необходима. Мясник пролил слезы, принося в жертву любимого козленка, а Бугенвиль отвернул голову, когда этот кровожадный персонаж с не менее жестокими намерениями свистнул молодому патагонскому псу. Буруны, рифы и протоки, где прилив был быстрым и опасным, указывали на наличие суши, которой было дано название Луизиада. Это группа островов, населенных папуасами.

На побережье Новой Британии, в необитаемом месте, которое Бугенвиль назвал Порт-Праслен, он раздобыл кое-что из низших продуктов, таких как соломенные пальмы, капустные деревья и каленые яблоки. Также был найден вид ароматического плюща, в котором врачи обнаружили противозудные свойства; поэтому был заложен его запас. Бугенвиль с энтузиазмом описывает огромный каскад, снабжавший суда пресной водой. После восьмидневной стоянки в порту Праслин, в течение которой небо было черным от непрекращающихся штормов, суда воспользовались переменной ветра и продолжили свой путь на запад. Походные палатки были разрезаны, и сшитые из них брюки были розданы командам обоих кораблей. Из дневной нормы хлеба была изъята еще одна унция. Время от времени от берегов Новой Британии отчаливали каноэ, но враждебность и вероломство туземцев делали тщетными все попытки добыть у них пищу.

КАСКАД В ПОРТ-ПРАСЛИНЕ.

1 сентября Бугенвиль захватил остров Боэро, один из Молуккских островов, где, как он знал, у голландцев была небольшая фабрика и слабый гарнизон. Все его люди теперь были больны, без исключения. Оставшаяся провизия была настолько отвратительной, что, по его словам, "самыми тяжелыми моментами тех печальных дней, которые мы пережили, были те, когда колокол предупреждал нас о необходимости употреблять эту отвратительную и нездоровую пищу. Но теперь нашим страданиям должен был прийти конец. С полуночи приятный аромат исходил от ароматических растений, которыми изобилуют Молуккские острова; вид значительного города, расположенного на дне залива, кораблей, стоящих там на якоре, и скота, бродящего по лугам, вызывал восторг, который я, несомненно, испытывал, но который я не могу здесь описать".

Оказалось, что Голландская Ост-Индская компания правила безраздельно и что губернатор был склонен придерживаться буквы своих инструкций, которые запрещали ему принимать какие-либо корабли, кроме тех, которые принадлежали монополии. Бугенвиль был вынужден сослаться на голод и соображения гуманности, прежде чем власти захотели его выслушать. Затем они снабдили его рисом, домашней птицей, саго, козлятами, рыбой, яйцами, фруктами и олениной, причем последняя представляла собой мясо оленя, завезенного и акклиматизированного голландцами. Генри Инман, голландский губернатор, хотя и оказался в критическом положении из-за этого прибытия, вел себя как подобает благородному и щедрому человеку. Сначала он выполнил свой долг по отношению к начальству, а затем по отношению к ближним, попавшим в беду. Таитянин Аотуру, которого командир не отвез на берег в его первый визит, вообразил, что это из-за того, что у него кривые ноги и разбитые колени, и попросил кого-нибудь из матросов встать на его ноги и выпрямить их.

Во время обратного путешествия во Францию через мыс Доброй Надежды, остров Святой Елены и острова Зеленого Мыса не произошло ничего, что требовало бы упоминания здесь. Бугенвиль вошел в порт Сен-Мало 16 марта 1769 года, отсутствовав два года и четыре месяца и потеряв за время плавания всего семь человек. Он был первым французом, когда-либо совершившим кругосветное путешествие на одном корабле, — неким Жантилем де ла Барбине, пиратом, совершившим кругосветное плавание на нескольких кораблях около пятидесяти лет назад. Он подтвердил свои притязания на эту честь, опубликовав два года спустя рассказ о своей экспедиции, написанный живым и изящным стилем, который укрепил его репутацию моряка и исследователя.

КАПИТАН ДЖЕЙМС КУК.

ГЛАВА XLIII.

ЭКСПЕДИЦИЯ, ОТПРАВЛЕННАЯ ПО ПРОСЬБЕ КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА—ЛЕЙТЕНАНТ ДЖЕЙМС КУК—ПРОИСШЕСТВИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ—НОЧЬ НА БЕРЕГУ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ—ПРИБЫТИЕ НА ТАИТИ—ТУЗЕМЦЫ ОБЧИЩАЮТ КАРМАНЫ—ОБСЕРВАТОРИЯ—ТУЗЕМЕЦ ЖУЕТ ФУНТ ТАБАКУ—ПРОХОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ—ДВОЕ МОРСКИХ ПЕХОТИНЦЕВ БЕРУТ СЕБЕ ЖЕН—НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАМ—ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВОЙНА-КАНОЭ—ПРОДЕМОНСТРИРОВАННЫЙ КАННИБАЛИЗМ—ОПРОВЕРГНУТА ТЕОРИЯ ЮЖНОГО КОНТИНЕНТА—НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ—БОТАНИ—БЕЙ—"ИНДЕВОР НА СКАЛАХ"—СПОСОБ ОСТАНОВИТЬ ТЕЧЬ—ПОЖАР—ПРОХОД ЧЕРЕЗ РЕКУ РИФ—ПРИБЫТИЕ В БАТАВИЮ—СМЕРТНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ДОМОЙ—ПОВАР ПОВЫШЕН ДО ЗВАНИЯ КОМАНДИРА.

В 1768 году Королевское общество Англии убедило правительство снарядить и отправить судно в Южные моря. Читатель, возможно, вообразит — и, исходя из того, что предшествовало этой книге, у него будут на то все основания, — что целью его был грабеж, а его целью был либо захват галеона Манилья, либо разграбление несчастного города Пайта.

Тридцать лет, однако, прошло со времени плавания Энсона, последнего из королевских пиратов. Судно, чью карьеру мы сейчас будем описывать, не стремилось ни к захвату, ни к разграблению, ни к призовым деньгам. Это был мирный корабль с мирным названием "Индевор": его командир носил имя, прославленное мирными делами, и он выполнял мирное поручение. Джеймс Кук, сорокалетний офицер, оказавший эффективную службу в Америке при взятии Квебека и показавший себя способным астрономом, получил указание отправиться на остров, названный Киросом Стрельцом, а Уоллисом - островом короля Георга Третьего, чтобы наблюдать и записать прохождение планеты Венера по диску Солнца. Положение острова, о котором сообщил Уоллис, было сочтено чрезвычайно благоприятным для такого наблюдения. Кук был произведен в лейтенанты; Чарльз Грин был прикреплен к кораблю в качестве астронома, Джозеф Бэнкс и Соландер — последний швед и ученик Линнея — в качестве натуралистов, Бьюкен - в качестве рисовальщика, а Паркинсон - в качестве художника. Судно вышло из Плимутского пролива при попутном ветре 25 августа.

Путешествие в Рио-Жанейро было оживлено многими происшествиями, которые сейчас являются вполне обычными, но были новыми и интересными для мореплавателей столетней давности. Они увидели летучих рыб, чешуя которых имела цвет и яркость полированного серебра. Они поймали экземпляр того вида моллюсков, который моряки называют португальским военным кораблем, — существо, украшенное изящными розовыми прожилками и расправляющее перед ветром мембрану, которую оно использует как парус. Они наблюдали этот светящийся вид моря, теперь знакомый всем, но тогда являвшийся поразительной новинкой. Они придерживались мнения, что это исходило от какого-то светоизлучающего животного: они забросили свою сеть для заброса и вытащили огромное количество медуз, которые имели вид металла, нагретого до тлеющего состояния и излучавшего белое и серебристое сияние. В Рио-Жанейро вице-король отнесся к ним с большим подозрением и отказался разрешить мистеру Бэнксу собирать растения на берегу. Он не мог понять прохождения Венеры над Солнцем, которое, как ему сказали, было астрономическим явлением огромной важности, — поскольку понял от своего переводчика, что это прохождение Полярной звезды через Южный полюс. В среду, 7 декабря, они снова снялись с якоря и покинули американские владения короля Португалии, воздух в то время был наполнен бабочками, и несколько тысяч из них игриво порхали над верхушкой мачты.

Ближе к 1 января 1769 года моряки начали жаловаться на холод, и каждый из них получил магелланову куртку. 11-го числа, среди пингвинов, альбатросов, морских котиков, китов и морских свиней, они увидели Фолклендские острова, а вскоре после этого - побережье Огненной земли. 15-го десять или двенадцать человек из отряда сошли на берег, и их встретили тридцать или сорок туземцев. У каждого из последних в руке было по маленькой палочке, которую он отбросил, по-видимому, обозначая этой пантомимой отказ от оружия в знак мира. Затем быстро завязалось знакомство: были розданы бусы и ленты, и установились взаимное доверие и доброжелательность. Завязался разговор, если можно так назвать разговор без передачи смысла и слушание без понимания. Трое индейцев проводили незнакомцев обратно на корабль. Один из них, по-видимому, священник, совершил церемонию изгнания нечистой силы, изо всех сил крича на каждую новую часть сосуда, попадавшуюся ему на глаза, по-видимому, с целью рассеять влияние магии, которая, как он предполагал, там преобладала.

Ботаническая группа под руководством Соландера и Бэнкса предприняла попытку совершить экскурсию в глубь страны с целью получения образцов растений этой страны. На земле лежал глубокий снег, и погода была очень суровая. Несчастный случай лишил их возможности вернуться на корабль; и они были вынуждены провести ночь без укрытия среди

гор. Соландер хорошо знал, что сильный холод в сочетании с усталостью вызывает почти непреодолимое оцепенение и сонливость: поэтому он призвал компанию продолжать двигаться, каких бы мучений это им ни стоило. "Кто сядет, - сказал он, - тот заснет; а кто заснет, тот больше не проснется". Он был первым, кто обнаружил, что склонность, о которой он предупреждал других, непреодолима, и настоял на том, чтобы ему позволили лечь на снег. Он заявил, что ему необходимо немного поспать, хотя он только что говорил об опасностях, с которыми сопряжен сон. Вскоре он погрузился в глубокий сон, в котором пробыл пять минут. Затем он проснулся, получив известие о том, что был разожжен пожар. Его с большим трудом подняли, и он обнаружил, что почти утратил способность управлять своими конечностями, его мышцы были настолько сведены, что ботинки свалились с ног. Ричмонд, чернокожий слуга, уснул и так и не проснулся; двое других, охваченные истомостью, застилали себе постель и укрывались снегом. Таковы ужасные последствия холода в Стране Огня.

22 января Кук снялся с якоря и начал переход через Лемэрский пролив; 26-го он обогнул мыс Горн и вошел в Тихий океан. Он много недель плыл на запад, обогнув многие острова, открытые годом ранее французским мореплавателем Бугенвилем, и сам открыл другие. 11 апреля он прибыл на остров короля Георга, пункт своего назначения, и на следующее утро бросил якорь в бухте Порт-Ройял на глубине тринадцати морских саженей. Туземцы принесли ветви дерева, которое, по-видимому, было их эмблемой мира, и жестами показали, что их следует прикрепить к какой-нибудь заметной части корабельного такелажа. Затем они принесли рыбу, кокосовые орехи и хлебные плоды, которые обменяли на бусы и стекло. Команда корабля сошла на берег и приняла участие в различных церемониях, учрежденных с целью поощрения товарищества и доброй воли. Во время одного из них доктор Соландер и мистер Маркхаус — последний был мичманом — внезапно пожаловались, что у них обыскали карманы. Доктор Соландер потерял театральный бинокль в шагреновом футляре, а мистер Маркхаус лишился ценной табакерки. Был поднят шум, и вождь племени сообщил о краже. После больших усилий и долгой задержки шагреновый футляр был найден; но театрального бинокля в нем не оказалось. Однако после новых поисков он был найден и восстановлен. Когда дикарей спросили, как называется их остров, они ответили: О-Таити, — "Это Таити". Следовательно, нынешний способ написания этого слова — отахеите - ошибочен: правильное написание - таити.

Теперь Кук готовился к наблюдению за прохождением Венеры. Он разбил участок земли на берегу и получил от вождя туземцев в подарок крышу дома в качестве своего вклада в науку. Он возвел свою обсерваторию под защитой пушек своего корабля, с некоторым подозрением относясь к цели таких постоянных подношений веток, на которых настаивали жители. Мистеру Паркинсону, художнику, было трудно продолжать свою работу, потому что мухи так густо покрывали его бумагу, что он не мог ее видеть, и съедали краску так же быстро, как он ее наносил. Музыка кантри, как поняли собравшиеся из серенады, сыгранной в их честь, была одновременно эксцентричной и трудоемкой. Любимым инструментом было что-то вроде немецкой флейты, звучавшей всего четырьмя полутонами. Исполнитель не прикладывал это приспособление ко рту, а, заткнув одну ноздрю большим пальцем, дул в нее другой, как Бугенвиль уже имел случай наблюдать.

Однажды мистеру Бэнксу сообщили, что его друг-индеец по имени Тубураи умирает из-за чего-то, что моряки дали ему в пищу. Он поспешил в свою хижину и застал больного прислонившимся головой к столбу в позе крайнего уныния. Находившиеся рядом с ним островитяне намекнули, что у него была рвота, и достали аккуратно сложенный лист, в котором, по их словам, содержалось некоторое количество яда, от смертельного

воздействия которого он сейчас умирал. Он разжевал порцию, которую превратил в порошок, и проглотил слюну. Пока мистер Бэнкс рассматривал листок и его содержимое, он поднял глаза с самым жалостливым видом, намекая, что жить ему осталось совсем недолго. Смертельным веществом оказался фунт табака. Мистер Бэнкс прописал Тубураи обильную дозу кокосового молока, которое быстро развеяло тошноту и опасения.

1 мая астрономический квадрант впервые был доставлен на берег и помещен в палатку Кука. На следующее утро он пропал, и были начаты энергичные поиски. Он был украден местными жителями и отнесен на семь миль вглубь страны. Благодаря вмешательству Тубураи он был восстановлен и установлен на место в обсерватории.

До сих пор честность Тубурая была надежной защитой от любых искушений. Он устоял перед соблазнами бус, топоришков, цветной ткани и квадрантов, но в конце концов поддался очарованию корзины с гвоздями. Было известно, что в корзине находилось семь гвоздей необычной длины, и из этих семи пять отсутствовали. Один из них был найден при нем, и ему сказали, что, если он вернет остальные четыре в форт, об этом деле следует забыть. Он пообещал сделать это, но, вместо того чтобы выполнить свое обещание, удалился со своей семьей во внутренние помещения, забрав с собой гвозди и всю свою мебель.

Прохождение Венеры было с совершенным успехом наблюденно 3 июня с помощью трех телескопов разной силы увеличения Куком, доктором Соландером и мистером Грином. С восхода до захода солнца по небу не промелькнуло ни облачка. Группа туземцев наблюдала за процессом в торжественном молчании, и им дали понять, что чужаки посетили их остров специально для того, чтобы стать свидетелями погружения планеты.

Корабль должен был покинуть Таити 10 июня, и теперь все это время ушло на подготовку к отплытию. Вечером 9-го было обнаружено, что два морских пехотинца, Уэбб и Гибсон, сошли на берег, и их не удалось найти. Было установлено, что они женились на двух молодых девушках с острова, с которыми у них была привычка тайком беседовать и к которым они были очень привязаны. Их нашли с большим трудом, и суровые законы военно-морской службы вынудили их оставить своих жен. Судно отплыло 13-го числа, индеец по имени Тупиа был удовлетворен своим желанием сопровождать Кука в его путешествии. Когда якорь был поднят, он поднялся на верхушку мачты, плача и махая носовым платком своим друзьям в каноэ. Последние соперничали друг с другом в неистовстве своих причитаний, которые англичане считали скорее притворными, чем искренними.

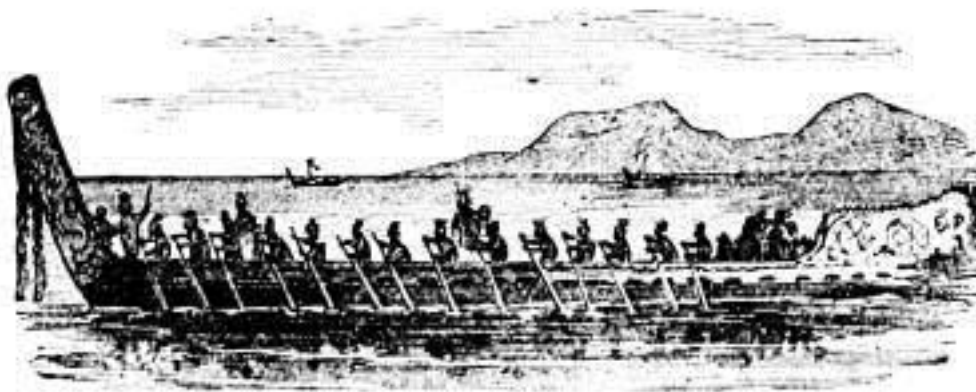
Теперь лейтенант Кук последовательно открыл различные острова, которые, по его мнению, составляли архипелаг и которым он дал название Островов Общества. Он покинул последнего из них 15 августа, а 25-го отпраздновал годовщину их отъезда из Англии, достав из шкафчика чеширский сыр и откупорив бочонок портера. 30-го числа они увидели комету того же года, и Тупиа с некоторым волнением заметил, что она вызовет разногласия между жителями двух островов Болабола и Улиета, которые, судя по этому, были особенно восприимчивы к метеорологическим воздействиям. 7 октября они обнаружили сушу и бросили якорь в бухте, которой дали название Бухта Бедности. Это было северо-восточное побережье Новой Зеландии, остров, открытый в 1642 году Тасманом и который с тех пор никто не видел в течение ста двадцати семи лет. Туземцы встретили их с недоверием, и несколько из них были несколько напрасно убиты мушкетными выстрелами. Все попытки установить с ними дружеские отношения потерпели неудачу, и Кук решил предпринять еще одну попытку в какой-нибудь другой точке побережья. Здесь произошла кровавая драка, в результате которой люди Кука захватили в плен трех молодых дикарей. Они ожидали, что их предадут смерти, и, когда доброта, с которой к ним относились, избавила их от опасений,

ими внезапно овладел ненасытный аппетит, и, казалось, они были в самом приподнятом настроении. Однако ночью они предавались печали, часто и глубоко вздыхали и пели низкие и торжественные мелодии, похожие на псалмы. На следующее утро они были блестяще украшены бусами, браслетами и ожерельями и в таком виде предстали перед своими соотечественниками на берегу. Переговоры полностью провалились: мальчиков отправили домой, а корабль отошел от негостеприимного берега в среду, 11-го.

Кук двигался вдоль острова на юг, то пугая туземцев одним мушкетным выстрелом, то разгоняя вражеский флот из дюжины хорошо вооруженных каноэ выстрелом из четырехфунтовой пушки, заряженной картечью, но нацеленной не в цель. В другой раз Тупиа было приказано сообщить группе кричащих и танцующих дикарей, что у незнакомцев есть оружие, которое, подобно грому, мгновенно уничтожит их. Кук сильно пострадал в сделке, которую он заключил с новозеландским доверенным лицом, который подошел к корме и предложил поменяться. Кук предложил ему кусок красного сукна в обмен на его шубу из медвежьей шкуры. Дикарь согласился. Кук передал ему предмет, после чего островитянин быстро уплыл, прихватив с собой сукно и медвежью шкуру. Попытка, предпринятая группой туземцев похитить слугу Тупиа, Тайето, — такого же таитянина, как и он сам, — и которая была близка к успеху, побудила Кука назвать глубокое углубление в море в этом месте побережья заливом Похитителя.

Несколько дальше к югу они обнаружили, что туземцы более настроены дружелюбно, и мистер Бэнкс с доктором Соландером сошли на берег и подстрелили нескольких птиц необычайной красоты. Некоторые из команды корабля вернулись ночью с носами, испачканными красной охрой и маслом, — обстоятельство, которое Кук объясняет тем, что "дамы разрисовывают свои лица веществами, которые обычно остаются свежими и влажными на их щеках и легко наносятся на носы тех, кто предпочитает приветствовать их. Эти дамы, — продолжает он, — были такими же великими кокетками, как любая из самых модных дам Европы, а молодые — такими же пугливыми, как необъезженная кобылка. На каждой из них были нижние юбки, под которыми виднелся пояс, сделанный из травинки с сильным ароматом".

В другом месте они устроили кузницу оружейника, чтобы починить скобы румпеля. Здесь они встретили старика, который настоял на том, чтобы показать им военные упражнения страны с копьем двенадцати футов длиной и боевым топором, сделанным из кости и называемым пату-пату. Для изображения врага был сделан вертикальный кол, на который он наступал с большой яростью: когда предполагалось, что он пронзил противника, он раскроил ему череп своим топором. Из этого заключительного акта был сделан вывод, что в битвах этой страны пощады не было. Также было установлено, что каннибализм был постоянной и излюбленной практикой. Здесь они увидели самое большое каноэ, которое им когда-либо встречалось. Она была шестидесяти восьми с половиной футов в длину, пяти в ширину и трех в глубину; у нее был острый киль, состоящий из трех выдолбленных стволов деревьев; боковые доски имели шестьдесят два фута в длину и были довольно искусно вырезаны в виде барельефа; голова-фигура также была шедевром скульптуры.

НОВОЗЕЛАНДСКОЕ КАНОЭ.

До сих пор экспедиция плыла на юг. Неудовлетворенный результатами и обнаружив трудности с добычей воды в достаточных количествах, Кук решил следовать вдоль побережья на север. Он назвал мыс по соседству мысом Тернаген. Другой мыс, более к северу, куда поспешно отплыло огромное каное, он назвал мысом Беглеца. 9 ноября было успешно проведено наблюдение за транзитом Ртути, и залив Меркурий получил название, данное заливу, где производилось наблюдение. Два населенных пункта, по причинам, которые будут очевидны, были названы Ойстер-Бэй и Мангров-Ривер. Прежде чем покинуть Меркурий-Бей, Кук приказал вырезать на одном из деревьев возле водоема название корабля и свое собственное с указанием даты их прибытия туда и, вывесив английский флаг, официально вступил во владение им от имени его британского Величества короля Георга Третьего.

17 декабря они обогнули мыс Нордкап, который является северной оконечностью острова, и начали спускаться по его западной стороне. Погода теперь стала штормовой, а побережье опасным, так что судну пришлось отойти на большое расстояние, и сношения с туземцами были сильно прерваны. Однако в какой-то момент англичане убедились, что местные жители едят человеческое мясо — по крайней мере, мясо врагов, убитых в бою. Индеец, чтобы убедить мистера Бэнкса в правдивости этого, схватил кость человеческой передней руки, очищенную от плоти, откусил и разгрыз ее, отправляя в рот и знаками показывая, что она доставляет ему восхитительное угощение. Затем кость была возвращена мистеру Бэнксу, который взял ее с собой на борт корабля в качестве трофея и сувенира. Впоследствии ему рассказали, что новозеландцы едят не часть голов своих врагов, а средоточие интеллекта, и заверили, что, как только состоится бой, они угостят его зрелищем банкета из мозгов.

К концу марта 1770 года корабль совершил кругосветное плавание вокруг двух островов, образующих то, что сейчас известно как Новая Зеландия, и, следовательно, доказал — то, что раньше было сомнительным, — что это остров, а не часть какого-либо большого Южного материка. Фактически, все это путешествие было неблагоприятным для представления о Южном континенте, поскольку оно смыло по меньшей мере три четверти позиций, на которых он был основан. Это также полностью опровергло теорию, согласно которой существование Южного континента было необходимо для сохранения равновесия между Северным и Южным полушариями; поскольку уже было доказано наличие достаточного количества воды, чтобы сделать Южное полушарие слишком светлым, даже если все остальное должно быть сушей.

Судно покинуло Новую Зеландию 31 марта, держа курс строго на запад, а 18 апреля мистер Хикс, первый лейтенант, обнаружил землю прямо на пути следования судна. Это была самая южная точка Новой Голландии, и по имени ее первооткрывателя она была названа Пойнт-Хикс. Кук много дней шел вдоль побережья на север; и только на третий день по поднимающемуся дыму он узнал, что местность обитаема. Тринадцатого числа он увидел группу туземцев, быстро идущих по берегу. Впоследствии они удалились, предоставив защиту побережья двум лицам весьма необычной наружности. Их лица были посыпаны белой пудрой, а тела разрисованы широкими полосами того же цвета, которые, проходя наискось по груди и спине, мало чем отличались от поперечных ремней, которые носили цивилизованные солдаты: такие же полосы были также нанесены на их ноги и бедра, как широкие подвязки. Каждый из них держал в руке оружие длиной в два с половиной фута. Десантный отряд, выделенный Куком, насчитывал сорок человек, и одному из мушкетеров было приказано показать двум воинам глупость сопротивления, всадив им заряд мелкой дроби в ноги. Затем лесорубы и поливальщики сошли на берег и с некоторым трудом раздобыли необходимые припасы.

В начале мая Кук высадился в месте, которому по случайному стечению обстоятельств он дал название Ботани-Бей, — название, известное сейчас во всем мире. Мистер Бэнкс и доктор Соландер собрали здесь большое количество растений, цветов и ветвей неизвестных деревьев; и именно этот случай дал пасторальное название Убежищу для переправленных преступников. Они обнаружили, что леса полны птиц самой изысканной красоты; на мелководных побережьях водились стаи водоплавающих птиц, напоминающих лебедей и пеликанов; илистые берега изобиловали огромным количеством устриц, мускулов, ракушек и других моллюсков. Жители ходили совершенно голыми, никогда не вступали в переговоры с незнакомцами и, похоже, не понимали таитянского диалекта тупиа.

В месте, которое из-за трудностей с добычей пресной воды получило название "Жаждающий пролив", группа водоплавающих столкнулась с необычными приключениями. Ходить им было чрезвычайно трудно из-за того, что земля была покрыта чем-то вроде травы, семена которой были очень острыми и бородами назад, так что, когда они застревали в их одежде, они продвигались вперед с помощью бороды, пока не пронзали плоть. Комары жалили их в каждую пору. Воздух был настолько наполнен бабочками, что они видели, нюхали, пробовали на вкус и вдыхали бабочек. Черные муравьи кишели на деревьях, выеда сердцевину из маленьких веток, а затем заселяя трубку, в которой она находилась; и все же на ветвях, лишенных таким образом сердцевины и занятых миллионами насекомых, росли листья, цветы и даже плоды. Они увидели рыбу, похожую на пескаря, которая, по-видимому, предпочитала сушу воде: она прыгала перед ними с помощью своих грудных плавников так же проворно, как лягушка; оказавшись в воде, она часто выпрыгивала и продолжала свой путь по сухой земле; в местах, где небольшие камни выступали над поверхностью воды на небольшом расстоянии друг от друга, она предпочитала перепрыгивать с камня на камень, чем проходить по воде. Они видели, как некоторые из них прошли в сухих ботинках по большим лужам таким оригинальным способом. Корабль покинул пролив Тирсти 31 мая.

В ночь на воскресенье, 10 июня, судно во время прилива налетело на скалу, лежавшую скрытой под водой на глубине семнадцати морских саженей, и так сильно билось о нее, что, казалось, надежды на спасение было мало. Земля находилась в двадцати пяти милях от нас, и никакого промежуточного острова не было видно. Вскоре стало видно, что доски обшивки разлетаются повсюду, а фальшкиль был наконец оторван. Шесть палубных орудий, весь железный и каменный балласт, бочки, шесты, канистры с маслом, сгнившие припасы общим весом в пятьдесят тонн были выброшены за борт с величайшей поспешностью. К ужасу Кука,

судно, облегченное таким образом, не всплывало во время прилива ни на полтора фута - настолько сильно дневной прилив отставал от ночного. Они снова выбросили за борт все, что можно было сберечь; но теперь судно начало давать течь, и было опасение, что оно пойдет ко дну, как только его перестанет поддерживать скала, — так что всплытие корабля ожидалось не как средство спасения, а как событие, которое ускорило бы его гибель. Корабль всплыл в десять часов, и его выбросило на большую глубину: в трюме было почти четыре фута воды. Некоторое время течь устранили, но в конце концов матросы выбились из сил и бросились на палубу, затопленную водой из насосов на глубину трех дюймов. Судно было окончательно спасено следующим способом, предложенным и приведенным в исполнение мистером Маркхаусом. Он взял нижний шипованный парус и, смешав вместе большое количество пакли и шерсти, нарезанной довольно мелко, пригоршнями пришил ее к парусу как можно плотнее. Затем парус с помощью канатов подтягивали под днище корабля; и когда в нем появлялась течь, всасываемая вода уносила с собой паклю и шерсть. Утечка была настолько уменьшена, что ее можно было легко устранить одним насосом. Наконец судно было доставлено на берег и выброшено на берег в реке Индевор: окружающие населенные пункты получили подходящие названия Tribulation Bay, Вири-Пойнт и Острова Надежды.

Ремонт судна занял много недель, а офицеры и команда тем временем занимались рыбной ловлей, пытались побеседовать с туземцами и совершали экскурсии с ботаническими или геологическими целями. 14 июля мистер Гор убил животное, которое в высшей степени возбудило интерес и любопытство англичан, поскольку было совершенно не похоже ни на одно известное в то время животное. Название, данное туземцами этому существу, было "кенгуру". На следующий день его приготовили к обеду, и он оказался превосходным блюдом.

Группа туземцев по соседству, настроенных враждебно из-за отказа купить пару жирных черепах, принадлежащих кораблю, выхватили головню из-под кипевшего котла со смолой и, обогнув с наветренной стороны те немногие вещи, что были на берегу, подожгли траву на своем пути. Эта трава, высотой в пять или шесть футов и сухая, как жнивье, горела с поразительной яростью. Огонь быстро перекинулся на палатку, где лежал несчастный Тупиа, больной цингой, и сжег свинью и двух поросят. Тупиа и палатка были спасены в самый последний момент: кузница оружейника или те ее части, которые могли гореть, были уничтожены. Порох, который был вывезен на берег, был перевезен обратно в склад всего за два дня до этого. Ночью было обнаружено, что холмы со всех сторон объаты пламенем — пожар распространился с поразительной быстротой. 3 августа корабль отплыл с реки Индевор, плотник наконец завершил необходимый ремонт.

Теперь корабль шел вдоль края рифа, протянувшегося примерно на двадцать миль от берега. Это внезапно приобрело такой грозный вид, и ветры и волны понесли их к нему с такой уверенной и фатальной скоростью, что были спущены шлюпки и посланы вперед на буксире, и, наконец, удалось развернуть корабль носом. Прибой теперь достигал огромной высоты в радиусе двухсот ярдов: вода под ними была бездонной. Теперь было обнаружено отверстие в рифе, и опасный способ провести корабль через него был успешно опробован. Они бросили якорь на глубине девятнадцати морских саженей над дном из кораллов и ракушек. Проход через риф получил название Провиденциального канала.

Они много дней плыли на север внутри рифа, пока, наконец, не нашли безопасный проход. Тогда Кук в последний раз водрузил английский флаг на восточном побережье, которого, как он был уверен, прежде не видел ни один европеец, и овладел всем его пространством от тридцать восьмой южной широты до десятой. Он заявил на это от имени его Величества

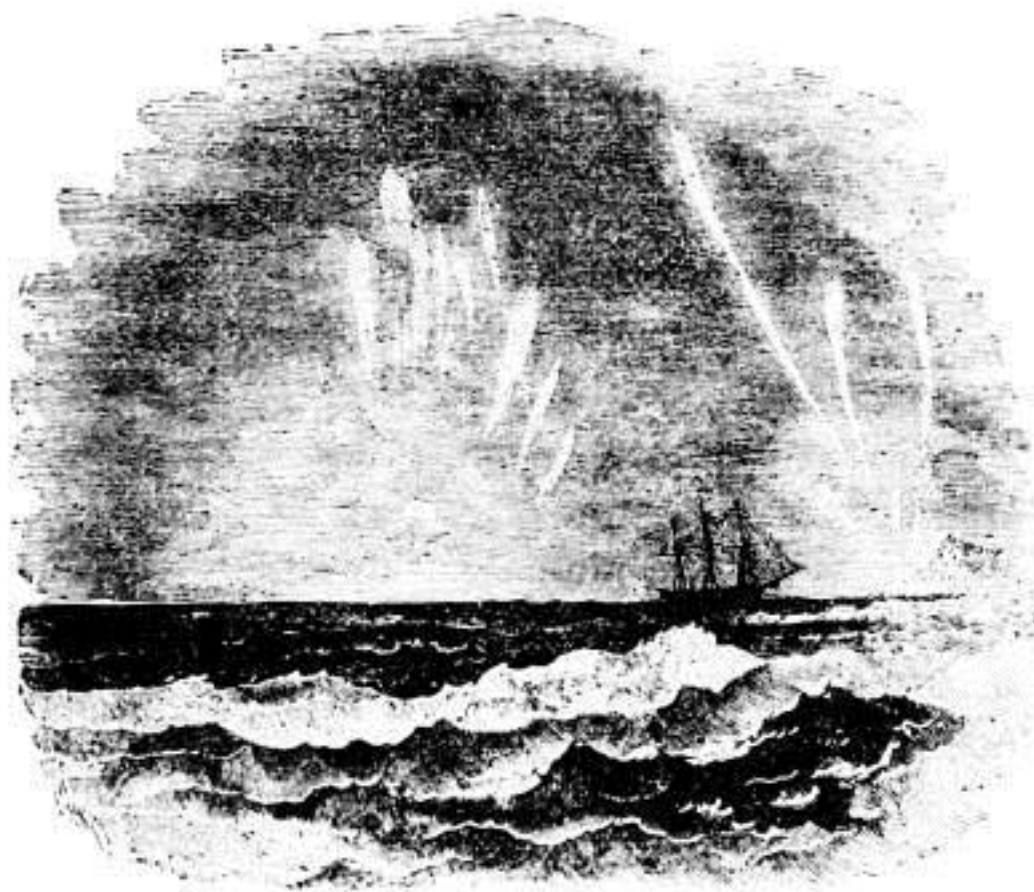
короля Георга Третьего под названием Новый Южный Уэльс со всеми его заливами, реками, гаванями и островами. Затем были произведены три залпа из стрелкового оружия, и место, на котором была совершена церемония, было названо островом Обладания. Корабль повернул на запад, оказавшись в открытом море к северу от Новой Голландии, — обстоятельство, которое доставило большое удовлетворение всем на борту, поскольку показало, что Новая Голландия и Новая Гвинея были отдельными островами, а не, как предполагалось, разными частями предполагаемого Южного континента. В четверг, 24 августа, судно покинуло Новую Голландию, держа курс на северо-запад, с намерением достичь берегов Новой Гвинеи.

В начале сентября они прибыли к группе островов, которые, как они предполагали, располагались вдоль побережья Новой Гвинеи. Когда они попытались высадиться, из зарослей на них с ужасными криками выскочили индейцы, один из них бросил в них что-то, что горело как порох, но не подал виду. Вскоре их число увеличилось, и они выпускали эти бесшумные вспышки по четыре-пять раз за раз. Дым напоминал дым от мушкета, а поскольку в руках они держали длинные полые трости, иллюзия была бы идеальной, если бы горение сопровождалось сотрясением. Те, кто находился на борту корабля, были убеждены, что у туземцев есть огнестрельное оружие, предполагая, что направление ветра не позволило звуку выстрела долететь до них. Кук решил не терять времени на этой широте, выполнив то, что он считал первостепенно важным; то есть он совершил плавание между двумя землями - Новой Голландией и Новой Гвинеей - и таким образом установил их островной характер вне всяких сомнений.

Теперь он отплыл на запад и 8 октября бросил якорь в Батавии, на Яве. Здесь он поставил корабль на ремонт. "Каких тревог мы избежали, - пишет он, - в нашем неведении о том, что большая часть киля была уменьшена до толщины кожаной подкладки ботинка!" Но команде корабля, которая была так чудесно защищена от опасностей моря, было суждено подвергнуться жестоким нападениям болезней на суше. Хирург Маркхауз, таитяне Тупиа и Тайето и четверо матросов быстро скончались от лихорадки. 27 декабря корабль снялся с якоря, больничный лист включал сорок имен. Прежде чем обогнуть мыс Доброй Надежды, она потеряла Споринга, одного из помощников натуралиста, Паркинсона, художника, Грина, астронома, Молине, штурмана, а также второго лейтенанта, четырех плотников и десять матросов. Кук был вынужден месяц ждать на мысе; и 12 июля 1771 года он бросил якорь в Даунсе после трехлетнего плавания, полного событий. Его команда была уничтожена, и корабль больше не годился для плавания. Мастерство и предприимчивость, проявленные Куком, а также важные результаты, достигнутые в ходе плавания, побудили правительство повысить его до звания командира. Мы последуем за ним в его втором путешествии в следующей главе.

ГОЛУБИНЫЙ МЫС.

КОРАБЛЬ КУКА ОСАЖДЕН ВОДЯНЫМИ ФОНТАНАМИ.

ГЛАВА XLIV.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ КУКА—ШТОРМ—РАЗДЕЛЕНИЕ КОРАБЛЕЙ—AURORA AUSTRALIS—НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ—ШЕСТЬ ВОДЯНЫХ БРЫЗГ ОДНОВРЕМЕННО-СНОВА ТАИТИ—МЕЛКИЕ КРАЖИ ТУЗЕМЦЕВ—КУК ПОСЕЩАЕТ ТАИТЯНСКИЙ ТЕАТР—ОМАИ—ПРИБЫТИЕ НА ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОСТРОВА—ФЛОТ СТАНОВИТСЯ СВИДЕТЕЛЕМ ПИРШЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЛОТИ—НОВЫЕ ГЕБРИДЫ—НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ—ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ—ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЕ КУКУ.

Теперь английское правительство решило отправить экспедицию на поиски предполагаемого Южного, или Австралийского, континента. Француз по имени Бенуа увидел в 1709 году к югу от мыса Доброй Надежды, на 54° восточной широты и 11° восточной долготы, то, что, по его мнению, было землей, назвав это мысом Обрезания. Куку было поручено командование "Резолюшн" и "Адвенчур", и ему было поручено попытаться найти этот мыс и удостовериться, является ли он частью рассматриваемого большого континента. Он покинул Плимут 13 июля 1772 года и достиг мыса Доброй Надежды 22 ноября.

Вскоре ужасающий шторм сбил оба судна с курса, смыл за борт их живность и почти вывел из строя "Резолюшн". Холод внезапно усилился, и экипажу в изобилии подали панталоны и фарноты. Огромные ледяные острова теперь занимали горизонт, и море, вздымаясь над ними на высоту шестидесяти футов, наполняло воздух своим непрекращающимся ревом. В воскресенье, 13 декабря, они находились на широте мыса Обрезания, но в десяти градусах восточнее его. Неделями они держались в высоких южных широтах, которым то угрожали высокие ледяные пики, то окружали огромные поля и плавучие массы, пока к 1 февраля 1773 года Кук не пришел к неприятному выводу, что мыс, открытый Бенуа, был не чем иным, как огромным участком льда, который, будучи прикован к якорной стоянке и не зависел от широты, у него не было причин ожидать найти в том месте, где доверчивый француз обнаружил его шестьдесят лет назад.

8 февраля "Резолюшн" потерял "Адвенчуру" из виду и три дня курсировал в поисках, стреляя из пушек и разводя ложные костры, но безуспешно. 17-го числа, между полуночью и тремя часами ночи, Кук увидел в небе огни, похожие на те, что наблюдаются в высоких северных широтах и известные под названием Северное сияние: Австралийское сияние никогда раньше не наблюдалось. Иногда он вспыхивал спиральными лучами и имел круглую форму; его цвета были яркими, и он рассеивал свой свет по всему небу. 24-го числа сильный шторм, сопровождавшийся снегопадом, произвел большой хаос среди ледяных островов, расколов их и значительно увеличив количество плавучих и коварных врагов, с которыми кораблю приходилось бороться. Однако теперь эти опасности были настолько знакомы команде, что опасения, которые они вызывали, никогда не были продолжительными и в какой-то мере компенсировались сезонными запасами воды, которую предоставляли им ледяные острова и без которой они были бы в большом затруднении.

16 марта Кук оказался на 59° восточной широты и 146° восточной долготы. Теперь он решил покинуть этот район, где, по его убеждению, он не найдет земли, и отправиться в Новую Зеландию, чтобы найти Приключения и освежить свою команду. 26-го числа он бросил якорь в Даски-Бэй, Новая Зеландия, после того как провел в море сто семнадцать дней и проплыл одиннадцать тысяч миль, ни разу не увидев земли. Этот пункт, самый южный в Новой Зеландии, никогда раньше не посещался европейцами.

Направляясь на север, к проливу Королевы Шарлотты, где он ожидал найти Приключение, Кук внезапно заметил шесть водяных струй между своим судном и сушей. Пять из них вскоре

иссякли; шестая стартовала с точки, расположенной в трех милях от нас, и прошла в пятидесяти ярдах от кормы "Резолюшн", хотя она и не почувствовала толчка. Диаметр его основания составлял около шестидесяти футов: в пределах этого пространства море сильно волновалось и поднимало пену на большую высоту. Из этого была образована труба, по которой вода и воздух спиральным потоком поднимались к облакам, откуда вода больше не опускалась, рассеиваясь в верхних слоях атмосферы. "Мне сказали, - говорит Кук, - что выстрел из ружья рассеивает водяные струи; и я сожалею, что мы не провели этот эксперимент, так как находились достаточно близко и имели наготове ружье для этой цели; но как только опасность миновала, я больше не думал об этом".

18 мая the Resolution узнала о Приключении в проливе королевы Шарлотты: экипажи двух кораблей были вне себя от радости, встретив друг друга после четырнадцатинедельной разлуки. Капитан последнего видел на берегу нескольких туземцев из племени, которое снабдило Тупиа судном Кука в его первое плавание. Они казались весьма обеспокоенными, когда им сообщили, что он погиб в Батавии, и им не терпелось узнать, был ли он убит, похоронен или съеден.

Перед отъездом с острова картофель, репу, морковь и пастернак посадили в местах, благоприятных для их роста, и туземцам объяснили их ценность как сочных корнеплодов. С "Резолюшн" на берег были отправлены овца и баран - последняя пара из большого стада, доставленного на борт на мысе Доброй Надежды; но они, вероятно, ночью съели ядовитое растение, потому что утром их нашли мертвыми. Это Приключение высадило на берег кабана и двух свиноматок в надежде, что они размножатся и пополнят остров.

Оба корабля вместе отплыли из Новой Зеландии 7 июня, их целью было проследовать на восток в поисках суши до 140 ° западной долготы, между 41 ° и 46 ° южной широты. Во время длительного плавания Кук не увидел ничего, что навело бы его на мысль, что они находятся по соседству с каким-либо континентом между меридианом Новой Зеландии и Америки. Фактом, который свидетельствовал против этого, было то, что у них были, как это обычно бывает во всех больших океанах, большие волны со всех сторон, в которых дул свежий штормовой ветер. Эти волны никогда не прекращались по причине, которая первой привела их в движение, — верный признак того, что поблизости не было суши. Они постоянно проходили мимо низких и наполовину затопленных островов, состоящих то из коралловых отмелей, превращающих волны в пену, то из островков, покрытых зеленью. 17 августа они прибыли на Таити после совершенно безрезультатного путешествия.

Склонность туземцев к воровству и мошенничеству проявилась со всей очевидностью во время пребывания англичан на их побережье. Последние иногда платили вперед за обещанные запасы свиней и домашней птицы, и в этом случае они были уверены, что никогда их не получат, — осторожный торговец сбегал со своим топором, рубашкой или гвоздями, избавляясь от необходимости выполнять свое обязательство. Практика превышения полномочий распространялась не только на низших слоев общества, но и даже на вождей. Властитель, пользующийся большой военной известностью, однажды перешел на сторону Резолю и предложил на продажу великолепную связку кокосовых орехов, которую с готовностью купил один из офицеров. Когда они развязали его, оказалось, что он состоит из фруктов, которые они уже однажды покупали и которые были перебраны, слиты с молока и выброшены за борт. Бесчестный сановник сидел в своем каноэ поодаль, показывая ликованием и энергией своей пантомимы, что он в высшей степени наслаждается блестящим успехом этого коммерческого мошенничества.

СЕСТРА КОРОЛЯ ОТОО ТАНЦУЕТ.

В другой части побережья король Отоо пригласил Кука и его офицеров посетить театр, где должна была разыгрываться пьеса с музыкой и танцами. Исполнителями были пятеро мужчин и одна женщина, которая была не менее важной персоной, чем сестра короля. Инструменты состояли всего из трех барабанов, и музыка длилась около полутора часов. Смысл пьесы не был очевиден англичанам, за исключением того, что она изобиловала местными аллюзиями, — имя Кука постоянно повторялось. Танцевальное платье дамы было очень элегантным, украшенным длинными кистями из перьев, свисавшими с талии вниз.

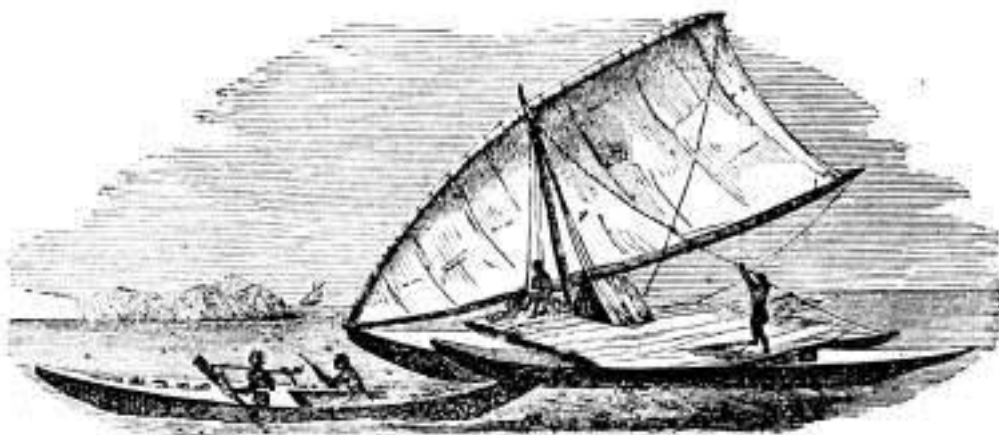
ПРИЕМ ПОВАРА На ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОСТРОВАХ.

Кук покинул Таити в начале сентября, взяв с собой молодого дикаря по имени Порео, который был охвачен желанием посетить чужие края. На соседнем острове Хуахейне туземец по имени Омаи, принадлежащий к среднему классу, также был взят на борт. Кук так отзывается о нем два года спустя: "Омаи, безусловно, обладает хорошим пониманием, сообразительностью и честными принципами: у него от природы хорошее поведение, которое делает его приемлемым для лучшей компании, и надлежащая степень гордости, которая учит его избегать общества лиц низшего ранга. У него страсти того же рода, что и у других молодых людей, но достаточно здравого смысла, чтобы не предаваться им с неподобающей чрезмерностью. Кук отвез Омаи обратно в Хуахейне, когда тот отправился в свое третье исследовательское путешествие в 1776 году. Позже у нас будет возможность описать события, связанные с этой реставрацией.

Кук прибыл в Мидлбург, один из Дружественных островов, в начале октября. Два каноэ, которыми управляли по три человека в каждом, смело подошли к борту, и некоторые из них без колебаний вошли на корабль. Один из них, судя по власти, которой он пользовался, был вождем и соответственно получил в подарок топорик и пять гвоздей. Тиони — так звали этого властелина — был таким образом дешево умиротворен. Вскоре Кук и его компания сели в лодку в сопровождении Тиони, который проводил их до небольшого ручья, где можно было легко высадиться на берег. Тиони размахивал веткой древа мира в правой руке, протягивая левую к огромной толпе туземцев, которые громкими возгласами приветствовали англичан на берегу. Ни у одного из них не было при себе никакого оружия: они так густо столпились вокруг лодки, что было трудно найти место для высадки. Казалось, они больше хотели отдавать, чем получать; и многие бросали в лодку целые тюки ткани и охапки фруктов, а затем удалялись, ни о чем не спрашивая и не дожидаясь равноценной помощи. Затем Тиони повел незнакомцев в свой дом, расположенный на прекрасной плантации в тени тенистых деревьев. Пол был застелен циновками. Перед ними поставили бананы и кокосовые орехи, и для них приготовили напиток. Это делалось следующим образом: туземцы энергично пережевывали кусочки сильно пахнущего корня; затем пережеванный продукт помещали в большую деревянную миску и смешивали с водой. Как только он был должным образом процежен, из зеленых листьев были сделаны чашки, вмещавшие почти полпинты, и их

подарили англичанам. Никто, кроме Кука, не пробовал его содержимое — способ приготовления утолил жажду всех остальных. На этом острове, а также в соседнем Амстердаме, люди — как мужчины, так и женщины - были замечены без одного или обоих мизинцев. Кук тщетно пытался выяснить причину этого увечья, но никто не потрудились сообщить ему об этом.

Кук с интересом обратил внимание на парусные каноэ этих островов. Примечательной особенностью был парус, который, будучи подвешен за лонжерон к раздвоенной мачте, можно было повернуть так, что нос лодки становился ее кормой, и *наоборот*. Они плыли с одинаковой скоростью в обоих направлениях.

КАНОЭ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОСТРОВОВ.

Вернувшись в Новую Зеландию в ноябре, Кук обнаружил, что его усилия по интродукции новых растений и животных были сорваны местными жителями. Одна из свиноматок была выведена из строя из-за серьезного пореза на одной из ее задних ног; другая свиноматка и хряк тщательно содержались отдельно. Двух коз убил парень по имени Гобия, а картошка была выкопана. Здешний повар имел удовольствие лицезреть пиршество из человеческого мяса. Часть тела двадцатилетнего молодого человека была поджарена и съедена одним из туземцев с явным удовольствием. Нескольким членам команды корабля стало дурно от отвратительного зрелища.

В этот момент "Адвенчер" рассталась со своим супругом; и больше ее никто не видел в течение оставшейся части путешествия. Кук покинул Новую Зеландию в начале декабря для последней попытки в Южном океане. 12-го числа он увидел первый лед, а 23-го на 67 ° широты обнаружил, что его проход затруднен таким количеством льда, что оставил всякую надежду двигаться дальше в этом направлении и решил вернуться на север. Поскольку он находился на 137 ° долготы, было ясно, что к северу должно быть обширное неисследованное морское пространство — пространство в двадцать четыре градуса, на котором, возможно, лежит большой участок суши.

В конце февраля 1774 года Кук заболел желчными коликами, и в течение нескольких дней его жизнь была под угрозой. Команда сильно страдала от цинги. 11 марта они наткнулись на остров Пасхи Роггевейна, который узнали по гигантским статуям, выстроившимся вдоль побережья. Они заметили странную диспропорцию в количестве мужчин и женщин, насчитав на острове около семисот мужчин и только тридцать женщин.

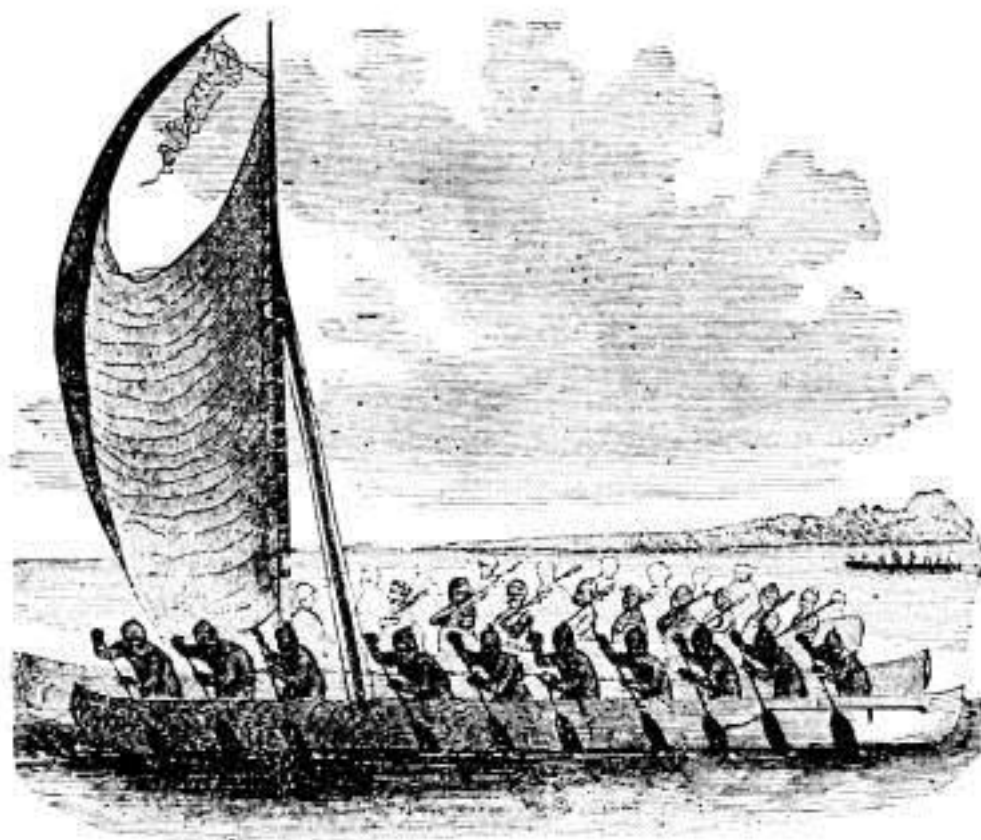
В начале апреля Кук прибыл на Маркизские острова, открытые в 1595 году Менданой. 22-го числа он прибыл в точку Венеры на Таити, где он наблюдал прохождение в 1769 году и

долгота которой была известна: таким образом, он смог определить ошибку своих часов и заново установить скорость их движения. Туземцы, и особенно Отоо, король, выразили немалую радость, увидев его снова. Покидая Таити, Кук подробно посетил острова, названные Киросом Эспириту-Санту, и Бугенвилем Грандес-Кикладес. Определив их протяженность и положение, он взял на себя смелость изменить их название на название Новых Гебридских островов.

НОВОКАЛЕДОНСКОЕ ДВУХМЕСТНОЕ КАНОЭ.

Теперь Кук открыл большой остров Новая Каледония, жителей которого он упоминает как обладающих превосходным характером. Однако последующие мореплаватели установили, что они были каннибалами. По уровню интеллекта они были намного ниже таитян. Их каноэ были самыми неуклюжими и обычно приводились в движение парами с помощью шестов. Куку не удалось раздобыть провизию, и, поскольку его команда теперь страдала от голода, он вернулся в Новую Зеландию, куда прибыл 18 октября. Он снова вышел в море 10 ноября и бросил якорь 21 декабря в проливе Рождества, на Терра-дель-Фуэго. Он обогнул мыс Горн, открыл множество малозначимых островов и, наконец, направил судно к мысу Доброй Надежды. Он бросил якорь в Столовой бухте 19 марта 1775 года. Здесь он узнал новости о "Адвенчуре", которая уже миновала мыс по пути домой. 30 июля Кук высадился в Плимуте после трехлетнего и восемнадцатидневного отсутствия. За это время он потерял всего четырех человек, и только один из этих четверых умер от болезни. Он был повышен до звания капитана, избран членом Лондонского королевского общества и получил золотую медаль Годфри Копли в знак высокой оценки правительством его усилий по сохранению здоровья экипажа. Сейчас ему было сорок семь лет.

КОРОЛЬ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ГОСТИ К КУКУ.

ГЛАВА XLV.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КУКА—СЕВЕРО—ЗАПАДНЫЙ ПРОХОД—ОМАИ—ЕГО ПРИЕМ ДОМА—КОМАНДА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ГРОГА—ОТКРЫТИЕ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ—ПРОЛИВ НУТКА—ТУЗЕМЦЫ—МЫС ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО—ДВА КОНТИНЕНТА В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ—ЛЕДЯНОЙ МЫС—ВОЗВРАЩЕНИЕ НА САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА—КУКА ОБОЖЕСТВЛЯЮТ—ИНТЕРВЬЮ С ТЕРЕБУ—ПОСЛЕДУЮЩИЕ ТРУДНОСТИ—ПЕРЕСТРЕЛКА—ОЖЕСТОЧЕННОЕ СРАЖЕНИЕ И СМЕРТЬ КУКА—ОБНАРУЖЕНИЕ ЧАСТИ ЕГО ОСТАНКОВ—ПОХОРОННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ—ЖИЗНЬ И ЗАСЛУГИ КУКА.

Кук вполне мог бы в этот период удалиться от дел и заняться частной жизнью, наслаждаясь своей заслуженной репутацией. Но грандиозный вопрос о Северо-Западном проходе, который теперь волновал прессу и общественность, побудил его еще раз подвергнуться опасностям иностранной авантюры. Поскольку все попытки прорваться через Баффинов или Гудзонов залив явно проваливались, было решено провести эксперимент через Берингов пролив. 9 февраля 1776 года Кук принял командование военным шлюпом "Резолюшн" — судном, на котором он совершил свое последнее плавание, - "Дискавери" водоизмещением в триста тонн, назначенным сопровождать экспедицию. Оба корабля были оборудованы в соответствии с характером их миссии: они были хорошо снабжены европейскими животными и растениями, которые они должны были завезти на острова Тихого океана. Омаи, молодой таитянин, которого Кук привез в Англию, был включен в состав "Резолюшн", поскольку было маловероятно, что представится другая возможность отправить его домой. Он покидал Лондон с сожалением, но сознание того, что сокровища, которые он увез с собой, поднимут его до завидного положения среди соотечественников, мало-помалу облегчало его печаль. "Резолюшн" вышел из Плимута 12 июля, а 10 августа за ним

последовало "Дискавери": оба судна присоединились к компании в начале ноября у мыса Доброй Надежды.

Поскольку мы уже неоднократно пересекали тропу, по которой Кук в третий раз проходит, мы просто приведем его маршрут, не вдаваясь в подробности его приключений, которые существенно не отличались от его прежних путешествий. Он прибыл на Землю Ван Димена в декабре и провел две недели февраля 1777 года в проливе королевы Шарлотты, Новая Зеландия. Вскоре после этого он открыл остров, который туземцы называли Мангья: он заметил, что жители из-за отсутствия кармана получше отрезали себе мочку уха и носили в нем нож. На другом острове той же группы Омаи вывел себя и отряд англичан из положения, представлявшего большую опасность, рассказав туземцам преувеличенный отчет о военных орудиях, использовавшихся на борту двух кораблей, стоявших на якоре неподалеку. "Эти орудия, - сказал он, - были настолько огромными, что в них могли удобно разместиться несколько человек; и одного из них было достаточно, чтобы одним выстрелом сокрушить весь остров". Если бы не эта ужасная история, Омаи подумал, что группа задержалась бы на берегу на всю ночь. На одном из островов Общества Кук посадил ананас и посеял несколько семян дыни. Его несколько ободряла надежда, что усилия такого рода не окажутся бесплодными, поскольку в тот же день туземцы подали ему на обед блюдо из репы, выращенной из семян, которые он оставил там во время своего последнего путешествия.

Вскоре "Резолюшн" бросил якорь у берегов Таити, и Кук обратил особое внимание на поведение Омаи, который вот-вот должен был вернуться домой к своим друзьям. Вождь по имени Уту и шурин Омаи поднялись на борт. В их встрече не было ничего нежного или поразительного. Напротив, казалось, с обеих сторон царило совершенное безразличие, пока Омаи, отведя брата вниз, в каюту, не открыл ящик, где он хранил свои красные перья, и не дал ему три из них. Ооту, который раньше почти не разговаривал с Омаи, теперь умолял, чтобы они стали друзьями. Омаи согласился и скрепил сделку подарком из перьев, а Уту в ответ послал на берег за свиньей. Но англичанам было очевидно, что они любили не человека, а его собственность. "Таков, - говорит Кук, - был первый прием Омаи среди его соотечественников. Если бы он не показал им свое сокровище из красных перьев, я сильно сомневаюсь, что они подарили бы ему хотя бы кокосовый орех. Признаюсь, я никогда не ожидал, что будет иначе.

Друзья Омаи передали важную новость о прибытии красных перьев на берег, и рано утром следующего дня корабли были окружены множеством каноэ, переполненных людьми, везущими свиней и фрукты на рынок. Поначалу за количество перьев, не превышающее того, которое можно сорвать с цыпленка, можно было купить свинью весом в пятьдесят фунтов; но количество этого драгоценного предмета на борту было таково, что его стоимость упала на пятьсот процентов. перед наступлением ночи. Теперь Омая навестила его сестра; и, к чести их обоих, их встреча была отмечена выражениями самой нежной привязанности. Кук, однако, предвидел, что у Омаи вскоре отберут все, что у него было, если он останется среди своих родственников: поэтому было решено поселить его на соседнем острове Хуахейне. Там вождь получил большой участок земли, и плотники с двух кораблей приступили к строительству для него дома, пригодного для хранения европейских товаров, которые были его собственностью. Кук сказал туземцам, что, если Омаи будут потревожены или подвергнутся преследованиям, он должен во время своего следующего визита дать им почувствовать всю тяжесть своего негодования. Омаи вступил во владение своим особняком в конце октября, а в воскресенье, 2 ноября, попрощался с офицерами корабля. Он выдерживал это тяжелое испытание, пока не пришел Готовить, а затем разразился бурными слезами. Он обильно плакал, пока его доставляли на берег. "Было немалым

удовлетворением думать, - пишет Кук, - что мы доставили его в целости и сохранности на то место, откуда он был похищен. И все же такова странная природа человеческих дел, что, вполне вероятно, мы оставили его в менее желательной ситуации, чем он был до своего знакомства с нами. Он вкусил сладости цивилизованной жизни и теперь, должно быть, становится еще более несчастным из-за того, что вынужден отказаться от всяких мыслей о ее продолжении". Карьера и судьба Омаи были, пожалуй, более примечательными, чем у любого другого дикаря: Кук лелеял его, Рейнольдс рисовал его, а Каупер обращался к нему с апострофом.

Во время стоянки судов у островов Общества Кук убедил экипажи отказаться от грога и вместо него использовать кокосовое молоко. Он задал им вопрос, не будет ли неблагоприятно, выпивая их крепкие напитки сейчас, рисковать тем, что их совсем не останется в холодном климате, где больше всего нужны сердечные напитки, и не согласятся ли они обойтись без грога сейчас, когда у них есть такой превосходный напиток, как кокосовый орех, который можно заменить им. Предложение было принято единогласно, и выпивка грога была прекращена, за исключением субботних вечеров.

OMAN.

В начале февраля 1778 года Кук сделал важнейшее открытие — открытие архипелага, ныне известного как Сандвичевы острова, названного так Куком в честь графа Сандвичева, первого лорда Адмиралтейства. Он посетил пять таких островов, одним из которых был Оаху. Он обнаружил поразительное сходство манер и языка с таковыми на островах Общества и в своем дневнике задает следующий вопрос: "Как мы объясним тот факт, что эта нация расселилась по стольким отдельным островам, так далеко отстоящим друг от друга, в каждой четверти Тихого океана? Мы находим его от Новой Зеландии на юге до Сандвичевых островов на севере! И, в другом направлении, от острова Пасхи до Новых Гебридских островов! То есть на протяжении трех тысяч шестисот миль к северу и югу и пяти тысяч миль к востоку и западу!

От Сандвичевых островов Кук отплыл на северо-восток и 7 марта достиг берегов Америки, у берегов урочища, названного сэром Фрэнсисом Дрейком "Новый Альбион". Небо было очень угрожающим, и он дал название мысу Фоулвезер, образующему северную оконечность. В конце марта два судна вошли в широкую бухту, которой Кук дал название Пролив короля Георга; но сейчас она более известна под своим первоначальным названием Нутка-Саунд. Кук нашел туземцев дружелюбными и готовыми продавать и покупать. Они были ниже обычного роста, их лица были полными, но без полноты, их лица были круглыми, с высокими выступающими щеками, приплюснутыми у основания носами с широкими ноздрями, низким лбом, маленькими черными глазами, толстыми круглыми губами и хорошо посаженными, хотя и не особенно белыми зубами. Цвет их кожи, когда она не была покрыта краской или грязью, был почти таким же белым, как у европейцев, и того бледного изнеженного оттенка, который отличает южные народы Европы. Поразительное сходство характеризовало лица всей нации, выражение всех было унылым и флегматичным. Нелегко было отличить женщин от мужчин; и не было видно ни одной женщины, даже среди тех, кто был в расцвете сил, кто имел бы наименьшие претензии на то, чтобы их называли красивыми.

Кук дает очень длинный и подробный отчет о манерах и обычаях этих людей, их жилищах, оружии, пище, домашних животных, языке и религиозных взглядах и в заключение отмечает, что они настолько существенно отличаются во всех отношениях от жителей различных островов Тихого океана, что невозможно предположить, что их соответствующие предки были объединены в одно племя или имели какую-либо тесную связь, когда они эмигрировали из своих первоначальных поселений в места, где сейчас находятся их потомки.

ЖИЛИЩА В ПРОЛИВЕ НУТКА.

Кук покинул пролив Нутка 26 апреля и в начале мая вошел в глубокую бухту, которой он дал название Пролив принца Уильяма. Продолжая свой путь, как он и предполагал, к Берингову

проливу, он был удивлен, обнаружив различные признаки того, что он больше не находится в море, а поднимается вверх по широкой и быстротекущей реке. Однако, обнаружив, что вода здесь такая же соленая, как и в океане, он был воодушевлен продолжить. Проследив течение реки на расстоянии двухсот миль от ее истока, не увидев ни малейшего намека на ее исток и отчаявшись найти проход по ней в Северные моря, Кук решил вернуться. Мистер Кинг, один из офицеров, был отправлен на берег, чтобы поднять флаг и вступить во владение страной и рекой от имени его величества, а также закопать в землю бутылку с несколькими английскими монетами 1772 года выпуска. Суда покинули реку, впоследствии названную, по приказу лорда Сандвича, рекой Кука, 5 июня.

9 августа Кук прибыл в точку на 66 ° северной широты, которую он назвал мысом принца Уэльского и которая является западной оконечностью Северной Америки. Если бы он поплыл прямо на север от этого места, то прошел бы через Берингов пролив. Но притяжение двух маленьких островов влекло его на запад, и с наступлением темноты он бросил якорь в бухте на побережье Азии, в течение двадцати четырех часов находясь в поле зрения обоих континентов. 12-го, во время плавания на север, оба континента оказались в поле зрения в один и тот же момент. 17-го на северном горизонте была замечена яркость, подобная той, что отражается от льда, обычно называемая мерцанием. Но считалось невероятным, что они так скоро встретятся со льдами. И все же резкость воздуха и мрачность погоды, казалось, указывали на какую-то внезапную перемену. Вид большого ледяного поля вскоре не оставил никаких сомнений относительно причины яркости горизонта. В половине третьего, находясь на 71 ° широты и на глубине двадцати двух морских саженей, Кук обнаружил, что находится недалеко от кромки льда, который был плотным, как стена, и выступал на двенадцать футов над водой. Он простирался на север, насколько хватало глаз. Точка суши на американском побережье получила название Ледяной мыс.

Сезон был уже настолько разгарен, что Кук оставил все попытки найти проход в Атлантику в этом году и сосредоточил свое внимание на вопросе о зимних квартирах. Обнаружив глубокую бухту на американской стороне, он назвал ее пролив Нортон в честь сэра Флетчера Нортон, спикера Палаты общин. У Ооналаски, острова на некотором расстоянии к югу, он столкнулся с тремя русскими авианосцами, у которых было несколько складских помещений и шлюп водоизмещением в тридцать тонн. По-видимому, они были досконально осведомлены о попытках их соотечественников Камчатки, Беринга и других плавать по Замерзшему океану.

26 октября Кук покинул Ооналаску и направился к Сандвичевым островам, намереваясь провести там зимние месяцы, а затем взять курс на Камчатку, прибыв туда к середине мая следующего года. 26 ноября два корабля бросили якорь у архипелага Сандвичевых островов и обнаружили несколько новых членов группы. В Оухихи Кук обнаружил, что туземцы более свободны от скрытности и подозрительности, чем любое другое племя, которое он встречал; и они ни разу не пытались совершить мошенничество или кражу. Уверенность Кука, и без того огромная, была еще более укреплена необычным, если не сказать гротескным, инцидентом.

ЧЕЛОВЕК С САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ.

ЖЕНЩИНА С САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ.

Жрецы острова решили обожествить капитана под именем Ороно. Однажды вечером, когда он высадился на берег, его встретили четверо мужчин, которые немедленно завернули его в красную ткань, а затем повели к своего рода жертвенному алтарю, где посредством неопишуемой церемонии, состоящей из быстрых речей, подношений протухших свиней и сахарного тростника, заклинаний, процессий, песнопений и земных поклонов, они наделили его божественным характером и правом требовать поклонения. В заключение священник по имени Кайрикия взял часть ядра кокосового ореха, которое он разжевал и которым затем натер лицо, голову, кисти рук и плечи капитана. С тех пор, когда Кук выходил на берег, священник шел впереди него, крича, что Ороно ходит по земле, и призывая людей смириться перед ним. Ему постоянно приносили подарки в виде свиней, кокосовых орехов и сухофруктов, а на два его корабля отправляли неиссякаемые запасы овощей: никто никогда не требовал возврата и даже не намекал на него. Подношения, по-видимому, делались во исполнение религиозного долга и во многом носили характер дани. Когда Кук поинтересовался, на чье попечение была оказана вся эта щедрость, ему ответили, что расходы взял на себя великий человек по имени Каоо, глава жрецов и дед Кайрикеи: этот Каоо сейчас отсутствовал, посещая Теребу, короля острова.

Король, вернувшись, отплыл из деревни в большом каноэ, за ним последовали еще два человека, и величественно поплыл к кораблям. Теребу подарил Куку веер, в обмен на который Кук подарил Теребу чистую рубашку. Затем команде корабля были розданы охапки сахарного тростника и хлебных плодов, и церемония завершилась обменом именами между капитаном и королем — самым сильным залогом дружбы среди жителей тихоокеанских островов.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Теребу и его вожди стали очень беспокоиться о том, чтобы англичане попрощались с ними. Они вообразили, что незнакомцы прибыли из какой-то страны, где не хватало провизии, и что их визит на их остров был всего лишь для того, чтобы набить желудки. "Было достаточно смешно видеть, как они похлопывали по бокам и животам наших моряков, - говорит Кинг, продолжатель журнала Кука, - и говорили им, что им пора уходить, но что если они придут снова в следующий сезон сбора хлебобулочных изделий, то смогут лучше удовлетворить свои потребности. К тому времени мы провели в заливе шестнадцать дней; и, учитывая наше огромное потребление свиней и овощей, нет нужды удивляться, что они пожелали увидеть, как мы прощаемся". Когда Теребу узнал, что корабли должны были отплыть на предпоследний день, он приказал распространить по деревням объявление, требующее от людей принести подарки Ороно, который вскоре должен был отбыть.

4 февраля 1779 года суда снялись с якоря и вышли из гавани, получив на борт подарок из овощей и живности, который намного превосходил все, что им готовили на островах Дружбы или Общества. Однако погода была крайне неблагоприятной, и они были вынуждены вернуться в поисках убежища и 11-го числа бросили якорь почти в том же месте, что и раньше. Было обнаружено, что фок-мачта сильно повреждена, каблук сильно прогнул, а посередине в нем зияла большая дыра, в которую могло поместиться четыре или пять кокосовых орехов. Прием кораблей сильно отличался от того, каким он был при их первом прибытии: не было ни криков, ни суеты, ни замешательства. Бухта казалась пустынной, хотя время от времени вдоль берега крадучись проплывало одинокое каноэ.

СРАЖАЙТЕСЬ С ОСТРОВИТАНАМИ.

Ближе к вечеру 13-го кража, совершенная группой островитян на борту "Дискавери", вызвала волнения очень серьезного характера. Парей, личность, пользующаяся некоторой властью, была обвинена в краже, и завязалась потасовка, в ходе которой Парей был сбит с ног сильным ударом веслом по голове. Туземцы немедленно атаковали команду катера яростным дождем камней и других снарядов и вынудили их с большим количеством осадков отплыть к скале на некотором расстоянии от берега. Островитяне немедленно разграбили

катер и разрушили бы его, если бы не вмешательство Парей, который, признав свою невиновность, сцепился нос к носу с офицерами и, казалось, забыл о полученном ударе.

Когда капитан Кук услышал о случившемся, он выразил некоторое беспокойство и сказал, что не следует позволять островитянам воображать, что они получили преимущество. Однако в тот вечер было слишком поздно предпринимать какие-либо шаги. У обсерватории была выставлена двойная охрана, и в полночь один из часовых, заметив пятерых дикарей, крадущихся к нему, выстрелил поверх их голов и обратил их в бегство. Катер "Дискавери" был украден ближе к утру с буя, где он был пришвартован. На рассвете Кук зарядил свое двустольное ружье и приказал морским пехотинцам приготовиться к бою. У него было в обычае, когда терялось что-либо важное, брать короля или нескольких главных людей на борт и держать их в качестве заложников до тех пор, пока все не будет восстановлено. Его целью было осуществить тот же план и сейчас. Он отдал приказ захватывать и останавливать все каноэ, которые попытаются покинуть бухту. Таким образом, шлюпки обоих кораблей, хорошо укомплектованные и вооруженные, были размещены у входа в гавань. Кук сошел на берег на катере, добился встречи с королем, убедился, что тот никоим образом не причастен к совершенной краже, и пригласил его вернуться в лодку и провести день на борту "Резолюшн". Теребу с готовностью согласился и, посадив двух своих сыновей на катер, уже собиравшись последовать за ними, когда пожилая женщина, мать мальчиков, и женщина помоложе, любимая жена короля, со слезами и мольбами стали умолять его не подниматься на борт. Два вождя схватили его, настаивая, чтобы он не шел дальше. Туземцы собрались в огромном количестве и начали тесниться вокруг капитана Кука и своего короля. Кук, обнаружив, что тревога распространилась слишком широко и что напрасно думать о похищении короля без кровопролития, в конце концов отказался от этой затеи.

СМЕРТЬ КАПИТАНА КУКА.

До сих пор личности и жизни Кука, похоже, ничего не угрожало. Теперь произошел несчастный случай, который придал делу фатальный оборот. Корабельные шлюпки, стреляя по пытающимся спастись каноэ, к несчастью, убили начальника первого ранга. Известие о его смерти пришло как раз в тот момент, когда Кук, покинув короля, медленно направлялся к

берегу. Это вызвало немедленное и бурное брожение: женщин и детей немедленно отослали; воины надели нагрудники и вооружились копьями и камнями. Один из туземцев подошел к Куку, демонстративно размахивая длинным железным штырем и угрожая ему большим камнем. Кук приказал ему прекратить, но, поскольку мужчина упорствовал в своей дерзости, в конце концов был спровоцирован выстрелом мелкой дробью. Поскольку пуля не пробила циновку, видя, что выстрел безвреден, туземцы были воодушевлены на дальнейшую агрессию. В морских пехотинцев было брошено несколько камней: их лейтенант мистер Филлипс чудом избежал ножевого ранения, сбив нападавшего с ног прикладом своего мушкета. Кук выстрелил из второго ствола, заряженного пулями, и убил одного из первых туземцев. Немедленно последовала общая атака камнями и мушкетный залп. Островитяне, вопреки ожиданиям англичан, выдержали огонь с большой стойкостью и, прежде чем морские пехотинцы успели перезарядить ружья, ворвались к ним с демоническими криками. Четверо морских пехотинцев были мгновенно убиты; трое других были опасно ранены; Филлипс получил удар ножом между лопаток, но, к счастью, сдержал огонь и застрелил человека, ранившего его, как раз в тот момент, когда тот собирался повторить удар.

В последний раз, когда Кука видели отчетливо, он стоял у кромки воды и призывал людей в лодках прекратить огонь. Предполагается, что он желал остановить дальнейшее кровопролитие и желал, чтобы пример отказа исходил с его стороны. Его человечность оказалась для него фатальной, и он расстался с жизнью, пытаясь спасти жизни других. Было замечено, что, когда он стоял лицом к лицу с туземцами, никто из них не проявлял к нему никакого насилия, возможно, сдерживаемый священным характером, который он носил как ороно; но в тот момент, когда он обернулся, чтобы отдать приказы людям в лодках, его ударили ножом в спину, и он упал лицом вперед в воду. Островитяне подняли оглушительный вопль и вытащили его тело на берег, где дикари нетерпеливо выхватили кинжал, которым он был убит, друг у друга из рук, каждый из которых проявлял зверское желание принять участие в его уничтожении.

"Так пал, - пишет Кинг, - наш великий и превосходный полководец. После жизни, полной стольких выдающихся и успешных предприятий, его смерть, что касается его самого, нельзя считать преждевременной, поскольку он дожил до завершения работы, для которой, казалось, был предназначен, и был скорее лишен удовольствия, чем возможности стяжать славу. Насколько искренне переживали его потерю и оплакивали те, кто так долго находил свою общую безопасность в его мастерстве и поведении и всяческое утешение в своих невзгодах в его нежности и человечности, мне нет необходимости и возможности описывать; тем более я не буду пытаться описать ужас, которым мы были поражены, и всеобщее уныние и растерянность, последовавшие за столь ужасным и неожиданным бедствием".

Когда ужас, вызванный потерей их командира, в какой-то мере улегся, Кларк, капитан "Дискавери", принял на себя главное командование экспедицией. Корабли были в таком плохом состоянии, а дисциплина настолько ослабла после ухода главного разума, что было решено применить мирные меры, а не демонстрировать сильное негодование, чтобы добиться возвращения останков Кука и четырех убитых солдат. Однако умеренность англичан не произвела никакого эффекта, и туземцы использовали тела морских пехотинцев в качестве жертвоприношений своим божествам. Поскольку они считали, что приготовление Кука относится к высшему разряду, они аккуратно разрезали его на кусочки и отправили в разные части острова. Вечером 15-го два священника тайно доставили на корабль порцию мяса, полученную ими в религиозных целях, — мясо без костей, весом около девяти фунтов. Они сказали, что это все, что осталось от тела, остальное было разрублено на куски и

сожжено; однако голова и все кости, кроме тех, что принадлежали туловищу, находились во владении Теребу.

Туземцы на берегу провели ночь в пиршествах и ликовании, очевидно, стремясь оживить и воспламенить свое мужество перед ожидаемым столкновением. На следующий день, около полудня, обнаружив, что англичане упорствуют в своем бездействии, большие их группы, дуя в свои раковины и расхаживая с важным видом по берегу в неистовой и вызывающей манере, ушли за холмы и больше не появлялись. Те, кто остался, компенсировали малочисленность своим поведением. Один человек подошел к "Резолюшн" на расстояние мушкетного выстрела и помахал над головой шляпой Кука, а его соотечественники, стоявшие у кромки воды, ликовали от его насмешек. Поливальщики, отправленные на свое ежедневное дежурство, были раздражены до такой степени, что за день получали только один бочонок воды. В результате было принято решение о нападении на деревню, и морские пехотинцы провели его энергично и эффективно. За смерть их командира была совершена кровавая месть: многие островитяне были убиты, а их хижины сожжены дотла. Этот суровый урок был необходим, поскольку местные жители твердо придерживались мнения, что англичане терпели их провокации потому, что не могли их подавить, а не из гуманных побуждений. Наконец, вождь по имени Эппо, человек самого высокого положения, прибыл с подарками от Теребу, чтобы просить мира. Подарки были получены, но последовал ответ, что до тех пор, пока останки капитана Кука не будут найдены, мир не будет дарован.

В субботу, 20-го числа, была замечена длинная процессия, спускавшаяся с холма к пляжу. Каждый мужчина нес на плечах один-два куста сахарного тростника, а в руке - хлебные плоды и бананы. Перед ними шли два барабанщика, которые водрузили у кромки воды посох с белым флагом на нем и энергично забарабанили, в то время как остальные подходили один за другим и раскладывали свои подарки на земле. Эппо, в длинном плаще из перьев, с видом глубокой торжественности, взобрался на скалу и подал знак лодке. Капитан Кларк сошел на берег на катере, приказав лейтенанту Кингу сопровождать его на катере. Эппо поднялся на катер и передал капитану некоторое количество костей, завернутых в большое количество тонкой новой ткани и накрытых пятнистым плащом из черных и белых перьев. В свертке находились руки несчастного командира целиком; череп, лишенный скальпа и костей, образующих лицо; скальп, отсоединенный, с коротко остриженными волосами и прилипшими к ним ушами; кости обеих рук, бедра и голени, но без ступней. Все тело носило явные следы пребывания в огне, за исключением рук, на которых осталась плоть, — с несколькими большими порезами, засыпанными солью, очевидно, с целью предотвращения разложения. По словам Эппо, нижняя челюсть и ступни, которых не хватало, были изъяты разными вождями, и Теребу использовал все средства, чтобы вернуть их.

На следующее утро Эппо поднялся на борт, принес с собой недостающие кости, а также стволы ружья Кука, его ботинки и несколько других безделушек, которые принадлежали ему. Еарро был уволен с приказом "наложить табу" на залив, то есть наложить на него запрет, во время проведения похоронных церемоний. Это было сделано: ни одно каноэ не отважилось выйти на воду в течение оставшегося дня, и посреди тишины и торжественности этой сцены кости были положены в гроб, и над ними была прочитана служба Англиканской церкви. Затем они были отправлены на глубину под оглушительный грохот артиллерии обоих судов. "Каковы были наши чувства по этому поводу, - говорит Кинг, - я предоставляю миру самому разбираться: те, кто присутствовал, знают, что не в моей власти выразить их".

Ни один человек никогда не вносил большего вклада в какую-либо науку, чем капитан Кук в географию. Мы видели, что в своем первом путешествии он открыл острова Общества, определил островной характер Новой Зеландии, обнаружил проливы, разделяющие этот

остров пополам, и произвел полное обследование обеих частей. Он исследовал восточное побережье Новой Голландии, дал Ботани-Бей его название и обследовал территорию протяженностью более двух тысяч миль. Во время своего второго путешествия он решил проблему Южного континента, пересекши это полушарие таким образом, чтобы исключить вероятность его существования, разве что вблизи Полюса, вне досягаемости навигации и за обитаемыми пределами земного шара. Он открыл Новую Каледонию, самый большой остров в Южной части Тихого океана, за исключением Новой Зеландии; он уладил ситуацию с многочисленными старыми открытиями, исправив их долготу и переделав все карты. Во время своего третьего путешествия он открыл к северу от экватора группу, называемую Сандвичевыми островами, — открытие, которое, учитывая все обстоятельства, а также их местоположение и продукты, можно назвать самым важным приобретением, когда-либо сделанным в Тихом океане. Он исследовал то, что до сих пор оставалось неизвестным на западном побережье Америки, протяженностью в три тысячи пятьсот миль, и установил близость двух великих континентов Азии и Америки. "Короче говоря, - говорит Кинг, - если не считать Амурского моря и Японского архипелага, которые все еще остаются недостаточно известными европейцам, он завершил гидрографию обитаемого земного шара". После Христофора Колумба Кук приобрел и сейчас, спустя почти столетие, все еще пользуется наивысшей степенью популярности, которая когда-либо выпадала на долю мореплавателя и первооткрывателя.

LAPÉROUSE.

ГЛАВА XLVI.

LOUIS XVI. И НАУКА МОРЕПЛАВАНИЯ—ПУТЕШЕСТВИЕ ЛАПЕРУЗА—ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ ПАСХИ—ОБРАЩЕНИЕ К ТУЗЕМЦАМ—ОУХИХИ—ТОРГОВЛЯ В МОУИ—ОБСЛЕДОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ—ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ БУХТА—ПЕЧАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ—ПРЕБЫВАНИЕ В МОНТЕРЕЕ—ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН—ЯПОНСКИЕ ВОДЫ—ПРИБЫТИЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ—ДРАКА НА ОСТРОВАХ НАВИГАТОРОВ—ЛАПЕРУЗА ПРИБЫВАЮТ В БОТАНИ—БЕЙ, И БОЛЬШЕ ЕГО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛИ, ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ—ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ В ПОИСКАХ ЕГО—Д'АНТРАСТО—ДИЛЛОН—Д'ЮРВИЛЬ—ОБНАРУЖЕНИЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ОСТАНКОВ КОРАБЛЕЙ В МАНИКОЛО—ТЕОРИЯ СУДЬБЫ ЛАПЕРУЗА-ВОЗВЕДЕНИЕ ПАМЯТНИКА В ЕГО ПАМЯТЬ.

Людовик XVI, король Франции, в этот период глубоко заинтересовался изучением географии и навигации. Ознакомившись с путешествиями, открытиями и заслугами Кука, ему пришла в голову идея приобщить французскую нацию к той славе, которую англичане пожинали благодаря морским приключениям и исследованиям. Он собственноручно составил план кампании, приказал подготовить к выходу в море два фрегата "Буссоль" и "Астролябия" и

передал командование экспедицией Жану-Франсуа Галопу де Лаперузу, более известному как Лаперуз. Сосуды были снабжены всеми принадлежностями, которые им могли понадобиться. Инструкции и рекомендации, полученные от Академии наук, занимают объем в четыреста страниц. Флот вышел из Бреста 1 августа 1785 года и прибыл в Консепсьон, в Чили, в конце февраля 1786 года.

После короткого пребывания здесь оба фрегата снова вышли в море и в начале апреля бросили якорь в бухте Кука на острове Пасхи. Здесь два командира высадились в сопровождении примерно семидесяти человек, двенадцать из которых были вооруженными до зубов морскими пехотинцами. Пятьсот индейцев ожидали их на берегу, большая часть из них была обнажена, раскрашена и покрыта татуировками, у других на чреслах висели пучки пахучих трав, а другие все еще были прикрыты кусками белой и желтой ткани. Ни один из них не был вооружен, и, когда лодки коснулись берега, они с величайшей готовностью двинулись вперед, чтобы помочь незнакомцам сойти на берег. Последние выделили круглое пространство, где они поставили палатку, и строго-настрого запретили островитянам вторгаться в это ограждение. Число туземцев теперь возросло до восьмисот, сто пятьдесят из которых были женщинами. В то время как последние пытались ласками и приятной пантомимой отвлечь внимание французов от происходящих событий, мужчины хитро обшаривали их карманы. Таким образом было украдено бесчисленное количество носовых платков, и воры, ободренные успехом, наконец сорвали с голов свои шапки и умчались с ними. Было замечено, что вожди были самыми ловкими и удачливыми грабителями, и что, хотя для вида они иногда бежали за преступником, обещая вернуть его, было очевидно, что они бежали так медленно, как только могли, и что их целью было скорее облегчить, чем предотвратить его побег. Лаперуза не спасло от ограбления его звание: вежливый дикарь, помогая ему преодолеть препятствие на пути, снял с него шапочку и убежал с предельной быстротой. При повторной посадке, чтобы вернуться на корабли, только у трех человек были носовые платки, и только у двоих были шапки. Лаперуз пробыл на этом острове всего день, ничего не приобретая и все теряя. Пресной воды нигде не было, туземцы пили морскую воду, как альбатросы у мыса Горн. В благодарность за гостеприимство, с которым их приняли, Лаперуз распорядился засеять несколько плодородных участков свеклой, капустой, пшеницей, морковью и кабачками и даже семенами апельсина, лимона и хлопка. "Короче говоря, - говорит Лаперуз, - мы осыпали их подарками, осыпали ласками младенцев, находящихся у груди; мы засеяли их поля полезными злаками; мы оставили детей, овец и свиней размножаться на их острове; мы ничего не просили взамен; и все же они отобрали у нас шляпы и носовые платки и бросали в нас камни, когда мы уезжали". Следующее рассуждение, которым завершается рассказ Лаперуза об острове Пасхи, могло исходить только от француза: "Я решил отплыть ночью, льстя себя надеждой, что, когда с наступлением дня они обнаружат, что наши суда ушли, они припишут наш отъезд нашему справедливому негодованию по поводу их поведения и что этот вывод может сделать их лучшими членами общества".

Лаперуз теперь плыл на северо-восток, намереваясь пристать к Сандвичевым островам, — расстояние в пять тысяч миль. Он надеялся совершить какое-нибудь открытие во время этого долгого плавания и разместил на вершинах матросов, воодушевленных обещанием приза за открытие как можно большего количества островов. В соответствии с этим планом два фрегата отплыли на расстояние десяти миль друг от друга, что значительно расширило видимый горизонт. Однако Лаперузу было суждено прославиться своими неудачами, а не своими открытиями: 28 мая он прибыл в Оухихи, ни разу не сойдя на берег. "Вид острова, - пишет он, - был очаровательным. Но море с такой силой билось о берег, что, подобно Танталу, мы могли только жаждать и пожирать глазами то, до чего нам было невозможно

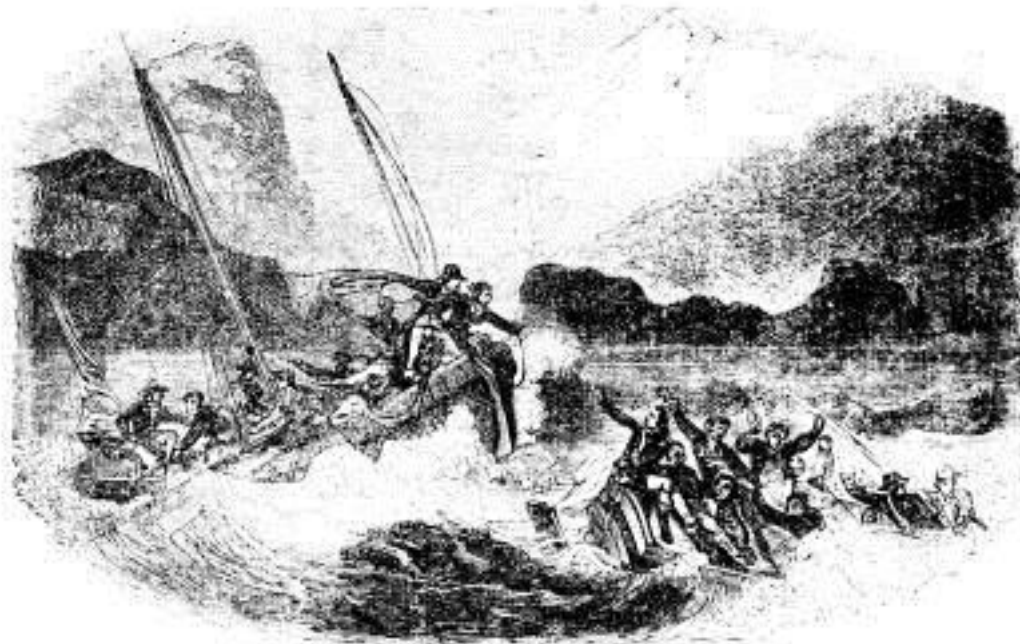
дотянуться". Эта перспектива усугублялась видом ста пятидесяти каноэ, груженных свиньями и фруктами, которые отчалили от берега: сорок из них перевернулись при попытке подойти к борту, когда фрегаты шли на полных парусах. В воде было полно плавающих дикарей, барахтающихся свиней и соблазнительных кокосовых орехов; но необходимость сделать якорную стоянку до наступления темноты вынудила их поискать другую часть острова.

30 мая Лаперуз высадился на острове Моуи, где нашел дикарей мягкими, вежливыми и склонными к коммерции. Обмен свиньями и медалями был произведен с большим успехом. Лаперуз воздержался от вступления во владение островом от имени короля Франции, поскольку Кук не посетил Моуи, поскольку считал европейские обычаи в этом отношении крайне нелепыми. "Философы, должно быть, часто плакали, - пишет он, - видя, как люди просто потому, что у них есть пушки и штыки, считают шестьдесят тысяч своих собратьев ничем и смотрят на землю, которую ее жители веками увлажняли своим потом и удобряли костями своих предков, как на объект законного завоевания".

23 июня на 60° северной широты Лаперуз достиг побережья Америки: он сразу узнал гору Святого Ильи Беринга, вершина которой пронзала облака. От этой точки на юг до Монтерея в Мексике простирался участок побережья, который Кук видел, но не обследовал. Исследование этого побережья было работой, необходимой в интересах мореплавания и торговли; и, хотя сезон отводил ему всего три месяца, он предпринял и выполнил ее способом, достойным военно-морского флота Франции. Он обнаружил гавань, ускользнувшую от внимания предыдущих мореплавателей. Эта гавань или бухта, по-видимому, была замечательным местом. Вода непостижима и окружена пропастями, которые поднимаются перпендикулярно от кромки воды в области вечных снегов. Ни травинки, ни зеленого листика не растет в этом пустынном и стерильном месте. Ни один ветерок не колышет поверхность залива: его спокойствие никогда не нарушается, за исключением падения огромных масс льда с многочисленных нависающих вершин. Воздух так спокоен, а тишина так глубока, что шум, производимый птицей, откладывающей яйцо в углубление в скале, отчетливо слышен на расстоянии полутора миль. Этой замечательной бухте Лаперуз дал название Френчпорт.

Произошел неприятный инцидент, когда суда после несколько продолжительной стоянки собирались трогаться с места. Три шлюпки, укомплектованные двадцатью семью матросами и офицерами, были отправлены для проведения зондирования в бухте, чтобы дополнить схему обследования. У них был строгий приказ избегать определенного опасного течения, но они оказались втянутыми в него врасплох. Погибли команды двух лодок, состоявшие из двадцати одного человека, большей части из которых было меньше двадцати пяти лет. Два брата по фамилии Лаборд, которых вышестоящие офицеры никогда не разлучали, но всегда отправляли вместе на опасные задания, были среди жертв катастрофы. В их память был установлен памятник, а под ним в бутылке была похоронена пластинка. Надпись была задумана таким образом:—

"У входа в эту бухту погиб двадцать один храбрый моряк:
Кем бы вы ни были, смешайте свои слезы с нашими".

КАТАСТРОФА ЛАПЕРУЗА Во ФРЕНЧПОРТЕ.

13 сентября "Лаперуз" прибыл в Монтерей после беглого осмотра побережья, определив направление, но не исследовав его извилины и заливы. Испанский комендант форта и двух Калифорний получил приказ из Мексики оказать авантюристам все возможное гостеприимство. Он выполнил свои инструкции в точности, отправив на борт огромное количество свежей говядины, яиц, молока, овощей и птицы, а затем отказался выставлять счет. 24-го числа, когда все было готово, суда отправились в путь через Тихий океан, намереваясь направиться в Макао, на китайское побережье. Он надеялся по пути сделать много открытий островов в этом неизвестном море, — испанцы на своем единственном проторенном пути от Акапулько до Манильи никогда не отклонялись более чем на тридцать миль к северу или югу от своей обычной и средней широты. Он также надеялся не найти на обозначенной против него долготы очень сомнительного острова под названием Ностра-Сеньора-де-ла-Горта, чтобы стереть его с карт. Этого он не мог сделать, так как ветры не позволяли ему пройти ближе чем в ста милях от предполагаемого местоположения. На полпути через Тихий океан он обнаружил голую бесплодную скалу, которой дал название Неккер в честь министра финансов Франции. Он прибыл в Макао 3 января 1787 года после путешествия, полностью свободного от происшествий и приключений. Он провел три месяца здесь и в Манилье и, наконец, 10 апреля отправился к месту выполнения наиболее важной части своей миссии — берегам Татарии и Японии, воды, отделяющие материковую часть первой от островов последней, очень плохо известны европейцам.

В начале июня "Лаперуз" вошел в море, никогда ранее не бороздимое европейским килем; и, поскольку об этом было известно только по японским или корейским картам, опубликованным иезуитами, его первой целью было либо проверить результаты их съемок, либо исправить допущенные ошибки. Поскольку иезуиты путешествовали и производили свои расчеты по суше, Лаперуз добавил к их данным гидрографические детали и наблюдения, которые он нашел в целом правильными. Его путешествие в этих широтах рассеяло многие сомнения. После нескольких месяцев, проведенных в этих трудах, экспедиция прибыла в Петропавловск в сентябре того же года. Офицеры были глубоко разочарованы, не найдя писем и депеш из Франции, но однажды вечером, во время

торжественного бала в Камчатке, было объявлено о прибытии курьера из Охотска, и бал был прерван, чтобы вскрыть и доставить почту. Новость была благоприятной для всех, хотя после столь долгого отсутствия было естественно, что для кого-то из столь многих были плохие вести. Лаперуз узнал, что его повысили в звании; и охотский губернатор распорядился отметить это событие грандиозным артиллерийским залпом. М. де Лессепс, переводчик, прикрепленный к экспедиции, был в этот момент отстранен Лаперузом от нее и отправлен через континент через Охотск, Иркутск и Тобольск в Санкт-Петербург, а оттуда в Париж с корабельными письмами и дневником Лаперуза. Именно из этого журнала, изданного в Париже, мы узнали подробности экспедиции в том виде, в каком мы их до сих пор описывали.

Путь Лаперуза теперь лежал прямо на юг, через сердце Тихого океана. 9 декабря он причалил к Мауне, одному из островов Навигатора. Суда сразу же были окружены сотней или более каноэ, наполненных свиньями и фруктами, которые туземцы обменивали только на стеклянные бусы, которые в их глазах были тем же, чем бриллианты для европейцев. Делангль, капитан "Астролябии", сошел на берег вместе с группой поливальщиков. Островитяне не возражали против того, чтобы они выгрузили свои бочонки на берег; но когда прилив отступил, оставив лодки высоко на берегу, они стали доставлять хлопоты и в конце концов вынудили Делангля испытать свои мушкеты. За это они жестоко отомстили. Делангль был убит одним ударом дубинки, как и Ламанон, натуралист. Одиннадцать морских пехотинцев были зверски убиты камнями или тяжелыми палками, а двадцать получили серьезные ранения. Остальные спаслись вплавь. Лаперуз не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы предпринять репрессии. Туземцы швыряли камни с такой силой и точностью, что с ними могло сравниться столько же мушкетеров. Кроме того, он потерял тридцать два человека и две шлюпки, и его положение в целом было таково, что малейшая неудача теперь вынудила бы его разоружить один фрегат, чтобы переоборудовать другой. В конце января 1788 года он прибыл в Ботани-Бей в Новой Голландии — последнее место, где его когда-либо видели, живого или мертвого.

Его последнее письмо морскому министру было отправлено в Ботани-Бей 7 февраля. В нем он указал маршрут, по которому намеревался вернуться домой, и даты своего предполагаемого прибытия в различные пункты. Его план состоял в том, чтобы посетить Дружественные острова, Новую Гвинею и Землю Ван Димена, а также быть на острове Франция, недалеко от Мадагаскара, в начале декабря. Его письмо своевременно прибыло в Париж, где общественное сознание было слишком взбудоражено муками революции, чтобы обращать внимание на вопросы, представляющие столь отдаленный интерес. Наконец, в 1791 году Общество естественной истории привлекло внимание Учредительного собрания к судьбе Лаперуза и его товарищей. Надежда найти хотя бы какие-нибудь обломки экспедиции, предпринятой с целью популяризации наук, побудила Ассамблею направить два других корабля в Ботани-Бей с приказом следовать тем же курсом от того места, которое Лаперуз наметил для себя. Считалось, что некоторые из его последователей могли спастись с места крушения и быть заперты на необитаемом острове или выброшены на какое-нибудь дикое побережье. Поэтому были снаряжены два корабля, которые были переданы под командование контр-адмирала д'Антраксто.

Корабли вернулись через два года, не получив ни малейшего представления о судьбе "Лаперуза": их командир умер от цинги на Яве. На Дружественных островах, первой пристани, которую Лаперуз должен был совершить после выхода из Ботани-Бей, жители, которые прекрасно помнили Кука и знали разницу между французским и английским языками, заявили, что Лаперуз их не посещал. Поскольку они были самыми

цивилизованными и гостеприимными из всех жителей тихоокеанских островов, считалось невероятным, что он когда—либо доплывал до самой первой станции своего маршрута, - мнение, которое было подтверждено отсутствием его следов ни в одной последующей точке предполагаемого маршрута. Нигде не было обнаружено никаких плавающих остатков деревянных или железных изделий, и общественное мнение постепенно утвердилось в убеждении, что два несчастных судна были потеряны при переходе из Ботани-Бей к Дружественным островам. Предполагалось, что причиной не были ни пожар, ни утечка, ни последствия неблагоприятных погодных условий - причин, которые вряд ли могли быть фатальными в один и тот же момент для двух судов. Обычно считалось, что, поскольку "Буссоль" и "Астролябия" привыкли держаться ночью как можно ближе друг к другу, они оба одновременно наткнулись на скрытые зыбучие пески. Таким образом, одно судно не смогло бы вовремя получить предупреждение о катастрофе другого.

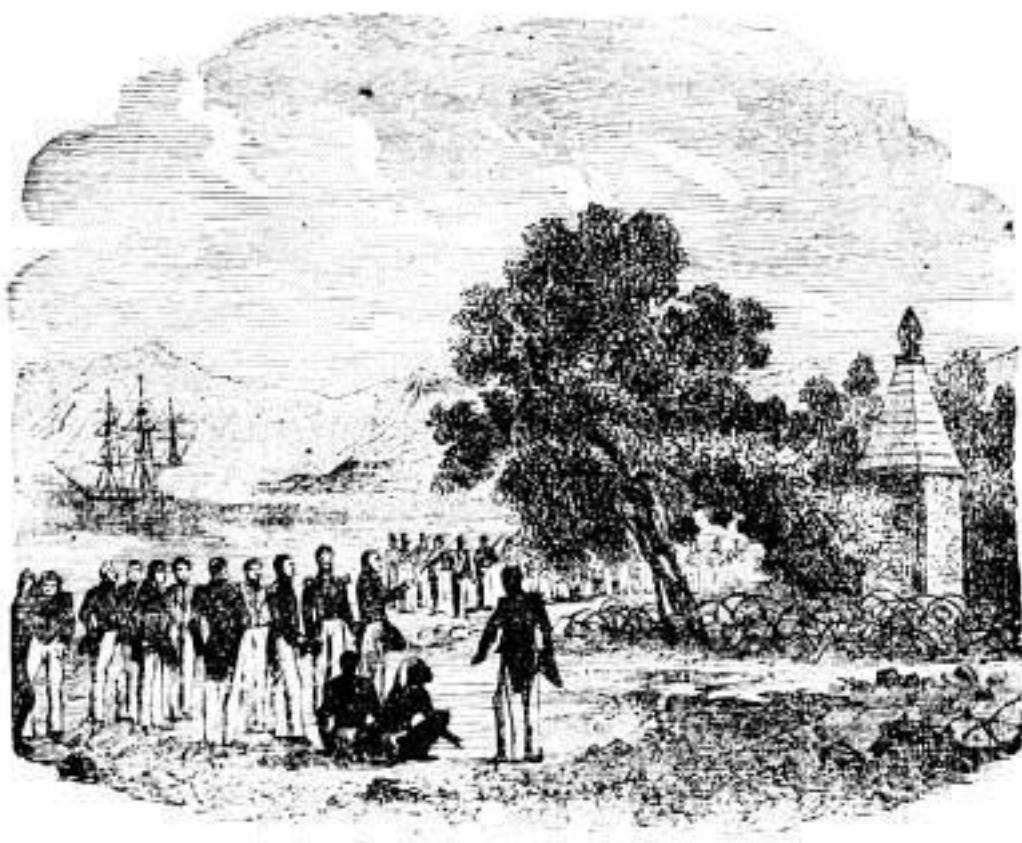
В 1813 году некий капитан Диллон, состоявший на службе Британской Ост-Индской компании, заходя на один из островов Фичи, обнаружил там двух иностранных моряков, один из которых был пруссаком, другой ласкаром. По их просьбе он перевез их на соседний остров Тукопия, где и оставил, причем туземцы не выразили ни враждебности по отношению к ним, ни возражений против их пребывания. В 1826 году, тринадцать лет спустя, капитан Диллон снова зашел в Тукопию, где нашел их удобными и довольными. Ласкар продал оружейнику серебряную рукоять меча французского производства с выгравированным на ней шифром. Из расспросов Диллона выяснилось, что туземцы получили много изделий из железа и других металлов с далекого острова под названием Маниколо, где, по их словам, сорок лет назад потерпели крушение два европейских корабля. Диллону сразу же пришло в голову, что это обстоятельство связано с потерей судна Лаперуза, судьба которого все еще оставалась неясной. Зная об интересе, проявленном в Европе к судьбе несчастного мореплавателя, он отплыл на "Пруссак" в Маниколо, но, поскольку прибой и коралловый риф помешали ему пристать к берегу, его отнесло в Новую Зеландию, и он продолжил свое путешествие.

ОСТАТКИ ЗАТОНУВШЕГО СУДНА.

В 1827 году французское правительство отправило Дюмона д'Юрвиля на военном шлюпе "Астролябия" исследовать большие архипелаги Тихого океана, имея дополнительные полномочия отслеживать любые зацепки, которые он мог обнаружить о судьбе Лаперуза. В Хобарт-Тауне, на Земле Ван Димена, он услышал кое-какие сведения об усилиях, предпринятых Диллоном, и решил завершить начатое. Он сразу же отплыл в Маниколо и,

безуспешно обследовав восточное побережье острова, направился к западному. Здесь он нашел множество предметов европейского производства, находившихся во владении дикарей, которые упорно отказывались сказать, откуда они их взяли, или указать место какой-либо катастрофы или кораблекрушения. Наконец, предложение куска красной ткани побудило раскрашенного островитянина проводить команду лодки к тому месту, которое теперь считается тем, где оплакиваемый командир и его корабли встретили свою безвременную участь. На дне моря, на глубине около двадцати футов, были разбросаны якоря, пушки и листы свинцовой и медной обшивки, полностью изъеденные ржавчиной. Им удалось извлечь многие из них из воды— якорь в тысячу четыреста фунтов, небольшую пушку, покрытую кораллами, и два латунных вертлюга в хорошей сохранности. Таким образом, располагая доказательствами, которые по прошествии сорока лет должны считаться неопровержимыми, д'Юрвиль воздвиг недалеко от якорной стоянки кенотаф в память о незадачливом мореплавателе. Он был установлен в небольшой роще и освящен салютом из двадцати одного орудия и тремя мушкетными залпами.

ОСВЯЩЕНИЕ КЕНОТАФА.

Теперь островитяне пустились в пространные объяснения обстоятельств, приведших к катастрофе. Насколько д'Юрвиль мог истолковать их язык и пантомиму, корабли налетели на риф во время ночного шторма. Один из них быстро затонул, спаслись только тридцать человек из его команды; другой какое-то время оставался целым, но впоследствии развалился на куски, и вся его команда была спасена. Из ее бревен они построили шхуну, на работу в которой у них ушло семь лун или месяцев, а затем уплыли и никогда не вернулись. Что случилось с ними после их второй посадки, какова была судьба их отважного маленького судна, — если такое действительно когда-либо было построено, — никто не выжил, чтобы рассказать. Можно с уверенностью предположить, что оба судна погибли на острове

Ваникоро, ныне входящем в состав архипелага Новые Гебриды. Предполагается, что Лаперуз был первым европейским мореплавателем, посетившим его, Диллон - вторым, а д'Юрвиль - третьим.

СЦЕНА НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ.

ГЛАВА XLVII.

ПЕРЕСАДКА ХЛЕБНОГО ДЕРЕВА—ПЛАВАНИЕ "БАУНТИ"—МЯТЕЖ—БЛАЙ, КАПИТАН, С ВОСЕМНАДЦАТЬЮ МАТРОСАМИ БРОШЕН НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ НА БАРКАСЕ—ПРОИСШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ С ТАИТИ НА ТИМОР—УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ И ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ—ПРИБЫТИЕ МЯТЕЖНИКОВ НА ТАИТИ—ИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ОСТРОВ ПИТКЭРН—ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ—ПЛАВАНИЕ ИЗ ВАНКУВЕРА—АЛЖИРСКОЕ ПИРАТСТВО—СОЖЖЕНИЕ ФИЛАДЕЛЬФИИ—ГОРДОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

В 1787 году английские купцы и плантаторы, заинтересованные во владениях его Величества в Вест-Индии, обратились к королю с просьбой завезти на эти острова хлебное дерево; и, в соответствии с этой просьбой, был приобретен вооруженный транспорт "Баунти" водоизмещением двести пятнадцать тонн и пришвартован в Дептфорде для оснащения соответствующим оборудованием. Командовать кораблем был назначен лейтенант Уильям Блай, который вместе с Куком совершил кругосветное путешествие по миру. В ее каюте был проделан фальшпол с отверстиями, достаточными для размещения тысячи или более

садовых горшков. Она была снабжена провизией на пятнадцать месяцев и нагружена безделушками для жителей островов Южного моря. Ее пунктом назначения был Таити через мыс Горн. Она отплыла в конце декабря 1787 года.

После трехмесячного бурного плавания она достигла восточного побережья Огненной земли. Тридцать дней она боролась здесь с сильными западными штормами, стремясь либо пройти через пролив, либо обогнуть мыс. Убедившись, что ни тот, ни другой курс невозможны, Блай приказал поставить штурвал по погоде, приняв решение пересечь Южную Атлантику и приблизиться к Таити с запада, - решение, которое было успешно выполнено.

Блай отдал распоряжение всем на борту не сообщать туземцам о цели их визита, чтобы по естественному закону спроса и предложения цены на хлебные деревья внезапно не выросли. Он ухитрился заставить вождей поверить, что оказывает им услугу, передавая образцы их растений великому королю Англии. На берегу была установлена палатка для посадки деревьев, около тридцати из которых каждый день сажали в горшки. 4 апреля 1789 года судно отправилось в плавание с тысячей пятнадцатью корнями в горшках, кадках и ящиках.

Именно сейчас произошло событие, которое сделало плавание "Баунти" одним из самых экстраординарных в морских анналах. Мятеж, который планировался в тайне, вспыхнул 27-го. В нем участвовала вся команда, за исключением восемнадцати человек. Блайт и эти восемнадцать человек, большинство из которых были офицерами, были поспешно доставлены на катер, который был спущен на воду, со ста пятьюдесятью фунтами хлеба, двадцатью восемью галлонами воды, небольшим количеством рома и вина, квадрантом и компасом. В них бросили несколько кусков свинины, несколько кокосовых орехов и четыре сабли, когда они плыли по течению. Некоторые из мятежников смеялись над беспомощным состоянием катера, в то время как другие выражали свою уверенность в силах Блая, восклицая с ругательствами: "Тьфу! он найдет дорогу домой, если вы дадите ему карандаш и бумагу! "Черт бы его побрал! он построит судно за месяц!"

Блай был убежден, что, какими бы беззащитными и безоружными они ни были, им нечего надеяться на обитаемые острова в окружающих водах. Он сказал экипажу, что никаких шансов на помощь не осталось, кроме как на Тиморе, где на расстоянии трех тысяч пятисот миль находилась голландская колония. Все они согласились и связали себя торжественным обещанием питаться одной унцией хлеба и поллитрой воды в день. Затем они поплыли по этому неведомому и варварскому морю в лодке длиной двадцать три фута от носа до кормы, полной девятнадцати человек и едва снабженной едой на двоих. В морских анналах нет ничего более достойного места в произведении, посвященном "Человеку в море", чем это чудесное путешествие с Таити на Тимор.

Первое, что они сделали, - это возблагодарили Бога за их сохранение и призвали Его на защиту во время опасностей, с которыми им предстояло столкнуться. Солнце теперь поднялось огненно-красное, предвещая сильный шторм, который вскоре подул с необычайной силой. Море бушевало за кормой, вынуждая их безостановочно грести. Хлеб был в мешках, и ему грозила опасность размокнуть и испортиться. Если этого не предотвратить, голод был неизбежен. За борт было выброшено все, что можно было спасти, — даже одежда: затем хлеб был спрятан в сундук плотника. Теперь каждому человеку подали чайную ложку рома и кусочек хлебного плода, подобранного со дна лодки, где он был раздавлен в суматохе отплытия.

Они постоянно проходили в поле зрения островов, на которые не осмеливались высадиться. Они продолжали, попеременно совершая молитвы, ужиная испорченным хлебом и потягивая бесконечно малое количество рома или другого сердечного напитка. По торжественным случаям Блай выдавал в качестве дневного рациона четверть пинты кокосового молока и две унции мяса. Одна половина мужчин наблюдала, в то время как другая половина спала, и их ничто не прикрывало, кроме небес. Они не могли вытянуть свои конечности, потому что там не было места: им стало ужасно тесно, и в конце концов опасности и муки сна были таковы, что это стало дополнительным несчастьем в их списке горестей. Сильный ливень с грозой позволил им впервые утолить жажду и увеличить запас воды до тридцати четырех галлонов; но в качестве компенсации они промокли насквозь и провели холодную и продрогшую ночь. На следующий день выглянуло солнце, и они разделись и высушили свою одежду. Блай подумал, что в этих мрачных обстоятельствах мужчинам нужен дополнительный комфорт, и выдал каждому по полторы унции свинины, унцию хлеба, чайную ложку рома и полпинты кокосового молока. Они держали леску на буксире за кормой, но ни разу не поймали ни одной рыбы.

Теперь Блай убедился, что, выдавая унции хлеба методом угадывания, он переборщил с мерой и что, если он продолжит так делать, его запасов не хватит на те восемь недель, на которые он рассчитывал. Поэтому он смастерил весы из двух скорлупок кокосовых орехов и, случайно найдя пистолетные пули, двадцать пять из которых, как было известно, весили фунт, или шестнадцать унций, принял их за меру одной порции хлеба. Таким образом, количество людей сократилось с одной унции до двухсот семидесяти двух гран. Разразился еще один ливень с грозой, и они выловили двадцать галлонов воды. Обычное утешение в виде наперстка рома было подано, когда буря утихла, вместе с одним кусочком свинины. Вскоре мужчины начали жаловаться на боли в кишечнике, и почти все в какой-то мере утратили способность управлять своими конечностями. Их одежда не высыхала, когда их снимали и развешивали на снастях, настолько пропитанной влагой была атмосфера. На пятнадцатый день они открыли ряд островов, которые, хотя и входили в группу Новых Гебрид, не были замечены ни Куком, ни Бугенвилем, и, таким образом, посреди их мучений им было доставлено как бы в насмешку бесплодное удовлетворение от вклада в географическую науку. Теперь мужчины требовали дополнительной порции свинины и рома, на что Блай сурово отказался, с величайшей церемонией разделив свой огромный кусок хлеба.

"На рассвете двадцать второго дня, - говорит Блай, - некоторые из моих людей казались полумертвыми: вид у нас был ужасный, и я не мог отвести от них глаз, но поймал взгляд кого-то в беде. Крайний голод был теперь слишком очевиден; но никто не страдал от жажды, да и у нас не было особого желания пить, — это желание, возможно, утолялось через кожу. Все боялись приближения ночи. Сон, хотя мы и жаждали его, не приносил утешения: что касается меня, то я почти жил без него". Блай осмотрел оставшийся хлеб и нашел, что его хватит на двадцать девять дней; но, поскольку ему, возможно, придется покинуть Тимор и отправиться на Яву, стало необходимо, чтобы запасов хватило на сорок дней. Поэтому он объявил, что отныне ужин будет подаваться без хлеба!

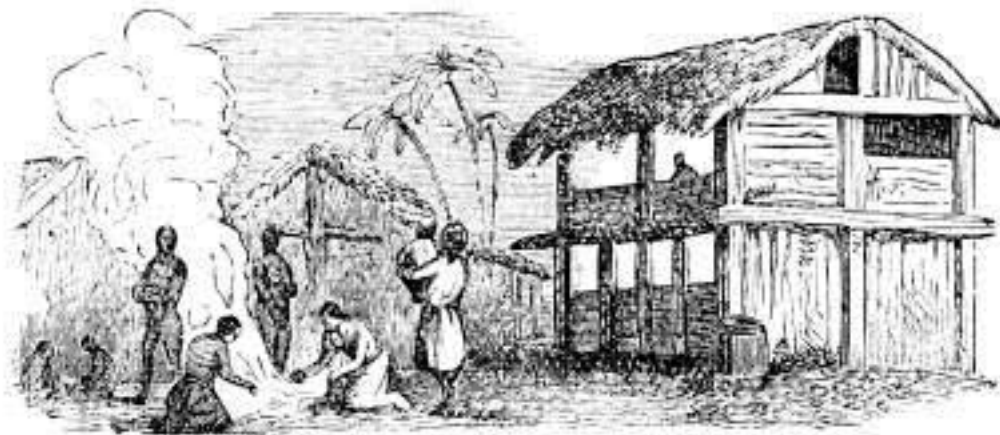
На двадцать седьмой день произошло великое событие. Нодди — птица размером с маленького голубя — была поймана, когда пролетала мимо лодки. Блай разделил его вместе с внутренностями на девятнадцать порций и распределил по жребию. Мясо было съедено вместе с костями, запив соленой водой в качестве соуса. На следующий день была поймана мина размером с утку, которую разделили и съели, как нодди, вплоть до внутренностей, клюва и лапок. Кровь была сдана трем мужчинам, которые больше всего страдали от нехватки еды. На тридцатый день они высадились на северном берегу Новой Голландии и

возблагодарили Бога за его милостивую защиту во время ряда бедствий, которые тогда были почти беспрецедентными.

Они нашли на камнях устриц, которые вскрыли, не вынимая их. С помощью увеличительного стекла был разведен костер, а затем с помощью медного котелка, найденного в лодке, было приготовлено восхитительное рагу из устриц, свинины, хлеба и кокосовых орехов, которого каждый мужчина получил по полной пинте. Родниковую воду добывали путем перекопки там, где рост жесткой травы указывал на влажную обстановку. Мягкие верхушки пальм и корни папоротника послужили им очень вкусным дополнением к трапезе: вылив шестьдесят галлонов воды и выловив столько устриц, сколько смогли собрать, они снова погрузились на корабль, проспав две ночи на суше и получив от этого огромную пользу. Держась северо-западного направления и двигаясь вдоль берега, они время от времени высаживались на берег в поисках пищи. 2 июня вахта артиллериста, который был единственным в роте, успешно противостоявшим влиянию погоды, наконец прекратилась, так что восход, полдень и заход солнца теперь были единственными определенными точками в течение двадцати четырех часов. На следующий день, пройдя вдоль северо-восточного берега Новой Голландии, насколько это было в их маршруте, они снова вышли в открытое море.

В четверг, 11-го, они прошли, как и предполагал Блай, меридиан восточной точки Тимора - факт, вызвавший всеобщую радость и удовлетворение. В пятницу, в три часа утра, остров был едва виден на западе, и при дневном свете он находился всего в пяти милях с подветренной стороны. Они пробежали три тысячи шестьсот восемнадцать миль в открытой лодке за сорок один день, имея провизии едва на пятерых. Хотя жизнь никогда не поддерживалась на таком скудном питании в течение столь длительного времени и при равных условиях воздействия и страданий, ни один человек не погиб во время путешествия. Голландцы в Купанге самым любезным образом удовлетворяли их потребности и самым щедрым образом обеспечивали все необходимое и удобства.

По возвращении в Англию Блай опубликовал рассказ о своем путешествии и мятеже, который вскоре был переведен на все языки Европы. Он приписал восстание желанию команды вести праздную и роскошную жизнь на Таити, хотя последующие события и его собственное возмутительное и жестокое поведение в бытность губернатором Нового Южного Уэльса вполне убедительно доказали, что его жестокость и тирания сделали его одиозным и невыносимым. Британское правительство не могло допустить, чтобы подобная сделка в открытом море осталась безнаказанной, и в августе отправило фрегат "Пандора" капитана Эдвардса на Таити. Были найдены только десять мятежников, остальные удалились на другой остров из страха быть обнаруженными, о чем мы сейчас расскажем, просто заявив, что десять захваченных человек были доставлены в Англию, где их судили и казнили.

КОЛОНИСТЫ ОСТРОВА ПИТКЭРН.

Джон Адамс, один из мятежников, опасаясь, что английское правительство предпримет попытку наказать мятежников, решил бежать на какой-нибудь соседний необитаемый остров и там основать колонию. С восемью англичанами, одним из которых был Кристиан, зачинщик мятежа, их женами-таитянками и несколькими островитянами обоего пола, он отплыл на "Баунти" к острову Питкэрн, который недавно видел Картерет. Они прибыли туда в 1790 году и, разгрузив судно, сожгли его. Было основано поселение, которое процветало, несмотря на постоянные ссоры между мужчинами двух рас. Эта враждебность привела за три года к вымиранию дикарей, оставив на острове Адамса, трех англичан, десять женщин с Таити и детей, числом около двадцати. Один из англичан, преуспев в перегонке бренди из корня, который рос в изобилии, напился до бесчувствия и бросился головой со скалы в море. Другой был убит за то, что замыслил покушение на жену единственного оставшегося в живых англичанина, кроме Адамса. Таким образом, в 1799 году Адамс и Янг были единственными выжившими мужчинами из первоначальной колонии. Они начали задумываться о своих обязанностях по отношению к своим детям и своим товарищам: они начали проводить религиозные службы утром и вечером и обучали подрастающее поколение таким элементарным отраслям образования, какие позволяло их собственное образование. Янг умер в 1801 году, и Адамс стал администратором и патриархом колонии. Ему помогали таитянские женщины, которые проявили замечательную способность к цивилизации и склонность к утонченности. Английский фрегат "Британец" причалил к Питкэрну в 1814 году, и его капитан предложил отвезти Адамса обратно в Англию, пообещав ему добиться помилования у короля. Но сорок семь человек, женщин и детей, составлявших поселение, умоляли своего патриарха не покидать их. В 1825 году капитан Бичи посетил остров и обнаружил, что население увеличилось до шестидесяти шести человек. Адамсу было шестьдесят лет, но он все еще был энергичным и деятельным. Он умолял Бичи женить его по обрядам английской церкви на женщине, с которой он жил и которая теперь была немощна и слепа. Бичи с радостью согласился на просьбу. Вскоре после этого английский миссионер по имени Баффет отправился на Питкэрн, чтобы помочь Адамсу в исполнении его обязанностей и стать его преемником после его смерти. Последнее событие произошло в 1829 году. Суда время от времени останавливались на Питкэрне, и таким образом английское правительство было в курсе развития своей интересной колонии.

В 1856 году потомки первых поселенцев, увеличившись настолько, что переросли ресурсы своего окруженного морем дома, покинули остров Питкэрн и перебрались со своими товарами и движимым имуществом на остров Норфолк, прямо на запад, в сторону Нового

Южного Уэльса. Всего их было сто девяносто девять, самому старому мужчине шестьдесят два, а самой старой женщине восемьдесят. Чарльз Кристиан - внук главаря Кристиана. Их новый дом занимает около четырнадцати тысяч акров, он хорошо орошаем, плодороден и полезен для здоровья, на почве в изобилии произрастают как европейские, так и тропические фрукты, овощи, зерновые и специи. История нынешней колонии, отпрыска третьего поколения европейских отцов и таитянских матерей, столь же примечательна, как любая романтическая история или любая мифологическая легенда.

В 1790 году, — возвращаясь к хронологическому порядку, — британское правительство решило предпринять еще одну попытку открыть канал сообщения между Атлантикой и Тихим океаном к северу от американского континента и выбрало командовать экспедицией лейтенанта Джорджа Ванкувера, который сопровождал Кука во втором и третьем плаваниях. Он был повышен до звания капитана и поставлен во главе экспедиции, состоящей из военного шлюпа "Дискавери" и вооруженного тендера "Чатем". Он покинул Фалмут 1 апреля 1791 года; и, поскольку Адмиралтейство не указало маршрута, по которому можно было бы проследовать в Тихий океан, он решил пройти мимо мыса Доброй Надежды. Он прибыл сюда без приключений в июле, а в конце сентября причалил к южному побережью Новой Голландии у мыса, которому он дал название Чатем по имени президента Адмиралтейского совета.

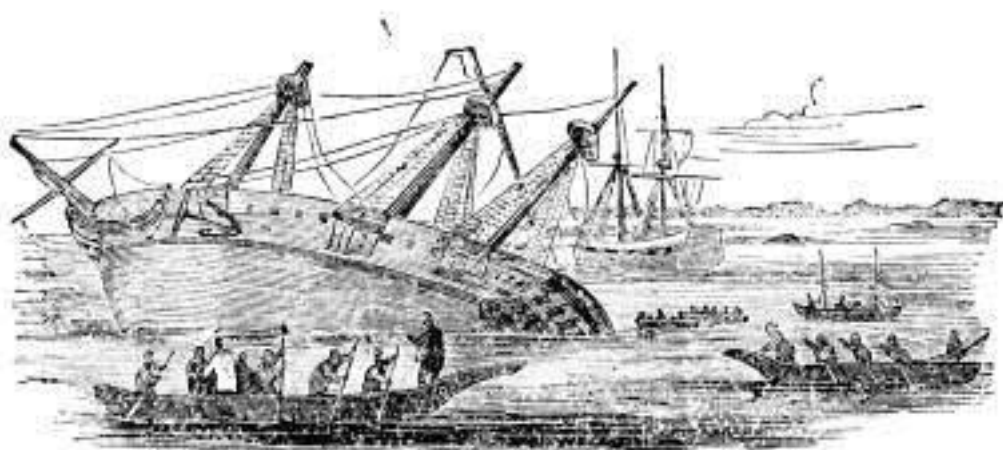
Два судна плыли на восток, осматривая углубления и давая названия всем интересным местам. Была открыта гавань, получившая название Пролив короля Георга Третьего, и Ванкувер вступил во владение этой землей от имени его Милостивого Величества. Жалкая лачуга высотой в три фута, в форме пчелиного улья, прорезанная посередине от вершины до основания и построенная из тонких прутьев, свидетельствовала о присутствии здесь обитателей; в то время как необычный вид деревьев и растительности, которые, очевидно, подверглись действию огня, — кусты были полностью обуглены, а трава пожухла от жары, — свидетельствовал о том, что, какими бы несчастными они ни были, они были знакомы с использованием огня и злоупотреблениями им. Наконец они обнаружили заброшенную деревню, состоящую примерно из двух дюжин хижин или ульев, которые, по-видимому, были резиденцией значительного племени. Они удовлетворяли свое любопытство, созерцая и исследуя эти униженные усилия человеческой изобретательности.

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ.

Продолжая двигаться на восток, Ванкувер зашел в Новую Зеландию и прибыл в то место, где он был с Куком восемнадцать лет назад. Залив, который Кук не смог исследовать и который он впоследствии назвал "Никто не знает что", был исследован Ванкувером и назван им "Кто-

то знает что". Двигаясь на север, он обнаружил остров, жители которого говорили на языке великой нации Южных морей и которые, казалось, были прекрасно знакомы с использованием железа, хотя у них было мало этого металла или его вообще не было. Житель Сандвичевых островов, которого Ванкувер привез из Лондона в качестве переводчика, по имени Тауэрзу, оказал очень мало помощи; поскольку он отсутствовал так долго, что теперь говорил по-английски намного лучше, чем на своем родном языке, а на последнем говорил не лучше, чем на ванкуверском. Остров, по-видимому, носил название Опаро, под которым Ванкувер счел нужным выделить его до тех пор, пока не будет найдено более подходящее название для другого. Оба судна прибыли в декабре на Таити и бросили якорь в бухте Матаваи. Хронометры были доставлены на берег, чтобы скорректировать их по известной долготе острова; паруса были распущены, топ-мачты подняты для тщательного осмотра такелажа. Находка случайно наткнулась на скалу и некоторое время находилась в большой опасности. В воскресенье, 1 января 1792 года, каждый съел столько свежей свинины и сливового пудинга, сколько мог съесть, и была подана двойная порция грога, которым запивали освященный веками тост. Формула, однако, была немного изменена в соответствии с положением дел: поскольку наводчик "Дискавери" был единственным женатым мужчиной на вечеринке, тост был произнесен за возлюбленных и жену!

ОБНАРУЖЕНИЕ КОРАБЛЯ НА СКАЛЕ.

24 января оба корабля повернули курс на север, впервые начав плавание, ради которого была снаряжена экспедиция. За пять недель они преодолели две тысячи пятьсот миль, отделявших их от Сандвичевых островов, и 1 марта бросили якорь у Оухихи. Они достигли американского побережья, или той его части, которая известна как Новый Альбион, на 39° северной широты, которую сейчас исследовал Ванкувер. В августе он прибыл в Нутку, где, в соответствии с его инструкциями, должен был получить от испанских властей официальную передачу основанной ими колонии. Он обнаружил там уже действующий бриг его католического величества под командованием сеньора дона Хуана Франсиско де ла Родега-и-Квадра. Оба командующих договорились оказать друг другу честь взаимным салютом из тринадцати орудий, что и было сделано; при этом был сердечный обмен другими любезностями. Затем состоялась церемония. Ванкувер теперь вернулся в Оухихи, и король, охваченный внезапной и неистовой привязанностью к англичанам, предложил передать остров под власть короля Англии. Все высокопоставленные лица острова собрались на палубах "Дискавери", и капитуляция была объявлена в разгар речей и канонады. Ванкувер, похоже, не был глубоко впечатлен важностью этого события. Торжественности сделки не увеличивало то обстоятельство, что она происходила на том месте, где совсем недавно был убит Кук.

Вернувшись на север, Ванкувер продолжил свои исследования американского побережья вплоть до пятьдесят шестого градуса широты. Он прекратил свою деятельность 22 августа в порту Заключения, где была подана дополнительная порция грога, чтобы этот день можно было отпраздновать должным образом. Он вернулся в Европу с уверенностью, что прохода из Северной части Тихого океана через американский континент в Атлантику не существует. Его исследования остаются памятником его активности, мастерства и настойчивости. На них основаны нынешние карты побережья Северной Америки в Тихом океане. Более девяти тысяч миль побережья с его мысами, впадинами, реками, бухтами, возвышенностями и лабиринтами островов были тщательно исследованы экспедициями на лодках, руководя которыми, Ванкувер подорвал свое здоровье и вызвал упадок, закончившийся его смертью в 1798 году в раннем возрасте сорока восьми лет.

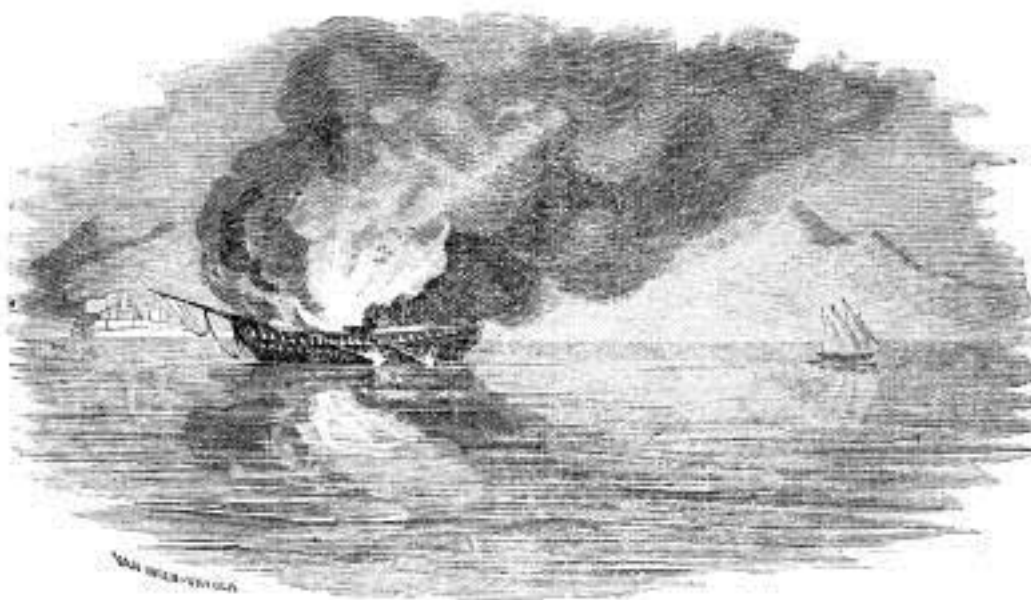
Теперь мы должны описать замечательную серию актов, посредством которых Соединенные Штаты Америки на двадцать пятом году своего существования как нации положили конец унижению, которому веками подвергались коммерческие державы Европы. С тех пор, как испанские мавры, изгнанные из Гранады Фердинандом католиком, поселились на противоположном побережье и занялись пиратством, берберийские государства Тунис, Триполи и Алжир объединились против всякой христианской торговли в Средиземноморье. Осмелев от безнаказанности, они расширили свои операции в Атлантике, захватывая суда всех стран, которые не платили им дань. Однако Англия при Кромвеле и Франция при Людовике XIV заставили уважать свои флаги. Голландцы, датчане и шведы, уплачивая ежегодный налог, приобрели освобождение от конфискации, дав таким образом санкцию договора на произвол и согласившись носить отвратительный знак рабства. Россия и Австрия были защищены специальными соглашениями.

В первые годы существования Американской республики Триполи намекал правительству на уместность выплаты дани. Джефферсон ответил в 1800 году объявлением войны Триполи и направил вооруженные военно-морские силы под командованием коммодора Дейла. Этот офицер с двумя фрегатами и военным шлюпом блокировал Триполи, не давая крейсерам выйти в море и таким образом защищая нашу торговлю. Коммодор Пребл последовал за ним с семью кораблями в 1803 году. В октябре один из его кораблей — "Филадельфия" капитана Бейнбриджа, — участвовавший в разведке гавани Триполи, сел на мель и был вынужден сдаться. С офицерами обращались как с военнопленными, с матросами — как с рабами. Судно было спущено на воду и пришвартовано в гавани с сильным экипажем из триполитанцев, чьи военно-морские силы, таким образом, неожиданно пополнились.

Американская эскадра встретила в Сиракузах на Сицилии, примерно в дне плавания от Триполи. Молодой лейтенант под командованием Пребла по имени Декейтер разработал план уничтожения "Филадельфии" и, таким образом, возвращения триполитанцам их обычной военно-морской мощи. Пребл согласился с этим планом, и Декейтер вооружил захваченный им кеч и в феврале 1804 года под покровом ночи вошел на нем в гавань Триполи. С ним был старый пилот, говоривший на триполитанском языке. При приближении к "Филадельфии" им был брошен вызов, но лоцман ответил, что он потерял якорь и просто хотел пришвартовать свое судно к фрегату до утра. Триполитанцы послали к берегу лодку, чтобы спросить разрешения, а затем Декейтер и его люди спрыгнули на палубу. Они набросились на перепуганных корсаров числом в пятьдесят человек и сбросили их в море. Они подожгли "Филадельфию" и при свете пламени спаслись, не потеряв ни одного человека. Один матрос был ранен, получив по руке удар саблей, которой пират в турбане намеревался обезглавить Декейтера.

Триполитанцы были в ярости из-за потери своей добычи и обращались с Бейнбриджем и его порабощенной командой с большей суровостью, чем когда-либо. Пребл трижды входил со своим флотом в гавань Триполи и открывал бортовые залпы по городу, уничтожив часть судов, но не произведя существенного впечатления. Наконец, серия блестящих действий на суше под командованием генерала Итона, армия которого состояла из девяти американцев, двадцати греков и пятисот египтян, и прибытие фрегата "Констительюшн" в июне 1805 года вынудили пашу Триполи пойти на соглашение; он освободил своих пленников и навсегда отказался от взимания дани с американских кораблей. Мир был немедленно заключен.

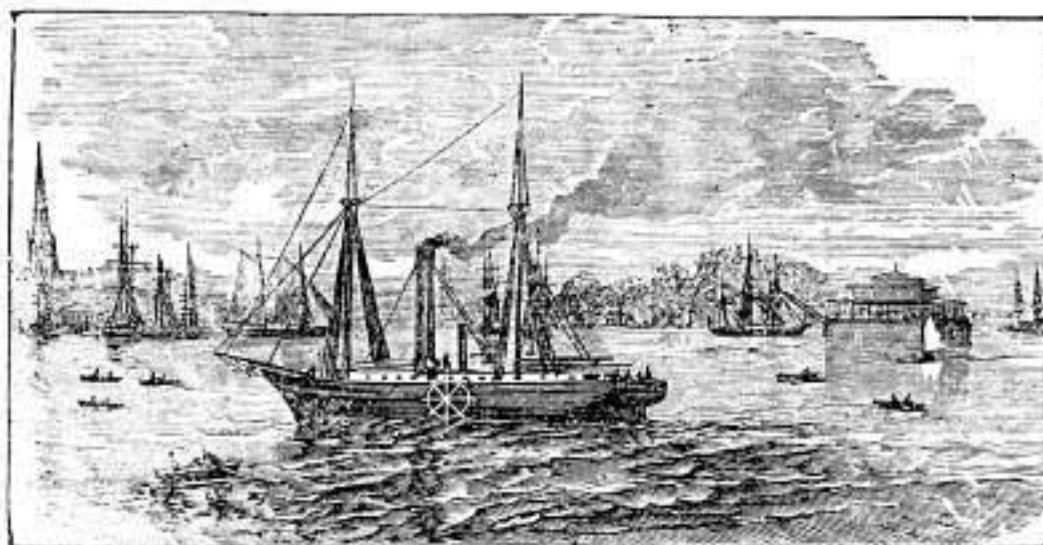
В 1812 году, когда Соединенные Штаты находились в состоянии войны с Англией, дей Алжира подумал, что наше правительство не сможет справиться с двумя врагами на океане, и решил возобновить пиратство на наших судах. Он сослался на неудовлетворительное качество груза военных припасов, предоставленного нашим правительством, и приказал американскому агенту покинуть столицу. Грабежи немедленно возобновились: наши суда были разграблены и конфискованы, а их экипажи обращены в рабство. Президент указал на важность принятия превентивных мер в своем послании Конгрессу в декабре 1814 года и после подписания мирного договора с Англией отправил в Средиземное море две эскадрильи под командованием Декейтера и Бейнбриджа, которые оба теперь коммодоры. Первый захватил в июне алжирский фрегат с сорока четырьмя пушками и бриг с двадцатью двумя. Затем он отплыл в Алжир. Американский военно-морской флот заслужил завидное отличие в войне с Англией, и вид нашего доблестного флота внушал им спасительный ужас. Он согласился на условия, выдвинутые Декейтером, которые заключались в том, чтобы выдать всех захваченных людей и имущество, выплатить шесть миллионов долларов за предыдущие поборы и навсегда освободить нашу торговлю от уплаты дани. Международный договор был подписан 4 июля — благоприятная дата для столь почетного достижения.

СОЖЖЕНИЕ ФИЛАДЕЛЬФИИ.

Гордое положение, которого таким образом достигли Соединенные Штаты, привлекло внимание Европы. Наше правительство добилось от корсаров таких выражений покорности, каких никогда не добивалась ни одна другая держава. Венский конгресс обсудил этот

вопрос, и было решено, что с этого времени христианское рабство в Алжире будет подавлено. Англичане послали лорда Эксмута бомбардировать этот город и вынудили деев подчиниться условиям, подобным тем, которые были выдвинуты Декейтером. Однако алжирцы еще не были сломлены. Они привели свой город в состояние грозной обороны, а затем приступили к пресечению торговли французов. Французское правительство объявило войну — мера, которая привела к захвату Алжира в 1830 году и к захвату Абд-эль-Кадера зимой 1847-48 годов. Эти события привели к колонизации территории французами и частичному вымиранию алжирского народа. Можно с уверенностью сказать, что пиратству в Средиземноморье пришел конец навсегда.

"КЛЕРМОН": ПЕРВЫЙ ПАРОХОД.

ГЛАВА XLVIII.

ПРИМЕНЕНИЕ ПАРА В МОРЕПЛАВАНИИ—РОБЕРТ ФУЛТОН-КАНЦЛЕР ЛИВИНГСТОН—СПУСК НА ВОДУ "КЛЕРМОНА"—ОНА ПЕРЕСЕКАЕТ РЕКУ ГУДЗОН—ЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ОЛБАНИ—ОПИСАНИЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ—ОТЧЕТ САМОГО ФУЛТОНА—ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА, ПРЕДОСТАВЛЕННАЯ ФУЛТОНУ—МАЯТНИКОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ-КОНСТРУКЦИЯ ДРУГИХ ПАРОХОДОВ—ПАРОВОЙ ФРЕГАТ "ФУЛТОН ПЕРВЫЙ"—ПЕРВЫЙ ОКЕАНСКИЙ ПАРОХОД "САВАННА"-ОТЧЕТ О ЕЕ ПУТЕШЕСТВИИ—ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

В 1807 году в науку навигации было введено новое средство, которому было суждено произвести такое же значительное изменение в продолжительности морского путешествия, какое компас произвел в своей практичности. На лодку по Гудзону был подан пар, и "Клермон", приводимый в движение колесами, поплыл из Джерси-Сити в Олбани. Хотя это было событие, непосредственно касавшееся речного судоходства, и хотя до совершения первого океанского рейса на пароходе должно было пройти двенадцать лет, мы не можем из соображений приличия опустить отчет о концепции, конструкции и успехе первого речного парохода.

Роберт Фултон родился в округе Ланкастер, штат Пенсильвания, в 1765 году. Он проявил талант механика в раннем возрасте, хотя первой его профессией была портретная живопись. Он провел много лет в Англии и Франции и в 1793 году задумал идею судна, приводимого в движение паром. Наполеон не поддержал его, и он вернулся в Соединенные Штаты в декабре 1806 года. Теперь его мысли были заняты двумя проектами — изобретением подводных взрывчатых веществ и строительством парохода. Он опубликовал работу под названием "Торпедная война" под девизом "Свобода морей станет счастьем земли". Он возобновил свое знакомство с канцлером Ливингстоном, которого знал в бытность послом в Париже. Этот джентльмен долгое время свято верил в практичность пароходства и еще в 1798 году добился от законодательного собрания Нью-Йорка монополии на все такое судоходство по водам штата при условии, что он в течение двенадцати месяцев построит лодку, которая будет двигаться на пару со скоростью четыре мили в час. Когда они встретились в Америке в 1806 году, они заключили партнерство и приступили к строительству лодки. Посчитав расходы неожиданно высокими, они предложили продать треть своего патента; но никто не стал бы вкладывать деньги в предприятие, которое все считали безнадежным. Тем не менее лодка была спущена на воду весной 1807 года с верфи Чарльза Брауна на Ист-Ривер. Она была снабжена двигателем, построенным в Англии, и в августе была приведена в движение паром от Нью-Йоркской стороны до побережья Джерси. Недоверчивая толпа, собравшаяся посмеяться, осталась удивляться и аплодировать.

Вскоре после этого "Клермон" отплыл в Олбани, и о его отплытии было объявлено в газетах как о грандиозном и ни с чем не сравнимом раритете. "Она вызвала, - пишет Колден в своей книге "Жизнь Фултона", - изумление жителей берегов Гудзона, многие из которых не слышали даже о двигателе, не говоря уже о пароходе. Существовало много описаний того, какое впечатление произвело ее первое появление на людей на берегу реки: некоторые из них были нелепы, но некоторые носили такой характер, какой мог бы вызвать только объект настоящего величия. Некоторые, кто смутно видел, как она проходила ночью, описывали ее как чудовище, движущееся по воде, бросающее вызов ветрам и приливам и выдыхающее пламя и дым. У нее был самый потрясающий внешний вид по сравнению с другими судами, которые плавали по реке, когда она совершала свой переход. На первом пароходе — как и на других до сих пор — в качестве топлива использовались сухие сосновые дрова, которые выбрасывают столб воспламененного пара на много футов над дымоходом, и всякий раз, когда разжигают огонь, вылетает сноп искр, которые ночью имеют очень яркий и красивый вид. Этот необычный свет первым привлек внимание экипажей других судов. Несмотря на ветер и прилив, которые препятствовали его приближению, они с удивлением увидели, что оно быстро приближается к ним; и когда оно приблизилось настолько, что был слышен шум механизмов и весел, экипажи — если то, что говорилось в газетах того времени, было правдой — в некоторых случаях прятались под палубами от ужасающего зрелища и покидали свои суда, чтобы сойти на берег, в то время как другие падали ниц и молили Провидение защитить их от приближения ужасного чудовища, которое двигалось во время прилива и освещало себе путь огнем, который оно извергало".

Сам Фултон написал следующий отчет о путешествии вверх по реке и обратно и опубликовал его в "Американском гражданине": "Я выехал из Нью-Йорка в понедельник в час дня и прибыл в Клермон, резиденцию канцлера Ливингстона, в час дня вторника: время - двадцать четыре часа; расстояние - сто десять миль. В среду я выехал из "канцлера" в девять утра и прибыл в Олбани в пять часов пополудни: время - восемь часов; расстояние - сорок миль. В сумме получается сто пятьдесят миль за тридцать два часа, что составляет почти пять миль в час.

"В четверг, в девять часов утра, я выехал из Олбани и прибыл в "чанселлорз" в шесть вечера; я выехал оттуда в семь и прибыл в Нью-Йорк в четыре часа пополудни; время - тридцать часов; расстояние - сто пятьдесят миль, что равно пяти милям в час. На протяжении всего моего пути, как в пути, так и на обратном пути, ветер дул впереди: от моего паруса нельзя было извлечь никакой пользы: следовательно, все зависело от мощности паровой машины".

В письме одному из своих друзей Фултон писал: "Я обогнал множество шлюпов и шхун, идущих с наветренной стороны, и расстался с ними, как если бы они стояли на якоре. Способность приводить лодки в движение паром теперь полностью доказана. В то утро, когда я покидал Нью-Йорк, не нашлось, пожалуй, и тридцати человек, которые верили, что лодка будет двигаться хотя бы со скоростью одной мили в час или будет хоть сколько-нибудь полезна; и когда мы отчаливали от пристани, которая была переполнена зрителями, я услышал ряд саркастических замечаний. Именно таким образом невежественные люди хвалят тех, кого они называют философами и проектантами.... Хотя перспектива личного вознаграждения была для меня некоторым стимулом, все же я испытываю бесконечно большее удовольствие, размышляя об огромной выгоде, которую моя страна получит от этого изобретения".

"Клермон" теперь рекламировался как обычное пассажирское судно на Гудзоне. В течение сезона она подвергалась многочисленным авариям; и ее очевидные недостатки были бы устранены применением столь же очевидных усовершенствований самим Фултоном, если бы другие лица не опередили его, оформив патенты на усовершенствования, которые они сами предложили. Таким образом, они вызвали у него бесконечное раздражение и даже оспорили его права как изобретателя. Капитаны кораблей, также смотревшие на его лодку как на нарушителя их владений, не раз намеренно оскорбляли ее своими судами. Законодательный орган считал нужным нейтрализовать последствия этой враждебности, приняв закон, продлевающий привилегии Ливингстона и Фултона на пять лет для каждого дополнительного установленного судна, — однако в целом этот срок не должен превышать тридцати лет. Это также сделало все комбинации по уничтожению преступлений Клермона наказуемыми штрафом и тюремным заключением.

Защищенный таким образом, "Клермон" курсировал в течение всего сезона, всегда с большим количеством пассажиров. Зимой его расширили и усовершенствовали. Рулевые ограждения были усилены и стали заметной и существенной деталью лодки. Руль был заменен на руль гораздо больших размеров, а вместо обычного румпеля было установлено рулевое колесо, направленное в носовую часть. Помещения для пассажиров были сделаны гораздо более комфортабельными, даже роскошными, и со вкусом публики считались при нанесении многочисленных слоев довольно безвкусной краски. Затем она начала свои поездки в сезоне 1808 года. Она регулярно отправлялась в путь в назначенный час — поначалу к большому неудовольствию путешественников, которых до этого ждали как шлюпы, так и дилижансы. В конце сезона "Клермон" оказался слишком мал для толп, которые толпились здесь, чтобы воспользоваться пассажиропотоком. Таким образом, вскоре к линейке добавились две лодки - "Машина Нептуна" и "Образец".

Фултон, которому угрожали постоянные оспаривания его прав, в 1809 году получил патент от правительства штата, а в 1811 году - еще один, для усовершенствования. Его система была настолько простой — приспособление лопастных колес к оси кривошипа двигателя Уотта, — что казалось тогда, как оказалось впоследствии, практически невозможным по каким-либо техническим требованиям эффективно защитить ее. Знаменитая компания "Маятник" какое-

то время доставляла Фултону много хлопот. Они построили лодку, колеса которой должны были приводиться в движение маятником. Пока судно стояло на стапелях и колесам сопротивлялся только воздух, труд нескольких человек заставлял их вращаться регулярно и быстро; но когда судно было спущено на воду и маятник столкнулся с сопротивлением воды, ни маятник, ни колеса, ни лодка не шелохнулись. Компания "Маятник" была ошеломлена этим явлением и ясно видела, что для того, чтобы лодка приводилась в движение колесами, а колеса - маятником, необходимо изобрести что-то достаточно мощное, чтобы двигать маятник. Очевидно, там не было ничего, кроме паровой машины, и поэтому они скопировали фултоновскую. Последовали судебные процессы; и в своих аргументах в пользу Фултона мистер Эммет так отзывался о джентльменах-маятниках: "Это люди, которые никогда не растрачивают здоровье и жизнь на полуночные бдения и мучительные исследования; которые никогда не мечтают о науке в прерывистых снах измученного ума; которые вкладывают в постройку парохода столько же математических расчетов и философских изысканий, сколько в покупку мешка пшеницы или бочки золы". Фултон добился своего, и лодке, которая должна была ходить с часовым механизмом, было запрещено ходить даже на паре.

В 1812 году Фултон построил "Файрфлай", и, поскольку в городе Ньюбург, расположенном на полпути к Олбани, было достаточно движения, чтобы прокормить по крайней мере одну лодку, ее направили по этому маршруту. В том же году он построил два парома для переправы через Гудзон, сделав их с рулем и носом на обоих концах. Он также изобрел плавучие доки для их приема и способ их остановки без сотрясения. В 1813 году он построил пароход водоизмещением в четыреста тонн и необычной прочностью, который курсировал в проливе Лонг-Айленд между Нью-Йорком и Нью-Хейвеном. Это был первый пароход с круглым дном. Мы цитируем отрывок, относящийся к ней, из работы, опубликованной в 1817 году: "На протяжении большей части своего маршрута она была бы настолько открыта, насколько это возможно в океане: поэтому было необходимо сделать ее совершенным морским судном. Ежедневно и во время прилива она проходит опасный пролив Адских Врат, где на протяжении почти мили часто сталкивается с течением, несущимся со скоростью не менее шести миль в час. На некотором расстоянии от нее в нескольких ярдах с каждой стороны находятся скалы и водовороты, которые соперничают со Сциллой и Харибдой, даже в том виде, в каком они поэтически описаны. Этот пролив, до того как по нему прошло это судно, всегда считался непроходимым, за исключением определенных периодов прилива; и многие кораблекрушения были вызваны небольшой ошибкой во времени. Лодка, быстро проходящая через эти водовороты, в то время как разгневанные воды пеняются у ее носа и, кажется, поднимаются, упрямо сопротивляясь ее движению, является гордым триумфом человеческой изобретательности. Владельцы, отдавая наивысшую дань уважения, какую они могли воздать его гению, и в доказательство благодарности, которой они были ему обязаны, называли ее "Фултон".

В начале 1814 года, когда Соединенные Штаты и Англия находились в состоянии войны, Фултону пришла в голову идея парового военного судна, способного нести сильную батарею, с печами для раскаленной дробы и плавать со скоростью четыре мили в час. Конгресс санкционировал строительство такой плавучей батареи, и киль был заложен 18 июня. Судно было спущено на воду 27 октября того же года среди возбужденной и аплодирующей толпы. Однако перед отплытием ее инженер и строитель были переведены в другую сферу: Фултон умер 24 февраля 1815 года. Законодательный орган почтил его память необычным образом: они постановили носить траур в течение трех недель. Это проявление сожаления по поводу потери человека, который никогда не занимал должности и не служил своей стране ни на каком государственном посту, было совершенно беспрецедентным.

4 июля паровой фрегат совершил пробный рейс и на одних двигателях прошел пятьдесят три мили за восемь часов двадцать минут. Следующее описание "Фултона Первого", как его называли, дано комитетом, назначенным для его изучения от имени Конгресса: "Это сооружение, опирающееся на две лодки и кили, разделенные от конца до конца каналом шириной пятнадцать футов и длиной шестьдесят шесть футов. В одной лодке установлены медные котлы для приготовления пара; железный цилиндр, его поршень, рычаг и колеса занимают часть другой. Водяное колесо вращается в пространстве между ними. Главная, или орудийная, палуба поддерживает вооружение и защищена бруствером толщиной четыре фута десять дюймов из цельного дерева, прорезанным амбразурами. Через тридцать иллюминаторов столько же тридцатидвухфунтовых пушек предназначены для стрельбы раскаленной дробью, которую можно нагревать с большой безопасностью и удобством. Его верхняя, или лонжеронная, палуба, на которой могли бы маршировать несколько тысяч человек, окружена фальшбортом, обеспечивающим безопасное размещение: судно оснащено двумя прочными мачтами, каждая из которых поддерживает большой рей и паруса; у него два бушприта и кливвера и четыре руля, по одному на каждом конце каждой лодки, так что им можно управлять любым концом вперед; его механизмы рассчитаны на добавление двигателя, который будет выпускать огромный столб воды, который предназначен для того, чтобы выбрасывать на палубы и через иллюминаторы. врага и тем самым затопить его вооружение и амуницию. Если в дополнение ко всему этому мы предположим, что она была снабжена, согласно намерению мистера Фултона, стофунтовыми колумбиадами, по две подвешены на каждом носу, чтобы выпустить ядро такого размера во вражеский корабль на десять или двенадцать футов ниже его ватерлинии, то следует признать, что она, по крайней мере, выглядит как самая грозная боевая машина, которую когда-либо создавала человеческая изобретательность".

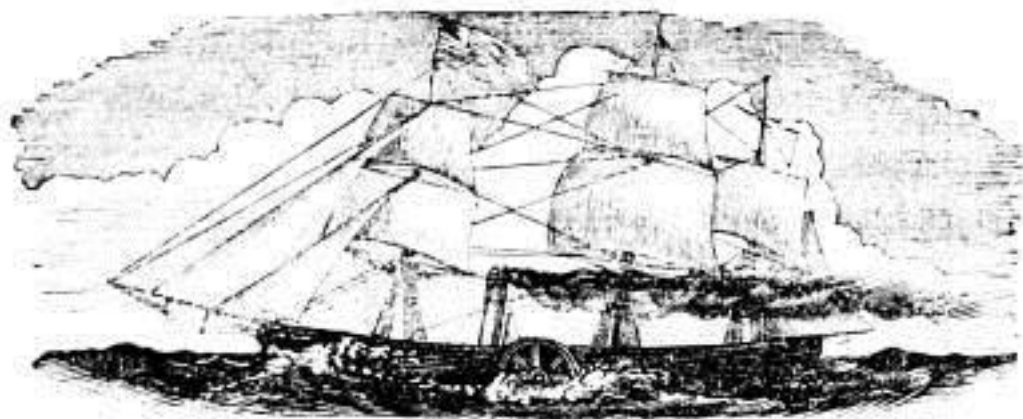
Таков был первый шаг к созданию парового флота. Сорок лет спустя Джордж Стирс построил винтомоторный фрегат "Ниагара"; и читатель, сравнив эти два судна, получит адекватное представление об огромных успехах, достигнутых в военно-морской механике и инженерном деле менее чем за полвека. В Европе размеры и качества "Фултона Первого" в то время были смехотворно преувеличены, как видно из следующего отрывка из шотландского трактата о пароходах. Увеличив ее пропорции в три раза, автор продолжает: "Толщина ее бортов составляет тринадцать футов из чередующихся дубовых досок и пробкового дерева: она несет сорок четыре орудия, четыре из которых стофунтовые; орудия на квартердеке и баке — сорокачетырехфунтовые; и, кроме того, чтобы досадить врагу, пытающемуся взять ее на abordаж, может выплескивать сто галлонов кипятка в минуту и, с помощью механизма, с предельной регулярностью размахивает тремя сотнями abordажных сабель над планширями, а также использует такое же количество тяжелых железных шипов большой толщины. длина, с невероятной силой отбрасывающая их с боков и вытаскивающая каждые четверть минуты!"

11 сентября фрегат совершил второй экспериментальный рейс с вооружением и припасами на борту, его осадка составляла одиннадцать футов. Она изменила курс, изменив направление движения колес. Она отдала честь, проходя мимо фортов, и выполнила маневры вокруг американского фрегата "Ява". Детонация орудий ни в малейшей степени не затронула механизмы. Средняя скорость судна составляла пять с половиной миль в час, в то время как "Фултон" по контракту развивал только три мили в час. Город Нью-Йорк теперь чувствовал себя неуязвимым; но прекращение военных действий, наступившее вскоре после этого, исключило необходимость использовать его в качестве средства обороны. Вполне

вероятно, что такое приспособление, даже при нынешнем продвинутом состоянии морской войны, было бы признано полезным для защиты входов в гавани — не как фрегат, а как плавучая батарея или передвижная крепость. Тот факт, что это судно было построено Фултоном, делает его отцом не только пароходождения, но и паровых флотов всего мира. У нас будет возможность время от времени, по мере продвижения в наших записях, вести хронику последовательных шагов совершенствования науки, пока мы не достигнем эпохи паровых плавучих дворцов на реках Америки, паровых прогулочных яхт, принадлежащих американским купцам, коммерческих паровых левиафанов, американских и английских, носящих названия континентов и океанов, и бесподобного парового фрегата, о котором мы уже упоминали, - "благородного корабля с благородным названием, отправившегося в 1857 году с благороднейшей из миссий".

История первого океанского парохода очень неполно и неудовлетворительно изложена в летописях того времени. Ниже приводится суть всего, что сохранилось о первом зарегистрированном трансатлантическом рейсе на пароходе:

"Саванна", пароход водоизмещением в триста пятьдесят тонн, предназначенный для курсирования между Нью-Йорком и Ливерпулем, под командованием капитана Мозеса Роджерса, был спущен на воду в Нью-Йорке 22 августа 1818 года. Она совершила предварительное путешествие в город, название которого носила, в апреле 1819 года, куда прибыла через семь дней после очень шумного перехода. Несколько раз ей приходилось вставлять колеса — для этой цели у нее имелся механизм — и полагаться на свои паруса, что было сделано со всей ожидаемой быстротой и безопасностью. Эта пробная поездка не оставила сомнений в том, что она успешно выполнит задачу, для которой была построена. Вскоре после этого она уехала из Саванны в Ливерпуль, и нью-йоркские газеты за вторую неделю июня объявили, что с ней разговаривали в море, и все было хорошо. В судовом журнале "Плутона", прибывшего вскоре после этого в Балтимор из Бремена, была следующая запись:

"САВАННА": ПЕРВЫЙ ОКЕАНСКИЙ ПАРОХОД.

"2 июня. —Ясная погода и спокойное море: 42° широты, продолжительное время. 59 °, проговорил и миновал элегантный пароход "Саванна", восемь дней шедший из Саванны в Санкт-Петербург через Ливерпуль. Она прошла мимо нас со скоростью девяти или десяти узлов; и капитан сообщил нам, что она работала на удивление хорошо, и самым большим комплиментом, который мы могли сделать, было троекратное "ура", как самое счастливое творение механического гения, когда-либо появившееся в Западном океане. Она вернула комплимент.

"Нью—Йорк Реджистер" Найлза от 21 августа содержит следующий абзац, выделенный курсивом, в начале колонки иностранных новостей: "Пароход "Саванна", капитан Мозес Роджерс, — первый в истории пересекший Атлантику, — прибыл в Ливерпуль через двадцать пять дней из Саванны, все в порядке, к великому изумлению местных жителей. Она проработала на своем двигателе восемнадцать дней. Следующая запись о ее передвижениях гласит, что в августе она отплыла в Санкт-Петербург, миновав Эльсинор 13-го числа, и что британцы *"мудро предположили, что ее визит как-то связан с амбициозными взглядами Соединенных Штатов"*. Она вернулась в Саванну в ноябре, через пятьдесят дней из Санкт-Петербурга, *через Копенгаген и Арендал в Норвегии*, все в порядке, и, говоря языком капитана Роджерса, "ни один винт, болт или веревочная нить не порвались, хотя она столкнулась с очень сильным штормом в Северном море". Она отплыла из Саванны в Вашингтон 4 декабря, потеряв свои шлюпки и якоря у мыса Хаттерас.

Это странный факт, и он не делает чести англичанам, что многие из их работ, посвященных изобретениям и прогрессу искусств и наук, полностью игнорируют это путешествие из Саванны в Саванну и обратно и единодушно делают британские пароходы "Сириус" и "Грейт Вестерн" пионерами в 1837 году в великом деле океанского пароходства. Авторы этих работ ошибаются либо по умыслу, либо по невежеству, и в любом случае демонстрируют явную непригодность к своему призванию. Если бы они обратились к лондонским и ливерпульским газетам того времени, то нашли бы достаточно сведений о завершении пароходного рейса почти на двадцать лет раньше того периода, к которому они его относят. Однако мы сказали достаточно, чтобы доказать, что первое пароходное судно, пересекшее океан, было построено в Нью-Йорке и что Мозес Роджерс, его капитан, был американским гражданином. Когда мы дойдем до года, в котором два британских парохода положили начало коммерческому сообщению на паровой тяге между двумя полушариями, мы запишем это, должным образом признавая его важность; но мы повторяем утверждение, что, поскольку первым речным пароходом был "Клермон", первым атлантическим пароходом была "Саванна": и тот, и другой были построены в Нью-Йорке.

ГОЛОВА БЕЛОГО МЕДВЕДЯ.

Раздел VI.

ОТ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРА В СУДОХОДСТВЕ ДО ПРОКЛАДКИ АТЛАНТИЧЕСКОГО КАБЕЛЯ: 1807-1857гг.

ГЛАВА XLIX.

ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИКИ —РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ КРУЗЕНШТЕРНА И КОЦЕБУ—ФРЕЙСИНЕ—РОСС—МАЛИНОВЫЕ СКАЛЫ—ПРОЛИВ ЛАНКАСТЕРА—БЬЮКЕНЕН И ФРАНКЛИН—ПАРРИ—ПОЛЯРНОЕ МОРЕ—ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ—ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ—ДЮПЕРРИ—ЭПИЗОДЫ КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА—ПОЛЯРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПАРРИ—ЛОДКА—САНИ-СПОСОБ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ—ОБЕСКУРАЖИВАЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ—82 ° 43' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ.

Мы вступили в девятнадцатый век. С этого времени мы почти не обнаружим романтического интереса к истории моря, за единственным исключением истории арктических вод. Эпоха приключений, подстегиваемых жаждой золота, давно миновала: больше нет континентов, за которыми можно было бы охотиться, и мало островов, которые можно было бы извлечь из глубин. Когда-то была жатва, которую нужно было собрать; но отныне остаются лишь скудные объедки, которые нужно собрать. Мореплаватель нынешнего столетия не может надеяться быстро снискать славу блестящими открытиями: он должен быть доволен, если с запозданием добьется отличия путем терпеливых наблюдений и тщательных обследований — задача гораздо более полезная, чем показная, и, хотя менее привлекательная, гораздо более трудная. Поэтому наш рассказ об остальных морских предприятиях будет соответственно кратким. Интерес читателя, как мы уже говорили, будет прикован почти исключительно к полярным приключениям героев Северо-Западного прохода: Росса, который видел Багровые скалы; Парри, который открыл Полярное море; Джеймса Кларка

Росса, который побывал на Северном магнитном полюсе; Макклюра, который прошел Северо-Западный проход; Франклина и Кейна, мучеников арктической науки. Хотя мы более подробно остановимся на этих путешествиях, мы, тем не менее, упомянем в должном порядке те, которые предпринимались для других целей во всех частях земного шара.

В 1803 году Александр Российский решил заняться морскими открытиями и географическими исследованиями. Он отправил капитана Крузенштерна в кругосветное путешествие на построенном в Лондоне корабле "Надежда". Из этого путешествия ничего не вышло, кроме возросшей вероятности того, что Сагалиен был не островом, а полуостровом, соединенным с материковой частью Китая песчаным перешейком.

ПРИЕМ КОЦЕБУ В ОТДИА.

В 1815 году русский граф Романцов за свой счет снарядил экспедицию для развития географической науки. Конкретной целью путешествия было исследовать американское побережье как к северу, так и к югу от Берингова пролива и найти оттуда сообщение с Баффиновым заливом. Командование было передано Отто фон Коцебу, сыну выдающегося немецкого драматурга Коцебу. В Океанике он обнаружил необитаемый архипелаг, который назвал Цепью Рюрика с одного из своих судов. В заливе Коцебу, к северо-востоку от Берингова пролива, он обнаружил остров, который, как предполагалось, содержал огромное количество железа, судя по сильным колебаниям иглы. Во время второго визита на Отдиа, один из островов Рюрика, в 1824 году жители запомнили его по тому, что он выкрикивал слоги *Тотобу*- их манера произносить его имя. Они встретили его с великой радостью, бросившись в воду по пояс; затем они вытащили его из лодки и в сухих ботинках отнесли на берег.

In 1817, Louis XVIII. отправил капитана Фрейсине в первое плавание, которое, хотя и было предпринято для развития науки, не имело своей целью ни гидрографии, ни географии. Его целью было определение формы земного шара на Южном полюсе, наблюдение за магнитными и атмосферными явлениями, изучение трех царств природы, а также изучение ресурсов и языков тех коренных народов, которые должно посетить судно. Экспедиция была проведена со знанием дела, но ее результаты, будучи чисто научными, не требуют здесь упоминания.

Зимой 1816 года китобои, возвращавшиеся из гренландских морей в Англию, сообщили, что лед был чище, чем они когда-либо видели прежде. Период казался благоприятным для возобновления исследований Арктики, и в 1818 году Адмиралтейство снарядило для этой цели два судна — "Изабеллу" и "Александра". Капитан Джон Росс был послан в первом

составе для обнаружения северо-западного прохода, а лейтенант Эдвард Пэрри - во втором, чтобы по возможности проникнуть к Полюсу. Инструкции требовали от них с особой тщательностью исследовать отверстия в устье Баффиновой бухты. Отплыв 18 апреля, они достигли побережья Гренландии 17 июня. Они видели племена эскимосов, которые никогда не видели людей другой расы, кроме своей собственной, и которые почувствовали неопишемую тревогу при виде искателей приключений. Впоследствии было доказано, что они опасались заражения. На северной оконечности залива Росс наблюдал явление, придавшее его путешествию такой романтический, почти легендарный характер, — явление красного снега. Он увидел гряду вершин, облаченных в одеяние, которое выглядело так, словно было позаимствовано у ткацких станков и красителей Тира. Это место обозначено на картах как "Багровые скалы". В то время предполагалось, что цвет является качеством, присущим самому снегу, но последующие исследования установили его растительное происхождение.

Теперь корабли находились в северной части Баффиновой бухты, среди многочисленных заливов, которые Баффину не удалось исследовать. Все они, казалось, были завалены льдом, и ни один из них не давал никаких лестных обещаний скрыть в себе долгожданный Северо-Западный проход. Пролив Смита, где заканчивается бухта, был тщательно обследован, но оказалось, что он покрыт льдом. Возвращаясь на юг вдоль западного побережья залива, они прибыли к входу в пролив Ланкастер 30 августа, как раз в тот момент, когда солнце, непрерывно светившее почти три дня, начало опускаться за горизонт. Суда прошли вверх по проливу около пятидесяти миль по морю, свободному ото льда, поскольку пролив был окружен с обеих сторон горами внушительной высоты. Именно здесь Росс совершил роковую ошибку, которая омрачила его собственную репутацию и выдвинула Пэрри, своего заместителя, на пост первого арктического мореплавателя. Он утверждал и, безусловно, верил, что видел высокую горную гряду, протянувшуюся прямо поперек пролива. Это, по его мнению, делало дальнейшее продвижение невозможным, и был отдан приказ развернуть корабли. Росс вернулся в Англию, убежденный, что Баффин был прав, рассматривая залив Ланкастер только как бухту, за пределами которой нет никакого пролива. Было предначертано, что Пэрри пройдет по этому проливу и найдет за ним Полярное море.

МОРСКИЕ ЛЬВЫ НА ЛЬДУ.

В том же году британское правительство направило экспедицию под командованием капитана Бьюкена и лейтенанта, впоследствии сэра Джона Франклина, с целью попытаться достичь Полюса. Объектами были эксперименты по изучению эллиптической формы земли, магнитных и метеорологических явлений, а также преломления атмосферы в высоких широтах. Два судна — "Доротея" и "Трент" — вышли в море в апреле 1818 года и направились к заливу Магдалена на Шпицбергене. На 74° северной широты, недалеко от острова, часто посещаемого стадами моржей, команда лодки подверглась нападению нескольких этих животных и избежала уничтожения только благодаря присутствию духа казначея. Он схватил заряженный мушкет и, приставив дуло к горлу главы школы, выпустил его содержимое ему в кишечник. Поскольку морж тонет сразу после смерти, смертельно раненное животное сразу же начало исчезать под водой. Его товарищи отказались от боя, чтобы поддержать своего вождя своими бивнями, которых они поспешно унесли с места боя.

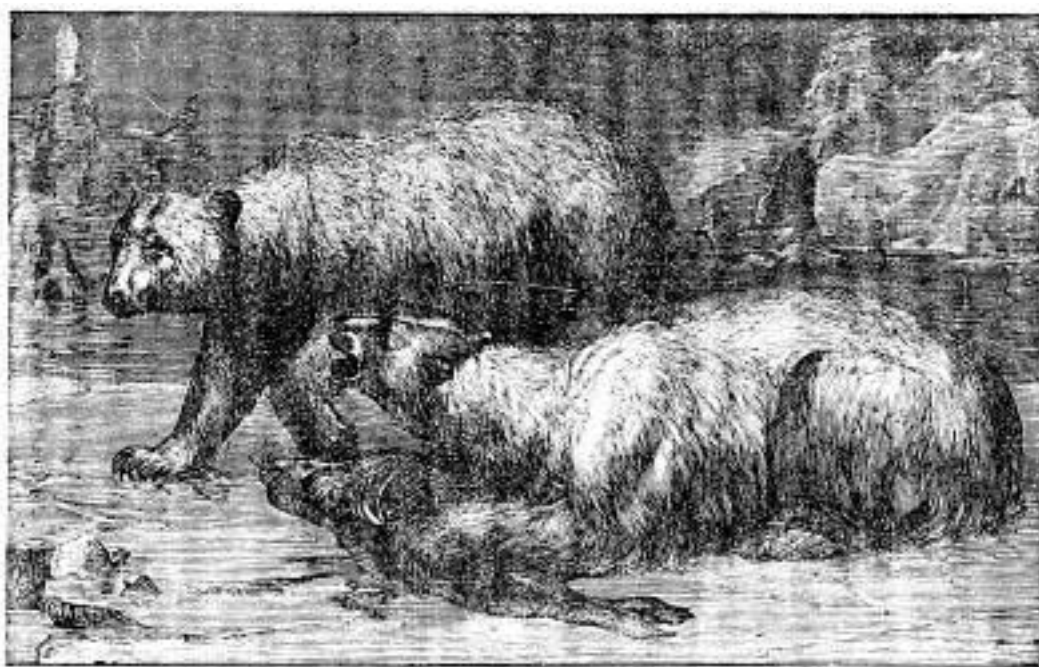

АТАКОВАН МОРЖАМИ.

Климат здесь был мягким, атмосфера чистой и ослепительной, а синева неба такой же насыщенной, как в Неаполе. Альпийские растения, травы, мхи и лишайники росли в изобилии и служили пастбищем северным оленям на высоте полутора тысяч футов над уровнем моря. Берега кишели авками, нырятьщиками, бакланами, чайками, моржами и тюленями. На льду охотились гагары, лисы и медведи, а море служило домом для джаггеров, киттивейков и китов. Поднявшись до 80° 34' северной широты и обнаружив невозможность проникнуть дальше на север, Бьюкенен решил покинуть воды Шпицбергена и держаться подальше от вод Гренландии. Группа плавучих айсбергов, о которые яростно бились волны,

окружала корабли. "Трент" яростно столкнулся с массой, во много сотен раз превышающей его размеры. Каждый человек на борту потерял равновесие; мачты согнулись от удара, а обшивка затрещала под давлением. Этот несчастный случай сделал продолжение рейса нецелесообразным, и оба корабля вернулись в Англию, куда прибыли в октябре. Таким образом, экспедиция не достигла главной цели, для достижения которой она была предназначена.

Как мы уже отмечали, Росс пренебрег предоставленной ему возможностью проникнуть в глубь пролива Ланкастер, тем самым предоставив другому славу связать свое имя с открытиями, которые будут сделаны там. Правительство, будучи недовольным его руководством и поощряемое лейтенантом Парри полагать, что предполагаемая горная цепь, преграждающая проход, существовала только в воображении Росса, дало ему в командование два корабля с сильным экипажем и достаточным количеством снаряжения для продолжения поисковых работ в этом направлении. Он покинул Англию 11 мая 1819 года на корабле "Гекла" и артиллерийском бриге "Грипер". 15 июня он неожиданно увидел землю, которая оказалась мысом Прощания, южной точкой Гренландии, хотя и на расстоянии более ста миль. 25-го числа корабли были неподвижно "окружены" льдами: их положение было совершенно беспомощным, вся сила, которую можно было применить, не помогала повернуть их головы ни на один градус по компасу.

БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ.

Офицеры и матросы занимались различными делами в течение этого периода бездействия. Были проведены наблюдения за наклоном и изменением магнитной стрелки, а также рассчитаны расстояния до Луны. Белых медведей заманивали на расстояние выстрела запахом жареной красной сельди, а затем легко подстреливали. 30-го лед ослабел, и после восьмичасовой непрерывной работы оба корабля были выведены в открытое море. 12-го числа Пэрри получил запас чистой воды, которая текла с айсберга, и моряки стряхнули с канатов и такелажа слой застывшего тумана весом в несколько тонн. Переход к проливу

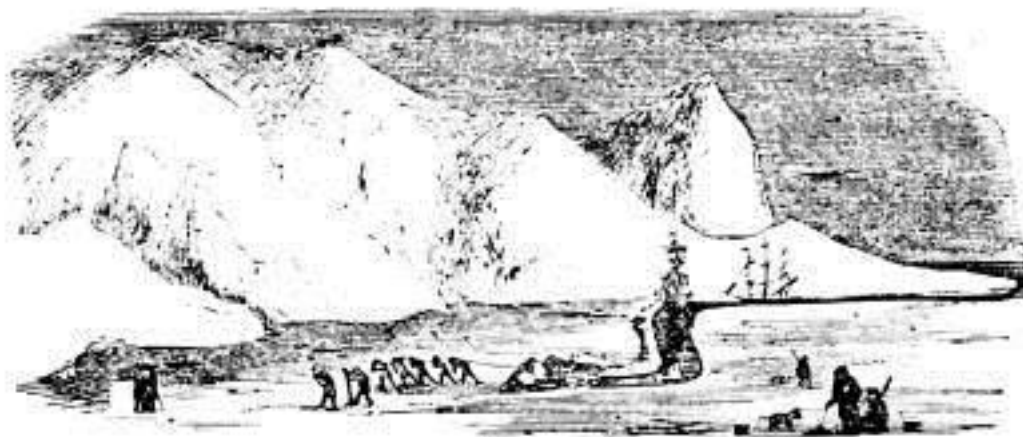
Ланкастер был трудоемким и был осуществлен только благодаря самым настойчивым усилиям со стороны всех.

Вход в пролив был осуществлен 1 августа; и Пэрри чувствовал, как и офицеры и матросы, что это была цель путешествия, которая должна была определить успех или неудачу экспедиции. Сообщения, все более или менее благоприятные, постоянно передавались с "вороньего гнезда" на квартердек. Погода была ясной, и корабли всю ночь плыли в полной безопасности. К утру все тревоги по поводу предполагаемой горной цепи за заливом улеглись, поскольку два берега все еще находились на расстоянии сорока миль друг от друга, на расстоянии ста пятидесяти миль от устья ла-манша. Теперь вода была так же свободна ото льда, как Атлантический океан, и они начали льстить себя надеждой, что действительно вошли в Полярное море. Сильная зыбь и знакомый океанический цвет, который, как теперь считалось, характеризует воду, также были обнадеживающими обстоятельствами. Компасы стали такими медленными и неровными, что обычные наблюдения за изменением стрелки были прекращены. Вскоре впервые было засвидетельствовано необычное явление: стрелка стала настолько слабой, что полностью контролировалась местным притяжением, так что она действительно указывала на северный полюс корабля, то есть на точку, где находилось наибольшее количество железа.

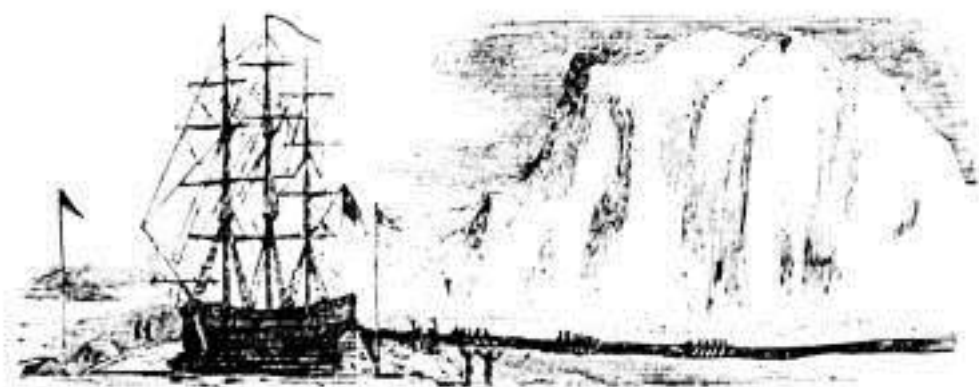
Какое-то время лед препятствовал дальнейшему продвижению судов на запад, и они отплыли на сто двадцать миль к югу, в пролив, который они называли заливом принца-Регента. Пэрри подозревал, хотя и ошибочно, что этот залив сообщался с Гудзоновым заливом. Вернувшись к устью бухты, он обнаружил, что море к западу все еще покрыто льдом; но сильный удар, сопровождавшийся дождем, вскоре расколол его и рассеял. Они медленно продвигались вперед, давая названия каждому мысу и бухте, мимо которых проезжали; бухту больших размеров они называли Веллингтон, "в честь его светлости артиллерийского начальника". Убедившись теперь, что пролив, по которому они до сих пор поднимались, был проливом, соединяющим два моря, Пэрри дал ему название пролив Барроу в честь мистера Барроу, секретаря Адмиралтейства. Перспективы успеха в ближайшие шесть недель теперь казались командующему экспедицией "поистине волнующими".

Остров — безусловно, самый большой, который Пэрри видел в этих водах, — появился в начале сентября, и люди с трудом продвигались вдоль его южного побережья, пока 4-го числа не достигли 110° западной долготы. Затем оба корабля получили право на сумму в 5000 фунтов стерлингов — награду, предложенную парламентом первому из подданных его Величества, который проникнет так далеко на запад за Полярный круг. Остров назывался остров Мелвилл в честь Первого лорда Адмиралтейства. В бухте, названной Бухтой Геклы и Грипера, впервые с тех пор, как мы покинули Англию, был брошен якорь; были подняты флаги и вымпелы, и британский флаг развевался в регионе, который, как считалось, находится за чертой пригодного для жизни мира.

Лето подходило к концу, и возникла необходимость выбрать место для зимовки. Была найдена гавань, прорублен проход через две мили льда, и корабли погрузились на глубину в пять морских саженей: вскоре они прочно вмерзли в воду на расстоянии кабельтова от берега. Охота, ботаника, экскурсии по острову, эксперименты в обсерватории, возведенной на берегу, и любительские спектакли приносили некоторое облегчение от неизбежного бездействия, к которому теперь были обречены офицеры и команда. Пэрри назвал группу островов, из которых Мелвилл является крупнейшим, островами Северной Джорджии, в честь короля Георга; и в дни постоянной темноты еженедельную газету под названием "The North Georgia Gazette and Winter Chronicle" редактировала капитан Сэбин, астроном.

ВМЕШИВАЮСЬ.

ВЫРЕЗАЮ.

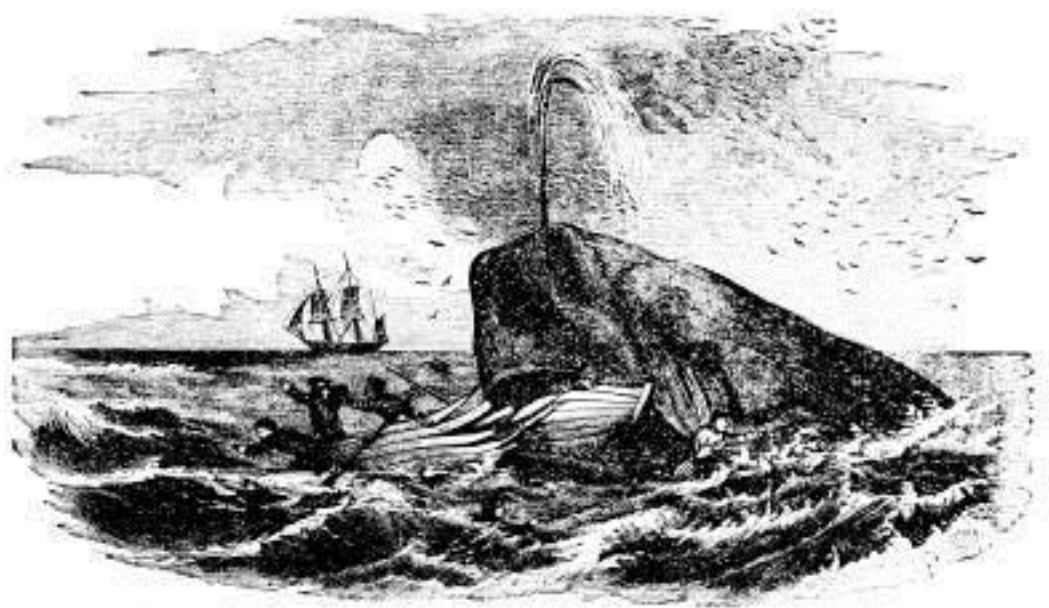
The sun снова появилась 3 февраля 1820 года после девяносто одного дня отсутствия. Вскоре театр закрыли, а выпуск газеты прекратили. Лед вокруг кораблей был толщиной в семь футов, хотя к середине мая экипажи срезали его, чтобы позволить кораблям плавать, и прорубили канал для своих лодок. 1 августа не было ни малейших признаков оттепели; 2 августа лед треснул и исчез с совершенно необъяснимой внезапностью. Пэрри решил немедленно вернуться домой и прибыл в Лейт, в Шотландию, ближе к концу октября. Он был принят с большой благосклонностью и был вознагражден за свои заслуги в области связи повышением в звании до капитана.

В 1821 году Пэрри совершил второе плавание с инструкциями искать проход Гудзоновым проливом, а не проливом Ланкастера. Оно оказалось совершенно безуспешным. Он предпринял третью попытку в 1824 году с "Фьюри" и "Геклой". Ярость растворилась в звуке Ланкастера, и Пэрри вернулся сбитый с толку и на какое-то время обескураженный.

В 1822 году французский капитан по имени Дюперри по приказу правительства совершил путешествие, которое во многих отношениях является самым примечательным за всю историю наблюдений. Он проплыл семьдесят пять тысяч миль за тридцать один месяц, не потеряв ни одного человека и не имея ни единого имени в больничном листе; корабль ни разу не нуждался в ремонте. Сделанные открытия не были важными, но проведенные

исследования и зарегистрированные наблюдения за земным магнетизмом были интересными и ценными.

Примерно в этот период опасности, связанные с китовым промыслом, странным образом усилились из-за обстоятельства, о котором мы не можем не упомянуть. Кит, чьи интеллектуальные способности были обострены войной, которую против него вели в течение двухсот лет, внезапно обнаружил, что им движет новая и неистовая страсть — жажда мести. "Мокко Дик", заработавший ужасную репутацию за свою свирепость, сдался только после многих лет успешного сопротивления. Его тело оказалось покрытым шрамами, плоть оцетинилась гарпунами, а голова, как было объявлено, чудесным образом свидетельствовала о "старости, хитрости и хищности". Вскоре после этого экипаж лодки "Эссекс" ранил кашалота. Брат-левиафан длиной восемьдесят пять футов приблизился к кораблю на расстояние двадцати стержней, мгновение пристально разглядывал его, а затем удалился, словно удовлетворенный своими наблюдениями. Вскоре он вернулся на полной скорости: ударился головой о корабль, опрокинув людей ничком. Стиснув челюсти, словно обезумев от ярости, он предпринял еще одну атаку и с видом мстителя своей расы врезался в нос корабля! Это был первый зарегистрированный пример того, как кит проявляет позитивный настрой в поиске встречи. Он, несомненно, действовал, руководствуясь чувством мести, и, более того, направил свои атаки на самое слабое место корабля.

КИТ КАПИТАНА ДЕБЛУА.

Кит капитана Деблуа с корабля "Энн Александер" был еще более примечательным животным. Когда его загарпунили, вместо того, чтобы попытаться спастись бегством, он повернулся к лодке и, выражаясь языком очевидца, "разнес ее в щепки". Вторую лодку постигла та же участь. Затем кит бросился на корабль и проломил его обшивку, впуская воду потоками. Через час обломки судна лежали в океане. Четыре месяца спустя команда "Ребекки Симс" поймала кита больших размеров, но с ослабленной энергией. У него была повреждена голова с крупными обломками корабельной обшивки, вонзившимися в его плоть; в то время как два гарпуна, вонзившиеся почти в жизненно важные органы и

помеченные как "Энн Александер", указывали на то, что он свирепый, но теперь измученный противник капитана Деблуга из Нью-Бедфорда.

В 1827 году — возвращаясь к исследованиям Арктики — была выдвинута новая идея относительно Полюса и наиболее вероятного способа его достижения. Капитан Парри, отчаявшись добраться туда на кораблях, задумал построить лодки с полозьями, которые можно было бы тащить по льду или, в случае необходимости, грести по воде. Правительство одобрило эту идею, и специально для службы были построены две лодки: каждая вместе с мебелью и припасами весила три тысячи семьсот пятьдесят три фунта. Они были помещены на борт военного шлюпа "Гекла", и экспедиция покинула Нор 4 апреля 1827 года и направилась на Шпицберген. В Хаммерсфельде, в Норвегии, они взяли на борт восемь северных оленей и некоторое количество мха для корма.

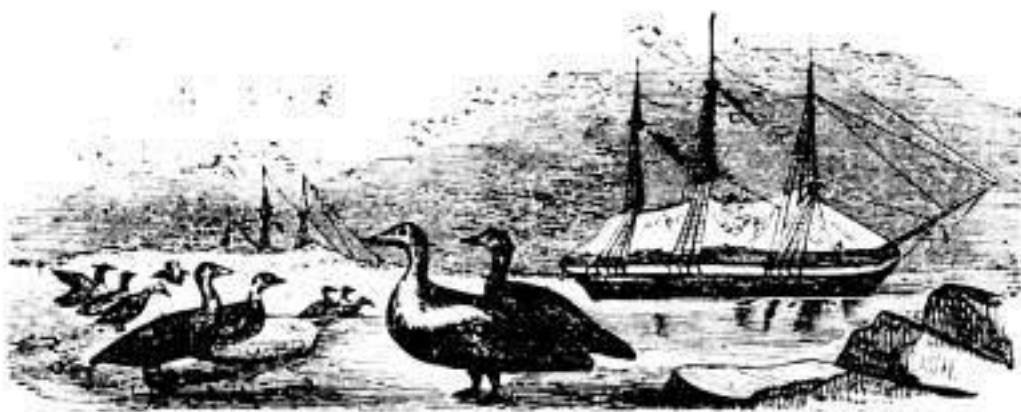
После серии сильных штормов, продержавшись во льдах до 8 июня, "Гекла" была надежно брошена на якорь на северном побережье Шпицбергена, в бухте Гекла. Пэрри дал инструкции своим лейтенантам Фостеру и Крозье и 22-го числа покинул корабль на двух шлюпках, назвав их "Энтерпрайз" и "Индевор", с провизией на семьдесят один день. Лед казался таким неровным, что северные олени обещали оказать мало помощи и, следовательно, были оставлены позади. Ниже приводится краткий отчет о необычном способе передвижения, принятом во время этого необычного путешествия:

"Моим намерением, - говорит Пэрри, - было путешествовать ночью и отдыхать днем, избегая таким образом яркого света, возникающего в результате того, что солнце светит на снег с самых высоких высот; и двигаться при более мягком освещении, проливающимся во время его близости к горизонту, — ибо, конечно, летом оно вообще никогда не заходит. Эта практика настолько полностью нарушала естественный порядок вещей, что офицеры, хотя и располагали хронометрами, не отличали ночь от дня. Встав вечером, мы начинали наш день с молитвы, после чего снимали наши спальные халаты из енотовой шкуры и надевали дорожные костюмы из плотной ткани. Мы позавтракали теплым какао, подогретым с крепким вином — нашим единственным топливом — и бисквитами; затем мы ехали пять часов, останавливались пообедать и снова ехали четыре, пять или шесть часов, в зависимости от обстоятельств. Было раннее утро, и мы остановились на ночлег, выбрав для спуска лодку на самую большую поверхность льда, которая случайно оказалась поблизости. Затем все мужчины надели сухие чулки и меховые сапоги, оставив мокрые, которые утром редко оказывались сухими, надевать после сна. После ужина офицеры и матросы курили трубки, которые служили для просушки лодки и тентов и часто повышали температуру на десять градусов. Была выставлена стража для наблюдения за медведями, каждый мужчина поочередно выполнял эту обязанность в течение одного часа. Поскольку день был ясный, вечер был отмечен молитвами. После семичасового сна человек, которому было поручено варить какао, протрубил в горн сигнал к пробуждению, и, таким образом, с наступлением темноты день возобновился".

Трудности путешествия оказались намного больше, чем ожидалось. Лед, вместо того чтобы быть твердым, состоял из небольших, рыхлых и неровных масс с лужицами воды между ними. За первые восемь дней они прошли всего восемь миль к северу. Однажды люди протаскивали лодки всего на сто пятьдесят ярдов за два часа. 17 июля они достигли широты 82° 14' 28" - наивысшей из когда-либо достигнутых. 18-го, после одиннадцатичасового изнурительного труда, они продвинулись всего на две мили; а 20-го, пройдя, по-видимому, двенадцать миль за три дня, наблюдение выявило тревожный факт, что на самом деле они продвинулись всего на пять. Ужасная правда обрушилась на Пэрри и его офицеров: лед, по которому они с таким трудом преодолевали свой утомительный путь, *на самом деле дрейфовал на юг!* Эти

сведения были скрыты от мужчин, которые об этом и не подозревали, хотя часто со смехом замечали, что они долго добивались до этой восьмидесятой третьей степени. В это время они находились на $82^{\circ} 43' 5''$. Следующее наблюдение погасило последний луч надежды: после двухдневных трудов они оказались на $82^{\circ} 40'$. Течение уносило их на юг быстрее, чем их собственные усилия уносили их на север! Фактически, течение проходило четыре мили в день. Очевидно, продолжать путешествие дальше было безнадежно. Льдина, на которой они спали ночью, откатила их назад, к тому месту, которое они покинули утром. Пэрри ознакомил мужчин с обескураживающими новостями и предоставил им один день отдыха.

Теперь были выставлены знамена и вымпелы, отряд испытывал законную гордость за то, что продвинулся к точке, которой никогда прежде не достигали люди, хотя они потерпели неудачу в предприятии, которое теперь оказалось за гранью возможного. Они без особых происшествий вернулись в Англию. Пэрри не отказался полностью от идеи в конечном итоге достичь полюса по льду и еще в 1847 году придерживался мнения, что в другое время года, до начала дрейфа, этот проект еще может быть реализован. И все же ни один смертный человек еще не ступал на ось земного шара; и не будет большой смелостью предсказать, что ни один человек никогда этого не сделает.

НАВИГАТОРЫ ЗАСТЫЛИ НА МЕСТЕ.

ГЛАВА L.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РОССА — СЕВЕРНЫЙ МАГНИТНЫЙ ПОЛЮС — ВОЗВРАЩЕНИЕ Д'ЮРВИЛЛЯ — ЭНДЕРБИ НА СУШУ НА "ТЕРРОРЕ" — "ГРЕЙТ ВЕСТЕРН" И СИРИУС — ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ — АНТАРКТИЧЕСКИЙ КОНТИНЕНТ — ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СЭРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА НА "ЭРЕБУСЕ" И "ТЕРРОРЕ" — ПОПЫТКИ ОСВОБОДИТЬ ЕГО — ОБНАРУЖЕНИЕ МЕСТА ЕГО ПЕРВОЙ ЗИМОВКИ — ЭКСПЕДИЦИЯ ГРИННЕЛЛА — ПРОДВИЖЕНИЕ И СПАСЕНИЕ — ЛЕЙТЕНАНТ ДЕ ХЕЙВЕН — ДОКТОР КЕЙН — ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

В 1828 году сэр Джон Росс обратился к правительству за средствами для совершения второго путешествия в арктические воды Америки, но получил отказ. На следующий год мистер шериф Бут, джентльмен либеральных взглядов, предложил взять на себя финансовые обязательства по экспедиции и уполномочил Росса производить те расходы, которые он сочтет необходимыми. Он купил и оснастил "Виктори", пакетбот, курсирующий между

Ливерпулем и островом Мэн. У него был небольшой двигатель высокого давления и гребные колеса, которые можно было поднимать из воды. Она отплыла в мае 1829 года. Мы дадим лишь краткий отчет о происшествиях этого путешествия, пока не перейдем к событию, прославившему Джеймса Кларка Росса, племянника сэра Джона, — открытию Северного магнитного полюса, этой таинственной точки, на которую вечно указывает стрелка компаса моряка.

Находясь в Баффиновом заливе в июне, "Виктори" потеряла фок-марс во время шторма; двое матросов, убиравших марсели, едва успели спастись. Пройдя через пролив Ланкастер, а затем спустившись к югу в залив Принс-Риджентс, Росс, пройдя триста миль вдоль неоткрытого берега, прибыл в место, которое, по его мнению, могло бы послужить удобным зимним жилищем. Вся территория получила название Бутия, в честь покровителя экспедиции. Здесь они оставались одиннадцать месяцев, окруженные льдами; даже в июле и августе 1830 года корабль не сдвинулся с места, в котором его прочно удерживали. Наконец, 17 сентября было обнаружено, что судно свободно, и обрадованный экипаж приготовился к скорейшему освобождению. Однако несчастное судно проплыло всего три мили, когда его снова намертво сковало льдом. Двигатель, оказавшийся жалким и крайне неэффективным устройством, был извлечен и перенесен на берег — событие, которое все приветствовали с удовольствием. "Я полагаю, - говорит Росс, - что не было человека, который когда-либо снова пожелал бы увидеть его мельчайший фрагмент". Еще один год монотонности и тишины теперь грозил непогодой мореплавателям. Прошло шесть месяцев, прежде чем можно было предпринять хотя бы экскурсию по суше; но в мае 1831 года произошло великое открытие, о котором мы говорили.

ПОБЕДА В ШТОРМ.

Коммандер Джеймс Кларк Росс был вторым помощником капитана корабля. В апреле он отправился с группой на разведку вглубь страны. Стрелка погружения долгое время менялась от 88° до 89° , таким образом, указывая почти вниз, -90° - это, конечно, величина отклонения от горизонтальной линии обычного компаса, которая сделала бы ее прямо вертикальной. Коммандеру Россу очень хотелось побывать на чудесном месте, где можно было наблюдать такой эффект, и он присоединился к нескольким эскимосам, которые направлялись в том направлении, где, по его предположению, это происходило. Он решил, если возможно, поставить ногу так, чтобы Магнитный полюс находился между ним и центром земли. Прибыв в место, где стрелка указывала $89^{\circ} 46'$ с.ш., и находясь, следовательно, всего в четырнадцати милях от расчетного положения, он больше не мог мириться с задержкой, связанной с транспортировкой багажа, и быстрым маршем двинулся вперед, взяв с собой только те предметы, которые были строго необходимы. Потрясающее пятно было

обнаружено в восемь утра 1 июня. Стрелка показала $89^{\circ} 59'$, что в одной минуте от вертикали, — отклонение почти незаметное. Мы приводим подробности этого интереснейшего события словами самого первооткрывателя:

Полагаю, я должен предоставить другим возможность представить себе душевный подъем, с которым мы наконец достигли этой великой цели наших честолюбивых замыслов: казалось, что мы достигли всего, ради чего проделали такой долгий путь, — как будто наше путешествие и все его труды подошли к концу, и теперь нам ничего не оставалось, как вернуться домой и быть счастливыми до конца наших дней.

"Мы могли бы пожелать, чтобы в столь важном месте было больше примечательности. Едва ли достойно порицания сожаление о том, что не было горы, указывающей на место, которому когда-либо был придан такой большой интерес; и я мог бы даже простить любого из нас, кто был настолько романтичен или абсурден, чтобы ожидать, что Магнитный полюс был объектом столь же заметным и таинственным, как легендарная гора Синдбад, — что это даже была гора из железа или магнит величиной с Монблан. Но природа не воздвигла здесь никакого памятника, чтобы обозначить место, которое она выбрала в качестве центра одной из своих величайших сил.

Как только я удовлетворил свое собственное мнение, я сообщил партии о приятных результатах всего нашего совместного труда; и именно тогда, среди взаимных поздравлений, мы водрузили британский флаг на этом месте и вступили во владение Северным магнитным полюсом и прилегающей к нему территорией от имени Великобритании и короля Вильгельма Четвертого. У нас было в изобилии строительных материалов из обломков известняка, покрывавших берег; и поэтому мы воздвигли пирамиду из камней некоторой величины, под которой зарыли контейнер с записью этого интересного факта, сожалея только о том, что у нас не было средств построить пирамиду более важную и прочную, чтобы выдержать натиск времени и эскимосов. Если бы это была пирамида таких же размеров, как пирамида Хеопса, я не уверен, что она сделала бы что-то большее, чем удовлетворила бы наши амбиции под впечатлением того волнующего дня. Широта этого места $70^{\circ} 5' 17''$, а долгота $96^{\circ} 46' 45''$ к западу от Гринвича".

Мы должны отметить в этой связи, что фиксация *широты* Магнитного полюса была единственным важным элементом этого открытия; поскольку Магнитный полюс вращается вокруг Северного полюса со скоростью $11' 4''$ в год, следовательно, на эту величину изменяется его годовая *долгота*. Четверть века прошло с тех пор, как была установлена его долгота для 1831 года; и этот промежуток времени предполагает изменение местоположения на четыре-пять градусов. Требуется не менее тысячи восьмисот девяноста лет, чтобы совершить цикл обращения. Широта Полюса, конечно, остается неизменной. Для Росса всегда будет достаточной славой стоять на том месте, где тогда был Полюс: тот факт, что место, тогда столь чудесное, с тех пор перестало быть таковым, несомненно, не является причиной для умаления его заслуг. После этого открытия группа вернулась на корабль.

В сентябре лед тронулся, и "Победа", которая в прошлом году проплыла три мили, в этом году проплыла четыре. Она снова мгновенно замерзла: мужество мужчин покинуло ее, и начала проявляться цинга. Их единственной надеждой на окончательное спасение, казалось, было добраться по суше до того места, где "Фьюри" был потерян при Парри в 1824 году, и забрать ее припасы и лодки. Расстояние составляло сто восемьдесят миль к северу. 29 мая 1832 года они выпили прощальный бокал за Победу и прибили флаг корабля к мачте. После кропотливого месячного путешествия они достигли пляжа Фьюри, где обнаружили, что три

лодки смыло течением, но несколько все еще оставались. Они были готовы к выходу в море 1 августа, когда вся группа погрузилась на борт. Они были вынуждены вернуться в октябре и начали готовиться к своей четвертой полярной зиме. Сезон был очень суровым: в феврале 1833 года произошла первая смерть от цинги. Сам Росс и несколько моряков были поражены болезнью. Только в августе лодки снова смогли двигаться. Они достигли пролива Барроуз 17-го, а утром 26-го заметили парус. Они подавали сигналы, сжигая влажный порох, и им удалось привлечь внимание незнакомца. Это было китобойное судно, которым раньше командовал сам Росс. Таким образом, они были спасены. После месячной задержки судно, теперь до отказа заполненное ворванью, отплыло в Халл, Англия. Там Росс и его офицеры получили публичное представление от мэра и корпорации. Затем первый отправился в Лондон, доложил о себе секретарю Адмиралтейства и добился аудиенции у короля. Его величество принял посвящение его дневника и позволил ему добавить имя Вильгельма Четвертого к Магнитному полюсу. Он узнал, что его давно считали пропавшим без вести и что на его поиски были отправлены отряды.

Все участники этой интересной экспедиции были вознаграждены парламентом. Мистер Бут вскоре после этого был посвящен в рыцари; командер Росс был произведен в капитаны; остальные офицеры получили быстрое повышение по службе; и правительство выплатило экипажу жалованье, накопившееся за период в пятнадцать месяцев, в течение которых они были наняты, — в общей сложности 4580 фунтов стерлингов. Специальный комитет Палаты общин был назначен для рассмотрения исков самого капитана Росса и завершил свою работу рекомендацией о выделении ему парламентом суммы в 5000 фунтов стерлингов.

В 1825 году французский король Карл X. отправил капитана д'Юрвиля в путешествие, аналогичное тем, что совершили Фрейсине и Дюперре. Как мы уже имели случай сказать, этому офицеру посчастливилось вернуться во Францию с неопровержимыми доказательствами уничтожения судов Лаперуза на острове Ваникоро. Он обследовал весь архипелаг Фид-Джи и восстановил на французских картах его исконное название Вити. Результаты трудов д'Юрвиля заключены в двенадцать томов объемом в октаво, шестьдесят три карты, двенадцать планов, восемьсот шестьдесят шесть рисунков, представляющих различные островные государства, их гербы, жилища и т.д., а также четыреста пейзажей и морских видов. Адмирал д'Юрвиль считается первым французским мореплавателем этого столетия.

В 1830 году два богатых лондонских мореходца по фамилии Эндерби отправили капитана Бискоу в Антарктический океан ловить тюленей на бриге "Тула" и катере "Лайвли", дав ему указания искать землю в высоких южных широтах. В феврале 1831 года, находясь тогда на юге до шестьдесят девятой параллели и под 12 ° западной долготы, он увидел отчетливые и явные признаки суши. 27-го числа, на 66 ° широты и 47 ° долготы, он убедился в существовании большой полосы суши, но огромные ледяные острова помешали ему приблизиться к ней. Великолепие австралийского сияния, проявляющегося то в виде величественных архитектурных колонн, то в виде бахромы гобелена, так постоянно обращало внимание моряков к небесам, что они забывали следить за курсом корабля среди гор плавающего и кувыркающегося льда. Капитан Бискоу дал открытию название "Земля Эндерби". Дальше к западу он обнаружил остров, который назвал Аделаидой в честь английской королевы. Он имеет внушительный вид — высокая вершина, скрывающаяся в облаках и часто выглядывающая из-за них. Его основание окружено ослепительным поясом из снега и льда, который простирается, хотя и иссушен и вырыт волнами, примерно на девятьсот футов вглубь моря.

В 1836 году английское правительство назначило капитана Джорджа Бэка, который недавно участвовал в сухопутной экспедиции в арктические регионы Америки в поисках капитана и командера Росса, на прославленный с тех пор корабль "Террор" с целью определения западной береговой линии залива Принс-Риджентс. Это путешествие, хотя и совершенно неудачное, является одним из самых замечательных в истории, демонстрируя силу сопротивления и выносливость корабля, который до тех пор, как считалось, не принадлежал ни "железному", ни "дубовому сердцу". Обратный путь пролегал не дальше Баффиновой бухты, и "Террор" в течение десяти месяцев оставался в тисках своей "колыбели", или "ледяного фургона", как люди называли огромный плавающий айсберг, на котором он покоем. По возвращении он был посвящен в рыцари, а его прочный корабль был выведен из строя и пришвартован. Вызывает сожаление тот факт, что столь великолепный образец морской архитектуры, с точки зрения прочности и солидности, постигла та участь, с которой он столкнулся. Где она, не знает ни один смертный, за исключением, возможно, нескольких недоступных эскимосов; ибо она погибла вместе со своим потерянным супругом "Эребусом" и их незадачливым командиром сэром Джоном Франклином.

В 1838 году, 23 апреля, два океанских парохода - первые, за исключением "Саванны", — вошли в гавань Нью-Йорка. Это были "Сириус" и "Грейт Вестерн". Их ждали, и их прибытие стало сигналом к всеобщему ликованию и темой всеобщих поздравлений. Толпы людей — мужчин, женщин и детей — собрались вдоль причалов, чтобы посмотреть на непривычное зрелище. "Сириус" был судном водоизмещением семьсот тонн и мощностью в триста двадцать лошадиных сил и ранее курсировал между Ливерпулем и Корком. Она покинула последний порт 4 апреля и, следовательно, находилась в пути девятнадцать дней. "Грейт Вестерн" был новым судном: его водоизмещение составляло тысячу триста сорок тонн; его максимальная длина составляла двести тридцать шесть футов; глубина трюма - двадцать три фута; ширина борта - тридцать пять футов; диаметр колес - двадцать восемь футов; длина гребных досок - десять футов; диаметр цилиндра - шесть футов; длина хода - семь футов. Судно имело четыре котла и могло перевозить восемьсот тонн угля, чего было достаточно для потребления в течение двадцати шести дней. Судно вышло из Бристоля 8 апреля и совершило путешествие за пятнадцать дней и пять часов. Ее средняя дневная скорость составляла двести сорок миль, или девять миль в час, при неблагоприятной погоде и сильном встречном ветре. Ожидалось, что он остановится либо на Азорских островах, либо в Галифаксе, но ему удалось пройти прямым путем. Он израсходовал всего сорок пять тонн угля из шестисот. Это событие было воспринято всеми как свидетельство полного триумфа океанского пароходства; и "Грейт Вестерн" рассматривается народами двух стран как корабль-первопроходец среди многих благородных судов, курсировавших по великому атлантическому парому. "Британия" — первое судно компании Cunard line, пересекающее океан, — прибыла в Бостон 18 июля 1840 года, пробыв в пути четырнадцать дней и восемь часов.

В том же году (1838) Исследовательская экспедиция Соединенных Штатов, состоящая из "Винсеннеса", двадцатипушечного военного шлюпа под командованием лейтенанта Чарльза Уилкса, главнокомандующего; "Пикок", восемнадцатипушечного военного шлюпа под командованием Уильяма Л. Хадсона; десятипушечного брига "Дельфин"; исследовательского судна "Рельеф" и шхун "Летучая рыба" и "Чайка", отплыла с Хэмптон—Роудз. Его целями были исследования Южного и Тихого океанов; выяснение, по возможности, положения той части Антарктического континента, которая, как предполагалось, находится к югу от Новой Голландии, и проведение исследований, имеющих важное значение для судов, курсирующих по полинезийским морям. Эскадрилья отсутствовала четыре года и выполнила огромный объем кропотливой работы, интересной

для науки и бесценной для торговли. Мы предлагаем говорить только о том, что впоследствии стало его выдающейся чертой, — о предполагаемом открытии антарктического континента.

15 февраля 1840 года на 106° 40' восточной долготы и 65° 57' Южной широты была замечена земля. На следующий день корабли находились в пределах семи миль от него, и "путем измерений протяженность побережья Антарктического континента, видневшегося в то время в поле зрения, составила семьдесят пять миль". Мужчины высадились на ледяной остров, где нашли камни, валуны, гравий, песок и глину. Каждый желал обладать кусочком антарктического континента; и было унесено много фрагментов красного песчаника и базальта. Считалось, что остров отделился от соседней суши. Последующие путешествия, однако, вызвали большие сомнения в точности этих утверждений. Джеймс Кларк Росс, который в 1839 году был отправлен на "Эребусе" и "Терроре" к Южному полюсу, был проинформирован на Земле Ван Димена о предполагаемом открытии Уилкса. Он достиг этого места в январе 1841 года и вместо антарктического континента обнаружил воду глубиной в пятьсот морских саженей. Следовательно, существование такого континента следует рассматривать как совершенно гипотетическое. "Естественно, — пишет лондонский "Атенеум", — что командир первой научной экспедиции своей страны желает извлечь из этого максимум пользы; но наука настолько величественна по своей природе и настолько строга в своих правилах, что она отказывается фиксировать в своих архивах любое предложение как истину, на которой лежит малейшее сомнение: во всех подобных случаях она предпочитает шотландский вердикт "Не доказано".

Хотя в этот период уже не ожидалось, что открытие Северо—Западного прохода — если таковой существовал — откроет короткий и удобный коммерческий маршрут в Индию и Китай, все же научный и романтический интерес к этому предмету все еще оказывал мощное влияние как на нации, так и на правительства. Великобритания решила предпринять последнюю попытку и, выбрав два корабля, слава о которых теперь распространилась по всему миру, назначила сэра Джона Франклина командовать ими, причем "Эребус" был его флагманским кораблем, а капитан Крозье был его секундантом на "Терроре". Офицеры и команда, в общей сложности, насчитывали сто тридцать восемь отборных и решительных людей. Инструкции, данные Франклину, заключались в том, чтобы следовать с судном-складом, которому было приказано сопровождать его, так далеко вверх по проливу Дэвиса, насколько это судно могло безопасно пройти, чтобы перевезти туда провизию и отправить ее домой. Затем он должен был попасть в Баффинов залив, войти в пролив Ланкастер, пройти проливом Барроу и следовать по следу Парри на запад к острову Мелвилл в Полярном море. Здесь инструкции с уверенностью, которая сейчас кажется невероятной, полностью исключали вопрос о Северо-Западном проходе и предписывали ему пройти оставшиеся девятьсот миль, отделяющих этот пункт от Берингова пролива, — района, который, как надеялись, будет найден свободным от препятствий. Он не должен был останавливаться, чтобы исследовать какой-либо проход на север, а решительно продвигаться к Берингову проливу и возвращаться домой через Сандвичевы острова и Панаму. Он отплыл из Темзы 19 мая 1845 года. Он принял груз торгового судна в проливе Дэвиса, а затем отправил его домой. Два его корабля были замечены китобоем "Принц Уэльский" 26 июля: они находились в самой середине Баффиновой бухты, пришвартованные к айсбергу и ожидавшие выхода в открытую воду.

Прошло два года, и, поскольку о них ничего не было слышно, беспокойство общественности по их поводу стало очень велико. Правительство решило попытаться их спасти и в 1848 году отправило три экспедиции. Две первые — одна по суше в Полярное море под командованием Ричардсона и Рея, другая через Берингов пролив на кораблях "Геральд" и

"Пlover" — полностью провалились, поскольку они были основаны на предположении, что Франклин продвинулся дальше на запад, чем Парри в 1820 году, — предположение совершенно неправдоподобное. Третья операция, состоявшая из "Энтерпрайза" и "Исследователя" под командованием капитана сэра Джеймса Кларка Росса, была столь же безуспешной, хотя и проводилась в квартале, где успех был, по крайней мере, возможен. В Порт-Леопольде, в устье залива Принс-Риджентс, Росс сформировал большой склад провизии — местность была выбрана превосходно, поскольку находилась на пути Парри к Полярному морю и на любой тропе, по которой Франклин, вероятно, пошел бы на обратном пути, на случай, если он уже продвинулся за его пределы. Его люди построили на берегу дом из своих запасных рей и покрыли его таким брезентом, без которого смогли обойтись. Они удлинили паровой катер "Исследователя", чтобы он мог безопасно доставить Франклина и его команду к месту встречи китобоев, и покинули его. Затем они пробрались сквозь льды к проливу Дэвиса и прибыли в Англию в начале ноября 1849 года.

Вероятная судьба Франклина теперь занимала все умы, и Адмиралтейство, парламент, общественность и пресса горячо обсуждали каждую теорию, которая могла бы объяснить его длительное отсутствие, и все средства, с помощью которых ему могла быть направлена помощь. Адмиралтейство предложило награду в сто гиней за точную информацию о нем. Леди Франклин предложила стимул в размере 2000 фунтов стерлингов и второй - в размере 3000 фунтов стерлингов за успешный поиск; и британское правительство попыталось заручиться услугами китобоев, объявив премию в размере 20 000 фунтов стерлингов. Было отправлено судно, чтобы высадить провизию и уголь у входа в пролив Ланкастер. В 1850 году правительство отправило три новые экспедиции, кроме одной по общественной подписке, при содействии Компании Гудзонова залива под руководством сэра Джона Росса, и еще одной под руководством леди Франклин. Они совершали чудеса мореходства, и их экипажи выдерживали самые изматывающие испытания; но у нас нет места, чтобы описать что-либо, кроме обнаружения нескольких отчетливых, но непродуктивных следов пропавших авантюристов, что произошло следующим образом:

Капитан Оммани с кораблей "Ассистанс" и "Бесстрашный" высадился на мысе Райли в проливе Веллингтон в конце августа. Там он заметил следы от саней и дорожку из мелких камней, которая, очевидно, была полом палатки. Вокруг валялось множество птичьих костей и осколков консервных банок. На острове Бичи, в трех милях от него, были найдены пирамида из камней, сложенная из слоев жестянок из-под мяса, наполненных гравием, насыпь дома, остатки плотницкой мастерской и кузницы оружейника, остатки веревок и одежды; пара перчаток, разложенных для просушки, обложенных камнями, чтобы их не унесло ветром. Овальные очертания сада все еще были различимы. Но самым интересным и ценным результатом этих исследований стала находка трех могил с надписями, одна из которых покажет суть всего:

"Посвящается памяти Уильяма Брейна, р.М. из Н.М.С. Erebus, который умер 3 апреля 1846 года в возрасте тридцати двух лет. *Выбери сегодня, кому ты будешь служить.* —Иисус. xxiv. 15."

Эта и одна из других надписей, датированных январем, по-видимому, указывают на то, что на этом месте располагались первые зимние квартиры Франклина на 1845-46 годы. Они также показывают, что за зиму умерло всего три человека, а трое из ста тридцати восьми - это невысокая доля смертности. Семьсот пустых банок из-под мяса, казалось, свидетельствовали о том, что потребление мяса было умеренным, поскольку корабли

стартовали с двадцатью четырьмя тысячами банок. Такова была суть полученных в течение этого года сведений о судьбе странников; и им, как следует заметить, было уже пять лет.

В 1850 году для поисков также была снаряжена экспедиция под совместным руководством Генри Гриннелла, эсквайра, купца из Нью-Йорка, и Военно—морского министерства Соединенных Штатов: первый предоставил корабли и средства, второй - людей и дисциплину. К отправке были подготовлены два брига "гермафродит" — "Аванпост" и "Спасение" — водоизмещением сто сорок четыре и девяносто тонн соответственно, укомплектованные тридцатью восемью матросами и усиленные для несения службы в Арктике сверх всяких прецедентов. Они были переданы под командование лейтенанта Де Хейвена — доктора военно-морского флота Э. К. Кейна, назначенного хирургом и натуралистом в эскадрилью. Они отплыли из Нью-Йорка 23 мая и менее чем через месяц увидели суровое побережье Гренландии в тот момент, когда разница между днем и ночью начала стираться. Датские жители поселения в Ливели подарили им меха настолько, насколько позволял их собственный скудный гардероб. Два моряка, жаловавшиеся на недомогание, были высажены на острове Диско, чтобы оттуда как можно скорее добраться домой.

ДОКТОР КЕЙН.

ДОКТОР КЕЙН ПРОЕЗЖАЕТ Через ПРИТОН ДЬЯВОЛА.

До сих пор погода была благоприятной, и они миновали семьдесят четвертый градус, не встретив льда. 7 июля, все еще находясь в Баффиновом заливе, они столкнулись с паком. Это был летний лед, состоящий из близко расположенных, но отдельных льдин. Они не могли продвигаться по ней более чем на три мили в день, что считали бесполезной тратой труда. Они оставались в осаде двадцать один день, пока стая не разошлась в разных направлениях. Корабли теперь достигли бухты Мелвилл, на восточной стороне Баффиновой бухты, — пролив Ланкастера, через который им предстояло пройти, находился на западе. Залив Мелвилл, из-за того факта, что он всегда переполнен айсбергами и представляет с высоты птичьего полета все вместе взятые ужасы и опасности арктического судоходства, получил название "Залив дьявола". Через эту огромную впадину два судна проделали свой утомительный путь, заняв пять недель в пути. Паровой буксир перебросил бы их через реку за сорок восемь часов. В середине августа суда вошли в пролив Ланкастер, а утром 21-го провели капитальный ремонт "Феликса", участвовавшего в поисках, под командованием ветерана сэра Джона Росса. На следующий день был замечен "Принц Альберт", один из кораблей леди Франклин, и вскоре после этого было получено известие об обнаружении следов Франклина и его людей. Мореплаватели обеих наций посетили остров Бичи и увидели там свидетельства, о которых мы уже упоминали. "Авансьон" и "Спас" теперь тщетно пытались пробиться к проливу Веллингтон. Солнце ушло далеко на юг, и короткое лето быстро подходило к концу. Холод усилился, а внизу еще не разожгли костры. 12 сентября "Спасение" было снесено со швартовов льдами и частично выведено из строя. Пак, в котором они находились, хотя еще и не был окружен, очевидно, дрейфовал неизвестно куда. Командир, убежденный, что все продвижение на запад в течение сезона было тщетным, решил вернуться домой. Суда были повернуты на восток и медленно прокладывали путь сквозь сопротивляющийся лед. Вечером 14 сентября доктор Кейн пытался при показателе термометра значительно ниже нуля записать несколько слов в свой дневник, когда услышал голос Де Хейвена. "Доктор, - сказал он, - нас сковал лед, мы замерзли".

Теперь "Авансу" было суждено пройти курс лечения, аналогичный тому, которому подвергся Террорист под командованием капитана Бэка. В течение восьми смертных месяцев ее носило, укачивая во льду, взад и вперед по каналу Веллингтон, куда бы ни дули ветры и течения. Сначала, до того, как лед вокруг них стал твердым, они подвергались постоянной опасности из-за "укусов" плавучих и осаждающих льдин; но эти огромные плиты вскоре сами по себе стали защитой, принимая и отражая последующие атаки. В начале октября сосуды были закреплены прочнее, чем драгоценный камень в оправе.

Теперь они готовились к зимовке. Две бригады были собраны заранее. Пока можно было разводить печи, в хижине горела сальная лампа, с помощью которой температура была поднята до 12 ° выше нуля. Сконденсировавшаяся влага на балках от стольких вдохов заставляла их постоянно капать, пока не были установлены брезентовые желоба, которые отводили галлон воды в день. Три печи вскоре были готовы, и они вместе с кухонным камбузом распространяли тепло по общему помещению, образованному за счет объединения бака и каюты в одно целое. Освещение обеспечивали четыре лампы из арганда и три лампы из медвежьего жира. Вся палуба "Аванпорта" была покрыта кожухом из толстого войлока. 9 ноября их приготовления были практически завершены.

Солнце перестало всходить после 15 ноября: после этого в девять утра на востоке было так же темно, как и в полночь; в одиннадцать наступили слабые сумерки, а в полдень далеко на юге появилась коричневая полоса. Кладовая могла бы снабдить геолога-любителя замечательным шкафом, настолько сильно изменились на вид съестные припасы и напитки из-за холода. "Сушеные яблоки и персики имели вид халцедона; квашеная крупа была

слюдяной, пластинки которой с трудом отделялись зубилом; масло и сало были вполне сносными мраморными; свинина и говядина были редкими образцами флорентийской мозаики; в то время как бочонок лампового масла, очищенный от стержней, напоминал садовый каток из песчаника".

Вскоре здоровье и настроение членов экипажа начали ухудшаться: их лица стали белыми, как сельдерей, защищенный от света. Им снились странные сны, и они слышали странные звуки. Появилась цинга, и старые раны снова начали кровоточить. Доктор Кейн пытался бороться с болезнью, воздействуя на воображение больных. Он приказал старому дегтю с негнущимся коленом поместить член перед сильным магнитом и позволить ему вибрировать взад-вперед, как маятнику. Таким образом было достигнуто чудесное и полное излечение. Он применял всевозможные любезные уловки к своим пациентам, заставляя их принимать лекарства в салате и полоскать горло пивом. За время плавания не погиб ни один человек.

Время от времени во льду вокруг них появлялись трещины со взрывом, подобным взрыву тяжелой артиллерии. Возникла необходимость подготовиться к оставлению судна, и на случай чрезвычайной ситуации были приготовлены сани, лодки и провизия. Людей обучили покидать корабль массой по команде. Казалось, кризис надвигался на них много раз; но Наступление держалось крепко, и лед вокруг нее постепенно снова становился твердым, как гранит. Доктор Кейн время от времени читал лекции на научные темы, пока возвращение света не принесло с собой возвращение надежды и бодрости духа. 29 января 1851 года солнце поднялось над горизонтом после восьмидесяти шести дней отсутствия. "Никогда, - говорит доктор Кейн, - пока могильный ком или лед не покроют меня, я не смогу снова отказаться от этого благословения из благословений! Я с благодарностью посмотрела на него, чувствуя комок в горле.

Ледяной покров вскрылся только в конце марта. До этого проявились все последовательные симптомы надвигающейся оттепели. Лед начал дымиться, а поверхность стала сначала влажной, а затем мягкой. Вскоре стало слишком тепло, чтобы кататься на коньках, и лампы в каюте, которые горели без перерыва четыре месяца, погасли. Температура ртутного столба поднялась до 32 °; с "Аванпорта" сняли кожухи, и спасатели вернулись на свой покинутый корабль. Пила была пущена в ход в начале мая; но грандиозный прорыв льда, который должен был либо освободить корабли, либо раздавить их, произошел только 5 июня. Было пять часов пополудни, когда послышался первый треск, и было видно, как по следу трещины поднимается вода. Через полчаса лед покрылся трещинами во всех направлениях, некоторые из них превратились в реки шириной в двадцать футов. Подмога была оказана сразу же: защитное покрытие Аванпоста продержалось еще три дня, наконец разошедшись под тяжестью одного-единственного человека. Освобожденные корабли вскоре достигли побережья Гренландии, в Годхавне, где они провели пять дней в отдыхе, праздновании Четвертого июля и соединении грот-мачты, причем последнее было дружеской, а не механической операцией. Корабли благополучно прибыли на Бруклинскую военно-морскую верфь 1 октября 1851 года. Суда были возвращены мистеру Гриннеллу с условием, что министр военно-морского флота может потребовать их, в случае необходимости, для дальнейшего поиска весной.

ПЕЧАТЬ.

ГЛАВА LI.

ЭКСПЕДИЦИЯ КЕННЕДИ—СЭР ЭДВАРД БЕЛЧЕР—МакКлюр—ОТКРЫТИЕ СЕВЕРО—
ЗАПАДНОГО ПРОХОДА—СОЕДИНЕНИЕ МакКлюра И КЕЛЛЕТА—ЭПИЗОД
"РЕШИТЕЛЬНОГО"—ЭКСПЕДИЦИЯ КОММОДОРА ПЕРРИ—РЕШАЮЩИЕ СЛЕДЫ СУДЬБЫ
СЭРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА-ЛЕВИАФАН.

Воодушевленная обнаружением следов своего мужа, леди Франклин распорядилась, чтобы "Принц Альберт", вернувшись с разведданными, был немедленно переоборудован для очередного арктического рейса. Экспедиция, хотя и проведенная с непревзойденным мастерством Уильямом Кеннеди, ныне служащим Компании Гудзонова залива, и лейтенантом Белло из французского военно-морского флота, его вторая, совершенно не увенчалась успехом. Он вернулся в октябре 1853 года. Тем временем другая, более впечатляющая экспедиция — под руководством сэра Эдварда Белчера — отправилась в Полярные регионы. Эскадра состояла из пяти судов — "Ассистанс" с пароходом "Пионер", "Решительный" с пароходом "Бесстрашный" и складского судна "Полярная звезда". Они отплыли 28 апреля 1852 года и прибыли в свою штаб-квартиру на острове Бичи — месте зимовки Франклина в 1846 году — 10 августа. "Полярная звезда" осталась здесь со своими припасами, в то время как два корабля со своими соответствующими буксирами отправились в разные исследовательские рейсы — сэр Эдвард Белчер на "Ассистансе" преодолел пролив Веллингтон, а капитан Келлетт на "Решительном" направился к острову Мелвилл. Последнему было поручено в этот момент запросить разведданные о капитанах МакКлюре и Коллинсоне, которые были отправлены в Берингов пролив в 1850 году, чтобы оттуда пробиться на восток, и о которых с тех пор ничего не было слышно. Поскольку интерес экспедиции сэра Эдварда Белчера полностью сосредоточен на соединении,

осуществленном Келлеттом и Макклюром, мы возвращаемся к приключениям последнего исследователя, ныне известного как первооткрыватель Северо-Западного прохода.

Коллинсон и Макклюр отплыли на "Энтерпрайзе" и исследовали Берингов пролив через мыс Горн 20 января 1850 года. Они прибыли в пролив в июле. "Энтерпрайз", потерпев неудачу в попытках пробиться сквозь льды, развернулся и перезимовал в Гонконге. Макклюр в "Исследователе" храбро прошел через пролив и в течение августа продвинулся на юго-восток, в сердце Полярного моря, вдоль побережья, которое еще никогда не посещал ни один корабль, и 21 августа прибыл в устье реки Маккензи, открытой Маккензи в его сухопутной экспедиции 1789 года для определения северной береговой линии Америки. Теперь он миновал регион, который в прежние годы посещали и обследовали Франклин, Бэк, Рей и другие в ходе сухопутных исследований, и 6 сентября прибыл в точку, значительно расположенную к востоку от любой земли, отмеченной на картах. Теперь он начал называть острова, мысы и углубления. 9-го числа было обнаружено, что корабль находится всего в шестидесяти милях к западу от того места, к которому Парри, плывя на запад, привел свой корабль в 1820 году. Если бы он мог проплыть эти шестьдесят миль, его имя было бы бессмертным. "Я не могу, - пишет он, - описать свои тревожные чувства. Возможно ли, что эта вода соединяется с проливом Барроу и окажется долгожданным Северо-Западным проходом? Неужели такому скромному созданию, как я, будет позволено совершить то, что ставило в тупик талантливых и мудрых на протяжении сотен лет?" 17-го "Исследователь" достиг долготы 117° 10' западной, в тридцати милях от вод, в которых Пэрри зимовал с "Геклой" и "Грипером" в гавани острова Мелвилл. Увы! судно не продвинулось дальше на восток: лед ощутимо дрейфовал на запад, и было предначертано, что эти тридцать миль останутся такими же непроходимыми для судов, как Суэцкий перешеек, какими они оставались веками.

Исследователь провела зиму, накренившись на четыре градуса влево и приподняв ногу над водой "рывком", в этом положении она спокойно пролежала несколько месяцев. В конце октября санный отряд из шести человек во главе с Макклюром начал пешком преодолевать расстояние, которое было запрещено пересекать их кораблю. 25-го числа они увидели лед в полярном океане. На следующее утро, еще до рассвета, они поднялись на холм высотой в шестьсот футов, убежденные, что рассвет откроет им предыдущие исследования сэра Эдварда и сделает их первооткрывателями Северо-Западного прохода, соединив их путешествие с запада с его путешествием с востока. Наступление дня показало, что их ожидания оправдались: на севере был виден пролив Мелвилла, и между ним и ними, хотя льда было много, не было никакой промежуточной суши. Они обнаружили Проход, то есть ледяной проход, который, конечно, включал в себя проход по воде, когда состояние атмосферы позволяло это. Хотя они горько сожалели, что не смогли провести свой корабль, им оставалось только отправить одного из своей группы домой хорошо известным маршрутом через пролив Барроу и таким образом доказать существование прохода возвращением того, кто его совершил. Они воздвигли пирамиду из камней и оставили запись о своем визите, а затем отправились домой, к кораблю. Макклюр отделился от своих спутников и чуть не погиб в снегопаде. Однако он прибыл в целостности и сохранности, и великое открытие было должным образом отпраздновано, а основная скоба должным образом сращена. Теперь время от времени отправлялись многочисленные поисковые группы, а в середине июля лед тронулся, и Следователь был освобожден. Судно отнесло еще на пять миль к востоку, сократив таким образом расстояние между ними до двадцати пяти миль. Здесь оно снова прочно и неразрывно вмерзло в лед. Проходила еще одна и еще одна зима, и только весной 1853 года к ним пришло облегчение. Чтобы составить последовательный рассказ, мы должны вернуться к той части эскадры сэра Эдварда Белчера, которая под

командованием капитана Келлетта была отправлена на остров Мелвилл и прибыла туда в конце 1852 года. В этот период Келлетт из "Решительного" и Макклюр из "Исследователя" находились примерно в ста семидесяти милях друг от друга.

Санний отряд, отправленный Келлеттом, с величайшим восторгом обнаружил в октябре 1852 года пирамиду из камней, в которую Макклюр поместил апрелем ранее карту своих открытий. Они были вынуждены переждать всю зиму, и только 10 марта Келлетт отважился послать отряд на поиски Исследователя. Сообщение было отправлено 6 апреля 1853 года. МакКлюр так описывает это:

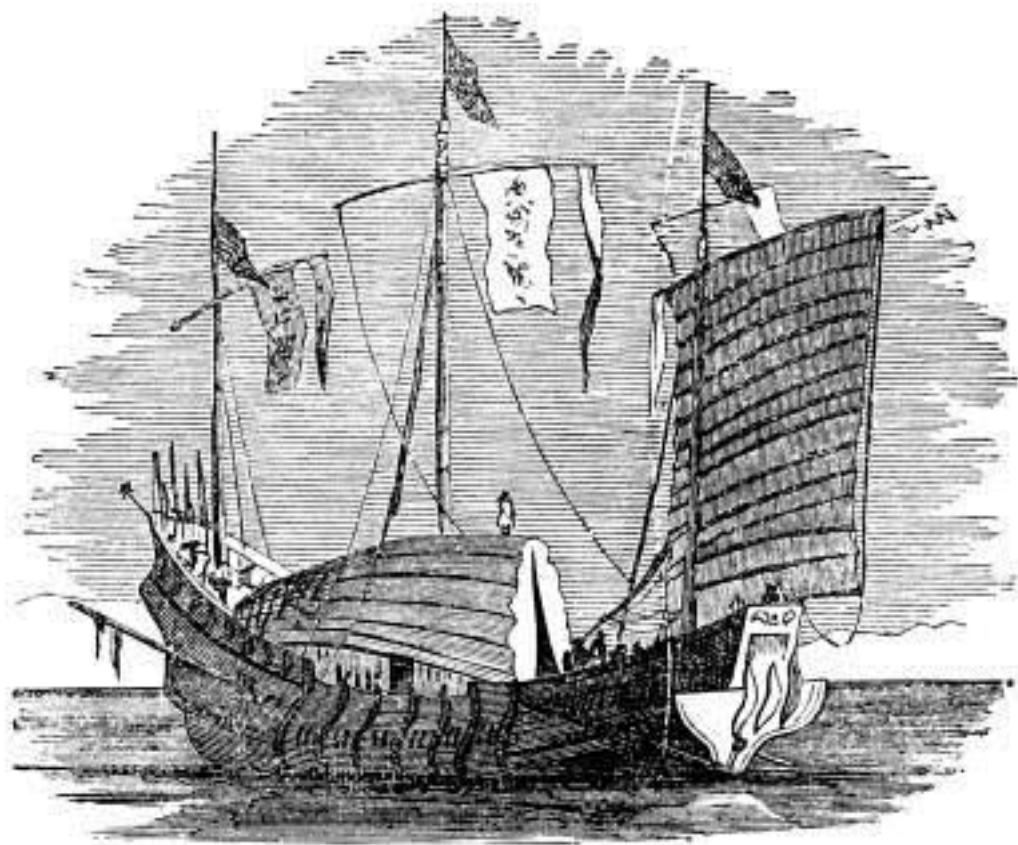
"Прогуливаясь рядом с кораблем и разговаривая со старшим лейтенантом, мы заметили фигуру, быстро приближающуюся к нам по неровному льду у входа в бухту. Он определенно не был похож ни на кого из наших людей; но, вспомнив, что, возможно, кто-то примеряет новое дорожное платье, готовясь к отправке наших саней, и убедившись, что поблизости больше никого нет, мы продолжали продвигаться вперед. Незнакомец тихо подошел: если бы небеса обрушились на нас, мы вряд ли были бы более удивлены, чем когда он крикнул: "Я лейтенант Пим, раньше служил в "Геральде", теперь в "Резолюте". Капитан Келлетт находится на ней, на острове Дили.

Первым побуждением было броситься к нему и схватить за руку, потому что сердце было слишком переполнено, чтобы язык мог говорить. Новость разлетелась с быстротой молнии: на корабле царила суматоха; больные, забыв о своих недугах, повскакивали со своих коек; механики побросали свои инструменты, и нижняя палуба очистилась от людей; ибо все они бросились к люку, чтобы убедиться, что незнакомец действительно был среди них и что его рассказ был правдой. Уныние покинуло корабль, и лейтенант Пим получил радушный прием — чистый, сердечный и благодарный, — который он, несомненно, будет помнить и лелеять до конца своих дней".

Теперь было решено оставить Следовательницу, неподвижно застывшую во льду. 3 июня на нем был поднят флаг, и он остался один в заливе Мерси. Офицеры и команда прибыли на борт "Решительного" 17-го. Макклюр отправил лейтенанта Гурни Крессуэлла с депешами для Адмиралтейства на санях на остров Бичи, где тот нашел правительственное судно и сразу же отплыл в Англию. Хотя он и не прошел Северо-Западным проходом, он, по крайней мере, пересек американский континент за Полярным кругом; и этого еще не делал ни один смертный.

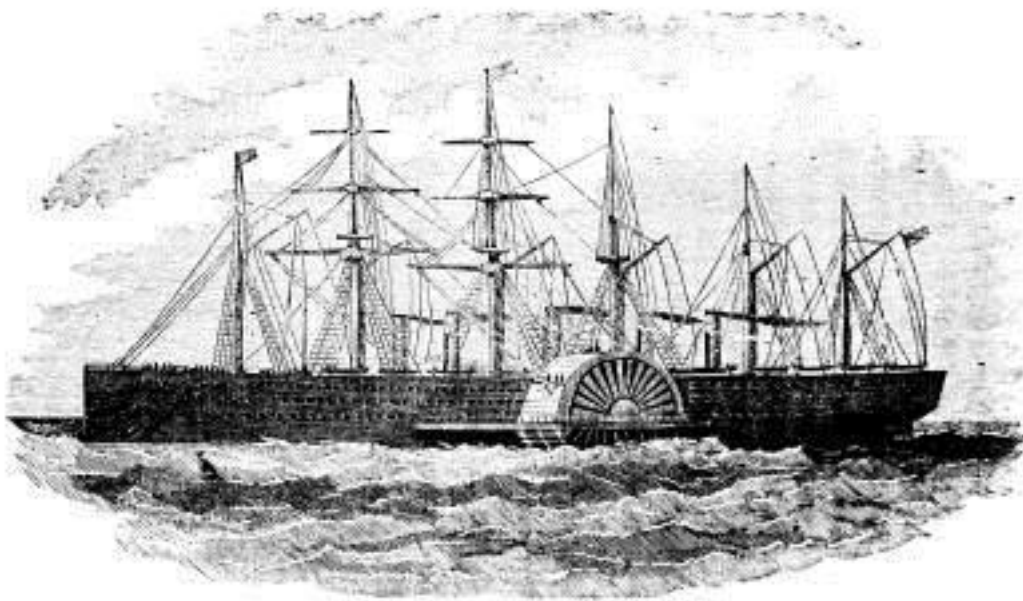
Келлетт и Макклюр много месяцев оставались на "Решительном" и "Бесстрашном", затерянных во льдах. В апреле 1854 года они получили инструкции от Белчера покинуть свои корабли. Последние были приведены в состояние, пригодное для занятия любой арктической поисковой партией, — топки парохода были оставлены наготове для растопки. Сэр Эдвард Белчер также был вынужден покинуть свои суда "Ассистанс" и "Пионер": четыре команды встретились на острове Бичи и поднялись на борт своего складского судна "Полярная звезда", которое простояло два года. Они прибыли в Англию в конце сентября. Читатель сразу узнает в "Решительном" корабль, найденный в Баффиновом заливе в 1855 году капитаном Баддингтоном китобойного судна "Джордж Генри" из Нью-Лондона. Она пробилась без помощи человека через тысячу двести миль арктических льдов. События, связанные с ее прибытием в Нью-Лондон, с отказом американским морякам от всех прав на нее со стороны британского правительства, с ее покупкой Конгрессом Соединенных Штатов у ее новых владельцев, с ее переоборудованием на Бруклинской военно-морской верфи и с

ее возвращением в состав английского военно-морского флота капитаном США Хартстином, все еще свежи в памяти всех.

ЯПОНСКОЕ СУДНО.

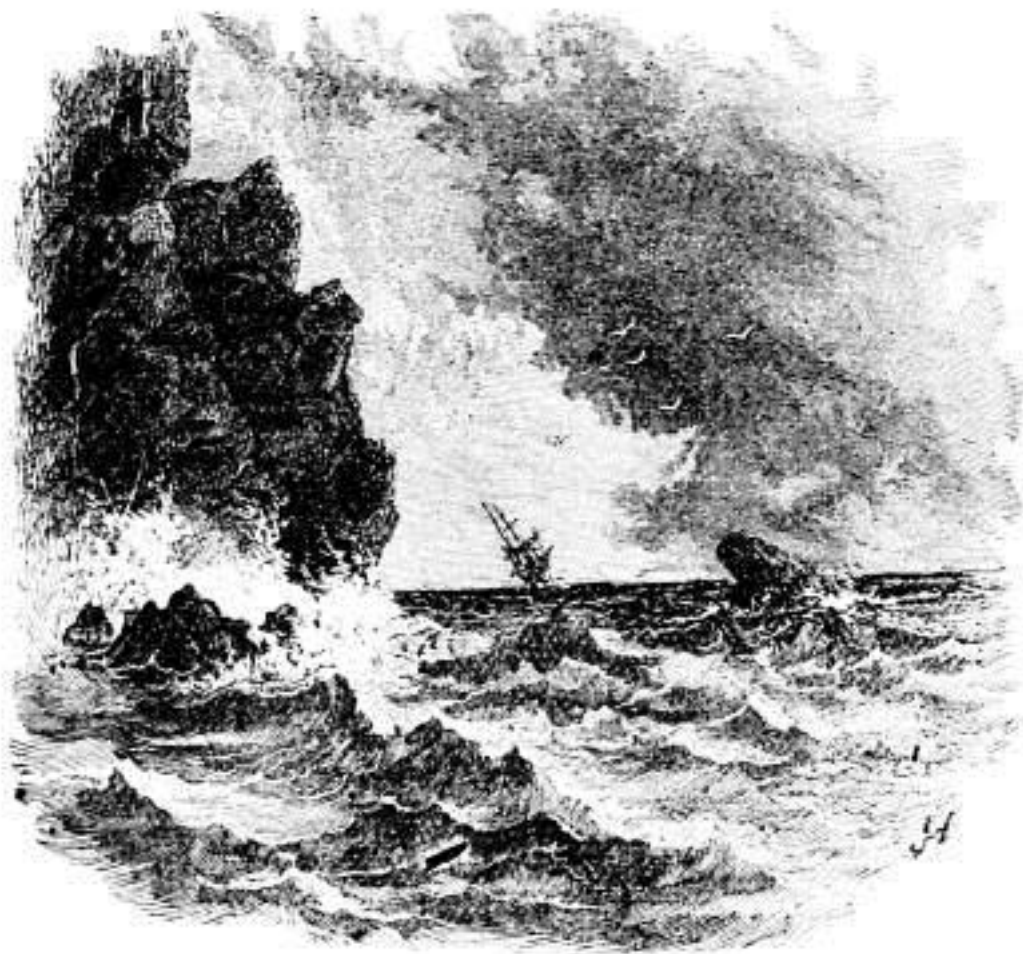
В 1853 году экспедиция, посланная Соединенными Штатами под командованием commodore Перри, отправилась в воды, никогда ранее не бороздившиеся судами христианской нации. 8 июля сквозь туман проступило обрывистое южное побережье Нифона — самого большого острова японской группы. Американские пароходы вошли в бухту Джеддо, имеющую восемь миль в ширину в устье, но расширяющуюся за его пределами на двенадцать миль. Теперь они были привязаны к суше, и берега почти сказочной империи окружали их со всех сторон. Несмотря на категорическое запрещение становиться на якорь, хотя и окруженный мириадами лодок, полных людей, жаждущих конфликта, хотя и под угрозой фортов, которые казались грозными, пока не рассматривались через стекло, флот держался, и, наконец, благодаря настойчивости и нескольким благотворным проявлениям силы commodore, имея в своем распоряжении национальные пароходы "Саскуэханна", "Миссисипи" и "Поухатан", фрегат "Саратога" и корабли "Македониан", "Вандалия", "Лексингтон" и "Саутгемптон", добился от угрюмых монополистов заключения договора, открывающего американскую торговлю. порт Симода в Нифоне и порт Хакодади в Джессо. Теперь американцам остается разумным и благородным обращением побудить японцев испытать и признать преимущества торговли и сношений с нациями христианского мира.

ЛЕВИАФАН.

Вернемся еще раз к арктическим исследованиям. Вскоре после возвращения Белчера и Макклюра в Англию в Англии были получены решающие сведения о Франклине и его группе. Доктор Рей, который в течение прошлого года занимался поисками по суше, встретил группу эскимосов, у которых было множество предметов, принадлежавших Франклину и его людям. Они заявили, что весной 1850 года видели близ Земли короля Вильгельма сорок белых мужчин, тащивших по льду лодку и сани. Они были худы и испытывали нехватку провизии: их офицером был высокий, полный мужчина средних лет. Несколько месяцев спустя туземцы нашли трупы тридцати человек на материке и пяти трупов на соседнем острове. Они описали тела как изуродованные, из чего доктор Рей сделал вывод, что группа была доведена до ужасного каннибализма. Присутствие костей и перьев гусей, однако, показало, что некоторые из них сохранились до прибытия дикой птицы, примерно в конце мая. Доктор Рей приобрел у туземцев такие предметы, которые лучше всего помогли бы идентифицировать их поздних владельцев. Все это давало решающие показания; но особенно убедительным доказательством была круглая серебряная пластинка со следующей надписью: "Сэр Джон Франклин, К.К.Б.". Слабый намек, полученный таким образом о его судьбе, был последним, который был получен на данный момент; и он, несомненно, будет единственным, пока арктические моря не отдадут своих мертвецов. Экспедиция доктора Кейна, однако, уже отплыла из Нью-Йорка.

Именно в то время, когда происходили эти события, в Милуолле на Темзе был заложен киль гигантского парохода, известного сначала как "Грейт Истерн", а впоследствии как "Левиафан". Мы отсылаем читателя к гравюре на противоположной странице, чтобы увидеть эту "деревню, брошенную на произвол судьбы".

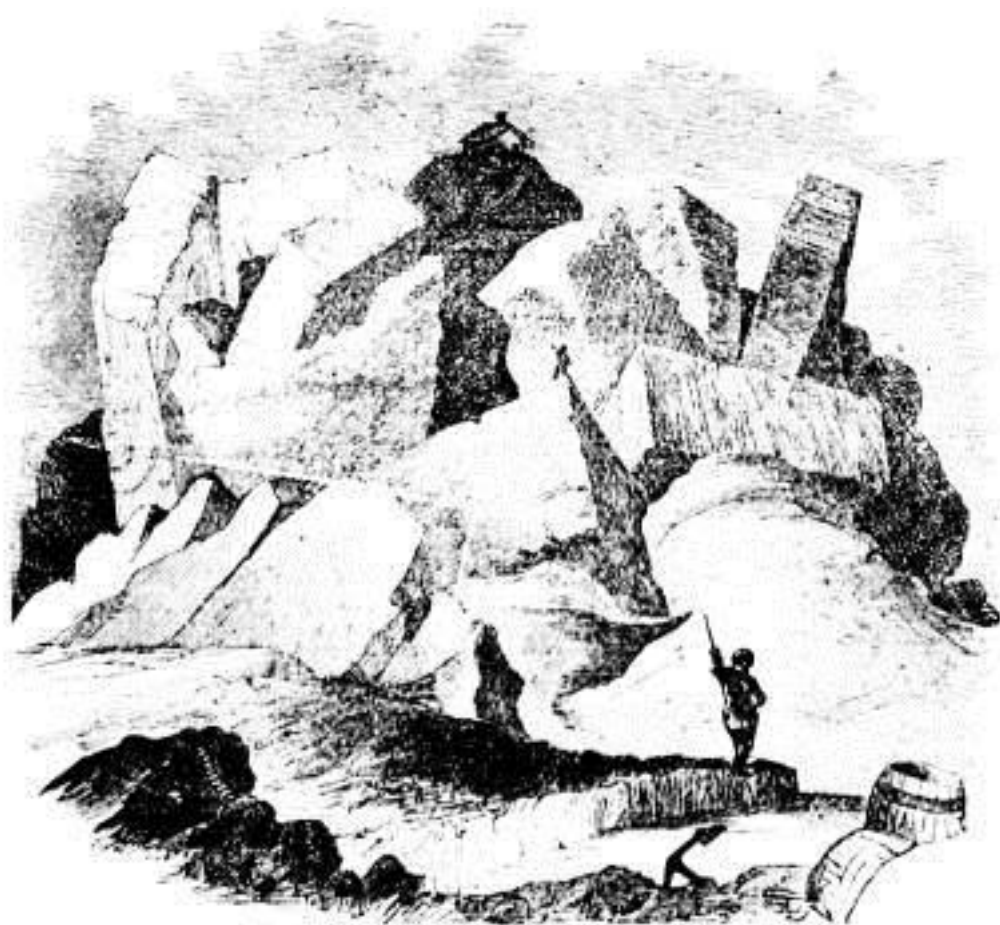
МЫС АЛЕКСАНДР: АРКТИЧЕСКИЙ ГИБРАЛТАР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГРИННЕЛЛА—ПРОДВИЖЕНИЕ К ЗИМНИМ КВАРТИРАМ—ПОЛНАЯ ТЕМНОТА—КАТАНИЕ НА САНЯХ-ВЕЧЕРИНКИ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ—ПЕРВАЯ СМЕРТЬ—ПАМЯТНИК ТЕННИСОНУ—ЛЕДНИК ГУМБОЛЬДТА—ОТКРЫТОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ—ВТОРАЯ ЗИМА—ОСТАВЛЕНИЕ БРИГА—СНОВА ВОДА—УПЕРНАВИК—СПАСЕНИЕ КАПИТАНОМ ХАРТСТЕНОМ—СМЕРТЬ И УСЛУГИ ДОКТОРА КЕЙНА—ПОПЫТКА ПРОЛОЖИТЬ АТЛАНТИЧЕСКИЙ КАБЕЛЬ—ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В декабре 1852 года правительство Соединенных Штатов направило доктору Кейну приказ "провести экспедицию в Арктические моря на поиски сэра Джона Франклина". Бриг Advance снова был предоставлен в его распоряжение мистером Гриннеллом и укомплектован восемнадцатью отборными матросами. План доктора Кейна состоял в том, чтобы войти в пролив Смита в верхней части Баффинового залива, в который единственный из исследователей Арктики капитан Инглфилд проник в августе 1852 года на "Изабелле", чтобы достичь, если возможно, предполагаемого открытого северного моря, где он надеялся найти следы пропавших мореплавателей. Он отплыл из Нью-Йорка 30 мая 1853 года и 1 июля зашел в Фискернаес, в Гренландии, где воспользовался услугами Ханса Кристиана, девятнадцатилетнего эскимоса по происхождению. Сквозь льды и туман судно прокладывало себе путь и 7 августа обогнуло мыс Александр, мыс напротив другого, названного мысом Изабелла, — эти два мыса в проливе Смита, названные доктором Кейном арктическими Геркулесовыми столпами.

На следующий день судно снова затерлось льдами и было вынуждено войти в бухту, не имеющую выхода к морю. Были предприняты все попытки протолкнуть его сквозь льдины, но безуспешно, и, после того как бриг подвергся самому ужасному обращению со стороны ветра, волн и льда вместе взятых, 22 августа он был переведен на зимовку в заливе Ренсселер, а 10 сентября вмерз в лед. Там она лежит и по сей час - "для нее это действительно долгое пристанище", - пишет Кейн, - "ибо вокруг нее все тот же лед". Это было на $78^{\circ} 37'$ северной широты - самом северном зимовье, когда-либо занимаемом христианами, за исключением Шпицбергена, который обладает преимуществом островного климата. Была построена обсерватория, ежедневно велся тепловой регистр и регистрировались магнитные наблюдения. Были отправлены партии для создания провизионных складов на севере, чтобы облегчить исследования весной. Были сделаны три склада, или "схрона", самый дальний из которых находился на $79^{\circ} 12'$ северной широты: в нем они хранили шестьсот семьдесят фунтов пеммикана и сорок сухарей. Эти операции были приостановлены из-за темноты в ноябре, и экипаж приготовился провести сто сорок дней без солнечного света. Первый номер арктической газеты "The Ice-Blink" вышел 21-го. Столбик термометра упал до 67° ниже нуля. Хлороформ застыл, и хлорный эфир затвердел. При вдохе воздух приобретал ощутимую остроту: все вдыхали его осторожно, со сжатыми губами. 22 декабря принесло с собой полночь года: пальцы невозможно было пересчитать на расстоянии фута от глаз. Не осталось ничего, что указывало бы на то, что в арктическом мире есть солнце. Люди в течение этой своей первой зимы чудесно сохраняли бодрость духа, но большинство собак умерло от болезней мозга, вызванных угнетающим влиянием темноты.

"ХАОС".

Первые следы возвращающегося света были замечены 21 января, когда южный горизонт приобрел отчетливый оранжевый оттенок. Ближе к концу февраля солнце посеребрило высокие айсберги между мысами залива: его лучи достигли палубы 28-го числа, и с наступлением марта вернулся вечный день. Лица мужчин были сильно испещрены цинговыми пятнами, и почти все они были неспособны к активной работе. Но из сорока четырех собак осталось шесть. "Ни один язык не может описать, - говорит Кейн, - хаос у подножия скалы, на которой был построен склад. Осколки льда были разбросаны во всевозможных беспорядках, поднимаясь в фантастическом равновесии, вздымаясь длинными наклонными плоскостями, ныряя в темные долины и громоздясь в искривленные холмы". 19-го был отправлен санный отряд для пополнения запасов провизии; 31-го трое из его членов вернулись, опухшие, изможденные и почти немые. Доктор Кейн сразу же отправился спасать девять человек и после непрерывного марша, длившегося двадцать один час, увидел маленький американский флаг, развевающийся на кочке. Их встретили бурными приветствиями. Возвращение с санями, нагруженными грузом в тысячу сто фунтов, было осуществлено ценой огромных усилий энергии и выносливости.

Находясь еще в девяти милях от своей палатки на полпути, они почувствовали странное летаргическое ощущение сильного холода — симптомы, которые Кейн сравнивает с рассеянным параличом вследствие электрогальванического удара. Бонсолл и Мортон попросили разрешения лечь спать, в то же время отрицая, что им холодно. Ганс лег под сугроб и через несколько мгновений окоченел. Потребовался немедленный привал. Палатка была разбита, но ни у кого не было сил развести огонь. Они не могли ни есть, ни пить. Виски застыло у ног мужчин. Кейн приказал им отдохнуть четыре часа, а затем следовать за ним в палатку на полпути, где он приготовил костер и немного размороженного пеммикана. Затем он продолжил разговор с Уильямом Годфри. Они оба были в состоянии ступора и не давали себе уснуть, продолжая произносить бессвязные слова. Кейн описывает эти часы как самые ужасные, через которые он когда-либо проходил. Добравшись до палатки, они обнаружили, что медведь перевернул ее, выбросив пеммикан в снег. Они забрались в свои оленьи спальные мешки и проспали три часа сонным, но напряженным сном. Проснувшись, они растопили воду из снега и сварили немного супа; а по прибытии остальных членов отряда все они подкрепились и направились к гауптвахте. Вскоре силы снова покинули их, и они начали терять самоконтроль. Кейн попробовал провести эксперимент с трехминутным сном и, обнаружив, что это освежило его, рассчитал время по очереди с мужчинами. Дозы бренди и, наконец, вид брига вдалеке оживили и приободрили их. Последнюю милю они преодолели инстинктивно, поскольку впоследствии никто из мужчин этого не помнил: они, пошатываясь, добрались до каюты в бреду и бормоча что-то в агонии.

УПРЯЖКА ДИКИХ СОБАК.

ОТКРЫТОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ КЕЙНА.

Теперь смерть вошла в лагерь посвященных: Джефферсон Бейкер умер от паралича челюсти 7 апреля. Встреча с отрядом эскимосов теперь позволила Кейну усилить свою собачью упряжку и побудила его отправиться в конце апреля в свою большую санную поездку на север. Однако это не удалось полностью. 5 мая Кейн впал в бред и терял сознание каждый раз, когда его переносили из палатки в сани. Его препроводили обратно на гауптвахту, и с 14-го по 20-е число он находился между жизнью и смертью. Однако, какой бы короткой ни была экспедиция, было сделано несколько замечательных открытий. "Памятник Теннисону" — так называлась одинокая колонна из зеленого камня высотой в четыреста восемьдесят футов, возвышающаяся над пьедесталом высотой в двести восемьдесят футов, — оба с такой четкой отделкой, словно были отлиты для Вандомской площади. Но самым замечательным был Великий ледник Гумбольдта — ледяной океан безграничных размеров, в котором вода была полностью заменена льдом. "Представьте себе, — пишет Кейн, — центр континента Гренландия, почти на всем его протяжении занятого глубоким непрерывным ледяным морем, которое постоянно увеличивается за счет воды, пролитой с огромных заснеженных гор, и всех атмосферных осадков на его собственной поверхности. Представьте себе, что она движется вперед подобно великой ледниковой реке, ищет выходы в каждом фьорде и долине, катит ледяные водопады в Атлантическое и Гренландское моря и, достигнув наконец северной границы земли, породившей ее, изливается могучим замерзшим потоком в неизвестные арктические пространства.... Это была пластичная, движущаяся, полутвердая масса, уничтожающая жизнь, поглощающая скалы и острова и с неудержимой быстротой прокладывающая себе путь сквозь кору бурлящего моря".

Время от времени отправлялись другие санные отряды. Один из шести человек покинул бриг 3 июня, держа курс на север и достигнув ледника Гумбольдт 15-го. 27-го четверо вернулись на корабль, один из них полностью ослеп. Ханс Кристиан и Уильям Мортон продолжали путь и, наконец, на 81° 22' северной широты увидели открытую воду — открытое полярное море. Мысу, у которого заканчивалась суша, Мортон дал название мыс Конституции. Высокий пик на противоположной стороне ла-Манша, но немного дальше к северу, и самая отдаленная северная земля, известная на нашем земном шаре, была названа горой Эдварда Парри в честь великого пионера арктических путешествий.

Теперь исследователям предстояла вторая зима. "Ужасно, — говорит Кейн, — ожидать еще одного года болезней и темноты, без свежей пищи и топлива". Тем не менее, были сделаны приготовления к ужасному исходу. Стебли ивы и щавеля собирали в качестве противочинготных средств. Куски торфа, намерзшие до твердости, выкапывали ломами, и ими обшивали борта корабля. В первые месяцы поддерживалась связь с ближайшей эскимосской станцией, расположенной в семидесяти пяти милях отсюда, и таким образом время от времени добывались скудные запасы лисьего, моржового, тюленьего и медвежьего мяса. Однако в течение нескольких месяцев полной темноты они потерпели неудачу. В начале февраля Кейн записал в своем дневнике: "Мы вступаем в противоречие с разгневанными силами, окружающими нас, и в радиусе полутора тысяч миль нет ни одного агента или влиятельного лица, симпатии которого были бы на нашей стороне". 4 марта подали последний кусок свежего мяса, и вся команда погибла бы от голода, если бы не успешный исход безнадежной экскурсии на станцию Эта Эскимос, предпринятой Гансом и двумя собаками. Доктор Кейн ел крыс и таким образом избежал цинги. Койки обогревались

масляными лампами, по эскимосскому обычаю: вследствие этого кровати и лица мужчин стали черными и жирными от сажи. Страдания, выпавшие на долю отряда, были, пожалуй, самыми ужасными, которым когда-либо подвергались арктические авантюристы.

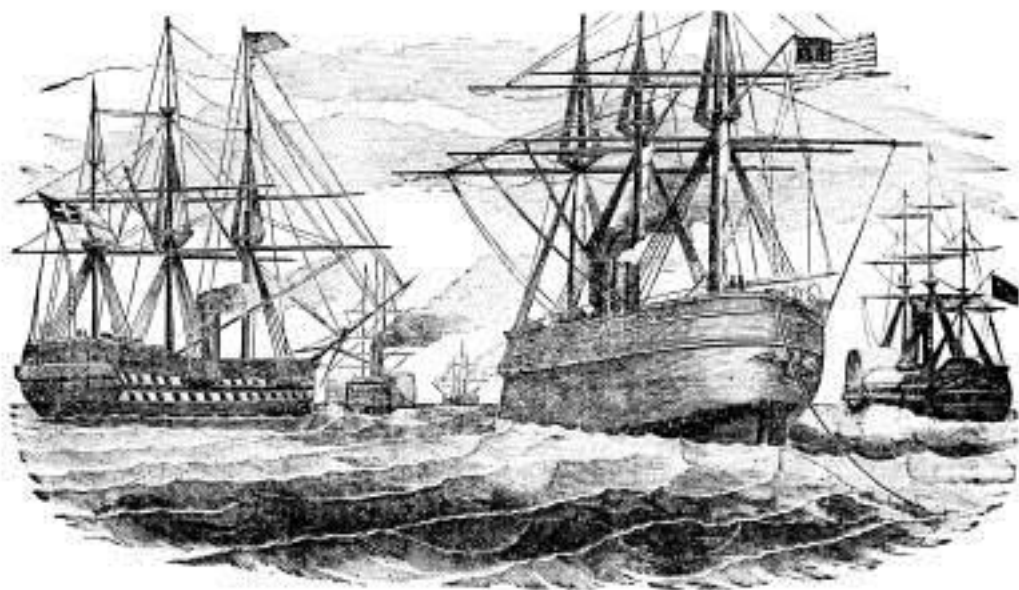
Решение покинуть бриг было принято до наступления зимы, и тяготы ночных часов были в некоторой степени смягчены ходом приготовлений к этому событию — изготовлением одежды, парусиновых мокасин, сапог из тюленьей шкуры и вырезанием водонепроницаемых башмаков из гуттаперчевой переговорной трубки. Мешки для провизии делались из парусины, непроницаемой из-за слоя смолы. В них прессовали хлеб, растирая его в порошок стержнем-шпилекой. Свиной жир и сало растопили и перелили в другие пакеты для замораживания. Три лодки — ни одна из них не годилась для плавания — были укреплены, размещены и установлены на санях, снабженных ремнями для перетаскивания через плечо: одну из них они рассчитывали сжечь в качестве топлива, достигнув воды. Порох и дробь, от которых зависели их жизни, были разложены по канистрам: Кейн взял капсули в свое личное владение, как более ценные, чем золото. Отъезд был назначен на 17 мая.

Прощание с бригом прошло с подобающей торжественностью. День был воскресный, были прочитаны молитвы и глава из Библии. Затем Кейн изложил в обращении обстоятельства, из-за которых корабль был покинут, и опасности, которые все еще поджидали их. Однако он верил, что тысячу триста миль льда и воды, лежащие между ними и Северной Гренландией, можно преодолеть безопасно для большинства и с надеждой для всех. Краткий памятный знак с указанием причин, побудивших покинуть судно, был прикреплен к стойке рядом с трапом, чтобы служить им оправданием на случай, если они потеряются и бриг когда-нибудь посетят. Флаги были подняты и снова спущены, и люди поползли по льду к лодкам, никто не думал о насмешливых приветствиях.

ИЩУ ГАГАЧИЙ ПУХ.

У нас нет места подробно описывать опасности, приключения и чудом избежавшие голодной смерти члены этой отважной группы в их романтически опасном побеге на юг. 16 июня лодки и сани вышли на открытую воду. "Мы видим горизонт цвета глубокого индиго, - пишет Кейн, - и слышим его рев о ледяной берег. Его аромат в наших ноздрях и сердцах". Лодки, расколотые морозом и деформированные солнечным светом, пришлось прокалывать и раздувать, прежде чем они были пригодны к использованию. Посадка была произведена 19-го: "Ред Эрик", самая маленькая из трех лодок, затонула в первый же день. Свою первую ночь они провели в заливчике во льду. Иногда они плыли по водным протокам много часов подряд; затем следовали дни утомительного следования по чередующимся льду и воде. Во время сильного шторма они втащили лодки на узкую ледяную отмель и оказались в пещере, которую мириады гаг сделали своим гнездовьем. Они оставались три дня в этом хрустальном убежище и собрали три тысячи яиц. 11 июня они обогнули мыс Дадли Диггес и провели неделю на привале в Провиденсе, наслаждаясь блюдом, состоящим из птиц, более сладких и сочных, чем брезентовые спинки, и салатом из сырых яиц и улитки. Побережье теперь простиралось на восток; широкое пространство залива Мелвилл лежало между ними и Упернавиком, этим датским форпостом цивилизации. В какой-то момент отряд испытывал настоящую голодную агонию, когда удачный выстрел в спящего тюленя спас их от страшной участи. Вскоре они увидели каяк — туземную лодку, — в которой некто Пол Захариас искал гагачий пух среди островов. Вскоре после этого сквозь туман показалась одинокая мачта небольшого нефтеналивного судна "Упернавик". Они приземлились на следующий день в окружении толпы детей и в тот вечер пили кофе у гостеприимного датского камина.

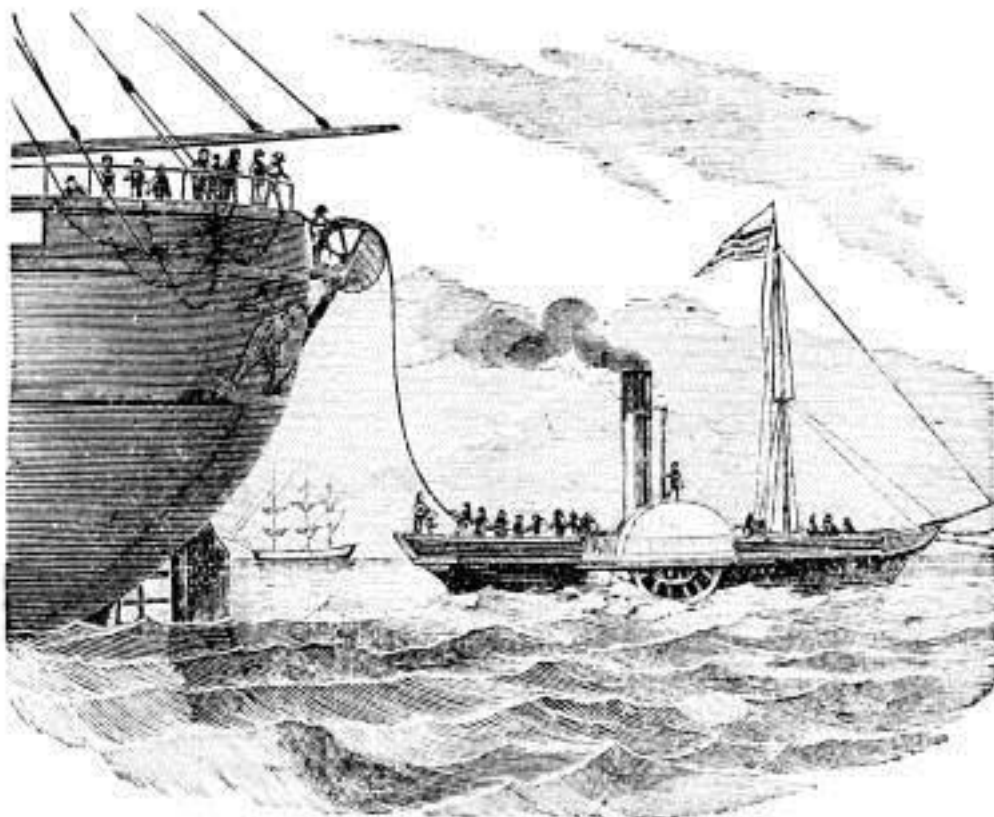
ТЕЛЕГРАФНЫЙ ФЛОТ.

Датское судно — Мариана — должно было вернуться в Данию 4 сентября, и в этот день Кейн и его спутники поднялись на борт, капитан пообещал высадить их на Шетландских островах. 11-го они прибыли в Годхавн, и там, в самый момент их окончательного отплытия, неподалеку была замечена сменная эскадрилья капитана Хартстена. Со спасением авантюристов закрывается наш послужной список арктических опасностей и открытий.

Доктор Кейн пал жертвой своего рвения на трудных путях науки. Он умер 16 февраля 1857 года в Гаване, где пытался восстановить силы своего ослабленного организма под тропическим солнцем. Вся страна искренне оплакивала его потерю. Ни один командир не был лучше приспособлен природой для выполнения возложенной на него задачи; и ни один историк никогда не описывал результаты своих собственных трудов более захватывающим языком или в стиле, более повелительном и живописном.[А]

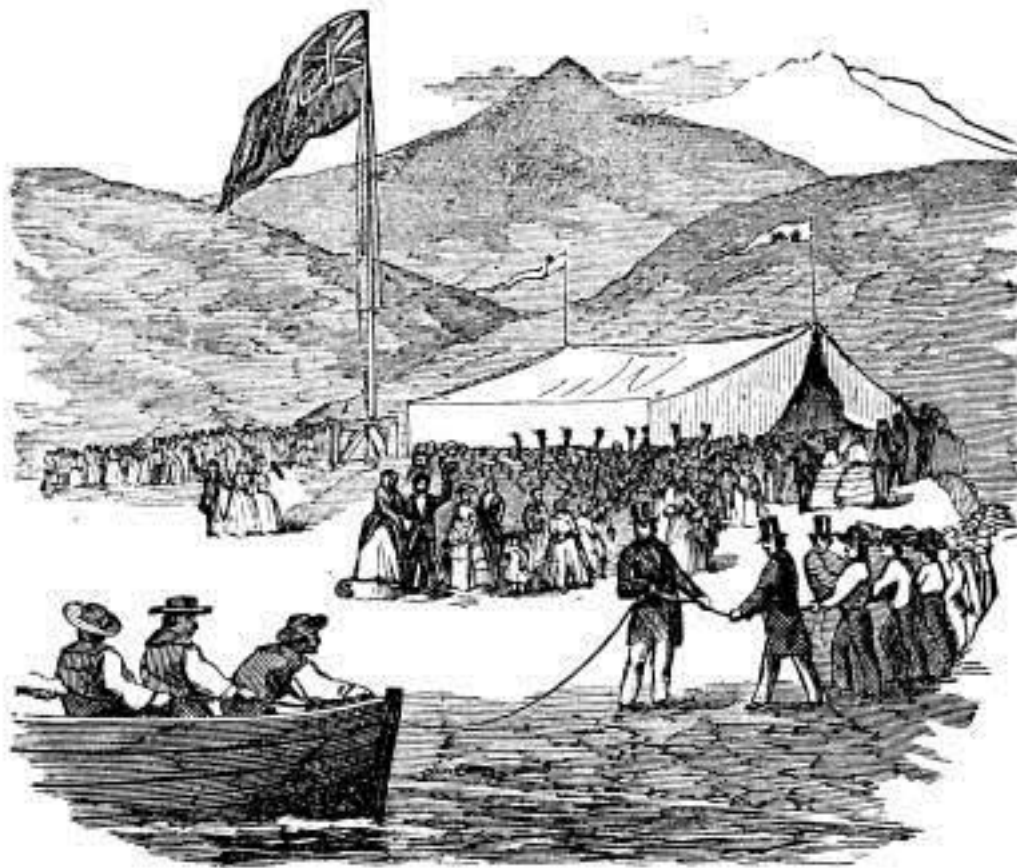
Летом 1857 года под эгидой Нью-Йоркской, Ньюфаундлендской и Лондонской телеграфных компаний при содействии судов, предоставленных правительствами Великобритании и Соединенных Штатов, была предпринята попытка соединить два полушария с помощью подводного электрического кабеля. Об этом предприятии, каким бы неудачным оно ни было и каким бы свежим оно ни было в умах всех, наш отчет будет, как и подобает, кратким. Впервые эта идея возникла в 1853 году в Америке и была серьезно реализована вопреки всем препятствиям Сайрусом Х. Филдом, эсквайром, вице-президентом Компании, одним из ее самых ревностных и неутомимых поборников. Съёмки и глубоководные исследования, проведенные капитаном Беррименом, США, в Дельфиниуме и Арктике в 1853 и 1856 годах, привели к открытию подводного выступа или прерии на глубине от двух до двух с половиной миль, простирающейся от мыса Рейс на Ньюфаундленде до мыса Клир в Ирландии. Это урочище получило название Телеграфного плато. Лейтенант Мори из Национальной обсерватории на основе наблюдений, сделанных в Атлантике в течение длительного ряда лет, сделал вывод, что и море, и воздух будут в наиболее благоприятных условиях для прокладки провода в период с 20 июля по 10 августа. Телеграфный флот состоял из

американского парового фрегата "Ниагара" "Капитан Хадсон", который проложил первую половину кабеля из залива Валентия в Ирландии, парохода Н.В.М. "Агамемнон", который проложил вторую половину кабеля, и шести других вспомогательных пароходов обеих стран.

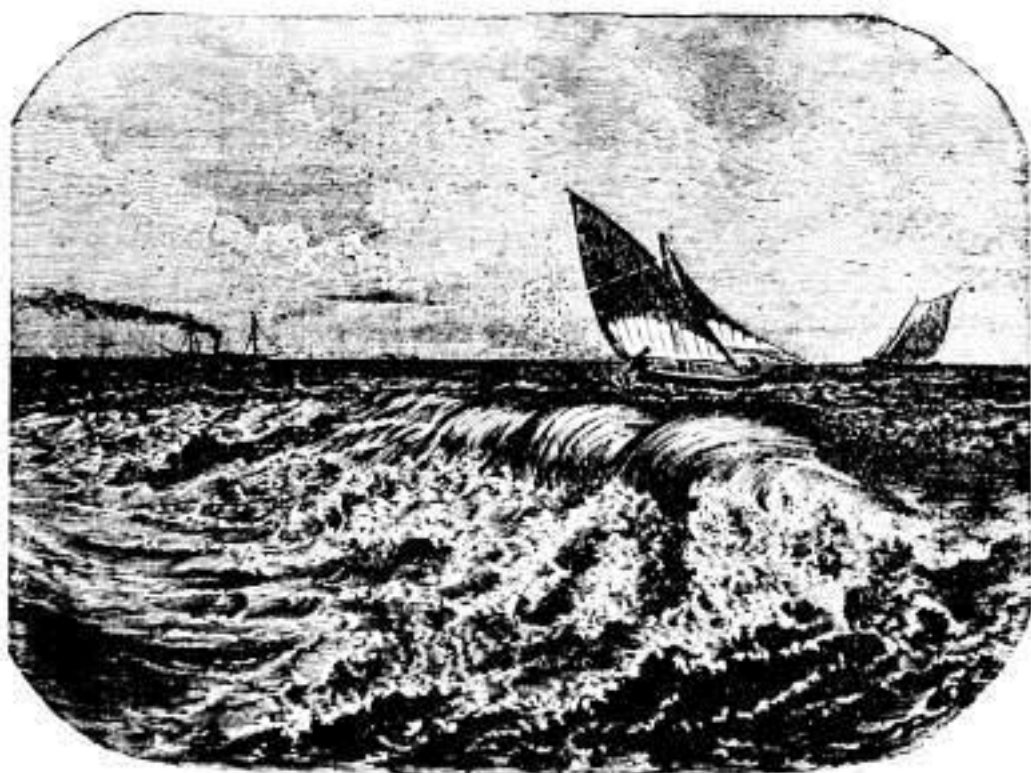
ВЫТАСКИВАЮ ТРОС НА БЕРЕГ.

Компания Niagara начала отгрузку кабеля с завода в Биркенхеде, недалеко от Ливерпуля, в конце июня и завершила работу чуть менее чем за месяц. На долю каждого из двух судов приходилось тысяча двести пятьдесят миль проволоки, причем сама проволока представляла собой сложную комбинацию тонких медных жил и гуттаперчевого покрытия. Весь флот был собран в заливе Валентия 4 августа. Лорд-лейтенант Ирландии был уже на берегу, в гостях у рыцаря Керри. На следующий вечер береговой конец троса был спущен с кормы "Ниагары" на мелководье обслуживающим буксиром "Волевой разум", а оттуда доставлен на берег под одобрительные крики зрителей командой лодки, состоящей из американских моряков. Экспедиция отправилась в плавание в четверг, 6-го. Подразумевалось, что первым посланием королевы Виктории президенту Бьюкенену должно было быть следующее: "Слава Богу в вышних, а на земле мир и благоволение к людям".

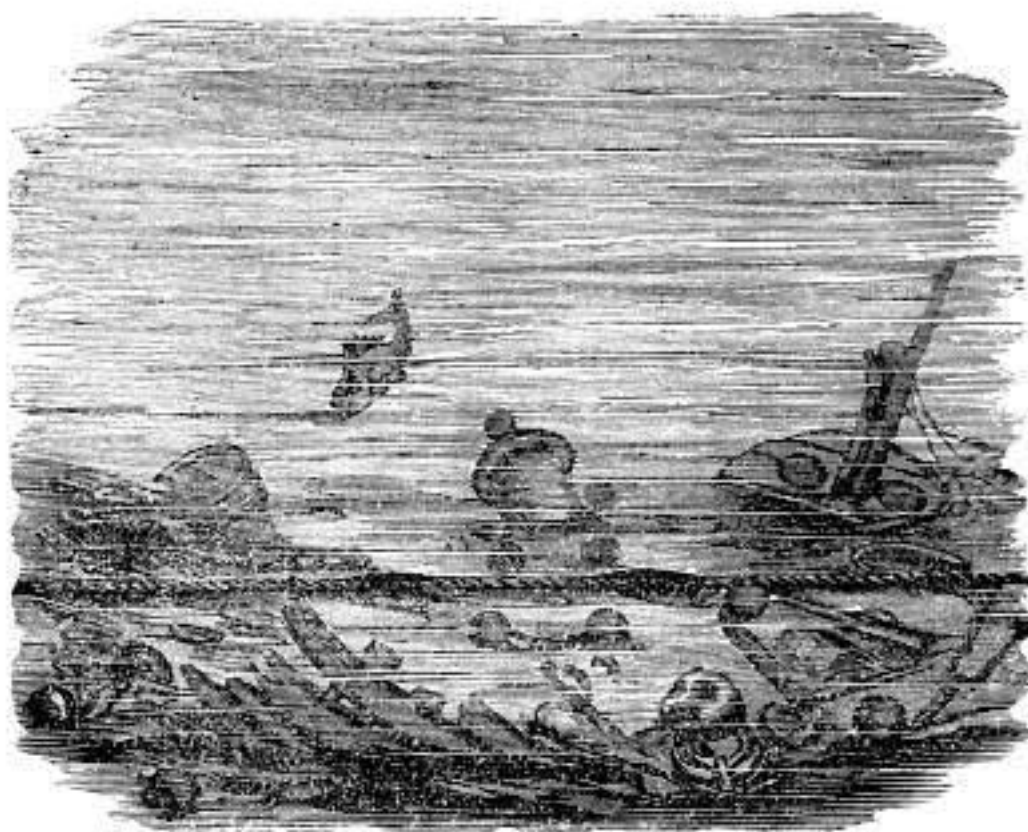

ПОСАДКА ТРОСА.

В течение нескольких дней все шло благополучно: между Ниагарой и берегом поддерживалась постоянная связь. В четыре часа следующего вторника сигналы внезапно прекратились. Возвращение эскадры подтвердило опасения: кабель оборвался на большой глубине. Было проложено триста тридцать пять морских миль, причем последняя половина пути проходила в воде глубиной более двух миль. "Ниагара" в то время делала четыре мили в час, а трос тянулся с большей скоростью — от пяти до шести миль в час. Это было больше, чем можно было себе позволить, и нагрузка на тормоза была увеличена до трех тысяч фунтов. Какое-то время трос выдерживал повышенное давление, но в конце концов оборвался, к ужасу всего флота. Суда вернулись в Англию; и предприятие было отложено еще на год. Хотя оно и было отложено таким образом, сомнений в его конечном успехе практически не было. Волнующий триумф, который в конечном итоге сопутствовал усилиям Компании, станет темой следующей главы.

ПОЛАЯ ВОЛНА.

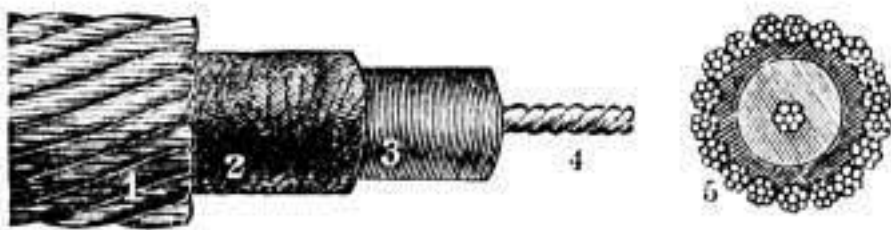

ГЛАВА III.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ПОПЫТКИ ПРОКЛАДКИ АТЛАНТИЧЕСКОГО КАБЕЛЯ—СБОЙ В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ—ОПИСАНИЕ КАБЕЛЯ—ПУТЕШЕСТВИЕ По НИАГАРЕ—НЕПРЕРЫВНОСТЬ—СНОВА ВСЕ В ПОРЯДКЕ—ЗАМЕНА ОДНОЙ КАТУШКИ НА ДРУГУЮ—РЫЦАРИ ЧЕРНОЙ РУКИ—НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ СИМПТОМЫ—НАРУШЕНА ИЗОЛЯЦИЯ—ТРЕТЬЕ АВГУСТА-ТРЕВОЖНЫЙ МОМЕНТ—ОБНАРУЖЕНА ЗЕМЛЯ—ЗАЛИВ ТРИНИТИ—МИСТЕР ФИЛД ПОСЕЩАЕТ ТЕЛЕГРАФНУЮ СТАНЦИЮ—ОПЕРАТОРЫ ЗАСТИГНУТЫ ВРАСПЛОХ—ПОСАДКА КАБЕЛЯ—ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ ЦЕРЕМОНИЯ—КАПИТАН ХАДСОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ, БЛАГОДАРЯ НЕБЕСА—ПУТЕШЕСТВИЕ "АГАМЕМНОНА"—ПОСЛАНИЕ КОРОЛЕВЫ—ШЕСТНАДЦАТОЕ АВГУСТА—ГЛУБОКОВОДНАЯ ТЕЛЕГРАФИЯ-ЭКВАТОР И КАБЕЛЬ.

Атлантическая телеграфная компания, ничуть не смущенная неудачей с прокладкой кабеля в 1857 году, решила предпринять еще одну попытку летом следующего года, когда американское и английское правительства снова предоставили в их распоряжение "Ниагару" и "Агамемнон". Было решено, однако, чтобы уменьшить вероятность неблагоприятной погоды, что два судна должны проследовать в середину океана, если там соединят их соответствующие концы троса, и что "Агамемнон" затем направится в гавань Валентия, а "Ниагара" - в залив Тринити. Каждый из них был снабжен хитроумным приспособлением для выплаты телеграммы — изобретением мистера Эверетта из военно-морского флота Соединенных Штатов. Месяцем был выбран июнь, и корабли отправились выполнять свое поручение. Они отсутствовали гораздо дольше, чем ожидалось, в случае успешного выполнения своей цели. Когда они вернулись в Квинстаун, это было сообщение о шторме, катастрофе и поражении. Все еще неустрашимая, Компания снова отправила корабли. "Ниагара" и "Агамемнон" встретились посреди океана 28 июля: соединение было произведено, и работа началась. "Ниагаре" предстояло проплыть восемьсот восемьдесят две мили и тысячу сто миль кабельтовых; "Агамемнону" с таким же количеством тросов предстояло проплыть всего восемьсот тринадцать миль. На "Ниагаре" было триста тонн угля, на "Агамемноне" - пятьсот. В час дня трос начал наматываться на корму "Ниагары", направляясь на запад, домой.

Следующая гравировка даст правильное представление о способе формирования кабеля. Сердечник, или проводник, состоит из семи медных проволок, плотно намотанных друг на друга.

1. Проволока —восемнадцать прядей, от семи до дюйма.
2. Шесть прядей пряжи.
3. Гуттаперча, в три слоя.
4. Токосоводящие провода, всего семь штук.
5. Отрезок кабеля диаметром одиннадцать шестнадцатых дюйма.

Гибкость этого троса настолько велика, что его можно завязать узлом вокруг руки без травм. Его вес составляет тысячу восемьсот шестьдесят фунтов на милю, а прочность такова, что что шесть миль его длины могут быть подвешены вертикально в воде такой глубины, не разбившись.

"Море спокойное", — цитируем чрезвычайно интересный дневник очевидца[3], запись в первый день, - "барометр хорошо поднимается; и, если мы только сможем следующие семь дней работать так же хорошо, как мы работали с часу дня, мы будем на Ньюфаундленде к 5 августа, а в Нью—Йорке где-то между 15 августа и 15 августа". и 20-го числа того же месяца. Но мы несколько поторопились в наших расчетах, поскольку наш корабль только что замедлил ход, и пропеллер перестал работать в течение последних десяти минут. Должно быть, что-то не так, что вызвало это прерывание. Давайте взглянем на машину. Кабель все еще выходит наружу, чего, конечно, не было бы, если бы он оборвался. Ах! непрерывность! Вот именно: вот в чем заключается трудность; и, поскольку электрики - единственные, кто может сообщить нам об этом, мы немедленно отправляемся на их поиски. Визит в их офис объясняет весь вопрос. Непрерывность не пропала совсем, но неисправна - настолько неисправна, что невозможно получить сигнал по кабелю. Тем не менее, на нем нет "мертвой земли", и, следовательно, не вся надежда потеряна. Когда мертвая земля, как ее называют, находится на проводнике, тогда, действительно, трудность непреодолима; ибо это показывает, что проводник, должно быть, разорван и находится под воздействием земного магнетизма. Но непрерывность никуда не делась; и, несмотря на мрачные перспективы, мы все еще в безопасности, пока она остается, какой бы несовершенной она ни была. Было бы абсурдно говорить, что это происшествие не обескуражило: это было болезненно, потому что надежды некоторых из нас действительно начали возрождаться, и мы обретали уверенность с каждым часом. Теперь ничего нельзя было поделать. Мы должны подождать, пока непрерывность не вернется или не уйдет окончательно. И она действительно вернулась, и с большей силой, чем когда-либо. В десять минут десятого вечера дежурный электрик заметил неисправность, а в половине двенадцатого он сообщил нам отрадную новость о том, что "все снова в порядке". Оборудование снова было приведено в движение, вскоре кабель оборвался со скоростью шесть миль в час, и электрические сигналы передавались между судами так регулярно, как будто не произошло ничего, что могло бы помешать или прервать непрерывность".

Замена провода с передней катушки главной палубы на катушку, расположенную непосредственно под палубой, на третий день описывается следующим образом, операция была в высшей степени деликатной и опасной: "По крайней мере, за час до того, как была произведена замена, внешние границы круга, по которому лежал кабель, были буквально запружены людьми; и никогда ни к какому зрелищу не проявлялся больший интерес, чем к тому, что они демонстрировали при происходящем перед ними. Были серьезные сомнения и дурные предчувствия относительно успешного выполнения этой важной части работы; и это только усилило чувство тревоги и неизвестности, с которым они молча и затаив дыхание ожидали критического момента. Пройден последний отрезок, и по мере того, как виток за витком покидают круг, все взгляды прикованы к кабелю. Теперь осталось всего тридцать оборотов; и, когда первый из них размотан, мистер Эверетт, который находился на круге в течение последних получаса, отдает приказ дежурному механику "сбавить скорость". Через несколько мгновений скорость заметно снижается, которая продолжает уменьшаться, пока не достигнет скорости около двух миль в час.

"А теперь берегитесь, ребята", - говорит мистер Эверетт в своей обычной спокойной, невозмутимой манере. Люди настолько бодры, насколько это возможно, и с нетерпением ждут момента, когда они поднимут бухту или изгиб троса и доставят его в целости и сохранности. Одна из досок сбоку от конуса была ослаблена, и как раз в тот момент, когда они собираются взять трос в руки, его полностью снимают; так что, когда последний ярд выходит за пределы теперь пустого круга, трос начинает выходить из круга внизу, или палубы "орлоп", как ее называют. Люди, которые не кто иные, как мотальщики, или "Рыцари Черной Руки", как их вполне уместно назвали, хорошо выполнили свою работу; и аплодисменты, которыми их приветствовала толпа восхищенных зрителей, являются самым отрядным свидетельством этого факта, которое они могут получить. Едва они передают кабель за пределы круга, как их встречают с такой восторженной демонстрацией одобрения, какую только позволяют правила военно-морского флота.

"Уверенность становится все сильнее", — это четвертый день, — "и есть много предположений относительно того, когда мы достигнем Ньюфаундленда. Пилот, который должен доставить нас в Тринити-Бэй, теперь пользуется большой репутацией и с каждым днем становится все более важной персоной. У нас действительно появляются большие надежды на то, что его услуги будут востребованы и что еще через несколько дней мы окажемся в поле зрения земли. Но море совсем не такое гладкое, каким было накануне: на самом деле оно настолько бурное, что позволяет предположить, что незадолго до этого в этих широтах был сильный шторм. Состояние судна таково, что мы сильно беспокоимся за сохранность троса, если на него обрушится очень сильный ветер, поскольку уже выплаченная большая сумма и израсходованное количество угля облегчили судно настолько, что оно испытывает некоторое беспокойство в условиях сильного волнения. Ветер усиливается, и, хотя он еще не достиг силы шторма, он дует довольно свежо для нас в нынешнем неустроенном состоянии наших умов. И ветер, и море находятся почти у самой балки; и качающееся движение, которое создает последнее, вызывает напряжение на канате, вызывающее самые неприятные ощущения. Волнение на море тоже, кажется, усиливается с каждой минутой и со всей силы ударяет в тонкую проволоку. Каждый всплеск корабля влияет на него; и когда он рассекает каждую волну, на нем остается небольшая белая полоска пены, обозначающая его путь. Вид этой нитевидной проволоки, борющейся с морем, вызывает чувство, в чем-то похожее на то, с каким вы наблюдали бы за борьбой тонущего человека, которому вы не в силах помочь. Вы можете только смотреть и верить либо в то, что море пойдет ко дну, либо в то, что трос сможет успешно противостоять силе волн. У первого очень мало перспектив, но у последнего есть все основания для надежды. Соревнование продолжается уже несколько часов, и признаков разрыва троса не больше, чем в начале. Электрики сообщают о безупречной непрерывности работы, а сигналы, которые время от времени поступают с "Агамемнона", показывают, что это судно выполняет свою часть работы в замечательном стиле. Чего еще мы можем желать?"

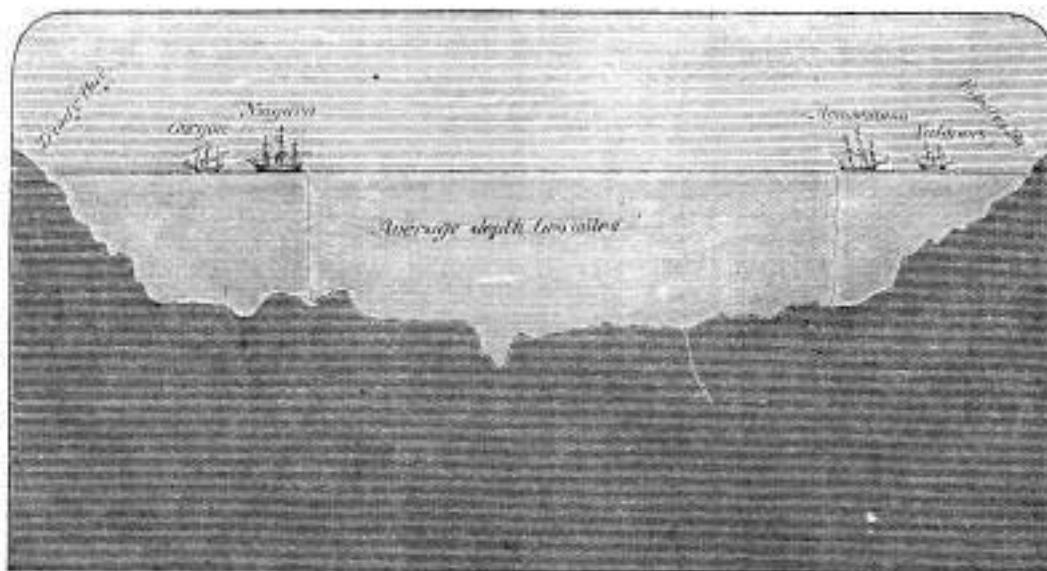
Инцидент, произошедший на пятый день, описывается следующим образом: "Я сказал, что, несмотря на плохую погоду и сильное волнение на море, процесс выплаты шел хорошо; но ночью непрерывность снова была нарушена; и хотя она была восстановлена и стала такой же сильной, как всегда, все же около трех часов это было очень неприятным делом. Впоследствии было установлено, что проблема была вызвана дефектом изоляции в части катушки кают-компания, которая была вовремя отключена, чтобы предотвратить какие-либо серьезные последствия. Однако на борту корабля было всего несколько человек, знавших о случившемся до тех пор, пока дефект не был устранен и электрическая связь между двумя кораблями не была восстановлена. И мистер Лоус— и мистер Де Санти - два электрика с "Ниагары" - придерживались мнения, что в какой-то части катушки кают-компания была

нарушена изоляция; и, проведя тесты с целью установления точной точки, они обнаружили, что она находилась примерно в шестидесяти милях от нижней части этой катушки и примерно в трехстах или четырехстах милях от той части, которая в то время выходила из строя. В этом месте кабель был немедленно перерезан и соединен с палубной катушкой длиной девяносто миль, которую предполагалось приберечь для прокладки на мелководье и, следовательно, приберечь для залива Тринити. Около четырех часов утра непрерывность была наконец восстановлена, и все шло своим чередом, как будто не произошло ничего, что могло бы поколебать уверенность, которую мы испытывали в успехе экспедиции".

На шестой день — 3 августа, в годовщину того дня, когда Колумб отплыл из Палоса, — была проделана большая работа по замене носового трюма на тот, что находится в кают-компании, на расстоянии не менее двухсот футов друг от друга. Это произошло в восемь часов утра, и, поскольку время было известно всем на борту, наблюдать за этим собралось даже больше народу, чем я наблюдал при любых других изменениях. Это считалось самым критическим моментом, и, хотя операция оказалась очень простой, некоторые ожидали ее с большим беспокойством. Соединение двух катушек было произведено за несколько часов до этого, и люди были расставлены по всему маршруту от трюма до кают-компании. Мистер Эверетт и мистер Вудхаус оба были под рукой; были отобраны лучшие матросы, чтобы пройти через бухту, когда нужно будет дойти до последнего поворота; и один человек, по имени Генри Пейн, сплайсер, был специально назначен идти вперед с бухтой до кормовой части или кают-компании. Когда должна была быть выплачена последняя чешуйка, корабль замедлил ход, и к тому времени, когда были выплачены последние три или четыре оборота, едва ли можно было сказать, что он движется по воде. Трос поднимался из трюма все медленнее, пока мы не приблизились к бухте, где он не мог двигаться быстрее полумили в час. Еще один поворот и показывается бухта. Из толпы, которая наблюдает за происходящим с нетерпеливыми лицами со всех сторон, не доносится ни звука. Никто не произносит ни слова или не осмеливался заговорить в последнюю минуту, кроме инженеров, а им почти нечего сказать, поскольку их приказы передаются в самом лаконичном стиле; и быстрое "да, да!" мужчин показывает, что они понимают всю ценность времени. "А теперь, ребята, - говорит мистер Эверетт, - берегитесь борта", - когда те, кто находится в трюме, передают его матросам на верхней палубе, и его передают из рук в руки, пока оно не достигнет платформы и длинного прохода, который был построен на лонжеронной палубе для этой части работ. Вот, наконец, прибывает бухта, и Пейн берет ее в руку, расплачиваясь, пока идет по линии кабеля к катушке в кают-компании. С какой тревогой люди наблюдают за ним, когда он проходит это ужасное расстояние в двести футов, и думают, что, если ему случится споткнуться, держа в руке эту веревку, великое предприятие может закончиться катастрофой! Это несложная задача; но как часто вещи, которые так легко выполняются, терпели поражение из-за недостатка хладнокровия! Однако в этом человеке есть такое легкое самообладание, когда он медленно приближается к корме с длинной черной леской, что внушает доверие. Вся команда покинула нижние палубы и последовала за ним, когда он направился на корму, а один из матросов, которому не терпелось взглянуть на него, чуть не провалился в световой люк машинного отделения, в котором он разбил несколько стекол, пытаясь спастись. "Соберите все по кусочкам", - говорит Пейн в духе спокойного юмора, продолжая безостановочно следовать своим курсом, и, подойдя к штурвалу, который находится непосредственно над кают-компанией, он выпрямляет узел, и кабель начинает отходить от верхней части катушки на палубе внизу. Его работа закончена; и, когда леска выходит из его рук, он получает шквал аплодисментов из рук зрителей, которые, если бы не эти ужасные правила военно-морского флота, приветствовали бы его радостными криками,

которые утешили бы его сердце. Как бы то ни было, они должны каким-то образом дать выход своим чувствам; и восклицания "Молодец!", "Вот это молодец!", "Хороший мальчик, Пейн!", в конце концов, неплохой компромисс. Кроме того, в настоящее время, возможно, было бы довольно преждевременно предаваться какому-либо торжествующему выражению чувств до того, как мы хотя бы увидим сушу".

На седьмой день с верхушки мачты была обнаружена земля. "Сейчас половина третьего, и мы входим в бухту Тринити со скоростью семь с половиной узлов в час, расходуя кабельтов с очень небольшим увеличением по сравнению с той же ставкой. Изгиб, который она образует между кораблем и водой, доказывает, что нагрузка на нее невелика или вообще отсутствует, а также доказывает еще одну вещь— ее можно разгонять на восемь, девять и, я полагаю, на десять миль с наибольшей безопасностью. Однако, как я уже указывал ранее, этого нельзя сделать со старым тросом, который так часто наматывался, что имеет тенденцию к перегибам; и есть, как уже упоминалось, некоторые такого рода вещи, которые мы должны будем оплатить перед посадкой. Сигнал, означающий "все в порядке", был получен с "Агамемнона", который в настоящее время должен находиться в точке посадки на трос в заливе Валентия, Ирландия, который находится примерно в тысяче шестистах сорока милях от нашего нынешнего местоположения".

ТЕЛЕГРАФНОЕ ПЛАТО.

В восемь часов вечера, когда "Ниагара" шла вверх по заливу Тринити и была еще примерно в восемнадцати милях от места высадки, мистер Филд сошел с корабля с целью посетить телеграфную станцию и отправить депешу в Соединенные Штаты. "Было около двух часов ночи, когда он добрался до пляжа; и, поскольку было совсем темно, ему было очень трудно найти тропинку, которая вела к станции. В поле зрения не было ни одного дома, и вся картина была такой унылой и безлюдной, какой только может быть дикая местность ночью. Гробовая тишина царила над всем, что находилось перед ним; в то время как позади, на расстоянии мили, он мог видеть огромный корпус "Ниагары", неясно вырисовывающийся во мраке ночи, и свет ламп на ее палубе делал темноту по контрасту еще темнее и чернее. Он выехал на узкую дорогу и, проехав, как ему показалось, миль двадцать, увидел станцию, стоящую примерно в полумиле от пляжа. Однако там не было никаких признаков жизни, и

дом в своей тишине странно гармонировал со всем окружающим. У него был заброшенный вид, как будто он давным-давно перестал быть жилищем человека. Напрасно он искал дверь впереди; но там не было входа. Он посмотрел на окна, возможно, в надежде, что сможет войти этим путем; но окна нижнего этажа были вне пределов его досягаемости, а дом, частично построенный на сваях, имел вид, будто его подняли на сваях. Обходной путь заведения, однако, привел к обнаружению боковой двери; и через нее ему, наконец, удалось проникнуть внутрь. Естественно было ожидать, что шум, который он произвел, входя внутрь, разбудит заключенных; но, похоже, либо там не было заключенных, которых можно было разбудить, либо этих заключенных было нелегко потревожить. Он остановился на мгновение, чтобы прислушаться, и, прислушиваясь, услышал дыхание спящих в квартире рядом с ним. Дверь немедленно распахнулась, и через несколько секунд спящие проснулись — полностью проснулись и открывали глаза все шире и шире по мере того, как чудесная новость достигала их изумленных и восхищенных ушей. Они с трудом могли поверить своим чувствам и были сбиты с толку тем, что услышали. Кабель был проложен, когда всего несколько коротких недель назад они получили известие о катастрофе и поражении, и они смотрели только в далекое-далекое будущее для завершения великой работы! Кабель проложен, и они не подозревают об этом! — они, которые столько томительных дней и недель ждали и наблюдали за кораблями, которые, как они начали верить, никогда не придут! И теперь они были в бухте, — те же самые корабли, — в миле от них! Неужели им это снится? Снится! Нет. То, что они слышали, — правда, все это правда; и перед ними живой свидетель.

"Чего ты хочешь?" - воскликнул тот, кого разбудили первым, когда он пытался протереть глаза от сна.

"Я хочу, чтобы вы встали, - сказал мистер Филд, - и помогли нам вытащить трос на берег".

"Вытащить трос на берег?" - повторили остальные, которые только что проснулись и слышали эти слова со смутным, мечтательным представлением об их значении. "вытащить трос на берег?"

"Да, - сказал мистер Филд, - и вы нам нужны немедленно".

Теперь они были окончательно разбужены и, направив мистера Филда в спальни других спящих, — поскольку в доме было еще четверо или пятеро человек, — со всей поспешностью приготовились помочь в прокладке кабеля. мистер Филд обнаружил, что телеграфная контора откроется только в девять часов утра и что оператор нью-йоркской, ньюфаундлендской и лондонской телеграфных линий в это время отсутствовал. Он также выяснил, что ближайшая станция, на которой он мог бы найти оператора, находилась в пятнадцати милях отсюда и что добраться туда можно было только пешком. Пятнадцать миль в Ньюфаундленде примерно равны удвоенному расстоянию в цивилизованной стране и представляют собой довольно долгую прогулку пешком; но быть вестником таких новостей на целый континент было чем-то особенным, и поэтому двое молодых людей охотно вызвались отправиться в путешествие, взяв с собой для передачи в Нью-Йорк и по всем Соединенным Штатам депешу, в которой содержалось первое сообщение об успешном завершении работы".

На восьмой день трос был спущен на воду, и в честь этого события корабли были украшены флагами. Шестьдесят человек с "Ниагары" и сорок с британских кораблей "Горгона" и "Дикобраз" приняли участие в этом задании и сопутствующих церемониях. "Местом высадки для троса является очень живописный маленький пляж, на котором был построен причал. Через лес прорублена дорога размером с тропинку для верховой езды, и по этой дороге,

через болота и трясину, вы попадаете на телеграфную станцию, расположенную примерно в полумиле отсюда. Рядом с этой дорогой была вырыта траншея для прокладки кабеля, чтобы уберечь его от несчастных случаев, которым он мог бы подвергнуться в противном случае.

Когда шлюпки прибыли к причалу, офицеры и матросы прыгнули на берег, и мистер Норт, первый лейтенант "Ниагары", вручил капитану Хадсону конец троса. Капитан Оттер с "Дикобраза" и командер Дейман с "Горгоны" теперь взялись за него, и все офицеры и рядовые последовали их примеру, образовав процессию вдоль строя. Дорога или тропинка, по которой мы должны были тянуть кабель, была самым примитивным сооружением. Она вела вверх по склону холма высотой в пару сотен футов и была вырублена в густом лесу из сосен и других вечнозеленых растений. В некоторых местах дерн, который можно найти здесь, на вершинах самых высоких гор, был таким мягким после недавних дождей, что в нем можно было утонуть по щиколотку. Что ж, именно по этой дороге нам предстояло идти с тросом; и мы прекрасно провели время. Было разумно предположить, что три капитана, возглавлявшие процессию, наверняка выберут лучшие места и предоставят нам преимущество в виде ступенек; но им казалось, что им все равно; и они ныряли в самые болотистые и грязные места с безрассудством и безразличием, которые убедили нас, что они были худшими пилотами, которых мы могли иметь на суше, несмотря на их хорошо известные способности штурмана.

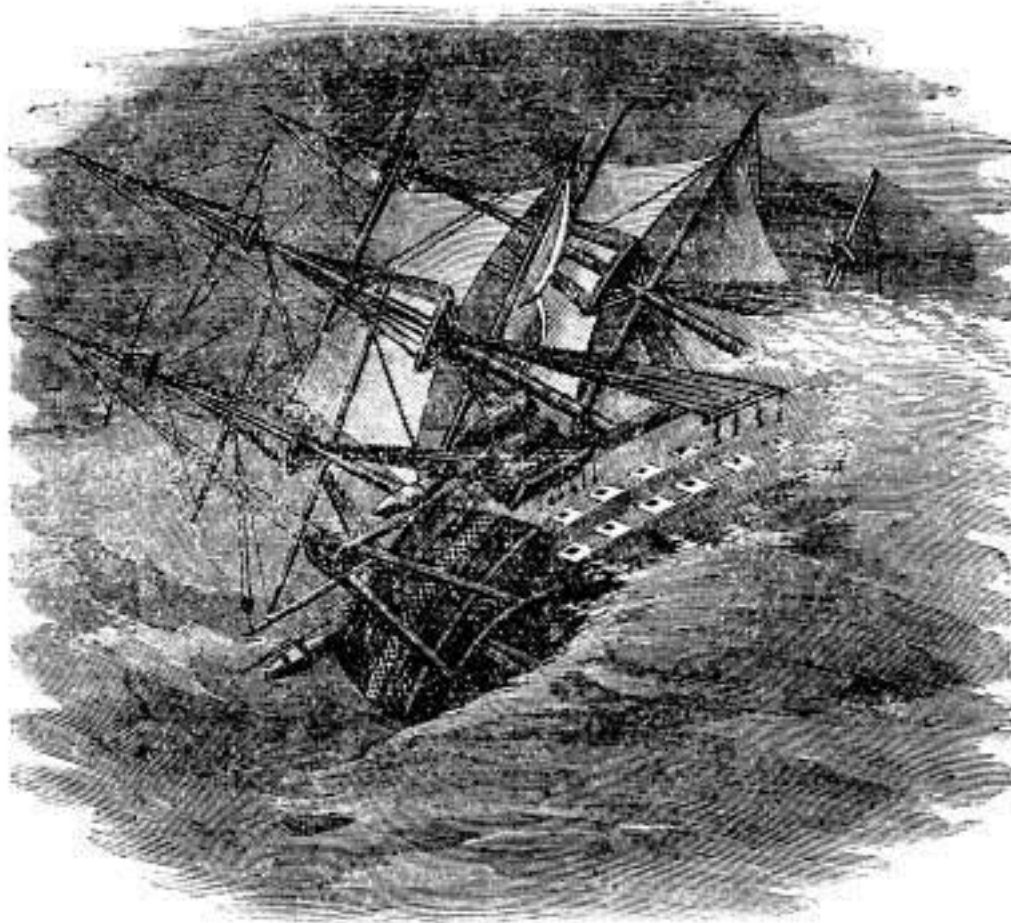
"Эта памятная процессия тронулась без четверти шесть и прибыла на телеграфную станцию примерно через двадцать минут. Подъем на холм был самой тяжелой частью путешествия, но когда мы добрались до вершины, открывшаяся перед нами картина окупала бы нам путешествие в двадцать миль по еще худшей дороге. Там, под нами, лежала гавань, окруженная горами, за исключением входа в бухту Тринити; и там же стояли пароходы двух величайших морских держав мира. Со всех сторон простирается нетронутая дикая местность, и, если не считать телеграфной станции, к которой мы скоро прибудем, ни единого жилища, свидетельствующего о том, что здесь когда-либо жил человек.

"Никогда с момента сотворения мира не было представлено такой замечательной сцены. Даже сейчас, на самом этапе ее реализации, не кажется, что работа, которой мы занимались, была завершена. Однако непрерывность, без которой кабель не имел бы никакой ценности, сейчас так же совершенна, как и прежде. мистер Лоус и мистер Де Санти, два главных электрика, которые сопровождали нас из Англии, "попробовали" ток, и примерно дюжина других людей во главе процессии сделали то же самое. Сам автор является свидетелем по этому поводу и никогда не забудет тот необыкновенный кислый привкус, который у него был. Некоторые получили довольно сильный шок, настолько сильный, что охотно отказались от возможности повторить эксперимент.

"По прибытии процессии кабель подносят к дому, а конец подсоединяют к инструменту. Отклонение стрелки гальванометра дает неопровержимое доказательство того, что электрическое состояние кабеля удовлетворительное. Теперь вопрос в том, как нам должным образом отпраздновать завершение великого события? Как, как не признанием того Провидения, без благосклонности которого предприятие должно было закончиться катастрофой и поражением? Капитан Хадсон занял свою позицию на гряде досок, а офицеры и матросы встали вокруг, окруженные стружками, пнями, кусками сломанной мебели, листами меди, телеграфными батареями, небольшими кучками извести и строительного раствора, ветками деревьев, огромными валунами и длинным перечнем других вещей, столь же неуместных.

"Мы только что завершили работу, - сказал капитан, - которая привлекла внимание и заинтересовала весь мир. Эта работа, - продолжал он, - была выполнена не нами: Всемогущая Рука была над нами и помогала нам; и без божественной помощи, оказанной нам таким образом, успех был невозможен. Поскольку это убеждение прочно запечатлелось в наших умах, нашим долгом становится признать наш долг перед тем всемогущим Провидением, которое держит море в своих руках. "Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему да будет вся слава". Я надеюсь, что никогда не наступит день, когда во всех наших делах мы откажемся признавать правящую руку божественной и всемогущей Силы.... Я уверен, что здесь нет никого, чьи сердца не переполнены чувствами живой благодарности Богу за великую работу, которая была совершена с его позволения, и кто не желает присоединиться к благодарственной молитве за ее успешное завершение. Поэтому я попрошу вас присоединиться ко мне в следующей молитве, которая является той же самой, с некоторыми необходимыми изменениями, которая была предложена при прокладке кабеля".

Затем капитан вознес эту молитву у престола благодати, и по окончании слушатели ответили "Аминь", что показало, с каким глубоким чувством они относились к сцене, в которой были такими выдающимися действующими лицами.

"АГАМЕМНОН" В ШТОРМ.

В отношении плавания "Агамемнона" мы мало что можем сказать, что не было бы повторением плавания "Ниагары", за исключением того, что на нем была гораздо менее благоприятная погода и что замечательная платежная машина, изобретенная нашим соотечественником мистером Эвереттом, выполняла свои деликатные обязанности в более тяжелых условиях, чем те, которым она подвергалась на американском фрегате. Послание

королевы было передано по телеграфу 16 августа; и, поскольку известие об этом стало известно в тот же вечер по всем Северным и Западным штатам, народ предавался самым бурным проявлениям радости. Мало кто в том возрасте, когда можно оценить значение триумфа, забудет ту памятную ночь. Нам не нужно следовать за изобретателями, электриками и командирами на землю и подробно описывать оации, которыми они были удостоены. Публика надолго запомнит красноречие ораторов, которые подробно останавливались на этой теме, вдохновенный язык, которым газеты обращались к своим изумленным подписчикам, и пророческий настрой, которому духовенство считало себя вправе потворствовать. Пятьдесят лет спустя те, кто был мальчиками 16 августа, с неослабевающим интересом будут рассказывать о бочках со смолой и кострах, салютах и фейерверках, иллюминациях и факельных шествиях, которые от одного конца страны до другого приветствовали вдохновляющую весть и сделали летнюю ночь великолепной от пламени и грохота артиллерии. Кабель проложен по дну Атлантического океана. Над какими зубчатыми горными хребтами протянута эта тонкая нить! В каких глубоких океанических долинах она покоится! Через какие странные и неизведанные регионы, среди вещей, столь неотесанных и диких, должен он прокладывать свой путь! И все же, несмотря на этот первый великолепный успех, глубоководную телеграфную связь следует рассматривать как находящуюся в самом зачаточном состоянии; и, несомненно, еще будет совершено много новых и еще более удивительных подвигов, претендующих на признание в числе достижений Человека на поверхности моря - или, скорее, под водой.

Возможно, лучшим из многочисленных положительных моментов, вызванных счастливым возвращением Телеграфного флота, было следующее высказывание: "Экватор и Кабель: первый — воображаемая линия, разделяющая полюса, второй - реальная линия, соединяющая полушария!"

"Далеко-далеко под вздымающейся грудью океана,
Где вечно пребывает в покое дух бури,
Трос теперь лежит на своем снежном ложе —
Сверкающий пепел мертвых океана;
И штормы не разорвут
Эту арку обещания во веки веков,
Пока ангел не встанет одной ногой на море
И не поклянется, что времени больше не будет".

Вскоре после этого непрерывность этого кабеля была нарушена, но он настолько успешно продемонстрировал, что его можно проложить, что вскоре была организована еще одна попытка. Для этой цели был задействован "Грейт Истерн", который был признан слишком большим кораблем для обычного использования в торговле, поскольку из-за большой глубины он не мог заходить ни в какие гавани, кроме самых глубоких. Ее размеры позволяли ей легко пропускать кабель на все расстояние, и, начиная с Ирландии, она поддерживала телеграфную связь с этой станцией без перерывов на протяжении всего плавания. С тех пор этот кабель работал непрерывно.

Кроме того, был успешно проложен еще один атлантический кабель, соединяющий Францию с Американским континентом, который работал без перебоев. Из Англии пятнадцать подводных проводов, проложенных по дну Ла-Манша или Северного моря, соединяют эту страну с Францией, Бельгией и Голландией. Швеция и Норвегия соединены с

Германией морскими кабелями через Балтийское море, в то время как Сицилия и Сардиния соединены с Италией кабелем по дну Средиземного моря.

В Европе в 1872 году было подсчитано, что на сумму около 100 000 000 долларов было проложено более 1 300 000 миль телеграфного провода, и, считая двойные и множественные провода, используемые на наиболее важных линиях, было протянуто 621 000 000 миль, длина, достаточная для того, чтобы опоясать весь земной шар по экватору примерно в двадцать пять раз, в то время как ежегодное увеличение количества новых линий потребляло достаточно провода, чтобы снова опоясать землю.

Также предлагается проложить телеграфный кабель от Лиссабона до Рио-Жанейро. Франция также была связана с Алжиром, и были проложены линии, соединяющие Восточное Средиземноморье, Красное море и Индийский океан, хотя они часто подвергались повреждениям.

Через Тихий океан также проходит кабель, соединяющий Калифорнию с Индией, соединяющий Калькутту, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Лондон, Вену, Константинополь и Багдад в пределах цепи длиной около 12 400 миль.

Длина кабелей, проложенных по дну океанов и морей, соединяющих острова, полуострова и континенты, оценивается примерно в 12 400 миль.

В настоящее время существует три атлантических кабеля, соединяющих Европу и Америку. Это англо-американский, Нью-Йоркский, Ньюфаундлендский и лондонский, а также французский. Среди них французский отличается своим методом передачи информации. На иглу надето маленькое зеркальце, и луч света от лампы отражается от него на экране. Когда электрический ток воздействует на стрелку, этот свет движется по экрану кривыми линиями, и значение этих кривых считывается наблюдателем в соответствии с заранее установленным кодом символов. Помимо этих трех компаний, есть четвертая предлагаемая линия, которая будет известна как Американская Атлантическая, и которую предлагается проложить предстоящим летом 1873 года.

Недавно были повышены тарифы на телеграфирование по океану, и выяснилось, что линии предполагают объединение друг с другом и формирование монополии. Они действовали согласованно в течение некоторого времени, но без какого-либо официального соглашения. Поскольку телеграфирование по океану стало необходимостью, такая оперативность со стороны компаний по объединению в монополию придает большую силу предположению о том, что телеграф в общественных интересах должен принадлежать правительству и контролироваться им. Особенно это становится все более очевидным, поскольку телеграфные отчеты о наблюдениях за погодой, которые в руках Бюро связи стали такой практической общественной услугой, недавно были расширены, чтобы охватить Европу и эту страну единым контуром.

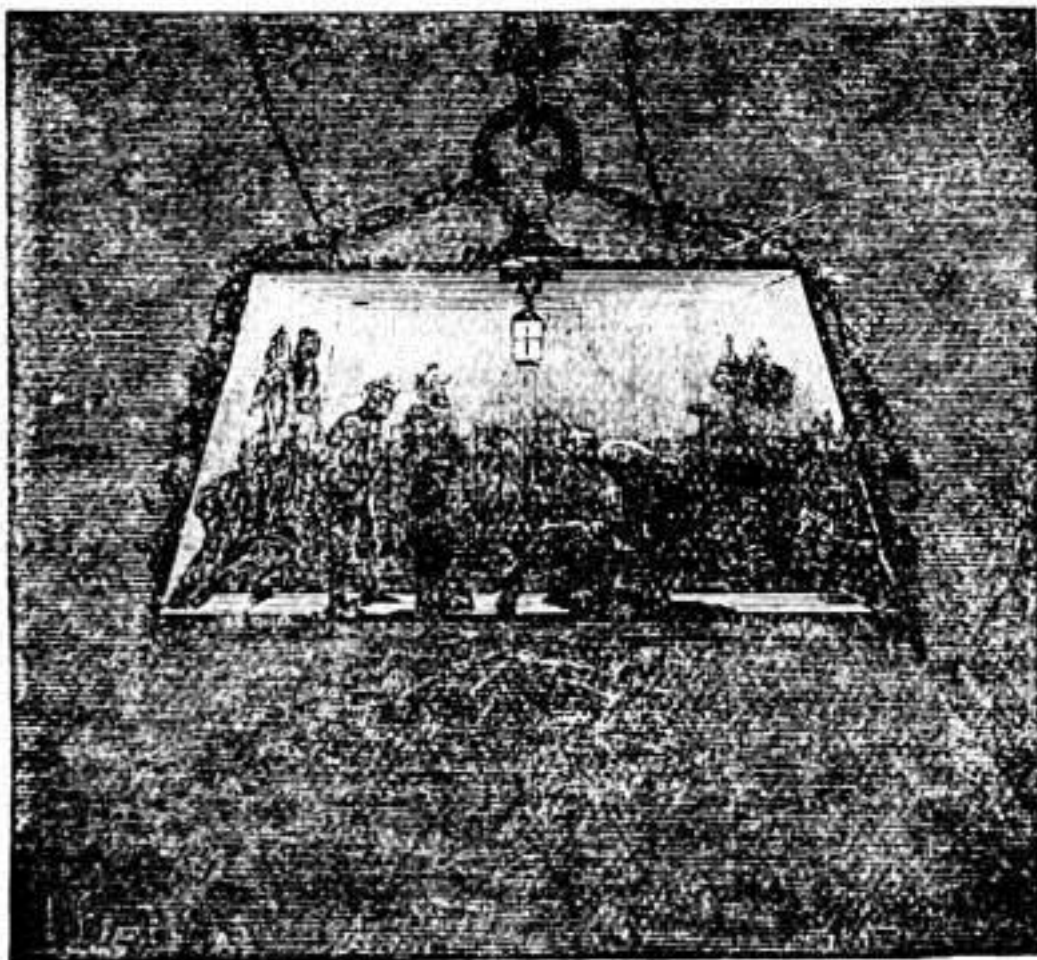

ПЕЧАТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

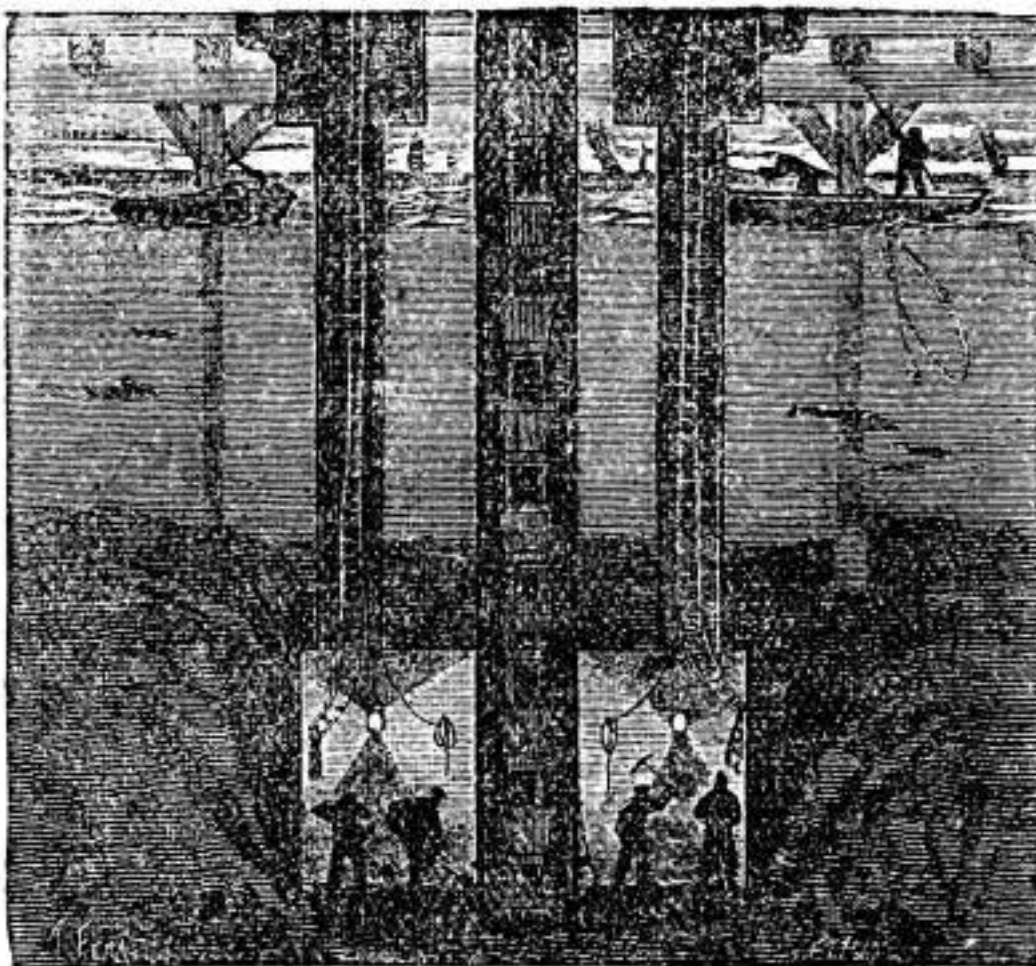
ПОДВОДНОЕ ПЛАВАНИЕ—ПЕРВОЕ ВОДОЛАЗНОЕ УСТРОЙСТВО С КОЛОКОЛЬНЫМ ЗВОНОМ, СНАБЖАЕМОЕ СЖАТЫМ ВОЗДУХОМ, ПОДВОДНЫЙ ГИДРОСТАТ—ОПЕРАЦИИ У ВРАТ АДА—ВОДОЛАЗНЫЕ АППАРАТЫ—ВЗРЫВЫ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК—УЛУЧШЕННАЯ ОДЕЖДА ДЛЯ ПОДВОДНОГО ПЛАВАНИЯ—ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ—С НИМИ ПРОВОДИЛИСЬ РАЗЛИЧНОГО РОДА РАБОТЫ—ПРИМЕРЫ ЭТОГО—ПОИСКИ СОКРОВИЩ ГУСАРА—ЗАТОНУВШИЕ КОРАБЛИ В СЕВАСТОПОЛЕ—ОПЕРАЦИИ В МОБИЛЕ—СУХОЙ ДОК В ЗАЛИВЕ ПЕНСАКОЛА—КРАСОТЫ ПОДВОДНОГО МИРА—ПОВАДКИ РЫБ—ВОЗМОЖНАЯ ГЛУБИНА ПОГРУЖЕНИЯ.

В наше время люди не только стремились расширить свои знания о море с помощью выемки грунта и зондирования, но и с помощью средств современной науки пытались погрузиться в его глубины и создать там условия не только для того, чтобы остаться в живых, но и для работы. Мы видели, что ныряльщики за кораллами и жемчугом могут оставаться под поверхностью воды не более двух минут, и что даже это является такой нагрузкой на органы тела, что их жизнь существенно сокращается из-за участия в такой работе. Воздух настолько необходим для жизни человека, что, прежде чем кто-либо сможет надеяться какое-то время оставаться под водой, необходимо предусмотреть какое-то устройство для снабжения его воздухом.

ВОДОЛАЗНЫЙ КОЛОКОЛ.

Древние, конечно, знали, что человек - это дышащее животное, они видели, что каждый из них постоянно осуществлял этот процесс, но чем они дышали, они не знали, и они были в равной степени невежественны относительно того, почему они дышали. Открытие того, что такое воздух, относится исключительно к современности. Около века назад астроном Галлей впервые предложил использовать водолазный колокол и спустился в одном из построенных им колоколов на глубину около пятидесяти футов. Водолазный колокол был назван по своей первоначальной форме, которая представляла собой колокол, и это название сохранилось до сих пор, хотя форма судна была изменена. Подача воздуха поддерживается воздушным насосом, работающим над водой. Однако это неуклюжее устройство, в котором ныряльщик ограничен только той частью дна, на которую опирается колокол. Там, где либо сильное течение, либо дно очень пологое, водолазный колокол вызывает смущение, если не опасность. В одном случае говорится, что ныряльщика забрала из колокола акула. Опытные пловцы могут нырять снаружи и, пройдя под выступом колокола, внезапно всплывать внутри него - подвиг, который всегда удивляет тех, кто находится внутри колокола. Иногда также существует опасность того, что колокол может осесть в мягком иле и удерживаться там всасыванием. Однажды такой случай произошел в Нью-Йоркской гавани, когда компания отправилась на "колоколе" в качестве своего рода увеселительной экскурсии. Трудность выглядела угрожающей, но один из участников предложил раскачать колокол, и при этом вода была загнана под него, а колокол поднят из ила.

СТАЦИОНАРНОЕ УСТРОЙСТВО, СНАБЖЕННОЕ СЖАТЫМ ВОЗДУХОМ.

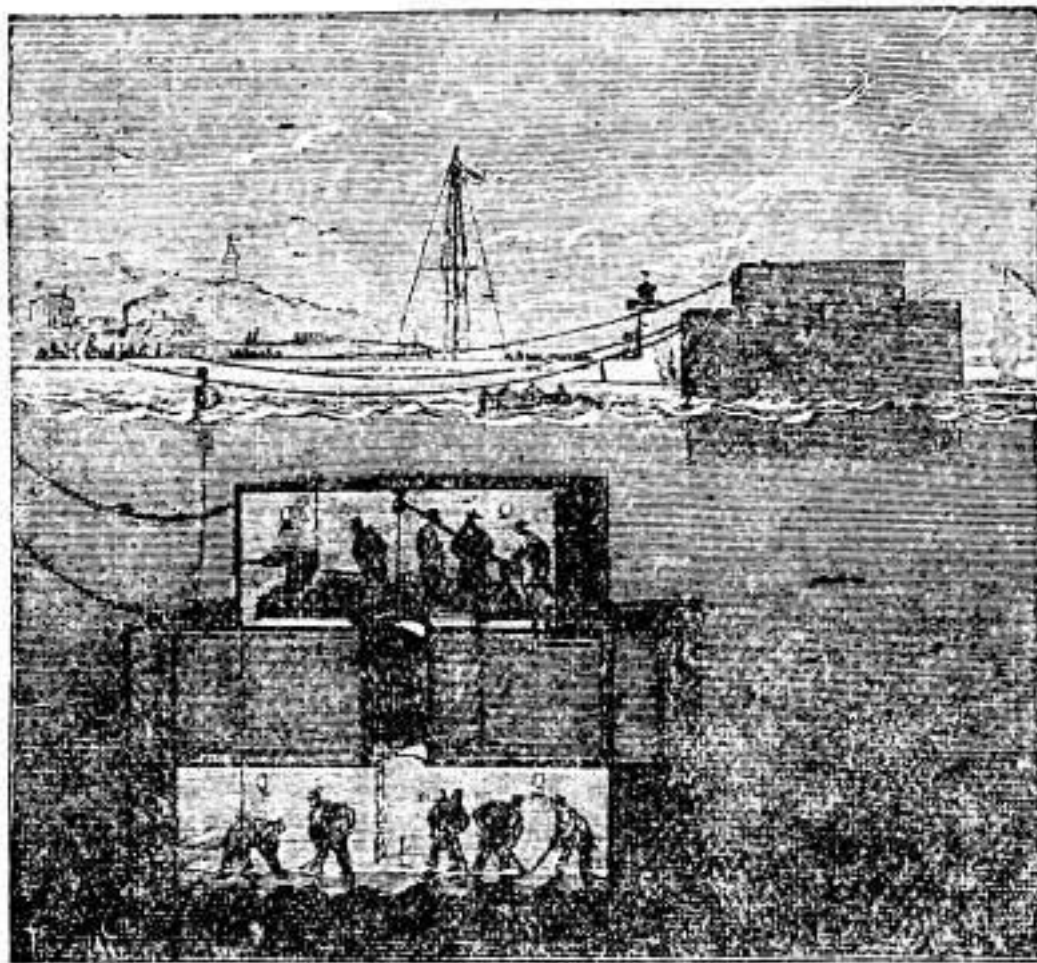
Поскольку рабочие не могут отойти от колокола, эту трудность, по возможности, устраняют перемещением колокола. Однако часто подводные работы должны проводиться только в одном месте, например, при строительстве мостов, когда необходимо закладывать фундаменты пирсов, или при строительстве волнорезов, закладке фундаментов маяков или других подобных работах. В таких случаях часто используются конструкции, которые в принципе идентичны водолазному колоколу. На снимке изображен тот, который использовался для строительства опор великого моста через Рейн недалеко от Страсбурга. Каждая из опор этого моста опирается на фундамент, состоящий из четырех больших железных кессонов большого веса. Каждый кессон был открыт в нижнем конце. Верхняя часть поддерживала три ствола — средний и два боковых. Все три ствола возвышались над водой реки. Средняя шахта сообщалась с открытым воздухом, и вода в ней поднималась до уровня реки. В этом случае на дне реки работала дноуглубительная машина, приводимая в движение расположенным выше паровым двигателем. Две другие шахты были закрыты наверху. Рабочие, входившие выше по течению, плотно закрывали свои средства проникновения воздуха, а затем воздух подавался внутрь до тех пор, пока вода не была вытеснена вниз и наружу, оставив шахты свободными. Затем рабочие спустились и наполнили ковши дноуглубительной машины. Когда они хотели подняться, они забирались на верхнюю часть шахт; воздух выпускался, вода скапливалась в шахтах, и они выходили на открытый воздух.

Устои моста через Ист-Ривер, который должен соединить Нью-Йорк и Бруклин подвесным мостом с пролетом, достаточно высоким, чтобы не мешать судоходству по реке, были

построены с использованием несколько похожего устройства. Башни по обе стороны реки должны были быть настолько высокими, что требовалось заложить очень глубокий фундамент, уходящий в первоначальную скалу, и рабочие, занятые на его строительстве, работали в помещении на подводной лодке, снабжаемом воздухом, нагнетаемым паровой машиной.

Подводный гидростат, как его еще называют, является одним из самых оригинальных и недавних применений принципа водолазного колокола. Тридцать человек могут работать в нем одновременно в течение нескольких часов без каких-либо неудобств; кроме того, он позволяет им по желанию плавать или тонуть.

Внешне, как видно из верхней конструкции на разрезе, машина представляет собой прямоугольную коробку, увенчанную другой коробкой меньшего размера, полностью закрытой, за исключением нижней части. Внутренняя часть гидростата состоит из трех основных отсеков; нижний рисунок на разрезе представляет их в разрезе. Нижний отсек, или трюм, открыт снизу и сообщается шахтой с верхним отсеком. Между верхним и нижним отсеками находится третий, сообщающийся с остальными только запорными кранами. Верхний отсек называется промежуточным, а средний - верхней палубой. По всему трюму и верхней палубе проходит герметичная галерея, соединенная с другими отсеками только запорными кранами. Нижняя часть этой галереи содержит балласт, в то время как ее верхняя часть заполнена воздухом или водой, в зависимости от того, требуется ли ей всплывать или тонуть.

ГИДРОСТАТ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ ПАЙЕРНА.

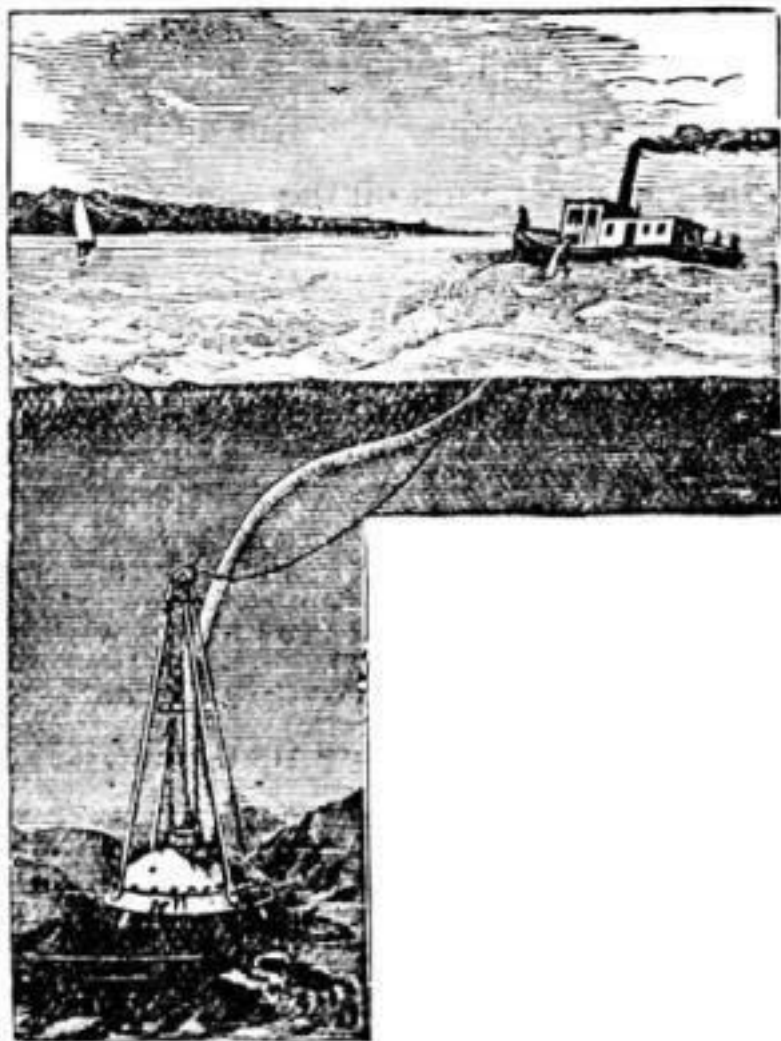
Когда гидростат находится на плаву, трюм и часть шахты заполняются водой, в то время как верхняя палуба, ее галерея и промежутки между палубами заполнены воздухом. Рабочие находятся на промежуточных палубах, где установлены подъемные и нагнетательные насосы. Когда требуется затопить гидростат, дверь шахты и люк промежуточных палуб закрываются водонепроницаемо и воздухонепроницаемо. Затем насос приводится в действие таким образом, чтобы забирать воду снаружи и заполнять палубу orlop и ее галерею. В то же время принудительный насос используется для нагнетания воздуха в трюм по трубе, соединяющей трюм с верхней палубой и снабженной запорным краном. По мере того как верхняя палуба с галереей заполняется водой, машина становится тяжелее и тонет, в то время как трюм одновременно наполняется воздухом. Хотя воздух, нагнетаемый таким образом в трюм, имел бы тенденцию поднимать гидростат, эта тенденция уравнивается заполнением верхней палубы водой. Когда трюм наполняется воздухом, рабочие на промежуточных палубах открывают шахту и спускаются на дно. На промежуточных палубах остается достаточное количество людей, чтобы поднимать и утилизировать извлеченный материал, а также обслуживать насосы, которые поддерживают подачу воздуха для тех, кто находится в трюме. Когда они хотят снова подняться, мужчины поднимаются из трюма по шахте на промежуточные палубы, снова закрывая шахту. Затем воздух выпускается из трюма на верхнюю палубу и галерею; трюм наполняется водой, в то время как нижняя палуба и галерея наполняются воздухом, и гидростат поднимается на поверхность; люди открывают люк между палубами и снова получают свободное сообщение с внешним миром.

Размеры гидростата следующие: Трюм квадратный, размеры сторон по 26 футов каждая и высота 6 футов 6 дюймов. Верхняя палуба имеет тот же размер. Промежуточные палубы имеют ту же глубину, но имеют только 16 футов по бокам. Таким образом, основание трюма занимает 676 квадратных футов. Эта хитроумная машина уже успешно использовалась при выполнении различных работ, таких как очистка и углубление гаваней; поиск потерянных сокровищ; устранение препятствий в каналах и так далее.

Одним из самых важных и интересных проектов подводной инженерии, когда-либо выполненных в этой стране, было устранение скальных заграждений в Адских воротах, у входа через пролив Лонг-Айленд в гавань Нью-Йорка. Первая попытка удалить их была предпринята с помощью бурения и взрывных работ, как в обычном карьере. Эта работа была, однако, довольно медленной, поскольку течение там настолько быстрое, что операции могли проводиться всего несколько минут каждый день во время приливов. Следующий план был предложен французским инженером М. Майлефером, который с большим успехом применил его в гавани Нассау. Этот план был совершенно новым и обладал большим достоинством в том, что был удивительно дешевым по сравнению с теми, что использовались в то время. Это позволило отказаться от дорогостоящего и сложного процесса бурения, но взорвало заряды на поверхности удаляемых пород, в то время как они были покрыты наибольшей глубиной воды. Порох, сгоревший на открытом воздухе, взрывается без каких-либо последствий, кроме безвредной вспышки. Атмосферного давления недостаточно, чтобы ограничить рассеивание внезапно образующихся газов. Под водой, однако, все по-другому; ее давление ограничивает газы и заставляет их разрушительно действовать со всех сторон. В течение нескольких лет работы М. Майлеферта проводились со значительным успехом. Но ему мешала нехватка средств, деньги, которые были потрачены, были собраны за счет частных подписок; и хотя канал был значительно улучшен, его работа была приостановлена. Было также обнаружено, что этот метод оказал большую услугу при отламывании отдельных вершин зубчатой скалы, но когда было достигнуто ложе и скала превратилась в большую, гладкую, плоскую поверхность, прогресс в работе стал медленным, сомнительным

и дорогостоящим. Однако этот процесс подрыва пороховых зарядов под водой с помощью электрической батареи очень ценен в определенных ситуациях.

В 1868 году Конгресс выделил 85 000 долларов на нужды "Врат Ада", и торги на эту работу были открыты для публики. Контракт был заключен с мистером С. Ф. Шелбурном из Нью-Йорка, который предложил выполнять работы методом бурения и взрывных работ, при этом оборудование размещалось на дне и приводилось в действие паровым насосом, установленным на судне наверху. Порода должна была быть пробурена грибовидным сверлом, как его называли, алмазным сверлом, приводимым в действие небольшим турбинным колесом, приводимым в движение паром. Это сверло было опробовано на Сковороде, одном из самых тяжелых камней, загораживающих канал, но было обнаружено, что оно слишком хрупкое и ненадежное для непрерывного действия в условиях тяжелых условий грубой работы на Адских вратах. Затем было опробовано ударное сверло, и машина была построена и приведена в действие, но в тот самый день, когда она должна была начать работать, на нее налетел один из кораблей, постоянно толпящихся у Адских Врат, и уничтожил. После этого мистер Шелбурн отказался от дальнейших попыток, и правительство предприняло их, передав руководство операциями в руки генерала Ньютона.

СВЕРЛО Для ГРИБОВ.

Осуществляемый в настоящее время план состоит в том, чтобы подорвать все русло реки в этом месте с помощью ряда галерей, соединенных поперечными переходами, оставив в виде

колонн только столько породы, сколько обеспечит устойчивость крыши над ними. Когда эта работа будет завершена, эти подводные каналы должны быть заряжены необходимым количеством нитроглицерина в количестве тысяч фунтов и взорваны одним грандиозным взрывом. Эта огромная работа сейчас идет полным ходом и быстро приближается к завершению. Работа ведется днем и ночью, в ней задействованы три группы рабочих, каждая работает по восемь часов. Бурение до сих пор производилось в основном вручную и является очень трудоемким. Рабочие - в основном корнуоллские шахтеры, которые одни могут выдержать тяжесть такой добычи. Они почти никогда не высыхают во время работы, а зимой их одежда часто покрывается льдом. Однако ведется подготовка к использованию механических дрей, приводимых в действие сжатым воздухом.

Работы по добыче полезных ископаемых под руслом Ист-Ривер должны проводиться с большой осторожностью. Каждый дюйм пути должен быть критически исследован. Были встречены пласты разложившейся слюды, через которые вода реки протекала, как через сито. В одной из шахт был встречен такой шов, через который вода лилась со скоростью шестьсот галлонов в минуту, и остановить ее можно было, только соорудив прочный щит. Дно шахты находится примерно на тридцать футов ниже линии отлива. Крыша, конечно, повторяет общий контур рифа, и для определения этого необходимо провести зондирование особого рода. Русло ручья покрыто, за исключением самых высоких точек рифа, отложениями валунов, мергеля и органических веществ из канализации Нью-Йорка, иногда на глубину десяти-двенадцати футов. Поскольку точный профиль твердой породы должен быть известен до того, как горняки смогут приступить к работе, каждое зондирование для определения этого — а их уже произведено более 15 000 — должно проводиться тщательно. Зондирующее устройство состоит из поплавка, или плота, поддерживающего машину, похожую на гильотину или сваебойный станок, с помощью которого трехдюймовая железная трубка проталкивается через вышележащий слой к скальному пласту. Затем содержимое трубки откачивается, и используется железный стержень, чтобы определить природу породы внизу. Если это валун, раздается глухой стук, и стержень не отскакивает. Твердый камень отвечает резким звоном, и стержень пружинит обратно. Затем с помощью приборов с берега определяются направления трубы, и положение породы вычисляется с помощью простого процесса.

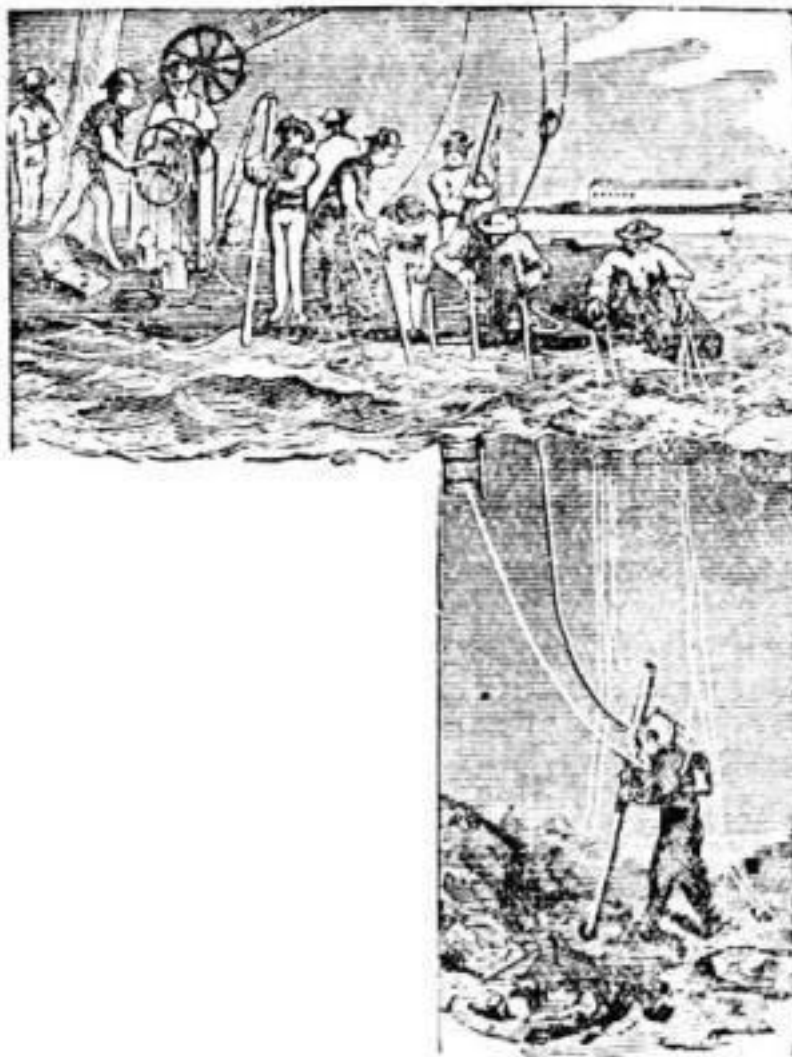

ГОТОВ КО СПУСКУ.

Под руководством генерала Ньютона в Нью-Йоркской гавани также проводятся другие подводные операции по устранению скалистых и опасных препятствий, известных как Даймонд-риф и Коэнти-Риф, которые находятся в самой оживленной части гавани, непосредственно на пути следования многочисленных паромов, курсирующих между Нью-Йорком и Бруклином, и являются не только хлопотными, но и опасными, особенно при низкой воде. Для выполнения этой работы генерал Ньютон приказал построить специальную лодку - шаланду, низкое, похожее на коробку судно с переплетением бревен, канатов, цепей и механизмов, окружающих огромный купол в центре. Это судно очень прочно построено и поставлено на якорь так прочно, что волны бьются о его борта, как о причал. Эта прочность важна для выполнения работ, а также для защиты оборудования от случайного столкновения с постоянно проходящими судами в гавани. Общее назначение шаланды легко понять. Его цель - охранять буровое оборудование во время его работы; транспортировать его, когда это необходимо, и поддерживать двигатели для работы сверл. В центре шаланды находится

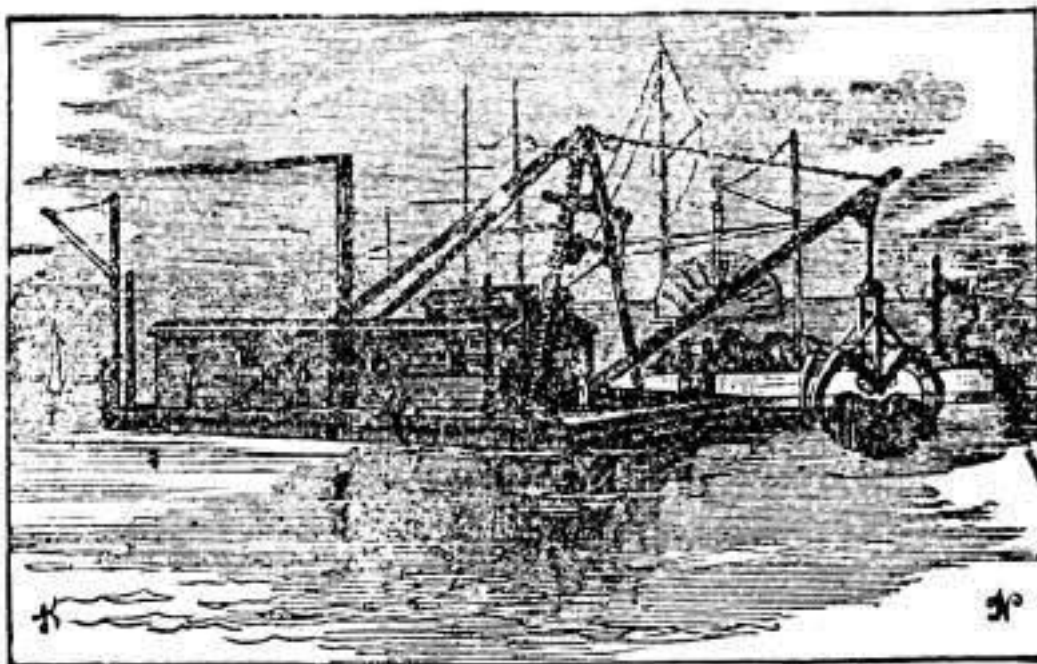
восьмиугольный колодец диаметром тридцать два фута, в котором поддерживается кованый из железа купол для защиты ныряльщиков. На вершине купола установлен "телескоп" диаметром двенадцать футов с подъемом и опусканием на шесть футов, чтобы приспособить его к различным стадиям приливов и отливов. Когда купол находится в рабочем состоянии, он стоит отдельно от скамьи, опираясь на саморегулирующиеся опоры, которые приспособляются к неровностям рифа. Когда буры работают, купол опущен, его не видно, а оборудование, которое на первый взгляд кажется беспорядочным на баркасе, расставлено по порядку и находится на одном уровне с палубой. Двигатели, приводящие в движение буры, установлены на подвижных мостиках, откидываемых назад, когда купол поднят; а буры работают в прочных железных трубах, проходящих через купол, одна в центре, а другие расположены вокруг него по кругу диаметром около двадцати футов. Опущенный купол служит для защиты дайверов, так что в любой момент они могут спуститься, чтобы отрегулировать работу буров или выполнить любую другую работу. Без этой защиты ныряльщики не смогли бы удержаться на ногах, настолько сильным бывает течение во время прилива или отлива. Водолазы защищены водолазным костюмом; воздух подается к ним по трубке, подсоединенной к задней части шлема, который они носят, и нагнетается воздушным насосом. Когда просверливается набор отверстий, они заряжаются нитроглицерином и одновременно взрываются под действием электричества.

Это простое утверждение показывает, насколько современные методы проведения подобных подводных операций зависят от достижений современной химии. На самом деле, вряд ли в таких операциях используется хоть одно приспособление, от паровой машины, приводящей в движение дрели, до гуттаперчевых трубок и индийских резиновых костюмов, позволяющих ныряльщикам спускаться под воду, но какие изобретения или открытия полностью принадлежат современности и позволяют современным людям выполнять операции, которые для древних были бы действительно невозможны?

ВЫДВИГАЮ ОБВИНЕНИЯ.

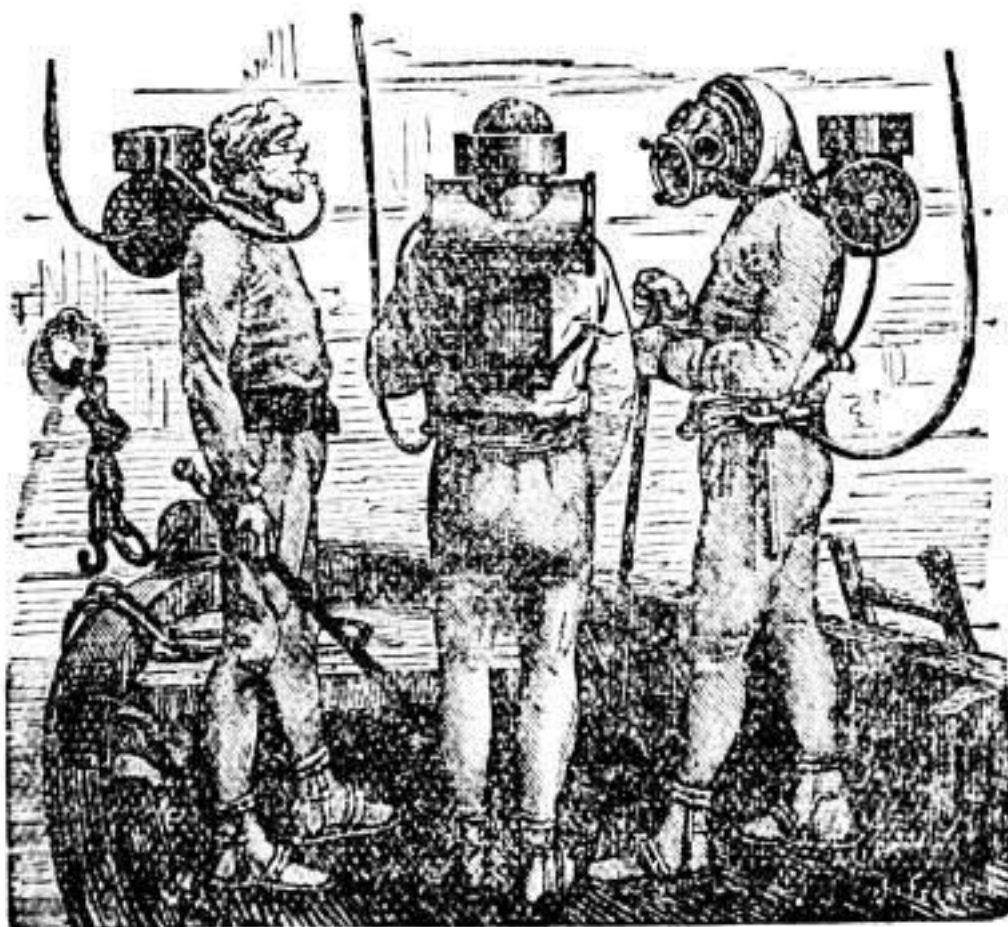
Нитроглицерин содержится в жестяных гильзах, похожих на гигантские формы для свечей, длиной десять футов и диаметром от четырех до пяти дюймов. Они соединены с батареей проводами. Нырятьщики спускаются и помещают их в просверленные отверстия, сначала вытаскивая деревянные заглушки, которые были вставлены в них после того, как они были просверлены, чтобы уберечь их от заполнения грязью. Как только заряды установлены, водолаз возвращается к лодке, и она опускается достаточно далеко от места, чтобы быть в безопасности от последствий взрыва, а затем, при нескольких оборотах аккумулятора, нитроглицерин взрывается. Раздаются два приглушенных взрыва, один из которых передается через воду, а другой - по воздуху, и в тот же миг объем воды подбрасывается примерно на пятьдесят футов в воздух, в то время как через эту массу струи воды разлетаются во всех направлениях в два или три раза дальше вместе с обломками скалы. Вода быстро спадает, и вокруг этого места всплывает наверх мертвая рыба, убитая ударом взрыва. При каждом взрыве порода разбивается на площади в четыреста или пятьсот квадратных футов, и осколки удаляются грейферной машиной.

ГРЕЙФЕРНАЯ МАШИНА.

При этих подводных операциях водолазы используют броню, которую сделало возможным открытие индийского каучука и процесс его вулканизации, что позволяет водолазу спускаться и оставляет ему достаточную свободу движений для работы. В этом, как и почти в любом другом новом методе, были постепенные этапы совершенствования. Во второй половине прошлого века был предложен план, согласно которому ныряльщик должен был носить с собой запас воздуха, сжатый в резервуар, который он носил на спине, вдыхая воздух через трубку. Модифицированные варианты этого метода использовались до тех пор, пока в 1830 году открытие индийского каучука не предоставило возможность, которой немедленно воспользовались для улучшения водолазного снаряжения. В конструкцию этой подводной брони были внесены различные усовершенствования, некоторые из них защищены патентными правами, но наиболее совершенным методом ее изготовления является метод, разработанный двумя французами, М. Рукуаролем, горным инженером, и М. Денайрузом, лейтенантом французского военно-морского флота. Одним из главных достоинств этого устройства является то, что ныряльщик получает доступ к воздуху. Это устройство дайвер носит на спине и состоит из резервуара из стали или железа, способного выдерживать большое давление, с камерой в верхней части, предназначенной для регулирования притока воздуха. Трубка из этой камеры, заканчивающаяся мундштуком, удерживается между зубами дайвера. Эта трубка снабжена клапаном, позволяющим выпускать воздух, но препятствующим поступлению воды. Стальной резервуар отделен от камеры коническим клапаном, открывающимся от воздушной камеры таким образом, чтобы открываться только под действием внешнего давления воздуха в резервуаре, стремящегося закрыть его. Воздух из воздушного насоса нагнетается в резервуар, и за счет этого дайвер удовлетворяет свои потребности следующим образом: Воздушная камера закрывается подвижной крышкой, к которой прикреплен хвостовик конического клапана. Диаметр крышки немного меньше внутреннего диаметра камеры, и она покрыта резиновым покрытием для обеспечения герметичности. Он поддается как внутреннему, так и внешнему давлению, повышаясь или понижаясь в зависимости от обстоятельств. Когда на него оказывается внешнее давление, срабатывает клапан, открывается сообщение между воздушной камерой и резервуаром, и часть сжатого воздуха из последнего поступает в

камеру. Если в камере слишком много воздуха, его давление на подвижную крышку удерживает клапан закрытым.

ВОДОЛАЗЫ ОБЛАЧИЛИСЬ В ОПИСАННЫЕ АППАРАТЫ.

При использовании под водой он работает следующим образом: ныряльщик, делая вдох, забирает воздух из камеры; на подвижную крышку оказывается внешнее давление, она опускается, клапан открывается, и воздух поступает из резервуара для установления равновесия, когда крышка поднимается и перекрывает сообщение между воздушной камерой и резервуаром до тех пор, пока очередной вдох со стороны ныряльщика не повторит только что описанное действие. Когда рабочий истекает, клапан в дыхательной трубке позволяет удаляемому воздуху попадать в воду. Это устройство работает автоматически; хотя воздушный насос может работать нерегулярно, его действие является регулярным. Ныряльщик получает ровно столько воздуха, сколько необходимо для дыхания, и он достигает его при давлении, равном тому, которому подвергается остальная часть его тела, и поэтому он может дышать без усилий и внимания. Сжатие воздуха нагревает его, и вдыхание нагретого таким образом воздуха вредно для дайвера. Это было исправлено тем же джентльменом путем модификации насосов, с помощью которых воздух нагнетается в резервуар. Воздух охлаждается, когда его заставляют проходить через два слоя воды, прежде чем он достигает резервуара; и, расширяясь при прохождении в воздушную камеру, он снова охлаждается.

ВОДОЛАЗЫ НАХОДЯТ ЯЩИК С ЗОЛОТОМ В ПОРТУ МАРСЕЛЯ.

При использовании этого устройства достигается еще одно преимущество. Когда ныряльщик находится внизу, воздух, который он выдыхает, поднимается пузырьками на поверхность, и по регулярности, с которой они поднимаются, можно легко определить его состояние. Если они прекращаются, становится известно, что, должно быть, что-то случилось и что его следует немедленно вытащить наверх. В старом водолазном костюме выдыхаемый воздух проходил в пространство между его телом и одеждой и выходил через клапан в шлеме, но поскольку избыток подаваемого к нему воздуха также выходил таким образом, по этому нельзя было определить, жив водолаз или мертв.

Практика дайвинга стала настолько распространенной, что во всех странах это обычная профессия. Интересно будет привести несколько примеров преимуществ, которые она дает.

В феврале 1867 года в порту Марселя произошло столкновение двух пароходов "Ганг" и "Императрица". У последнего из них оторвалось одно из колес, а ящик с золотом в офицерской кают-компании выпал и утонул в грязи. Точное место, где он упал, неизвестно. Коробка была черной и не очень прочной. На следующий день была предпринята попытка ее вернуть. В предполагаемом месте, где была потеряна коробка, был воткнут поводок, а две веревки, прикрепленные к нему, были завязаны узлом на расстоянии ярда по их длине. Два ныряльщика, спустившись, взяли каждый из себя по одной из этих веревок в руки и, используя поводок в качестве центра, ходили постепенно увеличивающимися кругами,

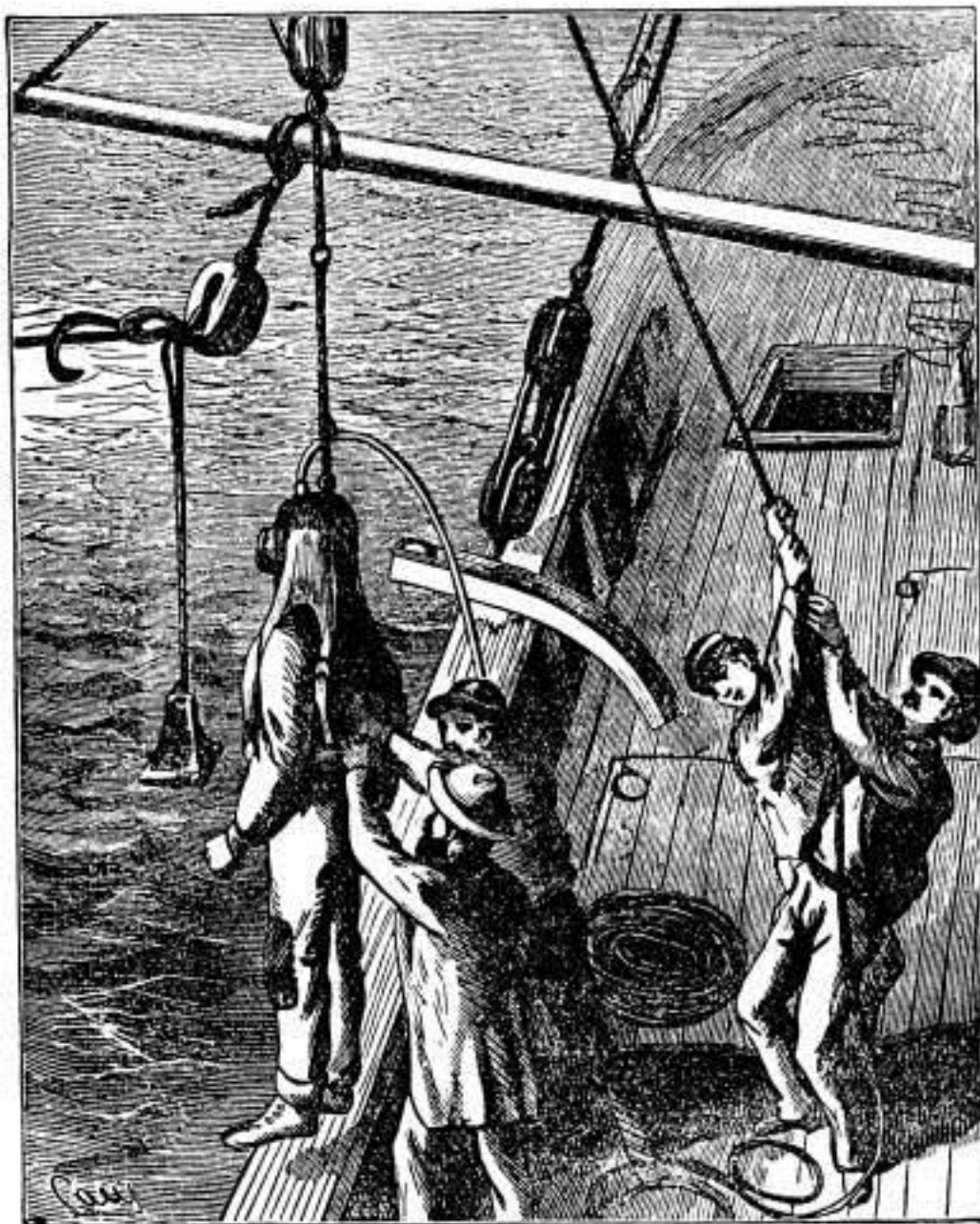
тщательно осматривая каждый фут своего пути. Проработав таким образом три часа, они нашли коробку и вернули ее обрадованному владельцу.

Другой наиболее интересный случай связан с "Гусаром", судном ВМС Англии, которое потерпело крушение у Адских врат в Нью-Йоркской гавани. 23 ноября 1780 года, во время Революционной войны, когда Нью-Йорк находился во владении англичан, британский флот вошел в гавань. Среди них в качестве конвоев были "Меркурий" и "Гусар". У первого на борту было 384 000 фунтов стерлингов, в основном в гинеях, а у второго - 580 000 фунтов стерлингов, что в совокупности составляло около 4800 000 долларов. Эта крупная сумма предназначалась для выплаты английским войскам, находившимся тогда в этой стране. На следующий день все эти деньги были помещены на борт "Гусара", и он был готов отправиться в Нью-Лондон, штат Коннектикут, который в то время был местом встречи британцев. Перед отплытием она также приняла на борт семьдесят заключенных из тюремных корпусов в заливе, которые были закованы в кандалы на оружейной палубе внизу. Что предполагалось сделать с этими несчастными заключенными, неизвестно, и это не фигурирует в записях. Однако, нагруженный таким образом, "Гусар" был выведен из дока и под присмотром лоцмана-негра, который несколькими днями ранее благополучно провел фрегат через Адские врата, отправился в путь по этому опасному проходу. Когда она была почти закончена, когда до открытой воды оставалось всего несколько удилищ, она ударила, поплыла прочь, начала быстро наполняться, и пока обсуждался вопрос о том, чтобы поддержать ее, она ударила снова, вскоре осела и, соскользнув со скал, погрузилась на девяносто футов в воду. Офицеры и команда спаслись, но семьдесят заключенных, прикованных цепями внизу, на оружейной палубе, затонули вместе с судном, даже не попытавшись их спасти.

Само судно было большим, несло тридцать две пушки и имело размеры двести шесть футов в длину и пятьдесят восемь в ширину. В 1794 году экспедиция из Англии прибыла в Нью-Йорк и в течение двух сезонов безуспешно пыталась поднять затонувшее судно с помощью грейферов, когда правительство Соединенных Штатов запретило им больше работать. В 1819 году английская компания предприняла еще одну попытку, которая продолжила свою работу с водолазным колоколом. Сила течения здесь сделала их усилия бесполезными, и они отказались от попытки. С тех пор возможный шанс получить четыре миллиона долларов побудил различные другие компании попробовать свои силы, и, в свою очередь, каждая из них отказалась от попытки, отчаявшись добиться успеха. Однако в течение последних четырех лет работала новая компания, использующая недавно изобретенную броню для подводных лодок, и все это время шлюп стоял, разобранный, но прочно закрепленный, примерно в ста ярдах от нью-йоркского берега Ист-Ривер, в трех четвертях мили над островом Уордс. Это то место, где затонул "Гусар", нос которого был направлен на север.

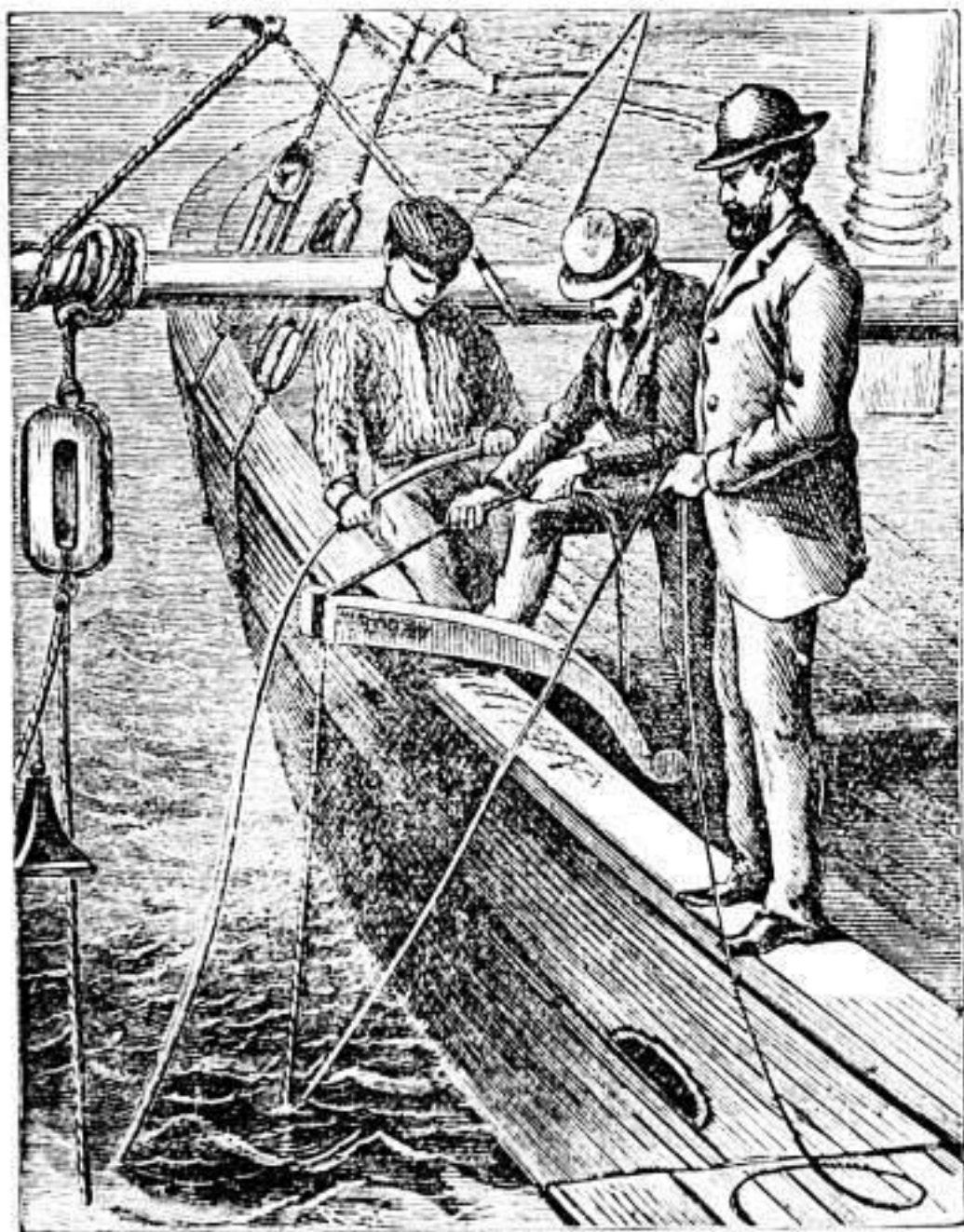
ВООРУЖАЮ ДАЙВЕРА.

БРОСАЮ НЫРЯЛЬЩИКА.

Костюм водолаза состоит, во-первых, из пары комбинированных толстых резиновых леггинсов и ботинок. Они заканчиваются на талии железной лентой, снабженной железными зажимами. Свинцовые ремни, которые вместе весят девяносто фунтов и которые сделаны так, чтобы обхватывать его лодыжки и талию, предназначены для придания ему веса, достаточного для того, чтобы выдержать течение. На верхней части своего тела он носит большой медный шлем с прочным кольцом-болтом наверху, а под ним надежно прикрепленная к нему резиновая куртка, заканчивающаяся железной полосой, сконструированной таким образом, чтобы она совпадала с полосой гетр и плотно прилегала к ним. Рукава этой куртки собраны вокруг его запястий и туго завязаны. Куртка сделана из более гибкого материала, чем леггинсы, чтобы ему было легче пользоваться руками. Водолаз надевает леггинсы, а затем крюк, прикрепленный к концу веревки, перекинутой через шкив и приводимой в действие двигателем, зацепляется за кольцо на верхней части шлема, и он вместе с курткой поднимается и опускается через его голову. Втиснувшись в рукава, он так же беспомощен под тяжестью своих доспехов, как старый рыцарь, закованный в железо. В

передней части его шлема есть стеклянная дверца, обтянутая проволокой, которая открывается для него, в то время как его спутники завершают его туалет, завязывая рукава его куртки вокруг запястий; поправляя железные ремешки на его гетрах и куртке и крепко стягивая их вместе; затем надевают на него свинцовые ножные браслеты и пояс, закручивают трубу, через которую подается воздух, а затем закрывают дверцу его шлема и надежно закрепляют его, он готов к выбросу. Ныряльщик несет в руке тонкий шнур, с помощью которого он сигнализирует о своих желаниях, находясь внизу. Его медленно опускают на дно, на девяносто футов ниже, где кипит его работа, поскольку у него есть только час до и час после начала прилива.

НЫРЯЙ ВНИЗ.

Пока он внизу, те, кто наверху, так же озабочены его благополучием, как и он сам. Тот, у кого есть сигнальный шнур, занимает наиболее ответственное положение. Существует заранее определенный код сигналов: "побольше воздуха", "подтяни меня", "побольше инструментов",

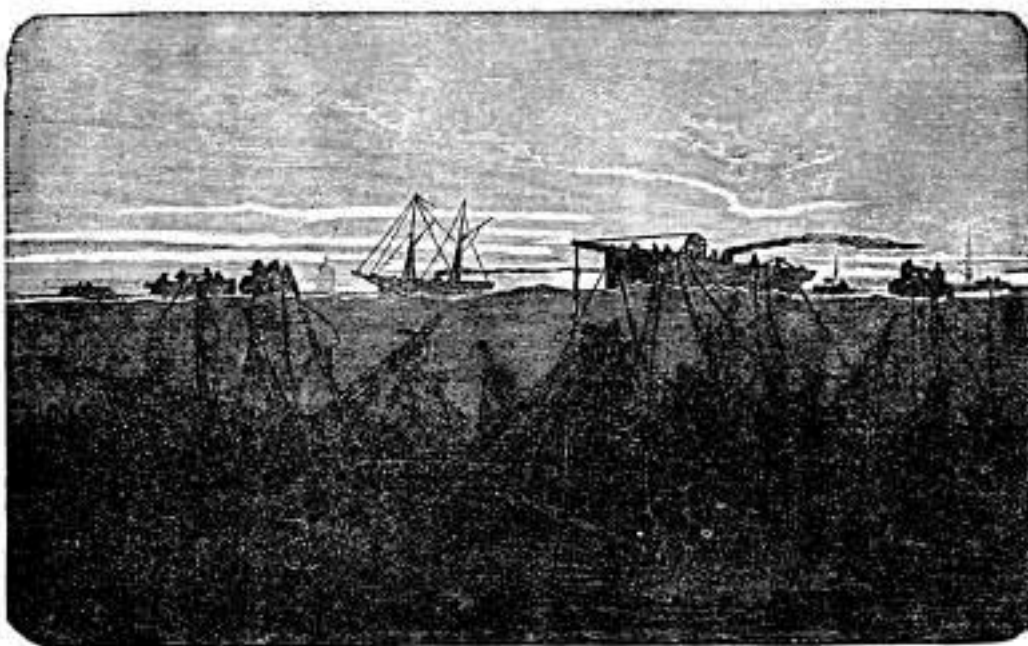
"подними ведро" и так далее. Его работа внизу заключалась в разрушении тяжелого каркаса судна, и сделано это было хорошо; от него мало что осталось, кроме изъеденных червями и затопленных водой колен и балок, которые образовывали его днище, и главная задача водолаза теперь состоит в том, чтобы киркой и лопатой разбить твердый конгломерат песка и гравия, который был уплотнен под действием воды и ржавеющего железа. Единственное чувство, которым обладает ныряльщик, чтобы вести себя в этих глубинах, - это осязание, потому что на этой глубине темно, как в полночь. Собранный таким образом материал выносят на поверхность в ведре и тщательно осматривают.

Эта работа выполнена за счет компании Frigate Hussar Company, зарегистрированной компании, основной капитал которой разделен на сорок восемь тысяч акций по сто долларов каждая, что соответствует количеству сокровищ, которые, как утверждается, находятся в ведении Hussar, и с 1866 года она неуклонно продолжается. Масса золота еще не найдена, но время от времени в кучах грязи и песка находят кусочек золота. Был поднят кусок серебра, сделанный из различных монет, спекшихся под действием воды, с вделанным в него несколькими золотыми монетами. Из глубины были извлечены пушки, пушечные ядра, цепи, кандалы, груды оружейных кремней, серебряная и оловянная посуда, корабельный колокол, а также большое количество стеклянной и фаянсовой посуды с большим количеством человеческих костей. В различных музеях страны хранятся образцы реликвий, доставленные с этого исторического корабля. Однажды принесли медную шкатулку, и когда ее открыли, оказалось, что она полна драгоценных камней, ожерелий, серег и жемчуга огромной ценности. Оставленный на мгновение на палубе спасательной шхуны, он исчез, и вторые его поиски оказались еще более безрезультатными, чем первые.

Во время Крымской войны вереница кораблей и фрегатов была потоплена русскими в гавани Севастополя, в проходе между фортами Екатерина и Александр. Когда их вынудили покинуть город, другие, оставшиеся в гавани, были потоплены, так что было потоплено по меньшей мере 100 судов, оценочная стоимость которых составляет от пятидесяти до шестидесяти миллионов долларов. Чтобы предотвратить, по возможности, воздействие моря на их механизмы и металлические части, они были покрыты дегтем или жиром. Когда война закончилась, американский инженер по имени Гоуэн отправился в Россию и взялся за работу по подъему этих судов, предварительно спустившись сам в водолажном костюме и убедившись в их состоянии, а также в том, что он может восстановить некоторые из них целиком, а другие по частям. В этой работе использовался огромный насос, поднимающий почти 1000 тонн воды в минуту. При этом, после закрытия, насколько это было возможно, отверстий порта и других отверстий, была устроена еще одна труба для подачи воздуха, и насос был приведен в действие. Эта мощная машина за очень короткое время опорожнила сосуд с водой, так что воздух поступал в него по другой трубе, и сосуд сам собой поднимался на поверхность. Огромная цепь, каждое звено которой весило более двухсот фунтов, использовалась для того, чтобы поднимать их, когда это было необходимо, или самостоятельно, когда пользоваться ею было проще всего в одиночку.

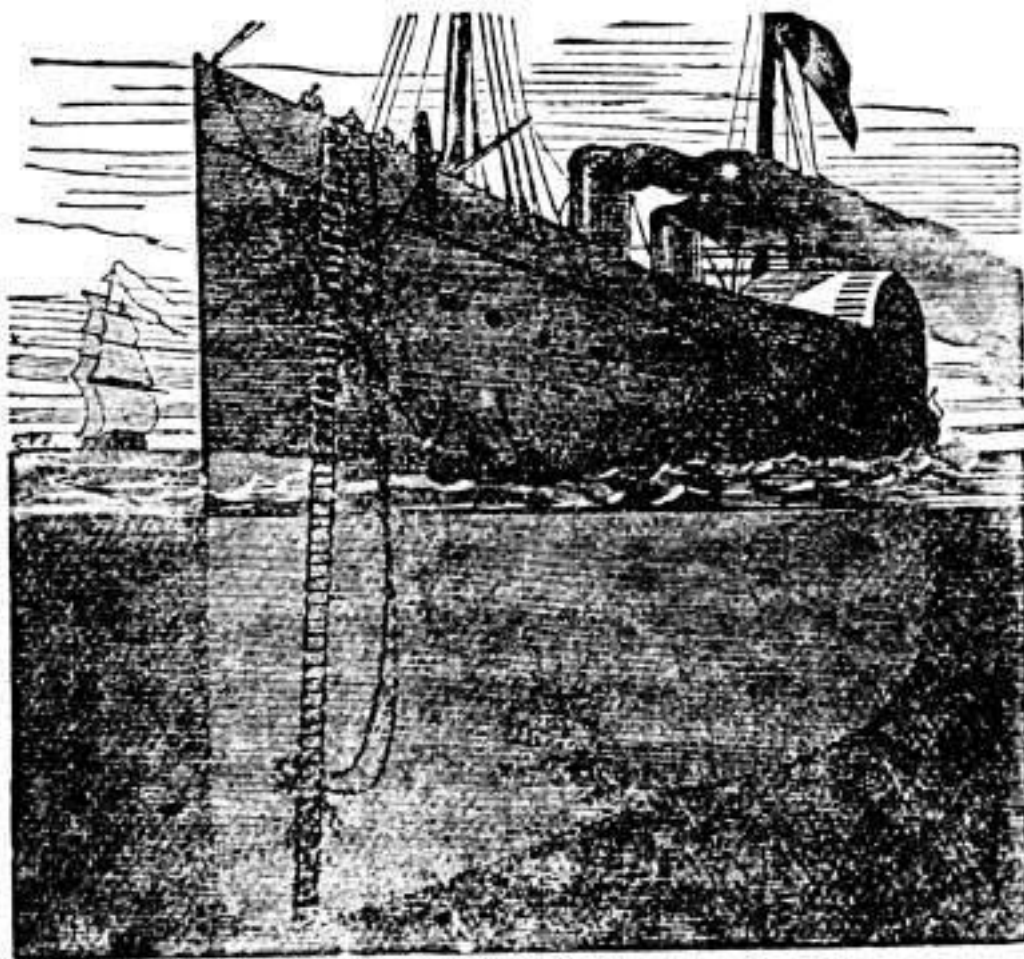
ПУШКА, КОЛОКОЛ И КОСТИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ОБЛОМКОВ "ГУСАРА".

СПАСЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОРАБЛЕЙ, ЗАТОНУВШИХ В СЕВАСТОПОЛЕ.

Очень важное применение, для которого часто используется броня подводной лодки, заключается в том, что она позволяет водолазу очищать дно судна под водой во время движения. Это большое удобство, так как позволяет избежать задержек и расходов, связанных с необходимостью помещения судна в сухой док. Веревоочная лестница с перекладинами из дерева или железа протянута под судном, спускаясь с одной стороны и поднимаясь с другой. Таким образом, она натягивается, и ныряльщик спускается. Перекладина, обвязанная с каждого конца веревкой, заканчивающейся крюком, подвешивается за крючки к перекладинам и дает ему возможность сесть, оставляя его руки свободными. Он может также наполнить свой герметичный костюм воздухом и таким

образом частично опереться о борт корабля. Моряки американского судна Colorado в Шербуре за пять дней ликвидировали повреждения, полученные монитором Miantonomoh, несмотря на плохую погоду. На французском таране Taureau, покрытом железом, за 109 часов работы было выскоблено днище и полностью очищено от морских водорослей и ракушек, что значительно увеличило его скорость.

УКУПОРИВАНИЕ СОСУДА.

В бухте Мобил были проведены одни из самых успешных водолазных операций. Там, около затонувшего судна, возникла необходимость погрузить ряд свай в слой зыбучих песков, который образовался вокруг него. На испытаниях обычная сваебойная машина была признана непригодной для этого. Под ударами падающего груза упругий песок отскочил, и куча была выброшена. Эта неожиданная трудность была устранена простым, но наиболее эффективным способом. Был установлен всасывающий насос, а шланг привязан к концу сваи; когда свая коснулась дна, насос заработал, и всасывающее устройство пробурило отверстие в песке, в которое свая упала с поразительной быстротой. Когда свая была достаточно погружена, шланг извлекли, и песок, оседавший вокруг сваи, удерживал ее так крепко, как будто она была зацементирована.

Во время поздней гражданской войны монитор "Милуоки" был поражен замаскированной торпедой в Мобил-харбор и затонул. Во время войны эти торпеды потопили три монитора в этой гавани, помимо нескольких диспетчерских катеров, которых постигла та же участь. "Милуоки" затонул почти точно к востоку от города, и во время продолжения боевых действий были предприняты усилия по спасению его вооружения и техники. Его орудия обошлись правительству в 30 000 долларов каждое. Была задействована группа водолазов,

состоявшая в основном из механиков и инженеров, которые были освобождены от военной службы в Конфедерации, но полностью сочувствовали ее делу. Эта обязанность была сопряжена с особыми опасностями, поскольку в ней были не только те, что присущи подводному плаванию, но поскольку она находилась в пределах досягаемости, а боевые действия все еще продолжались, водолазы, находясь внизу, хотя и были в безопасности от попадания, все же подвергались опасности еще худшей смерти из-за повреждения воздушного насоса наверху, от которого зависела их подача воздуха и который по необходимости подвергался воздействию.

Описанная ниже работа также была особенно трудной. Остов был забит запутанными механизмами из шестнадцати двигателей, кабин, стоек, лонжеронов, рычагов, люков, стоек, плавающих сундуков, ящиков, и эта неразбериха усугублялась ужасным, таинственным мраком воды, который был не ночью или темнотой, а отсутствием какого-либо луча света, способного коснуться зрительного нерва. Осознание - это единственная опора, а линия жизни - единственный ориентир для дайвера. Офицеры и матросы корабля были озабочены возвращением своего багажа и предложили водолазам помощь в его спасении. Одному из офицеров очень хотелось заполучить свой сундук, который находился в дальней каюте, и он предложил за него вознаграждение в пятьдесят долларов. Водолаз, взявшийся за это задание, описал трудности, с которыми он столкнулся при его выполнении. Чтобы найти кают-компанию, требовалось спуститься под знакомую башенную камеру, пробираясь сквозь неразбериху механизмов в машинном отделении, ощупью пробираясь среди плавающих и затонувших предметов. Только на ощупь он должен был найти сундук, взять его в руки в этом сгущающемся мраке, нести его, толкать, перемещать по этому лабиринту до точки, где его можно было поднять, и через все это он должен был пронести свой спасательный круг и воздушный шланг. Трижды леска запутывалась в механизме, и трижды ему приходилось терпеливо следить за ней, находить нужное место и освобождать ее. Затем дверь кают-компании захлопнулась, когда он был в ней, и он долго ходил ощупью по этой маленькой комнатке в темноте, прежде чем смог найти ее снова. Все части камеры казались одинаковыми: гладкие скользкие стены, покрытые клейким желеобразным налетом морской воды. Запутавшаяся линия стала вместо направляющей еще одним источником ошибок, а время шло, и жизнь зависела от непрерывности трубки. Торопиться было некуда; с утомительной и терпеливой осторожностью он должен был следовать за линией жизни, находить ее зацепления и медленно ослаблять их, затем, осторожно устраняя слабинку, следовать по выпрямленной линии к двери. Он также не должен забывать о сундуке, медленно он поднимает и толкает то коробку, то леску, которая цепляется за каждый выступающий бугорок, рукоятку, колышек или точку механизма. Однако в конце концов его хладнокровное терпение вознаграждается успехом. Он выносит сундук на свежий воздух и возвращает его владельцу; но при этом он совершил худшую ошибку из всех; он неправильно истолковал характер этого человека; он так и не заплатил и не предложил заплатить пятьдесят долларов.

Другой пример хладнокровной решимости перед лицом непредвиденных опасностей подводного плавания произошел с дайвером, который занимался восстановлением ценного сухого дока в заливе Пенсакола. В страстном стремлении к разрушению, которое так яростно проявил Юг в начале гражданской войны, подобно тому, как дети в ярости уничтожают свои собственные игрушки, это сооружение было сожжено до кромки воды и затонуло. Позже была сформирована компания для его подъема. Он был построен в отсеках, и этот метод строительства, который первоначально предназначался для предотвращения его затопления, теперь служил для предотвращения всплытия. Каждый из маленьких водонепроницаемых отсеков, теперь, когда они были заполнены, удерживал его внизу.

Необходимо было пробить нижнюю сторону каждого из них и дать воде равномерно стекать в них.

Внутренняя часть корпуса была заполнена этими ящиками. Огромные балки и шпалы пересекались друг с другом под прямым углом, образуя каркас этого ячеистого интерьера. Необходимо было пробиться сквозь них снаружи, и это была самая трудная и утомительная работа под водой. Сеть балок была настолько плотной, что проход между ними едва пропускал тело ныряльщика. В одно из этих отверстий заполз ныряльщик. Работа по отрыванию оболочки заняла у него час или больше, и когда она была закончена, он решил вернуться со своего места. Но он обнаружил, что не может. Броня вокруг его головы и плеч, действуя как острое крюка, поймала его; он мог войти внутрь, но не мог потерять сознание. В тщетных попытках выкрутиться он потратил так много времени, что мужчины наверху начали беспокоиться и усилили свою работу у насоса. Поток воздуха хлынул вниз и раздул его броню, так что он был пойман более эффективно, чем когда-либо. Он дал сигнал насосу остановиться. Кран на задней части шлема, чтобы выпускать воздух, был вне пределов его досягаемости. Его единственным шансом было расстегнуть платье на запястьях, где были завязаны рукава. Он намеревался это сделать, но внезапно обнаружил, что дышит воздухом в своих доспехах. Углекислый воздух начал действовать на него, делая его разум мечтательным, и вызывая сильное желание спать. Это он мог преодолеть только решительным усилием воли. Тем временем его попытки стянуть запястья увенчались успехом; воздух вышел и уменьшил его массу. С энергией отчаяния он делает еще одно невероятное усилие. Это увенчалось успехом, и его вытащили на поверхность ошеломленного, сонного и лишь наполовину осознающего опасность, которой он подвергся.

Эти случаи, однако, являются исключительными и возникли только из-за их особых условий. В другое время ныряние, защищенное таким образом, доставляет удовольствие; и дайверы считают его таким, какой он есть, единственно верным способом посетить подводный мир. Первое ощущение при спуске - внезапный, раскатистый грохот каскадов в ушах, вызванный воздухом, нагнетаемым в шлем воздушным насосом. Поскольку гибкий шланг должен быть достаточно прочным, чтобы выдерживать давление от двадцати пяти до пятидесяти фунтов на квадратный дюйм, силу тока можно оценить. Барабанная перепонка поддается сильному внешнему давлению. Рот непроизвольно открывается, воздух врывается в евстахиеву трубу и ударяется о барабанную перепонку, которая возвращается в свое нормальное состояние с резким, пистолетным треском. Напряжение на мгновение ослабевает, чтобы снова возобновиться и снова ослабеть в результате того же процесса.

Всматриваясь сквозь стеклянные очки, установленные на шлеме, ныряльщик видит любопытную, странную красоту окружающего мира не так, как видит его купальщик, размытым и нечетким, а ясно и в своем собственном спокойном великолепии. Первая мысль - это невыразимое восхищение чудесной красотой всего, что его окружает. Над ним - чистый золотой балдахин с редким мерцающим блеском, что-то вроде мягкого, влажного сияния, которое видно, когда солнечный свет пробивается сквозь слепополуденный ливень. Мягкая нежность этого чистого соломенно-желтого цвета, который пронизывает все, пересекается и освещается оттенками случайных и дополняющих друг друга цветов, которые неопишимо элегантны. Дно моря возвышается подобно золотистому ковру, плавно спускающемуся к поверхности. Это, пожалуй, первое, что привлекает внимание к тому факту, что он находится в новой среде, и что привычный свет меняется по своей природе. Если смотреть горизонтально, вокруг него видно новое и прекрасное богатство цветов. Сначала он нежно-голубой, но вскоре становится насыщенным фиолетовым. По мере того, как глаз

останавливается на нем, он темнеет до цвета индиго и становится более насыщенным иссиня-черным, твердым и несокрушимым. Это все вокруг него, он кажется заключенным в прочную каменную кладку воды.

Преображение знакомых предметов удивительно чудесно. Корпус корабля, кажется, инкрустирован изумрудами и шелковистым мхом и сверкает бриллиантами, золотом и всевозможными драгоценными камнями. Груда кирпича превращается в огромную гору хрусталя, украшенную драгоценными камнями. Лестница становится серебряной, усыпанной изумрудами. Рангоуты, мачты и реи, когда на какую-либо точку или угол попадает свет, умножают отраженное великолепие. Каждая тень создает впечатление бездонной глубины. Море кажется испещренным впадинами, которые пронизывают твердый земной шар. Здесь нет градации перспективы.

В устье большой реки на свет влияют различные плотности различных сред. На соответствующей глубине четко видна линия, где они встречаются, четко очерченная. Соленая вода опускается на дно, а поверх нее течет пресная вода реки. Если этот последний содержит много осадка, он затемняет глубину подобно облаку. В пресные периоды это становится полной темнотой. Даже в ясный солнечный день и в прозрачной воде тень любого объекта в море не похожа ни на одну тень в атмосфере. Она отбрасывает черную завесу на то, что покрывает, полностью скрывая это. Стоять в тени - все равно что выглядывать из темного туннеля; вокруг все темно, в то время как предметы на расстоянии видны отчетливо.

В каюте затонувшего судна темно настолько, что невозможно представить темноту по обычным понятиям, и его окна, хотя их и можно видеть, не изменяют эту темноту. С возрастом у дайвера усиливается недоверие к своему зрению. Глаз привык судить о форме, пропорциях и расстоянии в более тонкой среде и постоянно обманывается в более плотной, пока опыт не научит ныряльщика правильно оценивать различные впечатления. Возможно, самую яркую иллюстрацию этого различия дайвер находит в попытке вбить гвоздь под водой. Если полагаться на зрение, не наученный опытом, он наверняка потерпит неудачу. Он инстинктивно ударит как раз туда, где нет гвоздя. По этой причине даже электрический свет под водой не дает всего, чего не хватает: не хватает привычной среды верхнего мира, а этого электрический свет не обеспечивает. Таким образом, благодаря практике ныряльщик учится полностью полагаться на осязание, а с приобретением опыта становится способным выполнять работы под водой, требующие труда и мастерства, с легкостью слепого, который уверенно находит дорогу по оживленной улице.

Передача звука через воду настолько сложна, что подводное пространство называют миром тишины. Но это не совсем верно. Некоторые рыбы обладают способностью издавать звуки, и все они обладают простыми и несовершенными органами слуха. Однако для ныряльщика море безмолвствует, если не считать каскада воздуха через его дыхательную трубку. До него не доносится ни крика, ни слова сверху. Пушечный выстрел звучит глухо, и если он далеко, он его не слышит. Можно услышать резкий, быстрый звук, особенно если он возникает при ударе чем-либо по воде. Можно услышать звук забивания гвоздя о борт корабля вверх или резкий стук по водолазному колоколу вниз. Разговор между двумя дайверами под водой обычными методами невозможен, но, соприкасаясь шлемами, они могут разговаривать, причем вибрации передаются через металлическое вещество и воздуху внутри.

Ныряльщик также получает новое представление о характере и красоте рыб и других обитателей моря, когда он таким образом встречается с ними дома. Выделения, покрывающие их, покрыты блестящим лаком. Их блестящая окраска прекрасна на рыбном

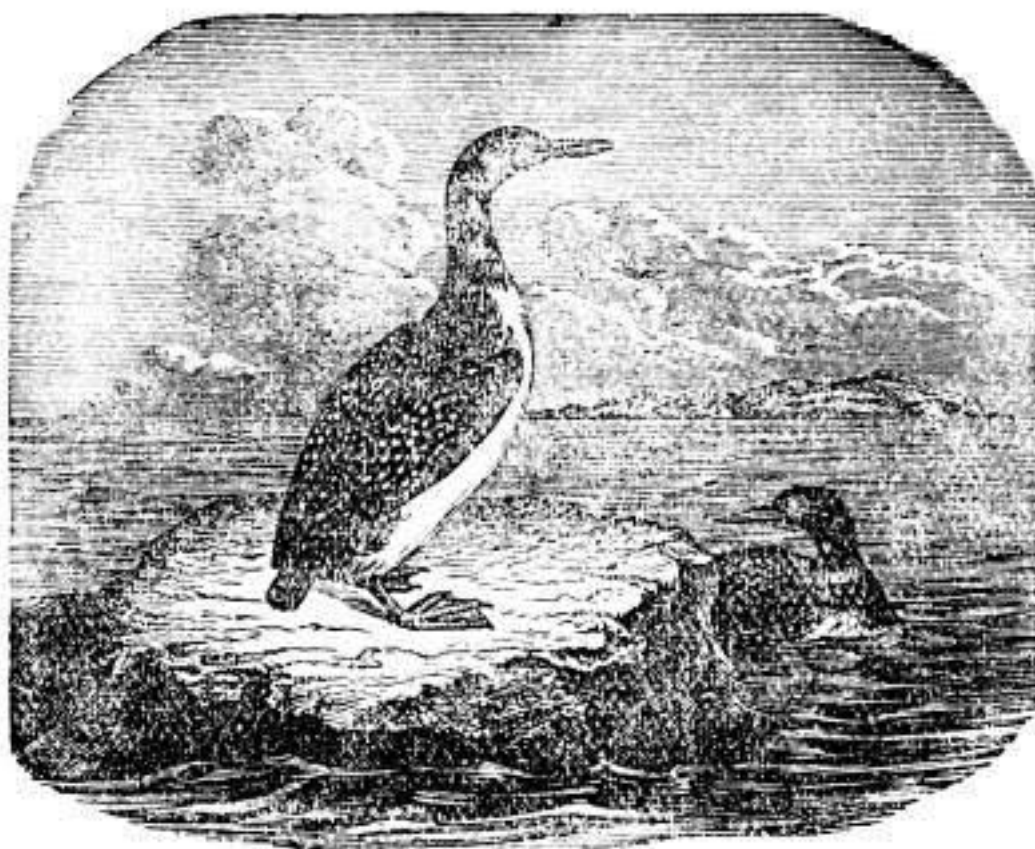
рынке, но когда в своей родной стихии их видят полными жизни, проворными и игривыми, они кажутся самыми грациозными созданиями, и на них невозможно смотреть равнодушно. Глаза рыбы видны настолько, насколько рыбу можно разглядеть, и в них выражено все ее одушевленное существование. В гольяне и солнечном окуне есть бесстрашная фамильярность, общительность и откровенная близость с их новым посетителем, которая удивляет его. Они толпятся вокруг него, с любопытством прикасаются к нему и следят за всеми его движениями с откровенным, живым интересом. Крупные рыбы также не пугливы. Баранья голова, красный и черный окунь, морская форель и другие хорошо известные рыбы встречают дайвера с бесстрашным любопытством. В их больших, круглых глазах он читает признаки интеллекта и любопытства, которые порой поражают своим совершенно человеческим выражением. Ни одна верная собака или домашнее животное не могли бы выразить более искреннего интереса в своих глазах.

Их любопытство выражается не только в их глазах, но и в движениях. Они разделяют с человечеством желание прикоснуться к тому, что для них ново. К ныряльщику подошел крупный сом, который подплыл и коснулся его своим холодным носом. Мужчина непроизвольно вскинул руку и ударил ладонью по острому плавнику рыбы. Последовала мгновенная борьба, прежде чем рыба вырвалась на свободу, а затем она отплыла лишь на небольшое расстояние, уставившись своими черными глазами на незваного гостя, как будто хотела спросить, кто он такой и чего ему нужно.

Длительное пребывание ныряльщика на одном месте позволяет ему проверить интеллект рыб, которые его посещают. Ныряльщик, профессия которого удерживала его на одном месте, во время работы постоянно был окружен стайей щупальцев, достигавших в среднем около фута в длину. Опознав одного из них, пострадавшего в результате несчастного случая, он заметил, что это был ежедневный посетитель. Удовлетворив свое первое любопытство, гроперы, очевидно, решили, что их новый посетитель безвреден и неуклюж, но полезен в добывании пищи. Они питаются ракообразными и морскими червями, которые прячутся под камнями, мхами и другими предметами на дне. Поднимая что-либо из ила, дюжина этих рыб засовывала головы в яму в поисках пищи еще до того, как ныряльщик убирал руку. Они повсюду следовали за ним, следя за его движениями, опережая его или занимаясь спортом, и явно проявляя симпатию к своему новому другу. Довольный таким неожиданным знакомством, ныряльщик, вернувшись, принес с собой еду и покормил их с руки, как кормят стадо цыплят. Иногда двоим удавалось ухватить один и тот же кусочек, и тогда это приводило к испытанию на прочность, сопровождавшемуся большим количеством сверкания блестящих чешуек. Но независимо от того, как их отзывали, их интерес и любопытство оставались с ныряльщиком. Они возвращались, тыкались в него носами, с явным желанием приласкать его, и погружались в сокровища червяков и моллюсков, обнаруженные его трудом. Он убедился, что они занимаются спортом, и предавался играм ради удовольствия. Эта странная близость продолжалась неделями: то, что они знали и ожидали ныряльщика в его обычное время, было выводом, который он не мог отрицать, поскольку они, если только их не отгоняла какая-нибудь другая рыба, которая охотилась на них, всегда находились поблизости в часы его работы.

Глубина, на которую люди могут спускаться в скафандре подводной лодки, была проверена экспериментальным путем со следующими результатами: Ныряльщик может дышать, и его органы могут сохранять свое нормальное состояние, и он сохраняет присутствие духа на глубине 130 футов, но когда он превышает эту глубину на десять или двадцать футов, внешнее давление оказывает физиологическое воздействие на его органы независимо от его воли. Таким образом, сто тридцать футов - это глубина, которая, как показал

эксперимент, является наибольшей, на которой могут быть выполнены любые длительные подводные работы. В пределах этого предела обеспечение безопасности жизни вполне совместимо с попыткой вернуть любое судно или затонувшие сокровища, которые окупят расходы.

НЫРЯЛЬЩИК С СЕВЕРА.

МОРСКАЯ ЗВЕЗДА.

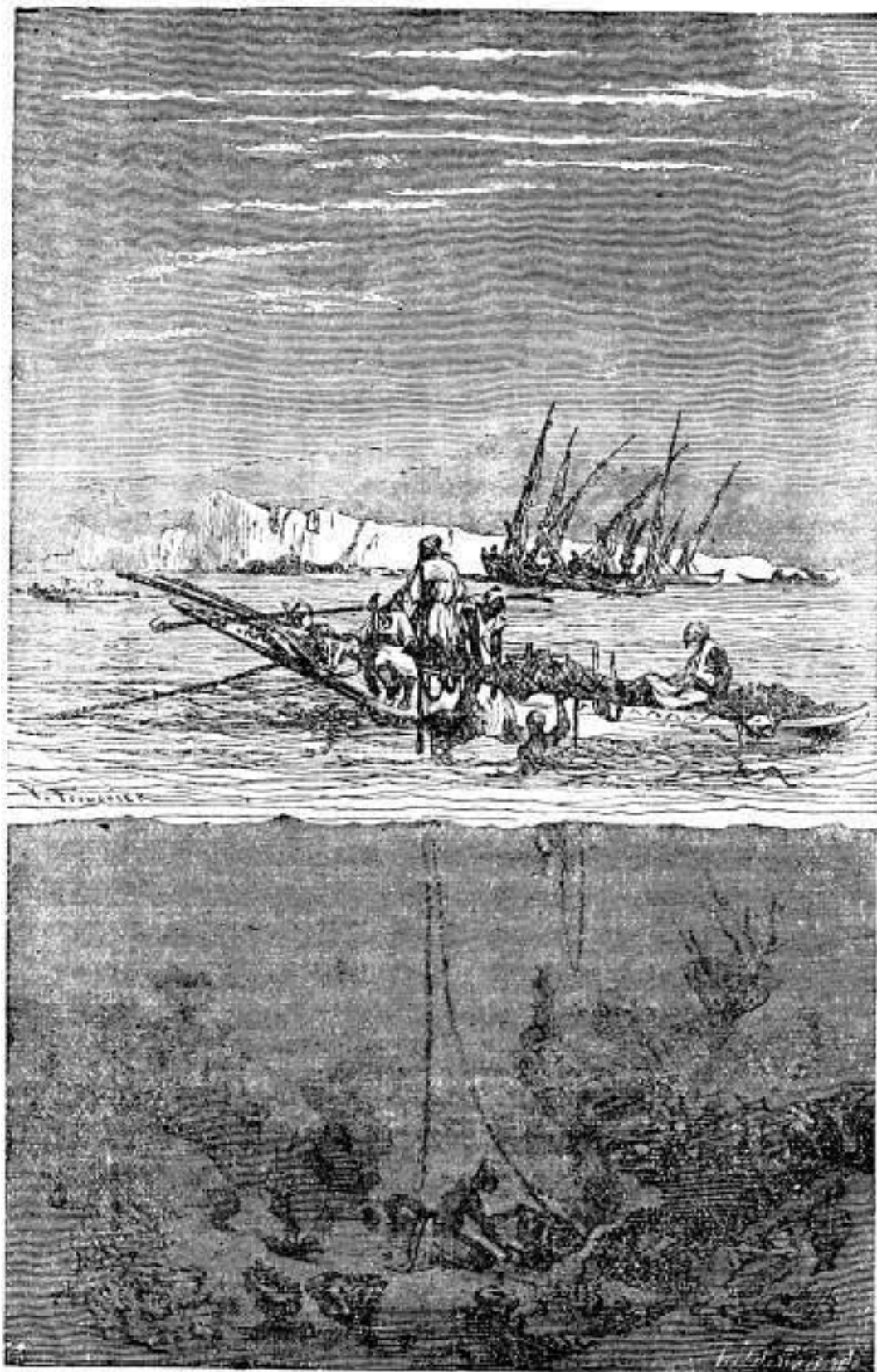
ГЛАВА VII.

ОКЕАН КАК ПОЛЕ —РАЗЛИЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ, КОТОРЫЕ ОН ВЫРАЩИВАЕТ—ГУБКИ—ПЕРЕСАДКА ГУБОК—ЛОВЛЯ КОРАЛЛОВ—ОТКРЫТИЕ ПРИРОДЫ КОРАЛЛОВ—ИХ ВОСПРИЯТИЕ НАТУРАЛИСТАМИ—УСТРИЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ—УСТРИЦА как СОЦИАЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ—ВЫРАЩИВАНИЕ МОЛОДЫХ УСТРИЦ—ДНОУГЛУБИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ПОИСКАХ УСТРИЦ—АМЕРИКАНСКИЙ УСТРИЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ—ЖЕМЧУЖНЫЕ УСТРИЦЫ—ЖЕМЧУЖНЫЙ ПРОМЫСЕЛ—ИХ ЦЕННОСТЬ—ЛОВЛЯ АКУЛ—КАРАКАТИЦ.

Хотя для фермера океан может показаться бесплодной тратой воды, для рыбака он ни в коем случае не имеет такого аспекта. Для него это поле, на котором он трудится, и урожай, который он собирает с него, столь же разнообразен по своему характеру и так же важен для удовлетворения потребностей мира, как и те, которые выращивает фермер. Более того, труд рыбака помог расширить наши знания о составе и характере моря, о привычках обитающих в нем организованных существ, подобно тому как труд фермера сделал то же самое с почвой и продуктами, которые она производит.

При рассмотрении различных видов рыбного промысла в океане, естественно, на первом месте стоит промысел губки, как одной из низших форм животной жизни. Наука еще не определилась со своими взглядами на организацию и развитие этих малоизвестных и сложных существ, и, несмотря на исследования современных естествоиспытателей, их положение в масштабе животной жизни все еще остается проблематичным, а их внутренняя организация все еще известна лишь несовершенно. Доктор Бауэрбанк в своей работе о британских губках, опубликованной в 1866 году, описывает почти 200 видов, но это число ни в коем случае не включает их все. Они всех размеров и всевозможного разнообразия форм. В настоящее время основной промысел губок ведется на Греческом архипелаге и у побережья Сирии. Команда лодки состоит из четырех или пяти человек, которые с июня по

октябрь ищут губок под утесами и выступами скал. Те, что добыты на мелководье, считаются некачественными; лучшие добываются на глубине от двадцати до тридцати морских саженей. Губки помельче добываются на мелководье гарпунами, но при таком способе добычи они травмируются. Остальных добывают вручную. Ныряльщик опускается на дно и может оставаться там от минуты до полутора и осторожно отделяет губки от камней ножом.

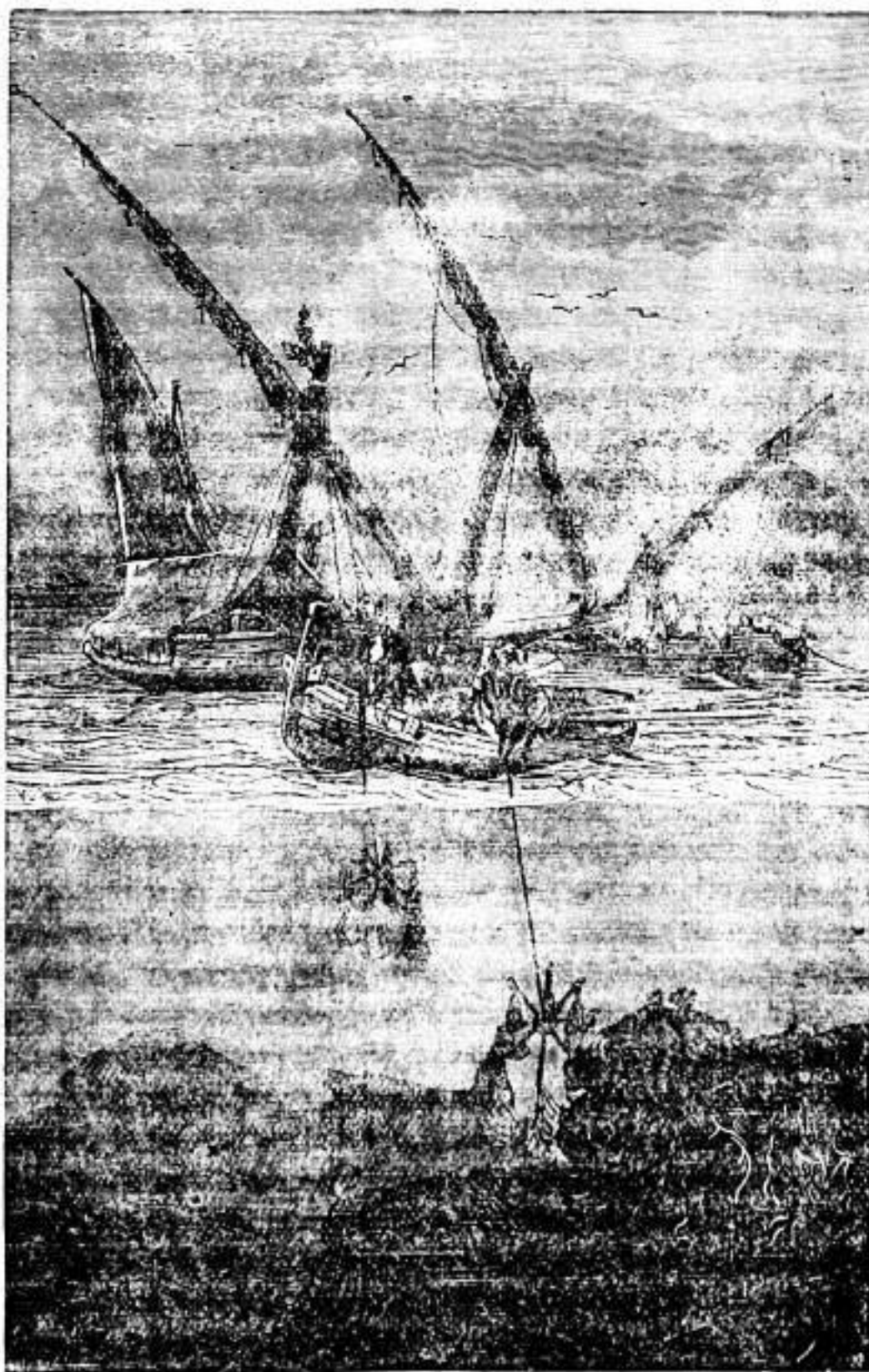
ЛОВЛЯ ГУБОК.

Промысел губок ведется и в других частях Средиземноморья, но без какого-либо предвидения, так что со временем губки будут исчерпаны. Чтобы избежать этой непредвиденной ситуации, было предложено пересадить и акклиматизировать губок на

побережье Франции и Алжира, где состав воды такой же, как на побережье Сирии, и где разница температур не стала бы препятствием для их размножения. На самом деле, чем дальше на север растут губки, тем тоньше и компактнее становятся их ткани. С помощью подводной лодки, снабжаемой воздухом с помощью принудительного насоса, было предложено собирать такие образцы, которые лучше всего подходили для этой цели, удаляя с ними камни; а также собирать молодых губок в апреле и мае, вскоре после того, как они начали свое независимое существование, и до того, как они закрепились в каком-нибудь постоянном месте обитания, и перевозить их в благоприятную местность. Французское общество акклиматизации в 1862 году поручило г-ну Ламирально, который много лет изучал губок и опубликовал превосходную работу об их повадках, собрать зародыши и пересадить их на побережье Франции. Хотя до настоящего времени попытки, которые были предприняты для этого, не увенчались полным успехом, тем не менее, уже достигнутые результаты показывают, что с дальнейшим опытом настойчивость достигнет желаемой цели.

Губки также вылавливаются в Красном море. На берегах Багамы и в Мексиканском заливе мексиканцы, испанцы и американцы ловят губок на мелководье. Сбоку от лодки утоплена мачта, и ныряльщик спускается по ней, собирая губки, найденные у основания шеста.

Следующим по порядку ловли рыбы в глубоководье является ловля кораллов. Древние верили, что коралл - это растение, но теперь известно, что коралл построен семейством полипов, живущих вместе и составляющих полипидом. Им изобилуют воды Средиземного моря, где на скалистых отмелях, похожих на подводный лес, растет красный коралл, самый блестящий и знаменитый из всех кораллов, на различных глубинах, редко менее пяти морских саженей или более ста. Каждый полипидом напоминает красный безлистный кустарник с нежными маленькими звездообразными белыми цветками. Ветви и ствол этого маленького деревца являются общими частями семейства, цветы - это отдельные полипы. На ветвях видна мягкая сетчатая корка, или кора, полная маленьких отверстий, которые являются клетками полипов и пропитаны млечным соком. Под коркой находится коралл, твердый, как мрамор, и примечательный своей полосатой поверхностью, красным цветом и тонкой полировкой, которую он принимает. Рыболовством занимаются в основном моряки из Генуи, Ливорно и Неаполя, и это очень трудоемкое занятие. Барки, задействованные в нем, небольшие, от десяти до пятнадцати тонн. Коралл вылавливается с помощью устройства, называемого двигателем, состоящего из деревянных перекладин, связанных и скрепленных болтами в центре. Под ним находится большой камень с прикрепленными сетями или мешками. У каждого паровоза есть несколько таких сетей, и когда их спускают в море, они распускаются. Кораллы растут на вершинах скал, и задача состоит в том, чтобы соскрести их в эти мешки. На собственном опыте рыбаки приезжают сюда, чтобы узнать благоприятные места для ловли кораллов. Когда такое место достигнуто, двигатель выбрасывается за борт, и как только он достигает дна, скорость судна замедляется, и приводится в действие трос для подъема его наверх. Таким образом, двигатель волочится по дну, запутывается в камнях, и сети вылавливают кораллы. Иногда на борт поднимают камни большого размера.

ЛОВЛЯ КОРАЛЛОВ У БЕРЕГОВ СИЦИЛИИ.

Вплоть до прошлого века мнение древних о том, что коралл был растительным продуктом, разделялось всеми натуралистами, хотя никто и не пытался объяснить, как он вырос. Это мнение подтвердилось, когда граф де Марсигли объявил о своем открытии цветков

кораллового растения, и это объявление было сочтено окончательным доказательством растительного происхождения кораллов. Однако в 1723 году Жан Андре де Пейссоннель, ученик Марсигли, изучавший медицину и естественную историю в Париже, был направлен Академией наук в Марсель, на свою родину, для изучения кораллов в их живом состоянии, и продолжил свои исследования на северном побережье Африки, куда его направило французское правительство.

Вскоре он путем серии тщательных и деликатных экспериментов обнаружил, что коралл является продуктом животного происхождения, а предполагаемые цветы - это разросшиеся маленькие животные, которые создают коралл и образуют одну из низших форм организованной жизни на земном шаре. Пейссоннель говорит: "Я поместил цветок коралла в вазы, полные морской воды, и я увидел, что то, что было принято за цветок этого мнимого растения, на самом деле было всего лишь животным, вроде морской крапивы или полипа, я имел удовольствие наблюдать, как двигаются лапки существа, а когда я поставил вазу, полную воды, в которой находился коралл, на слабый нагрев над огнем, все маленькие животные, казалось, расширились. Полип вытянул ноги и показал то, что мы с месье де Марсигли приняли за лепестки цветка. Короче говоря, чашечкой этого притворного цветка было животное, которое приблизилось и вышло из своей камеры".

Это открытие было воспринято натуралистами того времени с презрением и насмешками; настолько, что Пейссоннель с отвращением удалился в безвестность, оставив свои рукописи в Музее естественной истории в Париже, где они до сих пор остаются неопубликованными. Однако перед смертью, выйдя на пенсию, он имел удовлетворение от того, что его взгляды были приняты, и некоторые из тех, кто больше всего высмеивал их при первом изложении, стали самыми восторженными и эффективными их защитниками.

Помимо кораллов, выловленных так, как мы описали, коралловый полип строит острова и выполняет работы, которые весьма существенно влияют на состояние океана и форму суши, о чем у нас еще будет случай поговорить в другом месте.

Еще один промысел, который здесь уместно упомянуть, - это промысел устриц. Существует несколько разновидностей устриц. Во Франции обычно едят обыкновенную устрицу (*Ostrea edulis*) и устрицу конскую ножку (*O. hippopus*). Устрицы Средиземноморья - это розовая устрица (*O. rosacea*) и молочная устрица (*O. lacteola*), а также маленькая и малоизвестная хохлатая устрица (*O. instata*) и складчатая устрица (*O. plicata*). На побережье Корсики устрицы называются листовыми (*Olamleosa*). Во Франции в основном выращивают устрицы канкаль и Остенде. Когда первая из них некоторое время кормилась в парках или на грядках и приобрела зеленоватый цвет, она известна как устрица Наренна, по названию парка в заливе Скудре.

Естественные устричные заросли встречаются в каждом море, где побережье обеспечивает надлежащие условия для разведения устриц с пологим и не слишком каменистым дном. Во Франции наиболее известны озера Рошель, Рошфор, острова Ре и Олерон, залив Сен-Брие, Канкаль и Гранвиль. На побережье Дании есть сорок или пятьдесят коек на западном побережье Шлезвига, лучшая из которых расположена между небольшими островами Зюльт, Амзон, Фор, Пельворм и Нордstrand. Устричные залежи Англии простираются от Грейвсенда в устье Темзы и на полпути вдоль побережья Кента, а также в устье реки Колук и других небольших ручьев на побережье Эссекса. Фрит-оф-Форт также славится своими устричными залежами. Продукт с этих пластов в последнее время уменьшился; по мнению некоторых авторитетных источников, из-за слишком неосмотрительного и настойчивого

выемки грунта, но г-н Бакленд объясняет снижение выемки резкими изменениями температуры в критический период, когда плевелы, или молодые устрицы, только формируются, а не чрезмерным выемкой грунта.

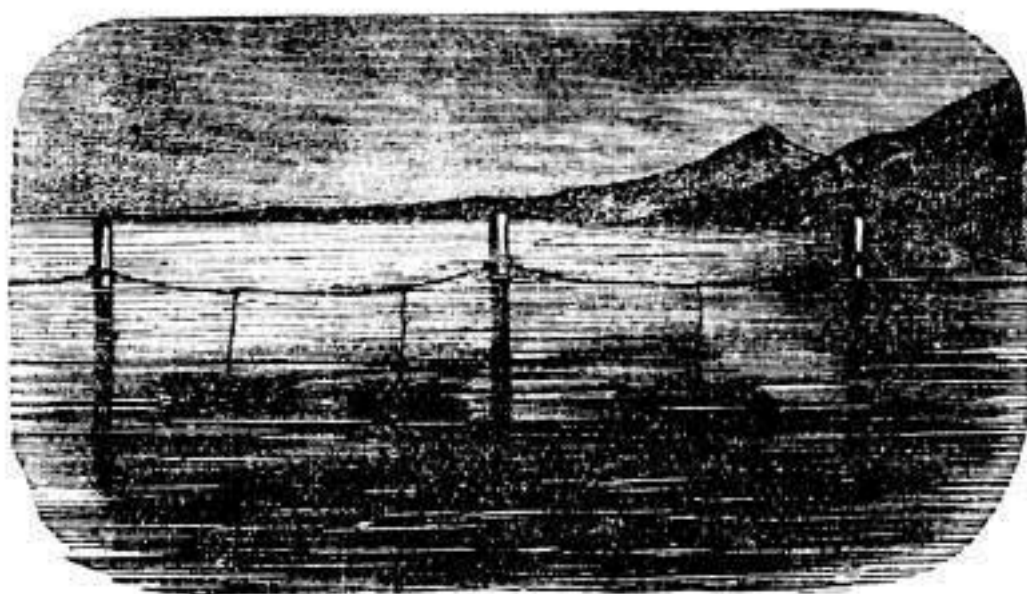
Устричные заросли в Соединенных Штатах богаче, чем в любой другой стране. Они простираются почти по всему побережью. Устричные заросли в Вирджинии, по оценкам, занимают почти 2 000 000 акров. Морское управление Джорджии славится своими огромными запасами, в то время как все 115 миль Лонг-Айленда заняты ими.

Устрица - одна из низших форм моллюска. Ее рот открывается прямо в желудок, который окружен печенью и пропитан желтой жидкостью - желчью. Таким образом, можно сказать, что желудок и кишечник у них находятся в печени, рот - на желудке, а отверстие кишечника - на спине. У них есть сердце, по которому циркулирует бесцветная кровь. Они дышат на дне моря, имея орган, который отделяет от воды небольшое количество кислорода, которое в ней содержится. Их органы дыхания представляют собой две пары жабр, или бранхий, изогнутых и образованных двойным рядом очень тонких каналов, расположенных близко друг к другу, напоминающих зубья тонкой расчески. Этот аппарат, как и рот, скрыт под складкой мантии. У них нет мозга, но есть нервный узел, беловатое вещество, расположенное около рта. Отсюда берут начало нервы, которые разветвляются в область печени и желудка; здесь они вновь соединяются во второй ганглий, который расположен позади печени. Нервы рта и его щупалец берут начало в первом нервном узле, нервы органов дыхания - во втором. У него нет чувства зрения или слуха, осязание - это все, что у него есть, и оно находится в щупальцах рта. Его вкус, если он у него вообще есть, должен быть очень слабым. Его силы крайне ограничены; навечно заключенный в свою скорлупу, он не способен передвигаться, и, поскольку у него нет какого-либо различия по полу, его желания должны быть очень немногочисленны.

Тем не менее, устрица, по-видимому, социальное животное и любит собираться вместе в больших количествах, так что, несмотря на их явно низкий уровень интеллекта, мы не можем сказать, что они не испытывают сочувствия. Объединяя, как это делают представители обоих полов в каждой особи, органы размножения устриц видны только в тот период, когда они используются. Их детеныши появляются на свет из яиц, которые откладываются между складками их мантии и в центре дыхательных органов. Количество этих яиц огромно. По данным некоторых авторитетных источников, количество, производимое одной устрицей, достигает 10 000 000 особей. Однако натуралисты в настоящее время считают эту оценку слишком высокой и ограничивают ее примерно 2 000 000 особей для каждой особи. Икринки желтые, вылупляются в мантии, и когда эмбрион покидает своего родителя, он может дышать. Время нереста - с июня по сентябрь. Устрица отличается от большинства моллюсков тем, что, когда детеныши покидают родительницу, они могут прокормить себя сами; обычно моллюски выбрасывают свои икринки, полагаясь на случай для их защиты. В сезон нереста устричное ложе - самое интересное место; каждая устрица выбрасывает целое множество потомков, наполняя воду облаком живой пыли, так что море затуманивается от так называемого *плевка*.

Под микроскопом видно, что лопатка снабжена раковиной и вибрирующими ресничками, которые позволяют ей плавать. Когда течение относит ее к какому-либо неподвижному телу, она немедленно прилипает к нему, реснички исчезают, и молодая устрица, закрепившись, начинает развиваться. Им требуется три года, чтобы достичь своего полного размера. Говорят, что, пока плевка плавает вокруг, прежде чем закрепиться, если что-то их встревожит, они снова ищут убежища в материнской раковине. Такая плодovitая продукция вскоре заполнила бы все море, если бы не тот факт, что молодь плохо плавает и что

миллионы из них ежегодно уносятся течением или становятся добычей многочисленных животных, которые ими питаются.

ХВОРОСТ, ПОДВЕШЕННЫЙ ДЛЯ ЗАПЛЕВЫВАНИЯ УСТРИЦАМИ.

Любимое место ловли устриц - на берегу, в воде не очень глубокой и свободной от течений; здесь они очень плодовиты. Идея разведения устриц так же стара, как и у римлян, и сегодня разведение устричных грядок и ловля рыбы с них дают занятие тысячам людей. Некоторые устричные плантации Франции, которые были почти исчерпаны двадцать лет назад, благодаря вниманию и заботе вновь стали очень продуктивными. План подвешивания хвороста, к которому должна прилипнуть икра, был признан очень успешным. В двух случайно подобранных хворостах из залива Сен-Брико было обнаружено около 20 000 молодых устриц размером от одного до трех дюймов в диаметре. Их выставка вызвала изумление; они были похожи на покрытые листьями ветви, каждый лист которых был живой устрицей.

На острове Ре полным ходом идет разведение устриц. Подсчитано, что на квадратный ярд грядок приходится 600 устриц, большинство из которых находятся в товарном состоянии, что составляет в общей сложности 378 000 000 устриц только на этих грядках. В Соединенных Штатах продуктивность грядок практически неоценима, и все же, несмотря на огромное количество устриц, ежегодно поступающих на рынок, спрос постоянно превышает предложение. Современные методы консервирования открыли настолько широкий рынок сбыта, что вся внутренняя страна, таким образом, открыта для поставок, что переполнить рынок практически невозможно.

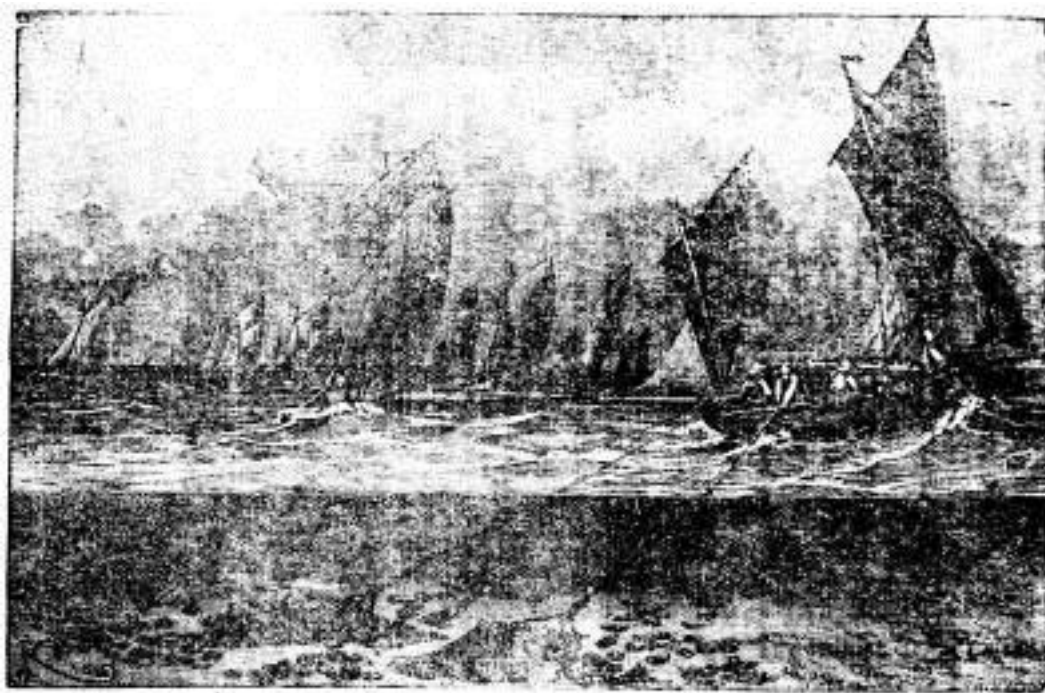
Особый зеленый цвет устриц во Франции, которые выращивают на грядках, или мускатных орехов, и который, как считается, улучшает их вкус, возникает по какой-то причине, относительно которой натуралисты расходятся во мнениях. Однако, по-видимому, это какая-то болезнь, возникающая из-за состояния воды в этих слоях.

Ловля устриц ведется по-разному в разных странах. В окрестностях Менорки дайвер спускается с молотком в руке, чтобы сбить устриц со скал, и обычно поднимает дюжину или больше при каждом спуске. На английском и французском побережьях используется земснаряд. Этот метод очень разрушителен, поскольку он отрывает больших и малых рыб от их родного места и многих также закапывает в ил. Устрицы, какими мы их знаем, имеют

удобный размер для того, чтобы их можно было съесть; самые крупные, возможно, придется разделить на части, прежде чем деликатный человек сможет их проглотить, но этому процессу нужно подвергнуть только самые крупные, а ваш настоящий любитель устриц слишком трепетно относится к своему любимому моллюску, чтобы так жестоко с ним обращаться. Однако на побережье Короманделя устрицы вырастают размером с суповую тарелку и даже больше, а раковины некоторых из них достигают почти двух футов в поперечнике. Эти раковины часто используются в католических церквях Европы для хранения святой воды, ставятся рядом с дверью для использования верующими и по размеру не уступают большим тазикам для рук. Полдюжины таких устриц в половинках раковин стали бы пиршеством даже для самого прожорливого любителя устриц.

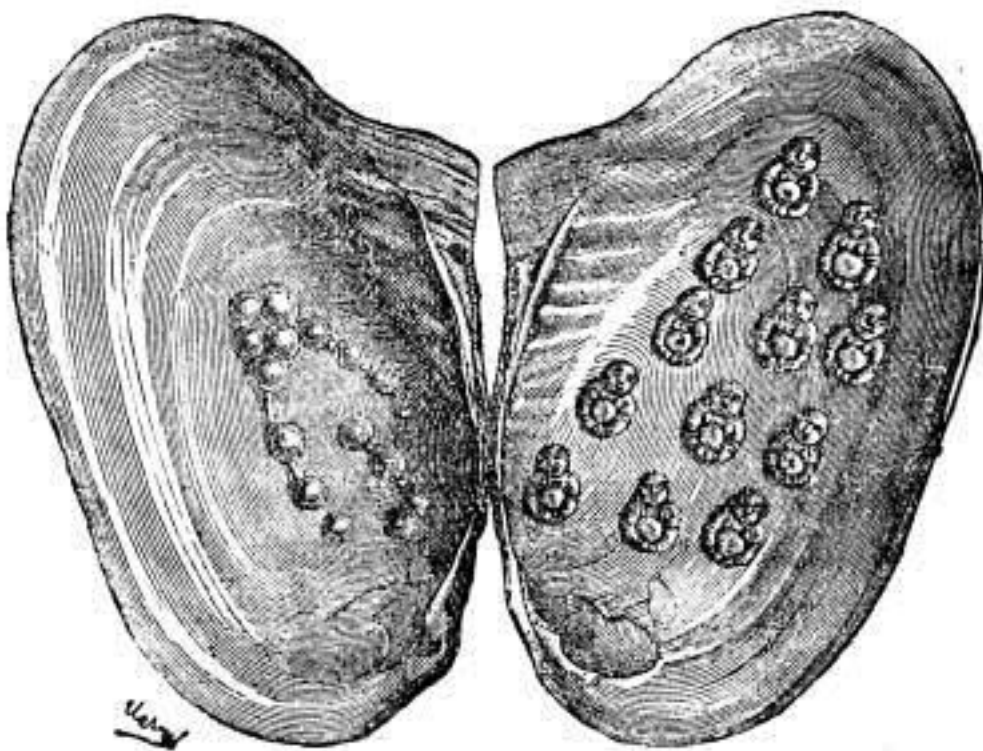
Устричные заросли на побережье Соединенных Штатов обычно находятся на таком мелководье, что до них легко добраться с помощью граблей с ручками длиной от пятнадцати до двадцати футов. Пара из них установлена наподобие гигантских ножниц, причем ось расположена ближе к граблям, чем другой конец шестов. Взяв в каждую руку по одной из таких жердей, рыбак опускает ее на дно, открывает и двигает ручками до тех пор, пока между граблями не окажется запас устриц. Затем, достав инструмент, он высыпает устрицы на дно своей лодочки и снова берется за грабли. Таким образом, ежегодно вылавливается устриц на миллионы долларов, и флотилии небольших парусных судов постоянно курсируют вдоль побережья.

Европейцу американская устрица сначала кажется огромной по сравнению с теми, к которым он привык. Их вкус тоже другой; у них нет того специфического медного привкуса, к которому он привык и который поначалу не нравится большинству американцев в Европе. Однако небольшая практика вскоре позволяет европейцам оценить достоинства наших устриц, и они начинают их очень любить. И Теккерей, и Диккенс во время своих визитов в эту страну громко восхваляли превосходство устриц.

ВЫЕМКА УСТРИЦ.

Жемчужная устрица (*Meleagrina margaritifera*) - одна из самых интересных и ценных разновидностей устриц. Жемчуг сделан из того же вещества, которым выстланы раковины стольких моллюсков и которое, как перламутр, так хорошо известно своей переливающейся красотой. Он наносится животным очень тонкими слоями, и именно интерференция лучей света при их отражении от этой изменяющейся поверхности вызывает явления переливчатости. Любому человеку легко убедиться в этом. Надавите кусочком воска на кусочек перламутра или любого другого переливающегося материала, и поверхность воска при удалении сама станет переливающейся. В нем воспроизведены тонкие линии переливающегося корпуса. Мыльные пузыри, образующиеся из пленок мыльной воды, приобретают свой яркий цвет по той же причине. Когда-то в моде были латунные пуговицы того же цвета. Для их изготовления на полированной поверхности были нанесены микроскопически тонкие линии. Однако их изготовление было настолько дорогостоящим, они стоили гинеею за штуку, что от них вскоре отказались.

РАКОВИНА С КИТАЙСКИМ ЖЕМЧУГОМ.

Жемчуг - это выделение перламутрового вещества, распространяющееся, как предполагается, по какому-то инородному веществу, попавшему в раковину, под мантию моллюска. Когда жемчужины оседают на раковинах, они обычно прилипают к ним, когда же они появляются в теле животного, они свободны. Как правило, в их центре обнаруживается какое-либо инородное тело, которое служило ядром для отложения секрета. Это может быть стерильная яйцеклетка самого животного, или рыбы, или песчинка, в которую мыли воду.

Китайцы и другие народы Востока используют этот факт естественной истории в своих корыстных целях. Они берут живого моллюска и, открыв раковину, кладут в нее стеклянные бусины или маленькие металлические слепки, изображающие какого-нибудь из их богов или другие предметы, а затем возвращают моллюска в воду, когда животное покрывает их перламутром. На иллюстрации изображена раковина, в которую были вставлены мелкие бусинки, превратившиеся в жемчуг, вместе с дюжиной маленьких фигурок сидящего Будды, индуистского божества, которые также были покрыты перламутром.

Поначалу жемчужины очень мелкие, но с ежегодным отложением слоя в первоначальной сердцевине они увеличиваются в размере. Иногда они прозрачные, полупрозрачные, блестящие и более или менее переливающиеся, однако в других случаях они оказываются тусклыми, неясными и даже дымчатыми. Промысел жемчуга ведется в различных местах. Он встречается в Персидском заливе, на побережье Аравии, в Японии, на берегах Калифорнии и на островах Южного моря. Однако наиболее важными из них являются районы Бенгальского залива, побережья Цейлона и других районов Индийского океана. До 1795 года большая часть индийских рыбных промыслов находилась в руках голландцев, но в 1802 году, после заключения Амьенского мирного договора, они перешли во владение англичан. Иногда рыболовством на Цейлоне занимается правительство, в то время как в других случаях оно продается подрядчику. В любом случае, прежде чем они начнутся, правительственный чиновник осматривает побережье, чтобы убедиться, что берега не истощены слишком частой рыбалкой.

Основной запас перламутра добывается на промысле в заливе Манаар, большом заливе на северо-востоке острова Цейлон. Он начинается в феврале или марте и длится тридцать дней. В нем задействовано около двухсот пятидесяти лодок, прибывающих со всех концов побережья. В десять вечера пушка подает им сигнал к отплытию, и, достигнув земли, они трогаются в путь, как только на рассвете становится достаточно светло. Каждая лодка перевозит десять гребцов и десять ныряльщиков, пятеро из которых отдыхают, пока остальные заняты. Каждую лодку сопровождает негр для выполнения случайных работ по дому.

ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА В ОПАСНОСТИ.

Ныряльщики опускаются с сорока до пятидесяти футов, семьдесят - это максимум, что они могут выдержать. Тридцать секунд - это время, в течение которого они обычно остаются под водой, а самые лучшие не могут оставаться дольше полутора минут. Когда достигается место ловли, сооружается ступенька из весел, которая выступает из лодки над водой, а к ее краю подвешиваются камни для ныряния весом от пятидесяти до шестидесяти фунтов. Ныряльщик стоит на нем в стремени или, если этого не хватает, на самом камне, зажав прикрепленный к нему шнур между пальцами ног, левой ногой он придерживает сеть для ловли жемчужниц. Затем, крепко зажимая левой рукой ноздри, а правой хватаясь за сигнальный шнур, его быстро опускают на дно. Как только он прибывает туда, он убирает ногу с камня, который тут же вытаскивает обратно. Затем, бросившись плашмя на землю, он торопливо собирает в свою сеть всех устриц, до которых дотягивается. Когда он чувствует, что должен вернуться на поверхность, он рывком дергает за сигнальный шнур, и его вытаскивают вверх как можно быстрее. Хороший ныряльщик старается не перенапрягаться и поэтому остается под водой лишь самое короткое время, редко больше половины минуты, но иногда он повторяет эту операцию целых пятнадцать-двадцать раз. Работа очень тяжелая, повышенное давление воды влияет на всю систему, и часто при подъеме на поверхность вода, текущая из ушей, носа и рта, окрашивается кровью. Это также приводит к легочным заболеваниям, и ныряльщики редко доживают до преклонного возраста. В этих водах также водятся акулы, и эти хищные монстры нередко убивают ныряльщиков, которых тем более привлекает тот факт, что ныряльщики для их собственного удобства раздеты.

Работа продолжается до полудня, когда вторая пушка подает сигнал о ее прекращении. Затем лодки возвращаются с добытым грузом, и их принимают владельцы на берегу, которые лично наблюдают за их разгрузкой, которая должна быть закончена до наступления темноты, поскольку все, что останется ночью, наверняка будет украдено.

Рыболовство на Цейлоне раньше было очень ценным, но в настоящее время берега демонстрируют признаки истощения, скорее всего, из-за чрезмерного вылова рыбы. Говорят, что в 1798 году они произвели жемчуга почти на миллион долларов, но сейчас они редко дают больше ста тысяч долларов. Жители побережья Бенгальского залива, Китайского моря и Японских островов также занимаются ловлей жемчуга. Вместе взятый доход оценивается примерно в четыре миллиона долларов.

Далее на запад, на побережье Персии, Персидского залива и Маскатского побережья, а также в Красном море, встречается жемчуг.

В этих последних странах ловля жемчуга начинается в июле, поскольку в течение этого и следующего месяца море обычно спокойное. Когда лодки поднимаются над руслом, они бросают якорь на глубине восьми или девяти морских саженей. Ныряльщики носят свою сумку, привязанную к поясу, и затыкают ноздри ватой, затем, закрыв рты, камнем быстро погружаются на дно. Жемчуг, добываемый на рыбных промыслах на аравийском побережье, достигает стоимости более полутора миллионов долларов.

На побережье Южной Америки также ведется ловля жемчуга. До испанского завоевания Мексики рыбные промыслы располагались между Акапулько и заливом Теуантепек, но с тех пор были обнаружены другие месторождения вблизи островов Кубагуа, Маргарита и Панама. Урожайность поначалу была настолько многообещающей, что поблизости от этих мест выросли процветающие города, а во время правления Карла V. В Испанию отправляли жемчуг стоимостью почти в миллион долларов, но в настоящее время урожайность составляет в среднем всего около трехсот тысяч долларов.

Когда устрицы достают из лодок, их складывают на травяные циновки на берегу и оставляют на солнце. Моллюски вскоре умирают и начинают разлагаться. Примерно через десять дней они достаточно разлагаются, чтобы стать мягкими. Затем их бросают в емкости с морской водой, открывают и промывают. Жемчужины, прилипшие к раковинам, снимают щипчиками; те, что находятся в теле животного, извлекают, пропустив их мякоть через сито после отваривания мякоти, чтобы она стала мягкой. Из раковин получается перламутр, который откалывается с грубой внешней стороны острым инструментом или снаружи перламутра растворяется кислотой. В торговле известны три вида перламутра: silver face, bastard white и bastard black; первый является наиболее ценным. Жемчуг является наиболее важной частью изделия. Те, которые прилипают к скорлупе, всегда более или менее неправильной формы и продаются на развес. Их называют *бароками*. Те, что находятся в теле животного, называются *первичным жемчугом*, или *образцами*, и имеют круглую, овальную или пирамидальную форму. Они продаются, как правило, поодиночке; цена варьируется в зависимости от размера, блеска, прозрачности и т.д. Спустя месяцы после осмотра раковин можно увидеть, как бедные туземцы усердно переворачивают выброшенную в сторону гниющую массу в нетерпеливых поисках какой-нибудь упущенной жемчужины; точно так же в наших городах тот же самый несчастный класс обыскивает золу, бочки и сточные канавы в поисках предметов роскоши.

Жемчуг полируют, встряхивая его в мешочке с перламутровым порошком. В результате этого процесса он разглаживается и полируется. Затем их сортируют по размерам, пропускают через ряд медных сит, накладывают друг на друга и прокалывают все большим количеством отверстий, которые становятся все меньше. Таким образом, сито номер двадцать имеет двадцать отверстий; пятьдесят, еще пятьдесят отверстий, и последнее из серии из двенадцати - тысячу отверстий. Жемчужины, удерживаемые от двадцати до восьмидесяти, называются мельничными и считаются жемчужинами первого порядка. Жемчужины, удерживаемые от ста до восьмисот, относятся ко второму классу. Те, которые проходят через все, кроме тысячи, - это инструментальный жемчуг, или мелкий жемчуг, и они занимают третье место. Мелкий жемчуг продается по мере или весу. Те, что покрупнее, просверливаются, нанизываются на белую или синюю шелковую нить и выставляются на продажу.

На американских рыбных промыслах устрицы вскрывают ножом каждую отдельно, и животное зажимают между большим и указательным пальцами в поисках жемчужин. Этот процесс занимает больше времени, и считается, что найти их все не так просто, как на Востоке, но перламутр и жемчужины, извлеченные таким образом из живого животного, свежее и блестяще, чем из тех устриц, которые умерли и разложились. Другие моллюски также дают жемчуг, но не в достаточном количестве, чтобы оправдать его вылов. На самом деле жемчуг часто содержится в наших обычных устрицах.

ЛОВЛЯ АКУЛ.

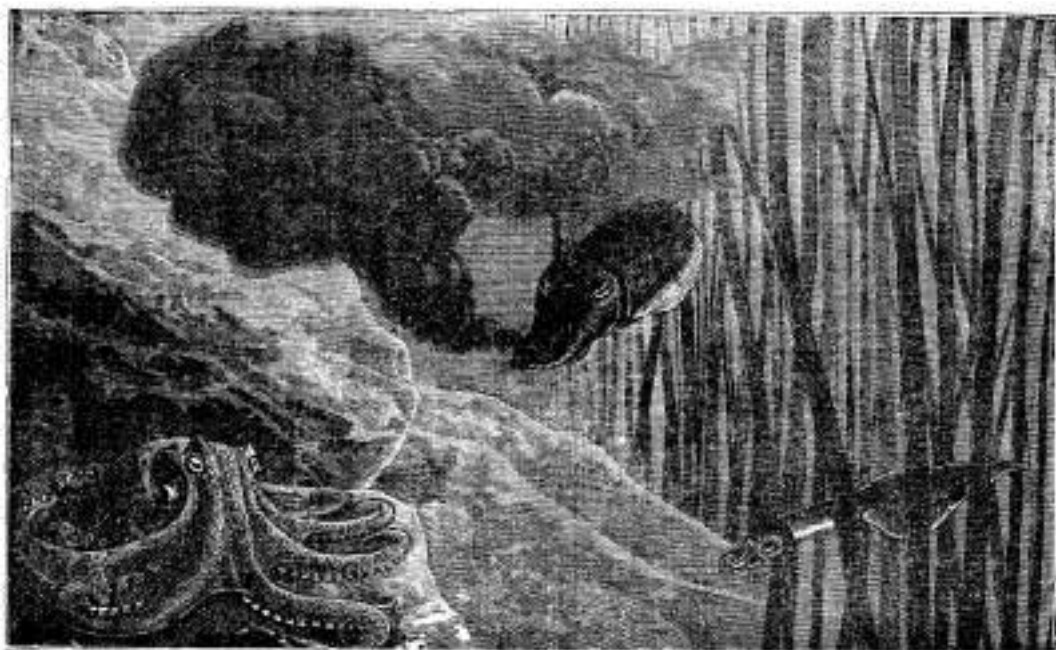
Ловля акул - один из самых захватывающих видов спорта, и его дополнительным достоинством является то, что его успех заключается в уничтожении самого разрушительного обитателя моря; хищного разбойника, который не щадит никого, кто встречается у него на пути. Однако добычей, которая доставляет акуле наибольшее

удовольствие, является сам человек. По мнению некоторых авторитетных источников, он даже отдает предпочтение европейцам перед азиатами или негритянской расой. Говорят, что акула, которая когда-то наслаждалась роскошью человеческого мяса, бродит по окрестностям, где она его добыла. Он следует за кораблем, руководствуясь каким-то инстинктивным чувством, и, как известно, прыгал в рыбацкую лодку или бросался на корабль в попытке добраться до моряка, показавшегося из-за фальшборта. Невольничьи корабли во время своих плаваний постоянно преследовали акулы, которые жадно сражались за трупы несчастных мертвецов, выброшенные за борт. В одном случае зафиксировано, что труп был подвешен к реевому кронштейну, болтаясь в двадцати футах над водой, и был пожран, конечность за конечностью, акулой, которая выпрыгнула на такое расстояние из воды, чтобы получить свою ужасную трапезу.

На африканском побережье негры смело нападают на акулу в ее собственной стихии. Поскольку его рот находится у него под головой, ему приходится повернуться, прежде чем он сможет что-нибудь схватить, и, воспользовавшись этим, негр пользуется случаем, чтобы разорвать его острым ножом.

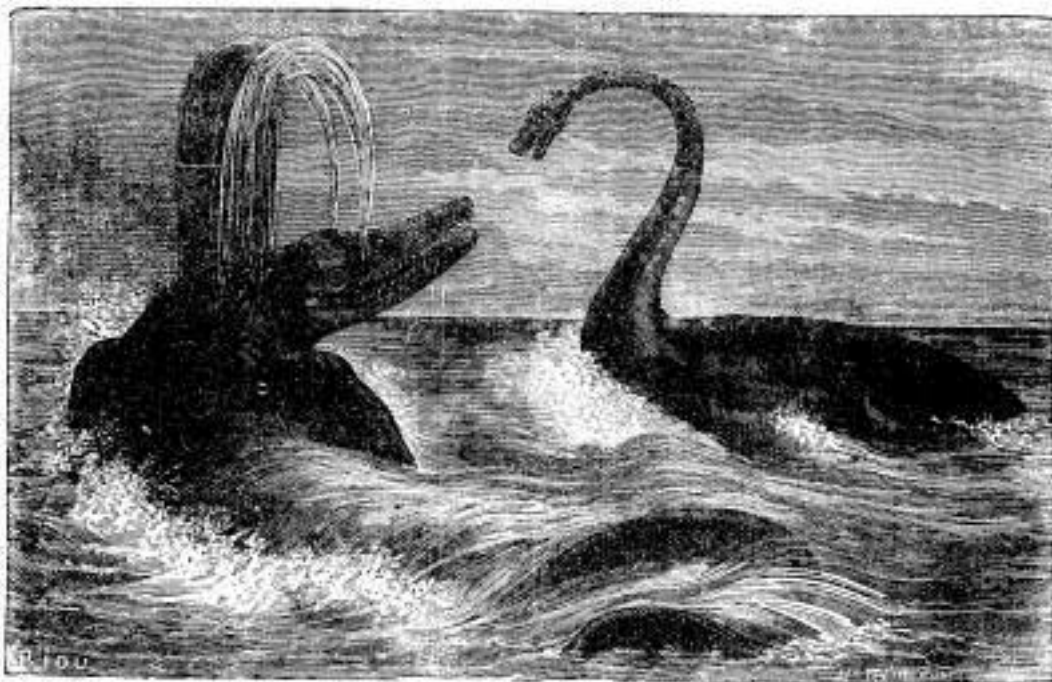
За ловлей акул регулярно следят у побережья Нантакета из-за их шкур и масла, которое из них получают. Шкуры используются в различных художественных целях. В Норвегии и Исландии порции мяса сушат и используют в качестве запаса на зиму.

Настойчивость, с которой акула следует за судном в море, приводит к тому, что ее часто ловят. Крюк сделан из железа, толщиной с человеческий палец, длиной шесть или восемь дюймов, острие очень острое. Его привязывают цепью длиной в пять или шесть футов, чтобы зубы акулы не разорвали его. На приманку кладут кусок свинины хорошего размера, привязывают к длинной леске и перебрасывают через борт. Иногда в своем стремлении поймать его акула выпрыгивает из воды, но чаще всего, вероятно, узнав на собственном опыте кое-что о человеческих уловках, она более осторожно берет его. Часто он осматривает добычу, плавает вокруг нее и ухитряется поймать ее, не берясь за крючок, так же часто, как ему предлагают повторную наживку. Если она, однако, заглатывает крючок вместе с наживкой, все равно требуется некоторая ловкость, чтобы поймать ее; нельзя преждевременно дергать за леску; ей нужно дать достаточно времени, чтобы хорошо ее проглотить, затем хороший рывок фиксирует кончик крючка, и начинается игра для всех, кроме акулы. Вытаскивая его, небезопасно полагаться только на крючок; его борьба так яростна, а сила так велика, что он может вырваться. Поэтому, когда его вытаскивают на поверхность, следующее, что нужно сделать, - это обвязать петлю другой веревки вокруг его тела возле хвоста или вокруг одного из грудных плавников. После этого его можно безопасно поднять на борт, но даже тогда к нему нельзя приближаться без опасности, так как удар его хвоста может оказаться смертельным. При ловле акул у берегов Нантакета рыбаки вытаскивают их на поверхность у борта лодки, а затем убивают ударами по голове, прежде чем поднять на борт.

РЫБА-КАРАКАТИЦА ДЕЛАЕТ СВОЕ ОБЛАКО.

Среди морских чудовищ нет никого более устрашающего по внешнему виду, чем рыба-каракатица. О величине этих морских чудовищ рассказывали ужасные истории. Под названием "Кракен" рассказывались чудесные истории о его уничтожении кораблей, одна из которых, как говорят, заключала в свои гигантские объятия трехмачтовый корабль. Однако на нашей иллюстрации показан хорошо подтвержденный случай поимки огромной рыбы-каракатицы. Отчет о захвате был представлен Французской академии наук лейтенантом Байером, командиром французского корвета "Алектон", который произвел захват, и месье Сабином Бертло, французским консулом на Канарских островах. Находясь на пути между Тенерифе и Мадейрой, "Алектон" наткнулся на крупную каракатицу длиной около пятидесяти футов, не считая ее восьми рук, покрытых присосками. Его голова, самая большая часть, имела около двадцати футов в окружности: хвост состоял из двух мясистых лопастей или плавников. Его вес оценивался в 4000 фунтов. Его цвет был кирпично-красным, а мякоть мягкой и клейкой. Выстрелы, выпущенные в него, прошли сквозь него, по-видимому, не причинив никакого вреда. Однако после того, как он был таким образом ранен, было замечено, что море покрылось пеной и кровью, и почувствовался сильный запах мускуса. В него также были брошены гарпуны, но они не зацепились. В конце концов, однако, один из гарпунов прочно застрял, и матросам удалось накинуть петлю на нижнюю часть его тела, возле хвоста. При попытке втащить его на борт веревка перерезала его надвое, при этом головная часть исчезла, а хвостовая оказалась на палубе.

ИДЕАЛЬНАЯ СЦЕНА. —МОНСТРЫ ВЕЛИКОЙ ПУЧИНЫ Перед ПОТОПОМ.

Предполагается, что животное было либо больным, либо истощенным по какой-либо причине, возможно, в недавней схватке с каким-то другим морским чудовищем, и что по этой причине оно покинуло свои обычные места обитания на скалах на дне моря, поскольку в противном случае оно было бы более активным, чем было, или выпустило бы чернильное облако, которым каракатица всегда располагает, чтобы избегать своих врагов.

КРАСНЫЙ КОРАЛЛ.

ДНОУГЛУБИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ.

ГЛАВА LVI.

ДНОУГЛУБИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В НАШЕ ВРЕМЯ —ЧЕМУ ОНИ НАС НАУЧИЛИ—
ГЛУБОКОВОДНЫЕ ЗОНДИРОВАНИЯ—ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ—ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ЭТОГО
ОРУДИЯ —ШАНС ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ.

В наше время мы узнали об океане гораздо больше, чем знали древние, благодаря дноуглублению. Таким образом, мы познакомились не только с очертаниями дна, но и с температурой морских глубин, с разнообразными формами животной и растительной жизни, которые там присутствуют, и узнали с гораздо большей уверенностью и полнотой, чем когда-либо прежде, ту роль, которую океан играл и продолжает играть в подготовке суши.

По зондированию древние, конечно, знали глубину мелководий вдоль своих берегов. Для моряка было бы самым естественным привязать камень к веревке и опустить его в воду, когда он хотел узнать, достаточно ли там глубоко, чтобы спустить на воду его судно, и то же самое средство было бы использовано, чтобы выяснить, есть ли какие-нибудь затонувшие камни в тех гаванях, которые он часто посещал. Но океан, несмотря на всю древность, был непостижим; они не осмеливались пытаться пересечь его и, конечно, не думали, что смогут измерить его глубину. Долгое время после того, как океан пересекли корабли, все еще сохранялось убеждение, что измерить его глубину невозможно, и это убеждение укрепилось после безуспешных попыток провести зондирование в середине океана с помощью обычного поводка и лески.

Прежде чем мы пришли к достоверному знанию глубины океана, ученые пытались вычислить ее различными методами. Лаплас, рассчитывая среднюю высоту суши, предположил, что море должно быть примерно одинаковой глубины. Янг, основываясь на приливах, вычислил глубину моря. Этот метод недавно использовался для расчета глубины Тихого океана. Волна определенной скорости указывает на такую глубину воды. В случае землетрясения 1854 года в Японии, которое вызвало волну, докатившуюся до Калифорнии,

скорость ее распространения позволила определить среднюю глубину моря, над которым она прошла, а проведенные с тех пор достоверные промеры подтвердили общую точность расчетов.

Обычный свинец, используемый для зондирования, представляет собой свинцовую пирамиду, в нижней части которой имеется углубление, заполненное жиром; при ударе о дно немного песка или ила прилипает к этому салу и поднимается на поверхность. Таким образом, кое-что узнается о глубине и дне моря, но этого недостаточно, чтобы удовлетворить натуралистов, которые интересовались, возможно ли извлечь дно моря обычным способом и отправить вниз бутылки с водой и регистрирующие приборы, чтобы окончательно установить условия глубоководья и с точностью определить состав и температуру на больших глубинах.

Расследование такого рода выходит за рамки возможностей частного предприятия. Оно требует больше сил и мореходных навыков, чем обычно есть у натуралистов. Это работа для правительств. Эта часть Соединенных Штатов внесла свой вклад в полной мере. Береговая съемка многое добавила к нашим знаниям о морских глубинах, и корабли военно-морского флота принимали участие в зондировании, с помощью которого было доказано существование плато по ту сторону дна Северной Атлантики, которое использовалось для прокладки океанского телеграфного кабеля.

В 1868 году английское правительство предоставило суда и экипажи для проведения глубоководных дноуглубительных работ под руководством доктора Карпентера и мистера Уивилла Томпсона. Эти экспедиции обнаружили, что вполне возможно работать с уверенностью, хотя и не с такой легкостью, на глубине 600 морских саженей, как на глубине 100; и в 1869 году были проведены глубоководные дноуглубительные работы на глубине 2435 морских саженей, 14 610 футов, или почти трех миль, с совершенным успехом.

Дноуглубительные работы на такой большой глубине - очень утомительное занятие. Каждый перегон занимал семь или восемь часов, и в течение всего этого времени требовалось постоянное внимание командира, который стоял, положив руку на регулятор аккумулятора, готовый в любой момент ослабить чрезмерное напряжение поворотом судовых весел. Матросы, воодушевленные сердечным интересом, проявленным офицерами к операции, работали с готовностью; но работа по натягиванию трех миль веревки, сопряженная с большим напряжением, была очень тяжелой. Сама веревка из самой лучшей итальянской пеньки, 2 1/2 дюйма в окружности, с разрывным усилием 2 1/4 тонны, выглядела истрепанной и изношенной, как будто ей нельзя было доверить выдерживать такое экстраординарное испытание намного дольше.

Обычный глубоководный свинец, используемый для зондирования, весит от 80 до 120 фунтов. Пробы дна, которые он поднимает, отмечены на картах как ил, ракушки, гравий, ил или песок, таким образом, 2000 м над уровнем моря означают ил, ракушки и песок на глубине 2000 морских саженей; 2050 унций по ст. ст. означают ил и камни на глубине 2050 морских саженей; 2200 м над уровнем моря означают ил, песок, ракушки и шлак на глубине 2200 морских саженей и так далее. Когда лидерство не находит дна, оно заносится на график следующим образом: -3200, что означает, что на этой глубине дно достигнуто не было.

Этот метод зондирования очень хорошо подходит для сравнительно мелководья, но он бесполезен для глубин, намного превышающих 1000 морских саженей, или шесть тысяч футов. Веса недостаточно для быстрого и вертикального опускания лески на дно; а если использовать более тяжелый вес, обычная зондирующая леска недостаточно прочна, чтобы поднимать свой собственный вес и вес поводка с большой глубины, и поэтому ломается. Никакого импульса не ощущается, когда поводок касается дна, и поэтому леска продолжает

заканчиваться, и любая попытка остановить ее обрывается. В некоторых случаях провисание лески уносится течением, а в других обнаруживается, что леска истончается под действием собственного веса и наматывается спутанной массой поверх поводка.

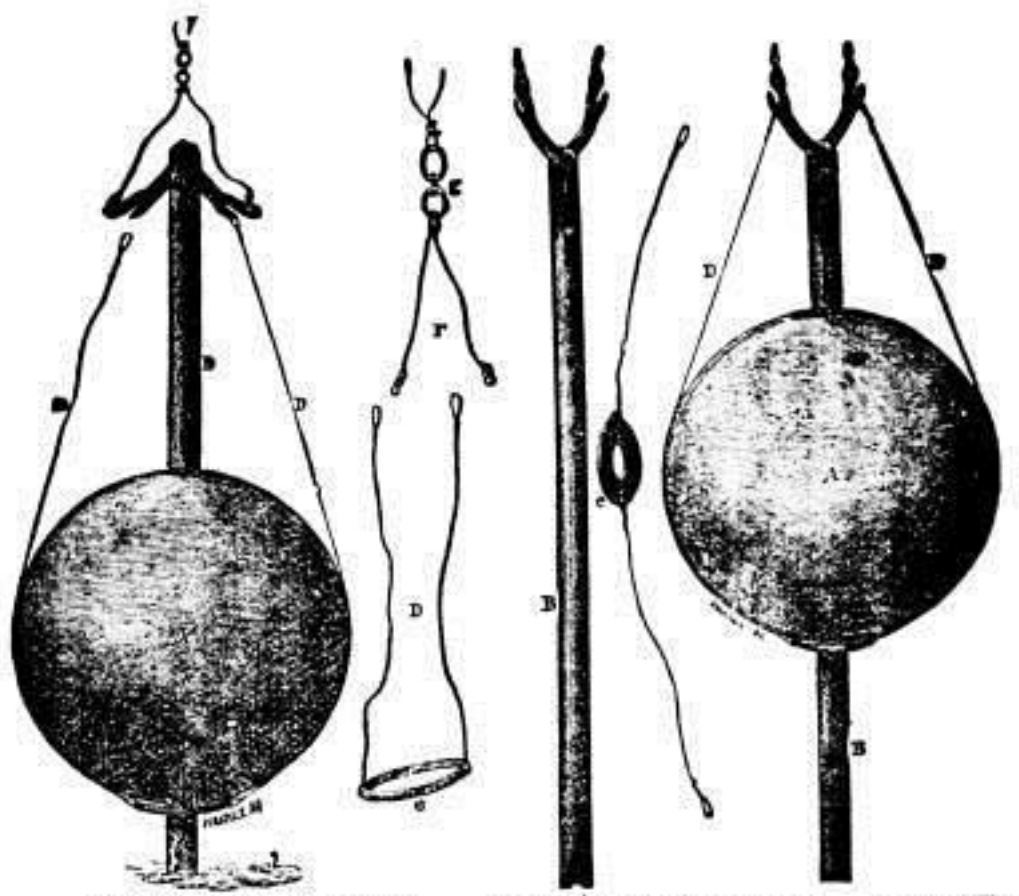
Эти источники ошибок искажают результаты очень глубоких зондирований. Так, лейтенант Уолш с американской шхуны "Тани" доложил о 34 000 футах, не коснувшись дна; а американский бриг "Дельфин" использовал леску длиной 39 000 футов, не достигнув дна. Английское судно достигло 46 000 футов в Южной Атлантике, а американское - 50 000 футов, не коснувшись дна. Однако известно, что это ошибки, так что на картах не указаны промеры глубиной более 4000 футов и лишь немногие - более 3000. Военно-морской флот США представил первое значительное усовершенствование в области глубоководных промеров. Это заключалось в использовании тяжелого груза и маленькой лески. Снасть весом 32 или 68 фунтов быстро опускалась, и когда она касалась дна, о чем свидетельствовало внезапное изменение скорости, с которой сматывалась леска, леску обрезали и глубину оценивали по длине шнура, оставшегося на катушке. Это, однако, стоило потери кадра и реплики для каждого звучания.

Одна из первых попыток глубоководных дноуглубительных работ была предпринята в 1818 году сэром Джоном Россом, командующим судном английского военно-морского флота "Изабелла", во время путешествия для исследования Баффинова залива с помощью машины его собственного изобретения, которую он назвал "глубоководный морской моллюск". Он состоял из пары щипцов, разделенных болтом, и был устроен так, что при ударе болта о грунт тяжелый железный груз соскальзывал со шпинделя и закрывал щипцы, которые удерживали часть ила, песка или мелких камней со дна. . Этим инструментом он прощупал глубину в 1050 морских саженей и поднял шесть фунтов очень мягкого ила, используя китовую леску, сделанную из лучшей пеньки и имеющую 2 1/2 дюйма в окружности.

Чашечный свинец - еще одно изобретение. При этом в нижней части поводка имеется заостренная чашечка, прикрепленная к нему стержнем, на котором играет круглая кожаная пластинка, служащая крышкой для чашки. Ударяясь о дно, чашка погружается в грязь, а при поднятии крышки вода вдавливая ее в чашу и поднимает содержащуюся в ней грязь. Возражение против этого состоит в том, что она слишком грубая; при подъеме вода смывает грязь, так что в среднем только один раз из трех чаша всплывает с чем-либо внутри; а глубоководные зондирования требуют слишком много времени и слишком ценны, чтобы допускать такие большие средние потери.

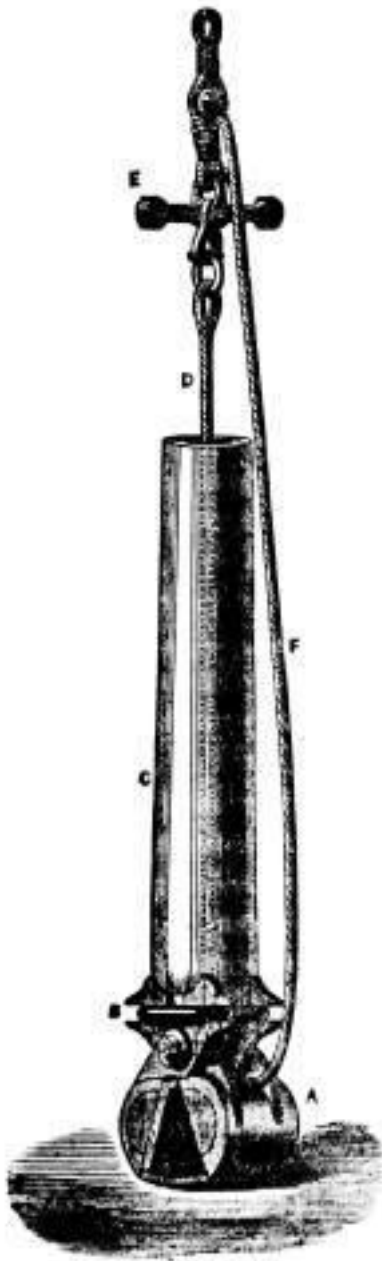
Около 1854 года мистер Дж. М. Брук из военно-морского флота США, который в то время был связан с проф. Мори, столь хорошо известный своим трудом по сбору и распространению знаний о течениях океана, изобрел глубоководный зондирующий аппарат, который известен под его именем. Он все еще используется, и все более поздние изобретения были в значительной степени лишь модификациями и улучшениями первоначальной идеи снятия груза. Инструмент очень прост. 64-фунтовая дробь отлита с отверстием в ней. Железный стержень с углублением на конце свободно входит в отверстие в дроби. Два подвижных рычага в верхней части стержня снабжены проушинами, удерживающими концы стропы, на которой висит шарик. Полость на конце стержня заполняется жиром, и устройство опускается. Достигнув дна, стержень вдавливается в грязь, полость заполняется ею, и, поскольку натяжение веревки, удерживающей подвижные рычаги, прекращается, они опускаются, отсоединяют концы стропы и позволяют шарик соскользнуть вниз по стержню. Затем стержень извлекают, поднимая часть дна, закрепленную в полости у его основания, и оставляя шарик на дне. Каждый раз, когда это устройство используется, оно обходится в

один мяч, и поднимает лишь небольшую часть дна, которая также может уменьшаться по пути вверх из-за воды, через которую оно проходит.

УДАР О МОРСКОЕ ДНО. ГЛУБОКОВОДНЫЙ ЗОНДИРУЮЩИЙ АППАРАТ БРУКА.

Коммандер Деймен из английского военно-морского флота в 1857 году изобрел усовершенствование первоначального изобретения мистера Брука. Он использовал скобки из железной проволоки для поддержки грузила, так как они отсоединяются легче, чем веревочные стропы. Дробь он заменил свинцовым цилиндром, поскольку она обеспечивает меньшую поверхность для воды при спуске, и снабдил полость в нижней части стержня клапаном, открывающимся внутрь. Коммандер Дейман использовал аппарат с этими модификациями в важной серии зондирований, которые он провел в Северной Атлантике, занимаясь обследованием плато в поисках океанского телеграфного кабеля, и сообщает, что он работал хорошо.

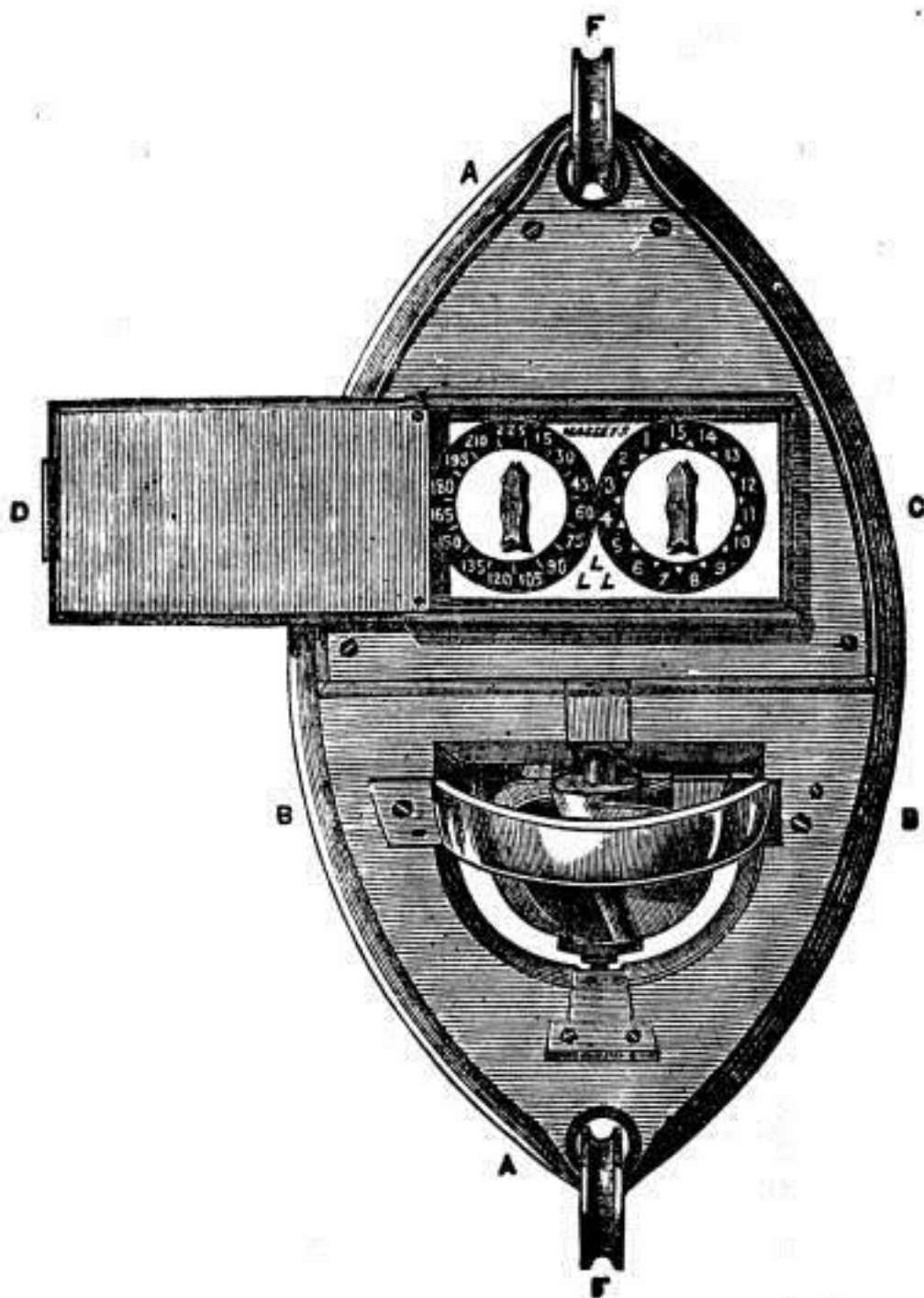

МАШИНА ДЛЯ ОЗВУЧИВАНИЯ БУЛЬДОГОВ.

Устройство, известное как машина для бульдогов, представляет собой адаптацию глубоководных моллюсков сэра Джона Росса вместе с идеей Брука об отключении веса. Он был изобретен во время плавания английского военно-морского судна "Бульдог" в 1860 году, и главная заслуга в его создании принадлежит помощнику механика во время того плавания мистеру Стейлу. Пара черпаков соединена шарнирно, как ножницы, ручки обозначены буквой В. Они постоянно прикреплены к зондирующей веревке F, которая здесь представлена как свободно свисающая, с помощью шпинделя черпаков. К этому шпинделю прикреплена веревка D, заканчивающаяся кольцом. E представляет собой пару крючков для перекидывания, подобных тем, которые используются так часто. C - это тяжелый груз из железа или свинца, полый, с отверстием, достаточно большим, чтобы через него могло пройти кольцо на D. B - эластичное кольцо из индийской резины, прикрепленное к ручкам черпаков и предназначенное для соединения их вместе, как только снимается груз C, который теперь удерживает их раздельно. Когда достигается дно, открытые черпаки вонзаются в грунт, натяжение веревки прекращается, крюки-манипуляторы раскрываются и

освобождают груз, который падает на бок, и позволяет эластичному кольцу закрыть черпаки, закрывая часть дна, в которую они были втиснуты. Проблема с этим устройством заключается в его сложном характере; камешки могут попасть в шарнир и помешать закрыванию черпаков. Во всех устройствах, которые будут использоваться для такой цели, чем больше простота, тем лучше, и изобретение, которое должно быть одновременно простым и эффективным, способным безошибочно и без особых проблем поднять фунт или два со дна на глубине 2000 морских саженей или более, по-прежнему является желательным, и его изобретение заслуживает внимания изобретателей.

Другое устройство, называемое зондирующей машиной Hydra, предназначено для извлечения участков дна и воды из самых нижних достигнутых слоев. Он состоит из прочной латунной трубки, которая отвинчивается на четыре камеры, закрытые клапанами, открывающимися вверх, так что при спуске вода свободно проходит через них; но когда ее начинают поднимать, давление воды закрывает клапаны. Это устройство также снабжено грузами для погружения, которые освобождаются при достижении дна способом, аналогичным описанному. Этот инструмент использовался во время глубоководного зондирования на "Дикобразе" и ни разу не подводил. Его недостатки заключаются в том, что он поднимает лишь небольшие образцы дна. Капитан Калвер, который пользовался им, всегда, находясь на самой большой глубине, отчетливо ощущал толчок от тяжести на дне, переданный его руке.

ЗВУКОВАЯ МАШИНА МЭССИ.

Предпринимались различные попытки сконструировать приборы, которые должны были бы точно определять величину вертикального спуска поводка с помощью саморегистрирующего оборудования. Самым успешным и наиболее часто используемым является Massey's sounding machine. Этот инструмент в его наиболее усовершенствованном виде показан в сопроводительной вырезке. Он состоит из тяжелого овального латунного щитка, снабженного кольцом на каждом конце его более длинной оси. К одному из них прикреплена зондирующая веревка, а к другому прикреплен груз примерно на половину сажени ниже щита. Набор из четырех латунных крыльев или лопастей установлен наклонно к оси, так что, подобно ветряной мельнице или гребным колесам, он должен вращаться под

действием силы воды при спуске. Эта ось сообщает о своем движении индикатору, который отмечает количество оборотов на циферблате. Один из этих циферблатов отмечает каждую сажень, а другой - каждые пятнадцать саженей спуска. Этот зондирующий прибор очень хорошо реагирует на умеренно глубокой воде и очень полезен для корректировки результатов зондирования только поводом, где предполагается наличие глубоких течений, поскольку он предназначен только для регистрации вертикального спуска. На очень большой глубине это неудовлетворительно по какой-то причине, которую трудно определить. Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что оно разделяет неопределенность, присущую всем приборам, использующим металлические колеса. Их механизмы, похоже, каким-то образом заклинивает под огромным давлением воды на больших глубинах.

Определить температуру поверхности морской воды достаточно просто. Набирается ведро с водой, и в него помещается термометр. При наблюдениях такого рода всегда следует учитывать высоту, на которой термометр находится в воздухе. Однако до самого недавнего времени было известно очень мало или вообще ничего достоверного о температуре моря на глубинах ниже поверхности. Тем не менее, это область исследований, имеющая очень большое значение в физической географии, поскольку точное определение температуры на различных глубинах, безусловно, является лучшим, а часто и единственным средством для определения глубины, ширины, направления и общего пути теплых океанских течений, которые являются главными агентами в распространении экваториального тепла; и особенно тех более глубоких течений холодной воды, которые возвращаются с полюсов, чтобы занять свои места, и завершают водную циркуляцию земного шара. Основной причиной отсутствия точных данных о температуре на глубине моря, несомненно, является дефектный характер приборов, которые использовались до сих пор.

Термометр, который обычно использовался для измерения температуры глубокой воды, известен как саморегулирующийся термометр Сикса, заключенный в прочный медный корпус с клапанами или отверстиями сверху и снизу, обеспечивающими свободный проход воды через корпус и по лицевой поверхности прибора. Этот регистрирующий термометр состоит из стеклянной трубки, изогнутой в форме буквы U. Одно плечо заканчивается большой колбой, полностью заполненной смесью креозота и воды. Изгиб трубки содержит столбик ртути, а другой рукав заканчивается маленькой колбой, частично заполненной креозотом и водой, но с большим пустым пространством, или, скорее, заполненным парами смеси и сжатым воздухом. Маленький стальной указатель с обвязанным вокруг него волоском, который действует как пружина на стенку трубки и удерживает указатель в любой точке, которую он может принять, свободно лежит в обеих руках среди креозота, плавающего на ртути. Этот термометр показывает свои показания только по расширению и сжатию жидкости в большой заполненной колбе и, следовательно, подвержен некоторой незначительной ошибке из-за колебаний температуры жидкостей в других частях трубки. Когда жидкость в большой колбе расширяется, столбик ртути поднимается к полупустой колбе, а конец трубки, в которой она поднимается, градуируется снизу вверх для увеличения нагрева. Когда жидкость сжимается в колбе, ртуть поднимается в этом плече трубки, которое градуировано сверху вниз, но опускается в другом плече. Когда термометром собираются пользоваться, стальные указатели оттягиваются вниз в каждом конце трубки сильным магнитом до тех пор, пока они не упрутся в каждом конце ртутного столба. Когда термометр извлекают из глубокой воды, высота, на которой находится нижний конец указателя в каждой трубке, указывает на предел, до которого указатель был доведен ртутью, на экстремальную температуру или холод, воздействию которых подвергался прибор. К сожалению, на точность обычного шестизарядного термометра нельзя положиться за

пределами очень ограниченной глубины, поскольку стеклянная колба, содержащая расширяющуюся жидкость, поддается давлению воды, и сжатие содержащейся в ней жидкости дает показания выше, чем это обусловлено одной только температурой. Эта причина ошибки не является постоянной, поскольку степень сжатия колбы зависит от толщины и качества стекла. Тем не менее, поскольку в хорошо изготовленных термометрах погрешность измерения давления довольно постоянна, было предложено составить шкалу на основе расширенной серии наблюдений, которая могла бы использоваться для корректировки наблюдений и, таким образом, быть близкой к истине.

Был предложен лучший план, который, будучи применен на практике, оказался очень хорошо работающим. Это заключается в том, что полная колба помещается во внешнюю стеклянную оболочку, так что между колбой и внешним покрытием должна быть воздушная оболочка, и этот воздух, сжимаемый давлением воды снаружи, должен, таким образом, защищать внутреннюю колбу. Наблюдения, проведенные в 1869 году с помощью сконструированных таким образом термометров на глубине до 2435 морских саженей, ни разу не дали ни малейших оснований сомневаться в их точности. Таким образом, можно описать модификацию металлического термометра, изобретенную мистером Джозефом Сакстоном из управления мер и весов Соединенных Штатов для использования при обследовании побережья. Лента из платины и одна из серебра припаяны серебряным припоем к промежуточной пластине из золота, и эта составная лента намотана вокруг центральной оси из латуни с серебром внутри. Серебро - самый растяжимый из металлов под воздействием тепла, а платина - почти наименее. Золото занимает промежуточное место, и его присутствие между платиной и серебром снижает деформацию и предотвращает растрескивание катушки. Нижний конец катушки закреплен на медной оси, в то время как верхний конец прикреплен к основанию короткого цилиндра. Любое изменение температуры приводит к наматыванию катушки, и ее движение приводит к вращению осевого стержня. Это движение усиливается вращающимися колесиками и регистрируется на циферблате прибора указателем, который толкает перед собой регистрирующую стрелку, движущуюся с достаточным трением, чтобы удерживать ее на месте при толчке вперед. Калибровка инструмента производится экспериментальным путем. Латунные и серебряные детали покрыты толстым слоем позолоты методом электротипирования, чтобы предотвратить воздействие на них соленой воды.

Ящик, в котором находится прибор, открыт для свободного прохождения воды. Этот прибор, по-видимому, очень хорошо подходит для умеренных глубин. На глубине до шестисот морских саженей его погрешность не превышает половины градуса по Цельсию; однако на высоте 1500 морских саженей она повышается до пяти градусов, ровно столько, сколько у незащищенного шестиметрового термометра, и погрешность не столь постоянна. На приборы, точность которых зависит от работы металлических механизмов, нельзя положиться, когда они подвергаются большому давлению при глубоких зондированиях.

Для измерения донной температуры на больших глубинах два или более термометров прикрепляются к линии зондирования на небольшом расстоянии друг от друга, на высоте нескольких футов над зондирующим прибором. Поводок быстро спускается вниз, и после достижения дна допускается интервал в пять-десять минут перед вытаскиванием. При проведении серийных температурных зондирований, которые должны определять температуру на определенных интервалах глубины, термометры привязываются к обычному глубоководному поводку, необходимое количество лески для каждого наблюдения серии заканчивается, и термометры и поводок каждый раз опускаются в воду. Операция очень утомительная; серия таких наблюдений в Бискайском заливе, где глубина составляла 850

морских саженей, а температура измерялась через каждые пятьдесят морских саженей, заняла целый день. При измерении температуры дна с помощью саморегистрирующегося термометра прибор, конечно, просто показывает самую низкую температуру, которой он подвергался, так что, если нижний слой теплее любого другого, через который проходил термометр, результат будет ошибочным. Это можно проверить только путем серийных наблюдений; но из них следует, что, где бы они ни проводились, температура опускается постепенно, иногда очень равномерно, иногда неравномерно от поверхности ко дну, причем придонная вода всегда самая холодная.

Несколько важных фактов, имеющих весьма общее применение в физической географии, были установлены в результате недавно проведенных глубоководных зондирований температуры моря, и теории, которых ранее придерживались по этому вопросу, оказались ошибочными. Было показано, что в природе, как и в экспериментах М. Деппеца, морская вода не имеет общих особенностей с пресной водой, которая, как давно известно, достигает максимальной плотности при четырех градусах Цельсия; но, как и у большинства других жидкостей, плотность увеличивается до точки замерзания; и также было показано, что из-за движения больших масс воды с разной температурой в разных направлениях мы можем иметь в непосредственной близости два района океана с совершенно разным климатом дна, факт, который, наряду с открытием обильной животной жизни на всех глубинах, имеет важнейшее отношение к распределению морской флоры и фауны и интерпретация палеонтологических данных.

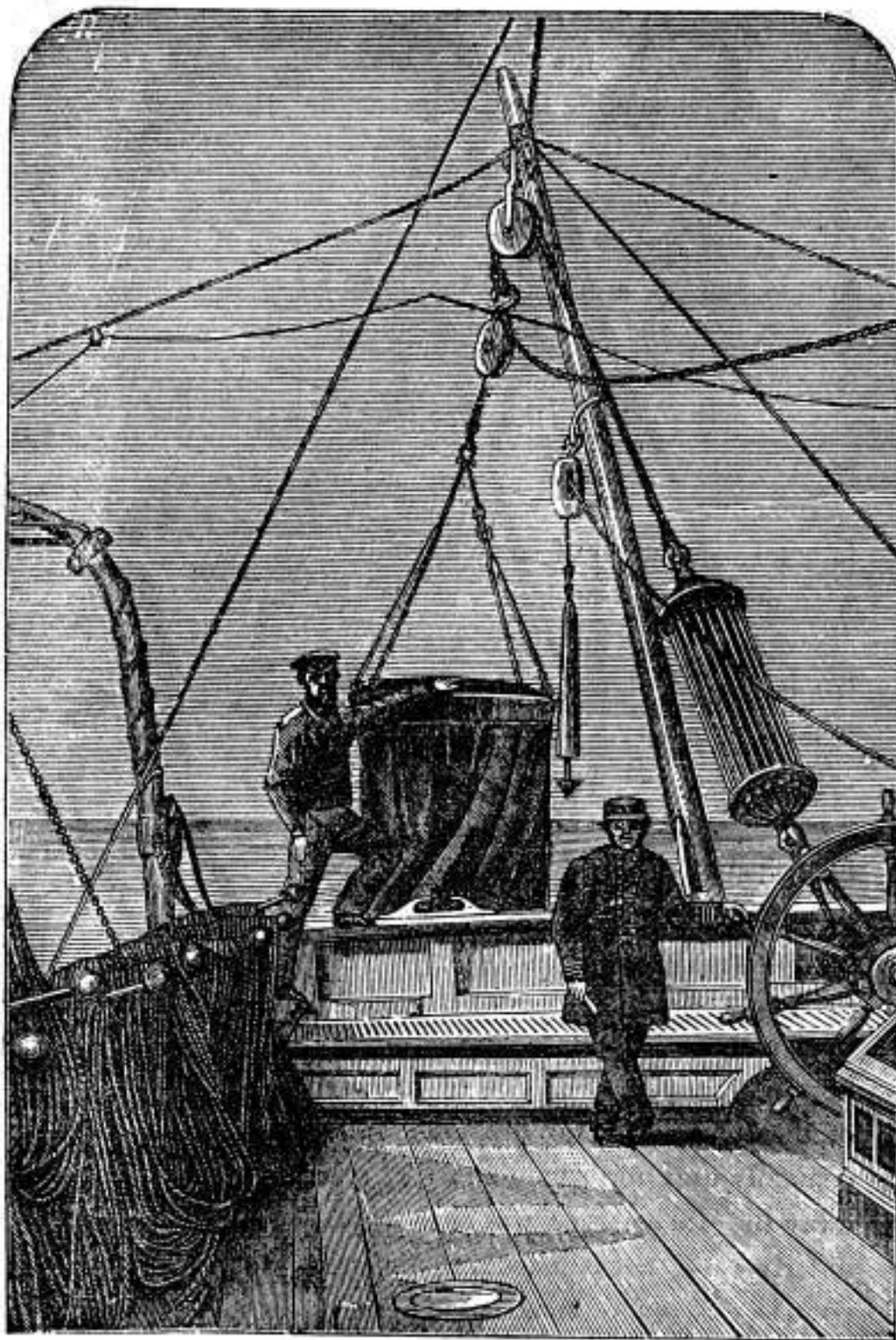
Мистер Уивилл Томпсон, проводивший серию важных глубоководных зондирований, предпринятых на "Дикобразе", совершенно верно говорит: "Было странно наблюдать, как эти маленькие приборы, на создание которых было потрачено столько квалифицированного труда и внимания, отправлены в долгое и опасное путешествие, а за их возвращением с нетерпением наблюдает группа вдумчивых людей, стоящих с блокнотами в руках, готовых зарегистрировать это первое сообщение, которое должно пролить так много света на физические условия доселе неизвестного мира".

До середины прошлого века то немногое, что было известно об обитателях морского дна за пределами отметки отлива, по-видимому, почти полностью собиралось по немногочисленным предметам, выброшенным на пляжи после штормов, или по случайным образцам, поднятым на зондирующие удочки, или рыбаками, занимающимися морским промыслом или выемкой устриц. Из этого последнего источника, однако, было почти невозможно добыть образцы, поскольку рыбаки были суеверны в отношении того, чтобы приносить домой что-либо, кроме обычных предметов своего промысла, и из страха, что необычные предметы, которые они иногда вытаскивали, могли быть переодетыми дьяволами, способными, возможно, помешать успеху их бизнеса, снова выбрасывали их, как только вылавливали, обратно в море. Подобные суеверия вымирают, и на самом деле многие животные, скрывающиеся в морских глубинах, настолько необычны; их формы и общий вид настолько отличаются от всего, что привыкли видеть рыбаки, что мы едва ли можем удивляться тому страху, который они вызывали. Однако, когда внимание натуралистов было обращено к морю, они использовали земснаряд, подобный тому, которым пользовались ловцы устриц, и все земснаряды, используемые сейчас, являются просто модификациями этого.

Земснаряд для глубоководных операций изготавливается с двумя скребками, так что он всегда должен представлять собой скребущую поверхность для дна, как бы оно ни опускалось. Железная заготовка должна быть самой лучшей и весить около двадцати фунтов. Мешок имеет глубину около двух футов и представляет собой сетку ручной работы из

очень прочной бечевки с отступом ячеек на полдюйма в сторону. Поскольку такая открытая сеть пропускала бы много мелких предметов, дно мешка на высоте около девяти дюймов выстлано легким открытым полотном, которое моряки называют "хлебным мешком". Для изготовления мешка для выемки грунта использовались необработанные шкуры, но, хотя они и очень прочные, они могут стать слишком мягкими для других чувств, кроме осязания. Использовать при таких операциях слишком легкую веревку нецелесообразно, и лучше всего прикреплять ее только к одному рычагу земснаряда, при этом проушины двух рычагов должны быть связаны вместе более тонким шнуром. Таким образом, в случае, если земснаряд запутается на дне, этот трос порвется первым, и, таким образом, высвобождение одного из рычагов земснаряда может настолько изменить направление натяжения троса, что освободит сам земснаряд.

Дноуглубительные работы на большой глубине, то есть на глубине более 200 морских саженей, представляют определенную сложность и вряд ли могут быть выполнены с помощью обычного оборудования, имеющегося в распоряжении любителей. Описание оборудования, использовавшегося на "Дикобразе" в 1869 и 70 годах во время его дноуглубительного плавания в Бискайском заливе, покажет, что для этого необходимо. Эти устройства также показаны на вырезке. Это судно, канонерская лодка английского военно-морского флота водоизмещением 382 тонны, было оборудовано специально для этой работы. Посредине судна был установлен двухцилиндровый осевой двигатель мощностью около двенадцати лошадиных сил с барабанами различных размеров, большими и маленькими. Обычно использовался большой барабан, за исключением тех случаев, когда шнур был слишком тяжелым, и поднимал веревку с постоянной скоростью более фута в секунду. Мощная буровая вышка выступала по левому борту, а другая, не такая мощная, - над кормой. Любая из них использовалась для дноуглубительных работ, но та, что на корме, обычно использовалась для зондирования. Устройство для укладки каната земснаряда было таким, что делало манипуляции с ним необычайно легкими, несмотря на его большой вес, около 5500 фунтов. Ряд примерно из двадцати больших железных штырей, около двух с половиной футов длиной, выступал над одной стороной квартердека, поднимаясь наискось от верхней части фальшборта. Каждая из них вмещала моток длиной от двухсот до трехсот морских саженей, и веревка была непрерывно намотана вдоль всего ряда. Когда земснаряд опускался, люди быстро снимали веревку с этих штырей последовательно, начиная с ближайшего к землесосной вышке, а при подъеме группа людей снимала веревку с барабана экскаватора и укладывала ее мотками на штыри в обратном порядке. Длина каната земснаряда составляла 3000 морских саженей, то есть почти три с половиной мили. Из них было уложено 2000 саженей каната из лучшей русской пеньки, 2 1/2 дюйма в окружности, с усилием на разрыв 2 1/4 тонны. На 1000 морских саженей рядом с земснарядом были проложены канаты диаметром 2 дюйма. Российская пенька, по-видимому, является лучшим материалом для такой цели. Манилья значительно прочнее для устойчивого натяжения, но с большей вероятностью порвется при изломе.

КОРМА "ДИКОБРАЗА".

Рама самого большого из использовавшихся земснарядов весила 225 фунтов. Мешок был двойным, снаружи из прочной бечевки, обшитой холстом. Три грузила, одно по 100 фунтов и два по 56 фунтов каждое, были прикреплены к канату земснаряда на расстоянии 500 морских саженей от земснаряда. Описание зондирования, произведенного в Бискайском заливе 22 июля 1869 года, даст представление об этом процессе. Когда глубина была определена,

земснаряд был спущен на воду около 16:45, судно медленно дрейфовало при умеренном бризе. В 17:50 все 3000 саженой веревки были спущены. Пока земснаряд спускается вниз, судно постепенно дрейфует с подветренной стороны; и когда все 3000 саженой каната выпущены, оно переместилось так, чтобы натянуть канат с земснаряда наклонно. Теперь судно медленно поворачивается с наветренной стороны, а затем ему снова позволяют дрейфовать по ветру. Напряжение при движении судна, таким образом, вместо того, чтобы действовать непосредственно на земснаряд, теперь перемещает груз вперед, так что выемка грунта осуществляется за счет груза, а не непосредственно от судна. Таким образом, земснаряд тихо тянется вперед, при этом кромка царапает дно, в положении, которое он естественным образом принимает от центра тяжести своей железной рамы и рычагов. Если бы, напротив, грузы были подвешены близко к земснаряду и земснаряд стаскивался непосредственно с судна, то из-за большого веса и пружинистости каната рычаги были бы постоянно подняты вверх, и кромка земснаряда не царапалась бы. На очень глубокой воде эту операцию по пропариванию с наветренной стороны до тех пор, пока канат земснаряда не станет почти перпендикулярным, после дрейфа в течение получаса или около того с подветренной стороны обычно повторяют три или четыре раза. В 8:50 вечера начинается погрузка, и двигатель, запряженный ослом, подает веревку со скоростью чуть более фута в секунду. За несколько минут до часа ночи появляются гири, а чуть позже часа, через восемь часов после того, как они были заброшены, появляется земснаряд и благополучно высаживается на палубу, проделав за это время путь более восьми миль. В результате этого подъема земснаряд содержал 1 1/2 сотни килограмма характерного бледно-серого атлантического ила. Общий вес, поднятый двигателем, был следующим:

2000 саженой веревки,	4000
1,000 " "	1,500
	5,500
Вес веревки уменьшен до 1/4 в воде	1,375
Драги и мешка	275
Ил	168
Прилагаемый вес	224
	2,042

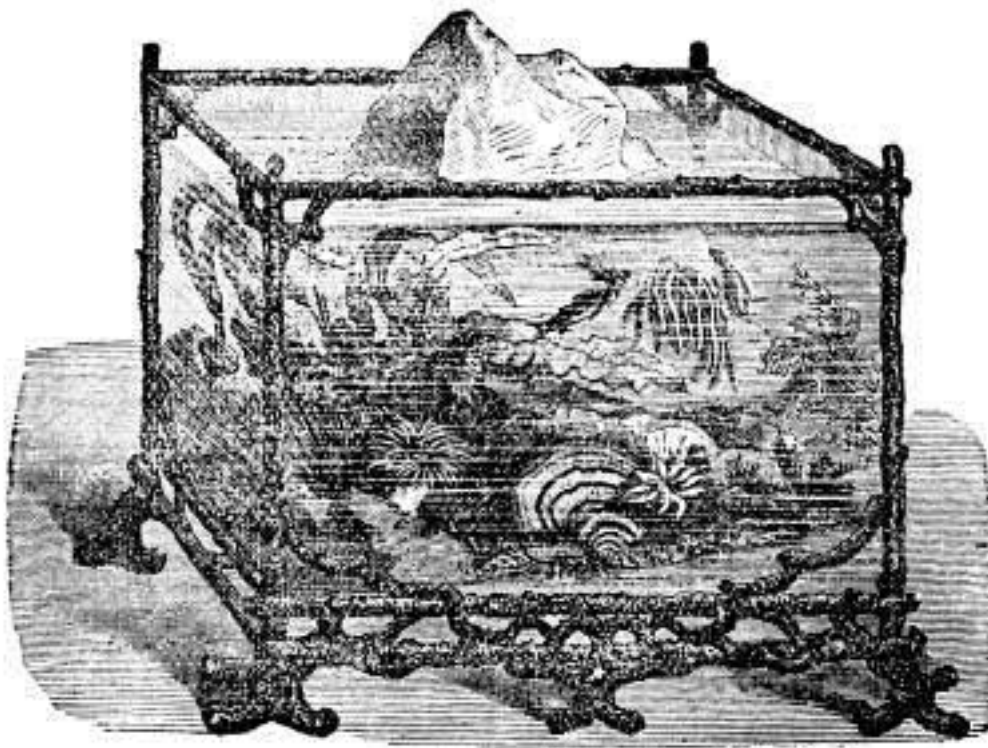
Во время многих дноуглубительных работ на всех глубинах было обнаружено, что, хотя внутри земснаряда было поднято мало интересных объектов, многие иглокожие, кораллы и губки всплывали на поверхность, прилипая к внешней стороне земснарядного мешка и даже к первым нескольким сажениям веревки. Поэтому был предпринят эксперимент по прикреплению к стержню, прикрепленному ко дну мешка для сбора грунта, полудюжины тампонов, таких пучков пеньки, какие используются на кораблях для мытья палуб. Результат был изумительным; спутанная пенька поднимала все грубое и подвижное, что попадалось на ее пути, и подметала дно океана так же, как подметала бы палубу. Этот эксперимент был настолько успешным, что клубки пеньки теперь считаются важным дополнением к земснаряду и почти таким же важным, как сам земснаряд, а когда грунт слишком неровный для использования земснаряда, используются только клубки.

У моллюсков больше всего шансов быть пойманными земснарядом; их раковины представляют собой сравнительно небольшие тела, смешанные с камнями на дне, и они попадают в земснаряд вместе с ними. Иглокожие, кораллы и губки, напротив, являются громоздкими объектами и часто частично погружены в ил или более или менее прочно

прикреплены, так что земснаряд обычно их не замечает. С клубками все наоборот, гладкие тяжелые раковины попадают редко, в то время как клубки часто нагружены образцами; однажды на клубки попало не менее 20 000 экземпляров за один вылов.

На "Дикобразе" обе вышки были снабжены аккумуляторами, которые, как было установлено, представляли большую ценность. Блок, через который проходил зондирующий трос или дноуглубительный трос, был прикреплен не непосредственно к вышке, а к тросу, который проходил через проушину на конце лонжерона и крепился к выступу на палубе. На отрезке этой веревки, между блоком и биттом, был закреплен аккумулятор. Он состоит из тридцати или сорока, или более, вулканизированных пружин из индийской резины, скрепленных вместе на двух концах и удерживаемых отдельно друг от друга путем пропускания через отверстия в двух деревянных концах, похожих на головки бочонков. Петля на веревке делается достаточно длинной, чтобы позволить аккумулятору растянуться вдвое или втрое по своей длине, но она удерживается далеко от точки разрыва. Накопитель ценен в первую очередь тем, что приблизительно показывает величину натяжения лески; и для того, чтобы он мог делать это с некоторой степенью точности, он устроен так, чтобы играть по стрелке, которая после пробного использования измеряется до количества в сто весов натяжения, указанного большей или меньшей протяженностью накопителя; но его более важная функция заключается в устранении внезапности натяжения лески при качке судна. Трение одной или двух миль веревки в воде настолько велико, что предотвращает ее растягивание при резком рывке, подобном тому, который происходит с прикрепленным концом, когда судно выходит в море, и леска может порваться.

Результаты, полученные при проведении глубоководных дноуглубительных работ, настолько важны, что английское правительство недавно оснастило для такого плавания еще одно судно, "Челленджер", всеми необходимыми приспособлениями. Это судно сейчас должно прибыть в Нью-Йорк.

АКВАРИУМ.

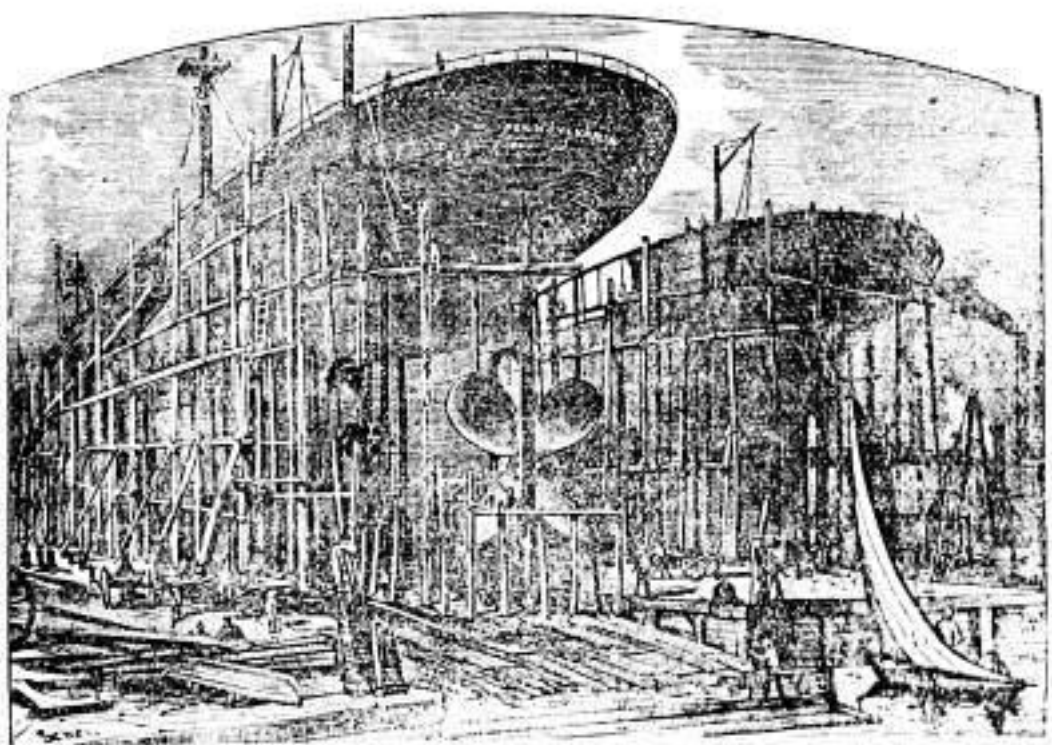
ГЛАВА LVII

РАЗВИТИЕ СУДОСТРОЕНИЯ—НОВЫЕ МОДЕЛИ СУДОВ—НАВИГАЦИЯ НА ПАРОВЫХ СУДАХ—
МОНИТОРЫ—ФРЕГАТЫ С ЖЕЛЕЗНОЙ ОБШИВКОЙ-ТАРАНЫ—ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА—ИХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КОНФЕДЕРАЦИИ—СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПЛОТЫ—СТРОИТЕЛЬСТВО ЯХТ—
ОКЕАНСКИЕ ЯХТЕННЫЕ ГОНКИ—СТОИМОСТЬ ЯХТЫ.

От весел, которые были единственным средством передвижения, использовавшимся на галерах древности, до парусов последующего периода, с помощью которых можно было использовать только попутный ветер, прогресс был велик, но не так велик, как открытие пара, с помощью которого в наше время пересекают море, почти не обращая внимания на состояние ветра. Чтобы соответствовать различным средствам, используемым для приведения в движение этих судов, были внесены изменения в способ их постройки, в их форму, а на парусных судах - в расположение парусов. Когда, с успешным завершением Революционной войны, Соединенные Штаты впервые заняли свое место в мире как независимая нация, коммерческая деятельность, которая была естественным результатом большей политической свободы, ставшей результатом исхода этого соревнования, нашла свое выражение сначала в нашей торговле; и уверенность в себе, которая является неизбежным результатом свободы; дух исследования, поощряемый отходом от старых методов и отказом от старых традиций, проявились в конструкции, оснащении и общем виде построенных тогда судов в той же степени, что и в построении политической организации новой республики.

Это было настолько важно, что американские суда стали известны во всем мире благодаря своему изящному внешнему виду. Тупые, закругленные носы и тяжелая корма английских или голландских судов были заменены американскими моделями, острыми, без ничего лишнего, и летящими по воде легко, как птица. Американские клиперы прославились своими быстрыми переходами и, перевоза чай из Китая, сколотили состояния для своих счастливых владельцев, доставляя на рынки первые партии нового урожая.

То же самое произошло, когда пароходы впервые начали пересекать океан. Англичане на своих первых пароходах следовали моделям своих самых больших парусных судов. Они все еще сохраняли тяжелый бушприт, выступающий на двадцать-тридцать футов вперед носа, хотя в этом не было необходимости, как на их парусных кораблях, для уравнивания давления других парусов. Поэтому их пароходы всегда имели тяжелый нос, и когда в бурном море их приводила в движение мощь двигателя, они зарывались носом в каждую большую волну. Любой, кто пересекал Атлантику на английском пароходе двадцатилетней давности, должен был заметить, как тяжело ему приходилось в бурную погоду и как волны разбивались о его нос. Принимать тонны соленой воды, когда волны поднимались высоко, было обычным делом; и при переходе через Атлантику не было редкостью, когда соль, покрывавшая дымовую трубу от волн, которые перехлестывали через нос и проносились за кормой, достигала толщины от одного до двух дюймов.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ И ОГАЙО НА БИРЖЕ.

Однако американский кораблестроитель рано понял, что модель его судна, которое должно приводиться в движение паром, должна отличаться от модели корабля, зависящей только от его парусов, и действовал соответствующим образом. Он сделал ее острой для скорости и загнул нос прямо вверх и вниз, как строил пароходы для речного судоходства. Следствием этого стало то, что она вышла сухой из воды в волнах, которые вылили бы тонны соленой воды на палубу английской модели. Джордж Стирс из Нью-Йорка, гений военно-морской архитектуры, о ранней смерти которого мы глубоко сожалеем, был человеком, сделавшим больше всего для внедрения нынешней формы, используемой в лучших моделях океанских пароходов. Один из его первых пароходов, "Адриатик", построенный для компании Collins line, привлек большое внимание в Ливерпуле, когда она впервые появилась там. Лондонская *Times* писала о ней в передовых статьях, призывая английских кораблестроителей сравнивать ее с кораблями их собственной постройки. В нем говорилось о том, как она

скользила вверх по Мерси, почти не создавая ряби на носу, так ровно и бесшумно она рассекала воду, в то время как английский пароход таких размеров так взбаламутил течение, что поднял ил со дна. *Times* также была особенно поражена легкостью, с которой ею управляли, когда она поворачивалась почти во всю длину, в то время как для английского парохода поворот был операцией, требующей гораздо больше места и создающей гораздо большее волнение на воде. С того времени и по сей день англичане следовали американским образцам в строительстве и оснащении своих пароходов, и их примеру подражало большинство других наций.

Новейшие образцы американского судостроения показаны на разрезе, представляющем Пенсильванию и Огайо на стапелях. Эти суда являются пионерами новой линии между Филадельфией и Ливерпулем.

И это не единственное изменение, претерпевшее военно-морскую архитектуру. Материалом для строительства кораблей, особенно морских пароходов, в наше время стало в основном железо. Ливингстон в своей книге "Путешествия по Африке" рассказывает, как, когда он собирал на берегу одной из тамошних рек части небольшого железного парохода, присланного ему из Англии, туземцы собрались вокруг и, наблюдая за ходом работы, насмеялись над ним за то, что он думал, что лодка, построенная из такого материала, сможет плавать. Весь их опыт работы с железом заключался в том, что оно может утонуть. Однако, когда пароход был достроен и спущен на воду, они едва могли выразить свое удивление, обнаружив, что он плавает.

Хотя каждый школьник из своих учебников по натурфилософии может объяснить причины, по которым корабль, построенный из железа, будет плавать, все же наши предки рассмотрели бы предложение построить корабль из этого материала во многом так же, как это делали коренные африканцы. Даже при строительстве деревянных кораблей железа сейчас используется гораздо больше, чем раньше. Колена, или изогнутые дубовые балки, из которых была сделана форма корабля, стали настолько редкими и дорогими, что теперь их часто делают из железа. Дубу требуется так много времени, чтобы вырасти, и спрос на ветви такого естественного изгиба, которые можно было бы использовать для кораблестроения, был так велик, что еще до использования железа для изготовления таких частей корабля часто использовался процесс сгибания балок, или колен, путем обработки паром, а затем подвергания их сильному давлению.

Железо как материал для изготовления кораблей имеет ряд очень больших материальных преимуществ. Он в целом легче, так что железный корабль весит абсолютно меньше, чем деревянный того же размера. Затем, поскольку колена и другие бревна занимают меньше места, когда они сделаны из железа, чем когда они сделаны из дерева, и поскольку толщина бортов намного меньше, на железном корабле обеспечивается больше места для перевозки груза, чем на деревянном. Кроме того, судно, построенное из железа, может быть разделено на водонепроницаемые отсеки, так что случайная утечка повредит только ту часть груза, которая содержится в том отсеке, в котором она произошла.

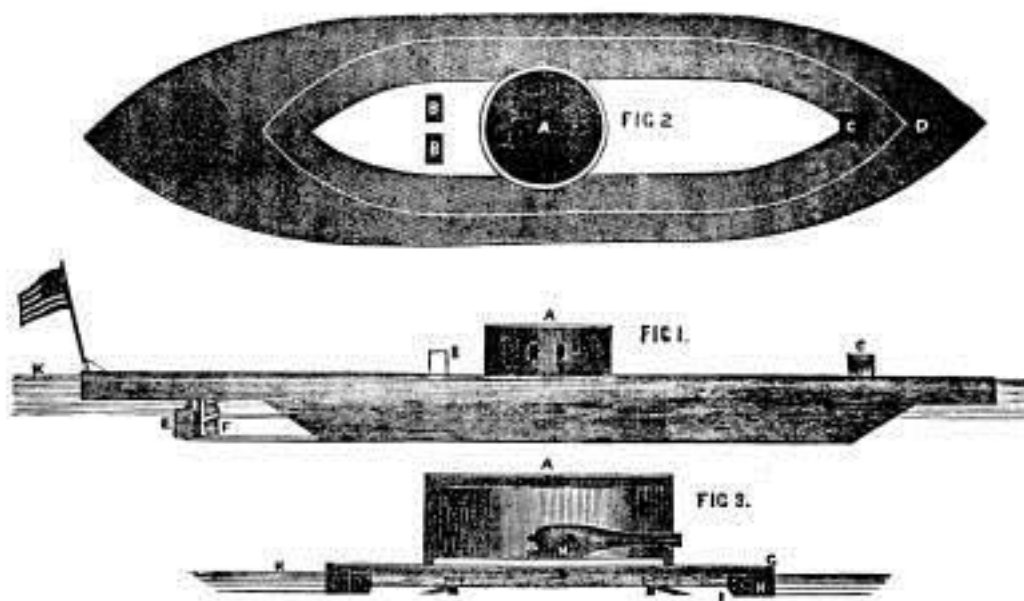
Этот метод строительства также является еще одним фактором безопасности в случае аварии в результате столкновения или любым другим способом. Один отсек может быть поврежден настолько, что заполнится водой, в то время как остальные, будучи невредимыми, своей плавучестью все равно будут удерживать судно на плаву. Возражение, однако, против использования отсеков заключается в том факте, что, поскольку они должны быть прикованы к бортам, ряды отверстий для заклепок неизбежно ослабляют прочность

бортов, так что судно с отсеками, которое упирается в скалу или другое препятствие одним концом, более подвержено развалу, чем судно без отсеков, поскольку борта, не поддерживаемые плавучестью воды, обладают меньшей прочностью, чтобы выдерживать его вес по длине. Тем не менее, учитывая все обстоятельства, железо стало настолько популярным при строительстве больших кораблей, что его гораздо чаще используют для этой цели, чем дерево.

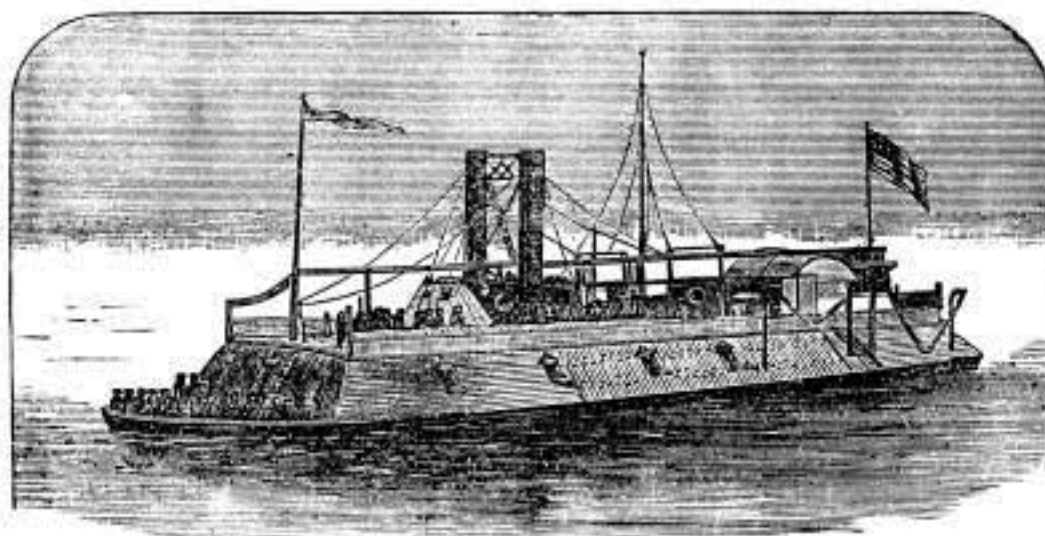
При строительстве железного корабля военно-морской архитектор рисует свои планы и отправляет строительные чертежи на чугунопрокатный стан, где каждая пластина имеет точную кривизну и размеры. Отверстия для заклепок пробиваются с помощью специального оборудования, после чего пластины готовы к сборке. Корпус судна сделан из железных прутьев, склепанных вместе, а пластины приклепаны к железным вертикальным ребрам, причем каждая пластина накладывается на предыдущую. Ребра расположены на расстоянии от десяти до восемнадцати дюймов друг от друга, и вся конструкция сделана из железа. Простота конструкции железного корабля такова, что, когда пластины готовы, его можно собрать с поразительной быстротой.

МОНИТОРЫ.

ПЛАНЫ МОНИТОРА.

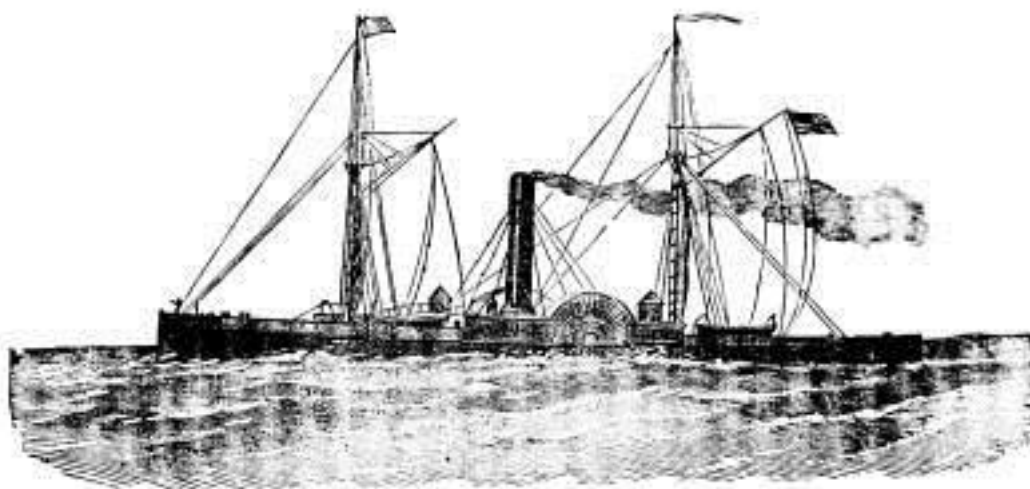

СЕНТ-ЛУИС.

Для строительства военных кораблей почти полностью используется железо, и опыт нашей последней войны почти полностью изменил методы и теории ведения морской войны. Огромный фрегат, имеющий тяжелое вооружение из множества пушек и укомплектованный тысячей человек, был заменен небольшим судном — настолько низко сидящим в воде, что оно выступает над ней всего на несколько дюймов, несущим только одно орудие или, самое большее, только два, которые очень крупного калибра и установлены во вращающейся башне в середине судна. Общее описание Монитора, согласно которому это была коробка из-под сыра на плоту, точно описывает их внешний вид.

С появлением "монитора" в качестве боевого корабля в военно-морской войне произошли кардинальные изменения. Большой корпус старых кораблей представлял собой лучшую

мишень для тяжелых орудий этого нового судна, в то время как его собственный небольшой выступ над водой и тот факт, что его двигатели и пропеллер были покрыты водой, обеспечивали ему почти абсолютную защищенность от орудий противника. Даже если в него попадали, круглая форма его обитой железом палубы и вращающаяся башня заставляли шары отскакивать, не причиняя особого вреда. В октябре 1861 года, через сорок пять дней после закладки киля, "Сент-Луис" был спущен на воду, став первым обшитым железом кораблем, принадлежащим Соединенным Штатам. Другие суда аналогичной конструкции были быстро доведены до завершения строительства, и эти обитые железом речные суда приступили к выполнению своей задачи по открытию судоходства по Миссисипи. "Сент-Луис" был построен в одноименном городе мистером Джеймсом Б. Идсом из этого города.

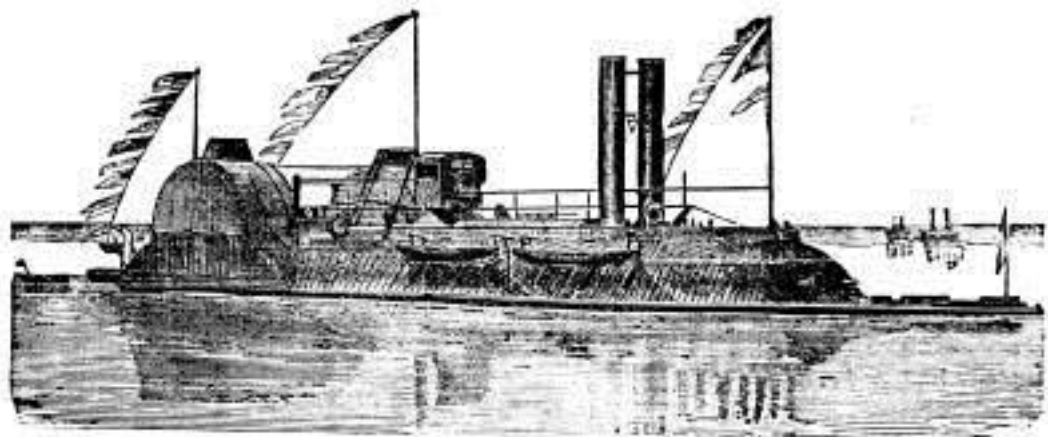
ДВОЙНОЙ КОНЕЦ.

Порезы повторяют форму некоторых железных судов, построенных для использования на западных реках, где из-за мелководья было необходимо, чтобы судно не набирало слишком много воды.

По тем же причинам были построены "оловянные плиты", как их называли из-за тонкости пластин, которыми они были покрыты. Таким же образом были сконструированы и "дабл-эндеры", позволяющие при необходимости ориентироваться в любом направлении в узких и извилистых речушках, где наш военно-морской флот проделал такую замечательную работу во время войны.

Использование тяжелой артиллерии в морской войне также привело к значительным изменениям в конструкции других военно-морских кораблей, помимо мониторов. Чтобы избежать повреждений, наносимых тяжелой артиллерией, была предложена идея покрыть их железом. Наиболее масштабные эксперименты такого рода проводились в Англии, но не с самым отрядным успехом. Было обнаружено, что железная обшивка делала корабли слишком тяжелыми, если ее делали достаточно толстой, чтобы эффективно обслуживать. В бурном море суда кренились так сильно, что были почти неуправляемы, в то время как вес обшивки по бокам действовал как рычаг, разрывая корабли пополам, так что они считались почти небезопасными. Кроме того, один из них во время своего пробного рейса

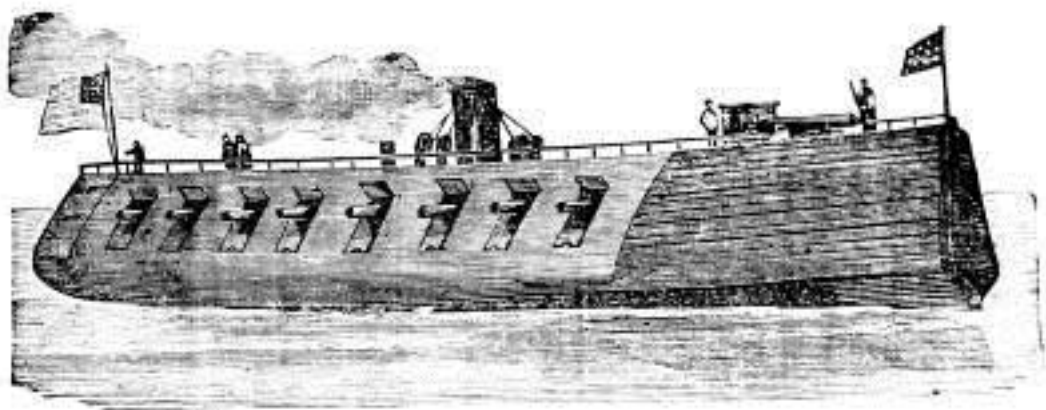
перевернулся и затонул со всем экипажем, доверие общественности к ним как к исправным судам было полностью утрачено; и преимущество бронированных больших военных кораблей все еще может рассматриваться как открытый вопрос.

МИННЕХАХА, ИЛИ ПОКРЫТЫЙ ЖЕСТЬЮ.

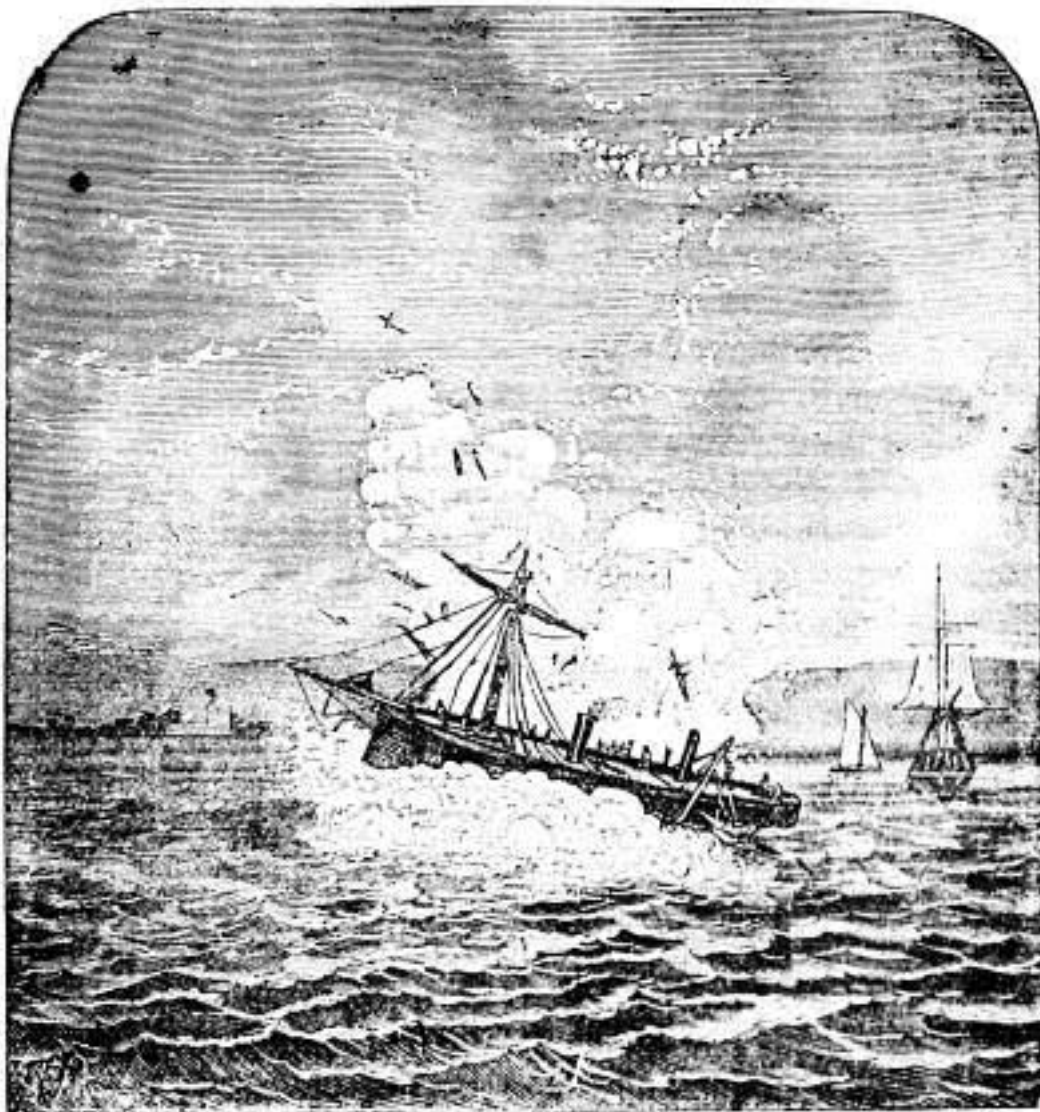
Также было высказано предположение, что военные корабли должны быть снабжены острым стальным клювом и такими мощными двигателями, которые должны обеспечивать им большую скорость, и, совершенно не полагаясь на использование своих пушек, должны использоваться в качестве таранов для столкновения с противником и его сокрушения. Это предложение, которое практически возвращается к практике древних до изобретения пороха или пара, однако, еще никогда не было осуществлено на практике. Таким образом, на данный момент наиболее исправными современными боевыми кораблями являются мониторы. Самый большой и дорогой из них, "Дандерберг", был достроен только после окончания войны и был продан с согласия правительства его строителем России за 1 000 000 долларов и благополучно пересек Атлантику, что показало, что он годен к плаванию и заслуживает большего доверия, чем любой из бронированных кораблей, построенных английским правительством.

В наше время также уделяется внимание строительству судов, которые должны управляться под водой. Фултон, чье имя неразрывно связано с появлением парохода, предпринял первую в истории попытку в гавани Бреста, на западном побережье Франции, в 1801 году по приказу Наполеона I. взорвать английский корабль торпедой - боевым оружием, которое, как говорят, было впервые предложено Франклином, экспериментировавшим с ним во время Революции. В этой попытке Фултон использовал подводную лодку своего собственного изобретения, модель и конструкция которой никогда не были обнародованы. Его попытка оказалась безуспешной, и проект был заброшен, поскольку Наполеон отказался от своей поддержки этого плана.

БАРАН АЙРОНСАЙДС.

Во время нашей последней гражданской войны, когда гавань Чарльстона, Южная Каролина, была блокирована кораблями национального военно-морского флота, а бомбардировка форта Самтер продолжалась, осажденные предпринимали попытки уничтожить корабли блокады торпедами, которые должны были быть закреплены подводным кораблем. Одна из таких лодок, названная "сигарной лодкой", хотя оба конца были заострены, описывается так: она была тридцати футов в длину и шести футов в ширину, выкрашенная в свинцовый цвет. Ее движущая сила состояла из шестицилиндрового двигателя, приводимого в движение валом, вращающим пропеллер. На носу у нее был железный бушприт, устроенный таким образом, что его можно было опустить на необходимую глубину, и на конце его была закреплена торпеда. На плаву только около пятнадцати футов ее длины выступали примерно на четырнадцать дюймов над водой. В качестве топлива она использовала антрацитовый уголь и развивала скорость около шести миль в час. Ее водоизмещение составляло около семи или восьми тонн, и на этом корабле лейтенант Гласселлс из Вирджинии вызвался атаковать "Айронсайдс", закованный в железо, который был самым мощным кораблем в то время на плаву в военно-морском флоте, водоизмещением от трех до четырех тысяч тонн. "Айронсайдз" был очень хорошо вооруженным кораблем, оснащенным одиннадцатидюймовыми орудиями и способным дать самый тяжелый бортовой залп, когда-либо выпущенный с одного корабля. В ночь на шестое октября 1863 года лейтенант Гласселлс отправился в свою экспедицию с одной из пристаней Чарльстона. Небо было затянуто облаками, и ночь была очень темной. Его экипаж состоял из кочегара и пилота, а его наступательное вооружение состояло из торпеды на позиции и двустольного охотничьего ружья. Когда его спросили, почему он взял с собой оружие в такую экспедицию, он ответил: "Вы знаете, я служил в военно-морском флоте Соединенных Штатов, и я не стану нападать на своих старых товарищей как наемный убийца. Я окликну их и выстрелю в них из этого оружия, а затем позволю торпедой делать свое дело как открытому и объявленному врагу". Эта речь - прекрасный образец странной смеси чести и нелояльности, которая характеризовала все сепаратистское движение. Этот лейтенант мог дезертировать из своего флота, мог поднять оружие против своей страны, но не мог напасть на один из ее кораблей, предварительно не предупредив экипаж.

ВЗРЫВ ТОРПЕДЫ.

"Сигарный катер" бесшумно шел своим курсом, пока не оказался примерно в пятидесяти ярдах от "Айронсайдов", никем не обнаруженный. Все на огромном корабле казалось тихим, как могила. Внезапно, в ночной тишине, лейтенант кричит: "Эй, на корабле!" "Куда плывем?" - таков ответ. "Мы пришли атаковать вас", - кричит лейтенант, одновременно стреляя из охотничьего ружья, проверяя двигатель и направляя торпеду. Он ударил, но прежде чем "сигарная лодка" успела удалиться, с булькающим грохотом она взорвалась. Взрыв прозвучал как выстрел из подводного ружья. Вода, смешанная с пламенем, в результате взрыва поднялась далеко над планширями корабля и, подняв нос меньшего судна, потоками хлынула обратно через дымовую трубу, потушив пожары и сделав "сигар-бот" беспомощным.

На мгновение все на борту "Айронсайдов" пришло в замешательство, но дисциплина военно-морского флота соответствовала чрезвычайной ситуации. Барабаны били на полную катушку, орудия были приведены в боевую готовность, и морская пехота вела непрерывный огонь по маленькому суденышку, которое теперь беспомощно плавало в море. Лейтенант Гласселлс прыгнул в воду, спасаясь от града ядер; пилот последовал за ним, но кочегар остался на своем посту, пока лодка дрейфовала прочь от опасности. Затем Гласселлс позвал на помощь; морские пехотинцы прекратили огонь, и небольшая лодка с "Айронсайдз" спасла его из воды. Пилот поплыл обратно к "сигарной лодке", и они с пожарным вытащили ее на берег, снова разожгли огонь и спаслись в Чарльстоне. Впоследствии Гласселлса отправили

на Север, и в заключении его здоровье пошатнулось. Айронсайдз был достаточно поврежден взрывом, чтобы его отправили со своей станции на ремонт. Если бы торпеда попала в нее ниже, считается вероятным, что она была бы потоплена.

Другой торпедный катер также был построен в Чарльстоне по другой модели. Он назывался "рыбацкая лодка". Он был построен из котельного железа, имел тридцать футов в длину, пять футов восемь дюймов в глубину и около четырех с половиной футов в ширину в середине судна. Его средняя часть представляла собой эллипс, уплощающийся до клиновидной формы с обоих концов, которые были одинаковы. Он был предназначен для того, чтобы подниматься или тонуть в воде, как рыба, и для этого его удельный вес должен был быть равен удельному весу воды. При плавании под водой лодку также нужно было держать на ровном киле. На ее бушприте, выступавшем на десять футов, была закреплена торпеда, и, чтобы уравновесить сто пятьдесят фунтов, которые она весила, такое же количество балласта было уложено на корме. В десяти футах от носа у нее было два железных плавника, по одному с каждой стороны, около четырех футов в длину, семи дюймов в ширину и трех восьмых дюйма в толщину. Эти плавники были прикреплены к дюймовому железному стержню, проходящему через водонепроницаемые фитинги по бокам судна, и снабжены рукояткой внутри, так что плавниками можно было управлять в любом направлении или под любым углом, выталкивая судно на поверхность, или под воду, или вперед, или назад. Работая ими также в противоположных направлениях, судно можно было поворачивать, как гребную лодку, подтягиваясь одним веслом и подпирая воду другим. На корме, на полпути между верхом и днищем, она была снабжена гребным винтом, приводимым в движение валом, водонепроницаемым и приводимым в движение вручную внутри трюма. На палубе были два круглых люка, или люковых отверстия, примерно в десяти футах друг от друга, снабженных пластинами из такого толстого стекла, какое используется в боковых проходах для освещения подвалов, вставленных в железные рамы, работающих на петлях, закрепленных изнутри и водонепроницаемых при закрытии. Между этими люками находились две гибкие воздушные трубы с герметичными клапанами, так что, находясь в фюте от поверхности, открыв клапаны, можно было втягивать в трюм свежий воздух. Команда зависела от сильного движения своих шляп, когда клапаны были открыты, создавая ток, достаточный для вытеснения загрязненного воздуха и подачи свежего.

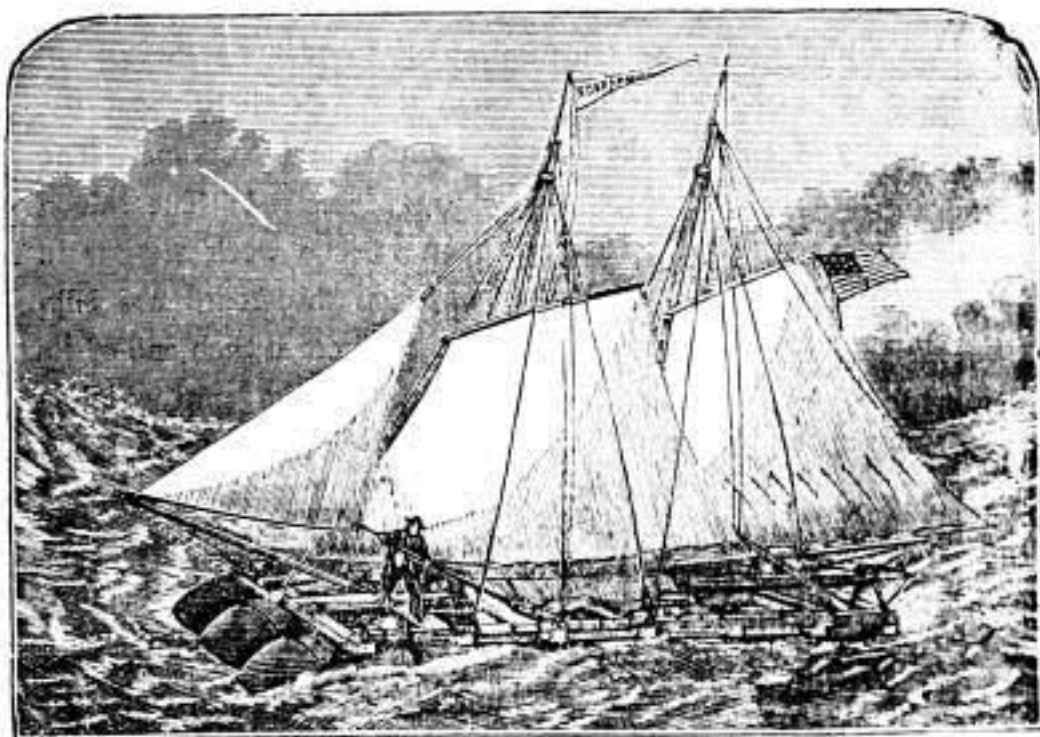
Когда лодка была закончена, в ходе первого эксперимента, проведенного с ней, она несла экипаж из восьми человек и перемещающийся балласт из железных пластин. Она отошла от причала, прошла вниз по реке, едва показав верхушки люков, нырнула под корабль, лежащий в потоке, поднялась на другом берегу и вернулась к причалу. Это было успешно сделано во второй раз, когда начальник экипажа покинул ее по какой-то причине, а остальные мужчины, хотя и не привыкли к такой работе, взялись проводить эксперимент в одиночку. Она съехала, нырнула вниз, но так и не вынырнула. Примерно через две недели ее нашли, подняли, мертвецов убрали, а все внутри продезинфицировали, вычистили и покрасили в белый цвет. Во время второго испытания она наполнилась так же, как и экипаж, и затонула. Капитан и еще один человек спаслись, но остальная команда, состоящая из пяти человек, утонула в ней. Другой экипаж вызвался укомплектовать ее, и в ночь на 17 февраля 1864 года она отправилась с острова Салливан, куда бежала со своей якорной стоянки, чтобы атаковать блокирующий флот, неся торпеду, прикрепленную к ее бушприту.

В течение всей ночи продолжался обстрел города, и о рыбацком судне ничего не было слышно. На следующее утро над побережьем повис густой туман, рассеявшийся около восьми утра, и было обнаружено, что военный шлюп "Хаусатоник" затонул на глубине около шести морских саженей в воде, а его команда в целях безопасности копошилась в снастях.

Рыбацкая лодка погубила ее и при этом погубила саму себя. Это был первый случай, когда она была использована для подрыва торпеды, и предполагается, что причиной ее разрушения было следующее: вес торпеды на ее бушприте был уравновешен перемещающимся балластом на корме, и таким образом она удерживалась на ровном киле. Однако, как только торпеда попала в цель и взорвалась, равновесие было нарушено, ее носовая часть была поднята весом на корме, управление было потеряно, и "Хаусатоник", затонувший из-за повреждений, нанесенных ему взрывом, осел на "рыбацкую лодку" и унес ее и ее команду на дно.

Какими бы катастрофическими ни были эти попытки подводного плавания, все же они являются наиболее успешными из когда-либо предпринятых. Мы видели и другие случаи, когда люди для других целей, помимо войны, могли спускаться под поверхность моря и оставаться там довольно долго, не причинив себе вреда; но их приспособления не являются судами, предназначенными для плавания.

Давайте тогда перейдем от этого рассказа о том, как человеческая изобретательность использовалась для изобретения средств уничтожения людей, к рассмотрению новых приспособлений, созданных для их удобства или безопасности при пересечении моря. Одним из наиболее полезных из них является спасательный плот, или болса, один из которых представлен в нашем разрезе. Он состоит из трех эластичных цилиндров, изготовленных из индийской прорезиненной ткани, каждый длиной двадцать пять футов. Пустые, они легко упаковываются в очень маленький компас. Для использования их надувают и прикрепляют к подготовленному месту. На снимке изображен корабль, который пересек Атлантику в 1867 году и прибыл в Саутгемптон 25 июля, отправившись из Нью-Йорка за сорок три дня до этого. Она была оснащена двумя мачтами, закрепленными на мачте, а ее экипаж состоял из трех человек: Джона Уилкса, Джорджа Миллера и Джерри Маллина. Мехи для наполнения баллонов, если они им понадобятся, были важным предметом в ее грузе. Команда несла попеременную вахту, спя по очереди в палатке, расстеленной на платформе. Свой запас воды они несли в бочках. Эксперимент по пересечению Атлантики был проведен, чтобы показать безопасность построенного таким образом плота.

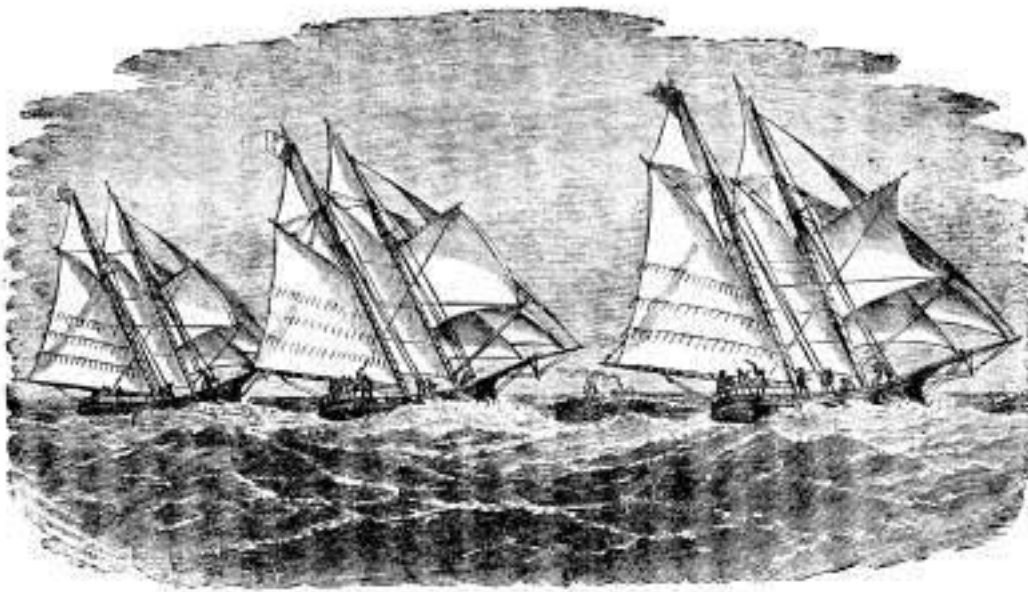

СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ.

Для достижения скорости и, таким образом, уменьшения скуки и риска атлантического путешествия мистер Винанс из Балтимора изобрел лодку сигарообразной формы, как ее называют, хотя она заострена с обоих концов. Различные причины до сих пор препятствовали его последнему эксперименту с лодкой, но он надеется, что сможет развивать на ней среднюю скорость не менее восемнадцати миль в час.

Пересечение Атлантики стало настолько обычным делом, а морская болезнь делает путешествие таким неприятным и опасным для многих людей, что внимание было обращено на изобретение метода конструкции, который устранил причину этого недуга, поддерживая салон всегда на одном уровне, несмотря на качку судна в открытом море. мистер Бессемер, изобретатель нового процесса выплавки стали, изобрел лодку, которую он сейчас строит, и которая, по его мнению, позволит вполне реально пересечь Атлантику без необходимости отдавать обычную дань уважения старому Нептуну. Общую идею его корабля можно описать так: салон для пассажиров должен быть уравновешен на каркасе, аналогичном по принципу тому, с помощью которого поддерживаются лампы на борту судна. Внешний круг качается на шарнирах на каждом конце своего диаметра, а внутри другого круга находится лампа, которая поворачивается на шарнирах под прямым углом к тем, что находятся в первом. Однако в этом случае судно может качаться, лампа остается перпендикулярной, круги подстраиваются под движение судна. Эта идея должна быть применена при строительстве салона, чтобы он постоянно оставался на одном уровне, а поскольку у мистера Бессемера достаточно денег, чтобы построить дюжину кораблей для эксперимента, публика может ожидать, что вскоре услышит об испытании. Сообщается, что первое судно такого типа находится на стапелях и быстро приближается к завершению строительства. Это не единственный тип судна, предложенный для предотвращения морской болезни. Русский, М. Александровский, предлагает новую форму стационарного судового салона, который отличается от салона мистера Бессемера тем, что кабина плавает в виде резервуара, расположенного между двигателями, а не подвешивается на шарнирах. Утверждается, что это изобретение было испытано Военно-морским ведомством России и, как сообщается, было признано полностью удовлетворительным, поскольку качка судна полностью устранена. При успехе того или иного из этих планов океанское путешествие, даже в бурном море, превратится в увеселительную поездку, подобную плаванию на раскрашенном корабле по раскрашенному океану; дикость шторма даже может стать просто захватывающим зрелищем, как просмотр представления урагана в театре, с дополнительным преимуществом в том, что оно будет реальным и похожим на жизнь.

Возможно, перемена, произошедшая в нашем отношении к океану, больше проявляется в современном яхтинге, чем в чем-либо другом. Идея совершить путешествие через Атлантику больше не считается почти безрассудной затеей, но даже наши яхты превратили ее в поле для своих гонок, и состязания через Атлантику не стали чем-то необычным. Владение яхтами стало настолько распространенным явлением среди наших богачей, что яхтостроение стало обычной отраслью военно-морской архитектуры, и в их модели постоянно вносятся усовершенствования, а их оснащение демонстрирует все большую роскошь. Джордж Стирс, которого уже упоминали ранее за его усовершенствования модели парохода, впервые прославился постройкой яхты America, которая была отправлена в Англию и оказалась самым быстрым судном в регате по случаю первой Всемирной выставки в Лондоне. Эта яхта после ее победы была куплена англичанином и больше никогда не использовалась, оставленная гнить у причалов. Однако она изменила модели яхт в Европе.

ГОНКА ОКЕАНСКИХ ЯХТ. — "ГЕНРИЕТТА", "ВИСТА" И "ФЛИТВИНГ".

Яхтенная гонка через Атлантику стала одной из сенсаций 1866 года. В соревновании участвовали три яхты: "Генриетта", "Флитвинг" и "Виста". Они отплыли из Сэнди-Хук однажды в декабре, и хотя сезон был необычайно штормовым, и они почти на всем пути сталкивались со штормами, так что часто им приходилось плыть с голыми шестами, а "Флитвинг" потерял нескольких своих матросов, которых смыло за борт, все же они благополучно прибыли в Каус в тот же день, после четырнадцатидневного плавания, "Генриетта" выиграла гонку на пару часов. Эта яхта принадлежала Джеймсу Гордону Беннетту-младшему, сыну владельца New York Herald. Во время войны ее владелец добровольно предложил ее правительству, и она сослужила хорошую службу. После победы мистер Беннетт продал ее за 15 000 долларов и приобрел Fleetwing за 65 000 долларов, переименовав ее в Dauntless. Эта яхта в другой океанской гонке в 1870 году уступила английской яхте Cambria. Эти цены показывают стоимость поиска удовольствий на яхте, и все же это только одна статья расходов. Содержание одного из судов обходится дороже, чем расходы большинства домохозяйств в стране. Необходим экипаж из пяти человек, и, учитывая все обстоятельства, возникает вопрос, не проявляет ли любитель моря и плавания под парусом на обычной парусной лодке, которой он и один-два друга достаточно компетентны в управлении, более реального интереса и удовольствия, чем владельцы самых роскошно обставленных яхт в мире. Однако, как прогулочные суда, яхта - это все, что можно пожелать. На многих из них есть просторные салоны; их каюты почти всегда обшиты панелями из дорогих пород дерева и роскошно обставлены, и в них даже проведен газ. Подсчитано, что яхты одного только нью-йоркского клуба стоили более 2 000 000 долларов, а яхты всей страны - около 5 000 000 долларов. Многие из этого - простая роскошь показухи; но по мере того, как настоящие удовольствия, связанные с посещением таким образом далеких стран, станут цениться все больше, от большей части этих глупых трат придется отказаться.

ГЛАВА LVIII.

НАШИ ЗНАНИЯ О ЗЕМЛЕ И МОРЕ —КАК ОНИ УВЕЛИЧИЛИСЬ—ЗЕМЛЯ — ДОЧЬ ОКЕАНА—
МНЕНИЕ НАУКИ—СРЕДНЯЯ ГЛУБИНА ОКЕАНА—ПРОТЯЖЕННОСТЬ ОКЕАНА—ЕГО ОБЪЕМ—
УДЕЛЬНЫЙ ВЕС МОРСКОЙ ВОДЫ—СОСТАВ СОЛЕНОЙ ВОДЫ—СЕРЕБРО В МОРЕ—МОРСКИЕ
ВОЛНЫ—ОКЕАНСКИЕ ТЕЧЕНИЯ—ПРИЛИВЫ—АКВАРИУМ—СОВРЕМЕННАЯ КОММЕРЦИЯ—
РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИРА.

На предыдущих страницах факты были приведены во всеобъемлющей, хотя и сжатой форме, что позволяет нам увидеть, как шаг за шагом каждый из них стал возможным только после того, как были предприняты предыдущие. Человечество приобрело знания о очертаниях моря; о форме самой земли; об относительном положении, занимаемом водой и сушей; об их воздействии друг на друга, и, таким образом, усилиями предыдущих поколений был подготовлен путь для научных методов исследования, которые характеризуют современную эпоху. Отважные путешественники древности, которые, какими бы отважными они ни были, вряд ли были достаточно смелы, чтобы рисковать в своих открытых лодках, приводимых в движение только веслами, вне поля зрения суши, не могли себе представить, что люди, подобные им, когда-либо смогут строить корабли, подобные тем, которые строят современные нации, на которых, приводимые в движение паром, можно совершать путешествия через океаны, и вне поля зрения суши их курс по непроходимым водам будет точно и достоверно направляться в любую желаемую точку по компасу и наблюдениям за движением звезд.

Благодаря экспериментам и наблюдениям весь аспект и концепция океана изменились в наше время по сравнению с той, которая преобладала в древности или даже совсем недавно, вплоть до нескольких прошлых поколений. Хотя в изучении океана было сделано многое для получения правильного представления о его влиянии на общую экономику земного шара, все же еще многому предстоит научиться. Среди древних в их космогониях обычно провозглашалось, что твердые части мира были созданы океаном. "Вода - главнее всего", - говорит Пиндар; "земля - дочь океана", - таково мифологическое утверждение, общее для первобытных народов. Хотя это поэтическое выражение было просто основано на смутной традиции и вряд ли может быть воспринято как результат какого-либо методического изучения земли, все же современная наука стремится показать, что это действительно так. Океан породил твердую сушу. Изучение геологии, квалифицированный

осмотр различных слоев суши — горных пород, песка, глины, мела, конгломератов — доказывает, что материалы континентов были в основном отложены на дне моря и подняты до их нынешнего состояния химическими или механическими средствами, которые постоянно работают в огромной лаборатории природы.

Многие горные породы, как, например, граниты Скандинавии, которые, как считалось ранее, были выброшены в расплавленном и пластичном состоянии из недр земли, где они подверглись действию сильного тепла, предположительно существовавшего в центре земли, теперь считаются на самом деле древними осадочными слоями, медленно отложившимися морем и поднятыми в результате сжатия земной коры или какой-либо другой силы, действующей из центра. На склонах гор или на их вершинах, находящихся сейчас на высоте тысяч футов над уровнем океана, можно обнаружить несомненные следы действия моря. И современный научный наблюдатель видит вокруг себя свидетельства того, что огромная работа по созданию континентов, начатая морем в самые ранние периоды времени, продолжается и сегодня без отдыха или перерывов и с такой энергией, что даже в течение короткого периода одной жизни можно увидеть, как произошли великие изменения. То тут, то там видно, что побережье, подвергающееся избиению крепостных, медленно подрывается, разрушается, стирается и уносится прочь, в то время как в другом месте материал откладывается морем, и застраиваются песчаные пляжи или мысы. Образуются также новые породы, отличающиеся по внешнему виду и строению от тех, которые были стерты. Но помимо этого воздействия моря на побережья, постоянно меняющего конфигурацию суши, современные наблюдения показали нам, что животная жизнь является агентом, постоянно действующим в самом море, при формировании новых земель. Бесчисленные мельчайшие формы жизни, которыми кишит море: коралловые полипы, раковины, губки и всевозможные животные, постоянно поглощают пищу, которую они находят, размножаются и умирают. Из различных веществ, приносимых в океан реками суши, они выделяют свои раковины или другие покровы; и по мере того, как поколение за поколением они умирают, они, опускаясь на дно, образуют огромные берега, или равнины, которые в результате какого-нибудь будущего землетрясения поднимутся над поверхностью, чтобы образовать материал для новых континентов или островов.

Таким образом, в то время как океан подготавливает материалы для будущих континентов в своих недрах, он также поставляет воды, которые размывают уже существующие земли. С точки зрения современной науки, гранитные вершины, покрытые снегом горы, какими бы неподвижными и вечными они ни казались, постоянно разрушаются и участвуют, как и все остальное в творении, в вечном круговороте изменений, который постоянно продолжается. Из моря в результате испарения поднимаются пары, которые, конденсируясь на склонах гор, образуют ледники; и они, медленно сползая к равнинам, являются такими эффективными агентами в разрушении гор, измельчении их твердых пород и приготовлении гравия, который горные потоки разносят по равнинам. Из моря атмосфера получает влагу, которой суждено возвращаться дождем из облаков; питать ручьи, соединение которых образует реки, которым суждено снова возвращать в море воду, которую они дали, и таким образом поддерживать в едином, мощном и бесконечном круговороте воды земного шара.

Таким образом, мы в долгу перед океаном за наши реки, которые сыграли такую важную роль в геологической истории земли, в распространении флоры и фауны различных стран и в жизни самого человека. Также при изучении климата Земли и его влияния на жизнь мы обнаруживаем, что океан играет наиболее важную роль. Подобно тому, как циркуляция атмосферы смешивает нагретый воздух с экватора с воздухом из замерзших областей

полюсов, так и океанские течения циркулируют вокруг земли, смешивая контрасты климата и образуя гармоничное целое из всех различных частей. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать океан как бесплодную пустыню, какой он представлялся древним, современному мыслителю океан слой за слоем вытеснял сушу из своего недра, и теперь своими испарениями обеспечивает дожди, которые поддерживают его растительную жизнь, от которой зависит вся остальная жизнь, и создает реки и источники, которые играют такую важную роль в изменении внутренней части континентов, расположенных на наибольшем расстоянии от моря.

Средняя глубина всей массы океанических вод земного шара оценивается примерно в три мили, поскольку измерения показали, что бассейны Атлантического и Северной части Тихого океанов глубже этой глубины на сотни тысяч морских саженей. Площадь, покрываемая поверхностью океана, оценивается более чем в 145 000 000 квадратных миль, и с учетом этой оценки объем моря составляет около двух с половиной миллионов миллиардов кубических ярдов, или примерно пятьсот шестидесятую часть самой планеты. Самая высокая точка суши, возвышающаяся над уровнем моря, гораздо менее возвышена, чем дно моря, пониженное с того же уровня, так что массу суши выше этого уровня можно оценить только примерно в сороковую часть массы вод.

Удельный вес морской воды больше, чем у пресной. Это происходит из-за различных веществ, которые содержатся в растворе. Это различие варьируется в зависимости от различных морей; от количества веществ, содержащихся в растворе; от степени испарения; от размера и количества рек, впадающих в различные моря; от таяния в них льда; от течений и различных других причин. Среднее количество солей, содержащихся в растворе в морской воде, оценивается в 34,40 частей на 1000, и это среднее значение одинаково во всех морях. Количество обычной соли, содержащейся в растворе, всегда составляет чуть более трех четвертей (75,786) от общего количества минеральных веществ, содержащихся в растворе. При испарении воды содержание соли в море составляет в среднем около двух дюймов на каждую морскую сажень; так что, если бы океан высох, на дне остался бы слой соли толщиной около двухсот тридцати футов, или же вся соль моря занимала бы площадь более тысячи миллионов кубических миль. Такое огромное количество соли в море объясняет, как образовались огромные пласты каменной соли, когда обнаженные ныне земли были покрыты водой.

Помимо кислорода и водорода, составляющих его воды, море содержит хлор, азот, углерод, бром, йод, фтор, серу, фосфор, кремний, натрий, калий, бор, алюминий, магний, кальций, стронций, барий. Большую часть этих веществ можно получить из различных морских водорослей. В их золе также обнаружены медь, свинец, цинк, кобальт, никель и марганец. Железо также было получено из морской воды, и следы серебра также часто осаждаются магнитным током, возникающим между обшивкой судов и соленой водой. Хотя таким образом был обнаружен лишь незначительный след, все же было подсчитано, что все воды океана содержат в растворе два миллиона тонн серебра. В котлах океанских пароходов, использующих морскую воду, также был обнаружен мышьяк.

Морская вода также лучше удерживает растворенный воздух, чем пресная, и его количество в океанской воде обычно на треть больше, чем в речной. Она колеблется от пятой до тридцатой и постепенно увеличивается от поверхности до глубины примерно от трехсот двадцати пяти до трехсот восьмидесяти морских саженей. Однородность состава морских вод обусловлена главным образом действием волн, которые в конце концов перемешивают воду в однородную массу. Морские волны вызываются главным образом действием ветра, и этот эффект продолжается даже после того, как ветер стихает. Одно из самых грандиозных

зрелищ на море - регулярное движение волн в совершенно спокойную погоду, когда ни малейшее дуновение ветра не колышет парусов. Во время осеннего затишья под Тропиком Рака эти волны появляются с поразительной регулярностью с интервалом в двести-триста ярдов, проносятся под кораблем и, насколько хватает глаз, надвигаются и исчезают с такой же регулярностью, как борозды в поле. Такие волны вызваны регулярностью пассатов. Высота волн неодинакова во всех морях. Она больше там, где бассейн глубже по отношению к поверхности, а также потому, что вода более свежая и легче поддается порывам ветра.

Высота волн измерялась по-разному. Некоторые наблюдатели утверждали, что видели их высотой более ста футов, но от двадцати до пятидесяти футов - это примерно средний показатель наблюдений в Атлантике. Ширина волны рассчитывается как пятнадцатикратная ее высоте. Таким образом, волна высотой в четыре фута равна шестидесяти футам в ширину. Однако наклон боковых сторон волн меняется в зависимости от силы ветра и от силы вторичных колебаний воды, которые могут мешать первичным. Скорость волн только видна, как движение куска ткани, который встряхивают вверх-вниз. Плавающие объекты не меняют своего взаимного положения, а медленно, за исключением подъема и падения вместе с волной. Настоящее движение моря - это дрейфующее течение, которое медленно формируется под действием ветра, и это не быстрое, а медленное. Астроном Эйри говорит, что каждая волна шириной 100 футов, пересекающая море средней глубиной 164 морских сажени, имеет скорость почти 2100 футов в секунду, или около пятнадцати с половиной миль в час; волна шириной 674 фута, движущаяся по морю глубиной 1640 морских саженей, распространяется более 69 футов в секунду, или почти пятьдесят миль в час, и этот последний расчет можно принять за среднюю скорость штормовых волн в больших морях. Следовательно, поскольку мы можем рассчитать скорость волн по их ширине и известной глубине моря, мы можем рассчитать глубину моря по известному размеру и скорости волн. С помощью этого метода глубина Тихого океана между Японией и Калифорнией была рассчитана исходя из размера и скорости волны землетрясения, которая была приведена в движение извержением вулкана в Японии. Точность расчета была впоследствии установлена с помощью фактических зондирований.

Ранее предполагалось, что возмущение волн не проникало на глубину ниже четырех или шести морских саженей, но при дальнейшем наблюдении это оказалось ошибочным. Песок и ил были подняты с глубины в сто саженей под поверхность, и эксперименты показали, что вертикальное воздействие волн в 350 раз превышает их высоту. Таким образом, волна высотой в фут воздействует на дно на глубине 50 морских саженей, а океанский вал высотой 33 фута ощущается внизу на расстоянии 13/43/4 мили. На таких больших глубинах действие волны, возможно, мнимое, но именно этой причине мы можем приписать сильные волны, которые часто бывают столь опасны. Скрытая скала, находящаяся далеко под поверхностью, задерживает какую-то движущуюся волну и вызывает водоворот, который, поднимаясь на поверхность, производит "зыбь грунта", которая внезапно поднимается по соседству с подводными берегами и подвергает опасности корабли. Эта причина также объясняет приливы и отливы, которые, поднимаясь из глубин океана, внезапно обрушиваются на пляжи, уничтожая все, что им противостоит. Именно эта причина делает расположение маяков на некоторых рифах столь опасным. Дом Белл-Рок, расположенный на шотландском побережье, возвышается на 112 футов над скалой, и все же его часто покрывают волны и пена, даже после того, как буря утихает. Такие маяки часто смываются, как, например, маяк на выступе Майнот на побережье Массачусетса. Вследствие этого современный метод строительства этих сооружений отличается от того, который использовался ранее. Обычно их строили из цельного камня, надеясь сделать достаточно прочными, чтобы противостоять волнам. Сейчас они, как правило, строятся из железных решеток открытой конструкции, что

делает прутья настолько тонкими, насколько это соответствует надлежащей прочности, чтобы обеспечить наименьшее сопротивление стремительной воде. Этот открытый каркас поднимают достаточно высоко, если это возможно, чтобы разместить дом и фонарь выше досягаемости основной части волны.

Сила воды в таких местах огромна. Стивенсон подсчитал, что море обрушилось на маяк Белл-Рок с силой 17 тонн на каждый квадратный ярд. Известно, что у волнорезов в незащищенных местах море хватало каменные глыбы весом в тонны и швыряло их, как ребенок швырял бы гальку. В Шербуре, во Франции, самые тяжелые пушки были перемещены; а в Барра-Хед, на Гебридских островах, Стивенсон утверждает, что каменная глыба весом 43 тонны была отброшена бурунами примерно на два ярда. В Плимуте, Англия, судно весом 200 тонн было выброшено на вершину дамбы и осталось там невредимым. В Дюнкерке было обнаружено, что от ударов бурунов земля дрожит более чем в миле от берега. Результаты такого рода, на которые наше внимание обращено особо, поскольку они влияют на работу человека, показывают нам, каким должен быть эффект, производимый морем, постоянно разъедающим берег; изменяющим береговые линии; меняющим континенты и застраивающим их в других местах; и предполагают, насколько большим, чем то, что мы видим, должно было быть воздействие моря на сушу на протяжении бесчисленных веков, в течение которых оно действовало.

Течения в океане, которые составляют реальное движение его вод, очень важны при изучении влияния моря на сушу. Благодаря им осуществляется циркуляция вод земного шара. Теплая вода экваториальных областей стремится к полюсам, и устанавливается встречное движение от полюсов к экватору. С их помощью поддерживается постоянное смешивание вод на поверхности всей земли и достигается удивительное сходство различных ее частей по их составу, внешнему виду и веществам, содержащимся в растворе. Главные причины этой грандиозной циркуляции заключаются в тепле солнца и во вращении земли вокруг своей оси. По оценкам, в результате испарения вод в тропиках поверхность этой части океана ежегодно опускается более чем на четырнадцать футов. Таким образом, атмосфера не только снабжается запасом паров, которые с дождем выпадают на сушу и таким образом снова возвращаются в море, но и это понижение поверхности океана в одной части приводит к течениям, текущим из других частей, чтобы восстановить равновесие. Та же причина, приводящая также к циркуляции атмосферы, вызывает пассаты, которые способствуют возникновению течений в океане.

Теперь, когда путем изучения и наблюдений человечество пришло к представлению о форме земли, о ее общих чертах и может, в идее, охватить ее в целом, подготовлена возможность для методического изучения ее частей и их взаимосвязи друг с другом; и это тот предмет, который впервые в истории человечества предлагается физическому географу с уверенностью, что ни одно из его наблюдений не может быть потеряно, но что все они важны и каждому может быть отведено надлежащее место. Еще одно движение океана - это приливы и отливы. Для древних, не знакомых с формой земли, ее положением в пространстве или ее отношениями с другими телами солнечной системы, приливы и отливы были естественно необъяснимы. Попытаться их объяснить стало возможным только в наше время. Кеплер первым указал курс, которому следует следовать; и Декарт и Ньютон, каждый из которых дал теорию; первый - теорию давления вод; последний - теорию притяжения солнца и луны к водам. Эта последняя теория является общепринятой, поскольку она была признана удовлетворительной во многих отношениях; однако у нее все еще есть свои противники. Однако теперь, когда был открыт телеграф и таким образом появилось средство мгновенной связи между наблюдателями в удаленных точках, стало возможным

организовать одновременное наблюдение за приливами в различных местах, и в конечном итоге это будет сделано, так что теория о том, что приливы вызваны притяжением солнца и Луны, будет полностью доказана или отвергнута в зависимости от того, будет ли она найдена согласующейся с наблюдаемыми фактами.

В этой связи интересный пример того, как древние относились к явлениям природы, отличным от того, как современные люди относятся к тем же явлениям, обнаруживается в страхе древних перед двумя чудовищами Сциллой и Харибдой, которые были легендарными стражами Мессинского пролива. В настоящее время в Средиземном море нет более посещаемых проливов, чем Мессинский. Согласно проведенным там зондированиям, эти монстры были эффективно уничтожены, и известно, что водовороты возникают в результате приливов и отливов, вызывая большой поток воды, чем может вместить узкий канал. Ширина канала едва достигает двух миль, и во время отлива его часто пересекали верхом или вплавь. Прилив имеет тенденцию к северу, от Ионического до Тирренского морей, а прилив спадает в противоположном направлении. Между этими течениями существует борьба, и на их границах образуются водовороты, которых корабли избегают, но опасности нет, если только ветер не дует сильно против течения.

Помимо влияния течений и приливов океана на изменение конфигурации суши, море является домом для бесчисленных форм животной жизни, которые постоянно работают в одном и том же направлении. Верно было сказано, что говяжья кость, выброшенная за борт матросом на корабле, может образовать ядро нового континента. Целые меловые скалы Англии образовались из мельчайших раковин, отложенных мелкими животными, которые их выделяли. После их смерти они опускались на дно, и таким образом медленно, на протяжении веков, формировался осадок. Недавние глубоководные раскопки показали, что море на любой глубине полно животной жизни; и как постоянное выпадение снежных хлопьев во время зимнего шторма, нагромождаемых потоками ветра, образует наносы или, тихо падая, равномерно покрывает землю, так и море полно мельчайших раковин, которые, переносимые течениями, образуют отмели или, равномерно выпадая, подготавливают равнины, которые в будущем, при некотором поднятии, появятся и сформируют новые континенты.

В Соединенных Штатах полуостров Флорида является свидетельством существования суши, созданной трудом кораллового полипа. Флорида теперь перестала увеличиваться к востоку, поскольку с этой стороны она соприкасается с глубокими водами залива, и полипы могут жить только на мелководье. Полуостров увеличивается только на своем южном и западном побережьях. На вырезке в конце этой главы изображен внешний вид коралловых островов, когда они впервые поднимаются на поверхность, прежде чем собирающийся грунт создаст условия для покрытия их пышной тропической растительностью.

Вырезка аквариума в начале этой главы представляет собой новое приспособление современности, которое является наиболее ценным подспорьем в получении нами знаний о повадках животных, обитающих в море. В пресной воде, так же как и в соленой, взаимоотношения растительной и животной жизни служат для предотвращения застоя воды. Растения выделяют углекислый газ, который животные передают воде при дыхании, и при этом высвобождают кислород, в котором животные нуждаются. Поэтому при содержании аквариума желательным моментом является обеспечение такого естественного соотношения растительной и животной жизни, которое позволит сохранить этот баланс. Во многих крупных музеях Европы были построены большие аквариумы, и это дало возможность изучить различные формы животных, привычки растительных растений и их взаимоотношения. Некоторые из этих сооружений устроены так, что они окружают

помещение, которое получает свет только через воду в аквариумах, и таким образом зритель, не беспокоя рыб, может наблюдать, как они кормятся и выполняют все свои действия.

Благодаря такому расположению аквариумов, когда свет проходит от воды к глазу, у зрителя не нарушается зрение, как при попытке взглянуть в воду сверху, из-за преломления света. Многие из того, что было изучено в наше время относительно роста морской растительности, привычек животных, их образа жизни, их питания и их роста, было получено благодаря возможности наблюдения за различными аквариумами. Помимо положительных преимуществ, которые, таким образом, были получены от общественных аквариумов, аквариумы меньшего размера предоставляют любителю естественной истории новый и интересный способ продолжения его занятий. Таким же образом у молодежи формируются привычки к наблюдению, и справедливо полагать, что возбужденный таким образом дух исследования будет способствовать расширению знаний о явлениях жизни и их связи с условиями существования.

Именно таким путем сама раса поднялась от варварства к своему нынешнему уровню цивилизации, и с учетом новых технических средств современности, очевидно, невозможно ограничить вероятность прогресса в будущем.

Несколько фактов о масштабах нашей торговли покажут разницу в отношении к океану в наше время по сравнению с тем, что преобладало в древности; и то, как по-другому мы научились использовать его с тех времен, когда мировые обмены ограничивались несколькими каботажниками, которые едва отваживались покидать пределы видимости суши. Чтобы дать даже самое сжатое представление о сегодняшней мировой торговле, потребовался бы ряд томов; но несколько цифр, взятых из наших собственных, позволят читателю судить о том, что сейчас происходит во всем мире, объединяя самые отдаленные нации; позволяя им познакомиться друг с другом; и впечатляя их тем фактом, что только промышленностью можно достичь материальных удобств жизни, и что задача, стоящая перед человечеством, состоит в том, чтобы познакомиться с продуктами мира, с силами, театром которых она является, и научиться управлять ими для нашей собственной выгоды.

Из отчета Статистического бюро за часть 1873 года мы узнаем, что импорт и экспорт Соединенных Штатов за восемь месяцев, закончившихся февралем 1873 года, составил следующие суммы: Ввезено американскими судами - 104 891 248 долларов; ввезено иностранными судами - 317 043 490 долларов; ввезено наземными транспортными средствами - 12 356 325 долларов. За тот же период внутренний экспорт американскими судами составил в общей сложности 108 246 698 долларов; иностранными судами - 311 816 048 долларов; а наземными транспортными средствами - 5 282 949 долларов. В то же время реэкспорт иностранной продукции американскими судами составил 5 147 805 долларов; иностранными судами - 10 938 300 долларов; а наземными транспортными средствами - 1 693 795 долларов.

Количество и тоннаж американских и иностранных судов, занятых во внешней торговле, которые вошли и прошли таможенную очистку в течение двенадцати месяцев, закончившихся февралем 1873 года, были следующими: американских судов - 10 928, перевозящих 3 597 474 тонны; иностранных судов - 19 220, перевозящих 7 622 416 тонн. В отчете Бюро за 1872 год приводятся следующие общие данные о количестве судов и их тоннаже, задействованных в торговле Соединенных Штатов. На побережье Атлантического океана и Мексиканского залива - 21 940 судов, перевозящих 2 916 001 058 тонн. На Западных реках - 1 476 судов, перевозящих 354 938 052 тонны. На Северных озерах 5 339 судов,

перевозящих 726 105 051 тонну. На тихоокеанском побережье 1 094 судна, перевозящих 161 987 050 тонн.

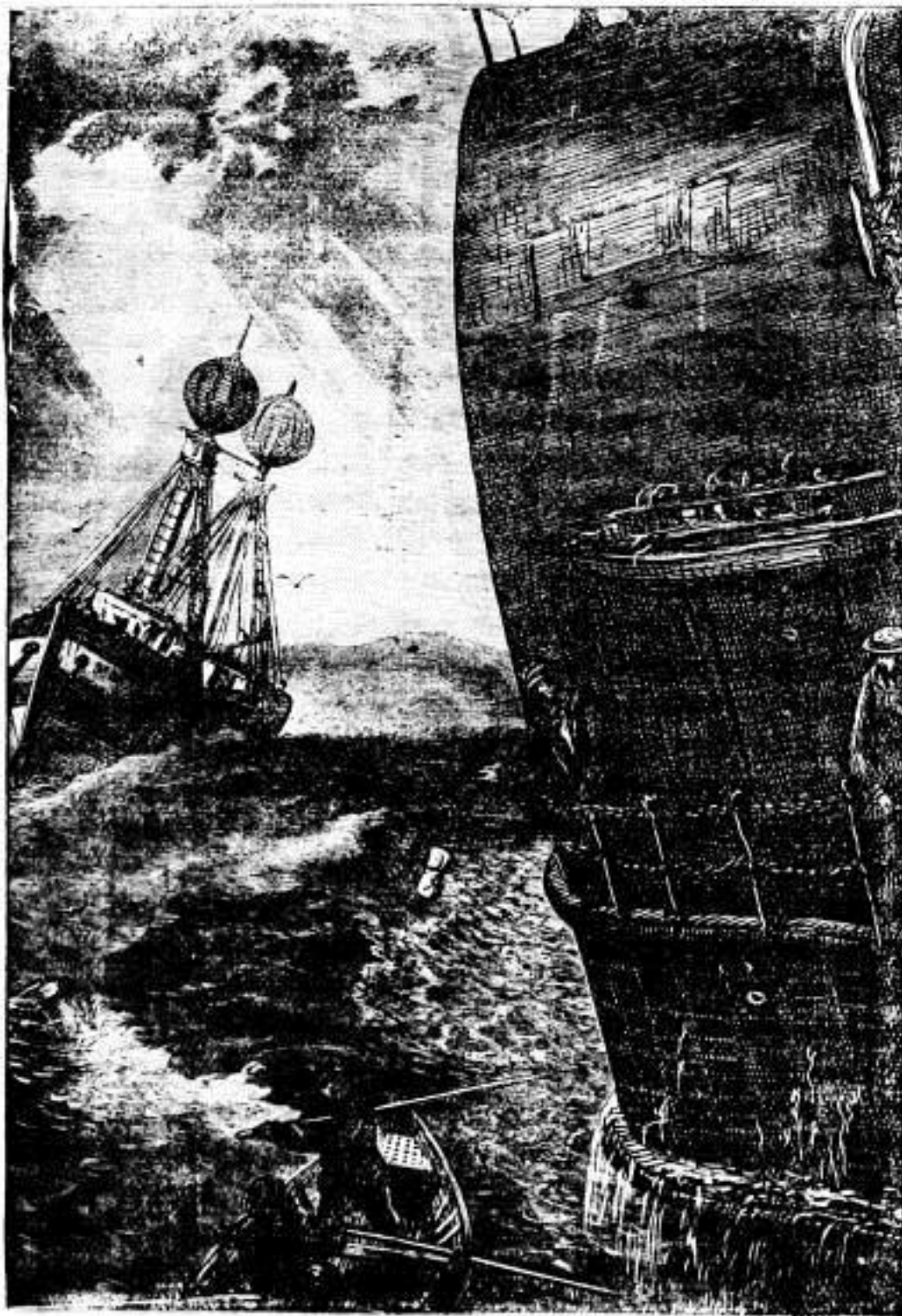
Только из порта Нью-Йорка в Европу в настоящее время курсируют тринадцать линий пароходов. Из них у Anchor line 15 пароходов водоизмещением 36 127 тонн; у Baltic Lloyds - 4 судна водоизмещением 9 200 тонн; у Cardiff (уэльская) line - три судна водоизмещением 8000 тонн; у Cunard - 23 судна водоизмещением 59 308 тонн; у Holland (прямая) line - два судна водоизмещением 4000 тонн; у General Transatlantic (французская линия) - 5 судов водоизмещением 17 000 тонн; у Hamburg - 15 судов водоизмещением 45 000 тонн; у Inman line - 12 судов водоизмещением 34 811 тонн; у Liverpool и Great Western line - 7 суда водоизмещением 23 573 тонны; Северогерманская линия насчитывает 20 судов водоизмещением 60 000 тонн; Национальная линия насчитывает 12 судов водоизмещением 50 062 тонны; Государственная линия насчитывает 3 судна водоизмещением 7500 тонн; и Уайт Стар лайн насчитывает 6 судов водоизмещением 23 064 тонны. Помимо этих судов, тринадцать компаний строят еще от 30 до 40 пароходов для удовлетворения спроса на грузовые перевозки.

Таким образом, океан превратился почти в паровой паром; почти каждый день пароход отправляется в Европу. Зная о том, как далеко мы продвинулись в знакомстве с океаном, было бы неплохо на мгновение задуматься о том, как много нам еще предстоит исследовать. В средние века и даже вплоть до наших дней карты мира изображали все неизвестные земли населенными чудовищами; но каждое путешествие, совершаемое первооткрывателями, сужало границы этих басен, пока они, наконец, почти не исчезли. До сих пор на Северном полюсе и в регионах Антарктики районы, простирающиеся на площади 2 900 000 и 8 700 000 квадратных миль соответственно, до настоящего времени оставались не посещенными. Айсберги и горы льда помешали нам провести точные исследования. Трудности такого моря хорошо показаны на прилагаемом рисунке.

Открытия также должны быть сделаны во внутренних районах Африки, Азии, Южной Америки и Австралии, прежде чем цивилизованная часть человечества сможет претендовать на полное знание земли, места их общего обитания. Однако с каждым годом неисследованные участки становятся все меньше и меньше, так что мы вправе полагать, что в конечном итоге весь мир будет известен нам из реальных наблюдений.

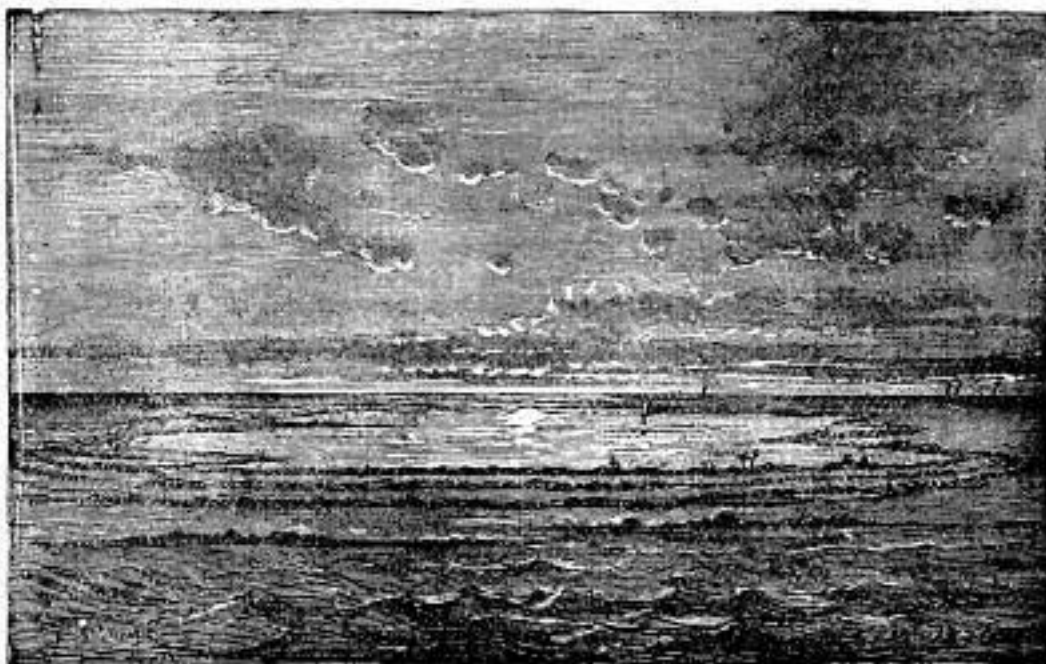
ПОЯВЛЕНИЕ ЛЬДА.

ЛЕГКИЙ КОРАБЛЬ И ПРИБЛИЖАЮЩЕЕСЯ СУДНО.

Другое отличие, к которому привело наше расширенное познание мира, заключается в следующем: моряк, приближающийся к неизвестному побережью, не боится встречи с чудовищами, но высматривает маяк, легкие суда, буи и другие свидетельства цивилизации, с помощью которых путешественнику указывают на опасности побережья. В отличие от некоторых из уже приведенных изображений, изображающих приближение к земле первых исследователей, иллюстрация легкого корабля покажет, насколько по-разному сегодняшнее

путешествие приближается к своему завершению. Вместо того чтобы высматривать врагов и готовить оружие к применению, готовят пачку газет и писем, а новостной катер, который лежит наготове, спешит схватить их и поспешить с ними распространить новость о еще одном благополучном прибытии. Таким образом, наука, которая постепенно готовит средства для превращения земного шара в единый великий организм на благо человечества, указывает путь к тому, чтобы сделать его обителью той гармонии, мира и изобилия, о которых мечтали поэты всех времен. Для этого необходимо только, чтобы наш моральный прогресс шел в ногу с нашим прогрессом в знаниях. Земной шар никогда не станет обителью совершенной гармонии, пока люди не объединятся во вселенскую лигу справедливости и мира. И то, что было здесь написано, покажет, насколько важную роль сыграл океан в достижении этого самого желанного результата.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ.

СНОСКИ:

[1] Поздняя французская биография Колумба, произведение глубокого исследования и эрудиции М. Розелли де Лорга, без всяких придилок доказывает точность этого утверждения. Работа, о которой идет речь, была опубликована под покровительством папы Римского.

[2] Этот участок, так густо заросший водорослями Персидского залива и занимающий площадь, равную по протяженности долине Миссисипи, с тех пор португальцы называют Саргассовым морем. Он все еще существует в том же месте, и если мы сейчас очень мало слышим о нем, то это потому, что мореплаватели научились избегать его. Лейтенант. Мори объясняет его существование следующим образом: "Клочки этого сорняка всегда можно увидеть плывущими по Гольфстриму. Теперь, если положить в таз кусочки пробки, или мякины, или любого плавающего вещества и придать воде круговое движение, все легкие вещества будут скапливаться около центра бассейна, где наблюдается наименьшее

движение. Точно таким бассейном является Атлантический океан до Гольфстрима, а Саргассово море является центром водоворота. Колумб обнаружил это заросшее водорослями море во время своего открытого путешествия, и там оно сохранилось до наших дней".

[3] Мистер Джон Маллали.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

— Исправлены очевидные ошибки печати и пунктуации.

—Переписчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя переднюю обложку оригинальной книги. Изображение находится в общественном достоянии.